К-107

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

168971

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1861

ЯНВАРЬ

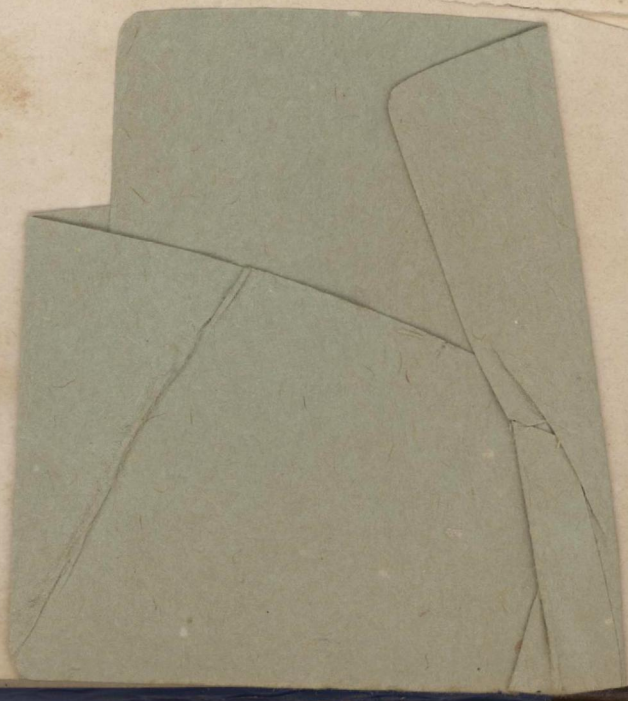
ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

59 а

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, января 10-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.



СЪ ЯНВАРЯ 1861 ГОДА БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Программа этого журнала слѣдующая:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: стихотворенія, повѣсти и разсказы на южно-русскомъ языкѣ, а также на велико-русскомъ, но изображающіе жизнь и природу южнаго края.

II. ИСТОРІЯ. Жизнеописанія. Древности. Акты историческіе и юридическіе. Старинныя записки.

III. НАРОДОПИСАНІЕ. Языкознаніе. Современный общественный и частный бытъ.

IV. ВОСПИТАНІЕ и ОБРАЗОВАНІЕ.

V. ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. МЕДИЦИНА въ примѣненіи къ южно-русскому краю.

VI. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ТОРГОВЛЯ.

VII. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ и распоряженія, относящіяся къ южно-русскому краю.

VIII. РАЗБОРЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ и указатель всѣхъ вообще книгъ и статей, также музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, предметомъ коихъ будетъ южно-русскій край.

IX. ОБЛАСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ; переписка; вопросы; замѣтки и вообще мелкія статьи.

Край, изученію котораго будетъ посвящена Основа, обитаемъ преимущественно южно-русскимъ народомъ. Хотя въ Бессарабіи, Крыму и Землѣ Войска Донскаго, преобладающее населеніе не южно-русское, но мы включаемъ и эти области въ кругъ нашего изученія, какъ потому, что онѣ не имѣютъ еще своихъ періодическихъ органовъ, такъ и потому, что онѣ находятся въ непосредственной, промышленной и торговой, связи съ прочими южно-русскими землями.

Въ іюнѣ текущаго 1860 года мы объявили въ газетахъ о своемъ предпріятіи, приглашая литераторовъ и ученыхъ къ участію въ Основѣ. Въ отвѣтъ на нашъ призывъ, многіе выразили полную готовность содѣйствовать намъ своими трудами. Ободренные сочувствіемъ людей, которые до сихъ поръ, каждый порознь, выполняли мысль, положенную нами въ основаніе нашего изданія, мы обращаемся теперь съ объясненіемъ ко всему русскому обществу.

Письменная словесность южно-русская, возродившаяся въ концѣ прошлаго столѣтія, долго была дѣломъ сомнительнымъ, и обращала на себя вниманіе критики, какъ временная прихоть двухъ-трехъ человѣкъ, пробующихъ простонародный языкъ съ его комической стороны, на потѣху людей, не слишкомъ разборчивыхъ въ своемъ чтеніи. Но произведенія этой словесности становились все болѣе и болѣе разносторонними и, наконецъ возможность ея дальнѣйшаго развитія сдѣлалась несомнѣнною для многихъ непредубѣжденныхъ умовъ. Въ наше время, число болѣе или менѣе даровитыхъ южно-русскихъ писателей увеличивается съ каждымъ годомъ; въ наше время, вопросъ — можно ли и слѣдуетъ ли писать по-южно-русски, или — что̀ все равно, — по-украински, разрѣшенъ самимъ дѣломъ. Остается позаботиться о томъ, чтобы, съ одной стороны, облегчить писателямъ обнародованіе ихъ произведеній, а съ другой—сдѣлать эти произведенія доступнѣйшими для большинства читателей. Такъ какъ въ журналахъ сѣверно-русскихъ нѣтъ мѣста сочиненіямъ на иномъ языкѣ, а наши писатели далеко не всѣ имѣютъ возможность издавать отдѣльныя книги, то значительная часть написаннаго остается до сихъ поръ въ рукописяхъ; это, естественно, замедляетъ производительность писателей и развитіе литературнаго вкуса въ южно-русскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, потребность періодическаго изданія чувствуется по отношенію даже къ произведеніямъ одной изящной словесности на родномъ нашемъ языкѣ. — Но эта словесность развивается не въ обособленіи отъ науки. Рядомъ съ нею, съ конца прошлаго столѣтія, шли изысканія историческія, экономическія, этнографическія, относящіяся къ народу, который говоритъ языкомъ южно-русскимъ, и къ самой почвѣ, на которой онъ утвердилъ вѣками свое существованіе. Труды нашихъ ученыхъ были издаваемы отдѣльными книгами, или помѣщались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, уже по однимъ издержкамъ, не для всякаго было доступно пользоваться этими трудами въ совокупности. Потребность особаго литературнаго органа сдѣлалась настоятельною и съ этой стороны. Между тѣмъ скорый обмѣнъ разнообразныхъ свѣдѣній о данномъ предметѣ, съ каждымъ годомъ дѣлается необходимѣе, — удобство и неудобство пускать въ ходъ добытую изъ жизни мысль — ощутительнѣе. Поэтому, журналъ, открытый для всякаго честнаго слова о южномъ нашемъ краѣ, во-первыхъ, облегчитъ для своихъ читателей пользованіе всѣмъ, что̀ въ настоящее время вырабатываетъ изящная словесность и наука относительно прошедшей и настоящей жизни южно-русскаго народа, и, во-вторыхъ, дастъ возможность заявлять каждую мысль, относящуюся къ насущнымъ потребностямъ всего южнаго края.

Программа Основы обнимаетъ все, что̀ можетъ занимать просвѣщенное общество по отношенію къ южно-русскому народу и къ мѣстамъ, которыя онъ болѣе или менѣе населяетъ. Считаемъ долгомъ объясниться нѣсколько подробнѣе о значеніи каждаго изъ ея отдѣловъ.

I. До сихъ поръ прошедшая и настоящая жизнь нашего народа воссоздавалась то на сѣверно-русскомъ, то на южно-русскомъ языкѣ. Вопросъ о недостаточности сѣверно-русскаго языка для изображенія Украинцевъ, поднятый въ недавнее время, рѣшитъ сама словесность. Мы открываемъ свой журналъ для художественныхъ произведеній на обоихъ родственныхъ языкахъ. Зная, какъ важно во всякомъ дѣлѣ начало, мы бу-

демъ держаться самаго строгаго выбора относительно произведеній изящной словесности на языкѣ украинскомъ. (При этомъ съ особеннымъ удовольствіемъ упомянемъ, что украинскій отдѣлъ словесности уже обезпеченъ у насъ значительнымъ запасомъ произведеній любимыхъ нашихъ писателей — Марка Вовчка и Т. Гр. Шевченка).

II. Исторія Южной Руси получила новый интересъ для всѣхъ русскихъ людей съ того времени, какъ Н. И. Костомаровъ обнародовалъ своего „Богдана Хмельницкаго“. Историкъ нашъ продолжаетъ свои занятія съ свойственною ему настойчивостію и, какъ читатели могли замѣтить изъ его статей, напечатанныхъ въ журналахъ послѣ „Богдана Хмельницкаго“, дѣлаетъ новые шаги къ уразумѣнію нашего прошедшаго. Основа исключительно избрана имъ для помѣщенія трудовъ, хранящихся у него, покамѣсть, въ рукописяхъ, а также и всѣхъ статей, которыя могутъ быть вызваны текущими явленіями литературы.

Исторія Южной Руси до сихъ поръ еще представляетъ обширную малоразработанную новь. Въ особенности недостаточно изученіе внутренняго быта страны, — безъ чего, естественно, истинная исторія невозможна. Какъ много предстоитъ еще узнать и разъяснить, можно судить по безпрестаннымъ изданіямъ, на русскомъ и польскомъ языкахъ, новыхъ историческихъ и юридическихъ документовъ, касающихся Южной и Западной Руси, и по богатствамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ оффиціальныхъ и частныхъ архивахъ, которые также обладаютъ огромнымъ множествомъ матеріаловъ. Г. Иванишевъ извлекъ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ устройствѣ древнихъ сельскихъ обществъ (*копа, купа* или *громада*), и о судебныхъ изслѣдованіяхъ и рѣшеніяхъ ихъ, въ юго-западной Руси, изъ 300 только актовыхъ книгъ, а такихъ книгъ—тысячи (1). „При взглядѣ на эту массу почти не тронутыхъ письменныхъ памятниковъ“, говоритъ г. Иванишевъ, „дѣлается понятно, почему самые важные вопросы, касающіеся внутренней жизни древней Руси остаются нерѣшенными, не смотря на добросовѣстныя усилія нашихъ ученыхъ“. Усилія ученыхъ тогда только достигнутъ цѣли, когда само общество сознаетъ важность, и для настоящаго времени, изданія памятниковъ исторической, экономической и юридической жизни предковъ. Явленія нынѣшней общественной жизни до тѣхъ поръ не будутъ уяснены и осмыслены, пока наука не выведетъ на свѣтъ всѣхъ стихій жизни минувшей, и не станутъ понятны причины разрыва съ прошлымъ; пока настоящее общество не увидитъ ясно, что было въ прошедшей жизни вреднаго общественному организму и что въ немъ было полезнаго. Такая, разумная, связь съ прошедшимъ необходима, и достойна просвѣщеннаго сочувствія: она удерживаетъ общество и отъ самообольщеній старымъ добрымъ временемъ, и отъ излишнихъ увлеченій новизною. Послѣднія вредны не менѣе первыхъ, потому что тѣ только явленія общественной жизни плодотворны, которыя возникаютъ естественно, имѣя свой корень въ явленіяхъ предыдущихъ. Поэтому-то, чѣмъ образованнѣе общество, тѣмъ сознательнѣе, тѣмъ искреннѣе и живѣе дорожитъ оно

(1) Въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ находится 6,715 актовыхъ книгъ и, сверхъ того, 377,000 отдѣльныхъ актовъ; въ Львовскомъ (бернардинскомъ) архивѣ—3,000 томовъ; въ Витебскомъ и Виленскомъ также хранятся тысячи актовъ, важныхъ для исторіи южнаго края.

памятниками минувшаго, и тѣмъ выше всѣхъ преходящихъ соображеній и увлеченій ставитъ оно *историческую истину:* исторія должна въ себѣ самой заключать свою цѣль, а не служить средствомъ для постороннихъ цѣлей.

Этимъ убѣжденіемъ будетъ руководствоваться Основа; — въ этомъ именно смыслѣ мы дорожимъ нашей исторіей, древностями, жизнеописаніями южно-русскихъ людей, (на какомъ бы поприщѣ ни совершалась ихъ общественная дѣятельность), дорожимъ разными актами, старинными записками частныхъ людей, однимъ словомъ — всѣмъ, что̀ можетъ освѣтить жизнь всѣхъ слоевъ южно-русскаго народа (1).

III. Въ послѣднее время, этнографія въ тѣсномъ смыслѣ, въ связи съ языкознаніемъ и изученіемъ современнаго общественнаго и частнаго быта, стала на степень науки и получила, въ кругу другихъ знаній, обширное примѣненіе. Безъ помощи этнографіи невозможно объяснить многихъ явленій историческихъ, юридическихъ и экономическихъ, ни уразумѣть народнаго быта и характера, слѣдовательно, независимо отъ интереса науки, этнографія должна имѣть у насъ чрезвычайно-важное, современное, значеніе.

Народъ южно-русскій отличается своеобразностью въ языкѣ, поэзіи, нравахъ, обычаяхъ, историческихъ воспоминаніяхъ, народныхъ вѣрованіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ и, вообще, во всемъ, что̀ составляетъ внѣшній и внутренній его образъ. До-сихъ-поръ знали этотъ народъ преимущественно со стороны хозяйственной; но такое народознаніе будетъ слишкомъ недостаточно при гражданскихъ отношеніяхъ, которыя наступятъ съ отмѣной крѣпостной зависимости. Окажется необходимымъ узнать не мужика, не крестьянина только, а человѣка, связь съ которымъ тогда только благодѣтельна для обѣихъ сторонъ, когда основана на взаимномъ довѣріи и пониманіи. И справедливость и общежитейскія выгоды убѣждаютъ насъ въ несомнѣнной пользѣ разносторонняго изученія народа. Не зная и ни сближаясь, нельзя ни уразумѣть его, ни дать себя понять ему; а всякія недоразумѣнія и разъединенія вредны въ общежитіи. Давно-желаемое, всегда-благотворное сближеніе съ народомъ вполнѣ достигается только посредствомъ искренняго уваженія къ его человѣческимъ правамъ, — посредствомъ прямодушныхъ къ нему отношеній, утвержденію которыхъ наиболѣе способствуетъ знаніе особенностей внѣшней и внутренней жизни народа. Мы думаемъ, что на этомъ пути этнографія принесетъ значительную пользу.

По такому соображенію, мы придаемъ особенное значеніе этнографическому отдѣлу Основы и, имѣя въ рукахъ разносторонніе народоописательные матеріалы, (въ числѣ которыхъ находится и переданное намъ П. А. Кулишемъ продолженіе извѣстныхъ „Записокъ о Южной Руси“), надѣемся сдѣлать нашъ этнографическій отдѣлъ весьма любопытнымъ.

IV. „Вопросъ жизни“ — вопросъ о воспитаніи и образованіи — одинъ изъ тѣхъ, на которые, послѣ крестьянскаго, обращено вниманіе правительства и общества. Особенное значеніе пріобрѣтаютъ, въ настоящее время, народныя училища. Заведеніе воскресныхъ школъ, есть твер-

---

(1) Обращаемся съ усердною просьбою къ частнымъ лицамъ, — въ особенности къ представителямъ старинныхъ родовъ, — сообщать намъ хранящіеся у нихъ, безплодно для науки, матеріалы, которые, по минованіи надобности, будутъ возвращаемы со всею исправностію.

дый и вѣрный шагъ къ сближенію всѣхъ слоевъ общества. Народъ это пойметъ и оцѣнитъ. Кто не пожелаетъ, чтобъ такое полезное для обѣихъ сторонъ дѣло распространилось быстрѣе изъ городовъ въ села! Обученіе народа должно сдѣлаться одною изъ важнѣйшихъ заботъ для образованной части общества. Вспомнимъ, что съ крестьянскими дѣтьми будутъ впослѣдствіи имѣть дѣло наши дѣти: почему же, хоть изъ доброжелательства послѣднимъ, не приготовить для нихъ хорошихъ спутниковъ жизни? Знаніе остается при человѣкѣ на всю жизнь: они будутъ помнить—кому имъ обязаны. Вмѣстѣ съ обученіемъ простаго народа, должно, безъ сомнѣнія, совершенствоваться, — на началахъ самодѣятельности и труда, — и воспитаніе дѣтей другихъ сословій.

Основа будетъ внимательно слѣдить за дѣйствіями общества и распоряженіями правительства на пути народнаго образованія и сообщать обо всѣхъ явленіяхъ жизни, полезныхъ или вредныхъ просвѣщенію, на всемъ пространствѣ южно-русскаго края. Усердно просимъ всѣхъ благомыслящихъ людей помогать намъ въ этомъ, избравъ нашъ органъ для сообщенія теоретическихъ и практическихъ замѣчаній о потребностяхъ образованія на югѣ; о ходѣ его въ учебныхъ заведеніяхъ и въ семействахъ; о вліяніи разныхъ системъ воспитанія и образованія на нравственное развитіе и образъ жизни учениковъ; о ходѣ женскаго воспитанія и образованія, — которое такъ важно для будущности и такъ близко каждому изъ насъ;—о предметахъ и способахъ преподаванія въ народныхъ школахъ, объ учителяхъ и ученикахъ, о числѣ тѣхъ и другихъ. Мы просимъ также сообщать намъ сочиненія, принаровленныя къ народному обученію, руководства по разнымъ предметамъ на народномъ языкѣ и т. п.; просимъ обратить вниманіе на практическое значеніе народнаго языка въ преподаваніи и проповѣди—вопросъ весьма важный и, пока, спорный единственно отъ того, что разрѣшеніе его не выведено изъ наблюденія надъ дѣйствительностью.

V. Природа южно-русскаго края до сихъ поръ слишкомъ мало изслѣдована и описана. Его географія, его естественныя богатства, условія климата и почвы и вліяніе ихъ на образъ жизни, на занятія и здоровье народа, изрѣдка были предметомъ дѣльнаго изученія и остаются мало извѣстны наукѣ, практическимъ хозяевамъ и промышленникамъ. Мы желали бы, по возможности, восполнять этотъ пробѣлъ. Зная, что нѣкоторые ученые посвящали свои труды изученію края, записывали свои наблюденія надъ народными болѣзнями и средствами леченія, надъ минеральными цѣлебными источниками и т. п., обращаемся къ ихъ просвѣщенному сочувствію съ просьбою — сообщать намъ свои свѣдѣнія для передачи обществу, которое такъ мало имѣло возможности ближе узнать южно-русскую мѣстность съ помянутой стороны.

VI. Сельское хозяйство, промышленность и торговля, въ послѣднее время, вступили на новый путь; съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости большого числа крестьянъ, произойдутъ еще болѣе значительныя перемѣны въ движеніи этихъ отраслей народной дѣятельности, преимущественно въ сельскомъ хозяйствѣ: въ помѣщичьихъ имѣніяхъ оно должно устроиваться на новыхъ началахъ. Познаніе того, что у насъ есть и чего не достаетъ намъ, въ самомъ себѣ заключаетъ уже живительную силу, отъ которой зависитъ не только наше внѣшнее благосостояніе, но и нравственное достоинство народной жизни и характера.

Мы желаемъ сдѣлать экономическій отдѣлъ Основы какъ можно болѣе полезнымъ въ практическомъ отношеніи и потому будемъ помѣщать въ немъ только такія статьи теоретическаго содержанія, которыя могутъ имѣть непосредственное отношеніе къ жизни и быть примѣнимы къ мѣстнымъ условіямъ края. Предположивъ внимательно слѣдить за ходомъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли на югѣ и представлять, по этимъ предметамъ, возможно-подробныя свѣдѣнія, мы усердно просимъ людей близко стоящихъ у дѣла, сообщать намъ предположенія о способахъ къ улучшенію и развитію сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, о различныхъ видахъ помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, а также устройства и управленія имѣніями, фабриками и заводами; о положеніи на нихъ рабочаго класса; о доходахъ отъ земледѣлія и другихъ статей, о вліяніи на хозяйство вольнонаемнаго труда; о замѣнѣ рабочей силы машинами; о примѣненіи къ мѣстному хозяйству новѣйшихъ открытій и усовершенствованій; о удобствѣ или неудобствѣ употребляемыхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, хозяйственныхъ орудій; о продажныхъ и наемныхъ цѣнахъ на земли и имѣнія вообще; о заработной платѣ; объ управляющихъ и приказчикахъ и отношеніяхъ ихъ къ рабочему народу; о разныхъ видахъ *громадського* (общественнаго) устройства, управленія и землевладѣнія; о крестьянахъ-собственникахъ; о вліяніи частной и общественной собственности у крестьянъ на хозяйство и благосостояніе; о различныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли; о способахъ сбыта разныхъ произведеній и о цѣнахъ на нихъ; о средствахъ къ улучшенію путей сообщенія, сохраненію водъ и лѣсовъ; о ремесленномъ классѣ, о мастеровыхъ и ученикахъ; о купечествѣ и мѣщанствѣ; о [illegible]макахъ и ихъ промыслѣ; о бурлакахъ и т. д.

VII. Правительственныя постановленія и распоряженія будутъ излагаться со всевозможною полнотою, такъ-что, со временемъ этотъ отдѣлъ составитъ лѣтопись законовъ и распоряженій, касающихся той или другой мѣстности южно-русскаго края. При постоянныхъ преобразовательныхъ мѣрахъ Правительства и ближайшихъ начальниковъ края этотъ отдѣлъ будетъ весьма важенъ и любопытенъ.

Въ VIII отдѣлѣ будетъ заключаться отчетъ о ходѣ нашей народной словесности, указаніе читателямъ на все достойное вниманія въ литературѣ и искуствахъ по отношенію къ южно-русскому народу, и доставленіе изучающимъ южно-русскій край возможности слѣдить за тѣмъ, что̀ печатается по этому предмету въ Россіи, Польшѣ и за-границею. До сихъ поръ не были подвергнуты подробному критическому разбору литературныя произведенія по отношенію ихъ къ прошедшей и настоящей жизни Украинца. Этотъ трудъ принялъ на себя для Основы П. А. Кулишъ и мы, съ первой книжки начнемъ печатать рядъ его статей, заключающихъ въ себѣ обзоръ литературной дѣятельности замѣчательнѣйшихъ писателей, изображавшихъ южно-русскаго человѣка какъ на великорусскомъ, такъ и на родномъ своемъ языкѣ. Параллельно съ этимъ трудомъ будетъ итти у насъ трудъ Н. И. Костомарова по предмету критики источниковъ Русской Исторіи.

IX. При помощи корреспондентовъ, которые будутъ сообщать наблюденія свои за разнообразными явленіями общественной и частной жизни, во всѣхъ слояхъ народа, отдѣлъ „областныхъ извѣстій“ и проч. можетъ сдѣлаться лѣтописью подробностей, въ коихъ отразится общее

состояніе и ходъ южно-русской жизни. Въ этомъ отдѣлѣ всякій наблюдатель можетъ быть вкладчикомъ: главную цѣну такихъ наблюденій составляло бы, разумѣется, содержаніе ихъ, а не изложеніе; при множествѣ подобныхъ корреспонденцій, всякая, по-видимому, ничтожная, мимолетная, замѣтка въ совокупности съ другими однородными замѣтками, получала бы смыслъ и значеніе.

Цѣль нашего изданія — всестороннее и безпристрастное изслѣдованіе южно-русскаго края, — уразумѣніе его потребностей, — критическій взглядъ на себя въ прошедшемъ и настоящемъ, — общественная польза. Общечеловѣческое просвѣщеніе, въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ края, будетъ руководящею идеею редакціи. Больше всего мы боимся удаленія отъ общей связи съ человѣчествомъ, а тѣмъ болѣе — съ жизнью сосѣднихъ народовъ. Для нашего развитія вреднѣе всего была бы замкнутость въ однихъ своихъ элементахъ, которые тогда только получатъ всю свою цѣнность, когда придутъ въ естественное соприкосновеніе съ нравственными началами другихъ народностей.

Редакція Основы считаетъ нелишнимъ назвать слѣдующія статьи, которыми уже располагаетъ въ настоящее время.

СТИХОТВОРЕНІЯ: **Галки** (Іереміи), **Глѣбова** (Л. И.), **Кузьменка** (П. С.), **Малашенка** (М. Л.), **Шевченка** (Т. Г.), **Щоголева.**

ПРОЗА: **Барвинокъ** (Ганны): *Два разсказа на южно-русскомъ и одинъ на велико-русскомъ яз.*

Горухи (М. В.): *Женщина по народнымъ пѣснямъ и сказаніямъ, и критическіе разборы.*

Жемчужникова (Л. М.): *Этнографическія записки.*

Журавскаго (Д. П.): *Нѣкоторыя мѣры къ улучшенію торговли на Югѣ.*

Костомарова (Н. И.): *О составѣ Русскихъ лѣтописей; — о федеративномъ началѣ въ древней Руси; — бо́льшая часть лекцій по Русской исторіи, и статьи по исторіи Южной Руси.*

Кулиша (П. А.): *Повѣсть и разсказъ на в.-р. яз.: обзоръ южно-русской словесности; этнографическія записки.*

Лебединцева (Ѳ. Г.): *Проповѣдь на народномъ языкѣ.*

Линейкина: *Гимназическая переписка прошлаго времени.*

Марка Вовчка: *восемь повѣстей и разсказовъ на ю.-р. яз.*

Марковича (А. В.): *Этнографическія и критическія замѣтки.*

Мордовцова (Д. Л.): *Повѣсть и два разсказа на ю.-р. яз.*

Номиса (М. Т.): *Отрывки изъ автобіографіи Бѣлокопытенка, и этнографическія письма.*

Носа (С. Д.): *Этнографическіе разсказы на ю.-р. яз.*

Патриченка: *„Злий духъ“ — рядъ этнографическихъ разсказовъ на ю.-р. яз.*

Переводы изъ **Риля:** *Объ этнографіи, и о пѣснѣ.*

Стороженка (А. П.): *Двѣ повѣсти и рядъ разсказовъ на ю.-р. и одна повѣсть на в.-р. яз.*

Хуторянина: *„Листи изъ хутора,“ на ю.-р. яз.*

Щербака (М. Г.) *Обзоръ вновь найденныхъ старинныхъ лѣтописей и записокъ, съ подлиннымъ ихъ текстомъ, и филологическія статьи.*

Не перечисляемъ множества этнографическихъ, историческихъ, юридическихъ, библіографическихъ и другихъ матеріаловъ, также не упоминаемъ объщанныхъ, но еще недоставленныхъ намъ, статей.

Кромѣ поименованныхъ, — въ Основѣ примутъ участіе еще слѣдующія лица:

Александровичъ (М. Н.), Бѣлозерскій (Н. М.), Великдановъ (Ст. П.), Витавскій (Р. П.), Галаганъ (Гр. П.), Гоголицкій (С. С.), Дорошенко (Ил. П.), Иванишевъ (Ник. Дм.), Калиновскій (В. С.), Карачевскій-Волкъ (В. Н.), Конисскій (Ал. Як.), Котляревскій (Ал. Ал.), Лазаревскій (Ал. М.), Ламанскій (Вл. Ив.), Лашкюковъ (Ив. В.), Левченко (М. М.), Макаровъ (Н. Як.), Максимовичъ (М. Ал.), Маркевичъ (А. Н.), Межовъ (Вл. Изм.), Мизко (Ник. Дм.), Мокрицкій (П. Н.), Навроцкій (Ал. Ал.), Новицкій (Н. Д.) Новосъ (Ив. П.), Орловскій (М. Ак.), Остапенко-Бѣленко (Ал. Ак.), Петровъ (Н. Н.), Пильчиковъ (Дм. П.), Рипельманъ (Ник. Арк.), Рѣдкинъ (П. Гр.), Сементовскій (Ал. М.), Сементовскій (Н. М.), Сидоренко (Юр. Дм.), Смирновъ (М. П.), Соколовъ (Ив. Ив.), Страховъ (Ник. Ник.), Сухомлиновъ (Мих. Ив.), Сперовъ (Ал. Ник.), Тарновскій (Вас. Вас.), Татариновъ (Вас. Ив.), Троцина (К. Ел.), Туловъ (М. А.), Унтиловъ (В. А.), Ушинскій (Конст. Дм.), Цихановецкій (Гр. М.), Чужбинскій (Ал. Ст.), Чубинскій (П. П.), Шохинъ (П. Т.), Якушкинъ (П. Ив.).

Подписка принимается въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторѣ Основы при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ у И. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ.

Посылки и письма, равно и жалобы, въ случаѣ неисправнаго полученія книжекъ Основы, слѣдуетъ адресовать: *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, противъ Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

Цѣна за 12 книжекъ, — каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, — 8 р. 50 к. безъ пересылки, 10 р. сер. съ пересылкою и доставкою на домъ въ С. Петербургѣ.

Редакторъ В. Бѣлозерскій.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 24 декабря 1860 г. Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.

КОБЗАРЬ.

I.

Не для людéй и не для слáви,
Мерéжані та кучеряві
Оці вірши́ віршу́ю я: —
Для сéбе, брáтія моя!

Мині лéгшае въ невóлі,
Якъ я іхъ складáю:
Зъ-за Дніпрá, мовъ, далéкого
Словá прилітáють
И стéлютьця на папíрі,
Плáчучи, сміючи́сь,
Мовъ ті діти, и рáдують
Мою́ сиру́ ду́шу —
Убóгую... Лю́бо мині —
Лю́бо мині зъ ни́ми,
Мовъ бáтькові багáтому
Зъ дітками малúми.
И рáдий я, и весéлий,
И Бóга благáю,
Щобъ не приспáвъ моіхъ дітокъ
Въ далéкому крáю:
Нехáй летя́ть до-дóмоньку
Легéнькиі діти,
Та роскáжуть — я́къ-то тя́жко
Було́ імъ на свíті...

И въ семьі весе́лій, ти́хій,
Дите́й привіта́ють,
И си́вою голово́ю
Ба́тько покива́е;
Ма́ти ска́же: бода́й ті́і
Діти не роди́лись,
А дівчи́на поду́мае:
Я іхъ полюби́ла...

1848.
Орская крѣпость.

II.

ПОСЛАНІЕ

СЛАВНОМУ П. І. ШАФАРИКОВІ

при поэмі »Иванъ Гусъ«, або »Еретикъ«.

Запали́ли у сусіда
Нову́ до́бру ха́ту
Сусіди злі; нагрілися
Та й полягли́ спа́ти,
И забу́ли те́плий по́пілъ
По по́лю розвіять...
Лежи́ть по́пілъ на роспу́тті,
А въ по́пелі тліе
Огню́ и́скра вели́кого —
Тліе, не вгасае́,
Підпа́лу жде,—якъ той ме́стникъ
Ча́су дожида́е —
Зло́го ча́су. — Тліла и́скра,
Ти́хо дотлива́ла
На роспу́тті широ́кому —
Та й га́снути ста́ла.

Отта́къ Німо́та запали́ла
Вели́ку ха́ту, и семью —

Семью́ Славья́нъ розьедини́ла,
И ни́шкомъ ти́хо упусти́ла
Усо́биць лю́тую змію́.

Полили́ся ріки кро́ві,
Пожа́ръ погаси́ли,
А Німчики пожари́ще
Й си́рітъ поділи́ли;
Впроста́ли у кайда́нахъ
Славья́нськіі діти,
И забу́ли нево́льники —
Чиі вони́ діти.
А на да́внімъ пожари́щі
Искра бра́тства тліла, —
Дотліва́ла, дожида́ла
Рукъ тве́рдихъ та смілихъ...
И дожда́лась. Прозрівъ-еси́
Въ по́пелі, глибо́ко,
Ого́нь до́брий, смілимъ се́рцемъ
Смілимъ о́рлімъ о́комъ!
И засвіти́въ, любому́дре,
Світочъ пра́вди, во́лі...
И Славья́нъ семью́ вели́ку,
Во тьмі и нево́лі,
Перелічи́въ до одного́,
Перелічи́въ тру́пи —
А не Славья́нъ, — и ста́въ-еси́
На вели́кихъ ку́пахъ —
На роспу́тті всесвітнёму —
Іезекіи́лемъ,
И, о ди́во! тру́пи вста́ли
И о́чи роскри́ли!
И братъ зъ бра́томъ обняли́ся
И проговори́ли
Сло́во ти́хоі любо́ві
На віки и віки! —
И потекли́ въ одно́ мо́ре
Славья́нскиі ріки!

Сла́ва тобі, любому́дре,
Чéху — Славьяни́не,
Що не да́въ ти потону́ти
Въ нимéцькій пучи́ні
На́шій пра́вді! Твоé мóре
Славья́нськее, нóве,
Затóго вже бу́де пóвне,
И попливé чóвенъ
Зъ широ́кими вітри́лами
И до́брим кормúломъ, —
Попливé на во́льнимъ мóрі,
На широ́кихъ фи́ляхъ!
Сла́ва жъ тобі, Шафа́рику,
Во віки и віки,
Що звівъ-еси́ въ одно́ мóре
Славья́нськиі ріки!

Привіта́й же въ своій сла́ві
И мою́ убóгу
Лéпту — ду́му нему́друю —
Про Чéха святóго,
Вели́кого му́ченика,
Про сла́вного Гу́са!
Прийми́, о́тче! а я ни́шкомъ
Бóгу помолю́ся,
Щобъ усі Славья́не ста́ли
До́брими брата́ми,
И сына́ми со́нця пра́вди
И Еретика́ми
Оттаки́ми, якъ Конста́нський
Ерети́къ вели́кий!..
Миръ ми́рові подару́ють
И сла́ву во віки.

22 ноября 1845 ро́ку,
въ Переяслові.

III.

Ой три шляхи́ широ́кії
До ку́пи зійшли́ся;
На чужи́ну зъ Украіни
Брати́ розійшли́ся;
Поки́нули стару́ ма́тіръ;
Той жінку поки́нувъ,
А той сестру́, а найме́ньшій
Молоду́ дівчи́ну.

Посади́ла стара́ ма́ти
Три я́сени въ по́лі,
А невістка посади́ла
Висо́ку топо́лю;
Три я́ворі посади́ла
Сестра́ — при доли́ні,
А дівчи́на зару́чена —
Черво́ну кали́ну.

Не принялі́сь три я́сени,
Топо́ля всиха́ла;
Повсиха́ли три я́вори
Кали́на зівья́ла;
Не верта́ються три бра́ти,
Пла́че стара́ ма́ти,
Пла́че жінка зъ діточка́ми
Въ нето́пленій ха́ті.

Сестра́ пла́че — йде шука́ти
Братівъ на чужи́ну.
А дівчи́ну зару́чену
Кладу́ть въ домови́ну...
Не верта́ються три бра́ти, —

По світу блука́ють,
И три шляхи́ широ́кії
Те́рномъ заросто́ють.

1847.
Петербургъ.

IV.

ПУСТКА.

(М. С. Щепкину).

Заворожи́ мині, во́лхве,
Дру́же сивоу́сий!
Ти вже се́рце запеча́тавъ,
А я — ще бою́ся...
Бою́ся ще погорілу
Ха́ту руйнува́ти,
Бою́ся ще, мій го́лубе,
Се́рце похова́ти...
Мо́же ве́рнетця надія
Зъ тіє́ю водо́ю
Цілю́щою, живу́щою —
Дрібною слёзо́ю;
Мо́же ве́рнетця въ некри́ту
Пу́стку зімува́ти,
И укри́е и нагріе,
Погорілу ха́ту,
И ви́мете, и ви́мие,
И світло засвітить;
Мо́же ще́ разъ проки́нутьця
Моі ду́ми — діти;
Мо́же ще́ разъ пожурю́ся,
Зъ дітками запла́чу,
Мо́же ще́ разъ со́нце пра́вди
Хочъ крізь сонъ поба́чу!

1846.
Кіївъ.

V.

ЧЕРНЕЦЬ.

(П. А. Кулішу.)

У Ки́еві, на Подо́лі,
Було́ колись, и нико́ли
Не ве́рнетця, що́ дiялось,
Не ве́рнетця, сподіване...
Не ве́рнетця... А я, бра́те,
Таки́ бу́ду сподіва́тись,
Таки́ бу́ду виглядáти,
Се́рцю жалю́ завдавáти.

У Ки́еві, на Подо́лі,
Бра́терськая на́ша во́ля,
Безъ хо́лопа и безъ па́на,
Сама́ собі у жупа́ні,
Розверну́лася весе́ла,
Оксами́томъ шляхи́ сте́ле,
И сдва́бомъ застила́е,
И нікóму не звертáе.

У Ки́еві, на Подо́лі,
Козаки́ гуля́ють:
Якъ ту во́ду відро́мъ-це́бромъ
Вино́ розлива́ють;
Лёхи́, шинки́ зъ шинкарка́ми,
Зъ ви́нами, меда́ми
Закупи́ли Запоро́зці
Та й тнуть корякáми!
А музи́ка реве́, граe,
Люде́й звеселяe,
А изъ Бра́тства те бурса́цтво
Мóвчки виглядáе;
Нема́ го́лій шко́лі во́лі,
А то бъ догоди́ла!...

Кого́ жъ то тамъ зъ музи́ками
Лю́де обступи́ли?

Въ черво́нихъ шта́няхъ оксами́тнихъ
Матне́ю у́лицю мете́ —
Иде́ коза́къ... Охъ, літа, літа!
Що́ ви твори́те? На то те жъ
Стари́й уда́ривъ въ закаблу́ки,
Ажъ вста́ла ку́рява! Отта́къ!
Та ще й приспівуе коза́къ:

»По доро́зі ра́къ, ра́къ,
Неха́й бу́де та́къ, та́къ!
Якъ-би́-таки́ молоди́ці
Посіяти макъ, макъ!
Дамъ ли́ха закаблу́камъ,
Закаблу́камъ ли́ха дамъ,
Достане́тся й переда́мъ!
А вже жъ тіі закаблу́ки
Набра́лися ли́ха-му́ки...
Дамъ ли́ха закаблу́камъ,
Дамъ ли́ха закабла́мъ
Доста́нетця й переда́мъ!

Ажъ до Межи́горського Спа́са
Протанцюва́въ си́вий,
А за ни́мъ и товари́ство
И вве́сь свяги́й Ки́ївъ.
Дотанцюва́въ ажъ до бра́ми.
Кри́кнувъ: »пу́гу, пу́гу!...
Привіта́йте, святі че́нці,
Това́риша зъ Лу́гу!«
Свята́ бра́ма одчини́лась —
Козака́ впусти́ли;
Изно́въ бра́ма зачини́лась —
На вікъ зачини́лась
Козако́ві.
Хто́ жъ цей си́вий

Попрощáвся зъ свiтомъ?
Семéнъ Палiй Запорóжець,
Лúхомъ недобúтий.

Ой вúсоко сóнце схóдить,
Низéнько захóдить:
Въ дóвгiй рáсi по кéлiї
Старúй чернéць хóдить.
Идé чернéць у Вúшгородъ
На Кúївъ дивúтись,
Та посúдить на прúгорi,
Та хочъ пожурúтись;
Идé чернéць Дзвонкóвую
У яръ вóду пúти,
Та згадуе, якъ-то тя́жко
Булó въ свiтi жúти;
Идé чернéць у кéлию
Мiжъ стiни нiмúї,
Та згáдуе лiтá своi —
Лiтá молодúї;
Берé письмó святé въ рýки,
Гóлосно читáе,
А дýмкою старúй чернéць
Далéко лiтáе...

И тúхнуть Бóжiї словá...
И въ кéлiї, нинáче въ Сiчi,
Братéрство слáвне ожива́,
А сúвий Гéтьманъ, мовъ сова́,
Ченцéвi заглядáе въ вiчi...
Музúки... тáнцi... и Бердúчевъ...
Кайдáни брязкають... Москва́...
Борú, снiгú и... Енисéй...
И покотúлись изъ очéй
На рáсу слёзи...
»Бúй поклóни
И плоть старéчу усмиря́й,
Святé Писáние читáй!

Чита́й, чита́й, та слу́хай дзво́на,—
А се́рцеві не потура́й:
Воно́ тебе́ въ Сібі́ръ води́ло,
Воно́ тебе́ ввесь вікъ дури́ло,
Приспи́ жъ ёго́, и занеха́й
Свою́ Борзну́ и Хвастовщи́ну:
Заги́не все, ти самъ заги́нешъ,
И не згада́ють — щобъ ти зна́въ...«

И ста́рець тя́жко зарида́въ,
Чита́ть Писа́ние поки́нувъ,
Ходи́въ по келіі, ходи́въ,
А по́тімъ сівъ и зажури́вся:
»Для чо́го жъ я на світъ роди́вся,
Свою́ Украі́ну люби́въ?«

До у́трені зави́въ зъ дзвіни́ці
Вели́кий дзві́нъ; черне́ць мій вста́въ,
Надівъ клобу́къ, взявъ патири́цю,
Перехристи́вся, чо́тки взя́въ...
И за Украі́ну моли́тись
Палій Черне́ць пошкандиба́въ. —

Т. Шевченко.

1848.
Орская крѣпость.

ТРИ ДО́ЛІ.

I.

У слободі я роди́лась—Пятигі́ръ. Тамъ недале́чко одъ насъ,—мо́же коли́ Слободя́нські сто́рони дово́дилось переізди́ть, то чува́ли,—стара́ жена́ ви́копала пече́ри у крейдяній горі? Три́дцять, чи со́рокъ лі́тъ копа́ла,—такі вели́кі ви́копала, Го́споди! Було́ ми хо́димо мали́ми по пече́ряхъ тіхъ,—запа́лимо ві́ти сосно́ві, та й хо́димо; а хідъ узе́нький та низьки́й и ду́же тру́дний. Між людьми́ йде́, що була́ то жена́ ве́льми дре́вня, и немошна́, а ду́ха вели́кого. Що, було́, якъ вже ій си́ли перейме́тця—упаде́ по труда́хъ тяжки́хъ, та тільки запла́че до Бо́га, то—якъ зілля́ підъ ро́сою—зновъ одживіе, та й зновъ копа́ и копа́. Була́ вона́ Го́сподомъ улюблена́. Така́ оста́лась па́мять ії свята́.

Якъ ви́йти зъ тіхъ пече́рь та ста́ти одъ со́нця,—передъ тобо́ю усе́ тільки го́ри крейдяні бі́ліють висо́кі, а між го́рами ти́ми узе́нька річка, прозо́ра и глибо́ка, джурчи́ть. Пру́дко бі́жить та річка го́ней изъ два́дцять, до само́і луки́ зеле́ної,—по луці вже ти́хо и ши́роко разлива́етця и ти́хо да́лі леліе по-підъ гаями, а тамъ у висо́кихъ очерета́хъ десь пропада́е. Слобода́ на́ша надъ само́ю луко́ю річково́ю, на пьяти́ го́рахъ стоіть крейдяни́хъ, оса́жена ви́соко у да́вні віки одъ во́рога Тата́рина, щобъ на́гло не збігъ: зда́лека зоглядали зъ гіръ, хова́лися й рятува́лись. Го́ри вже ті трако́ю зеленіють, уросли́ садка́ми густи́ми. Межи́ білихъ хато́къ цвіте́ й ви́шня рясна́, й тонкове́рха топо́ля пахучимъ ли́стомъ шелести́ть; де́ надъ ворітьми те́мна дрібноли́ста гру́ша, якъ наме́тъ, укрива́е, або́ гіллястий я́сокіръ буяе; въ бе́резі кали́на розросла́ся, повироста́ли ве́рби. Зъ гіръ на во́ду горо́ди бучні

розвелúсь. Тáмъ-то зілля́, óвощу! Тáмъ-то цвіту! Тáмъ-то стежечóкъ и до водú, й до сусіди, и до другóі. Все тó позбігали, повихóжували легéсенькі ніжечкú дівóчі.

Нáша хáта на горі, на самóму шпилéчку стоя́ла. Далéко й шúроко навкругú очúма скúнути.

Якъ-то чáсто прихóдять мині на умъ молоді літá: — дé що булó, я́къ... Вже старýха сúва, а пáмьять молодá не забýлась...

Отсé нáша хáта стоя́ла на шпилéчку... Булó, вúйду, ся́ду на прúзьбі, прислухáюся, придивля́юся. Вéчіръ тúхий; сóнечко за гóру пáда, блищúть водá червóно, и тúхо леліе — не рóпче; коло кóжної хáти гóмінъ чýти; тамъ чéреду вже зъ пáши женýть, а тамъ пісéнь співáють, а за річкою ковáль куé... А óсь, вже й смеркáе нéбо, мéрхне и втихáе земля́, втихáе — уже тúхо. Нічъ обняла́. Вúсипались зóрі золоті; зійшóвъ я́сний місяць — и все те у прозóрій воді заблищáло; защебетáвъ соловéйко, защебетáвъ дрýгий...

Я свогó отця́-нéньки не знáю; я ще въ сповитóчку зостáлася сиротóю и приня́въ менé мій рóдичъ до сéбе, — Павлó Булахъ звáли. Ёгó жінка менé вúкохала спóломъ зъ своéго дочкóю; въ іхъ хáті я й зросла́, у іхъ и служúти зостáлася.

Рóдичъ мій бувъ хазя́інъ замóжний, хліборóбъ; шість паръ волівъ у ёго велóся, два плýги оралú на хлібъ; бравъ и сіножáтей у людéй зъ сторінъ. Ходúвъ вінъ чáсомъ и на Дінъ, не щорóку, а такъ, якъ ёмý по-вигóді, привóзивъ, булó, рúбу и спрóдувавъ людя́мъ — хто попрóсить, а то й собі на спожúвокъ ишлá. Зъ тóго бувъ ёмý не велúкий прибúтокъ, колú бъ не вбúтокъ, а що вінъ дýже любúвъ дорóгу. Ще ёгó бáтько чумакувáвъ, и берé ёгó зъ собóю малóго, то ще тоді вінъ закохáвся у дорóгахъ. Якъ ходúвъ вінъ перéймомъ, то ходúвъ колú ёмý пожадáетця, не поспішáючись. Та вже, булó, одъ дóму до Дóну, такъ якъ по своéму садкóві, гуля́е. Булó, якъ прúйде, отсé, до дóму, та весéлий: »Жінко! а та крúниця въ степý, біля Рóбленихъ-Могúлъ, зóвсімъ засúпалася...«

Жінка хочъ и не знáе, що тамъ за крúниця такá, а зáразъ пожалкýе звичайнéнько: »Отсé«, кáже, »шкóда жъ крúнички! И тáкечки зóвсімъ-такú засúпалася?«

— А якъ ми зъ бáтькомъ покійнимъ, булó, хóдимо — щó тамъ за водá булá у тій крúниці — чúста, якъ слёзá!

И почне́ роска́зувати, я́къ-то було́ за ба́тька, и якъ тепе́ръ наста́ло...

Жінка въ ёго така́ була́ люди́на до́бра, така́ ти́ха, привітна́, ввічлива. Я не чу́ла зъ ро́ду-віку мого́ одъ не́і сло́ва гірко́го, не чу́ла доко́ру. Та й обли́ччє въ ії було́ таке́, на́че отъ вона́ се тільки зъ це́ркви Бо́жоі повернула́ся. Сиве́нька вже була́, а хоро́ша та чепурна́, якъ та́я лебе́дя.

Хазя́інъ бувъ чоловікъ кремезни́й и норовли́вий. Люби́въ вінъ ду́же и жінку й дочку́, та хотівъ, щобъ слу́хали вони́ ёго́, не пита́ючи, не озива́ючись. Чи у господа́рстві, чи такъ, вінъ самъ за усе́ погада́е и поміркуе́ и преділи́ть, а жінці тільки ска́же, коли́ тре́ба. Вона́ жъ завсіди, було́, погоди́ться, якъ вінъ схо́че; вона́ усе́ прийма́.

Була́ въ іхъ дочка́ Ка́тря.... Ся не въ ма́тіръ зароди́лася— палка́, прудка́ дівчина—тру́дно ій було́ ба́теньку кори́тись. Було́, якъ здвигне́ стари́й бро́ви, сти́сне уста́ тонкі, та блисконе́ о́комъ своімъ чо́рнимъ—ми вже зъ панима́ткою ле́дві ди́шемо,— одна́ Ка́тря не боітця нічо́го: пита́е ёго́ та роспи́туе, та суперечить, поки́ ажъ ба́тько не покри́кне: »го́ді!« таки́мъ го́лосомъ, що й найсмілі́ше у світі сти́хне... Після то́го, ще до́вго у Ка́трі ли́чко гори́ть и слізки́ вико́чуютця зъ очи́ць...

Хоро́ша була́ та Ка́тря! Було́, отсе́, якъ вберетця—едина́чка, то вже нічо́го не жа́лували для не́і,—пла́хта на ій шовко́ва, ху́стка зъ золоти́ми квітами, зъ золото́ю габо́ю,—завъя́же, а зъ пра́вого бо́ку квіточка. Корсе́тъ зелени́й зъ ба́йки, або́ зъ сукна́. Коса́ въ не́і була́ така́, що, було́, й руко́ю не сся́гне,—и кісни́ківъ не носи́ла, тілько стрічка вплетена черво́на, або́ голуба́. Нами́сто до́бре; на нами́сті дука́чъ зъ камінням дороги́мъ; черевички на ко́рочкахъ високе́нькихъ; соро́чка тонесенька, вишивана до са́михъ чо́холъ... Увійде, було́, вона́, де гостей лю́дно,—всі помо́вкнуть и на не́і ди́влятця-задивля́ютця,—а вона́ и всміхне́тця, и засоро́митця.

Що́-то за весе́ла! Що́-то за шамка́ була́! Ро́дичівъ у насъ бага́то: то́й оже́нитця, то́й за́міжъ иде́,—то міжъ своімъ ро́домъ нагуля́есся.

На весілле, чи на вечорни́ці—я́къ-то, було́, Ка́тря ве́село поспіша́етця! И хто ій перетанцю́е, хто переспіва́е?...

А весно́ю?!... Скоро, отсе́ скре́сла кри́га, пота́нувъ снігъ изъ

стріхъ закра́пало, а зъ гіръ струмо́чки покоти́лися; со́нечко гріе з-за весняни́хъ хма́рокъ; вітре́ць дрімли́вий та те́плий яки́йсь па́ше,— вже Ка́тря весня́нки заспіва́ла. Йде́ слободо́ю й співа́е, и дівча́тъ на у́лицю викликае́.

Всіма́, було́, вона́ дітча́тами верхово́дить, и дівча́та ії слу́хали, и ду́же ії люби́ли: вона́ жъ було́ зъ ни́ми скільки разъ на́ день и попосмі́ється, и посва́рится кільки разъ, и обійметця....

Житте молоде́е! пішло́ вже ти за водо́ю!

Весна́ йде́ та йде́. Ось вже и не́бо голубе́ и чи́сте, и вода́ голуба́, просвітчаста. Со́нечко блищи́ть и гори́ть; гаі розвива́ються; садки́ зацвіта́ють; у ве́чері десь тёхнувъ солове́йко на листа́тому клені; куе́ зозу́ля на висо́кій бере́зі; гуде́ бджола́; мигтя́ть бі́ли мете́лики по-надъ молоде́нькою трави́чкою; хрущі літа́ють гучли́ві.... яки́йсь го́мінъ, гукъ яки́йсь, чи зъ-пі́дъ земли, чи зъ води́, чи зъ не́ба!..

Дожида́емо ве́чора, а въ ве́чері — на моги́лу. Ле́дві намъ ся́ють місяцеви ро́ги, ти́хо усе́,—тілько ми співа́емо, да десь млинъ ме́ле, та вода́ въ береги́ плеска́е... У пра́зникъ, було́, ми зара́ні проки́немось до це́ркви, а зъ це́ркви по дівча́тъ на сло́боду; гука́е, збира́е Ка́тря дівча́тъ: »Дівча́тонька! ходімо ми на моги́лу!« —»Ні, ходімъ у гай по суни́ці!« — »Ні, лу́чче вже на пологи́, въ степъ!« — »Ні, въ садо́къ!« —»Та́мъ кра́ще!« — »А та́мъ лу́чче!« —»А тамъ веселіше!«

И та́мъ, и та́мъ! И всю́ди га́рно, и всю́ди ве́село, и всю́ди кра́сно! И весе́ла ю́рма дівча́тъ жене́, и пісня и ре́гітъ несе́тця....

Що́-то молоді літа́ золоті лю́дямъ! Що заду́мавъ, все ёму́ мо́жна, все ёму́ відра́дісно, все втішно; а старо́му — якъ зака́зано!

II.

Була́ у насъ сусідка — удова́ Пили́пиха: господи́ня на всю сло́боду. Яка́ ха́та, які́ городи́, садо́къ, скільки по́ля, сте́пу, и баштанъ, и па́сіка, и мли́нъ — чого́ вже не було́ тамъ! Зъ се́бе була́ огряднá, висо́ка, чорнява, — все, було́, у черво́ному очіпку краcу́ется и въ зеле́ній ю́пці-до-у́сівъ; чо́боти ри́пають, бі́ли рука́ва ма́ють широ́кі, — похожа́е собі де́, то, мовъ, бага́та те́ща у вбо́гого зя́тя.

Пили́пиха була́ ще да́вня това́ришка и прия́телька на́шій ма́тері, и жили́ вони́ зъ собо́ю до́бре, люби́лися. Не долюбля́въ тільки ба́тько удови́, що така́ вона́ своєу́мка непокірлива; недолюбля́ла и вона́ ёго́ — обопільно. Що було́ стари́й у господа́рстві попорядку́е, що тамъ намы́слить, чи зро́бить, — ма́ти удові похва́лятця, — удова́ усе́ осу́дить. Хочъ у вічі не ска́же слова́ми и́ноді, дакъ зітхне́, або́ голово́ю похита́е. Ніяково, на́че, ій було́, що ма́ти годи́ть та́кечки старо́му, що та́къ ёго́ слу́хае. Аби́ до насъ прийшла́, що старо́го до́ма нема́е, то й почне́ слова́ закида́ти, во́ду, я́къ-то ка́жуть, каламу́тити: »що чоловікъ — господа́рь у по́лі, а жінка — господи́ня въ госпо́ді; та що лихе́ житте изъ тими́ самово́льцями, що вже на-за-у-міру своімъ упо́ромъ хо́дять. Се якъ той хрінъ коренча́стий: де́ вже розкорени́тця, то й посіяти за нимъ до́брого нічо́го не мо́жна. Лихе́ житте изъ таки́ми!«

— А я́къ-же не лихе́! — одка́зуе ма́ти на́ша удові, — кривъ Бігъ насъ, нехай и дітокъ на́шихъ боро́нить!

»Ще твій не наро́вливий, голу́бко? Ще тобі по ёму́ голова́ не звя́зата? Ще тобі не тісно? ще тобі не ва́жко?«

— Отсе́! Чого́ жъ мині ва́жко? Чого́ мене́ ли́хомъ тимъ наді-ля́ете, що ёго́ зъ-ро́ду не було́? Та мене́ чоловікъ мій нікóли сло́вомъ недо́брымъ не покарта́въ...

»Що́ то, що вінъ мовчи́ть! Ка́жуть, що й катъ не говіркий, а го́лову вінъ одтина́е! Мовчи́ть!.. та вінъ мо́вчки усіхъ васъ гні-пи́ть, підъ но́ги собі то́пче... ні ра́ди въ васъ, ні пора́ди не спита́ — не шука́е; пово́дитця, якъ той панъ зъ підда́нками!«

— Що́'тсе ти, лю́бко, що́'тсе! Мо́же вінъ тро́хи и мисли́венький собі вда́вся, та вінъ же на те розу́мний въ насъ; намъ до́бре за нимъ; дя́куемо ёму́...

»А вже́жъ! а вже́жъ! Ти бъ и во́рогу своє́му подя́кувала, ти така́ въ Бо́га, мабіть, сама́-одна́! Мене́ бъ вінъ та́кеньки не обійшо́въ: я́бъ ёму́ довела́ свого́, — поба́чивъ би вінъ!«

— Ну́ жъ бо, се́рце!.. бу́де вже! — одпро́шуетця ма́ти: — Ніяково мині тебе́ й слу́хати!

»А то́ жъ я зъ чого́ 'тсе говорю́, якъ не зъ прия́зни моє́і? Мене́ що́ долга́е? що́ зачіпа́е?.. Тебе́ жа́луючи говорю́, тебе́ лю́блячи! Ти, якъ дитина́, свого́ ли́ха не тя́мишъ, не добача́ешъ, здоро́ва!«

То се́ вона́, лю́блячи та жа́луючи, було́ ій и пока́зуе...

И справді — добра мисливши й люблячи щиро: удові здавалося, що якъ одбиватись одъ якого лиха руками, то хочъ и не одібъється, такъ боіщемъ натішится славно.

Чудно буде, якъ искажу, що удова, не любивши старого таки й гараздъ, якъ було до насъ прийде, та его дома нема, то ій наче дуже стане досадно: тоді въ неі и въ городі не вродило гарно, и въ полі недорідъ, и зими вона сподіваетця холодноі; а якъ нашъ батько тутъ—вона дивитьця жваво и, наче, ми усі ій тоді любіші и милші...

Отъ було, тільки що зійдутця вони, зразъ и почнуть якусь тамъ ущипливу розмову міжъ собою.

»Э«, каже, було, нашъ старий: »э, пані-сусідко! Я бъ васъ де полковникомъ настановивъ! То иншимъ молодицямъ макъ сіять та моркву садити, а вамъ, ій-же-Богу-моему, вамъ отаманувати!« А самъ, горячи такъ, зъ-боку якось, на неі дивитця мудро, що горда удова тільке счервоніе та очи гнівливі у землю спустить, поки ажъ зважитця ему одмовити.

— Се весели жарти, пане-сусідоньку, — та все жарти; а ви мині яке розумне слово прокиньте.

»Вибачайте на розумнімъ—прийміть правдиве, сусідонько поважна!«

И ще Пилипиха почервоніе...

Чи вона свого чоловіка небіжчика згадае, (а вона часто любила его згадувати) »отъ чоловікъ бувъ!« Зітхне важко, очи свої бистрі у землю спустить: »охъ-охъ! теперъ его душенька въ раю...«

— Дякуючи вамъ, сусідонько! озветця батько.

Вона такъ и спахне, и тугу забуде свою за небіжчикомъ.

»Мині дякуючи?« вхопитця за те слово: »за що мині?«

А батько ій спокійненько та хитро: — А що, кажу, ви ему вимолили въ Бога місце у раю...

И завсюди, якъ тільки вони вкупі,—все оттакъ заведутця ласкавими словами одно 'дного шпигати. Тинетця инша шпилька и така, що Пилипиха не стерпить,—угнівавшися, пійде, високо голову свою горду несучи. Та се не на велики часи: хутко зновъ насъ одвідае и зновъ такъ само суперечками та уразками, а сварокъ справжніхъ ніколи не бувало.

Була въ удови дочка Маруся, наша подружниця,—тожъ однолітка зъ нами,—и добра, и люба, не сказати яка. Була круг-

лови́денька, ясноо́ка, уста́ румъя́ні, якъ ви́шня; и висо́ка и ставна́; бро́ви на шнуро́чку; а го́лосъ... було́ тільки загово́рить, то, здае́тця, вже тебе́ пожа́лувала. Ти́ха була́ дівчина, така́ вже ти́ха, що на́че вона́ чого́сь смутне́нька. Ніко́ли вона́ такъ шви́дко румъя́нцемъ не спахне́, якъ отъ Ка́тря на́ша, не скри́кне та́къ ніко́ли, не ки́нетця, не запла́че; до впаду́ не затанцю́ется, не разсе́рдитця до сва́рки; не вто́млена гу́льбощами, го́ремъ не перему́чена,— ясна́ була́ собі, якъ ти́хее літо.

Ми зъ Ка́трею ду́же ту Мару́сю люби́ли, и було́ такъ: аби́ намъ годи́нка вільна—біжимо́-летимо́ до не́і, хочъ удови́ ми й боя́лися тро́хи: Ка́тря, — й та міша́лася передъ удовини́мъ по́глядомъ.

Було́, якъ забіжи́шъ до Мару́сі у робо́чу часи́ну,—отъ, ску́чишъ,—та́къ словце́ яке́ на-швидку́ перемо́вити, а тебе́ перестріне сама́ Пили́пиха и ста́не передъ тобо́ю не-мовъ стіна мідяна́.

»А що, голу́бко? десь уже́ въ васъ по робо́ті?«

Та ні, я се до Мару́сі прибігла на хвили́ночку, забажа́лось одвідати.

»Спаси́бі, голу́бко, спаси́бі! Насъ ще Госпо́дь до яко́го ча́су ми́луе!«

И та́кеньки вона́ тебе́, на́че и ла́скою, зъ ха́ти ви́жене, тільки передъ тобо́ю стоючи́, та тобі въ ві́чі гля́дючи.

Пили́пиха була́ ма́ти своій дочці не пода́тлива, не схільчива. Вона́, якъ га́нила чоловікивъ-мислі́вцівъ, такъ ще гірше ій було́ хазя́йку, мовля́ла, непутя́щу ба́чити у семъі.

»Хазя́йка—пора́дниця въ ха́ті«, було́, дово́дить, »а коли́ вона́ плоха́, то яка́ бу́де пора́да? Зъ плохи́хъ люде́й нема́ пора́ди. Семью́ свою́ тре́ба хазя́йці такъ тріма́ти, якъ макъ у жме́ні: а то розси́плетця у е́, по́рохомъ піде за вітромъ.«

Такъ вона́ й роби́ла, якъ говори́ла. Дочку́ свою́ чи пошле́ куди́, чи гуля́ти пу́стить, дочка́ въ не́і не спізнитця, не заба́ритця. Оце́, було́, якъ на́ша Ка́тря де́ загостю́е, та ма́ти диву́ють »що́ се до́ні нема́?«—Якъ тоді удова́ голово́ю хита́ла! Хита́е, та й о́чи ажъ заплю́щить.

Намъ зъ Ка́трею було́ життє вільне, бо ба́тьку ніколи було́ насъ стерегти́ — чи ро́бимо ми, чи гуля́емо; а ма́ти — у ма́тері було́ одпро́симось коли́ схо́чемо; заба́римося, то вона́ за насъ діло на́ше поро́бить, а насъ тільки спита́: »А що́, чи до́бре гуля́ли?«

Було́, підъ годи́нку до́бру, ра́зомъ би намъ зъ Мару́сею погуля́ти, а Мару́сі — не мо́жна...

Колоти́ла Пили́пиха у на́съ въ ха́ті, а на́ша Ка́тря такъ-са́мо въ не́і. »Житте жъ твое́, Мару́сю!« порікувала Ка́тря, розсе́рдившись: (о́тъ, не пу́стить удова́ дочку́ зъ на́ми, чи що́ тамъ.)

А Мару́ся ій: — А що́ моє́ житте?

»Та якъ ти живе́шъ-гору́ешъ! А ні пі́ти тобі, а ні погуля́ти, а ні чого́ забажа́ти! Гіршъ ти кори́сся, ніжъ на́ймичка!«

— Та се тобі та́къ, Ка́тре, а мині, дочці...

»Говори́! хиба́ я тобі віри пійму́, що ти зъ своє́і охо́ти усе́ на вго́ду ій ро́бишъ? Вона́ жъ така́ на́дто вже наровли́ва!«

— Коли́, пра́вда, що й посуму́ю; а все лу́чче якъ я ій втішу...

»Зъ тако́ю втіхою я́ бъ у домови́ну ра́да. Ще дасть тебе́ за́міжъ за яко́гось гайдама́ку старо́го,—ось поба́чишь, коли́ не відда́сть!.. Охъ, Мару́сечко ми́ла! Мару́сечко лю́ба! Бідна жъ твоя́ голо́вонька!«

— Отсе́, — смі́ється Мару́ся, — ся Ка́тря то заздалегідь мене́ опла́кує!

Ка́тря вже и сама́ смі́ється.

»А та́къ та́къ«, ка́же, »зна́й же мене́, щи́ру прия́тельку!«

— Ка́тре,—попита́ла я въ не́і,—а якъ тебе́ ба́тько відда́сть мовля́ла, гайдама́ку?

»Хиба́ жъ я піду́? Я зъ ро́ду не піду́!«

— А якъ ба́тько приси́луе?

»Мене́? мене́ приси́луе?« покри́кнула, — почервоні́ла по са́ме воло́сся: »я сама́ ба́ткова дочка́!«

— Ну́ вже, ну́! го́ді тобі! Сама́ на се́бе ли́ха не закли́кай!

»Ви усі мене́ тимъ ли́хомъ страха́ете, якъ во́вкомъ! Мо́же й є воно́ десь у лі́сі, а мо́же й нема́! Теперъ въ ме́не те́ стоїть за ли́хо пеку́че, що мині сло́ва промо́вити не вільно при ба́тьку: тілько наменуєсь, усі морга́ють и кива́ють, що тре́ба мині за язи́къ вкуси́тися! Та колись-таки́ я зъ ба́тенькомъ погомоню́!«

Ми того́ дуже боя́лися, розмо́ви тії. Вже я́къ, було́, ма́ти свою́ Ка́трю вмовля́е, я́къ прохае!

»До́ню моя́, до́ню! Шану́йся, голу́бко, шану́й ба́тька. Не вразі́ ти ёго́ яки́мъ сло́вомъ, або́ по́глядомъ пустімъ, — слу́хай покірливо!«

Ка́тря ма́тері обіця́е вже, а ско́ро ба́тько у чому́ ій на пере-

шко́ді ста́не — чи тамъ у я́рмарку не звели́ть купува́ти яко́ї оде́жини, чи воза не дасть поіхати куди́ — вже Ка́тря про́сить наза́дъ своє́ї обіцянки. »Я скажу́ та́тові, ма́мо! Я та́та ще поспита́ю, ма́мо!..« и вже го́нить по ха́ті, вже розчервонілася, розгорілася, вже у во́чахъ слёзи... Ма́ти було́ її за ру́ку зъ ха́ти ви́ведуть.— Ка́тря ду́же матіръ люби́ла, — для ма́тері вже терпіла, її слу́хаючи.

III.

Віддава́ла одна́ Бу́лахова ро́дичка дочку́ за́міжъ. Молода́ зъ бага́тої семьі була́, и бучне́ весілля справля́ли.

Ми собі на те весілле прибіра́емося, тройко́ насъ въ ку́пці зъ Мару́сею.

Ще коли́ почали́ до насъ убіга́ть дівча́та, то одна́, то дру́га— за те весілля гомоніти: и кого́ дожида́ють тамъ, и яко́го люде́йта́мечки запро́шено.

Молода́ у дру́ге село́ віддава́лась, у Лю́бчики, — одъ на́шої слободи́ те село́ недале́чко — на годи́ну місця ходи́, — то звідти, сла́вили, усі бу́дуть, а що́ вже дівча́та та паробки́ Любчівські, то неодмінно, — хиба́ бъ не дожи́въ котри́й, то зъ домови́ни не при́йде. Отсе́ жъ було́ на́ші дівча́та тілько о́хають, роска́зуючи, та ажъ за го́лову беру́тця, що яке́-то вже те́ весілля бу́де пишне́, та лю́дне, та бага́те.

И пройшла́ ще чу́тка така́ міжъ на́ми, що бу́де яки́йсь ро́дичъ молодо́го, яки́йсь коза́къ Ча́йченко, та таки́й вже хоро́ший, та таки́й вже га́рний — и не сказа́ти, и не списа́ти!

»А хто́ зъ васъ ёго́ ба́чивъ?« пита́ дівча́тъ Ка́тря.

— Оле́на Чугаївна ба́чила, якъ изъ це́ркви йшла́, — ажъ зітха́е, якъ згада́е. Да Мару́ся, здае́тця, то́жъ ба́чила? — гово́рять.

»Мару́се!« кри́кне Ка́тря, »ти ба́чила?.. А мовчи́ть!.. Коли́ жъ се ти ёго́ ба́чила?«

— Якъ була́ зъ ма́мою у Лю́бчикахъ на весіллі, — тоді ба́чила, — одмо́вила Мару́ся.

»Ну, хоро́ший же вінъ спра́вді? Яки о́чі? яки бро́ви?«

— Вінъ чорня́вий.

»Чи изъ тобо́ю розмовля́въ? Що́ говори́въ вінъ тобі? Чи ввічливий, чи вінъ го́рдий?.. А до ко́го більшъ горну́вся вінъ?«

— Го́ді-бо вамъ, дівча́та, го́ді! — гово́рить Мару́ся.

»Роскажи́, роскажи́, та роскажи́ усе́!«

Оступи́ли ії, схопи́ли — не пуска́ють.

— Що́ жъ ма́ю вамъ роска́зувати? —

»Яки́й вінъ, — чи ввічливий, говірки́й?«

— Вінъ ввічливий и не ду́же говірки́й?

»И тро́хи не го́рдий?«

— Не зна́ю.

Да пита́ннє Мару́сі за пита́ннемъ, та пита́ють ко́жне по десяти́ разъ, поки́-ажъ Мару́ся до до́му пішла́.

Не було́ дівча́тамъ вра́ву: Ча́йченко — якъ на ми́слі, якъ на язи́ці; — да́лі вже такъ ста́ло, що ті́льки й мо́ви, що про ёго: та я́къ на весілля прийде, та я́къ ёго́ поба́чять. Одна́ довідалась, що въ ёго е ма́ти стара́; друга́ пле́ще, що вінъ хо́че у Лю́бчикахъ осели́тись — ха́ту собі тамъ ціну́е; тре́йтя зновъ вилі́та на у́лицю, якъ горобе́ць зъ стріхи: »Ча́йченка Яковомъ зову́ть!« четве́рта, зновъ, прочу́ла, що въ ёго на руці таки́й пе́рстень, таки́й!... Та жо́дна безъ по́вісти не прийде.

»Дівча́точка моі, голу́бочки! гляді́ть лише́нь не перехваліть ёго́!« смі́ється Ка́тря дівча́тамъ: »сла́вні бу́бни за гора́ми, а збли́зька — шкуратя́ні!«

— Ну, ось вже весілля не дале́чко, — поба́чимо, — гуду́ть дівча́та: — вже довідаемось дісне, вже поба́чимо ёго́ — яки́й.

»Та да́й же вамъ, Бо́же! а то вже вінъ тро́хи й онавіснівъ мині: ті́льки й мо́ви, що вінъ, ті́льки й ду́мокъ!.. надоку́чило!«

Дожда́лись дівча́та: віта́ють на дівичъ-ве́чіръ; віта́ють на весілля.

Ми убра́лись, вквіча́лись, біжимо́, сміючи́ся, гово́рячи зъ Ка́трею. Мару́ся чого́сь заду́мана. А ми, кажу́, сміємо́сь зъ Ка́трею, жарту́емо. И про того́жъ-таки́ Ча́йченка пра́вили, що, мо́же, таки́й вінъ, що й по́глядомъ дівча́тъ побива́е.

»Та чому́ отся́ Мару́ся намъ не ска́же нічо́го? Скажи́ жъ бо, Мару́се!« гово́рить Ка́тря, »а то на́че для се́бе хова́ешъ...«

— И спра́вді, чо́мъ-таки́ не ска́жешъ ладо́мъ, Мару́се? — озва́лась и я до не́і.

— Та що́ я ма́ю каза́ти?

»Який вінъ?«

— Молоди́й, чорня́вий....

»Отсе́ и всёго!« сміе́тця Ка́тря. »Чи ма́ло жъ по світу тихъ молоди́хъ и чорня́вихъ! Якъ же ёго́ міжъ ни́ми впізна́ти?.. Якъ на те́жъ, Любчівські паробки́ усе́ чорня́ві... Якъ ёго́ пізна́ти? А, мо́же, въ ёго на чолі — місяць, а на поти́лиці — зо́рі сія́ють?«

Ото́жъ люде́й на у́лиці и коло́ ха́ти — нігде й го́лки встроми́ти! Яко́сь ми проби́лися, увійшли́. Тутъ — на́ші дівча́та, чужі дівча́та, віта́емось, пита́емось, — зъ молодо́ю словце́ перемо́вили... Загра́ли музи́ки, поси́пали дівча́та у двіръ. А у дворі паробківъ — сті́ною стоя́ть! Да то́ сами́хъ незнае́михъ, чужи́хъ! И де́ не обе́рнесся — все на те́бе незнако́мі о́чі блискотя́ть...

»Де́ жъ ото́й Ча́йченко«, ду́маю-собі, »отой всла́вленний?« Та й дивлю́сь ни́шкомъ, чи не пізна́ю ёго́ де́, — коли́ чу́ю: »Ой мині ли́шечко!« жахну́лась Ка́тря, о́-бікъ ме́не. Огля́нусь я: що тобі? — Вона́ стоіть, отъ якъ би вона́, безъ га́дки й ду́мки, ра́зомъ, передъ яки́мъ ди́вомъ опи́нилася — такъ-то вона́ стоя́ла диви́лась куди́-сь... Я собі туди́ зирну́ла: міжъ паробка́ми висо́кий, ставни́й, чорня́вий коза́къ у чо́рній сви́ті, у черво́ному шовко́вому по́ясі... Задиви́лась й я на ёго... Тро́хи схаменувшись, пита́ю: »Чи ти не зна́ешъ, Ка́тре, хто́ се таки́й?«

— Не зна́ю... не зна́ю....

»Чи не Ча́йченко!«

— Ні... мо́же... не знаю...

Я до Мару́сі, найшла́ ії; вона́ заду́малась — не погля́не...

»Мару́се!« кли́чу: »хто́ се стоіть онъ — та́мечки? Ча́йченко?«

— Вінъ, — ка́же.

»Що́ жъ то за краса́! що́ то за па́робокъ!« шепотя́ть дівча́та міжъ собо́ю.

Мару́ся тільки погля́нула у той бікъ, де́ вінъ стоя́въ.

»Чи жъ тобі не до-сподо́би?« пита́ю.

— Хоро́ший, — промо́вила сти́ха.

»А що вже Ка́тря«, говорю́ Мару́сі, »то, надійсь, добро́мъ-таки́ у ёму́ закоха́лась!«

А Мару́ся мині та́къ-то вже пова́жно вимовля́е: »Ти, сестри́це, кохання́мъ не жарту́й!« отъ, мовъ, вона́ воро́жка стара́, або́ що.

»Ну, до́бре«, кажу́, »иди́ бли́зче, сама́ подиви́ся, де́ тутъ въли́ха жа́рти?« Взяла́ ії за ру́ку, притягла́ до Ка́трі

»Ка́тре!« почну́, — а Ка́тря якъ сти́сне мині ру́ку:

— Идé, идé, прóсто до насъ идé! — шéпче, а самá такъ и тріпóче.

Чáйченко ставъ коло Кáтрі и взявъ ії у-танéць. Вонá, оттá смільлúва, меткáя Кáтря, не мовъ перелякáлась чогó, збіліла...

»Марýсе, измічáешъ?«

Марýся імъ ý-слідъ дивúлась своімъ пóглядомъ тúхимъ.

Скóро Чáйченко пýстивъ Кáтрю, усі дівчáта тáкъ и тúснутця до нéі: »А щó? Чи знáешъ, изъ кимъ танцювáла?.. Се Чáйченко! Се Чáйченко Яківъ! А чогó жъ мóвчúшъ? Чóмъ не говóришъ? Не вподóбався? Вподóбавсь?«

— Та я щé ёгó дóбре й не розглéділа, — одмовлúетця Кáтря передъ дівчáтами, самá озирáючись округú, нáче бъ вонá у дúкій пýщі опенúлася.

Дé-котрі й віри ій понялú: »Та вбачáй же бо, вбачáй дóбре: другóго такóго немá! а котóрі — такъ зъ-підъ бровú на нéі подивúлись.

А весілля, а тáнці не стихáють; въ дворі усю травý зелéну підківками вúнесли. Чáйченко танцювáвъ зо всімá; бравъ и менé, и Марýсю: якá на óчи попадé дівчина, ту вінъ и берé.

»Вінъ нáми гордýе«, обіжáлися úнші дівчáта, »що берé насъ, у вічі не подивúвшися!«

— Заждіть бо, які жъ скóрі! Нехай вінъ трóхи обсвідчитця въ насъ, — вмовлúли зновъ другúі.

Міжъ тáнцями зайшлá розмóва у дівчáтъ зъ паробкáми: чи дóбре изъ багáтою одружúтись?

»Дóбре, якъ взя́ти любу та мúлу!« озвáвсь Чáйченко.

— Чомý бъ тобі и не взя́ти — одкáже ёму Грицькó Лéпехъ, — що самъ, слáвили, кохáвъ нúшкомъ молодý, — тобі нагáни не дадýть, ти самъ багáтий.

»Багáтий на дрібні слёзи«, промóвивъ Чáйченко, всміхáючись.

Музúки загрáли, усі пішлú у тáнець — и Чáйченко. Чи се вінъ прáвду сказáвъ, чи се вінъ пожартувáвъ — хтó ёго розберé! Ми усі зъ собóю изглянулися; багáто дівчáтъ помóвкло — задýмалися.

Світъ вже білéнький розсвітáвсь, якъ ми зъ того весілля повертáли до дóму. Марýся и Кáтря ні словéчка не прокúнули. Я заговорю, »ні!.. эгé жъ!.. а вжé жъ!« одкáже Марýся: якісь ії свої мúслоньки занóсять, а Кáтря — то й зóвсімъ мині одвíту

не оддае́; то вона́ швиде́нько йде́, насъ попережа́ючи, то вона́ одста́не....

Тутъ насъ паробки́ наздогна́ли, и Ча́йченко бувъ між ни́ми. Вклони́лися намъ и на добра́-нічъ дали́. И Ча́йченко... Яки́й въ ёго го́лосъ бувъ стру́йний! и почу́ешъ, и пізна́ешъ всю́ди — хочъ між дзво́нами! А Ка́тря на́ша? Де́ жъ ті́и жа́рти? Де́ ті ви́гадки коли́шні? Вона́ ле́дві паробка́мъ на »добра́-нічъ« оддала́.

IV.

У ти́ждень по тому́ весіллю, були́ у насъ молоді и запроша́ли до се́бе. Ми поіхали у Лю́бчики всіе́ю семье́ю. Поіхала й Пилипиха зъ дочко́ю. Ка́тря ще зъ ве́чора усе́ нагото́вила убра́ннє; проки́нулась у-до́світа, та чи й спа́ла вона́ — не зна́ю; а мині — то все такі сни сни́лися ди́вні ті́ї но́чі. Сни́лось мині, що вихо́димо ми зъ Ка́трею и зъ Мару́сею на яки́йсь шляхъ вели́кий між степа́ми, и всі степи́ ті́и, и ввесь шляхъ усе́ Ча́йченки закраси́ли, усе́ Ча́йченки, та оди́нъ у оди́нъ хоро́ші...

Ка́тря мене́ бу́дить — я ій роска́зую: »а чи́ жъ не ди́вний сонъ?«

Якъ же вона́ вжахну́лася, почу́вши!

— А що́ те віщу́е? що́ віщу́е? — притьмо́мъ искажи́ ій.

»Не поло́хайся, Ка́тре«, вмовля́ю, »се сонъ недільний: якъ до обі́дъ не справди́тця, то й не жда́ти нічо́го...«

— Бо́же, Бо́же! що-то бу́де! — бідкаетця вона́...

Зоря́ розсвіта́ла, день почина́въ бі́лі́ти; ми сиді́ли коло вікон́ця, — розчісувала и плела́ вона́ свої ко́си до́вгі; румъя́нець густи́й спа́хувавъ на ли́чку, а ли́чко було́ бліде́.

Розви́днілося; уста́ла ма́ти, ба́тько; почали́ ла́годитись, зара́ні ви́їхали.

»Ка́тре!« говорю́ ій сти́ха: »чи поба́чимо ми тамъ Ча́йченка?«

— Не зна́ю. — Сама́ одверну́лася.

»А въ жадібку ёго́ поба́чити?«

Не чу́е.

»Ка́тре? а хо́чешъ, кажу́, поба́чити?«

Хотіла вона́ осміхну́тися, та не всміхну́лась, а розсе́рдилась.

— Отже, сти́ли, коли́ хочъ, жа́рти!

Да́лі, що почну́, то нічо́го не вихо́дить: то Ка́тря усе́ хва́-

лить, то Ка́тря усе́ га́нить; то усе́ въ не́і вже й зли́шнёго сла́вне, то усе́ въ не́і ні до чо́го не зга́рне й недокла́дне.

Прiіхали у Лю́бчики; ще тільки були́ тамъ сами́ ро́дичі у молоди́хъ, та бли́жні прия́телі, отъ-якъ Пили́пиха; у ха́ті бу́ло просто́ро; ми пе́ршого очи́ма зу́спіли Ча́йченка: сидівъ вінъ проти двере́й....

Старі собі розмовля́ли; ми по́плічъ зъ Мару́сею та зъ Ка́трею, такъ, о́дсторонь, сиділи. Тихесе́нько я Мару́сі свій сонъ переказа́ла. »Чи не ди́во жъ?« пита́ю.

— Усе́ дива́ въ Бо́га! — одказа́ла заду́мавшися.

Мiжъ ро́дичами молодо́го сиділа стара́ бабу́сечка у те́мній ху́стці, у те́мній юпчи́ні, біле́нька на виду́, невели́чка зро́стомъ, зъ смутне́нькимъ по́глядомъ. Сама́ вона́ говори́ла небага́то, а людя́мъ одмовля́ла любе́нько, ввічливо, яко́сь уча́стливо, мiсто-бъ вона́ пожа́лувати хотіла. Вона́ часте́нько поглядала на Ча́йченка и на насъ. Се була́ Ча́йченкова ма́ти.

Обідня годи́на; ні що неправди́ть мого́ сну.... а по обіді понахо́дило тако́го люде́й; розлігся го́мінъ; му́зики загра́ли; та́нці ви́строілись.

Танцюва́ли вже изъ до́бру годи́ну, а Ча́йченко усе́ сидівъ собі та тільки диви́всь, як другі підкі́вками кре́шуть. Коли́ ёго ма́ти до ёго нахили́лась и щось говори́ла ёму; після́ то́го вінъ за́разъ пішо́въ у тане́ць и взя́въ пе́рво Ка́трю, тамъ Мару́сю, тамъ мене́, тамъ и други́хъ дівча́тъ, зновъ якъ тоді, не подиви́вшись и въ вічі жо́дній. Мині довело́сь сидіти коло Ча́йченка, мо́же, заговори́ть, кажу́; подивлю́ся на ёго — де́ вже сей заговори́ть!

»Яко́го тутъ люде́й!« зніма́ю річъ сама.

Вінъ озирну́вся на ме́не и по ха́ті погля́нувъ:

— Бага́то гості́й!

»Сла́вне село́ Лю́бчики, весе́ле! Ви ще тутъ не да́вно?..«

— Не да́вно.

Та́къ вже мині попита́ти, чи зоста́нутьця вони́ тутъ,—та́къ ві́же!..»Ту́течки усі лю́ди живуть досту́пні такі, привітні... жа́лко вамъ бу́де іхъ ки́дати...«

— Та ми сюди́ на се́лище прийшли́, у земля́не пи́шемось Любчі́вські.

Въ мене ажъ увъ о́чяхъ я́сно ста́ло, якъ вінъ похвали́вся.

»До́бре вамъ жи́ти бу́де!«

— Де жи́ти, то жи́ти, — почу́ла я одъ ёго....

Поверну́лися ми до-до́му. Ка́тря смутна́ була́. Ма́ти пита́ла, чи здужае, — »здужаю«, ка́же. Веде́тця мі́сяці зо́ два, що ми Ча́йченка ба́чимо въ ряди́-часи́: то Любчі́вськоі це́ркви не проспимо́, а зъ це́ркви за́йдемо до ро́ду, — про́сять на обі́дъ; по обі́ді гуля́емо потамъ уве́сь день, то запроша́ли яко́сь на́ші іхъ до се́бе, то знов вони́ насъ.

Ча́йченкова ма́ти купи́ла ха́ту у Лю́бчикахъ, свяги́ла ту ха́ту; насъ зва́но, и Пили́пиху зъ дочко́ю; то ми усі на вхі́дчинахъ тіхъ були́.

На госпо́ді у се́бе, Ча́йченко таки́й са́мий небалакли́вий якъ и въ лю́дяхъ, ма́ти жъ ёго́ ду́же ласка́ва й привітна́ до всіхъ ста́вилась. Якъ вже ми до до́му вихо́дили одъ іхъ, то вона́ насъ прово́дила за свою́ лева́ду, та й ка́же Ка́трі: »Коли́бъ мині до сі́і ха́ти таку́ пта́шечку, якъ ти!«

Ніхто́ того́ сло́ва не чувъ ти́хого, окро́мъ ме́не. Я Мару́сі се говорю́, що чу́ла я. Вона́ тільки поспита́ла: чи до́бре я чу́ла?

Зъ яко́го ча́су-годи́ни осмутні́ла на́ша Ка́тря весе́ла. Не разъ я на свої о́чі ба́чила, що вона́ оце́ ду́мае-ду́мае та й обіллетця слёза́ми дрібни́ми. Або́ не знать зъ чо́го, зъ до́брого ди́ва, обрадіе: то́ді співа́е, всміха́етця, червоніе. Яки́мъ вже я ти́химъ ви́домъ не підхо́дила розмо́витись зъ не́ю, роспита́тьця за все, такъ вона́ жъ одъ ме́не по́сторонь. Ні мині нічо́го не ка́же, ні Мару́сі. И вже до насъ такъ не го́рнетця, якъ давно́: вже вона́ зъ своіми ми́слоньками и вже любішъ ій на самоті изъ собо́ю. Тепе́ръ вже сама́ не промовля́е сло́ва, — не залюби́ла и други́хъ чу́ти — якъ гово́рять. Ста́ла вона́ до дібро́ви учаща́ти.

Бувъ гай, таки́й густи́й, пу́щі такі за річкою — все вона́ туди́ хо́дить. Якъ я настерегла́, що вона́ бере́тця одного́ ра́зу, — я й собі за не́ю на́зирцемъ побі́гла.

У самій гущо́вині дубрівній, да тамъ ли́пина и горобина́ и дубъ кучеря́вий поспліта́лися вітами зелёними надъ холо́дною крини́човиною, — забра́лась ажъ туди́, та й сиди́ть, схили́вши го́лову. Уявилася я — вона́ за́разъ схопи́лась, охму́рилась.... Я до не́і сло́во зговори́ла.... »Го́ді вже тобі!« промо́вила, »въ ме́не голова́ боли́ть!« Попоходи́ли у-ку́пі по га́ю, послу́хали, якъ ли́стя шумля́ть, якъ вода́ то́читця, та й до до́му прийшли́. Така́-то вже ста́ла Ка́тря недото́рклива: ані поспита́ти, ані загомоніти до

нéі! Колúбъ дýмокъ гáдокъ своіхъ, а то й такъ нічóго мині не скáже...

Побредý до Марýсі, а Марýся нáче стáла ще тúхша, ніжъ булá; усé вонá шúе та вишúвáе, усé за діломъ, усé тожъ въ якúхъ-сь мúсляхъ.... Ніякоі мині порáди и одъ Марýсі. То булó усé насъ тройкó у лю́бій кýпці, а то якóсь розійшлúся якъ зозýлі въ лúсі...

Одніі недíлі смуткувáла я дýже самá. Кáтря покрúлась десь,— пішлá я собі до Марýсі. Прихóжу—вонá самá у хáті, старóі Пилúпихи не булó. »Здоровéнька булá, Марýсечко!« кажý ій. »Чогó се ти самá дóма?«

— Та мáти у гостúну пішлú.

»А ти́ жъ? Чи не болúть въ тéбе головá«, кажý, »якъ въ нáшоі Кáтрі? У дівчáтъ, якъ сéрце наброíло, то зáразъ на гóлову звéрнуть....«

— Я чогóсь нездýжаю трóхи, —промóвила Марýся.

Придивúлася я на нéі пúльно, та ажъ у крикъ покрúкнула— такéньки змарніла вонá дýже. А въ очý жъ якúй смýтокъ!

»Марýсе голýбко!« кажý ій: »якъ ти змарніла! И чогó въ тéбе такі óчі смутні?«

— Да того́, мóже, що нездýжаю, —сказáла на одвітъ. — А якъ тамъ Кáтря? — питáе.

»Та немá ії дóма давнó: мабіть, у дубáхъ сидúть та дýмае дýмку. Вже, кажý, й мáти давнó помітили, вже й питáли самý Кáтрю и менé. Кáтря не признаéтця... А я щó скажý? Хибá свою догáдочку? А бáчу вже, що бідá якáсь кóітця: бáтько на Кáтрю позирáе, —óтъ, якъ вінъ ії поспитáе!..

Марýся пóручъ зі мнóю сидúть и слýхае, а самá словéчка не промóвить.

»Бóже мій! И що се лúхо такé сколотúлось несподіване? И ти, Марýсю, вже не такá, якъ колúсь булá!«

От-сé такéньки сидимó, а вéчоръ темніе,—колú й Кáтря вбігла. Обійнялá Марýсю, стúснула менé, поцілувáла, сіла коло насъ. Мовчимó усі дóвго. »Ну, бувáй же здорóва, Марýсе!« кажý. »На добрá-нічъ! Вже часъ додóму. Чи пійдешъ и ти, Кáтре? Тебе«, кажý, »мáти, мабіть, давнó дожидáють. Вже й спáти порá.«

»Хúмочко голýбочко! Марýсе голýбочко! Я не хóчу спáти... Я«, кáже, »я того́ Чáйченка покохáла!«

»Та хиба́ не зна́емо!« весели́нько я ій одмовля́ю: »отсе́ намъ новина́ вели́ка!«

А Мару́ся та́къ-то на-вспра́жнє ії пита́е ще: »Чи та́къ се, Ка́тре? Чи спра́вді, Ка́тре?«

— На що́ ти мене́ такъ пита́ешъ, Мару́сю? Я ёго́ люблю́.

»Чи щи́ро? чи ве́лико, сестри́це? Поду́май!«

— Та Бо́же жъ мій, Бо́же! — одка́же Ка́тря: — та я ёго́ одъ пе́ршого ра́зу покоха́ла! Вже я зъ того́ весільля за нимъ пропада́ю. Тільки ти не вважа́ла, а зъ ме́не вже усі дівча́та смію́ться...

»Ні«, ка́же Мару́ся, »я вважа́ла, та ду́мала: се та́къ.... Я ду́мала — забу́дешъ...«

— Хиба́ якъ о́чи запли́щу!

»То поможи́ тобі Бо́же, Ка́тре!« промо́вила Мару́ся.

— Дай тобі Бо́же, Ка́тре! — кажу́ й я.

Ки́нулась насъ цілува́ти, жа́лувати Ка́тря.

»А вінъ же чи поли́бить?« ста́ла тоді гада́ти. »Мо́же насмі́ється! Скажи́, Мару́сю, скажи́, Хи́мо! чи вінъ люби́тиме?«

— Ой, трохи́ чи не більше ти одъ насъ відаешъ про се́, Ка́тре, — говорю́, — десь ти ёго́ ба́чила, або́-що, бо ти чого́сь на́че на світъ одроди́лася сёго́дні. Призна́йся жъ и намъ, лю́бко, щобъ и ми зна́ли.

»Я ёго́ ба́чила«, роска́зуе. »Була́ я у гаяхъ и забрі́ла ду́же дале́ко, ажъ туди́ къ чужосільскимъ лева́дамъ; пшла́ собі, коли́ чу́ю: »Здоро́ва була́!« Гля́нула — ба́чу ёго́, вири́ не йму́. Се, кажу́, моя́ ду́ма щоде́нна, щоча́сна вживи́лася... А вінъ усе́ гово́рить до ме́не, усе́ гово́рить...

— Що́ жъ вінъ тобі говори́въ?

»Пита́въ мене́, чого́ зайшла́, чомъ не весе́ла....«

— Що́ жъ ти ёму́ сказа́ла? — я все ії пита́ю; Мару́ся тільки слу́хала.

»Та́къ зайшла́, — кажу́, гуля́ю собі, и я, кажу́, весе́ла... Тоді вінъ пита́въ мене́, чи ху́тко ми бу́демо у Лю́бчикахъ и каза́въ, що у Кра́сному це́рква згоріла:... И що бувъ вінъ у я́рмарку оттоді, якъ ми ходи́ли до це́ркви, а ёго́ не було — вінъ то́ у я́рмарку бувъ, — говори́въ, що ту́га ёго́ обійма́е... И провівъ мене́ ажъ до самісінького на́шого ти́ну. Ишо́въ усе́ по́ручъ зо мно́ю... Спаси́бі тобі, вечіръ те́мний, и ти, до́ленько моя́ ща́сна!.. А Яковен-

ко вже рушникú побрáвъ у Гáнни; на томý тúжню весільля. Питáвъ вінъ, чи бýдемо...

— Отсé, кажу, тепéръ трéба ще на те весільля прибірáтись! Трóхи й ми зъ тобóю тамъ розвáжимось, Марýсю!

»Та не знáю ще«, кáже, »якъ мáти схóчуть.«

— Хибá самій не манéтця? хибá не попрóсишъ матýсі?

»Та якóсь вже бýде«, одказáла.

— Ти, кажý, сумýешъ чогóсь, Марýсе; чи не пішлá бъ ти изъ нáми?

А Кáтря тоді: »Сумýе Марýся? чогó сумýе?«

— Голýбко! — говóрить мині Марýся, — мині не смýтно, а колú й бýде комý смýтно, лю́де не розвáжуть!

»Тільки той, кого́ лю́бишъ, розвáжить«, озвáлась Кáтря.

— Покохáймо кого-нéбудь, Марýсе! — жартýю. Марýся нічóго не одказáла.

»Щаслúва бýдешъ«, говóрить Кáтря.

— Покохáймо жъ, Марýсе! — я зновъ до нéі.

»Не жартýй«, одкáже тúхо.

Надійшлá Пилúпиха. Попрощáлись ми й пішлú зъ Кáтрею додóму. А Кáтря сёго вéчора да такá ласкáва булá й весéла, и смирнéсенька такá, що я такóю íі зрóду не бáчила.

V.

Ходúла Кáтря у Лю́бчики ніби-то зáполочи позичáти червóноі, та й повернýлася додóму икъ вéчору такá, що бáтько спогляднувъ та й поспитáвъ въ нéі, дé булá, дé ходúла, а почýвши дé и по щó: »якъ такá зъ тéбе швáчка«, кáже, »то дбай, щобъ не позичáти зáполочи вдрýге по чужúхъ сéлахъ.«

По тімъ слóві бáтько вúйшовъ зъ хáти, запалúвши лю́льку.

«Щó тобі, моя дитúно!« упадá вже коло Кáтрі мáти, »уступúла до хáти біла, мовъ білóчокъ... щó тобі, дóню?«

— Нічóго, мáмо, нічóго!

»Дé вже тамъ нічóго! Жýришъ ти менé, дóчко!«

Прийшлá Пилúпиха до насъ зъ Марýсею. Мáти зъ старóю зняли́ розмóву, а ми, дівчáта, у садóкъ поскорúлися.

»Що жъ такé, Катре?« питáю.

— Сёгодні вінъ у-вéчері бýде,—вінъ сёгóдні прúйде до мéне...

»А ти жъ якъ вúйдешъ до éго? А бáтько не почýе?«

— То щó? щобъ я не вúйшла? До ёго щобъ я не вúйшла? Нехáй чýе бáтько, нехáй чýе мáти, нехáй усі — я до ёго вúйду!

»Та якъ бáтько почýе, то не пýстить«, кажý: »якъ вже ти собі тамъ не ймися, а мýсишъ зостáтися тóді.«

— Я не зостáнуся, я підý!.... Чогó ти на мéне напáлася, недóбра дівчино?....

»Я тобі самý прáвду говорю, Катре; хибá жъ я нападáюся на тéбе?«

— Не трéба мині такóі прáвди, не хóчу я такóі! Я вже бáчу, що ти мині не щúра подрýжниця, ти мині не хóчешъ у пóмочі стáти, я сама за все стáну!«

»Слýхай лишъ, Катре, чогó бо ти вгнівалась? Я прáвду тобі вúказала, та я жъ тобі и въ пригóді стáну, колú вже не мóжна инáко...« Тоді вонá менé цілувáти, тоді вонá менé обіймáти! Почалú ми змовлятись, якъ двéрі відчинúти Катрі и якъ ій вúйти. Рáдились и Марýсі питáлись, щó вонá дýмае, —сама вонá нічóго не говорúла й нічóго не питáла, сиділа собі тúхо якъ на могúльці....

Катря усé росказáла, якъ вонá у Любчикахъ булá.

»Ёго мáти менé поклúкала самá, якъ я йшлá улúцею, и жáлувала менé любо и роспúтувала, чи менé хто сватае, чи я когó вподобáла... А вінъ усé оддалікъ стоявъ, не підхóдивъ... Такъ-то вже мині гірко стало! »Я (кажу) сій óсени зáміжъ підý.« Якъ я сказáла, вонá якъп окрúкне: чи жъ то прáвда? »Щó?« запитáвъ вінъ у мáтері, а вонá ёмý кáже, що я заміжъ підý въосенú...

»Я тоді попрощáлась зъ нимú. Вонá зітхнýла, провелá менé трóхи, и кáже: »шкóда мині тебé, дівчúно!...« що я ажъ слізьми вмúлася... Одійшла трóхи, стáла, — та нехáй хоть на іхъ хáту подивлюся! колú вінъ и вихóдить изъ воріть, и йде... Я хóчу далі — не мóжу... Діждáлась, що вінъ блúзько до мéне збліжився... Збліжився: »чи прáвда сёмý?« поспитáвъ... Дівчáтонька, голýбоньки! колú бъ же я самá знала, якъ я ёмý признáлася, що я ёго кохáю одного у світі... Дóвго говорúти не мóжна булó: усé знакóмі лю́де дохожáли улúцею; тоді я ёмý сказáла — нехáй прúйде до мéне ввéчері, вінъ сказáвъ — прúйде...«

Скóро нáші старі поснýли, я вúпустила Катрю зъ хáти, а

сама́ сіла, щобъ сонъ не хили́въ, та мині не спа́лося: ли́хо та й годі дожида́тись було́! Нема́, та й нема́, та й нема́!

»Якъ се вона́ га́їтця«, ду́малося мині. »Що ій до́бре, то й забу́ла про ме́не, якове́ тутъ мині дожида́ти, боячи́сь.... Такі-то лю́де на сёму́ сві́ті!«

А тамъ и те я згада́ла, що я сиротую́, що вбо́га я, та не при ба́тькові-ма́тері зросла́, живу́ у чужій семьі зъ ла́ски; що не пожа́луе ніхто́ мене́ щи́ро, не лю́бить ніхто́ душе́ю усію.... И за що́ я пе́рше дя́ковала, зъ того́ само́го тоді слізъ гіркихъ уточи́ла; за що було́, хвали́ти Бо́га, вікъ байду́же, у той часъ та́къ того́ забажа́лося, та́къ-то вже тре́ба ста́ло...

Гору́ючи-пла́чучи, извела́ го́лову, погля́ну — якъ-то округи́ мене́ су́мно усе́, а у вікно́ вже світа́ннє синіе....

Очути́лася я яко́сь одра́зу, та й самій мині чу́дно ста́ло: чого́ се я та́кеньки и чімъ зажури́лась? Хиба́ жъ я не зна́ла Ка́трі, що вона до світу заба́рить? та й яка́ бъ то дівчина зъ кохання по́спіхомъ дба́ла? И чи я жъ сёгодні вспротіла? чи се теперъ тільки зъубо́жіла?

Поглузова́ла я сама́ зъ се́бе та й ви́йшла Ка́трі на-зу́стрічъ — за воро́та. За ворітьми я ще довге́нько зотрива́ла ії, поки́ ажъ вона́ прибігла весе́ла.

»А що́, надиви́лася? наговори́лась?«

— Все я ёму́ сказа́ла, все... якъ же я ёго́ коха́ю, Хи́мо! Го́споди вели́кий! я́къ я ёго́ коха́ю?

»А вінъ же що́ говори́въ?«

— Пита́въ, чи ду́же я ёго́ люблю́.... Вінъ при́йде за́втра.... Я ёго за́втра дожида́тиму...

Зъ того́ ча́су ста́ли вже вони́ що-ве́чора зіхо́дитись. Прилуча́лося мині, прово́дивши Ка́трю, того́ Ча́йченка зострічати. У неділю, або́ въ свя́то яке́, иде́мо у двійзі зъ Ка́трею, немо́въ погуля́ти ра́нкомъ ти́химъ, то й вгле́жу було́ я Ча́йченка, — усе́ вінъ на́че смутни́й... та й спита́ла яко́сь Ка́трі: »а ви изъ нимъ нико́ли не сва́ритесь?« А вона́ мині: »що 'тсе тобі Богъ давъ, Хи́мо! Отсе́ бъ изъ ни́мъ сварити́сь!

»Та чого́ жъ вінъ на́че невесе́лий хо́дить?« кажу́.

— Таки́й завсю́ди, — зговори́ла, сама́ тутъ ми́ттю впечали́вшись. »Ти смутни́й?« пита́ла я ёго́. »Чого́ жъ ти смутни́й?« А вінъ мині: »на світі більшъ сму́тку, ніжъ ра́дости!« — »Що гово́-

ришъ, се́рце! та я, якъ зна́ю, що ти мене́ лю́бишъ, я забу́ла, яки́й то сму́токъ на сві́ті живе́!« »Се«, ка́же, »се та́кеньки Богъ даé тільки дівча́тамъ, та пташка́мъ співо́чимъ...«

Таки́й він, таки́й, Хи́мо! И говóрить, и жа́луе сму́тно; а по то́му, ще мині любіший, ще миліший...

Постерегла́ ма́ти, що дітьця щось, поспита́ла.—Ка́тря призна́лась матусі. А ма́ти головóю журли́во похита́ла:

»Отсе́ и твоя́ пора́ прийшла́, до́ню! Гляди́ жъ, се на ввесь вік, Ка́тре! гляди́, кого́ обира́ешъ, та й неха́й тебе́ Ма́ти Бóжа и благослови́ть и допомóже!«

Ба́тько не пита́въ нічóго; чи він здога́дувавсь, чи ні — того́ не зна́ли ми. Пра́вда, що дві́чі, а мóже й більшъ, він якóсь пильне́нько на насъ споглядáвъ. Ми, було́, собі говóримо, що я́къ се бу́де — Ка́трине весільля, та яке́ житте ій кра́сне, гада́емо; а ба́тько усту́пить до ха́ти, — ми й пополóшимось усі: одна́ схóпиться, дру́га шука́е чогóсь за за́пічкомъ, тре́тя гóлку загу́бить, — ба́тько ся́де у сто́ла, ди́виться би́стримъ óкомъ та й ка́же: »а въ якому́ кутку́ пожа́ръ въ на́шій ха́ті?«

Ми й скаменіемо передъ нимъ... Він почне́ про господарство що́ говори́ти ма́тері, яке́ діло зага́дувати, ми візьмемось роби́ти щи́ро якъ, Бóже еди́ний!

Чого́ бъ то й опа́суватьця було́? Ми ду́мали, що він прийме Ча́йченкове залицяньне ласка́во, бо Ча́йченко и бага́тий, и молоди́й, и дочці лю́бий, и лю́де Ча́йченка не цура́лися — чого́ жъ опа́суватись? А ми все боя́лися ду́же ёго́ ча́сомъ. А ма́ти вже для свóеі дочки́ поклопота́лися, постара́лись. Ба́чу, де вже стрінутьця зъ Ча́йчихою, пося́дуть рядóчкомъ, и пóтиху розмовля́ють собі любе́нько, а прощаю́тьця, то обійма́ютьця щи́ро. Прийшла́ до насъ Ча́йчиха у неділю, а въ се́реду вже ма́ти до Ча́йчихи йде. Ча́йчиха зновъ и собі не забари́тця насъ одві́дати; та й пішлóся та́къ, що аби́ яке свя́то, то або́ Ча́йчиха въ насъ, або на́ша ма́ти у Ча́йчихи...

Ка́тря намъ зъ Мару́сею призна́лася, що бу́де ій сва́тати Яківъ въ-осени́. Ма́ти вдалúся до Пилúпихи за пора́дою; росказа́ли ій усе́, що дочка́ вподóбала па́робка, що то́ хорóші лю́де — за ни́ми нажи́тьця!

— Дай Бóже щáстя!— говóрить Пилúпиха.

»Охъ, голу́бко моя́! я ще не зна́ю, якъ чоловікъ згоди́тця....

та чого́ бъ ёму́ не згоди́тьця? Сéй хиба́ не га́рний? Сéй хиба́ не до́брий па́робокъ? И замо́жний....«

— А ти ма́ти, чи ні, своїй дочці? Якъ почне́ вінъ прúмхати, то ти й ру́ченьки попу́стишъ — не́хай моїму́ дитя́ті до́ля ги́не.

Вже якъ тільки вчу́ла удова́, що ба́тька боя́ться, вона́ жва́во вхопи́лась за сва́танне: »Що зъ того́ бу́де, що ви голова́ми розкива́лися? До́бре ділó — дово́дьте жъ ёму́ кра́ю!«

Та й одпочúти не даé ча́су; підмовля́е та підгово́рюе: »хутчій! хутчій!« Було́, моя́ годúнонько, ажъ за рука́ва трясé, щобъ хутчій....

Почала́ ма́ти захо́дити коло старо́го, та свого́ сло́ва домовля́ти; почала́ усé про Ча́йчиху прова́дить, та ёму́ нага́дувати, та хвалúти, а ра́зомъ вже й сúна молодо́го:

»Що́ то за па́робокъ хоро́шний, роботя́щий, уда́тний, — се ма́тері втіха відъ Бо́га, а не синъ!«

— Вже того́ не зна́ю, яки́й вінъ до ділá, — ка́же ба́тько, — а що до та́нцівъ, то вдавсь: дівча́тами, якъ му́хами, увива́е.

»А що́ жъ, мій го́лубе? Якъ весе́лого но́рову, то ве́село изъ нимъ и жúти бу́де, кому́ су́дить Госпо́дь. Самъ не сумова́тиме и подру́жьячку смуткова́ти не дасть.

— Не жо́дну й ту́гу танцю́ра розтанцю́е! — на те́ ій одмо́вивъ.

У-дру́ге зновъ примо́щуетця ма́ти Ча́йченка добри́ть: »а мотóрний, а розу́мний, а сла́вний!« Пúльно ба́тько ій у вічи погля́нувъ.

— А що́ се хва́лишъ, — змо́вивъ, — нина́че бъ зя́тя?

»Якъ во́ля Бо́жа та твоя́ вго́да, мій го́лубе!« одка́же ёму́ ти́хо, та умо́вно такъ уже́!..

Ми зъ Ка́трею сидимо́ — не тхнемо́...

Стари́й подиви́всь на жінку, подиви́всь на дочку́.

— Не шука́й дочці па́ри, стара́, — промо́вивъ, — вже я ій самъ па́ру знайшо́въ; — осени́ заждіть.

Стара́ зиркъ на дочку́, — дочка́ обмертвіла либо́нь; сплеснý ла ма́ти рука́ми, та на ёго:

»Мій ти го́лубе ми́лий! за ко́го жъ ти ії 'ддáти хо́чешъ?«

— Се вже мині зна́ти.

Та й ви́йшовъ зъ ха́ти.

»Годі, до́ню! го́ді, дитúно моя́!« вона́ до Ка́трі. »Не печа́ль свого́ се́рденька, Катре́ мо́я ми́ла, го́ді! Я для те́бе на все зва́-

жуся; я поклонюся ще́ твоє́му ба́тькові; я ёго́ бу́ду за те́бе проха́ти....«

— Идіть, ма́мо, йдіть бо — просіть за́разъ! Идіть, ма́мо, йдіть!

»Не мо́жна такъ, до́ню! Та́къ гірше бу́де: зажди́ тро́хи....«

— Ма́мо, ма́мо! яково́ мині зажида́ти!

Ми ії вговоря́ти ста́ли... Та коли́ жъ умо́вивъ хто молоду́ ту́гу нетерпля́чу сло́вомъ розсу́дливимъ?

Слу́хаючи, Ка́тря поливалася слізьми́, та все своє́, знай, пра́вила: »йдіть, идіть за́разъ!«

»Ка́тре!« говорю́, »бу́де гіршъ зъ тимъ по́спіхомъ: ми ки́немось до ба́тька — блага́ти, а я́къ вінъ прийме тепе́ренькн? Що́ жъ, якъ вінъ згукне́ намъ отте́ своє́ »го́ді« та й нага́дувать ще́ не звели́ть?«

— Го́ре моє́! го́ре моє́! До́бре! Я жда́тиму... Якъ же мині ва́жко! чи се смерть моя́ прихо́дить!.. Тре́ба ще́ дожида́ти! коли́ жъ се бу́де? коли́? скажіть, ма́мо!

»А отъ, за́разъ по обі́ді, ви зъ Хи́мою ви́йдіть зъ ха́ти, — я то́ді ёму́ скажу́... Я тоді скажу́ и поблага́ю... Для своє́і дитини й го́лову під сокиру покладають, а то бъ мині ще не попіклова́тися тобою...

— Я жда́тиму, — промо́вила Ка́тря: — я терпітиму.

А жда́ла вона́ такъ, якъ отъ пташки́ сидя́ть у кліткі, — що вже нікуди летіти, то бьютця де́ зачи́нені.

VI.

Обідаючи, ба́тько на́че не добача́въ, якъ ма́ти блідла, якъ Ка́тря пла́кала, — сидівъ таки́й, не-га́дки, якъ и вчо́ра.

Після́ обідъ, ми съ Ка́трею за́разъ зійшли́ зъ ха́ти, ста́ли по́вкупі під дверима.

Довге́нько у ха́ті ти́хо було́...

»Го́лубе мій!« заговори́ла ма́ти: »на́шу Ка́трю хо́чуть сва́тати...

— А що́ жъ! Неха́й сва́тають, хто хо́че, — зъ то́го дога́ни нема́!

»Се молоди́й Ча́йченко хо́че сва́тати.... Яка́ твоя́ вго́да?«

— Я за Ча́йченка не 'ддамъ.

Я вже живосíломъ одволікла́ Ка́трю отъ дверéй ха́тніхъ: »Ка́тре! Ка́тре! усé пропадé!...«

Затрусíлася вона́ и ста́ла нерухо́мо на прúслухъ зно́ву.

»Дити́на ду́же па́робка вподо́бала«, про́сить ма́ти: »нехáй же вона́ въ насъ щасли́ва́ бу́де!«

— Не на те́ я дочку́ ви́кохавъ,—грімнувъ ба́тько,—щобъ я їй пе́рвому пройдúсвіту мавъ оддáти, якúй тамъ їй въ о́ко впадé!

»Чімъ вонú не лю́де? И до́брі, й замо́жні; усі іхъ на пова́зі ма́ють.«

— За́ що поважа́ють? Хиба́ за те́, що зайшла́ вона́ невідо́мо чого́ та й осіла у селі чужо́му.

Зна́ли бъ лю́де... чу́лись би непоро́ки на іхъ, а то усі шану́ють... Ти самъ пе́рве зъ ни́ми захо́дивъ...«

— Я по усіхъ шляха́хъ би́тихъ блука́юся и бага́то люде́й набриде́шъ уся́кихъ, що на воро́та бъ свої не пуска́въ іхъ нікóли...

»Вели́ку ла́ску мині зроби́, послу́хай!«

— Го́ді!..

Ка́тря якъ скричúть, зарве́тця до ха́ти, — я й за по́перекъ вхопúла, у сіни наза́дъ одки́нула....

— Що́ таке́? — пита́ ба́тько зъ ха́ти, біжúть ма́ти...

»Се ми йдемо́ въ бе́регъ по во́ду«, одкажу́ го́лосно. Та відра на коро́миселъ, та Ка́трю обіручки за собо́ю...

»Не журúсь«, вмовля́ю ій, »не журúсь! Мо́же ще ба́тько власка́вится — вінъ же тебе́ жа́луе!«

Якъ же нападе́тця на ме́не Ка́тря! »Куди́ се мене́ тя́гнешъ? Що́ на ме́не замишля́ешъ?«

Ажъ я сама́ тро́хи излака́лася: »Та Богъ изъ тобо́ю, Ка́тре«, кажу́: »обмірку́йся гара́здъ!«

Облила́ся вона́ слізьми дрібними.

— Коли бъ же я хоть *его́* поба́чила, своé се́рденько хоть тро́хи розвеселúла! Хúмо! бігáймо у велúкий га́й, — вінъ сего́дні у гаі де́рево руба́е.

»Бігáймо«, кажу́, »утрúся, не плачъ!«

Вона́ тоді за́разъ обітерла очúці и побігли ми до га́ю, прихова́вши відра свої по-надъ ро́вомъ у буряна́хъ.

До га́ю хоть близе́нько вида́ти, та дале́ко стриба́ти: розсу́дливій людúні на до́бру годúну ходú, а ми перебігли не зупиня́ю-

чись. Чу́емо вже — соки́ра цю́кає и го́лосъ вітеръ до насъ зано́сить — пі́сні хтось співа́е.

»Се вінъ!« впізна́ла до-ра́зу Ка́тря.

Тутъ ми ёго́ й поба́чили оби́дві заразо́мъ, ще оддалі́къ....

Вже тоді вісень ишла́; листъ червонівъ, жовтівъ, вя́нувъ и обсипа́всь, и котю́чий вітеръ низа́вся поміжъ де́ревомъ безли́стимъ. Го́лосно и просто́ро ста́ло округи́, у свіжімъ гаю́ пахущімъ...

Ба́чимо ёго́, а вінъ насъ ще не ба́чить — співа́е. Ка́тря припини́лася. »Що́ вінъ таке співа́е?« спита́лася, вжахну́вшися співу того́: »що́ вінъ співа́е?«

— Послу́хаймо, — кажу́, — то й почу́емо... Ходімъ бли́зче.

»Цить! постріва́й!« шепо́че мині.

Ста́ла за кущъ, та й слу́ха. Слу́хаю й я.

Ча́йченко обру́блювавъ гілки́ зъ зва́леного де́рева, и кругъ ёго́ зру́бане дере́вье и пенькй свіжі; надъ нимъ ясне́е та холо́днее не́бо, гра́йливе со́нечко. Недба́ло вінъ своє́ю соки́рою блискучою цю́кавъ, — заду́мався самъ тя́жко, и ти́хо и су́мно співа́въ.

Оттака́ була́ ёго́ пісня:

Співа́въ вінъ, що люби́въ коли́сь щи́ро та вірно, а ёму зра́да ста́лась несподівана, — и вже повікъ нещасли́вий вінъ жи́тиме; коха́ють и́нші — та до-и́ншихъ се́рце вже не приля́же, до нико́го:

»Хоть яка́ ласка́ва, яка́ чорнобри́ва,
»Та не бу́де та́къ, якъ пе́ршая мила!«

»Яки́хъ се ти пісе́нь співа́ешъ?« покри́кне кри́комъ Ка́тря, на́че себе́ не памьята́ючи.

Вінъ издріг нувся; швиде́нько схопи́всь, ки́нувъ соки́ру, взявъ Ка́трю за ру́ку, — зновъ пусти́въ, и зновъ соки́ру піднявъ.

— Спаси́бі, — ка́же, — спаси́бі, що прийшла́, а я не сподівався...

»Бо́же ми́лий! яко́і жъ сму́тної ти співа́въ! Яку́ ти *ми́лу* зга́дувавъ? Була́ вже, либо́нь, *пе́рша*, а я — *дру́га?*«

Вінъ такъ ніби тро́хи измішався.

— Лу́чше, — одмовля́етьця, — лучше пожа́луй мене́, моя́ ри́бонько!

Вона́ румья́нцемъ уся́ закраси́лася, якъ те сло́во почу́ла, — вона́ усе́ своє́ го́ре забу́ла....

»Ні«, ка́же, »я зна́ю, що ти мене́ вірно лю́бишъ, а я тільки пожартува́ла, — збачъ мині те́....«

Та й зно́ву, пере́скокомъ:

»А на що тако́і сму́тноі співа́въ? Проти чо́го співа́въ тако́і?«

Тоді вже я зъ-за куща́ озва́лась:

— Чи забу́ла, — кажу́, — голу́бонько-гуркотли́вочко, чого́ бігла сюди́?

»Ой, ли́хо жъ мое́ вели́кее! неща́стя мое́!«

— Що ти ка́жешъ?—пита́ іі Ча́йченко, вклони́вшись мині. Усі ми посіда́ли на при́корню.

»Ба́тько за те́бе да́ти мене́ не хо́че!«

— Ма́е друго́го зя́тя до руки́?... кого́ се? — пита́ вінъ, — та чу́дно мині те, що пита́ вінъ ні ве́село, ні жу́рно, на́че за хлібъсіль подя́ку склада́е.

»Кого-сь тамъ ду́мае на мое́ безголо́вья!« гово́рить Ка́тря, запла́кавши.

— Вже зя́ть нареко́ваний!—ка́же тоді Ча́йченко.—Отъ воно́ що́! кра́щого знайшли́! Нічимъ втіша́тись та й наріка́ти ні що́; да́рмо жъ зъ сухо́і крини́ці во́ду брать...

Ма́біть за доса́ду ёму́ ста́ло, що тро́хи мовъ знева́жений зоста́вся... у́ста сти́снувъ и го́лову піднявъ го́рдо, и о́чи блискону́ли... Та все те потаівши у собі, ніби зъ упоко́емъ по-ма́лу устае́...

— А тобі жъ якъ? Ти що́ ду́маешъ? — пита́ Ка́трі.

»На що пита́ешъ? на що мое́ се́рце кра́ешъ?« одка́же вона́.

— Та хто васъ зна́, хто й розбере! — промо́вивъ Ча́йченко гірко: — покоха́ете вра́нці, забу́дете вве́чері!

Зарида́ла-запла́кала Ка́тря, а я проти ёго голово́ю хита́ю.

Вінъ тоді узя́въ іі за ру́ку.

— Не плачъ! ще ти молода́, ще твоя́ до́ля тебе́ дожида́е!

»Якъ? безъ те́бе? Хиба́ жъ ти кого́ ще покоха́ешъ? То ти й щасли́вий зъ друго́ю бу́дешъ?«

— Вже мині не було́ того́ ща́стя одвіку, та й повікъ не бу́де!... Проща́й, дівчино! бува́й здоро́ва й щасли́ва!

»Та що́ се ви«, говорю́ я, »та ви жъ ся́дьте, пора́дьтеся: якъ ёго́, що́ тутъ роби́ти, я́къ запобігти? — мо́же ще й ні за що бу́де на до́лю наріка́ти. Сіда́йте лишъ!«

Вони́ слухня́ненько коло ме́не посіда́ли; вінъ су́мно диви́всь,

вона́ жъ на́че усі шляхи́ погуби́ла, тілько усе́ до ёго бли́зче горну́лася.

Отъ и ста́ли ми ра́дитись.

»Не тре́ба ба́тькові докуча́ти слізьми«, кажу́. »Не тре́ба тепе́ръ до ёго й приступа́ти «

Ча́йченко усёго дослуха́е, скла́вши ру́ки.

»Я ба́тькові до нігъ упаду́«, нахваля́етця Ка́тря, послу́хавши мого́ сло́ва розу́много. »Якъ не віддасть мене́ ба́тько за тебе́, я вмру!«

— Ти й до нігъ зажди́ упада́ти, — мо́влю ій, — и вмира́ти зажди́: мо́же ще й такъ перемеже́нитця; а поки́ що (кажу́) не займа́й ба́тька, неха́й вінъ самъ тро́хи вгаму́етця.

»Та яково́ жъ отта́кечки й не зна́ти — чи мині жи́ти у сві́ті, чи лежать у домови́ні? Ой ли́хо моє! ли́хо моє!«

— А ти ду́мала! Се́ воно́, житте́ людське́, се́ воно́ й е́: терпи́-терпи́, надійсь та сподіва́йся! — вивожу Ка́трі.

»Або ще й сподіванку поки́нь, та жи́ви собі та́къ, якъ безъ не́і живе́тця!« дода́въ Ча́йченко. Зна́въ, ба́чте, па́робокъ, пора́дою втішити. .

— Розу́мний не стра́тить наді́і, — я ёму́: — тре́ба сподіва́тись жи́вши...

»Поки не зра́дють,« зновъ мо́стить вінъ.

А Ка́тря то́ді до ёго пригорну́лася. »О«, ка́же, »отсе́ я тебе́ зра́жу?«

Ажъ и вінъ на таке́ лю́бе слове́чко всміхну́всь.

— А намъ пора́ до-до́му, — нагаду́ю, — щобъ ча́сомъ не нажи́ти намъ собі ли́шенька!

»Иди́, Хи́мо, голу́бочко!« гово́рить Ка́тря. »Я ось тільки ще дві слові ска́жу, я тебе́ наздожену́.«

А сама́ мене́ вивóдить на сте́жечку.... Я пійшла́.... Що́ й каза́ти! Я ще підъ га́емъ чима́лу годи́нку трива́ла тіхъ двохъ слівъ.... Та вже до́бре й те́ мині, що вона́ прийшла́ тро́шки спокійніша и веселішая.

Допа́ли крини́ці, та боржій, спо́внивши відра, додому побра́лись. Насъ перестрівъ батько....

»А до яко́і се крини́ці ходи́ли?« спита́въ.

— Ми ще й прогуля́лися собі тро́хи, — одка́зую ёму́.

Вінъ подивúвсь мині въ вічи и подивúвсь на дочкý... А въ дочкú слёзи хвилюють... »Бáтенько!« промóвила.

И пішóвъ собі, нáче вінъ не завважúвъ и не чувъ слóва ïï благáщого...

VII.

Часъ идé, минáетця; ми ждемó собі крáщого, бідкаемось, страхáемось. Бáтько не згáдує за Чáйченка.

Зняла́ жъ бýчу Пилúпиха, якъ визнáлась бáткова подія...

»Якъ«, кáже, »якъ! Та чи жъ ти не рідна мáти своїй дитúні! Чи не ти страждáла, чи не ти ïï згодувáла? Нехáй би такъ менé хто зáстувавъ передъ моїмъ дитя́мъ! Я — мáти, вільно мині ïï за кóго хотя́ віддáти, чи за пáна, чи за нáймита, за того́, хто мині до вподóби...«

Та ажъ тоді вонá посварúлась зъ нáшою мáтірью, и довго до насъ не ходúла.

А на селі весілля́ лáдятьця та лáдятьця; прихóдять до насъ, запрóшують. Не гуля́нки у Кáтрі въ голові, та хóдить, — надія, бачъ, такá: — *єго* тамъ побáчить.«

Сíї óсени и бáтько нашъ на всіхъ весілля́хъ гуля́въ... Помічáю я, що Чáйченко ставъ більше до Кáтрі припадáти: тó було́ поперідъ вонá ёго́ шукá-шукá, пóки-то вінъ уя́витця, а то вже самъ вінъ ïï очима назóрить міжъ дівчáтами, и вмúсне тóді до нéї гóрнетця, якъ старúй бáтько тýтъ бýде, — якъ-би ёго́ вóлю мавъ нéхтувати...

»Гóлубé, гóлубе!« (дýмаю) »сёго́ тобі не перетенéтити тáкъ,— шкодá й захóду!..

Ну, батько нічóго собі, — тільки дúвитьця — не на Чáйченка, а черезъ ёго́ гóлову, зъ-горú...

А Чайчúха й нáша мáти сидя́ть, отъ-мóвъ ті голýбки сúві, що бачя́ть, якъ іхъ гніздéчко розношáють....

На одномý весіллю, Чáйченко вже нáдто всмілився: одъ Кáтрі мáло-що и одступáе... Мáти вже у такій тривóзі булá, що забýла й молодúхъ привітáти.

Пéршъ усіхъ гостéй нашъ бáтько побрáвсь до-дóму и намъ звелівъ схóдить; а ще самé гуля́нине, самі тáнці.... пішлú ми до-дóму; пішлá Кáтря плáчучи.

»На пла́чъ, Ка́тре! що́ помо́жетця?« вмовля́ю.

— То що́? я пла́чу, а все я щасли́ва! щасли́ва, щасли́ва! Вінъ мене́ лю́бить и я ёго́ люби́тиму, поки́ мого́ життя́... неха́й ба́тько зна́е! хочь гору́ю, — я щасли́ва — неха́й и те́ зна́е!

»Ка́тре! кра́ще бу́де, якъ ба́тька не гневи́ти; лу́чче, коли́ бъ Яковъ тихе́нько обхо́дивъ коло ёго. Ато́ жъ яки́й тала́нъ вамъ бу́де, якъ ба́тько не згля́нетця... Уважа́й, яка́ ма́ти смутна́, та й у якій вона́ трево́зі... Не горни́сь ти вже та́къ до ёго — и дівча́та сміятимутьця зъ те́бе.«

— Неха́й смію́тьця! Я ёго́ люблю́, я щасли́ва!

»А якъ ба́тько образи́вся, — якъ не пу́стить більшъ по весільляхъ ходи́ти — де́ тоді Якова поба́чишъ? У-ра́нці ви́йти забороня́е, у-ве́чері самъ две́рі замика́е....

Обси́палася вона́ слізьми ще́ дрібні́шими.

— А таки́ я щасли́ва, — промо́вила. — Ей же Бо́гу мое́му, щасли́ва!

Перего́домъ, зновъ насъ на весілля прохали. Мо́же й не пусти́въ би ба́тько, дакъ ро́дичі. Идемо́ туди́ усі вку́пі, та ажъ насъ у́лиця широ́ка ти́сне.... Прихо́димо. Зи́ркъ-зи́ркъ по ха́ті, по кімна́ті, по усіхъ куткáхъ и за́куткахъ — бігма́ Ча́йченка.

»Ще ра́но, ще вінъ при́йде!« ка́же Ка́тря.

Ждемо́, та дожида́емо — нема́. Вже пізно уступи́ла стара́ Ча́йчиха. Ка́тря тільки ії зу́спіла, у-ра́зъ опини́лась біля свое́і ма́ми: зна́е, що Ча́йчиха вже не мине́. Чи Ча́йчиха не оба́чила — сіла вона́ собі оддалікъ. На́ша ма́ти сама́ до не́і добра́лась — сіла. Сидя́ть мо́вчки. И Ча́йчиха и на́ша ма́ти неспоки́йні, бачу́. Отъмовъ и хо́чуть спита́тьця, та не зва́жутьця; хо́чуть говори́ти, та не зміркую́тьця. А Ка́тря такъ и кипи́ть у піджо́ді тому́. Зна́е те́ на́ша матуся,— ди́витця на Ча́йчиху любе́нько-жалібне́нько, а Ча́йчиха на свій по́ясъ доглядаетця, та й ка́же: »Які-то тепе́рки пояси́ тчуть, моя́ голу́бко!..«

— Чому́ вінъ не прийшо́въ? чому́? — ви́мовила Ка́тря сама́, ма́тері не дожида́ючи — свое́і, — чужо́і не сором лячись.

»Ка́тре!« дорікну́ла ма́ти. »Охъ! моя́ дити́но!«

А Ка́тря й не чу́е: — Чому́ не прийшо́въ? чому́ ёго́ нема́?

»Не зна́ю, не зна́ю, моя кра́со! Вінъ каза́въ мині — бу́де... а нема́!.. ма́бить, прити́чина яка́... я ёго́ поспита́ю... я тобі скажу́...«

Та́кеньки стара́ Ча́йчиха слова́ми міша́етця, и зупиня́етця, и перехо́плюетця — що́'тсе таке́?

Да́лі вже ка́же, що Яковъ дожида́въ яко́гось чоловіка до се́бе, — якісь воли́ на спро́дажъ нахо́дятьця... »того́ вінъ и не прийшо́въ, ма́біть.«

Не-въ-заба́рі вона́ похвати́лась до-до́му и пішла́.

Ми ще було́ по весілляхъ, а Ча́йченка — якъ пійма поняла́ — нема́, ніде́ не буває. Ма́ти ёго́ хо́дить, и — то вона́ ска́же, що вінъ нездужае, то ска́же — до́ма ёго́ нема́. Сама́ вона́ журна́ ду́же, а Ка́трю вговоря́е: »Не печали́ся, дити́но, не печали́ся! Пере́йде лиха́ годи́на и го́ре перебу́детця, то й побереті́сь!«

Ма́ти те́ жъ Ка́трю свою́ жа́луе: »Лу́чче, до́ню, якъ вінъ не попада́ется ба́тькові на о́чи — ба́тько не гніви́тця, — а тамъ, мо́же Госпо́дь дасть, стари́й мій и пого́дитця.«

— Неха́й же я ёго́ поба́чу, хоть на малу́ хвили́ночку, — бага́ла Ка́тря, — неха́й вінъ хоть село́мъ про́йде, а я поди́влюсь на ёго́ зда́лека!

»Заждѝ, заждѝ, не мо́жна!« одмага́лася Чайчи́ха. »Заждѝ, заждѝ, не мо́жна«, про́сить ма́ти.

Ка́тря, хочъ смуту́е, хочъ пла́че, а слу́ха, — сподіва́етця добра́ ще́...

Одного́ дня увійшо́въ стари́й у ха́ту весе́лий: »Чи не бу́де сні́гу«, ка́же: »тамъ такі бі́лі хма́ри дра́глють.«

Стара́, дивля́чись на ёго, насмілилась:

— А що́, мій го́лубе, — вимовля́е любе́нько, — що́ ти ба́чивъ? що́ чувъ?

»А що́ я чувъ? на́шу Ка́трю сва́тають.«

Тімъ сло́вомъ сполохну́въ насъ усіхъ: хто сидівъ, — схопи́вся; хто стоя́въ, — у куто́чокъ горну́всь....

— А хто́ жъ сва́тае? кого́ намъ Го́сподь посила́? — пита́е ма́ти, ле́дві го́лосъ зво́дячи.

Ка́тря біло збіліла.

»А стари́й Ше́ляхъ за свого́ си́на Дмитра́ сва́тае. Се жони́хъ! Се не лічозі́ръ, не пройди́світъ яки́й-не́будь, се хазя́інъ до́брий, що́ зъ срібного ку́бка своіхъ гості́й почасту́е.«

— Що зъ тіхъ ку́бківъ, якъ по́вні слізъ! — мо́вить ма́ти.

»Гмъ!« Більше не сказа́въ нічо́го, тільки́ придиви́вся на не́і пи́льно. Вона́ слёзи свої ни́шкомъ втира́ла — хова́ла.

»Я собі бъ кра́щого зя́тя самъ не шука́въ«, зновъ ба́тько озва́вся; — насу́нувъ ша́пку, та й зъ ха́ти ви́йшовъ.

Ма́ти усі ду́мки припла́кали: »що́ ёго́ роби́ти, и що́ ёго́ чини́ти!«

Ка́тря ажъ бі́лі ру́ки ла́мле....

Якъ на ту жъ пеню́ — и стара́ Ча́йчиха не завідае насъ, и Пили́пиха се́рдитця: нікому пора́ди да́ти, нікому разва́жити... А того́ лю́бого якъ запа́въ слідъ, то й запа́въ...

Ма́ти почали́-були́ Ка́трю умовля́ти: »покори́сь ба́тькові, до́ню,— покори́сь, дитя́ мое́!«

— И вы вже, ма́мо?... Безтала́ннечко жъ мое́!.. — побива́етця Ка́тря...

»До́нечко ми́ла! кого́ жъ ли́хо мине́? Жи́вши у сві́ті, ёго́ не втече́шъ, — ко́жне одбува́... Що́ жъ, якъ ти ба́тькової ла́ски одпаде́шъ, а той, мо́же, одцура́етця...«

— Вінъ одцура́етця? Мо́же и я ёго занедба́ю! — Та и засмія́лася... Хотіла я ій тоді сказа́ти, що вже й тепе́ръ тро́хи на те́ похо́дило, що вінъ цура́етця, та жа́лко мині ій ста́ло... И ма́ти за се́ бі́льшъ нічо́го не змо́вила, зітхну́ла важе́нько, та ста́ла зновъ ій проха́ти: »кори́сь, до́ню, ба́тькові!« — Неха́й же я лу́чче вмру! — Якъ ма́ти не пла́кали передъ не́ю: — Або́ я вмру, або́ за нимъ бу́ду!

Давне́нько ми вже Мару́сю не ба́чили, то за го́ремъ своїмъ, то за сва́ркою тіе́ю межи́ стари́ми, та й Мару́ся на́че хова́лася: зъ ха́ти, сливе́, не вихо́дила

»Ходімъ«, кажу́ Ка́трі, »ходімъ до Мару́сі; що́ намъ, що старі посвари́лись — ми того́ не зна́емо; ми собі зъ не́ю у трійзі пора́димось.«

Мару́ся сиди́ть — ши́е́; удови́ не було́ до́ма.

»Мару́сю! Мару́сю!« гово́рить Ка́тря, »прийшла́ я до те́бе свою́ ту́гу розділи́ти, та зна́ю, що й ти мене́ осу́дишъ, якъ мое́ сло́во почу́ешъ!«

— Сядь, Ка́тре, та роскажи́, — ка́же Мару́ся.

»Ба́тько мене́ за *ёго* не дае́, — зна́ешъ? За нелю́ба мене́ вже тепе́ръ прибира́е. А я, Мару́сенько, хочъ и ба́тька й ма́тіръ, то я для *ёго* поки́нула бъ — не пожаліла... Що́ мині те́е? Неха́й ска́же — я за імъ на край світа піду́! Піду́ та й не огля́нусь разу́! Мині нічо́го не тре́ба: неха́й и́ншимъ роско́ши, и́ншимъ неха́й доста́тки, — мині неха́й житте изъ нимъ вку́пі!«

Не зво́дячи очéй, промóвила Мару́ся: — Бóже вамъ поможи́, Ка́тре!

Зуми́лася жъ я! »Мару́сю!« покли́кну. »Се ти́? та́я покірлива?..«

— Голу́бко моя́! сестри́це! — обийма́е ії Ка́тря, рида́ючи. — Ти мене́ не су́дишъ?

»За що́?« сти́ха пита́е Мару́ся. »А ти жъ ёго́ лю́бишъ?«

— Та́къ лю́блю, що й не ви́мовлю! А на ме́не усі напада́ються! хо́чуть, щобъ я ёго́ поки́нула! Мару́се! якъ би ти́ люби́ла?

»Я бъ не поки́нула.«

Я все чу́ю, та віри не йму́. — Мару́се? чи се ти́ гово́ришъ? — кажу́. А ма́ти твоя́ якъ би́ почу́ла?

»А що́ жъ? якъ би́ я люби́ла, то вже мині нічо́го не стра́шно; и нико́го бъ я не боя́лася — тільки́ того́, кого́ люби́ла...

— Ти моє се́рце розвесели́ла, Мару́сечко! — дя́куе Ка́тря. — Ду́же вже мині було́ ва́жко.... хоть мене́ ніхто́ не переу́мить, та слова́ тії мене́ обража́ли.... Спаси́бі тобі, Мару́сенько, га́лонько!

Мару́ся ій осміхну́лася. »Ні за віщо дя́кувати«, згомоніла: »я пра́вду свою́ тобі кажу́.«

VIII.

У пе́ршу жъ таки́ неділю по сёму, до насъ свати́ въ ха́ту одъ Ше́ляха. Приняли́, пошанува́ли. Дя́куе за ла́ску ма́ти, ту́гу свою́ та журбу́ перемага́ючи, — а ба́тько гово́рить:

»Я собі кра́щого зя́тя не жада́ю, пано́ве ласка́ві! Та тре́ба дити́ни запита́ти.«

Вкли́кали Ка́трю. »Ка́тренько!« кажу́ ій ти́хо, »роздумайся до́бре!« Вона́ мовъ и не чу́е. Уступи́ла до хати біла, а сміла, необо́рняя — хочъ тутъ вмира́ти.

Пита́е въ не́ї ба́тько: чи пійде за Дмитра́ Ше́ляха? та пита́ вінъ я́кся ласка́во и грізно....

»Я па́робку ганьби́ не даю́, и піти́ не піду́!« одказа́ла Ка́тря чи́сто, якъ ви́співала.

Поклони́лися свати́, — ти́хо та го́рдо геть ви́йшли зъ хати.... Ми не ворухнемо́сь; Ка́тря стоіть.... Ба́тько не промо́вивъ сло́ва, ви́йшовъ и собі зъ хати....

Пла́че ма́ти, очéй не су́шачи. Стари́й не впомина́етця про сва́таннє, мовъ ёго́ не було́; а насъ на́че не ба́чить передъ сéбе: хто увійде — не огля́нетця; хто озве́тця — не слу́хае.

А Ча́йченка того́ нема́ та й нема́!.. И ма́тері ёго́ не ви́дно... Вже Ка́тря сама́ до іхъ бігти зарива́лася — дакъ ма́ти впиня́ла.

»Коли́ вже ти мене́ не послу́хаешъ, до́ню, то Богъ изъ тобо́ю: роби́ тоді, якъ ти сама́ зна́ешъ, а я вже ба́тька не проси́тиму.«

— До́бре, до́бре, ма́мо! поки́ньте мене́, занедба́йте... Тільки пустіть до ёго!..

»Ні, не пущу́, до́ню! Я тобі на поро́зі ста́ну, не попущу́ йти!.. Не годи́тця!«

— Я втечу́ одъ васъ! — озива́етця Ка́тря. — Я або́ втоплю́ся, або́ що! Я такъ жи́ти не здолію!..

»А *вінъ* же якъ?« и́нколи спита́ ії Мару́ся, слу́хаючи того́ наріка́ння. »А якъ ти *ёго́* зажу́ришъ?.. Те своє́ го́ре ти не пести́ та́къ; яково́ *ёму́* тепе́реньки — ти не помисля́ешъ... Ти для ёго перетрівай усе́, по́ки ба́тька вблага́ешъ.«

— Та коли́бъ же хочъ на *ёго* гля́нула! хочъ до ёго промо́вила! Неха́й тільки бъ сказа́въ, що́ мині роби́ти! Неха́й вінъ мене́ въ огонь пошле́ — я піду́... Чому́ жъ бо вінъ не йде́ идо́сі! Хиба́ вінъ мене́ поки́не?

»Коли́ не йде, то, ма́бить, такъ тре́ба, Ка́тре! А ти втихоми́рся та жди... Та, мо́же, ма́ешъ що ёму́ переказа́ти, за́разъ, нега́йно... Перекажи́ черезъ ме́не: я хоть и схожу́ до іхъ.«

— Ти?... А ма́ти твоя́ не пу́стить тебе́?

»Піду́. Говори́ — що́ сказа́ти?«

— Ти скажи́ — що я пропада́ю, що жива́я ги́ну!

»И на́ що отаке́ ёму́ говори́ти? Лу́чче неха́й вінъ почу́е, що ти ёго́ вірно лю́бишъ, що ти ёго́ бу́дешъ дожида́ти, що бу́дешъ ба́тька блага́ти...«

— Неха́й би вінъ зна́въ, яку́ я му́ку терплю́! Скажи́ ёму́, що бъ усе́ вінъ ки́давъ, щобъ ишо́въ мене́ одвідати... ба́тько не зна́тиме... а хочъ дозна́етця, гіршъ, ма́бить, вже не бу́де...

»На́ що таке́ каза́ти, Ка́тре?« знову ій Мару́ся: »хиба́ жъ ёму́ й такъ не ва́жко?«

— Ну хоть скажи́, що та́къ я ёго́ коха́ю, якъ свою́ ду́шу; що я журю́ся...

Того́ жъ таки́ дня, Мару́ся ка́же: »Піду́ я, ма́мо у Лю́бчики!« Пили́пиха ду́же подивова́ла, да не борони́ла... Вже якъ Мару́ся вихо́дила, убра́вшись, — вона́ запита́ла: »Чого́ се ти у Лю́бчики?«

— Піду́, ма́мо, прогуля́юся.

»Иди́, до́ню.« Сама́ ії за воро́та провела́ та то́ді вже у-слідъ, схаменула́сь, покри́кнула: »Не барись до́вго, Мару́се!«

А Ка́тря, ско́ро ви́проводила Мару́сю за сло́боду, то вже й ждать почала́ — коли́ при́йде; — переняли́ ми ії ще на доро́зі.

»А що́? ба́чила? бу́де? Що́ каза́въ? Коли́?«

— Тре́ба тобі, Ка́тре, ще потрива́ти... — ка́же Мару́ся.

»Вже не си́ла моя́ трива́ти! Такъ вінъ не при́йде? По що́ жъ ти ходи́ла? Чому́ вінъ не при́йде? Що́ каза́въ?«

— Ду́же вінъ печалови́тий що́сь, — гово́рить Мару́ся.

»Печалови́тий?« покри́кне Ка́тря. »Коха́ний мій! Сама́ такъ слізьми й розлила́ся.

»Я піду́ до ёго сама́«, ка́же, »піду́, — хочъ неха́й мене́ по́тімъ живу́ замучять, — я піду́!«

— Вінъ велівъ, щобъ ти не прихо́дила...

»Не прихо́дила? Якъ-то — не прихо́дила? То́ ти, ма́бiть, не вчу́ла! Хиба́ бъ я тепе́ръ зва́жилась на ёго сказа́ти, щобъ не прихо́дивъ, хоть би й сме́рть мині за плечи́ма по то́му?«

— Проси́въ тебе́ не прихо́дити, Ка́тре; а ти, якъ ёго́ лю́бишъ вірно, то послу́хаешъ.

»А вже жъ я ёго́ послу́хаю!..«

И до́вго вона́, по то́му сло́ві своє́му, пла́кала — си́дючи край доро́ги.

Тільки ба́чу, Мару́ся щось такъ, якъ не домовля́е: то у зе́млю о́чи спу́стить, то щось у ду́мці ма́е собі... Якъ ви́лучилася мині годи́нка, ни́шкомъ побігла сама́ до не́ї.

»Мару́се!« кажу́, »щось мині той Ча́йченко не пе́венъ!«

— Якъ-то? — пита́е.

»Не лю́бить вінъ Ка́трі щи́ро! Чи я жъ не пра́вду кажу́? говори́!«

— Та я не зна́ю, Хи́мо! — одка́же мині, роздумуючись.

»А я дакъ зна́ю, що ти Ка́трі росказа́ла не все. Аже́ не все?..«

»Ні, не все́.

»Кажи́ жъ мині усе́.«

— Та нічо́го, Хи́мо! Я що́ тамъ чу́ла, одъ Ка́трі не потаі́ла, а се, бачъ, въ ме́не мої ду́мки...

»Дарма́! роскажи́ тії ду́мки свої!«

— Отъ, якъ прийшла́ я туди́, — роска́зуе — мене́ стріла ёго́ ма́ти, та смутна́ така́, Го́споди ми́лий! А якъ я сказа́ла, чого́ я прийшла́ — вона́ запла́кала си́льне... Нічо́го й не одмовля́ла вона́ на мої слова́, тільки усе́ пла́кала... Уступи́въ и вінъ у ха́ту... Десь вінъ, Хи́мо, самъ у вели́кихъ ми́сляхъ, у скорбо́ті... Такъ змарнівъ на виду́.... Я говорю́, що мене́ Ка́тря присила́е — и здало́ся мині, — чи то такъ, мо́же, здало́ся, — що вінъ, почу́вши, не обрадівъ... Не ка́же мині свого́ сло́ва, не пита́ мене́... Тоді вже я сама́ усе́ переказа́ла, и що Ка́тря хотіла сама́ до ёго прийти́; а вінъ за́разъ похопи́вся: »нехай не прихо́дить вона́, ска́жіть ій, будь ла́ска, — нехай вона́ не прихо́дить!« Вкло́ни́вся мині та й зъ ха́ти пішо́въ...

»А стара́?« пита́ю.

— Посто́яла я тро́хи, та й беру́ся йти́ до-до́му; тоді вона́ мині, пла́чучи, зговори́ла: »Дівчино-ла́стівко!« ка́же, »вели́ка ту́га на моє́му се́рденьку, та, мо́же, ще до́ля на насъ изгля́нетця... перекажи́ 'тсе Ка́трі — щобъ вона́ такъ не вбива́лася; ще, мо́же, усе́ на до́бре ви́йде...« Та я й пішла́...

»Що́ 'тсе тамъ у іхъ — та́йности? Щось непе́вно... Чи не довести́ сёго́ Ка́трі?«

— То що́ жъ ми ій дово́дити ма́емо, коли́ не зна́емъ сами́ гара́здъ, — ка́же Мару́ся.

»Та я вже зна́ла, що Ча́йченко не лю́бить щи́ро Ка́трі; нехай же й вона́ ввідае. Колись таки́ ся пра́вда справди́тця, — лу́чче нехай тепе́ръ. Скажу́ ій, та й го́ді! А чи пойме́ жъ віри вона́ мині? Та й чимъ мині довести́? И якъ тогді вона́ прийме́?.. Якъ би на ме́не, то пра́вда гірка́я кра́ще кри́вди соло́дкоі, — воно́ й здоровішъ до того́, — та не всі жъ бо таку́ вда́чу ма́ють.«

Ду́мала я й передумувала довге́нько собі... Ні таки́, я ій скажу́!.. Я таку́ часи́нку ви́гадала, якъ вона́ не пла́кала, а вже по слёза́хъ, втоми́вшися, сиділа собі ти́хо. »Ка́тре!« кажу́ ій: »чи ти́ зна́ешъ пе́вно, що Яківъ тебе́ лю́бить?«

Вона́ гля́нула на ме́не, якъ на дити́ну малу́, — осміхну́лась.

»А що́«, кажу́-таки́, »якъ вінъ тебе́ та поки́не?«

Вона́ ще веселішъ до ме́не засмія́лась.

— Ти ще нічо́го не розуміешъ! — промо́вила.

»Мо́же розу́мію кра́ще, ніжъ ти«, говорю́ ій: »збо́ку усе́ вба-ча́етця видніше!« Зво́жу на о́чи ій чима́ло таки́хъ, що люби́ли, та й поки́нули; що поки́нули, та ще й насмія́лися; и́нші вишу́кують того́ кохáння такъ, аби́ замути́тьця; а є й такі, що вимага́ють щи́рости, нескажи́ для то́го тільки, щобъ зоста́вити повікъ нещасли́вими и́мовірнихъ!.. Усе́ світо́ве я ій дово́жу га́рно, беру́ся розсу́дливо, якъ могучи́, — та шкода́ мого́ ро́зуму клопітно́го! Якъ хто кого́ лю́бить, то люби́вий — и найкра́щий у світі и все вже добро́ відъ ёго. Не ду́мки намъ, що ро́бить вінъ, якъ и и́нші лю́де, — не гаразд; а така́ ду́мка, що нехай лю́де ёго́ ро́бомъ ро́блять, то усе́ до́бре бу́де. Такъ-то мині Ка́тря одмовля́ла, що́ ій роскажу́ — яку́ зра́ду — вона́ й одмо́вить: »я бъ и зъ-ро́ду тако́го не коха́ла па́робка!«

»А чому́ твій Яківъ самъ не йде́, и не хо́че щобъ ти приходила?« Чому́ ёго́ ма́ти хочъ не навідаетця?«

— Се вінъ зна́е; вінъ мині ска́же.

Я вже тоді и дово́дити ій и говори́ти го́ді. Коли́ бъ вона́ хочъ розсе́рдилась за що не́будь, а то прийма́е мої ре́чи такъ, на́че я ій кажу́, що Ча́йченко птахъ, а не па́робокъ, — и зъ ме́не ще вона́ сміе́тця: »нічо́го не розуміешъ!«

У ха́ті у насъ несо́гласка, сумъ. Ба́тько хму́рий хо́дить, ма́ти пла́че та жу́рится... Ка́тря за своє́ю ту́гою, та за кохáннємъ, то й не зважа́ла на ма́терину журбу́.

»Мату́сю! го́ді вамъ пла́кати! Або́ ви Ка́трі не потура́йте, або́ не пла́чте вже!«

— Вамъ, ско́римъ оттаки́мъ, лу́чче у світі, — одка́же сму́тно: — ви собі, якъ вже покладете́ — »такъ бу́де!« та й ведете́ до то́го. А я, нещасли́ва, я не зна́ю, що́ мині пе́ршъ діяти: не га́рно Ка́трі потура́ти, та жа́лко и впиня́ть — якъ я згада́ю, якъ вона́, моя́ голу́бка, побива́етця! Хи́мо, моя́ дити́но! хто ёго́ й зна, що́ тутъ и кра́ще! Тутъ Ка́тря моя́ ги́не, а тутъ чоловікъ скипа́етця проти ме́не, — вже й на о́чи не хо́че прийма́ти...

Окро́мъ Ше́ляха, ніхто́ ще Ка́трі не сва́тавъ; а Ше́ляхъ, того́ жъ таки́ ти́жня, якъ Ка́тря імъ згордува́ла, засва́та́въ другу́ дівчину, та й одружи́всь. Та, було́, прибере́ свою́ молоду́ жінку, мовъ ту́ю кра́марку бага́ту, — тамъ-то нами́ста дорого́го, тамъ-то дукачівъ; а сама́ жінка мане́нька, коротéсенька, та ажъ пи́х-

че підъ ти́ми убра́ннями, — а вінъ усе́ ії ми́мо на́шихъ віконъ у свя́то прова́дить — самъ у такій ша́пці, якъ ре́шето, у по́ясі шовко́вому, черво́ному, що ажъ о́чи въ се́бе бере́. Иде́, та пове́рхъ на́шої ха́ти поглядає: »що 'тсе таке́ стоїть, що я ёго́ до́бре не ба́чу?« таки́мъ, було́, по́глядомъ поглядає.

Пізно підъ вісень, того́ ро́ку, побра́вся нашъ ба́тько у доро́гу. Якъ вихо́дивъ: »бува́йте здоро́ві!« промо́вивъ усімъ намъ загу́ртъ, та й пішо́въ... Ми за імъ идемо́, прово́дити ёго́ за сло́боду. Ста́ли ма́ти гірко пла́кати, — вінъ тро́хи зупинивсь и говорить: »ви собі робіть, якъ зна́ете; коха́йтеся, коли́ вхітні, — а я на своє́му сло́ві ста́ну: я за Ча́йченка дочки́ не 'ддам̀ъ, по́ки живъ. Бува́йте здоро́ві!« Підня́въ проти́ насъ ша́пку, та й пішо́въ доро́гою, — а ми у слідъ ёго́ ди́вимось стоїмо́, якъ хо́лодомъ приби́ті.

»Ка́тре! Ка́тре! дити́но моя́!« ви́мовила ма́ти: »въ яку́ се годи́ну ти закоха́лася! Го́споди світе! Пішо́въ, ле́дві попроща́вся — коли́ се бува́ло?« Диви́лася за ба́тькомъ, вилива́ючи слёзи, а вінъ усе́ да́лі, та й за го́ру зайшо́въ, тілько ще чу́ли, якъ гука́въ: »гей! гей!«

Ще дослуха́лися-стоя́ли, та вже ти́хо — додо́му тоді поверта́ли: »Ка́тре!« пита́е ма́ти, »чого́ заду́малася?«

— Я хо́чу Якова ба́чити!

»Ой, дити́но моя́! Чи не чу́ла, що ба́тько каза́въ?«

— Я хо́чу Якова ба́чити!

Не тужи́ла вона́, не пла́кала, и на все, що ії прохала ма́ти и зупиня́ла, и жалува́ла, — на все вона́ одмовля́ла: »я хо́чу Якова ба́чити!«

IX.

»Ка́тре!« гово́рить ма́ти, »нехай я лу́чче сама́ піду́ туди́, — сама за все розві́даю...«

— Ні, ма́мо, ні! Чи таки́ ви сами́ не ба́чите, що мині не до жда́нківъ, не до обітниць... Не зборони́йте мині, ма́мо! Я не послу́хаю васъ... я нещасли́ва — я на все піду́...

Побра́лися ми у Лю́бчики, не га́явши ча́су. Намъ ва́жко було́, а Ка́трю обняла́ яка́сь ра́дість божевільна: усе́ вона́ позга́дувала, и бала́кала не стиха́ючи. Спомьяну́ла, якъ ми були́ на вхідчи-

нахъ у Чайченка, якъ танцюва́ла въ Бу́лаха на весіллі, пригада́ла знако́михъ дівча́тъ Любчівськихъ и паробківъ, усі жа́рти и ви́гадки весе́лі на́ші, — отъ, ніби-то вона́ була́ десь у тісній, зе́мній неволі, та се ви́зволилася, и зновъ ийме́тця ій на житте весе́ле и лю́бе, и забіга́е вона́ вже ду́мками поманли́вими...

Уступи́ли ми сперву́ до свое́і ро́дички; зраділи намъ, прийма́ють. Въ ха́ті у іхъ усе́ такъ, якъ и було́, ти́хо та суми́рно. Чоловікъ ії привітний, сама́ весе́ла та спокійна. Вінъ вже са́ни ладна́, вона́ кожухи́ перегле́жує: до́бра імъ о́сінь була́, до́броі и зими́ сподіва́ютця... Здоро́вий величе́нний кітъ му́рий, на со́нці потяга́ючись, мру́кае — зъ свого́ до́брого талану́; воли́ високоро́гі полови́і ди́влютьця зъ за́городи у двіръ пова́жно; бі́лиі гу́си поспіша́ютця на во́ду зъ гори́; а чорноря́бі каченя́та, кря́каючи, у двіръ садко́мъ беру́тьця; ку́рі рознопері по усёму́ дво́рищу розбрили́ся, а пі́вні не вгамо́нні кукурікають, місто вихваля́ютьця. Садо́къ вже безли́стий, а не пусти́й, добіля́ютьця поло́тна, розсте́лені по землі, и ниткы́ розві́шани по де́реві; су́шятьця на со́нці грушкы́ й я́блука на тичка́хъ тоне́нькихъ; у горо́ді гурки́, на насі́ннє зоста́влени, жовті́ють, та гарбузи́...

Ста́ли ма́ти прощатися, бо вже́ Ка́тря давно́ коло́ двере́й стоя́ла, а ро́дичка про́сить: — погуля́йте ще въ насъ, та погуля́йте!

»Та я хо́чу ще Ча́йчиху навідати«, ка́же ма́ти.

— Ії жъ до́ма нема́е.

»Де́ жъ вона́?« спита́ли ми усі, а Ка́тря голосні́шъ одъ усіхъ.

— А поіхала у Хмели́нці ще позавчо́ра, до си́на.

»А синъ чого́ тамъ?«

— Хто́ ёго зна́е! Вінъ вже давне́нько все тиня́етця десь... На́ші лю́де ёго́ ба́чили въ-оста́ннє у Хмели́нцяхъ, а се́ и ма́ти поіхала туди́ до ёго́; вони́ жъ сами́ зъ Хмели́нцівъ, въ іхъ тамъ якісь ро́дичі...

И хати́ бі́лі й хазяі́ ми́лі — немо́въ пи́ломъ припа́ли, по тій нови́нці, для насъ. Слу́хаемо, якъ вони́ роска́зують та хва́лютця и життемъ и людьми́; та хто́ жъ не зна́, якъ то слу́хати легкі ре́чі безнапа́стного щасни́ці, при своій лихій годи́ні? Се якъ тя́жкнеду́жому припада́ють па́хощі весняні, що й хо́роше дочува́ти іхъ, и то́млють на-уміръ...

Пішли́ ми собі до-до́му, а Ка́тря зверта́е до Ча́йченкової ха-

ти; схили́лася на тинъ и подиви́лась у ти́хий та пусти́й двіръ, бліда́ сама́, якъ ху́стка.

»За́втра я зновъ прийду́«, промо́вила на́че сама́ до се́бе.

Тільки ми тро́хи ви́йшли за село́, на перехре́сний шляхъ, навпере́йми намъ чоловікъ во́зомъ иде́, воли́ поганя́е — за́разъ ми впізна́ли Михайла Иване́нка: якъ ёго́ не пізна́ти? Ду́же бувъ біля́вий во́лосомъ, а засма́лений вітромъ, опа́лений со́нцемъ — то бро́ви й усъ на́че вино́мъ понялися. До-то́го, висо́кого зро́сту, кощя́вий, похіпливий, жва́вий... Сей Иване́нко на-пропа́ле закоха́вся у ярмарка́хъ, у ку́плі та въ прода́жі: чи засіва́въ пашню: »се повезу́ у я́рмарокъ!« чи жавъ, чи коси́въ, чи вигодо́вувавъ що́: »бу́де чімъ поярмаркува́ти!« Ча́сомъ вінъ, було́, й втра́титця здо́рово, а ста́нуть ёму́ те́ дово́дити: »то що́, що втра́тився! аби́ свіжа копійка!« Жінка ёго́ горува́ла за нимъ: якъ одружи́вся, то вінъ вже тре́тю ха́ту се перепро́давъ. Якъ нема́ ёго́, то все жінка жаліетця лю́дямъ: »Які хаточки́ були́ придо́бні, які сла́вні — поспро́дувавъ; тепе́ръ опоряджа́ю сю́ ха́ту, та й сю́, ма́бить, прода́сть; мене́ не жа́луе, літъ моіхъ не вва́жуе!« А якъ вінъ до́ма гостю́е, то зновъ вона́, якъ не жада́ посвари́тися — не мо́жна изъ нимъ сва́рку зачепи́ти. Вінъ ій привезе́ и очіпокъ, и сере́жки, и ху́стку за́всіди; вінъ свою́ ку́плю такъ кра́сно пока́же, а прода́сть — до́бре, та́кеньки сло́вомъ передъ жінкою примінитця, тако́го ій новино́къ нароска́зуе, — а була́ жінка цікава зъ цікави́хъ, — що вона́ ёго́ слу́хае та й заслу́хаетця, — та то́ді тума́нъ спаде́, якъ вже вінъ зновъ зъ до́му ви́хопитця куди́ у я́рмарокъ.

»Звітки Богъ несе́?« пита́ ма́ти Иване́нка...

— Зъ яко́го я́рмарку? — кажу́.

Ка́тря иде́ попе́реду, не слу́ха, тільки́ вклони́лась Иване́нкові, ма́ючи зви́чай.

»А се«, ка́же, »бувъ у За́йчикахъ, бувъ у Лебедівці; у Хмели́нцяхъ бувъ...

— Де́сь-то вже я́рмарокъ до́брий у Хмели́нцяхъ, перехопи́ла ма́ти, отъ и Ча́йчиха туди́ поіхала, — не ба́чили ії?«

— Де́ то вже не ба́чивъ! Хо́дить и вона́ по я́рмарку, мовъ гро́ши загуби́ла.

»Чого́ жъ се такъ? Тамъ же воны́ зъ си́номъ?

— А синъ хо́дить якъ про́бу ро́зумъ загуби́въ. А га́рна удова́ веселіе, що загу́блене знайшла́.

»Яка́ удова́?«

— Хоро́ша, молода́, свіжа... Отъ, коли́ бъ таки́хъ та спро́дувати, чи купля́ти, — були́ бъ торги́, кажу́ вамъ...

»Чи не зна́ете, якъ вона́ на имья́ прозива́етця?«

— Вбача́ючи, — ка́же, — ди́во, та не спита́ти, звідки взяло́ся?« Вона́ Терни́чихою прозива́етця.

»Чи жъ Ча́йченко ії сва́тати хо́че?«

— Тамъ іхъ залётчиківъ біля́ не́і тако́го, що́ за де́нь не перевішаешъ; — хто́ сва́тае, а хто́ візьме — се-то вже вона́ зна́е.

»Бува́йте здоро́ві!«

— Щасти́ Бо́же!

Ка́тря нічо́го того́ не чу́ла...

»Бо́же мій, Бо́же вели́кий!« промовля́ла мати зъ жа́лемъ, идучи́ доро́гою: — »Бо́же мій до́брий!«

Ду́мали-ду́мали, я́къ ёго́ лу́чче Ка́трю завісти́ти про те́, що чу́ли, та порівня́вшись, про́сто усю́ пра́вду ка́жемо. Ма́ти пла́че та вмовля́е: »не журі́сь«, та про́сить: »забу́дь!«

»На́ що мене́ дури́ти«, гово́рить Ка́тря зъ смутко́мъ.

Ми присяга́емось, що чу́ли одъ Иване́нка.

»Го́ді! го́ді вже!« тільки одмовля́е.

Якъ у ха́ту, увійшла́, припа́ла на ла́ві, схили́вшись на поку́тне віконе́чко — ди́витця, та ду́мае; а тамъ якъ звела́ся — бліда́, бліда́!

»Що́ тобі, Ка́тренько, що́ тобі?«

— Нічо́го! я поду́мала: що́, якъ би тому́ пра́вда була́, що вінъ и́ншу покоха́въ... я тільки поду́мала, я вири́ не йму... и не ня́тиму...

На дру́гий день вона́ таки́ зновъ пішла́ у Лю́бчики; була́ и на тре́тій... Що́ ма́ти говори́ла, сварилася — не слу́хала... усе́ вона́ собі ду́мала и часте́нько на виду́ блідла...

На за́втрий день вона́ зновъ у Лю́бчики, и на поза́втрий — що-дня́ йде. Коли́, було́, я за не́ю піду́ собі — вона́ мене́ и не завва́жить на́че; а заговорю́ до не́і: »го́ді, го́ді!« перехо́пить мене́... У Лю́бчики увійде (я вже, було́, усе́ веду́ ії по-під городами, якъ изъ не́ю, по́тайно), прийде до Ча́йченкової ха́ти, поди́вится на две́рі позачи́нювані, на ти́хлий двіръ, посто́іть та й до́му верта́етця...

X.

Одно́го ра́нку Ка́тря вже убіра́лася йти у Лю́бчики, коли́ сама Ча́йчиха до насъ у ха́ту. Усі ми та́кеньки до не́і й ки́нулися...

Сіла́ стара́ на ла́вці, пита́е, що́ въ насъ, чи все гара́здъ, чи все до́бре. Я на не́і дивлю́сь — зма́рніла вона́ чого́сь ду́же за той часъ, що ми ії не ба́чили.

»Та не такъ-то до́бре«, одка́зуе ма́ти, »я́къ би се́рденько моє́ жада́ло!«

— А що́ стари́й ка́же про діто́къ на́шихъ? Чи вінъ коли́ надъ ни́ми власка́витьця?

Ка́тря, що все коло́ не́і сиділа́ та трепета́лась, при сімъ сло́ві якъ ки́нетця, якъ обхо́пить ії рука́ми, якъ заридае: »де́ вінъ? де́ Яківъ?« ви́мовила.

Стара́ ії жа́луе, — гово́рить, що вінъ ху́тко бу́де до не́і, що здоро́вий... Ма́ти взяла́ Ка́трю за ру́ки, я дала́ води́ці...

»Коли́ бу́де вінъ, ска́жіть ми́ні!« про́сить стару́ Ка́тря.

— Та за́втра бъ ране́нько прийшо́въ, коли́ бъ не ба́тько твій...

»Нема ба́тька!«

— То ране́нько при́йде.

»За́втра ране́нько!« ви́мовила Ка́тря, обня́ла го́лову свою́ и ва́жко зітхну́ла.

— А що́ жъ ба́тько вамъ ка́же? — пита́ Ча́йчиха, — що ка́же вінъ?

То́ді ій ма́ти усе́ й росказа́ли... Якъ сплесне́ Чайчиха рука́ми, якъ запла́че! »Го́споди ми́лий! за що́ моє́му дитя́ті ща́стя нема́!«

Ма́ти, сама́ у слеза́хъ, поглядае на свою́ Ка́трю, та промовля́е:

— го́ді! що́ се ви!

»Вже довіку́ бу́де до́ля его́ гірка́! Се та́къ ёму́ поро́блено! Не бу́де ёму́ па́ри довіку́! Не бу́де ёму́ ща́стя!

Ка́тря схопи́лася; ма́ти уста́ла; усіхъ якъ хви́лею прибило́ до Ча́йчихи.

— Якъ поро́блено? Хто ёму́ поробивъ?

»А та жъ удова́, те моє́ ли́хо пеку́че!« ка́же Ча́йчиха, дрібні слёзи виливаючи. »Не суди́въ Госпо́дь намъ поріднитись, та ви мині якъ наймиліша роди́на... Слу́хайте жъ усёго го́ря мого́!

»Зна́ете, що спершу́ ми у Хмели́нцяхъ жили́ и була́ тамъ у на́съ въ селі удова́ прехоро́ша, пи́шна... Терни́чихою зва́ли. Така́-то вже жва́ва, говірка́, така́ — що й летю́чі слова́ хапа́е.... така́ то до ко́жного прикідчива, при́ладна, ле́стна... Я таки́ ще у-пе́рве, якъ ії поба́чила, поду́мала: непе́вні о́чі удови́ни! Це жъ се́рденько мо́е чу́ло!... Одко́ли зазна́вся изъ не́ю мій Яківъ, ні дочо́го ставъ па́робокъ — ні до робо́ти, ні до господа́рства, й гуля́ння поки́нувъ парубо́цьке. Де вона́, тамъ ёго́ и о́чі, тамъ и га́дки ёго́...«

Ма́ти слу́хае, на свою́ Ка́трю сму́тно поглядаючи, слу́хае й Ка́тря пи́льно; стоіть, уста́ сти́снуті. А Чайчи́ха усе́ роска́зуе:

»Якъ я ёго прохала́: поки́нь, со́коле, поки́нь, си́зий! Не слу́хавъ:—такъ вона́ до ёго прики́нулась, такъ присе́рбилась, що й світь ему́ ввесь завьяза́ла. Безъ не́і, мовля́въ, мовъ не живи́й хожу́. Вже я́къ мині и за невістку не хотілося прийма́ти, та вже Богъ изъ тобо́ю, кажу́, си́ну, ожени́ся. Засла́ли старостівъ... А вона́ жъ? Насмія́лася зъ ёго, ма́тінко! Не пішла́! А що́, си́ну, кажу́ тоді, не на моє́ ви́йшло? Вона́ усімъ рівно очи́ма свіпить, якъ тобі... Поки́нь, забу́дь стидку́! Вінъ усе́ не ки́давъ. Дівда́вся, що ви́явився бага́чъ зъ чужо́го села́, и засва́талася вона́ зъ тимъ багаче́мъ, а ёго́, якъ на воді лишпла. Що́ вінъ поскорбівъ тоді, що́ вінъ поболівъ — я зна́ю! Та що́ ви ду́маете? Яка́ недо́бра, яка́ незвича́йна! хо́дить та й хо́дить, було́, въ насъ предъ віконню — ёму́ жалю́ завдае́. Иде́ хоро́ша, уря́жена та весе́ла, и ди́витця, чи нема́ ёго́ де́; угле́дить — на добри́-день дае́, на здоро́вья пита́етця... Таку́ поки́нути бъ, та ще Бо́гу подя́кувати, а вінъ усе́ люби́въ... Дала́ вона́ яке́сь данню́ ёму́, — якісь ча́ри чарува́ла...

Я, моя́ ма́тінко, ріки слізъ ви́лила — блага́ла: си́ну, ожени́ся, — коха́ний, ожени́ся! неха́й же вона́ зъ те́бе не сміе́тця. До́вго вінъ мене́ не слу́хавъ, — а дели́ самъ схаменувся. Була́ у насъ дівчина, що ёго́ давне́нько вже люби́ла, ми до не́і сватівъ — дівчина не хо́че... Ма́біть вже перечу́ла що таке́, або́ вже то заподіяно такъ було́: зъ дру́гимъ па́робкомъ дівчина повінча́лася.... А та́я безбо́жниця ёму́, підъ вікно́мъ на́шимъ сто́ячи, ви́гукнула: »бурлаку́й увесь вікъ, Якове, та люби́ тільки мої о́чі я́сні!« И зъ ре́готомъ пішла́ собі — у доло́ні пле́ще; а вінъ за не́ю у слідъ біжи́ть, якъ дити́на, а вінъ, якъ дити́на, пла́че... Вона́ по-

бра́лася изъ тимъ своімъ багаче́мъ, поіхала изъ нимъ, та ху́тко зъ ёго ро́дичами усіма́ посвари́лася, зъ людьми́ поневіря́лася — не схотіла жи́ти тамъ: вмо́вила чоловіка у Хмели́нцяхъ ха́ту купи́ти, и зновъ у Хмели́нці вки́нулася... Тоді вже таке́ ли́хо прийшло́, та́къ вона́ Яко́ва зво́дила, що вінъ и нездужавъ, и марнівъ. Лю́де вже ста́ли хита́ти на ёго голово́ю... Я усе́ спро́дала своє́, и селидьбу и това́ръ, яки́й бувъ, та въ Лю́бчики ми перебра́лися відъ не́і... И Богъ мині допомага́въ: Яківъ оду́жавъ, ставъ нена́че тро́хи забува́ти, на вечорни́ці ставъ ходи́ти, — коли́сь вінъ у ме́не міжъ усіма́ паробка́ми такъ и сявъ! Отъ вінъ вашу дочку́ вподо́бавъ... Я вже до́лі ёму́ сподіва́лася, — сподіва́лася що стари́й вашъ таки́ змилуетця, — коли́ Яківъ: »не хо́чу жени́тись! не бу́ду!« Я пла́чу, я пита́ю, я па́даю: — »не хо́чу!« И прочу́ла я, що въ *не́і* чоло́вікъ вмеръ: — де́ вже зъ не́ю на сві́ті задля́етця! Несподіванна ёго́, ка́жуть, смерть спости́гла; а вона́ за́разъ Якову зна́ти дала́, щобъ до не́і іхавъ... Вінъ и поіхавъ... Я за нимъ; прохала́, по́чі не всипля́ла, дні не вгава́ла — вінъ не слу́хае, вінъ для не́і и ма́тіръ стару́ и само́го себе́ забува́е... Дивлю́сь, що по я́рмарку за не́ю ю́рма жене́, и мій Яківъ поміжъ и́ншими... Я вже хотіла до-до́му, та до васъ, усе́ ли́хо сказа́ти, — коли́ Яківъ до ме́не прийшо́въ, та й впавъ на ла́ві... Що́ таке́?... А се вчо́ра изно́въ вже засва́талася зъ яки́мсь шинкаре́мъ!.. Ста́ла я тоді Якову говори́ти, вмовля́ти — и вінъ слу́хавъ мене́... Ду́мали — я́къ ва́шого старо́го вблага́емо, такъ и весілля бу́де... Та, ма́бiть, вже поді́я така́! Ма́бiть, вже ёму́ не бу́де ща́стя! Ма́ятись ёму́ одино́кому бідола́ці!«

И ста́ла Чайчи́ха пла́кати си́льне, и ма́ти пла́че. Ка́тря швидко изъ ха́ти вийшла; я-за Ка́трею.

»Ка́тре! Ка́тре!« кли́чу, — не озива́етця, йде́ у́лицею швидко. Догна́ла я ії, беру́ за ру́ку, спи́няю: »та куди́ жъ иде́шъ, Ка́тре?«

— Не зна́ю... куди-не́будь да́льшъ відъ ха́ти... Такъ о́тъ чого́ вінъ тако́ї пісні співа́въ! о́тъ чого́ вінъ смутова́въ! Вінъ не мене́ люби́въ — *ії!*

»То́ — було́, та вже́ тепе́ръ пройшло́ — и ти́ не ду́май... До́бре, що обміркува́вся вінъ, — зба́чъ ёму́: нема́ того́ дре́ва, щобъ пти́ця не сіда́ла!«

— Бо́же мій, Бо́же! Вінъ мене́ не люби́въ и не лю́бить!

»Бодай тебе́, Ка́тре! хиба́ и такъ въ насъ зъ тобо́ю на ли́хо,

на сумъ нестáтки? Ти вже лýчче зъ Яковомъ поговорú, — нехáй сáмъ вінъ скáже усé, чи вінъ тебé лю́бить...«

Вонá озирнéтця на мéне, — якъ схóпить менé за рýку:

— Ти мині не згáдуй ёгó на имья́! Я ёгó вже не побáчу! Не хóчу!

Та й слёзи рéвні ій словá перехопúли... Гóсподи! якъ вонá плáкала, якъ ридáла! Якúми допріками палкúми, якúми гірькúми ёгó дорікáла! менé не слýхала — не чýла...

Тáмъ утерла слёзи и знóвъ швúдко завернýлася до хáти. У хáті мáти зъ Чáйчихою горýють у-двійзі.

»Я не підý за вáшого сúна«, промóвила гóлосно Кáтря.«

— Якъ? Щó? — питáе Чайчúха, перелякáвшися чи ій гóлосу, чи ій пóстаті. Злякáлася й мáти.

»Не підý за вáшого сúна«, ще голоснішъ говóрить Кáтря, »не хóчу. Хоть и бáтько давáтиме — не підý!«

Мáти ажъ рýки до нéба простягла́, а Чáйчиха слізьмú вливáлася.

— Чáри, кáже, чáри! Я знáю! Не дýрно вонá ёмý крúкнула: »бурлакýй довíку!«

Усí плáчуть; Кáтря стоíть нерухóма у стóла, тільки дúше.

Чи то вже тáкъ упéвняна булá тимú чáрами стара́ Чáйчиха, чи що Кáтря такъ свої словá вúмовила непóзибко, Чайчúха тільки сказáла: »такá вже дóля!« щé поплáкала, пожурúлася, лю́бо попрощáлася зъ нáми — (Кáтрю якъ обняла́ вонá, Кáтря ажъ издрігнýлася), та й пішла́ собі до-дóму, горýючи.

Кáтря за нéю у-слідъ подивúлася. Сíла на лáві и дивúлася по хáті, дивúлася на насъ пúльними та бистрúми очúма, нáче вонá щó поховáла — та недóбре ще обміркувáлася.

»И дóбре, дóню,« озвáлася до нéї мáти, — »бáтьку покорúлася... перéйде тýга, знáйдешъ собі до пáри... »та й хотíла ій пожáлувати...

Якъ же заридáе Кáтря, якъ затýжить! И не вгавáе плачéм своíмъ. Мú коло нéї хóдимо, мú коло нéї пáдаемо, а то вже склáли рýки та й не поворýшимось.

Минýвъ рáнокъ, минýвъ день, поминýвъ вéчіръ, нічъ минáе— у насъ въ хáті ридáння голосне́ та гірке́, та розпáчливе. — Зъ утóми переставáла плáкати, а скóро занесé ій гóлосу людського, гóмону денного, скóро у тúші ночній зітхне́ мáти, абó я ворух-

ну́сь — усе́ те, ко́женъ о́дголосъ на́че побужа́е, на́че додае́ ту́зі сили—и ту́жить вона́ зно́ву, и рида́е, и побива́ется.

Прийшла́ до насъ Мару́ся. Сидимо́ усі ти́хо собі у сму́тку. Ніхто́ не по́раетця, не ро́бить нічо́го. Такъ и сидимо.

Бра́лися заговори́ть до не́і, коли́ Ка́тря якъ кри́кне на насъ: »Ну, кажіть мині, що́ ви каза́тимете,— кажіть, чи не ме́рлі встава́тимуть?« Та одхиля́ючи насъ відъ се́бе, та не слу́хаючи насъ, наріка́ти ста́не, жалкува́тися: »Коли́ бъ же хочъ попроща́тись прийшо́въ — коли бъ же хоть ще́ разъ ёго́ поба́чити!.. Якъ я гля́ну на ёго? Та мині зъ-за ёго́ плеча́ удовине́ ли́чко красови́те движітиме... мині іхъ лю́бі слова́ чу́ютьця, я іхъ кохання спочува́ю, въ ме́не се́рдце схне́!.. Поки́нула ёго́!.. Ба́чъ, чого́ вінъ смутова́въ! А я, щобъ ви зна́ли, я ёго́ ще більшъ за той сму́токъ люби́ла, я ёго́ ще лу́чче жа́лувала, я ёго́ я́къ розважа́ла!.. Охъ ва́жко, ва́жко жъ мині!..

— А чимъ вінъ ви́неньъ, що пе́рше люби́въ?— ви́мовила Мару́ся.

»Хто́ ви́нний, що я́ пропада́ю? хто́ ви́нний?«

— Коли ти ёго́ вірно лю́бишъ... — щось почала́ зно́въ Мару́ся...

»Чи жъ я́ не люби́ла вірно? чи я жъ не кохала щи́ро? а тепе́ръ мині що́? Лу́чче бъ я ёго́ похова́ла!«

XI.

Часъ збіга́въ; ту́га я́кось по-тро́ху ви́хла—та́ на усе́ розляглася. Пішли́ся тоді Ка́трі отті ра́нки до́вгі, а ті вечо́рі ще до́вшні, ті дні, ніякъ неперебу́тні, — що все сиди́шъ та ду́маешъ, яке́ лихо́ тво́е и я́къ прийшло́ на те́бе, и я́къ не поки́не тебе́ нікóли.

У-ночі вона́ ма́ло спа́ла;—уста́не—ні объ чімъ не до́ае; ся́де́ коло вікна́, изло́жить ру́ки, сиди́ть та въ віко́нце ди́витця. Та́кеньки ти́жні схо́дили, що вона́, живу́ща, була́ на́че ме́ртва. И ми хо́димо — на́че що́ въ ха́ті вме́рло. А ра́зомъ, яко́го-не́будь весе́лого, променисто́го ра́нку, або́ ти́хого те́много ве́чора, вона́ якъ ожи́віе,—таки́ми ре́вними, гірки́ми слёза́ми обіллетця! И ту́жить, и рида́е, и бье́тця до вто́ми... — и зновъ сти́хне, и зновъ на́че ніщо́ ій не дохо́дить до-жи́ва.

Хотіла́ зъ не́ю ма́ти говори́ти, хотіла́ пита́ти, — про́сить: »я говоріть нічо́го, и не пита́йте нічо́го.« Ні зо мно́ю, а ні зъ Ма ру́сею розмо́ви не хо́че; ча́сомъ ніби зъ насъ сміе́тця.

Ма́ти журила́ся ду́же. Пили́пиха усю́ приго́ду на́шу зна́ла, ра́ди не знахо́дила, хочъ яка́ була́ мисли́ва собі. Вона́ тільки ся ди́ла, та свари́лась, що ма́ти кори́тця чоловіку, що зъ то́го ус лихо́ встае́, — та більшъ вона́ дово́дила того́ гнево́мъ сво́имъ, а ніж слова́ми.

Діжда́ли ми ба́тька зъ доро́ги. Поверну́вся вінъ таки́й, яки пішо́въ — не ласка́вий. Осма́лений со́нцемъ та обвітряний, зда ва́всь вінъ ще́ похму́рніший ніжъ бувъ.

Поверну́вся до-до́му у-ве́чері; ми ще не лега́ли, а вже всю́ди було́ ти́хо, якъ ёго́ го́лосъ грізни́й почу́вся. Ми ки́нулися, я ма́ти, ёму́ на зу́стрічъ, кли́чемо Ка́трю за со́бою: »иди́ ба́тька стр ча́ти.« Вінъ у двіръ уступи́въ, насъ мина́ючи, тільки мо́вчки вкл ни́вся, — ми такъ и стоімо́; — вінъ опоряди́въ усе́, — то́ді у ха́т сівъ на ла́ві одда́лікъ одъ усіхъ. Ма́ти вече́ряти проси́ла — вінъ кивну́въ голово́ю, що до́бре, и вече́рявъ усе́ мо́вчки, усе́ не ди влячись на насъ. Тільки одного́ ра́зу ёго́ о́чі би́стрі спогля́нули на Ка́трю пи́льно, — на́че бъ осма́лене обли́ччє побіли́ло трохи, а вінъ нико́му не сказа́въ нічо́го.

А Ка́тря стоіть коло́ стіни́, сама́, якъ стіна́ біла́, — ба́чу — зомлівае. Добача́е те́ й ма́ти, хо́че мо́ву поча́ти зъ ба́тькомъ, та го́лосу нема́ сло́во ви́мовити.

»Втоми́вся я«, ка́же ба́тько.

— На добра́-нічъ вамъ, — (кла́няюся ёму́); узя́ла Ка́трю за ру́ку, та й ви́вела за со́бою съ ха́ти у світли́цю. Вона́ сіла и трусилася уся́.

»Що́ то́бі, Ка́тре?« пита́ю. »Чи ти ба́тька пзлька́лася?«

— Ні, ні... я тільки спогада́ла... якъ то́ді блага́ла я ба́тька, якъ нарика́ла!... то́ді въ ме́не було́ ща́стє... тепе́ръ вже ні-об чімъ мині проси́ти дома, нічо́го сподіва́тись зъ сторони́... Нема въ ме́не нічо́го, — я сама́ нещасли́ва!

»Ути́хни, Ка́тре, ути́хни для ба́тька, ба́тько почу́е, — го́ді вговоряю ії.

— Утиши́ жъ ти пе́ршъ моє се́рце! — одмо́вила, рида́ючи.

Нічъ ишла́ въ ту́зі та въ жалю́. »Те́мная нічъ яка́!« промов ля́ла Ка́тря суму́ючи, — яка́ те́мная та до́вгая!« А ста́ла зоря́ роз-

світа́ти, ста́ло со́нечко ясне́нько схо́дить, — ка́же: »Вже й зоря́етця! Вже со́нце; — де́нь, — я́къ ёго́ перебу́ти до но́чі — Бо́же ми́лий!«

Ма́ти тімъ тільки́ свою́ журбу́ тішить, що се́е безтала́ннє Ка́трине бу́де ба́тькові вго́дне; — ху́тко й поспіши́лася сказа́ти ёму́: »Ка́тря вже не хо́че сама́ за Ча́йченка.

Ду́же ба́тька слова́ іі зру́шили. »Повісти́, якъ усе́ було́, — не вмини́ нічо́го!« вели́ть.

И усе́ ёму́ ма́ти повісти́ла — що́ було́.

— Згля́нься на дити́ну бідну, дру́же мій, — про́сить ба́тька: — вона́ послу́хала, покори́лася, а нещасли́ва...

»Вона́ не мене́ послу́хала«, одмо́вивъ ба́тько, та й заду́мавсь.

Ма́ти бо́язко на ёго споглядала — гніву не вбача́ла, тільки ду́му-ду́му на чолі висо́кімъ похму́рімъ!

Да́лі вінъ пішо́въ собі изъ дво́ра — та́къ, якъ икъ га́ю побра́вся, — а тіі пори́ вже не було́ ніякого діла въ по́лі...

»Якъ вінъ приня́въ те́е — не зна́ю«, говори́ла ма́ти, сму́тно вигляда́ючи ёго́ до-до́му.

Вінъ поверну́вся у-ве́чері пізно.

У-ве́чері усі у ха́ті зібра́лися, усі вку́пі перебули́ ёго́, до́вгого ве́чора того́. Усі роби́ли ко́женъ свое́ діло.

И бага́то тіхъ вечорівъ до́вгихъ перевело́ся въ насъ безъ розмо́ви, безъ го́мону, — отъ якъ, бува́, при неду́жому, що къ смерті недугу́е, сидя́ть лю́де не згля́нутьця, бо сму́тний ко́женъ по́глядъ, не розмо́влятьця, бо нема́ імъ у сло́ві пора́ди, а ча́съ иде́, ти́хо йде, ду́же ти́хо, — то, ніби́, ра́зомъ якъ промигне́ кільки годи́нъ, и зновъ ле́дві то́читця, а ко́жна хвили́на ва́жко приляга́е на душі...

XII.

Що́ да́лі, то́ гіршъ сумова́ла Ка́тря. Жалю́ свого́ збула́ся, а обня́въ іі сами́й сумъ. То́ було́ коли́ озве́тця до насъ зъ Мару́сею сло́вомъ серде́шнимъ: »ой ва́жко, Мару́сю! ой ва́жко, Хи́мо!« а то зовсімъ одцура́лася усіхъ. Ла́ску прийма́, не вважа́ючи; що́ спита́ешъ въ не́і, загово́ришъ — »що́ тре́ба? чого́ хо́чете?« До ма́тері якъ не рідна дити́на; відъ ба́тька дале́ко сторо́нитця... Де́ тамъ въ селі приго́да, дослуха́етця, яка́ хто, жу́ритця, пла́че — ій

на́че лю́бо вдивля́тися, обміркува́ти тутъ — и ди́витця и слу́хае вона́ такъ, що ніби ій не жа́лко, що се́рце боли́ть, а жа́лко, що чоловікъ нікче́менъ у світі, и гово́рить-було́: »Отсе́ лю́де! що́ той ро́зумъ людськи́й!«

Ста́ла вона́ яка́сь холоднова́та, спокійна, хочъ и сумна́, и смутна́я.

— Бо́же мій, Катру́сю!—згада́ю ій:—якъ коли́сь — що́ ти за весе́ла була́!

»Була́ весела«, одка́же, »бо пе́рше було́ жи́ти ле́гко у світі, якъ дурно́му зъ гори́ бігти... тутъ мині де́-що нахвати́лося—зупини́ло мене́... Спита́ла я тоді: що́ то за життє на́ше? И на́ що чоловікъ живе́? По́ що у світъ ро́дитця? Живе́ на му́ку — ро́дитця на смерть. Нічого шука́ти, ні по чімъ боліти—усе́ прохо́дить, якъ димъ, усе́ мина́е, якъ зіли́на...«

Почне́, було́, та́кечки говори́ти, тільки слу́хаемо зъ Мару́сею. Наго́нить було́ хо́лоду своіми слова́ми.

— Скажи мині, Катру́сю,—пита́ю одного́ ра́зу, слу́хаючи тії мови іі суво́ри,—чи ти вже не лю́бишъ?

Та й сама́ зляка́лася, що нагада́ла ій, а вона́ всміхну́лася.

»Не бійся, не бійся«, ка́же »я́ вже не пла́чу тепе́ръ, я вже не ревну́ю, та й не коха́ю...«

— Якъ? вже забу́ла?

»Ой, Хи́мо«, промовля́е, »якъ усе́ світове́ мина́е! И коха́нне и радо́щі, и го́ре—якъ усе́ мина́е! Що було́ намъ дороге́ надъ ду́шу, — ба́чимо, ажъ пороши́нка пи́льна!..«

Змага́етця зъ на́ми, що нема́ у світі а ні до́брихъ люде́й, а ні пра́вди у люде́й. »А де́ ті правди́ві? Куди́ гля́нуть, що́ сту́плять, то все не по пра́вді. А де́ ті до́брі?«

— Ма́ти жъ на́ша? кажу́...—Перехони́ла мене́: »Ма́ти, ба́тько, ро́дичі? Та свій свое́му по нево́лі вже братъ! А неха́й-но въ одну́ річъ вкоха́ютьця та вдаду́тьця — поба́чишъ то́ді, які до́брі и яка́ пра́вда!«

— О, е́ у світі до́брі лю́ди, е́ пра́вда! — гово́рить Мару́ся.

»Хиба́ у на́шихъ ми́сляхъ изъ тобо́ю!«

— А що́ се, Ка́тре, — кажу́, — се вже ти одна́, ма́біть, сама́-одна́ пе́вна люди́на на світі?

»Що пе́вного у світі? Отъ мині пе́вно те́ тільки, що я безща́сна...«

Непорушѝмо вимовила свої слова́... Зга́дують та́кеньки да́внёго да́вна похо́ване и припла́кане. А ми измо́вкли. И отсе ні ла́скою, а ні жа́ртомъ не визво́лить ії и на хвили́ну зъ того́ лёдова́того су́му...

Ма́ти терпіла та пла́кала мо́вчки; да́рмо, бу́ло, озива́тися до Ка́трі... Ба́тько тежъ сло́ва не рони́въ; тільки ба́тько одмінѝвся я́кось... Яки́йсь по́глядъ у ёго ча́сомъ бувъ, що я ще въ ёго ніко́ли не ба́чила... Не постерегла́ того́ ма́ти, и вже́ жъ ни Ка́тря, а щось у ёму одмінѝло. Се я́, ціка́ва, сама́ тільки я завважила. Ставъ вінъ ніби на виду́ похмурніший, а ласка́вший; мовчу́щий якъ пе́рше, а унятливий; ставъ піклува́тий таки́й, каза́въ би ніжний...

Яко́сь Ка́тря, ди́влячись у віко́нце, промо́вила: »Усе́ хма́ри, усе́ него́да! коли́ вже те ясно́ бу́де! коли́ теплішъ ста́не!« То я́къ вінъ виглядавъ того́ ясна́! я́къ ждавъ на те тепло́! якъ ще зъ-ве́чора вихо́дивъ и дивѝвсь пи́льно та вважливо округи́ на не́бо!

Ка́тря ле́гко спа́ти ста́ла, не доспа́ла у ночі; а, луча́лося, у день засне́ коло свого́ віко́нця. Увійшо́въ одного́ ра́зу ба́тько — дверѝма грукну́вши. Ка́тря издрігну́лася... Якъ вінъ після то́го тихе́нько уступа́въ завсіди, або́ пережида́въ на-дво́рі, на пеку́чому моро́зі, щось ніби тамъ ро́блячи, а ну́дячись безъ діла, поки́ довідаетця, що Ка́тря обуди́лася!

Яко́сь принесла́ до насъ Пили́пиха кожуша́ночку — хвали́лася, що до́бра — »А спра́вді до́бра«, каза́ла Ка́тря.

— До́бре, коли́ бъ и тобі таку́, — гово́рить Пили́пиха. »До́бре бъ и мині«, ка́же Ка́тря.

На дру́гий день ра́но, ба́тько изъ дво́ру поіхавъ, — у ти́ждень поверну́вся — ажъ у другому́ повіті бувъ: привізъ намъ усімъ нові кожуша́нки. Дае́ Ка́трі — яке́ пону́ре ёго обли́ччє було́ и якъ трусѝлася рука́ даючи́! Якъ вінъ принявъ якось покірно, що вона́ бра́ла не гля́дячи що́ бере́, и дя́кувала... Якъ вінъ поспішѝвся у місто, коли́ вона́ сказа́ла, що тамъ кра́щі черевѝки, ніжъ у насъ!

Ча́йченка ми не ба́чили, а ні старо́ї ёго ма́тері. Ча́сомъ, було́, перечу́ешъ черезъ дівча́тъ, що зостріли де, або́ такъ іхъ на имья́ згада́ють — тільки ми й зна́ли.

XIII.

Чу́ю, той мині ка́же: »Мару́ся зъ лиця́ спа́ла«, той мене́ пита́е: »чи Мару́ся нездýжае«, — Пили́пиха при́йде, гово́рить, що дочка́ въ не́і вья́не, и хва́литця, що ху́тко ій помо́жетця, а ча́сомъ по чванли́вому обли́ччю біжя́ть слёзи дрі́бні... И сама́ я ба́чу, що Мару́ся занепада́е.

»Мару́се, що́ тобі? Ти чого́-сь жу́рисся?« ка́жу ій.

— Ні, — гово́рить, — мині нічо́го, и я не журю́ся.

Ка́тря ба́чить, слу́хае — и все ій байду́же. Одного́ жъ ра́зу ми сиділи зъ не́ю сами́, я почала́ про Мару́сю ій зга́дувати: що́ се ій таке́ ста́лося, що вона́ така́, а ніко́ли не жа́литця, и не ба́чила зъ-ро́ду я, щобъ вона́ пла́кала. Ду́мати бъ, ма́ти не ласка́ва, такъ ма́ти й пе́рше бу́ла така́ са́ма — а тепе́реньки тільки що ра́ди не про́сить — жа́лко дочку́. Я отта́къ гово́рю, Ка́тря заду́малася. Ду́мае, ду́мае, мовъ що прига́дуе, — та оберта́ючись до ме́не:

»А зна́ешъ, чого́ Мару́ся така́ ста́ла? чого́ Мару́ся схне? Вона́ Ча́йченка лю́бить!«

— Отсе́! — покри́кну. — Що́ ти, Ка́тре! сха́мени́сь! Та вона́ зна́ла, що вінъ іі не лю́бить...

»Дарма́! та вона́ ёго́ коха́е! Я не зна́ю, якъ давно́ я сёго не зрозу́міла, ще тоді... А по́тімъ я вже не ду́мала, забу́ла усе́...«

— Та по чо́му жъ ти вважа́ешъ? Чи коли́ вона́ ёго́ зга́дувала? Вона́ жъ одъ ме́не, здае́тця бъ, не кри́лася... Вона́ жъ тепе́ръ ніку́ди не хо́дить... А, мо́же, й коха́е, та кого́ и́ншого...

»Ёго́! ёго́! се напе́вно. И давно́ вже коха́е. Вона́ жъ ёго́ пе́рше насъ зазна́ла. Памьята́ешъ, якъ усі ми то́ді, весе́лі та дурні дівча́та, прибіра́ючись на весілля, якъ ми пита́ли въ не́і про ёго и я́къ вона́ одъ насъ втіка́ла, я́къ не хотіла роска́зувати и я́къ нічо́го не росказа́ла, — памьята́ешъ? А я́къ мене́ пита́ла, чи я спра́вді ёго́ коха́ю? А я́къ заступа́лася за ёго́ передо мно́ю? Чи усе́ ти памьята́ешъ?

Тоді я усе́ згада́ла собі, и те весілля, и слова́ усі Мару́сини; згада́ла бага́то чого́, що пе́рше зна́ла, та не дба́ла, — та й сама́ заду́малася: мо́же воно́ й спра́вді та́къ. А все ще віри мині не

йме́тця. Якъ же се я не постерегла́ бъ того́? Очи жъ мої усе́ ба́чили до́бре — де́ жъ прови́дливость моя непоми́лешна? Де мій ро́зумъ би́стрий?

Я хочъ такъ со́бі не прика́зувала, та та́кеньки ду́мала.

Тільки мині хвили́ночка вільна,—я за́разъ до Мару́сі побігла; посту́кала у віконце́: »Мару́се, Мару́се, голу́бонько! вийди хуте́нько!«

Вона́ вихо́дить, а я до не́і тимъ таки́ сло́вомъ: »Мару́се, ти коха́ешъ Ча́йченка?«

Вона́ издрігну́лася и пи́льно на ме́не погля́нула, ти́хо ії о́чі засия́ли; ли́чко спахну́ло румья́нцемъ, и ка́же мині: »то що́?

— Пра́вда сёму́, Мару́се? А я Ка́трі віри не няла́, я не ду́мала... И ду́же ти ёго лю́бишъ? И давно́ вже?

»Я за ёго уме́рла бъ«, гово́рить, дивля́чись по́глядомъ своімъ до́бримъ, а смі́лимъ: »я для нёго бъ у світі жи́ти ра́да... а лю́блю я ёго́ давно́, давно́... за́всіди люблю́, якъ зазна́ю...«

— Вінъ же до те́бе не залиця́всь нікóли, Мару́се? Вінъ до Ка́трі... до и́ншої...

»Неха́й здоро́въ бу́де та щасли́вий изъ тіе́ю, що покоха́е собі...«

— А тобі жъ, Мару́се? Тобі тільки му́ка, печа́ль та го́ре?

»Хочъ го́ре, — я відъ ёго усе́ прийму́ за до́бре.«

— А ма́ти жъ твоя́?

»Що́ жъ ма́ти моя́? Я ій тимъ не докуча́ю.

— Та вона́ замича́е, що ти вья́нешъ, вона́ тимъ печали́тця...«

»Коли́ бъ же діялось по моій во́лі, коли бъ моя́ си́ла, то я бъ румьяніла!«

— Якъ же ти за́міжъ підешъ?«

»Я не піду́ за́міжъ.«

— А ма́ти ста́не си́лувати.

»Що́жъ?.. ва́жко мині бу́де.

— Та вже жъ ва́жко за нелюбо́го йти!

»Ні, я кажу́ — бу́де ва́жко, що ма́ти вмовля́ти ста́не, а я не піду́...«

— Та чого́ жъ дожида́тимешъ? На яке́ добро́ вповáешъ?

»Я нічо́го не дожида́тиму й ні на́ що не вповáтиму.«

— Та вінъ не зна́е и не дба́е, що ти ёго́ коха́ешъ!

»Неха́й! Аби́ я ёго́ коха́ла.«

— Ли́хо тобі изъ тимъ коха́ннемъ бу́де та го́ре, а радощівъ я не сподіва́юсь:

»Коли́ не суди́лося ми́лого ща́стя, неха́й ми́ле го́ре бу́де...«

— Прощава́й, Мару́сенько! — кажу́ їй.

»Бува́й здоро́ва!«

Провела́ мене́ тро́хи, ще попроща́лася, й пішла́ до госпо́ди ти́ха та ясна́.

А я додо́му. Иду собі та думаю: чого́-то на світі не бува́, аби́ здоро́ва на́ша голова́! И той Ча́йченко! Чи вінъ у барвінку ку́панний, що такъ дівча́тъ чару́е? Коли́ вже на пра́ву йде, то й мині вінъ чи одну́ нічку сни́вся? Вже я ходи́ла, ходи́ла до голови́ по ро́зумъ, по́ки схамену́лася... Поду́мала, зітхну́ла, та й сказа́ла: »го́ді!« И го́ді.

»А що«? пита́ Ка́тря въ ме́не, всміха́ючись, »чи жъ я не вга́дала?«

— Твоя́ пра́вда, — кажу́. Нещасли́ва дівчина! Жа́лко мині її ду́же! Гірька́ їй доля́ суди́лася!

»Гірько даре́мне ко́хати,« промо́вила Ка́тря, »гірко даре́мне дожида́ти, а ще гірше не коха́ти й не дожида́ти!«

Зъ Мару́сею вона́ про се не захо́дила у розмо́ву, хиба́ такъ, на вдога́дъ, що ска́же Ка́тря: »на́ що те коха́ння у світі?« А Мару́ся: — а коли́ се́рце коха́е — я́къ не коха́ти? Ка́тря собі: »Яки́й прибито́къ зъ тіхъ лю́бощівъ, — чи жъ ва́рті?« А Мару́ся: — не зна́ю, тільки ніхто́ не залиши́ть свого́ коха́ння...

Ча́сомъ Ка́тря якъ посміва́етця, ча́сомъ ніби якъ зави́дно їй чого́сь ста́не...

Все вона́ світомъ ну́дить, все ні до чо́го у не́і нема́ охо́ти, ні до чо́го жадо́би.

— Ка́тре! — кажу́ їй, — та́къ ти ді́ло робишъ, голу́бко, якъ мо́кре гори́ть!

»Аби́-то!« вона́ мині, »аби́ день до ве́чора!«

Ма́ти їй убра́ння хоро́ші та пи́шні купу́е — вона́ ле́дві поди́витця: згорне, та й забу́де; ма́ти посила́ її у гости́ну — неха́й розва́житця: вона́ йде усю́ди, та й усю́ди світомъ ну́дить.

Ма́ти ду́же тужи́ла, та ще й страха́лася — що́ бу́де зъ не́ю. Мене́ про́сить: »не одхо́дь ти одъ Ка́трі, поки́нь усе́, ходи́ изъ не́ю!« Ба́тько ні́чого не вимовля́въ сло́вомъ, а ра́зъ-у-разъ, де́ ми йдемо́, ёго́ скрізь стрінемо несподівано. Ні́чого не ска́же, — спогля́не на Ка́трю, и мине́...

Ка́тря ще люби́ла гуля́ти по поля́хъ, по степа́хъ, по лісі.

Хо́димо зъ не́ю — я на не́і дивлю́ся, а вона́ округи́, розмо́ви нема́. Такі було́ хо́димо, що й пта́ства не поло́хаемо...

XIV.

Броди́ли ми та́кечки одного́ ра́нку. Пого́жий, ясни́й та весе́лий був ра́нокъ той лі́тній — и зайшли́ ми ду́же дале́ко, ажъ до пече́ръ самі́хъ. А мі́сце ди́ке таке́, неосе́ляне! Бі́лі крейдяні шпилі́ гі́ръ лощя́ть на со́нці, та мі́жъ го́рами ко́тить річка глибо́ка — ні дре́ва, ні кві́ту, ні щебета́ння...

— Ка́тре! — кажу́: — чого́ се ми тутъ прийшли́?

»Ході́мъ у пече́рі«, говори́ть мині, та зъ цімъ сло́вомъ и йде, а я за нею. »Не ходи́, Ка́тре!« прошу́, »вона́ йде.

Те́мно було́ у пече́ряхъ зовсі́мъ и хо́лодъ свіжий понімавъ. Де́, зве́рху, у горову́ розпа́лину, со́яшний про́мінь рони́въ ся́ющу стя́гу.

Ка́тря йде усе́ да́лі та да́лі — вже ду́шно мині: — »вернімось Ка́тре!« йде да́лі... Вже ми набрі́ли те мі́сце, де камьяна́ по́стіль помости́лася — крейдяни́й обва́лъ, а на ёму́ ме́ньший якъ узголо́вье. У тій пече́рі навви́шки бу́де такъ, що тільки ста́ти схили́вши го́лову чоловіку невели́кого зро́сту; на стіні хрести́ ви́бити, а передъ тими́ хреста́ми на доліві я́мка: стоя́въ тутъ хто́сь ро́ки на моли́тві, ажъ мо́лячись у зе́млю вхо́дивъ.

Ка́тря стоя́ла, диви́лася и ду́мала, — не впокійна, трево́жна... Якъ ирвоне́ зъ се́бе кора́лі дорогі — ге́ть одки́нула — тільки вони́ гуръ-гуръ — розкоти́лися! Я ки́нулася збира́ти: — »що́ тобі таке́, Ка́тре?« а Ка́тря впа́ла коло тіі камьяно́і посте́лі на коліна, розливлетця слізьми.

»Ка́тре!« покри́кну: »що́ ти ро́бишъ?«

А вона́ не слу́хае, не чу́е, у слеза́хъ великихъ!..

Ледві я іі ви́вела зъ тіі пече́рі на світъ Бо́жий. — »Що тобі, Ка́тре?«

Вона́ якъ ста́ла, якъ гля́нула — чи жъ пізна́ти іі було́! Отъ на́че до́вго та до́вго тиня́лася по чужи́хъ, та ра́зомъ несподівано родину усю свою знайшла́ — заспокоена та ра́дісна, та сама́ диву́етця...

»Химо!« ка́же до ме́не, »я у чорни́ці піду́.«

Я скамені́ла — якъ стоя́ла.

»Бу́де мині спо́кій«, промовля́е, радіючи.

— Въ чорни́ці! — кажу́, — а ма́ти жъ? а ба́тько?

»Ходімъ додо́му, ходімъ«, перехопи́ла мене́, »нехай вже мене́ виряжа́ють!«

И додо́му поспіши́лася, а я за не́ю.

Увійшли́ у ха́ту. Бу́ло са́ме тоді свя́то; ба́тько й ма́ти сиділи у сто́ла гово́рячи. Ка́тря імъ вклони́лася до нігъ и про́сить:

»Та́ту, ма́мо! Я піду́ въ чорни́ці, — я бу́ду Бо́гу моли́тись.«

Ма́ти такъ рука́ми и сплеснула. Ба́тько уста́въ.

— Ка́тре! Ка́тре! покри́кне ма́ти.

»Я піду́ у чорни́ці«, промовля́е Ка́тря, »ста́ну Бо́гу моли́тися.«

— Ти жъ въ насъ одна́ дити́на еди́на, ми тобо́ю втиша́тись хотіли, а ти насъ дума́ешъ поки́нути при на́шій ста́рости... — пла́че ма́ти.

»Я за васъ буду Бо́га проси́ти», ка́же Ка́тря.

— Го́ді, до́чко, го́ді! — мо́вить ба́тько: — я тако́го сло́ва щобъ бі́льше не чу́въ відъ те́бе!

»То ви мене́ не пу́стите?« покри́кне Ка́тря. »Пустіть мене́! Не губіть моє́і душі!«

— Я сказа́въ: годі — то й го́ді! — зно́въ мо́вить ба́тько. — Я нико́ли тебе́ на се не благословлю́!

— Чи жъ тебе́ Богъ милосе́рдний при́йме, якъ роди́телі не благословля́ть, моя́ дити́но? — вмовля́е ма́ти.

»Пустіть мене́... не губіть моє́і душі... Я піду́, пустіть мене́!..« сло́во одно́ Ка́трине.

Зъ того́ ча́су усе́ проси́лася у чорни́ці, проси́лася та пла́кала. Нікуди вже не йде — сиди́ть у ха́ті — пла́че.

Ти́ждень збігъ.

Одного ра́нку поки́нулися ми, — нема Ка́трі: де́ вона́? Я кли́чу — не озива́етця, — я ки́нулася скрізь шука́ти, шука́е й ма́ти — нігде́ нема́, ніхто́ зъ сусідъ не ба́чивъ.

»Десь пішла́ проходи́тися«, ка́жемо, а сами́ вже не впевня́емось, вже се́рце мре... Нема́ Ка́трі и опівдня; вечіръ, нічъ не верта́етця. Яково́-то було́ ма́тері перетрива́ти; яково́ ій було́ ба́тькові оповісти́ти, — а ба́тька той день до́ма не була́. Якъ почу́въ вінъ — біле́нький ставъ, зовсімъ біле́нький...

»Коли́?« спита́въ.

— Вчо́ра ране́сенько, — поки́нулися, вже ії нема́! Усе́ свое поки́нула пішла́! — вбива́етця ма́ти.

Ба́тько коні запрігъ свіжі й поіхавъ за́разъ. Два дні ёго́ не було́, — на тре́тій поверну́вся на́че зъ-підъ землі.

— Нема́?— пита́е ма́ти, хоть ще зда́лека ёго́ самого поба́чила и запла́кала.

»Нема́«, одказа́въ.

Ще́ шука́ли, ще́ пита́ли — не чу́тно ніде́, ніде́ нема́ ії, якъ въ во́ду впа́ла.

— Де́ жъ вона́ пішла? Де́ жъ вона́ поділа́ся? — ра́зъ-у-ра́зъ говори́ть ма́ти: — мо́же те́перъ у вели́кій приго́ді, мо́же...

Ба́тько нічо́го свого́ не ка́же...

Не́ма у світі гірше́, якъ та невідо́мость, непе́вность: що ні заспоко́ iться, ни зажу́ритись до́бре на да́сть; та́кеньки ми́ жили́. Що годи́ни Ка́трю хова́ли, що годи́ни зно́въ опожівля́ли; уся́кі ії приго́ди й бідп опла́кували, то зно́въ надію склада́ли, що Богъ ії у всёму́ допомо́же и на до́бре ви́веде.

Гово́римо, було́, изъ ма́мою та зга́дуемо, — ба́тько слу́хае, — бровою не сдвигне́... Прихо́дили разъ-по́-разъ лю́де одві́дати насъ, а на́йбільшъ тіхъ молоди́ць-жалібни́цъ убіга́ло, що вони́, було́, въ насъ и нащебе́чутця и наплачу́тця.

Ду́же суди́ла насъ Пили́пиха, навчаючи, що сами́ провини́ли, а ще ду́жче журилась сама́ на́шою напа́стю. Ду́же тя́жко смутова́ла Мару́ся.

Пережи́ли ми вісе́нь и зіму; діжда́ли зновъ весни́. Чу́токъ було́ чима́ло для на́шого жаха́ння й сподіва́ння. Прочу́емо, що де́сь тамъ, въ повіті, ба́чили дівчину, нікому незнае́му — ба́тько іде́ пита́ти — объіжжа́е округи́ шука́ючи. Прочу́емо, що де́сь ме́рлу зна́йдено — іде ба́тько на не́і подиви́тися; чи утопле́ну поня́то — іде ба́тько ії поба́чити. Пе́вности дожида́емо — пла́чемо; дозна́емось, що не вона́ — дя́куемо, ра́ди — и зновъ пла́чемо та су́муемо, що ії слідъ запавъ.

Коли́ кли́чуть одного́ ра́на ба́тька й ма́тіръ до свяще́ника. Ма́ти й налякалася, и зраділа, и запла́кала.

»А по що́ то?« пита́ того́ дяка́, що за ни́ми прийшо́въ,—»коли́ зна́ете, ска́жіть намъ, голу́бчику!«

— Ми́ні ба́тюшка нічо́го не признава́вся, то й я не зна́ю нічо́го, — одка́же дякъ.

Таки́й бувъ спра́вді, що самъ со́бою не знавъ нічогісінько,— и голівка въ ёго була́ така́ мале́сечка, якъ зе́рнятко.

Прихо́дять ба́тько и ма́ти до свящє́ника, а вінъ імъ ка́же: »дити́на ва́ша жи́ва.«

— Го́споди Бо́же мій до́брий!

Роска́зуе то́ді свящє́никъ, що́ вона́ вже въ манастирі дале́кому, ажъ підъ Ки́евомъ дє́сь, и отсе́ листъ ёму́ пи́шуть зъ того́ манастиря́, що така́ дівчина зъ ва́шого села́ прийшла́ у пашъ манасти́ръ и зоста́лася, ма́ючи вели́ке жада́ние чорни́цею бу́ти;—а роспита́ли въ не́і, що роди́телівъ має́ замо́жнихъ, то нехай роди́телі оджа́лують ій де́-що на прожитте, бо всели́лася вона́ у іхъ въ такімъ убо́жествѣ, що й не сказа́ти; чорни́ці які́ милости́ві здарува́ли ій що-мога; а ще нехай роди́телі не забороня́ть ій спасе́нія, бо се тяжки́й гріхъ імъ бу́де, и нехай присила́ють дочці своє́ благослове́ніе. »Мо́лимося Бо́гові«, пи́шуть, »а васъ про́симо, щобъ напути́ть и навести́ роди́телівъ на до́брі и хоро́ші ми́слі та вчи́нки.«

»Пишіть до́чці благослове́ніе«, ка́же свяще́никъ,—»не спо́рьтеся, не відмага́йтесь — все рівно ії не ве́рнете, а жалю́ наро́бите, и гріхъ вамъ бу́де.«

— Не ве́рнетця вже?— пита́ ма́ти та пла́че. — Нико́ли вже не мо́жна?

»А вже́ жъ«, одказу́е священи́къ: »пишіть благосло́веніе.

— Хай же ії Богъ благослови́ть, мою́ дити́ну! — промо́вила ма́ти, — хай Богъ ії благослови́ть!

А ба́тько сто́іть — не гово́рить.

»То й до́бре«, хва́литъ свяще́никъ, поглида́ючи на ба́тька, »я такъ и напишу́, що ба́тько й ма́ти благословля́ють...«

— Ні,—озва́вся то́ді ба́тько, — за ме́не, за ба́тька, не пишіть, ба́тюшка; я не благословлю́.

»Якъ же? Та се гріхъ тобі вели́кий!« страха́е свяще́никъ.

Ба́тько зновъ нічо́го не гово́рить.

»Го́ді, го́ді вже!« вмовля́е свяще́никъ.

Ба́тько усе́ нічо́го не гово́рить.

»Напишу́, що ба́тько й ма́ти благословля́ють.«

— Ні, ба́тюшка, ба́тько не благослови́ть нико́ли — се́ напишіть, коли́ хо́чете: — пра́вда бу́де. Щасли́во!

Уклони́вся та й додо́му побра́вся.

Ма́ти не про́сить, не озива́етця — тільки́ пла́че та ту́жить.

»Що́ жъ се таке́?« гово́рить свяще́никъ до ма́тері: »чи жъ такъ рідну дити́ну поки́нете на вбо́жество, якъ сироту́?«

Ма́ти за́разъ ки́нулася до-до́му, до ба́тька за гроши́ма, а ба́тько хочъ самъ не каза́въ дава́ти, та й не заборонявъ, — зібра́ла ма́ти гро́ши, зара́зъ однесла́ свяще́никові, щоб переслáвъ Ка́трі.

»Се до́бре«, ка́же свяще́никъ, »коли́сь, мо́же, вінъ и поблагослови́ть, а тепе́ръ напишу́, що ма́ти благослови́ла...«

А тутъ лю́де прочу́ли, иду́ть — раді́ють — до насъ: »дочка́ ва́ша жи́ва! Дити́ну вашу́ Богъ бережé! Чи вжé чорни́цею? Чи ду́же далéко? — Мо́жно одві́дати, хочъ и далéко. У до́брому мі́сці знайшла́ся. Мо́же вашу́ дити́ну такъ Богъ допрова́дивъ.«

Ма́ти до усіхъ озива́етця то жа́лемъ сво́имъ, слізьми, то сло́вомъ, — ба́тько ні до ко́го не озве́тця. Хто-сь зъ люде́й ёму́ ка́же: »ва́ша дочка́.« — »Въ ме́не нема́ дочки́«, одмо́вивъ. »Ваша дочка́ чорни́ця.« — »Въ ме́не нема́ дочки́«, зновъ одмо́вивъ.

Ти́жнівъ у три́, одібра́въ свяще́никъ зновъ листъ, що дя́куе Ка́тря ба́тька й ма́тіръ за ла́ску и за гро́ші, и про́сить, щобъ ії не забува́ли.

»Якъ же ій тамъ? до́бре? Чи зду́жа? Чи здоро́ва?«, тсе ма́ти пита́лася.

А свяще́никъ ка́же: — А вжé жъ! — А дякъ: — хто́ се зна́ти мо́же? Вона́ та́мъ, а ми тутъ.

Не сподіва́ючись Ка́трі, ста́ли ми жи́ти у ти́хому, а не вгаву́чому, сму́тку. Стари́й ба́тько сивіе; на висо́кому чолі морщи́на у всю довжъ лягла́, — глибо́ка та пону́ра.

XV.

По усіхъ тіхъ випа́дкахъ та бідáхъ, ма́ти яко́сь стрінулася изъ Ча́йчихою: запла́кали оби́дві, та зъ того́ ча́су поча́ли зновъ одна́ до 'дніі ходи́ти та вку́пі горува́ти. Частішъ ходи́ла до на́съ Ча́йчиха, бо ма́ти все недýгувала. Зійдутця, згада́ють да́вне — та й смуту́ють. Прийдé и Пили́пиха... Була́ и въ не́і своя́ журба́, та ніко́ли вона́ не жалілася, и зъ-ро́ду не пла́кала. Отсе́, якъ ба́чу ії, при́йде-бу́ло, ся́де ви́ще усіхъ, поглядáе, на́че су́дить су́домъ, и роска́зуе:

»Моя́ Мару́ся вья́не. Нічо́го ій не ми́ло. Вбіра́ется не гля́дючи, що бере́ на се́бе. Міжъ дівча́та не йдé; за гуля́нне байду́же ій... Тепе́ръ сва́тае Похи́ленко — не хо́чу!... А якъ ти, кажу́,

не хóчешъ добрóхіть, то я тебé сúлою віддáмъ. »Оддáйте, та ви мині, мáмо, світъ завьяжете, — и мúні, и ёмý. Не бýде у нáсъ въ хáті ні любóві, ні лáски... Я ёгó не знáю, и не кохáю, и не бýду... Згляньтесь хочъ на ёгó, зá що дóброму нáробкові світъ завьязáти!«

— Щó жъ, кáжу, и ти́ хóчешъ у чорни́ці? и ти́ мене́ дýмаешъ при моíй стáрости поки́нути?

»Ні, мáмо. Пóки васъ Госпóдь на свíті дéржить, я васъ нікóли не поки́ну.«

— Мóже кóго лю́бить та боíтця призна́тись, — говóрить мáти: — мóже якóго сиротý вбóгого покохáла.

»Пита́ла я: хтó тебé зъ умý-зъ-рóзуму звóдить?« — Ніхтó мене́ зъ ýму-зъ-рóзуму не звóдить.«

Змóвкне Пили́ниха; зажýритця, не хúлячи голови́; а мáти зъ Чáйчихою про дóлю, та про безтала́нне світове́ почнýть, а зведýть усé на дітóкъ своíхъ...

»А щó, Марýсе, голýбко«, булó кажý íй, »щó тсе у свíті рóбитця?«

Вона́ осміхне́тця мині.

»Якъ ти живе́шъ, Марýсе?« пита́ю: »чи усé любúшъ такъ сáмо?«

— Такъ сáмо, — одкáже.

»Мóже вінъ хýтко оже́нится — ёгó мáти усé пла́че: ожени́сь, та оженúсь... хвали́лася, що обіщáвсь: оженю́ся...«

— Нехáй ёмý дóбре бýде! Нехáй щасли́во!

Такéньки, булó, и розмовля́е зо мнóю, чáсомъ співа́е, ласка́ва та ввíчлива.

И Чáйченко зновъ міжъ нáшу чéлядь уяви́вся... Таки́й сáмий, хорóший, мóже щé кра́щий... бо якъ хорóший та лю́бий поболіе, абó потерпúть, міцні́й до ёго дурне́ сéрце прилягáе... Зновъ вінъ до всіхъ привíтний, зновъ зо всíма говóрить, и зновъ нікóго не кохáе... Удова́ ёгó люблена тоді вже звінчáлася зъ якúмсь шинкарéмъ.

Марýся бáчить ёгó... Розмóви зъ нимъ не шука́ла, не навертáлася ёмý на óчі — хтó бъ пізнáвъ що кохáе ёгó! Тільки румяніти ста́ла, якъ ставъ вінъ бувáти...

»Отсé ти румьяніешъ«, кажý.

— А мáти усé говорять, що занепадáю. Підý — нехáй побáчять мене́ румьяну.

»А чого́ усе́ ти смутна́я?«

— Не ве́село, Хи́мо.

»Ти усе́ і́мъ печали́сся, — а чого́? Ёму́ у сві́ті не гі́ршъ, якъ и́ншимъ живе́тця!«

— Ёму не до́бре! — ви́мовить, и на лиці побіліе.

Яко́сь розмовля́ли та ра́дилися у насъ въ ха́ті Пили́пиха, Ча́йчиха й ма́ти, — коли́ Ча́йчиха и ка́же удові:

»Ду́же мині ва́ша дочка́ Мару́ся ми́ла: — коли́ бъ мині таку́ невісточку Госпо́дь послáвъ!«

А Пили́пиха ка́же: — вья́не моя́ Мару́ся!

»Та ій, здае́тця, тро́хи полу́ччало:—бу́де здоро́ва!«

— Не кажіть — полу́ччало: вона́ вья́не!

»Мій Яківъ — до́брий па́робокъ«, зновъ Ча́йчиха гово́рить,— я таки́ ёму́ одъ Го́спода сподіва́юся до́лі. Те́перъ вмовля́ю ёго́: си́ну мій, одружи́ся! — »До́бре, моя́ ма́ти«, одка́же, »одружу́ся, чи не ви́яснитця мині зъ хоро́шою люди́ною!« На́ що жъ мині кра́щої пита́ти ёму́, якъ ва́ша дочка́? кажіть мині, голу́бочко, кажіть мині до ва́съ старости́ сла́ти!«

— Моя́ Мару́ся не схо́че,—я си́ловати не хо́чу.

»Та хочъ поспита́йте ії, лю́бко, хочъ поспита́йте!«

А ми усе́ те зъ кімна́ти чу́емо зъ Мару́сею и чу́емо, якъ Пили́пиха ви́мовила: »до́бре, я поспита́ю!« я́къ ви́йшла до садку́, и кли́че Мару́сю.

Мару́ся тоді уста́ла одъ шитва́ свого́, йде... Я ії за ру́ку: — Мару́се! о́тъ, ди́во!

»Яке́ ди́во, Хи́мо?«

Увійшла́ у ха́ту.

— Мару́се! — пита́ ії ма́ти, — чи ти підешъ за Ча́йченка за Якова?

»Піду́«, одмо́вила.

Пили́пиха ажъ ру́ки зняла́ у-го́ру, — здивова́лася.

Ча́йчиха радіе та́къ, Бо́же мій до́брий! усіхъ обніма́е, цілу́е, пла́че та дя́кує. И ма́ти вита́е, добри́ть, а смутнішъ ій, ма́біть, ста́ло,—ма́біть, згада́лося...

— Се ти мині кори́ся, до́чко, чи по своїй любо́ві за ёго йде́шъ? пита́ Пили́пиха.

»По своїй любо́ві, ма́мо.«

— Давно́ се ти ёго́ лю́бишъ?

»Якъ ёго́ зна́ю, ма́мо.«

Більшъ Пили́пиха дочки́ не пита́ла, тільки промо́вила: — я не бороню́ тобі, до́чко!

Почали́ умовля́тися та почали́ ра́дитись... почало́ся за ві́но, за весілля...

Заручи́ли іхъ. Гуля́ло бага́то люде́й на зару́чинахъ. Вінъ був до не́і привітни́й якъ до и́ншихъ, тро́хи смутни́й, недба́лий... Вона́ була́ спокійна та ясна́...

Ставъ вінъ до не́і ходи́ти що ве́чора... Иде́ до не́і — не спіши́тця; проща́етця зъ не́ю — не заба́ритця...

— Мару́се! — говорю́: — отсе́ ти за ёго за́міжъ иде́шъ, — чи жъ тобі не прихо́дить на ду́мку, що бере́ вінъ тебе́ не по вели́кій любо́ві-кохáнню?

»Зна́ю«, ка́же, »що вінъ мене́ не коха́е; се я давно́ и до́бре зна́ю, — та вінъ мене́ и не цура́етця. Вінъ до ме́не прихо́дить, говори́ть... Я ёго́ розважа́тиму, я ёму́ догожда́тиму, — веселішъ ёму у ха́ті бу́де зо мно́ю, якъ тепе́ръ самотно́му.«

— Тру́дно та́къ жи́ти, Мару́се! Щобъ ти колись не ка́ялась!

»По чо́му мині тру́дно бу́де? Чого́ ка́ятись? Я нікóли не ду́маю, тру́дно, чи ва́жко мині бу́де: — якъ бу́де, такъ и бу́де: я перетрива́ю; я роблю́ якъ мині моє́ се́рце чу́е, що́ лу́чче...«

XVI.

Повінча́ли іхъ въ осени́.

Мині було́ тоді важе́нько. Усе́ було́ кажу́ собі: дурна́, дурна́ голова́, нерозу́мна! Усе́ було́ міркую́ и обміркую́ до́бре, — а не помага́етця... Почала́ я тоді частішъ до Мару́сі ходи́ти — ле́гше, на́че, мині ста́ло... Одно́, що Мару́ся була́ мині за́всіди до́бра, а дру́ге, що ціка́вость моя́: я́къ то вони́ живу́ть изъ собо́ю? Почала́ я до нихъ учащáти...

И, було́, я́къ не прийдешъ до іхъ — сумирно и со́гласно, та тільки чого́сь ду́же вже поря́дно, — отъ, ка́жіть, го́сті усе́ сидя́ть, а господарівъ и нема́. Нема́, якъ то бува́ ча́сомъ, чоловікъ и жінка гостéй вітáють: »А ну, чоловіче, внеси́ зъ комóри, що́ тамъ!« — »А ну́ лишень, жінко, часту́й лю́бихъ гостéй!« що, ба́чишъ, живу́ть вони́, якъ свої, и все у іхъ вку́пі: бо́лещі и ра́дощі, ду́мки

и га́дки, ва́рти и жа́рти; чи заговóрить одúнъ, дрýгий перехóпить — дока́же... А молоді Ча́йченки хочъ и рядкóмъ сидітимуть, та була́ міжъ ни́ми якъ стіна залізна. Чи той підніметця, дрýгий уступа́е геть, місце даé, — доторкнýтись стережéтця; вона́ до ёго заговóрить, якъ дочка́ до ба́тька, — вінъ до нéі, якъ зять до тéщи.

Пили́пиха сумова́ла, відда́вши Марýсю за́міжъ; зъ сýму того́ занепада́ти ста́ла.

»Якъ Богъ ми́луе?« пита́, було́, въ нéі ма́ти.

— Сама́ живý, — одмóвить; — того́ не ска́же, що сýмно самій жи́ти, ні въ-сві́ті.

Хóдить до дочки́ и за́видно ій ба́чити, що тамъ безъ нéі своя́ семья́.

»А що́, я́къ дітки ва́ші?« спита́емо.

— Була́ у іхъ въ гости́ні, то усé гара́здъ.

»Свекрýха ва́шу Марýсю дýже лю́бить, — якъ свою́ рідну ди́тину.«

— Марýся годи́ть свекрýсі, якъ мині годи́ла...

Зъ Ча́йченкомъ Пили́пиха пово́дилася звича́йненько, уня́тливо, тільки якъ зъ чужи́мъ-чужі́сінькимъ чоловікомъ, що нічого ёмý каза́ти, ні-объ-чімъ ёго́ поспита́ти.

»Мій зять«, гово́рить-було́, якъ отъ ка́жуть: »дале́кий повітъ.«

— Отсé въ васъ тепéреньки двóе дітóкъ: и дочка́ й синъ, — дýмае хто улести́ть, ка́жучи.

»Въ мéне одна́ рідна дити́на!«

Якъ вже стара́ Ча́йчиха ії шанува́ла, я́къ вже годи́ла ій — въ нéі на́че и о́чі й ýха позавíшувані. Нікóму вона́ такъ ни́зько, та го́рдо такъ не кла́нялася, якъ тій бі́дній Ча́йчисі, що та, було́, нóчі не досипля́е, — дýма, за що́ ла́ски одпа́ла, та якъ зновъ підъ ту ла́ску підійти́? Сама́ такъ намъ признава́лася. Да́лі стра́тила надію власка́вить Пили́пиху: якъ Пили́пиха до іхъ у ха́ту — вона́ тихéнько зъ ха́ти, — десь хочъ підъ ти́номъ перебýде. »Діждýся, що вона́ попрощаетця, тоді и увійдý — не мóжу ій докучáти собóю, не хóчу собóю ії гнівúти — Бóгъ изъ нéю! якъ би́ не вона́ менé смути́ла, то бъ мині такé дóбре життє було́ зъ ни́ми. У ха́ті въ насъ лю́бо, ми́ло! Я вже не зна́ю, кого́ я більшъ кохаю, чи свого́ Якова, чи Марýсю? И такéньки я дýмаю: чи жъ се ії дити́на, що така́ вона́ любя́ча, та прихи́льна, ся Марýся!«

Стара́ не до́вго ще пожила́: на дру́гий рікъ по весіллю вме́рла. Не ду́же й боліла.

Якъ ії похова́ли, Пили́пиха почала́ де́нь-у-де́нь до дочки́ ходи́ти; до-до́му тільки на нічъ, а коли́, то й ночу́е у дочки́. Дивитися веселішъ ста́ла.

За́здросна, та ра́дісна що зновъ сама́ зъ дочко́ю, вона́ бага́то де́-чого не добача́ла довго́. Вона́ не вважа́ла, що Ча́йченко, сливе́, до́ма й не живе́, тільки навідуетця; що яки́й він смутни́й, та нетерпля́чий, та неспокійний ту рідку хвили́ну, якъ посе́дить до́ма... куди́ він усе́ поспіша́етця? чого́ він якъ на жари́ні? Чи все те ба́чила Мару́ся... чого́ вже не догле́дисся, якъ коха́ешъ! Мару́ся нікому не каза́ла — я хотіла якъ-не́будь розмо́ву на се наверну́ти; вона́ мовча́ла слу́хаючи мої ті підхо́ди ціка́ві, а ти́ха, до́бра та ясна́ у своїй ха́ті.

Що да́лі забува́лася небіжка Ча́йчиха, то зновъ Пили́пиха роби́лася похмурніша — важки́мъ ду́хомъ ста́ла ди́хати вона́ на зя́тя. Спе́рше раділа, що він зъ-до́му ча́сто отгожа́етця, а тамъ зава́жила, якъ ёго́ дожида́е Мару́ся, якъ у́стрічъ ёму́ вихо́дить... По ни́точці до клубо́чка, якъ то́ ка́жуть, и Пили́пиха вже вмі́чати почала́, що до́ма він не гово́рить и смуту́е, а йде — вибира́етця зъ госпо́ди — то й о́чі блищя́ть...

XVII.

Якъ ити́ одъ на́шої слободи́ до Лю́бчиківъ, то при доро́зі шино́къ стоя́въ и шинкува́въ тамъ жидъ Ге́ршко. Давно́ вже все він держа́въ той шинкъ, самъ стари́й ду́же. Звісно, якъ ті жиди́ живу́ть довгові́чні: посе́віе, побіліе, пожо́вкне, та й тоді ще живе́, — ажъ ли́хо! Такъ и той Ге́ршко живъ-живъ... а тутъ ра́зомъ він и вмеръ. Отъ и оде́ржавъ шино́къ дру́гий шинка́рь зъ на́шихъ люде́й, — багати́ръ, сла́вили лю́де, самъ жартовли́вий и злий, а жінка въ ёго прехоро́ша, препи́шна, превесе́ла така́, що й часъ не змигне́тця зъ не́ю.

Се було́ са́ме тоді, якъ вме́рла стара́ Чайчи́ха.

Ба́чимо, що вже Пили́пиха ти́жнівъ зо́ два не вихо́дить зъ своє́ї ха́ти и кро́ку нікуди, — не буває и Мару́ся въ не́ї...

»А що́ се ви усе́ до́ма?« пита́емо: »якъ же Госпо́дь ми́лує?«

— Спаси́бі, до́бре.

»Ви вже давне́нько у діто́къ не були́ у своіхъ,—чи вони́ здоро́венькі? Чому́ Мару́ся не буває?«

— Въ не́і дити́на нездужае.

»Та якъ же вона́, молоде́нька, безъ васъ тамъ запомага́етця?«

— Неха́й сама́ собі живе́, — промо́вила Пили́пиха.

»Що́ се ви, Богъ изъ ва́ми, голу́бочко! Чи у насъ зъ ва́ми діточо́къ по́ле засіяно? Вже мині Госпо́дь посла́въ ли́хо та го́ре— ёго́ Божа́ воля́, а васъ Госпо́дь ми́луе, то й шану́йтеся!

— Я въ своёі дити́ни ні-за́-що... вона́ мене́ не шану́е, не поважа́е! вона́ мене́ заміня́ла на свекру́ху, вона́ мене́ заміня́ла на свого́ чоловіка... Чи зъ-ро́ду вони́ коха́ли ії, якъ я, ма́ти рі́дна, пити́ма ма́ти! Вінъ ії не коха́въ — хотіла за ёго, а тепе́ръ вінъ до и́ншоі хо́дить!

»Та, мо́же, се непра́вда...«

— Непра́вда? Я вже да́вно ба́чу, я́къ вінъ зъ до́му рве́тця, я́къ вона́ ёго́ дожидае́, стріча́е, а вінъ ми́мо йде—чи гля́не; я ста́ла назира́ти. Отъ и дозна́лась, що хо́дить вінъ у шино́къ. Я пе́рше ду́мала: пье́ ни́шкомъ. Кажу́ Мару́сі: »чи ти зна́ешъ, що твій чоловікъ усе́ до ши́нку хо́дить?« Вона́ зблі́дла, якъ кре́йда, мовчи́ть. »Не пуска́й ёго́ зъ до́му«, говорю́ ій, »скажи́ ёму́.« —Якъ я ёго́ ма́ю не пуска́ти, — одмовля́е то́ді: — мо́же ёму́ діло яке́... »Скажи́ ёму́«, наполяга́ю. Вона́ таки́ а ні слове́чка ёму́ не промо́вила, якъ вінъ пішо́въ. Я ії докоря́ла—вона́ стоя́ла передо мно́ю, та мовча́ла. »А, ти віри, кажу́, ма́терином ро́зуму не и́мешъ?« Пішла́ я за нимъ у-тропі, и на́зирцемъ ажъ до ши́нку дохо́жу поба́чити на свої о́чі й при лю́дяхъ—мо́же, дочка́ віри поймé тоді. Дохо́жу до ши́нку, де тамъ ку́пка я́блунь стоіть: чу́ю, розмовля́е зъ кимъ-сь мій зять — ёго́ го́лосъ. А місяць світить. Бли́зче я дивлю́ся — сидить підъ я́блунею молоди́ця; рука́ва въ не́і за бі́лі ло́кті закосо́вані, у персня́хъ вона́ срібнихъ, рука́ми у станъ хибки́й узяла́ся, очі по́ночі блищя́ть блиску́чі; слу́хае, що мій зять гово́рить— и смі́ється. А зять мій такі ре́чи до не́і промовля́е: »якъ тебе́ не поба́чу«, ка́же, »хочъ годи́ну, то я зъ нудьги́ пропада́ю, та зъ ту́ги: я безъ те́бе жи́ти не мо́жу! безъ те́бе жи́ти не хо́чу! Дарма́ вже, що ти мене́ занапасти́ла на-віки—неха́й я тільки отта́кеньки до те́бе прийду́, та гля́ну, та сло́во твое́, неха́й и неласка́ве, почу́ю... А вчо́ра, ка́же, вчо́ра и позавчо́ра я усю́ нічъ підъ ціею

я́блунею стоя́въ: чи вже ти того́ не зна́ла?« А вона́ ёму́: »твоя́ жінка молода́ що́ ка́же, я́къ не днюешъ, не ночу́ешъ до́ма?« й сміетця. »Нічо́го«, одмо́вивъ ій (пра́вду одмо́вивъ!) »Якъ нічо́го? Чи вона́ жъ тебе́ не лю́бить?« »Не зна́ю « »А чому́ жъ ти въ не́і не поспита́ешъ за се? га́?« Го́лосно засмія́лася. »Ой, чоловікъ мій почу́е!« схопи́лася зъ місця, поцілува́ла якъ врази́ла, и зни́кла.

Вінъ кли́кавъ—руко́ю махну́ла, пішо́въ за не́ю у шино́къ, а я до дочки́: »а що́, чия́ пра́вда? Яке́ діло въ ёго?« Ди́витця на ме́не. »Не до́брий вінъ тобі суди́вся, тебе́ імъ Богъ скара́въ.«—Ма́мо, не гніві́ть Бо́га, се ви вже Бо́га гнівите́!—мині дорі́ка́е дочка́ моя́!

»Тоді я усе́ ій росказа́ла, що́ чу́ла, що́ ба́чила.—«Ой, ма́мо, на що́, було́, вамъ догле́жуватися, на що́ допи́туватись? — »А тобі лу́чче, якъ ду́рять люби́ти?«—Вінъ мене́ не обма́нюе.—»То ще́ віри не йме́шъ мині?«—Я ёго́ ніко́ли не пита́ла объ сёму́, чи мене́ лю́бить:« — Не пита́ла, чи тебе́ вінъ лю́бить? Такъ ти ёго́ не коха́ешъ, чи що́? — »Коха́ю...« Спо́ритця та змага́етця изо мно́ю... Та́кеньки, ажъ по́ки вінъ поверну́вся пізно... Поверну́вся вінъ, а моя́ дочка́ иде́ навпро́ти ёго, две́рі розчиня́е, якъ ба́тькові шано́вному, якъ чолові́кові лю́бому... »Якъ вже ти́ ува́ги на се́бе не ма́ешъ, — кажу́, — то я свого́ зя́тя спита́ю: де́ бувъ вінъ до півночи? За яко́ю причи́ною? у ко́го?«

»Вінъ змiша́вся и въ ми́сляхъ и въ слова́хъ, ди́витця у-бікъ, а дочка́ моя́:—го́ді, ма́мо! Се ми вже міжъ собо́ю роспита́емось, а вамъ вже часъ спочи́ти, коли́ ла́ска.—«Я вже більшъ нічо́го не каза́ла, більшъ не слу́хала, сере́дъ ночи до-до́му пішла́. Не була́ зъ того́ ча́су у іхъ, и не бу́ду.«

— А уну́чечка ва́ша ду́же слаба́?

»Не вели́ка тамъ сла́бість, та вели́ке побива́ннє.«

— Жу́рятця вони́ ду́же?

»Хто́ вони́? Та зять мій чи й зна́е, що дитя́ нездужае —вінъ не пита́е и не ди́витця.«

— Не відріка́йтеся діто́къ, лю́бко, — про́сить вже ма́ти Пили́пиху, — не відріка́йтеся втіхи свое́і!

»Я сама́ собі ра́ду ра́жу«, одка́же на те́ Пили́пиха.

— Подару́йте вже дочці своій: вона́ жъ ёго́ ду́же такъ лю́бить, Якова! — гово́рить ма́ти.

»И я її ду́же люблю́!« одказа́ла Пили́пиха.

»Хочъ я вже одві́даю Мару́сю«, — кажу́ ма́тері, та́ й пішла́ до не́і.

Мару́ся сама́ була́ въ ха́ті, сиді́ла на ла́ві, хита́ючи въ обі́ймахъ неду́жу свою́ дити́нку.

»Бо́же поможи́, Мару́се!« віта́ю її.

— Спаси́бі. Сіда́й, Хи́мо.

»А що́ дити́нці?«

Вона́ гля́нула на дити́нку й одмо́вила: »терпи́ть мале́сеньке.«

»Була́ въ насъ твоя́ ма́ти, Мару́се«, кажу́.

— Яка́ вона́ була́? що говори́ла?

»Не хо́че до те́бе ходи́ти; каза́ла: не бу́ду.«

— Сму́тно ми́ні те́! — промо́вила Мару́ся.

Я вже бі́льшъ нічо́го не говори́ла за се, й пита́ти ні объ чі́мъ не пита́ла.

Почали́ ми ти́ху розмо́ву — зга́дуванне. Згада́ли на́ші за́бавки да́вні дитя́чі, — пригада́ли й дівочі безсу́мнні ча́си... Не зво́дячи оче́й зъ дити́нки своє́і, Мару́ся розмовля́ла изо мно́ю, хита́ючи неду́женьке.

Ча́йченко усе́ не прихо́дивъ, а вже вечорі́ло. Вже пі́зно — вінъ не прихо́дивъ. Вона́ ёго́ дожида́ла лю́бо: що́ тамъ шурхне́, шеле́сне — прислуха́етця пи́льно; сти́хне усе́ зновъ и нема́ ніко́го,— вона́ не зітхне́ на́віть, зновъ дожида́е... Я й пішла́ такъ — не ба́чила ёго́,—не повернувся при мині. Скажи́ матусі моїй, що прийду́ до не́і, якъ моя́ дити́нка тро́хи оду́жае, — проси́ла мене́ Мару́ся, проща́ючись.

А тутъ у кільки днівъ занеду́жала Пили́пиха. Покли́кали ми до не́і усіхъ знатни́ць и лікаро́къ,—здае́тця нікому не впізна́лася її неду́га — яка́ була́. Въ не́і нічо́го не боліло, каза́ла вона́, тільки ходи́ла усе́ кволі́й та кволі́й, по́ки не збула́ся си́ли своє́і— тоді лягла́ вже, зне́могла́ся и лежа́ла пону́ра.

Мару́ся приіхала зъ дити́нкою — дити́нка ще не зовсімъ оду́жала,—усе́ ще квілі́ло кришенятко. Я памьята́ю до́бре те вре́мья, якъ, було́, у-но́чі не спимо́ усі, а у́лиця, село́ у сні, и всю́ди ти́хо. Заквілить дитя́тко, схи́литця до ёго́ Мару́ся гойда́ти, а Пили́пиха блиску́чими очи́ма въ обо́хъ вдивля́етця. Вона́ не всипля́ла ноче́й и хвили́ночки. Якъ Мару́ся вже не да́дала коло не́і, якъ Мару́ся не годи́ла їй, — не пригорну́лася вже ма́ти до не́і

нікóли; нікóли не всміхнýлася ласкáво до сáмої смéрти своéї. Щó, булó, Мáруся прóсить: »мáмо, чогó жýритесь? чогó, мáмо, не дбáете о здорóвья своé?« Вонá не приймá нічóго тогó. И остáннє слóво їй булó: »лýччє, мовлялá, обрáженому вмéрти, ніжъ тáкъ на свíті жúти.« И вмéрла.

XVIII.

Округú насъ дíялось, чýлось, велóся. Щó радощівъ, а щó журбú зважáли ми зъ бóку; скíльки поженúлось на селí, зáміжъ повихóдило, народúлося, вмéрло; якъ рáдощі промúнали и журбá втихáла, якъ однó по другóму наставáло усé новé у людéй, — ми жъ усé жилú зъ своéю старóю тýгою.

Бáтько усé ходúвъ по дорóгахъ и вертáвся сивíший та похмурнíший; мáти усé смутнíла и слабíшала. Одъ Кáтрі вісти булú рíдко, та й то не широ́кі. Отсé, булó, напрóсить мáти свящéника, щобъ туди́ написáвъ та спитáвъ про здорóвья й життє, то й одпúше Кáтря на три листú однúмъ листóчкомъ своíмъ: »здорóва«, напúше, »живý, Бóгу молю́ся за свої гріхú и за вáші.«

Скíльки-то слíзъ виливáлося матýсинихъ слýхаючи, а опíсля згáдуючи, скíльки благáлося благословéння! У Марýсиній хáті щé гíрше повелóся: що дáлі, Чáйченко зóвсімъ дóму одбúвся свогó. Шинкáрка нúмъ тáкъ ужé заорýдувала, що вінъ у нéї підъ тúномъ шинковúмъ днюе и ночýе, а щóбъ шинкáръ не мавъ на ёгó прізри, (бо ревнúвий шинкáръ бувъ), то потрóху почáвъ Чáйченко й пúти. Бáчили вже ёгó й пьяного лю́де, а не дýрно тежъ кáжуть: що въ тверéзого на умí, тé въ пьяного на язиці, — вінъ не встерíгся, мúркнувъ тамъ якéсь слóво, чи другé, до шинкáрки, хто-сь цікáвий підхопúвъ та розслáвивъ по селý, — отъ и поговíръ ставъ недóбрий. Тоді усі до Марýсі молодúці зъ питáннямъ, та зъ жáлощами, усі старі бабú зъ рáдами та зъ наýкою; тільки Марýся на усі питáння и жáління и на рáди усі: »Вінъ мині дóбрий и лю́бий; я ёгó надъ усé въ свíті шануюю.« И жалібнúці и порáдниці образúлися, — покúнули Марýсю: нехáй же терпúть, колú така! Ніхтó й одвідати не одвідáе. Тíльки й ходúли до нéї, щó мáти да я; ми — частéнько.

Одногó рáзу підхóжу горóду стéжкою до хáти, — се булó у

свя́то, — ажъ дзвінки́й ре́гітъ таки́й чу́ти, що такъ и розко́чуетця. Го́сті въ не́і якісь?

Дохо́жу, уступа́ю. За столо́мъ сидя́ть Мару́ся и Ча́йченко и го́сті — молоди́ця и чоловікъ. Що то вже за молоди́ця була́ красови́ця! Я ії за́разъ пізна́ла, хочъ нікóли не ба́чила. Була́ чорня́ва, въ румья́нцяхъ, білоли́ця, уста́ черво́ні смію́тця, о́чі ра́дісні, убра́на світло: — змалюва́ти бъ таку́ та диви́тись, не впуска́ючи зъ очéй, та само́му всміха́тись на ту красу́ смільли́ву та весе́лу. Ті́льки отті бро́ви ії висо́кі, изро́щені вьюнко́ю чо́рною гадю́чкою на чолі білому, чорніли, — щось не до́бре віщува́ли. По́ручъ зъ молоди́цею, одъ вікна́ у за́тінку, сидівъ чоловікъ плечи́стий, призе́мковатий, зъ чо́рнимъ щетина́стимъ у́сомъ; чо́рне воло́сся поси́вило въ ёго ко́смами; одъ лівого виска́ вінъ чорня́вий, якъ гракъ, а зъ-ви́ду диви́вся вінъ зъ-підло́ба, або́ зъ бо́ку, на́че кого́ підгле́жувавъ злими очи́ма своіми.

Мару́ся, почастува́вши усіхъ, одійшла́; я въ не́і и пита́ю: »хто́ се въ васъ, Мару́се?«

— Шинка́ръ изъ жінкою.

»Чи давно́ се хо́дять вони́ до васъ?«

— Се у-пе́рше прийшли́ сего́дні.

»Якъ се зду́мали вони́?«

— Та шинка́ръ схотівъ неодмінне до насъ.

»Чого́-то?«

— Ка́же, мене́ заба́чити.

»А ти жъ до іхъ підешъ?«

— Та ще́ не зна́ю, Яківъ ще не каза́въ нічо́го; я́къ Яківъ мині ска́же.

Спокійна собі, лю́ба — отъ на́че вона́ безъ жо́дної ду́мки важко́ї по квітча́стому по́лю прохожа́е ве́чоромъ ти́химъ та те́плимъ.

Ча́йченко сидівъ изъ гістьми ду́же смутни́й, зітха́въ ча́сто; шинка́ръ поглида́въ на ёго — не ласка́вий бувъ по́глядъ той: нина́че яка́ и́скра спа́хувала зъ чо́рного ёго о́ка... Шинка́рка усе́ всміха́лася.

»На що́ пье́шъ бага́то, не пи́й!« озва́лась вона́ до шинкаря́ (а вінъ ча́рку за ча́ркою випива́въ).

— Чому́ не пи́ти мині? Упью́ся — мене́ лю́ба жінка доведе́ до госпо́ди.

»А якъ не схо́чу?« задзвиніла вона́, жарту́ючи.

— Не схóчешъ? — кáже, а самъ ії міряе пóглядомъ — якá. — Абó жъ хто тебé запитáе, чи хóчешъ?

Чáйченко, слýхаючи сé, вáжко зітхнýвъ и на шинкáрку смутнéнько дивúвся, а шинкáръ на ёгó пúльно. Марýся вже заговóрюе, питáе, частýе — не звівъ очéй шинкáръ зъ Чáйченка, ажъ той самъ схаменýвся, сáмъ ёгó пóглядъ на собі почýвъ, — тоді шинкáръ óчі въ зéмлю врúвъ.

»Хýтко у васъ прáзникъ«, говóрить Марýся до шинкаря: — »гостéй же до вáсъ, гостéй!«

— Дя́кувати, менé дóбрі лю́де не забувáють! — одкáже шинкáръ: не такъ за мою́ щúрість, якъ за тé, що жінка хорóша, слáвлють, — то прихúльному прия́телеві мúло подивúтися на мою́ крáлю!

Та й засмія́вся, а такéньки засмія́вся, що й шинкáрка трóхи стрепенýлась.

»А вашъ братъ у-дрýгихъ, чи здорóвий вінъ зъ молодóю жінкою?« питá зновъ Марýся.

— Помьяніть ёгó дýшу, шанóвна хазя́ечко! хибá ви ще не чýли? То бъ я вамъ давнó вже повістúвъ! Жіночку ёгó молодýю взя́то й завéзено кудúсь... А вінъ втопúвся.

»Якъ? Бóже мій! Бóже мій! Бі́дна жъ вонá людúна!«

— Чогó — бі́дна! Вонá у роскóшахъ тепéръ — ій ще покрáщало у свíті... Ну, якъ на менé, то бъ не такъ булó: я бъ не втопúвся, а ні повісúвся бъ самъ-одúнъ, а хибá вже вкýпці зъ коханкою!

Схилúвсь до своéі жінки, óкомъ искрúть.

— У-двохъ, кáжуть, и вмірáти охітнішъ! — додáвъ.

Сýмно стáло. Мóва не мóвилася.

Стáли гóсті прощáтися, и побрáлись до-дóму. Йдýчи шинкáрка озирнýлася на Якова и махнýла якóсь ёмý рукóю, то-бъто незнáрошне. Шинкáръ вхопúвъ ії за рýку: »гóді махáть, порá перестáти! ходімъ изо мнóю!«

— Отсé! не даси́ дóбре и зъ хазя́йкою попрощáтися, — засмія́лась ёмý шинкáрка: — чи ти менé загубúти боісся, якъ тýю гóлочку?

»Колú загублю́, то вúшукаю, бувáй на тóму пéвна, голýбко моя́ сúва!« відказáвъ ій.

И пішлú до-дóму. Вонá, йдучú зъ нимъ, щось щебетáла и смія́лася, брáла ёгó за рýку — обернýлась щé до насъ, крúкнула: бувáйте здорóві! Шинкáръ ишóвъ не оглядáючись.

У кі́льки день ми перечу́ли черезъ люде́й, що счини́лась сва́рка мі́жъ шинкаро́мъ и Ча́йченкомъ, и що ви́гнавъ шинка́ръ Ча́йченка зъ ши́нку. А счини́лася та́я сва́рка за те мі́жъ ни́ми, — каза́ли, — що ставъ шинка́ръ свою́ жі́нку зневажа́ти — вона́ усе́ оджартовувалась, смія́лася, а Ча́йченко не перемігъ свого́ се́рця, уступи́вся—ма́бі́ть вже у ёго бриніло. Якъ же счепи́лись вони́ — така́ бу́ча збила́ся, що ле́дві розняли́ іхъ. И каза́въ шинка́ръ Ча́йченкові: »не прихо́дь«, ка́же, »у шино́къ бі́льше!« А Ча́йченко кричи́ть: — Чому́? — »Не прихо́дь у шино́къ«, зновъ такъ-са́мо ёму́ шинка́ръ гово́рить.—Чому́?—»А то́ прийди́«, промо́вивъ шинка́ръ.

Лю́де вже іхъ розвели́ и за Ча́йченкомъ две́рі зачини́ли.

Шинка́рка, ка́жуть, ду́же бліда́ була́, ду́же, хочъ и не втеря́ла на той часъ ні хи́сту свого́, а ні всміху. Шинка́ръ же весе́лий таки́й розвеселився и жа́рти піднявъ... по́вістки роспоро́шивъ, таке́!.. А Ча́йченка зъ того́ гро́му ніде́ не ба́чивъ ніхто́.

Я прихо́жу до Мару́сі: чи все гара́здъ, Мару́се?

»Чоловікъ нездужа«, сму́тно вона́ мині одказа́ла.

— Коли́ се вінъ занеду́жавъ?

»Та вже три́ дні. И не їсть, и не пье́.«

А вже по тій сва́рці три дні ви́йшло.

— Та де́ жъ вінъ?

»Лежи́ть у кімна́ті.«

А вінъ тоді кли́че: »Мару́се! Вона́ схопи́лася — ки́нула́сь до ёго.

»Хто́ се до насъ прийшо́въ?« пита́е.

— Се Хи́ма прийшла́ мене́ одві́дати.

Нічо́го бі́льшъ не каза́въ и не пита́въ. Мару́ся до ме́не ви́йшла.

Я тоді ій говорю́:

»Мару́се, чи зна́ешъ ти, що́ позавчо́ра було́?«

— Не зна́ю. Що́ було́? Яківъ повернувся неду́жий. Вчо́ра вра́нці прибігла шинка́рка, зади́хана уся́, до ме́не: »нехай Яківъ не прихо́дить, бороню́ ёму́, въ насъ бі́да! Чу́ешъ—не прихо́дь, бороню́ тобі!« кри́кнула на Якова, »въ насъ бі́да. Мій бу́де каза́ти, що у я́рмарокъ іде, що до прия́теля іде, — не йми віри, не прихо́дь.« И побігла відъ насъ. Я бі́льшъ нічо́го не зна́ю. Мині су́мно, и бою́ся, що ёму́ бу́де недо́бре!

Змо́вкли ми та й сидимо́ собі мовчу́щі. Бага́то де́-чого мині й чу́лося и зга́дувалось!

»Жаль«, кажу́, »жаль, та не ве́рнетця!«

— Чого́ жаль? спита́ла Мару́ся.

»Життя́ молодо́го, віку загу́бленого да́рма — чи я жъ вже тобі не каза́ла, чого́ жа́лко?«

— Мині не жаль нічо́го«, гово́рить.

Зновъ змо́вкли — сидимо́... Вже ве́чіръ пізний. Діткй посну́ли, сплять спокійно сини́ мале́ньки, а на горо́ді вітеръ шуми́ть ве́рбами, надво́рі чо́рно; бли́скавиця побли́скує.

»Куди́ тепе́ръ підешъ у него́ду таку́«, ка́же Мару́ся; »заночу́й у ме́не.

А вже дощъ гурчи́ть, гурчи́ть, и грімъ и блискави́ця й вітеръ.

»До́бре, зоста́нуся — заночу́ю въ те́бе.« И зоста́лася.

Ча́йченко лежа́въ неспокійно, въ трево́зі, на ліжку,—зітха́въ усе́ — Мару́ся прислуха́лася, а до ёго не ввіхо́дила, не насміла бідне́сенька. Разъ, чи два зъ ве́чора — вінъ покли́кавъ ії, спита́въ, хто въ ха́ті въ не́і, на́че забува́въ, що я прийшла́, а що да́лі въ ночі, то все частішъ, частішъ ії кли́кавъ, и все ка́же: »хтось прийшо́въ до насъ!« — Нема́ нікого. — »Хтось прийшо́въ; я чувъ у-две́рі сту́кало; хто-сь підъ дверима, — відчини́! «Вона́ одчи́нить — нема́. Тро́шки зго́домъ, зновъ ії шле: »підъ ворітьми́ хтось сто́їть«, то: »підъ вікно́мъ хто-сь добува́етця.« Вона́ усе́ вихо́дила диви́тись, вклика́ла, дожида́ла — нікого не було́ цілу нічъ ту́ю чо́рну, вітряну́.

Мині почу́лося, що́ Ча́йченко пла́кавъ; Мару́ся не спа́ла, хочъ до ме́не не озива́лася сло́вомъ...

На світа́нні, чу́емо, сту́кають тихе́нько, тамъ міцні́шъ — Мару́ся ви́бігла, я за не́ю, »ху́тче, скорішъ!« гука́въ намъ у-слідъ Ча́йченко...

Одчиня́емо воро́та, а підъ ворітьми шинка́ръ: »здоро́ві були́!« до Мару́сі, »а де́ вашъ чоло́вікъ?«

— До́ма.

»Коли́ бъ ви до ме́не ёго́ ви́кликнули, коли́ до́ма вінъ.«

— Вінъ нездужае, лежи́ть.

»Не мо́жна й подиви́тись на ёго?«

— Нездужае. На́ що се вамъ такъ ко́нче ёго́ тре́ба?

»Я ёму́ изъ я́рмарку до́брого гости́нця привізъ. Нездужае, ка́жете? А я, мо́же, ёго́ де́ стріну по доро́зі! Щасли́во!«

Шви́дко пішо́въ, шви́дко.

Мару́ся роска́зуе чоловіку, — не даé своїмъ пита́ннемъ промовля́ти ій. Велівъ ій ще та ще роска́зувати. Вона́ роска́зувала.

XIX.

Ще хма́ри чо́рні, важкі волокли́сь по не́бу, а тільки зъ-кра́ечку рожéво зоря́лося одъ схíдъ-со́нця. Ми вже й не лягáли спáти, ра́нку діждáли. Я беру́ся до-до́му йти. Попрощáлася, пішлá. Се було́ въ неділю. Ба́чу́, идучи́, що коло ши́нку людéй ску́пчилося бага́то, гомоня́ть та́кеньки... Бли́зче схо́жу — жіно́къ ба́чу тутъ, и ба́чу — ще іхъ біжи́ть доро́гами; бачу́, две́рі збúтні вино́сять зъ ши́нку... »Що́ то таке́?« пита́ю люде́й. — Шинка́ръ зъ жінкою забúвся! — Почали́ мині усé роска́зувати молоди́ці; ти́скають менé подиви́тись на обóхъ...

Обóе на долівці лежáли, сполóщени кро́вью. Въ нéі ніжъ у пéрсяхъ вели́кий стримівъ; рукáми вонá ёго́ якъ сти́снула за ши́ю, такъ и заме́рли ру́ки — впили́сь. Сорочкú на іхъ по́рвани, по́драни, намúсто ій розси́пане у крові: ду́же, мáбіть, вонá одбивáлась. Вонá ёго́ задуши́ла, видно́, — бо не було́ на ёму́ ніякóі пораз, и лежáвъ вінъ счорнівши, — вонá лежáла біла-біла, зъ чóрними бровáми. Якъ прийшли́ чоловіки до ши́нку — зачúнено; почáли сту́кати — не відчиня́ють. Надíйшли ще лю́де, ба́чять — щось не пéвно — ви́били две́рі, а вони́ обóе лежáть...

Я метчíй до Мару́сі...

»Бóже мій прáвий!« промóвила тільки Мару́ся.

А Чáйченко вже кричúть: »Хто прийшóвъ до насъ?«

— Лúхо ста́лося, — кажу́ гóлосно.

»Яке́ лúхо?«

— Забúвся шинкáръ зъ жінкою.

Тúхо... Ажъ-ось увíйшóвъ вінъ до насъ у хáту білий: »Що́, що́?« пита́ється, — самъ ша́пку хапáе, свúту на сéбе вдягá. Мару́ся біля ёго.

»Прáвда сёму́?« запитáвъ вінъ Мару́сі.

— Прáвда, — промóвила Мару́ся.

»Я на свої óчі обóхъ бáчила«, говорю́ ёму́.

— Я самá піду́ подивлю́ся, Якове, щé розпита́юся! — заговорúла Мару́ся.

»Иди́, йди, Мару́се, та ху́тко верта́йсь. Скажи́ усю́ пра́ву! Верта́йсь ху́тко!«

Про́сить ії, якъ дити́на маленька.

Мару́ся побігла. Вінъ дожида́въ, не мо́влячи сло́ва, ду́ху не зво́дячи, бліди́й, замліли́й.

Поверну́лася вона́: »пра́вда«, ка́же.

Ставъ Ча́йченко пла́кати ду́же.

Біда́ та́я зовсімъ его́ скрути́ла; у голові ёму́ заверну́ло на́че; почне́ говори́ти, то путани́ну таку́, що й не розбере́шъ. Занеду́жавъ тя́жче, гірше, — тільки живи́й та те́плий. Грома́да тимъ-ча́сомъ дала́ вже віду спра́вникy. Набігли́ судські у-три́конь зъ бубенця́ми, изъ дзво́никами; по-тро́е, по-дво́е іхъ позира́ють зъ во́за. За́разъ усіхъ люде́й зібра́ли; за́разъ де́-якихъ повьяза́ли. Присла́ли по Ча́йченка — ходи́въ вінъ до ши́нку ча́сто. Ча́йченка то́ді гаря́чка пали́ла; безъ па́мьяти, сливе́, бувъ вінъ. Не вважа́ють,— беру́ть, везу́ть его́ суди́ти су́домъ. Пита́ють: одка́зи ёго́ нерозу́мні, чудні... Вки́нули ёго́ у те́мну комо́ру, звьяза́ли ёму́ ру́ки... Мару́сю женуть геть відъ ёго...

Вона́ до насъ дітокъ своіхъ завела́—поки́нула, а сама́ зно́въ таки́ пішла́ туди́ до ёго.

»Не пу́стять, Мару́се!« ка́жемо ій.

— Я бли́зче бу́ду до ёго. — Пішла́.

Де́-яки́хъ люде́й ху́тко повипуска́ли и оправди́ли, хочъ нікого и не було́ винова́того, — а и́нші, и бага́то, ще були́ за сторо́жею, по́ки ажъ до́броі ра́ди не послу́хали... тоді й імъ вільний шляхъ дали́. А ра́да була́ така́: спра́вника *подя́кувати*. Хто вже бувъ у буваль цяхъ, то за́разъ и зроби́въ та́къ, не вина́ючи на безневи́нность свою, а хто угина́вся, той сидівъ до́вго. Ра́ду таку́ подава́въ усімъ спра́вниківъ чи слуга́, чи прия́тель, чи ро́дичъ, хто его́, нікчемного, зна. У чо́рному кожушку́, зъ чирво́нимъ комірцем ходи́въ, ша́пка кругленька зелена́, зъ се́бе худи́й, жо́вти́й, о́чі ямкова́ті, зуба́тий таки́й... Вінъ ра́дивъ усімъ дя́кувати, а хто не слу́хавъ, то вінъ грози́въ, наполяга́въ... Спра́вникъ самъ не каза́въ нічо́го, — дожида́въ: цілий день стоіть на поро́зі, ру́ки въ кише́няхъ, на ши́і чирво́на пле́тена ху́стка, самъ пика́тий, уса́тий, витришкова́тий, — стоіть та свисти́ть — яку́сь жовнірську ходу́ висви́щуе. Хиба́ чай испива́е, то переста́не, а ви́пивъ самова́ръ ча́ю — зновъ на поро́зі, зно́въ сви́ще...

Подя́кувала Мару́ся—ії пусти́ли до чоловіка поба́читись. Вона́ на дру́гий день зновъ про́ситця, зновъ *дя́кує*, — ста́ли ії пуска́ти що-дня́. Сидівъ Ча́йченко ти́ждень ще, — вона́ усе́ ходи́ла до ёго. Гро́шей вже не було́, ста́ла спро́дувати това́ръ... »Отсе́ до́брая жона́!« хвали́въ спра́вникъ зъ поро́га, якъ вона́ прохо́дила ми́мо ёго... Вже судъ вибіра́вся зъ на́шого села́ виїзди́ти на-за́втра, вже Ча́йченка ви́пустили, — коли́ ви́шукавсь яки́йсь ро́дичъ шинкарю́ небіжчику, що ска́ржити прийшо́въ, ніби шинка́рь коли́сь ёму́ узива́въ Ча́йченка »своїмъ во́рогомъ« и каза́въ, »що тісно їмъ обо́мъ у світі жи́ти.« Зновъ судъ суди́ти почава́въ; зновъ пита́ння — Чайче́нка зновъ узя́ли за сторо́жу, а тамъ у два ти́жні повезли́ ёго́ у місто, посади́ли въ остро́зі.

Мару́ся за ни́мъ пішла́. »Прощава́й», ка́же мині, »спро́дай усе́, пересила́й гро́ші.«

— Мару́се, — гово́рить ій ма́ти, — усе́ ти спро́дуешъ, а въ те́бе дітки...

»Я зна́ю... я не забува́ю...«

Попроща́лася зъ на́ми, діто́къ пригорну́ла, — пішла́.

Ії до остро́гу не впуска́ють.

»Мій чоловікъ тамъ«, дово́дить вона́ усімъ.

— Твій чоловікъ повинова́ченій — ёму́ тамъ и сидіти — тобі не мо́жна.

»И я ви́нна.«

— У чому́ ви́нна ти?

»Ви́нна й я, коли́ вінъ ви́нний.«

— Го́ді! иди́ геть собі! — ка́жуть ій, жаліючи.

Вона́ не йде.

— Що жъ, ти признаёсся, що ви́нна ти? — пита́ють въ не́ї зновъ.

»Ви́нна.«

Каза́ли ій ру́ки извьяза́ти. Посади́ли міжъ зло́діями, міжъ убійниками, мо́лоду́ та до́бру. Два місяці изъ ти́жнемъ ви́була вона́ зъ чоловікомъ тамъ, по́ки іхъ ви́пустили.

Дітки въ насъ були́. Усе́ пита́ють: де́ ма́ма? усе́ кли́чуть: ма́мо!

Мару́ся не одмині́лася — тільки пішла́ молоде́нька, а поверну́лася си́ва, якъ голу́бка

А я ще, стріча́ючи ії, диву́юся, що вона́ краси́ своє́ї не стра́-

тила: ті жъ о́чі, чоло́ те жъ, — коли́ вона́ ста́ла дру́гу ху́стку завьязувати, — ажъ шовко́ва сивина́ забіліла.

Осели́лися вони́ зновъ у своїй ха́ті, у глухімъ дворі, бо вже не було́ тамъ нічо́го живо́го, що́бъ го́лосъ подало́, що́бъ крило́мъ стрепену́ло — усе́ вже спро́дане було́... Дітки гомоня́ть самі одні, и вже така́ імъ утішка съ то́го, якъ горобці прилетя́ть — защвірі́нькають, або́ го́лубъ попогу́де: не поло́хають, сами́ притули́тця підъ ти́номъ, радіючи.

Ча́йченко усе́ хорівъ, усе́ боліввъ; відъ люде́й на́че хова́вся: зъ ха́ти не вихо́дивъ, хиба́ пізно, крадькома́, за горілкою у чуже́ село́. Пи́ти вінъ ставъ ду́же.

Я ёго́ ба́чила двічи. Одного́ ра́зу, вінъ сидівъ безъ жо́дного діла, скла́вши ру́ки, о́чі приплю́щовавъ, — десь, си́льне въ ёго голова́ боліла .. Дру́гого ра́зу ба́чила — вінъ спа́въ... Мару́ся диви́лася на ёго таки́мъ по́глядомъ, якъ и пе́рше, прихи́льна була́, якъ перше. *Кого́* вона́ люби́ла ще? *Яко́го* коха́ла? Якъ зазна́ти чоловіка у красі ёго́, у квіту́, въ си́лі, якъ зазна́ти ёго́ до́брого, а часъ піде, та усе́ измо́же, то и́нше пока́жетця, ніжъ гада́лося. »Ми́слі жъ мої, ми́слі! до ко́го жъ ви прийшли́?« сказа́ти, та й го́ді! »Бага́то жалю́ мого́ бу́де, — не бу́де вже мое́і любо́ві.«

XX.

Мене́ сва́тало два жонихи́... Эге́-жъ! Зда́дуетця мині ча́сто чоловікъ Палій, що якъ въ ёго дитина втопи́лась, ха́та згоріла, — вінъ ишо́въ у́лицею, та весілля забачивъ, и ка́же: »а ті лю́де ще женятця!« Зга́дувався мині чоловікъ Палій... Сва́тало жъ дво́е. Пе́ршій жони́хъ вбо́гий бувъ па́робокъ, до́брий, смутни́й — я не пішла́ за ёго! Не було́ въ ме́не коха́ння сму́токъ ёго́ розважа́ти; не було́ гро́шей ха́ту неогоро́жену впридо́бити — не схотіла робачко́мъ ста́ти... Вінъ пожури́вся за мно́ю, та зъ и́ншою оженився. Дру́гий жони́хъ бувъ бага́тий, наровли́вий: ко́нче хотівъ мене́ взя́ти за се́бе. Ёму́ ма́ти ёго́ забороняла, проси́ла: не жада́лося ій для свого́ си́на, чепурно́го, сироту́ бра́ти, — вінъ таки́ ма́тіръ присі́ловавъ, що вона́ ще сама́ мене́ мовля́ла. Я не пішла́. Сей бувъ ми́ні зо всімъ не до сподо́би: ревни́вий, незвича́йний — вінъ и люби́въ яко́сь, на́че би́вся.

Якъ вже одцура́лася я ёго́ сва́тання, то тре́ба було́ жи́ти, якъ на чеку́: боя́лась ёго́ сама́-одна́ стрінути. Якъ вінъ очи́ма на ме́не світи́въ! Ма́ти жалкува́ла, що я не пішла́ за́міжъ; ба́тько тільки дослуха́въ: ёму́ байду́же було́ усе́ зъ того́ ча́су, якъ Ка́тря поки́нула. Вінъ объ не́і не говори́въ, та вже́ й ні объ чо́му не говори́въ. Сумова́въ, ходи́въ по доро́гахъ; богатівъ не-дба́ючи. Его́ Ка́тря одцура́лася, — вінъ усіхъ за те відцура́вся люде́й: и своіхъ рідныхъ и чужи́хъ. И вже до сме́рти таки́й оста́вся самотни́й и неласка́вий. Якъ занеду́жавъ вінъ на сме́рть, то ма́ти проси́ли свяще́ника, щобъ написа́въ Ка́трі, чи не прийде́ вона́ зъ ба́тькомъ попрощатись. Написа́въ свяще́никъ и гро́ши ій посла́ли.

Тя́жко було́ одного́ дні ба́тькові ду́же, — ма́ти сиділа біля ёго, та й ка́же: »Дру́же мій! Дити́на на́ша прийде до насъ.«

Вінъ ра́зомъ підві́вся самъ, ди́витця на не́і. Ма́ти зновъ ка́же: »Ка́тря до насъ прийде.«

Дожида́ли Ка́трі — Ка́трі не було́. Смерть вже за плечи́ма. Стари́й дожида́въ — я́къ дожида́въ! и мертвівъ и ожива́въ. А ні сло́ва ніко́ли не промо́вивъ — чому́ не іде, чи бу́де — а ні о́дного! Тілько зъ ве́чора каза́въ: »я помру́ за́втра.« На-за́втра и вмеръ вінъ.

Якъ похова́ли ёго́, то въ кілько днівъ листъ одъ Ка́трі прийшовъ, що, пи́ше, »моли́тимуся за ба́тька мого́ ду́шу, а гро́ші, що мині при́слани, на це́ркву Бо́жу віддала́, — бу́дуть помина́ть, бу́дуть гріхи избіра́ть...«

Зновъ жило́ся...

Була́ въ насъ у слободі бубле́шниця, а въ не́і на́ймичка—вели́ка, чорна́ва дівчи́на, роботя́ща, а вже не потороча така́, якъ рідко, — то було́ стрінесся изъ не́ю, пита́ешъ: »що роби́ли ви?« — »во́ду носи́ли, бу́блики пекли́«, ока́же вона́ спокійно. — »А за́втра що́ роби́тимете?« — Води́ принесемо́, бу́блики спечемо́. — »А по-за́втрёму?« — Бу́демо во́ду носи́ти, бу́демо бу́блики пекти́.«

Вмеръ въ іхъ хазя́інъ — дівчина тро́хи заклопота́лася, по́ки ёго́ похова́ли.

»А що́ въ васъ?«

— Въ насъ хазя́інъ вмеръ, и похова́ли.

»А тепе́ръ я́къ?

— Во́ду но́симо, бу́блики печемо́.

Дівчина було́ говóрить спокійно, стоїть свіжа — а тутъ и слу́хати ніяково: — дивуéсся, якъ се вонá живé довóлна такéньки, що бýблики печé... Бувáють такі въ Бóга!

Намъ день минáвъ, день розсвітáвся, весна́ йшла гріючи; наближувалася зимá зъ морóзами — усе здавáлося якóсь нýдно, якóсь докýчливо... Були́ въ насъ дáвні рáдощі; були́ въ насъ старі сумовáння — до іхъ тепéръ душá не озивáлася, не стрепехáлося сéрце. Коли́ бъ!.. то бъ не такъ, зовсімъ не такъ було́! Тоді, якъ сéрце та душá жúві, то вúйдешъ, забáчишъ дéрево, що вже рóки стоїть знакóме, а тутъ вітáесся: якé дéрево! зеленúся, дéрево, розвивáйся! отсé, якъ шелестúть! Глянешъ на поля́, на луги́ — які поля́, які луги́! ажъ смiéтця щось въ тобі...

А вже якъ житте лічишъ своé понедíлкомъ та неділею, то все тобі байдýже: що новé, то заклопóче тільки спéршу, а що старé, то вже такé старé бýде, такé знаёме та безвтішне!

Такеньки ми жили́. Коло насъ одни́ лю́де вмірáли, нарожáлись дрýгі... Часомъ звáли насъ на весілля — ми ходúли на весілля... Найчастішъ я ходúла до Марýсі.

Марýсі не такъ жилóся, якъ намъ. Пилá вонá хочъ одъ гіркóі, та одъ живóі водú... Ій сóнечко не такъ світúло, якъ намъ; ій и пташки́ инáчій щебетáли...

XXI.

Чи велúкий, чи малúй часъ збігъ — мáти занедýжала. Сказáвъ би, радá вонá своій недýзі булá: »Отсé й мині вмірáти«, кáже, »отсé и моя́ годúна! Біжи́, Хúмо, до священúка, проси́ — нехáй пúше зáразъ до Кáтрі, щобъ приіхала похováти мáтіръ. Біжи́, лю́бко, не барúся!«

Зновъ написáвъ листъ священúкъ, зновъ туди́ гróши послáли.

»Отсé, не іде Кáтря!« мутúтця мáти: »хто жъ менé оплáче! Мабіть, не пускáють ії тамъ; коли́ бъ я вúдужала, то бъ я вже самá до нéі поіхала одвідати, побáчити... Чи побáчу ії вже колú? Коли́ бъ я одýжала, то бъ я ії одшукáла, дé вонá... Чи я вже ії не побáчу?«

Одъ Кáтрі такúй сáмий листъ одібрáли, що: »молúтимуся за

ма́терину ду́шу, а гро́ши на помина́ння віддала́ — бу́дуть помина́ть, гріхи́ бу́дуть одпро́шувати.«

»О, дити́но ми́ла! не поба́чу вже я тебе́!« промо́вила ма́ти и запла́кала.

»Похова́й мене́, Хи́мо«, гово́рить мині: »похова́й мене́ га́рненько. Тобі бу́де неха́й на́ша ха́та, се тобі неха́й бу́де. Помьяни́ мене́, голу́бко. Сядь до ме́не бли́зче, лю́бко! близе́нько сядь!« усе́ прохала́ мене́.

Передъ сме́ртю говори́ла: »Мо́же коли́ поба́чишъ Ка́трю мою́, мо́же бу́де нездужати, боліти, — послужи́ ій, се́рце, не поки́нь!«

Усе́ Бо́гу моли́лась, все́ моли́лася — до оста́ннёі годи́ни. Ти́хо и су́мно вме́рла.

Якъ ії похова́ли, то зновъ Ка́трі зна́ти дава́ли, що ма́ти вже вме́рла, що зоста́лися ій лани́, степи́ и гро́ши. Тоді описа́ла Ка́тря, що бу́де сама́, приіде сама́ опоряджа́ти, що́ ій у-спадку́ дістало́ся. — Ми ста́ли ії дожида́ти.

Діжда́ли.

Якъ ба́чу той візъ, кри́тий, палубча́стий, що притяга́е до на́шого дво́ру. Було́ се ра́нкомъ, — ра́нокъ сла́вний, я́сний, пахучий: у но́чі до́щъ перепа́въ.

Я ви́бігла за воро́та. »Ка́тренько, де́ ти?«

Ніхто́ не обізва́вся мині. Вила́зила пе́рше зъ во́за опо́листа, румьяна чорни́ця и хрестила мене́. За не́ю Ка́тря.

Ка́тря тежъ мене́ перехрести́ла — ле́дві на ме́не гля́нула вона́ — и за чорни́цею у ха́ту увійшла́. Я за ни́ми уступи́ла. Чи жъ вона́ мене́ не памьята́е—забу́ла? Се́рце, що було́ стрепену́лося, то притиснуло ёго́ тя́жко...

»Охъ, якъ же втоми́лися ми«, почала́ румьяна чорниця, скида́ючи зъ се́бе чорні свої ря́си одну́ по дру́гій: »вже іхали ми, іха́ли, та й го́ді сказа́ли!«

Гласъ въ не́і бувъ такий, що для глухи́хъ до́брий.

Ка́тря стоя́ла у сто́ла, розбира́ючи чо́тки у рука́хъ.

Була́ ще вона́ зъ се́бе ду́же хороша, хочъ я́къ змарніла и о́чі впали и сама́, якъ ни́тка, біле́нька ста́ла. Вона́ яко́сь захолоділа... На духъ-мару́ вона́ похо́дила зъ своімъ нездвиже́ннимъ обли́ччемъ, изъ своімъ по́глядомъ безприча́снимъ... А ще́, въ тій до́вгій ря́сі чо́рній, у тій чо́рній покрива́льниці!..

Хочъ би вона́ що́ въ ме́не спита́ла! Хочъ би до ме́не сло́во промо́вила!

Чорни́ця зновъ гово́рить: »Втоми́лися якъ, Бо́же ми́лий! Ле́дві ди́хаемо!«

А тамъ додае́: »Вже со́нечко підби́лося на снідання...«

Гля́нула на Ка́трю — Ка́тря стоіть, не чу́е и не озива́ется.

»Се́стро!« до Ка́трі посмика́ючи ії міцне́нько за рука́ва: »тре́ба на́мъ підживи́тися?«

— Якъ завво́лите, се́стро Мела́нія, — одказа́ла Ка́тря.

Я ле́дві дочу́ла: безодголо́сно таке́чки вона́ гомоніла.

»Дівчино!« прикрика́е мене́ сестра́ Мела́нія: »ходи́ ли́шень бли́зче, — я́къ на имья́?«

— Хи́мою зву́ть, — кажу́.

»Хи́мо, чи не дала́ бъ ти намъ поснідати?«

— За́разъ изготу́ю, — кажу́.

Почала́ я готува́ти снида́ння, а чорни́ця за мно́ю у комо́ру, пшона́ одмиря́е у гле́чикъ, одсипа́е муки́ у ми́ску, смета́ни у полу́мисокъ; сливья́нку набира́е; хлібъ кра́е; порозчиняла столи́, доста́ла ска́тірку, стілъ застеля́е — жвава та хапка́я, Го́споди-світе!

Ка́тря усе́ стоя́ла сама́. Сестра́ Мела́нія одхили́ла ії руко́ю одъ сто́лу, накрива́ючи, — Ка́тря сіла на лавці тоді.

Гото́ве снида́ння — ста́ли снідати. Сестра́ Мела́нія Ка́трю бли́зче посади́ла. Ка́тря послу́хала, близе́нько прису́нулась, а исти ні́чо́го не іла вона́, окрімъ мале́сенький шмато́чокъ хліба изъ водо́ю. Сестра́ Мела́нія снида́ння впо́рала. Ма́ла вона́ три́дцять и два зу́би білі та здоро́ві та роботя́щі. О, які́ жъ зу́би! Усе́ моло́ла ни́ми, якъ жо́рномъ до́брим.

По снида́нню, ста́ла сестра́ Мела́нія до Ка́трі говори́ти:

»Се́стро! тре́ба усе́ те́перъ до́бре впоряджа́ти, тре́ба ху́тче, щобъ тутъ намъ не забари́тися...« А очі въ не́і почали́ прижмурюватись; гово́рячи, яко́сь мимовільне мости́ла вона́ бли́зче до се́бе дві вели́кі подушки́ у краплі́стихъ те́мнихъ пошивкахъ, що зъ во́зу я внесла́.

»Не тре́ба бари́тись«, ще промо́вила зітха́ючи, »о... о...« вимовила ще разъ, вже зовсімъ на подушки́ схили́вшися голово́ю... Спа́ла. Му́хи по-надъ не́ю гули́, му́хи ії куса́ли — спа́ла.

Ка́тря сиділа, схили́вши го́лову. Чи моли́лася вона́? бо шепта́ла щось и румья́нцемъ закраси́лася живи́мъ. Я до не́і бли́зь-

ко підступи́ла и кажу́: »Ка́тре, чи ти вже мене́ зовсімъ забу́ла? Чи не пізнаєшъ?« Румья́нці одра́зу збігли зъ її обли́ччя; оберну́ла на ме́не вже безприча́сні о́чі свої и одказа́ла мині: »я тебе́ памьята́ю.«

»Чому́ жъ се така́ до ме́не неласка́ва? Чомъ не заговори́шъ до ме́не?«

— Усі слова́ пра́жні. Тре́ба моли́тись...

— Ка́тре, чи ти зна́ешъ, що Мару́ся за́міжъ пішла́?

»Бо́же благослови́.«

— За Ча́йченка пішла́.

»Бо́же благослови́.«

— Вона́ неща́сна ду́же.

»Бо́жа во́ля!«

Усе́ мині одка́зує, як-на́че по псалти́ру чита́є.

»Чи ти коли́ зга́дувала насъ? зга́дувала люде́й?«

— Я молю́ся за васъ и за всіхъ люде́й.

»Спаси́бі. А ти вже мене́ тепе́ръ и тро́хи не лю́бишъ?«

— Госпо́дь повелівъ усіхъ люби́ти, — и ворогівъ.

»То ти мене́ якъ во́рога жа́луешъ, чи що́? Чи жъ у те́бе вже нема́ и въ сві́ті ніко́го лю́бого? нема́ нічо́го ми́лого?«

— Мині усі рі́вні, за всіхъ молю́ся.

»Й усі вороги́ тобі?«

— Ко́женъ чоловікъ друго́му во́рогъ вели́кий, во́рогъ лихи́й,— промо́вила зъ о́паломъ: о́чі зайскрились, задрижа́ли у́ста: пізна́лася мині да́вня Ка́тря. Огне́мъ да по́ломьемъ відъ не́і пахну́ло — якъ коли́сь.

»А семья́? а роди́на?« кажу́.

— Усі! усі! Прихиля́ють до се́бе ду́шу, боро́нять до Бо́га!

»Такъ усіхъ ки́дати?«

— Ки́дати, ки́дати! Въ Бо́зі спасе́ніе! Бо́же мій! Бо́же мій! поми́луй на́съ! — покли́кнула су́мно.

»Амінь!« одказа́ла зъ ла́вки сестра́ Мела́нія глу́хо. Переспа́ла вона́ свій дзвінни́й го́лосъ. »Амінь« ще разъ ка́же, та й позіхну́ла та́кеньки, що въ ме́не рука́ва зама́яли, а які му́хи по столу ла́зили, то поско́чувалися, якъ насіння одъ вітру. До́вго ще потяга́лася на ла́вці. Да́лі уста́ла, прибра́лася у ря́сн: »Ходімъ вже до ба́тюшки«, прика́зує Ка́трі.

Й пішли́. И мині веліла йти изъ собо́ю сестра́ Мела́нія, доро́гу пока́зувати.

По́ки ми дійшли́ до свящє́никового дво́ру — біля цє́ркви сто-я́въ зъ двома́ ко́мінами и зъ рундучко́мъ підъ піддашше, — поки́ дійшли́, кажу́, то вже сестра́ Мела́нія зовсімъ чуйна́ була́: хочъ о́чі одъ спання́ помаліли, та дивилися гу́сто и жва́во.

Свящє́никъ стрівъ насъ, увівъ у кімнату.

Сестра́ Мела́нія посіла у яко́мусь вели́кому кріслі, що въ нёму ма́ло було́ придо́би, а бага́то цвяхівъ. Ка́тря ста́ла біля не́і, а я по-за Ка́трею.

»Сіда́йте жъ бо, батю́шка!« про́сить ёго́ сестра́ Мела́нія.

Ба́тюшка сівъ проти не́і та й зака́шлявся.

»А що́ се — ка́шель васъ напа́въ, ба́тюшка?« пита́ сестра́ Мела́нія. »Ли́поваго цвіту напи́йтеся у-ве́чері, на́ нічъ. Та чого́ се ви такі на виду́ жо́вті? Чи не жовтяни́ця? Й поси́віли ви зовсімъ, а мабу́ть ще не ду́же й старі, — боліли на го́лову?«

Ба́тюшка самъ бувъ розу́мний и розсу́дливий, та сми́рний — сторопівъ, слу́хаючи ії та на не́і ди́влячись — тільки голово́ю кива́въ.

»Отсе́ ми до васъ прийхали зъ ва́шою да́внёю порахвія́нкою«, почина́е дру́гу вже річъ сестра́ Мела́нія: »вона́ мині приру́чена. Спа́докъ ій одъ роди́телівъ, якъ зна́ете; вона́ усе́ оджа́лувала на манасти́ръ. Ми прийхали усёго того́ роздиви́тися, опорядити. Вамъ звісно, що тутъ ій нале́жить, — покажіть мині, ко́ли ла́ска ва́ша бу́де. Ра́зомъ вку́пі зъ ва́ми для Го́спода Бо́га на́шого потрудімось.«

Тоді пішли́ по степа́хъ, по лана́хъ огляда́ти, грома́дськихъ люде́й кли́кали цінува́ти. Сестра́ Мела́нія ни́кала скрізь по всіхъ кутка́хъ, мути́лася, підбіга́ла, приглада́ла, прислуха́ла; Катря ходи́ла за не́ю слідомъ, не гля́дячи округи́. Місця́ знако́мі коло не́і процвіта́ли — вона́ не вважа́ла. Нігде́ не припини́лась, и разу́ не огля́нулась. Въ ха́ту якъ ми повернули́ся, то тамъ вже люде́й понахо́дило бага́то. Віта́ли Ка́трю, пита́ли... Вона́ на́че нікого зро́ду не ба́чила и нічо́го не зна́ла, хто й які прийшли́.

Одчини́ли скри́ні, ста́ли лічи́ти гро́ші, які тамъ були́. Ба́тюшка усе́ зашепту́вавъ и запи́сувавъ; сестра́ Мела́нія тежъ собі пірцє́мъ черка́ла — Ка́тря усе́ стоя́ла оддалі́къ, не гле́дючи...

Лю́ди потро́ху розійшлися...

»Ви до́бре се зна́ете, ба́тюшка, що ха́та цій дівчи́ні приділена відъ небіжчиківъ?« пита́лася ба́тюшки се́стра Мела́нія ажъ двічи.

— Зна́ю до́бре, — говори́въ ба́тюшка.

»Та вона́ жъ дале́ка ро́дичка, а дочка́ е́ рідна...«

— Така́ була́ во́ля іхъ. Вони́ дівчину жа́лували.

»И дру́гі зна́ють те́?«

— Якъ же! свідки е́.

»А!« ка́же.

Більшъ вже не пита́ла.

XXII.

Прийшла́ Мару́ся до Ка́трі. Була́ вона́ ти́ха, смутна́ и ласка́ва.

»Зна́е?« спита́ла мене́.

— Зна́е, — кажу́, — та ій за все байду́же. — Ка́тря ії спершу́ не пізна́ла, а на вита́ння одказа́ла: »Благослови́, Го́споди!«

»Се Мару́ся«, говорю́ ій.

Тоді вже вона́ пізна́ла и зновъ ка́же: »Бо́же благослови́!«

Мару́ся стоя́ла передъ не́ю.

»Сіда́й, Мару́се!« прошу́.

Вона́ не схотіла, чи не вчу́ла, стоя́ла и диви́лася на Ка́трю. Ка́тря непорухо́ма сиділа. Більшъ не було́ нікого́ въ ха́ті.

»Ка́тре«, промо́вила до не́ї Мару́ся: »чо́мъ ти сло́ва не промовишъ? Чи мині звели́шъ говори́ти, Ка́тре?«

— Що́? — пита́ Ка́тря, — що́ говори́ти?

»Бачъ, Мару́ся вже си́ва ста́ла зовсімъ«, кажу́, зня́вши ху́стку зъ Мару́сі.

Подиви́вшися, ка́же: — си́ва.

Поси́діла Мару́ся мо́вчки и попроща́лась. Ка́тря ії хри́стить.

»Ка́тре!« промо́вила Мару́ся: »въ ме́не діти...«

— Бо́же іхъ благослови́! — одказа́ла Ка́тря, по своє́му звича́ю.

Якъ сама́ вже вона́ нічи́мъ лю́дськімъ не мути́лася, — та ще й не вважа́ла, якъ въ и́ншихъ се́рце колоти́лося.

Мару́ся додо́му пішла.

На тре́тій день Ка́тря изъ сестро́ю Мела́ніею поіхали. Мару́ся ще прихо́дила попроща́тися. Ка́тря проща́лася такъ са́мо, якъ віта́лась... Хочъ бы вона́ лице́ запечали́ла! хочъ би озирну́лася разо́чокъ!

»Якъ одміни́лася!« промо́вила Мару́ся, дивля́чись у слідъ за тимъ во́зомъ кри́тимъ, по доро́зі.

— А памьята́ешъ, яка́ була́ вона́? — кажу́.

»Якъже!.. до́бре памьята́ю.«

Ще ми посто́яли, подиви́лись. Мару́ся пішла́ до сво́еі госпо́ди, а я іі провела́ и въ не́і тро́хи поси́діла.

Яківъ усе́ хорівъ, усе́ болівъ. Давно́ вже вінъ не роби́въ нічо́го: — не здола́въ. Па́дала коло всёго сама́ Мару́ся. Бага́то було́ ій діла въ госпо́ді, ве́лико печа́лі на се́рці.

Ве́село, якъ е́ кімъ радіти, та й те до́бре, коли́ е́ объ кімъ попла́кати. Ей-же-Бо́гу мое́му, до́бре! Гірка́ та жива́ вода́, кажу́ вамъ...

Вихо́жу я одъ Мару́сі и вона́ мене́ до ворітъ дово́дить, а за не́ю дітки топотя́ть дрібне́нько-важе́нько...

»Подиви́сь«, ка́же вона́, »подиви́сь, Хи́мо, усі тройко́ у ёго́ ви́лились — моі чорня́венькі!«

И сгорну́ла іхъ усіхъ до се́бе. А вони́, хто зъ па́личкою у руці, хто зъ хлібомъ, зъ пісо́чкомъ въ жме́ньці, жва́венько ди́влятьця... Ти́ха и вбо́га ха́та зъ вишне́вимъ садко́мъ!

Я живу́ собі придо́бно на своій сели́дьбі. Сусіди до ме́не хо́дя́ть, а я зновъ до іхъ — одвідуемось. Ра́димось, якъ горо́ди засіва́емо; вку́пі нашъ одпочи́вокъ у свя́то.

Часъ за часъ, а къ ве́чору бли́зче...

Марко Вовчокъ.

НА ВКРАІНУ.

Украіно, Украіно!
Наше сонце ясне!
Чи є въ світі що відъ тебе
Миліше и краще?
Стрепенетця бідне серце,
Якъ тільки згадаю...
Полинувъ би я до тебе
Да крилець не маю!
Тамъ, на горі, на високій,
Підъ гаемъ зеленимъ,
Стоіть хата батьківская
Зъ садочкомъ вишневимъ.
Є и поле кругъ хатини,
И лугъ надъ Десною...
На що жъ ми тутъ літа тратимъ,
Въ чужині, зъ журбою!
Доки стріху соломьяну
Вітру развівати,
Доки грукать въ вікониці
Батьківкоі хати?
Пусте, німе подвірьячко,
Рундукъ зацвівъ мохомъ,
Кіллє зъ тину розібрали
Сусіде потроху;
Садъ вишневий, гай зелений —
Де ви?.. пенькй всюди!..
Безъ хазяіна худоба
Плаче, кажуть люде...
Відсуну я кватирочку —
У віконце гляну:
Попідъ гаемъ зеленёнькимъ
Шляхъ иде въ Украйну.
Любо мині на чужині
На той шляхъ глядіти,

Якъ на свою́ жінку-лю́бку,
Якъ на кві́ти-діти.
Летя́ть пташки́ зъ то́го кра́ю —
Мо́же й зъ Украіни? —
Попідъ хма́рами чорніють,
Ле́две-ле́две ви́дні...
Пта́шка Бо́жа по всімъ світу
Літа́е по во́лі:
Схо́че — здійметця підъ не́бо,
Схо́че — ся́де въ по́лі;
Чомъ же, чо́мъ на Бо́жімъ світі
Я не ма́ю во́лі?
Моя́ во́ля зъ вітромъ въ по́лі
Десь шука́е до́лі.
О, коли́бъ я мавъ ту во́лю,
Що пта́шка... давно́ вже
Полетівъ би въ Украіну...
Та-ба́! стій, небо́же!

Украіно, Украіно!
Ажъ се́рце загра́е,
Якъ мині що́ на чужи́ні
Тебе́ нагада́е...
Онъ, вона́, ле́бе́дя біла́!
(Серде́нько трепе́че!)
Тамъ ве́село со́нце ся́е,
Дніпръ хви́лями пле́ще, —
Дніпръ широ́кий, Дніпръ глибо́кий,
Якъ у да́вні по́ри,
Що носи́въ човни́ коза́цькі
На Чо́рнее мо́ре.
Я — на березі, дивлю́ся —
Чи не рай то́ ба́чу?
Туди́ ру́ки простяга́ю,
Якъ дити́на пла́чу!
О, на що́ насъ, рідна́ ма́ти
Пуска́ешъ ві́дъ се́бе,
Коли́ на́ше ща́сте й до́ля
Тільки-що край те́бе?..

Були́ ча́си, сму́тні ча́си,
Якъ ти вся пала́ла
И слеза́ми — своіхъ дітокъ
Ра́ни обмива́ла.
Були́ ча́си — тяжкі ча́си —
Бода́й не верта́лись! —
Якъ поля́ твої и сте́пи
Кро́вью залива́лись,
Якъ съ кінця́ въ кіне́ць ірва́ли
Тебе́ зли́і лю́де...
Тільки жъ то́ було́ давно́ вже —
Більшъ, мабу́ть, не бу́де...
— Чого́ жъ ти така́ смутна́я?
Ту́га се́рце су́шить,
Безтала́нну голо́воньку
Недо́ленька кру́шить!
Що́ жъ тобі зъ тихъ да́вніхъ ча́сівъ, —
Що пройшли́ мовъ ла́ва, —
Що́ оста́лось, рідна ма́ти?.. —
»Си́ну! до́бра сла́ва!«

Филимонъ Галузенко.

ИЗЪ АНТОЛОГІИ.

I.

ЭЛЛАДА.

Го́лосно въ світі гула́ твоя́ чародійная сла́ва,
Зма́лку геро́ямъ твоімъ привика́въ дивува́тись школя́ръ;
Слёзи наро́дівъ текли́ на руіни твої; на колінахъ
Мо́вчки стоя́въ, гледючи́ на тебе́, заворо́жений світъ.

Шко́да сла́ви твое́і, вродли́вая, кра́сна краіно!
Шко́да твого́ Парѳено́на, шко́да теа́трівъ твоіхъ;
Шко́да Соло́новихъ правъ, хитромо́вныхъ річе́й Демосѳе́на,
Шко́да вели́кої на́віть Тимоле́она души́.

Ти не спиня́ла дітей... вони́ гри́злись зъ собо́ю якъ звірі;
Ти все шука́ла свобо́ди — нікчемная гро́шей раба́!
Ти прославля́ла війну́ людоїдну, и въ Спа́рті прокля́тій
Панъ для потіхи пуска́въ злихъ на Ило́та соба́къ!...

Ти научала наро́ди втіка́ть до невóли одъ во́лі,
Ти запсува́ла найкра́щий не́ба восто́чного даръ...
Па́мьять посме́ртна твоя́ засліпля́ла мано́ю намъ о́чи;
Ми, на тебе́ гледючи́, не ба́чили са́ми себе́.

II.

ДАВНИНА.

Якъ то недо́бре на світі було́,
Якъ світомъ безка́рні боги́ управля́ли!
Ма́инъ прово́рний и хи́трий сино́къ
Всіхъ покрива́въ — и хапу́гъ и злодіївъ.
Зму́тить, бува́ло, чор'зна́е зъ чого́
Рідъ чоловічий Аре́й-гайдама́ка, —
Ллю́тця ріка́ми и слёзи и кровъ
За-для утіхи тихъ ле́жнівъ безсме́ртнихъ.
Якъ же заду́ма яки́й Промете́й
Ро́зума світломъ прогна́ти темно́ту —
Сца́пають за́разъ боги́ молодця́
Та й оддаду́ть на пота́лу шулікамъ.
Въ той часъ Юпи́теръ якъ хо́че гуля́:
Дощъ золоти́й розсипа́е дівча́тамъ,
Чи переки́нетця білимъ бичко́мъ —
Ска́че, мичи́ть, борика́е рога́ми;
Лю́де жъ, на шту́ки такі дивлючи́сь,
Го́лови мо́вчки побо́жно схиля́ють:
»Истино«, ка́жуть, »не вілъ се, а богъ...«
А Прометя́ нового нема́е...

1842.

Іеремія Галка.

I.

Гей-гей, воли́! Чого́ жъ ви ста́ли —
Чи ду́же по́ле заросло́,
Чи леміша́ гіржа́ поіла,
Чи затупи́лось чересло́?
Бади́лле зсо́хло, вже й вали́тця,
Лемішъ я до́бре наста́ливъ,
А чересло́ моє́ новє́е...
Чого́ жъ ви ста́ли? Гей, воли́!

Гей-гей, воли́! Чи зсо́хло по́ле?
Чи плугъ у зе́млю не иде́:
Чи деревья́ная поли́ця
Тяжко́і ски́би не зведе́?
Земля́ пухка́я, плугъ не сто́гне
И ски́бу до́бру відвали́въ,
И борозна́ уже́ чорніе...
Чого́ жъ ви ста́ли? Гей, воли́!

Гей-гей, воли́! Зъоре́мо по́ле,
Насіемъ я́рого дзерна́,
Пройде́ разо́къ тонке́е ра́ло
И пробіжи́тця борона́;
А тамъ — диви́сь — зібра́лась хма́рка,
Дрібне́нький до́щичокъ поли́въ —
И ни́ва шо́вкомъ зеленіе...
Чого́ жъ ви ста́ли? Гей, воли́!

Гей-гей, воли́! Дзерно́ поспіе
И заколо́сятця поля́,
И ве́рне намъ за пітъ крива́вий
Изъ-ли́шкою свята́ земля́.
Тоді збира́й коло́сся по́вне
Та тільки Го́спода хвали́...
Чого́ жъ ви ста́ли, мої діти?
Пора́ наста́ла! Гей, воли́!

II.

Повій, вітре, на Вкраіну,
Де поки́нувъ я дівчи́ну,

Де поки́нувъ чорні о́чи...
Повій, вітре, съ полуно́чи.

Міжъ яра́ми тамъ доли́на,
Тамъ біле́нькая хати́на;
Въ тій хати́ні голу́бонька,
Голу́бонька-дівчи́нонька.

Повій, вітре, до східъ-со́нця,
До східъ-со́нця, край вико́нця. —
Край вико́нця постіль біла,
Постіль біла, дівча́ ми́ле.

Зупини́ся ни́шкомъ-ти́шкомъ
Надъ румья́нимъ бі́лимъ ли́чкомъ,
Надъ тимъ ли́чкомъ зупини́ся,
Чи спить ми́ла — поди́ви́ся.

Якъ спить ми́ла, не збуди́лась —
Нагада́й ій, съ кимъ люби́лась,
Съ кимъ люби́лась и кохалась,
И кохати присяга́лась.

Якъ забье́тця ій серде́нько,
Якъ дівча́ зітхне́ тяже́нько,
Якъ запла́чуть чо́рні о́чі —
Верта́й, вітре, къ полуно́чи.

А якъ ми́ла позабу́ла,
Якъ не́люба пригорну́ла —
Ти розвійся край доли́ни,
Не верта́йся зъ Украіни...

Вітеръ віе, вітеръ віе;
Се́рце ту́жить, се́рце мліе...
Вітеръ віе, не верта́е,
Се́рце зъ жа́лю замира́е...

Подолянинъ Ст. Руданській.

I.

ВЕЧІРЪ.

Чи зга́дуешъ, дівчи́нонько моя́,
Якъ зга́дую безъ те́бе я́
Той ве́чіръ ти́хий надъ водо́ю,
Якъ сумува́ли ми зъ тобо́ю,
Що Богъ намъ до́леньки не да́въ?..
Въ садо́чку солове́й співа́въ,
За га́й спуска́лось со́нце я́сне,
Плеска́лась ри́бка на воді...
»Отъ, ско́ро й Бо́жий день пога́сне,«
Сказа́ла ти тоді —
И загада́лась й зажури́лась,
Голо́вкою на ру́ченьку схили́лась —
И на рука́вця изъ очей
Слёза́ тихе́нько покоти́лась....

Бажа́въ я ба́чить світъ, люде́й, —
Та й ба́чивъ світъ, зъ людьми́ спізна́вся...
А все туди́ не разъ душе́ю рва́вся,
Де́ солове́й въ садку́ співа́въ; —
Въ той ве́чіръ ти́хий надъ водо́ю, —
Де́ сумува́ли ми зъ тобо́ю,
Що Богъ намъ до́леньки не давъ...
Нена́че тамъ я ща́стє похова́въ!

II.

ЖУРБА.

Стоіть гора́ висо́кая,
По-підъ горо́ю гай,
Зеле́нний гай густе́сенький,
Нена́че спра́ві рай.

Підъ га́емъ вье́тця річенька:
Якъ скло́ вона́ блищи́ть,
Доли́ною зеле́ною
Куди́сь вона́ біжи́ть.

Край бе́рега, у-за́тишку,
Привья́зані човни́;
А три верби́ схили́лися,
Мовъ жу́рятся вони́,—

Що про́йде лю́бе лі́течко,
Повію́ть холода́,
Оси́плетця ихъ ли́стячко—
И понесе́ вода́.

Журю́ся й я надъ рі́чкою...
Біжи́ть вона́, шуми́ть,
А въ ме́не хи́ле се́рденько
И мліе и боли́ть.

Ой рі́чечко, голу́бонько!
Якъ фи́лечки твої —
Пробі́гли дні щасли́ві
И ра́дості мої!

До те́бе, моя́ рі́ченько,
Ще ве́рнетця весна́;
А молодість... не ве́рнетця —
Не ве́рнетця вона́!...

Стоіть гора́ висо́кая;
Зеле́ний гай шуми́ть;
Співа́ють пта́шки го́лосно
И рі́чечка блищи́ть...

Якъ хо́роше, якъ ве́село
На бі́лімъ сві́ті жить!...
Чого́ жъ у ме́не се́рденько
И мліе, и боли́ть?

Боли́ть воно́ та жу́ритця—
Що ве́рнетця весна́,
А мо́лодість... не ве́рнетця —
Не ве́рнетця вона́!...

Л. Глѣбовъ.

БАЙКИ.

I.

ДОЛЯ.

У дощову́ пили́півськую нічъ
Забра́всь Ива́нъ на пі́чъ,
Та й спочива́е;
Ажъ чу́е,—підъ вікно́мъ гука́е:
»Здоро́ві! ве́чіръ до́брий вамъ!«
— Здоро́въ! а хто́ ви та́мъ? —
Иванъ у про́сі обізва́вся.
»Хворту́на я; чи ждавъ мене́, чи сподіва́вся?«
— Не сподіва́вся, нічого бреха́ть... —
Встава́й же, го́ді спать;
Бери́ мішо́къ, вихо́дь хуте́нько;
Червінчиківъ копи́цю я найшла́ —
И чимале́ньку, —
Да це и до тебе́ прийшла́,
Щобъ и съ тобо́ю поділи́ться,
Капійчина тобі згоди́тця...«
— Ось за́разъ одягну́сь. —
»Да йди и та́къ.« — Постій, підпережу́сь... —
»Чи я тебе́ дожду́сь?«
— Да дай, хоть чо́боти надіну,
Да одягну́сь въ свити́ну... —

Поки́ Ива́нъ збира́вся —
Обу́вся, одягсь, підпереза́вся,
Да ви́йшовъ зъ ха́ти—
Хворту́ну помина́й якъ зва́ти!..
И слідъ ії прости́гъ...

Ива́нъ и ру́ки опусти́въ;
Верну́вся у ха́ту, сівъ да на Хворту́ну пла́че...

А я бъ ёму́ сказа́въ: не що́-бо-й що́, коза́че!
Не на Хворту́ну — на себе́ жалку́й:
Тоді залізо куй,
Якъ ще воно́ гаря́че.

Р. В.

II.

ПРОХОЖІ ТА СОБАКИ.

Черезъ лева́ди та горо́ди
Два ку́ма йшло́ зъ весілля до госпо́ди.
Бреду́ть, бала́кають про що́сь...
Ажъ-о́сь —
Де́ не взяла́сь Соба́ка въ біса —
Чи зъ-підъ.ворітъ, чи изъ-за ліси —
Присікалася, ажъ вищи́ть...
Коли́ погля́нуть — ще́ біжи́ть
Мабу́ть съ десятокъ, чи й не більше.
Та якъ напа́ли, ба́тю мій!
Одна́ гара́здъ, друга́ ще гірше,
Кіндра́тъ маха́ ціпко́мъ мерщій.
»Ось не займа́й-лише́нь, Кіндра́те«,
Тутъ обізва́вся до ёго Климъ:
»Я іхъ нату́ру зна́ю, бра́те;
Відче́плються... ось-ну, ходімъ, —
Та не маха́й и не диви́ся...«
Отъ, и пішли́ вони́... иду́ть-собі та йду́ть...
Соба́ки й спра́вді уняли́ся,
А да́лі ста́ло вже й не чу́ть.

Отта́къ и завидни́і лю́де
(Вони́ е́ всю́ди!..)
Якъ що́ зави́дно імъ — куди́! —
Бреха́ти, мовъ соба́ки, ста́нуть...
А ти собі иди́ та йди́
Набре́шутьця, та й переста́нуть.

Л. Глѣбовъ.

СТЕ́ХИНЪ - РОГЪ[1].

Отцéва й мáтчина молúтва зі дна мóря виймáе,
Одъ грiхíвъ смертéльнихъ дýшу одкупля́е...

(Дума о бурѣ на Чорномъ морѣ).

Въ мирное время, передвиженіе войскъ совершается чрезвычайно медленно. Послѣ двухъ небольшихъ переходовъ слѣдуетъ днёвка, и полкъ—часто случается—пройдетъ не больше ста верстъ въ недѣлю. Съ перваго взгляда, такое странствованіе покажется нестерпимо-скучнымъ, но кому приходилось *ломать походы*, тотъ вспоминаетъ объ нихъ съ удовольствіемъ. Перемѣна мѣстъ увлекаетъ; съ каждымъ днемъ, какъ въ калейдоскопѣ, все вокругъ мѣняется: иная природа, иныя лица, иныя нарѣчія. Походъ представляетъ неисчерпаемый источникъ для наблюденій. Есть возможность осмотрѣть все, освященное временемъ и исторіей; вглядѣться въ бытъ, въ нравы и обычаи жителей проходимаго края, прислушаться къ ихъ рѣчи, къ народнымъ толкамъ, пѣснямъ, повѣрьямъ и преданіямъ. Передъ вами живая книга: читайте ее и любуйтесь; передъ вами вѣчно-юная природа, свѣжая душа народа, истина неподдѣльная, неподкрашенная.

Полкъ, въ которомъ я служилъ, проходя черезъ Полтавскую губернію, имѣлъ ночлегъ и днёвку въ мѣстечкѣ Г—ѣ. Мнѣ сказали, что въ верстѣ отъ селенія находятся развалины древняго монастыря, основаннаго еще какимъ-то Переяславскимъ княземъ. Часовъ въ семь вечера, когда дневной жаръ спалъ, я отправился осмотрѣть развалины и полюбоваться красивымъ мѣстоположеніемъ окрестностей мѣстечка.

---

(1) *Рогъ, ріг* — мысъ.

По склону высокой и крутой горы, тянулась просёлочная, довольно широкая, дорога. Влѣво, на самомъ гребнѣ горы, возвышались развалины монастыря, рѣзко обозначаясь на темной зелени дубоваго лѣса. Колокольня и кельи стояли безъ крышъ; на полуразрушенной оградѣ и массивныхъ воротахъ византійскаго стиля росли тощія березы, шпирель и трава. Одна только церковь нѣсколько уцѣлѣла отъ сокрушительнаго времени. Куполъ съ почернѣвшимъ крестомъ и крыша еще не обрушились и оконныя рамы, съ выбитыми стеклами, еще держались въ своихъ гнѣздахъ. Вокругъ зданія лежала, какъ завалина, масса осыпавшейся штукатурки; разметанные осколки стеколъ, оживленные лучомъ солнца, сверкали какъ алмазы. Монастырскій дворъ заросъ высоко крапивой, лопушникомъ и бурьяномъ, изъ котораго кое-гдѣ торчали деревянные кресты, уцѣлѣвшіе на могилахъ иноковъ. Нельзя было не замѣтить, что поселяне не увеличивали разрушенія святой обители: оконныя рамы нижняго этажа были не тронуты: плитнякъ на крыльцахъ не разобранъ; желѣзная обшивка на дверяхъ съ крючьями совершенно цѣла. Грустно было глядѣть на эти развалины; онѣ почему-то наводили на печальныя мысли и тяжелыя воспоминанія.

Отъ монастыря я перешелъ черезъ дорогу, и мнѣ представилась поразительная картина украинской природы. Днѣпръ, около двухъ верстъ въ ширину, величественно катился у самой подошвы обрывистой горы. Лучи заходящаго іюньскаго солнца горѣли яркими огнями на легкихъ облакахъ и отражались на зеркальной поверхности рѣки. Днѣпръ, по всему протяженію, сколько обнимали глаза, пламенѣлъ и сверкалъ, какъ огненная лава, ярко отдѣляясь отъ темной рамки противоложнаго берега. За рѣкой виднѣлась низменная степь съ селами и хуторами; даль, по мѣрѣ отдаленія, синѣла, туманилась, небосводъ постепенно понижался, пока совершенно не сливался съ землёю. По Днѣпру виднѣлись плывущіе байдаки, барки, дубы, плоты, а около береговъ сновали, по разнымъ направленіямъ, маленькіе, какъ орѣховая скорлупа, челноки рыбаковъ.

Я стоялъ надъ самымъ обрывомъ, и у моихъ ногъ разстилалась новая картина. Покатость горы до берега покрыта была кустарниками, живописно сгруппированными на холмахъ и въ разсѣлинахъ. Мѣстами росли столѣтніе дубы, липы, ясени и свидѣ-

тельствовали, что нѣкогда и здѣсь былъ такой же лѣсъ, какъ за монастыремъ. Надъ берегомъ выдавался, острымъ угломъ, каменистый мысъ, на высотѣ котораго обрисовался темными очертаніями статный козакъ,(1) въ высокой *смушевой* шапкѣ на-бекрень. Упершись локтемъ въ колѣно и склонивъ голову на руку, онъ сидѣлъ такъ неподвижно, что еслибы, по-временамъ, не вспыхивалъ дымокъ изъ его коротенькой трубки, то его можно было бъ принять за окаменѣлость.

Видъ на рѣку открывался еще болѣе съ того мыса, гдѣ сидѣлъ козакъ, и я, примѣтивъ въ сторонѣ дорожку, началъ спускаться съ горы. Кусты шпиреля, шиповника и глода, осыпанные цвѣтомъ, по мѣрѣ приближенія къ берегу, разростались и дѣлались роскошнѣе. Мѣстами дорожка извивалась по чащѣ высокаго орѣшника, а мѣстами терялась въ глубокихъ рытвинахъ. На днѣ рытвинъ журчали ручьи, и, то двоясь, то соединяясь, вливались въ Днѣпръ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, я наконецъ выбрался изъ гущи кустовъ и очутился возлѣ самаго мыса.

Козакъ все еще сидѣлъ также неподвижно, не замѣчая моего приближенія.

— *Здоро́въ бувъ, ко́заче!* — сказалъ я, слегка ударивъ его по плечу.

Козакъ вздрогнулъ, выпустилъ трубку изо рта и торопливо оглянулся. Увидѣвъ меня, онъ снялъ шапку и хотѣлъ-было приподняться, но я, положивъ ему руку на плечо, остановилъ порывъ его вѣжливости. Судя по козакину изъ тонкаго синяго сукна, китайчатымъ шараварамъ, засунутымъ въ юфтовые сапоги, видно было, что козакъ былъ *зна́чного ро́ду*. Ему было лѣтъ пятьдесятъ; на чубѣ и длинныхъ усахъ пробивалась сѣдина; черные глаза и загорѣлое лицо его были очень живы и выразительны.

»Сиди, сиди«, сказалъ я, »и я посижу съ тобою; *тутъ такъ га́рно!*«

— Да, *мі́сце не-аби́-яке́!* отвѣчалъ козакъ, протягивая ноги.

Утесъ, на которомъ мы сидѣли, возвышался надъ уровнемъ рѣки саженей на пять. Вправо отъ утеса загибалась коса, съ остроконечнымъ гребнемъ въ родѣ крыши, и врѣзывалась въ рѣку на

(1) Въ Малороссіи, *козаками* называются потомки прежняго козацкаго сословія, обращенные въ государственныхъ крестьянъ, съ сохраненіемъ за ними нѣкоторыхъ прежнихъ правъ.

нѣсколько саженей. Косу эту образовала, вѣроятно, часть упавшей горы, но если обвалъ и дѣйствительно случился, то очень давно, потому что камни и земляныя глыбы осѣли и заросли уже высокими деревьями. По ту сторону косы раздавался хохотъ, говоръ и визгливые крики женскихъ голосовъ.

»Кто это тамъ кричитъ?« спросилъ я.

— *Баби́;* тамъ ихъ купанье. Видите ли, со всѣхъ сторонъ *за́тишокъ*, и ни откуда ихъ не видно; вотъ онѣ тамъ и плещутся себѣ до самой ночи.

»Вишь, какія предусмотрительныя!«

— Такая ужъ, видите, глупая бабья натура: прячется, чтобъ на нее не взглянули, будто боится, чтобъ не сглазили. А какія смѣлыя, подумаешь,—прибавилъ значительно козакъ: — чего бъ слѣдовало бояться, того не боятся!...

»Чего жъ имъ бояться?«

— Ка́къ—чего?—Козакъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ. — Правда! вы не *тушёшні*, продолжалъ онъ, вы — *переходо́м* такъ не знаете; а если бъ знали, то и сами сказали бы, что *дідько* ихъ знаетъ, какія смѣлыя. Это мѣсто нехорошее, страшное, вотъ что́!

Козакъ нахмурилъ брови и задумался.

Я просилъ его разсказать, почему это мѣсто нехорошее и страшное, но онъ отнѣкивался.

— Поздно, — говорилъ онъ: — вотъ ужъ и солнце садится, не успѣю досказать, да *проти́ ночи́* не хорошо вспоминать объ этомъ... *цуръ ёму́!*

Я неотступно просилъ козака и наконецъ убѣдилъ его.

— Ну, ну, пожалуй, разскажу, если вамъ ужъ такъ захотѣлось; только обождите, люльку запалю.

Солнце скрывалось за гору, бросая лиловую тѣнь на Днѣпръ. Вечеръ свѣжѣлъ; въ воздухѣ разливался запахъ дикой фіоли, васильковъ и другихъ цвѣтовъ; соловьи заливались цѣлыми хорами.

— Знаете ли, ка́къ это мѣсто называется? — спросилъ меня козакъ, закуривая трубку.

»Не знаю.«

— *Стéхинъ-Рігъ;* та́къ люди назвали это урочище по одному случаю. Мнѣ объ этомъ разсказывалъ мой прадѣдъ, старый-престарый *дідуга́нъ*, когда я еще былъ *хло́пцемъ*. Все лѣто онъ

дѣлъ въ своей пасикѣ, а на зиму приходилъ въ батькову хату и забивался въ свой уголъ, около печи. Вотъ тутъ-то для насъ, дѣтворы, и былъ праздникъ. Прадѣдъ мой мастеръ былъ разсказывать; кто его знаетъ, какъ онъ славно разсказывалъ! Бывало, только *каганéць* засвѣтятъ, такъ мы его со всѣхъ сторонъ и облѣпимъ. Ужъ онъ и знаетъ за-чѣмъ: »А какую вамъ разсказать, собачьи сыны?« спроситъ: (такой былъ добрый, пошли ему Господи царство небесное!) »веселую или страшную?« Страшную, страшную! закричимъ въ одинъ голосъ; и — что́ бы сказать веселую? можетъ-быть, она забавнѣе была бъ, такъ нѣтъ! разсказывай страшную! Бывало — *що́ й ка́зать?* — слушаешь дѣда, а тебя та́къ и коробитъ, та́къ сзади и обдаетъ холодомъ, а чубъ дыбомъ,-дыбомъ; страшно подъ лавку заглянуть; бывало, мать кликнетъ: *»а ну́те, ді́ти, вечéрять!«* такъ вздрогнешь, будто тебя *ді́дько* за ногу потянулъ: голосу родной матери испугаешься!

»Ну́, такъ вотъ-какъ мой прадѣдъ разсказывалъ намъ про *чудасію*, которая на этомъ мѣстѣ случилась.

— Давно, очень давно, еще когда ляхи съ козаками жили какъ братъ съ братомъ, когда все у нихъ было недѣленое — и горе, и радость, и корысть, — тогда наше мѣстечко было еще небольшимъ селомъ; кругомъ его былъ окопъ съ валомъ, а на валу стояла пушка.

На самомъ выѣздѣ изъ села, у рѣки, стояла убогая хатка одного бѣднаго козака, который промышлялъ рыболовствомъ. У него была жена и дочь Стеха, первая красавица во всемъ селѣ, такая, какъ говорится, что и во снѣ не увидать. Высокая, стройная, какъ *очеретинка*, лицомъ бѣлая, чернобровая, а глаза карíе да ясные *якъ зíркú*. Бывало, кто ее ни увидитъ, такъ къ землѣ и приростетъ, — очей отъ нея не отведетъ, — себя забудетъ.

Стехѣ пошелъ уже восемнадцатый годъ, а она все еще была точно малое дитя, — такая тихая, боязливая; не только на *вечорúці* и на *дóсвіткп* не ходила, да и по праздникамъ рѣдко съ подругами играла; все сидѣла дома, съ матерью. А когда, бывало, какой-нибудь паробокъ кинетъ на нее окомъ, такъ она потупится и покраснѣетъ, словно маковка. Видите ли, очень была стыдлива, ужъ такъ стыдлива, что когда въ воскресенье надѣваетъ чистую сорочку, такъ отъ родной матери прячется; а когда мажетъ

хату, то хоть и сорочку запачкаетъ, а не подоткнется. Лѣтомъ, какой бы зной ни былъ никогда не ходила купаться, съ дівчатами, а купалась одна-одинёхонька въ полночь, когда всѣ люди въ селѣ спали. Бывало, мать начнетъ ей выговаривать: »*дурна́*, чего ты боишься, чего стыдишься?« а она молчитъ да по своему дѣлаетъ.

И въ селѣ забыли бы, что есть на свѣтѣ Стеха, если бъ иногда, въ поздній вечеръ, заунывная ея пѣсня не разносилась по всей околицѣ; а голосъ у нея такой былъ, что и разсказать нельзя!.. Кто бъ ни заслышалъ ея пѣсню — *ударитъ и лихомъ объ землю*, и духъ притаитъ: слушаетъ и не наслушается. Случалось, что байдакъ плыветъ себѣ спокойно по-серединѣ Днѣпра; вдругъ лоцманъ заслышитъ пѣсню Стехи, повернетъ къ берегу, плыветъ, плыветъ, плыветъ и не опомнится, какъ наткнется на мель. А она, сердечная, и не знаетъ, что такъ заслушиваются ея, а еслибъ знала, то и замолкла бъ, какъ испуганный *соловейко*. Такая-то была Стеха!

На этомъ самомъ мѣстѣ она купалась (козакъ указалъ на мысъ). Въ то время здѣсь было плесо, а кругомъ дремучій лѣсъ. Не боялась приходить она и въ темную ночь, лишь бы только никто ея не видалъ; а того и не знала, что на этотъ камень, на которомъ мы теперь сидимъ, выползалъ подводный царь-*синько́ водяни́й* (какъ старые люди называютъ) и грѣлся на мѣсяцѣ.

Разъ, когда онъ выползъ изъ своего *криштале́вого пала́ца* и разпластался на этомъ камнѣ, прибѣжала Стеха купаться. Смѣло сняла она сорочку, вышла изъ кустовъ и остановилась около самого плеса. Полный мѣсяцъ такъ и окатилъ свѣтомъ ея бѣлое тѣло; стоитъ Стеха, какъ вылитая изъ чистаго сребра, — только коса, чернѣе *гра́йворона*, колышется ажъ у самого колѣна. Стоитъ Сте́ха, то ножкой играется съ волною, то ручки протянетъ надъ водою, будто поплыть хочетъ, или сложитъ на груди, будто сама собой любуется; а *дідуга́нъ* смотритъ, смотритъ, совсѣмъ прилипъ къ камню и духъ притаилъ, только жабрами водитъ, какъ сомъ. Много у него русалокъ, красивыхъ лицомъ и станомъ, а такой, какъ Стеха, не бывало! Постоявъ немного, Стеха окунулась, но не пошла въ глубь — боялась, а только играла и плескалась возлѣ берега, чуть не подъ самимъ носомъ *дідуга́на*: то окунется, то вытянется по-верхъ воды, то покатится по бѣлому песочку. Выкупавшись, Стеха вернулась домой и давно ужъ

заснула, а подводный царь все еще не могъ опомниться: лежалъ, сопѣлъ и все придумывалъ — какъ бы причаровать къ себѣ дѝвчину и завербовать ее въ русалки. Извѣстно, что если такая *пóганъ* чтó затѣетъ, то рѣдко не поставитъ на своемъ. Вотъ подводный *дiдуга́нъ* и сталъ наводить чары на бѣдную Стеху. Въ явѣ онъ не показывался ей на глаза, а все являлся во снѣ, разсказывалъ ей о своихъ богатствахъ, о хрустальныхъ палацахъ, и во всемъ старался угодить ей. На томъ мѣстѣ, гдѣ она купалась, наносилъ на дно чистаго песку, убралъ камышки. Бывало, когда отецъ ея поѣдетъ ловить рыбу одинъ, то развѣ только лягушку вытянетъ, а какъ возьметъ съ собой, на-счастье, дочку, то *дiдуга́нъ* нагонитъ ему въ неводъ цѣлый возъ рыбы на отборъ. Станетъ Стеха купаться, *дiдуга́нъ* перекинется волною, моетъ ее, носитъ на себѣ, а она думаетъ, что сама плаваетъ,—не стала бояться и глубины; а подводный *дiдько* всё ее дальше и дальше заводитъ. Да не того ему хотѣлось; ему надо было не утопить ее, а чтобъ она сама сгубила свою душу: вотъ тогда бъ только она стала русалкою.

Разъ, когда Стеха купалась, не снявъ съ шеи мониста, *дiдуга́нъ* и отцѣпилъ его. Жаль ей стало мониста: она и ну нырять, все ощупью ищетъ да ищетъ по дну, и нашла — вытащила; смотритъ: не ея монисто: не красное, а бѣлое, — крупное, какъ вишня и такъ сіяетъ, какъ радуга. Увидѣла мать и спрашиваетъ: »гдѣ ты, *до́ню*, взяла это монисто?« а Стеха смѣется: »мнѣ« говоритъ. »подводный царь подарилъ.« И разсказала матери, ка́къ нашла его. »Хорошее«, говоритъ мать, »да жаль твоего, чтó еще отъ пра́бабы досталось.

Не хитрый же былъ и подводный *дiдуга́нъ!* Не прошло недѣли, какъ въ наше село пришла команда *жовнiровъ:* привелъ ее красивый и статный Ляхъ, панъ ротмистръ, еще молодой,—только-что усъ пробился. На встрѣчу жовнiрамъ высыпалъ изъ села народъ, дитвора, а больше всего *жонкi и дiвчата;* какъ-то туда замѣшалась и Стеха съ матерью. Какъ завидѣлъ ее панъ ротмистръ, заразъ повернулъ коня и подъѣхалъ къ ней. Такъ у него глаза и разбѣжались: не знаетъ, на чтó смотрѣть: монисто хорошее, а дѣвчина еще краше: »гдѣ ты достала, *моя кралечко*, такое пречудное монисто?« спрашиваетъ панъ ротмистръ; а мать отвѣчаетъ смѣясь: »подводный царь ей подарилъ.« — »Продай мнѣ, див-

чино«, говоритъ панъ ротмистръ: »сколько захочешъ, столько и заплачу́ тебѣ!« А Стеха покраснѣла, потупилась и взглянуть не смѣетъ. »Что́ пожалуете, вельможный пане«, отвѣтила за нее мать, »тѣмъ и будемъ довольны.« Вотъ панъ ротмистръ вынулъ изъ кармана мѣшечекъ съ дукатами и подалъ его Стехѣ, а мать отцѣпила монисто и отдала его пану ротмистру. Тутъ Стеха, нехотя, подняла глаза, и какъ увидѣла молодаго ротмистра, такъ у ней и ёкнуло сердце, и вся кровь заиграла и загорѣлась. Сердце у дивчины, на-порѣ, отъ молодецкаго взгляда, какъ зерно на нивѣ послѣ теплаго дождика, наполнится и проростетъ.

Того только и хотѣлъ подводный *дідуга́нъ*, чтобъ Стеха *закоха́лась*.

Сильно обрадовались дукатамъ Стехины батько и матерь; построили себѣ новую хату, большую, на двѣ половины, одну — для себя, другую для будущаго зятя; батько накупилъ такихъ неводовъ, что за четверть Днѣпра хватаютъ, а дочку одѣлъ не хуже какой-нибудь *сотникі́вны*. Да не до того теперь Стехѣ. Смутно было у ней на умѣ, тяжело на сердцѣ; затихла пташка, голоска́ не подастъ, и не узнать ея: не прячется болѣе въ густыя черешни, а все, знай, возлѣ плетня снуетъ да высматриваетъ. И панъ ротмистръ, изъ веселаго, такой сталъ задумчивый, и куды бъ ни пошелъ, такъ его и притянетъ къ Стехиному садочку. А она только завидитъ пана ротмистра, — и притаится за плетнемъ, и смотритъ на него, смотритъ, а сердечко токъ-токъ-токъ, какъ у перепелочки, когда завидитъ ястреба. Зорокъ былъ и панъ ротмистръ, не долго пряталась отъ него Стеха. Сначала заговорили они межъ собой черезъ плетень, а тамъ панъ ротмистръ перелѣзъ и въ садочокъ, и за бѣлыя руки взялъ, и къ сердцу приголубилъ... Опять запѣла наша пташка и ужъ не нашу пѣсню, а веселую, лядскую, да только не долго, бѣдняжка, пѣла: поднялась война съ туркомъ и пану ротмистру пришолъ приказъ, чтобъ онъ отправился съ своими жовнирами по дорогѣ въ Туреччину.

Горько было разставанье Стехи съ паномъ ротмистромъ, да что́ дѣлать: война съ *бузувіромъ*, такъ тутъ не до любови. Прощаясь, панъ ротмистръ надѣлъ Стехѣ на палецъ драгоцѣнный перстень и поклялся, что когда вернется благополучно съ войны, то непремѣнно на ней женится.

Тоскуетъ Стеха въ разлукѣ съ милымъ, задумывается, а порой вспомнитъ свое счастье и развеселится. И почудится ей, что панъ ротмистръ уже вернулся съ войны, и любитъ её больше прежня́го; — она ужъ больше не прячется съ нимъ въ садочку да по лѣснымъ затишьямъ, а живетъ вмѣстѣ, по закону, сидитъ въ палацѣ обнявшись и ножкой колышетъ колыску съ сыномъ. Да не такъ на свѣтѣ дѣлается, какъ думается! Подводный *дідуга́нъ* не дремалъ: только-что панъ ротмистръ выступилъ въ походъ съ *жовні́рамі*, онъ такъ и кинулся подземными *жере́лами* къ рѣкѣ Дунаю, и сторожитъ его тамъ.

Въ старину не умѣли, какъ теперь, наводить мосты черезъ такія широкія рѣки, какъ нашъ Днѣпръ или Дунай; пѣшее войско переправлялось на дубахъ, а конница вплавь. Вотъ, когда пришелъ къ берегу съ своими жовне́рами панъ ротмистръ, то, не долго думавши, и поплылъ черезъ Дунай. Только добрался до быстрины, а дідуганъ цапъ его за ногу, да и затасовалъ на самое дно. На войнѣ чего не случается? не велика бѣда, что утонулъ: однимъ только меньше. Такъ думаютъ люди, а того не знаютъ, что для родной матери, или коханки, въ немъ одномъ погибло все на свѣтѣ!...

Когда вѣсть о смерти пана ротмистра дошла до Стехи, она, бѣдная, словно *збожево́ліла* (1). По нѣскольку дней сряду, бродила по лѣсамъ, какъ дикая кошка; не на долго навѣдается въ хату и опять безъ вѣсти пропадетъ. Что́ ни дѣлали отецъ и матерь — ничто́ не помогало; какъ ее ни допрашивали, молчитъ и не жалуется на свою долю. Случалось людямъ встрѣчать Стеху въ лѣсу, такъ едва могли признать ее — та́къ извелась. Глаза такіе жъ каріе, ясные, да такъ страшно смотрятъ, что морозъ подираетъ по кожѣ; коса разметалась, сама она блѣдная, какъ полотно, сорочка въ лохмотьяхъ. Вотъ такъ-то, сердечная, билась она съ своимъ горемъ, билась, — и какъ выплакала всѣ свои слёзы — свѣтъ ей опротивѣлъ. Разъ, на Ивана-Купала, пришла она на этотъ камень, постояла-постояла, понуривши голову, а потомъ подняла руки, вскрикнула — и бухъ въ воду. Подводный *дідуга́нъ* уже ждалъ ее, сидя тутъ подъ кручей. Только что она...«

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ зашумѣла и зако-

(1) Помѣшалась.

лыхалась вода, и въ ту жъ минуту на поверхности показались голова и бѣлыя плечи плывущей женщины.

— Здравствуй, дядьку!—закричала русалка, сплеснувъ руками.

Внезапность испугала насъ обоихъ, въ особенности козака.

»Святъ, святъ!« пробормоталъ онъ, быстро вскакивая на ноги и устремляя на русалку взглядъ полный ужаса.... »Стеха, Стеха!« Закричалъ онъ, растопыря руки: »чтобъ тебя дідько ухватилъ!... Тьфу, до смерти перепугала!..«

— Стеха?! спросилъ я.

»Стеха!« отвѣчалъ козакъ, успокоиваясь: »да только не та, а живая! чтобъ ее... *нехáй здорóва буде!* Да ловко же подкралась: шутка ли ажъ вонъ откуда вынырнула. Вѣдь она у насъ ныряетъ какъ норецъ, какъ вѣдьма какая держится на водѣ и не тонетъ!«

Стеха заливалась звонкимъ хохотомъ и, желая выказать свое искусство, плавала легко и красиво, то взмахивая руками, кружась и ныряя, то спокойно лёжа и чуть колеблясь на поверхности воды.

»Ну, эта«, замѣтилъ я, »не боится, чтобъ ее не сглазили!«

— Дура,—пробормоталъ козакъ, ухмыляясь:—она думаетъ, что коли съ низкаго берега не разглядишь человѣка въ водѣ, такъ тоже и съ высокаго: дура, на вѣки дура! — говорилъ онъ, щурясь и не сводя глазъ съ прельщавшей его Стехи.

»*Дівчúна чи молодúця?*«

— *Молодúця*.... Еще не давно замужемъ... Славная, нечего сказать, *дідько* ея не взялъ. Посмотрите, словно выточеная, а бѣла, бѣла какъ молоко.

Козакъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ; да и нельзя было не залюбоваться Стехой. Къ красотѣ мѣстоположенія только и не доставало русалки; внезапное появленіе Стехи какъ-будто осуществило фантастическій разсказъ козака.

Не долго забавляла насъ Стеха. »Прощайте!« вскрикнула она, погружаясь; бѣловатая полоса проскользнула за окраину мыса и изчезла.

— *Бісова молодúця*... чтобъ ее... говорилъ козакъ, ковыряя указательнымъ пальцемъ въ потухшей трубкѣ:—чортъ знаетъ какъ было, испугала!

»Да за тó и потѣшила!« замѣтилъ я.

— Нéчего сказать, потѣшила!.. — Козакъ захохоталъ и закрутилъ головою.

Солнце зашло; наступали сумерки; даль потемнѣла; поверхность Днѣпра приняла цвѣтъ полированной стали. Барки, байдаки и плоты причалили къ берегу на отдыхъ. Огоньки засверкали и синеватый дымъ, словно прозрачная пелена, разстилался надъ берегомъ. Украинскія мелодіи сливались съ великороссійскими и бѣлорусскими пѣснями; дребезжала сопѣлка; вдали щелкали перепела, трещали коростели, гудѣлъ бугай (1), а возлѣ насъ свистали пастушки (2), ворковали горлицы и еще громче заливались соловьи.

Козакъ сосалъ трубку и, подпершн ладонью подбородокъ, весь погрузился въ свою думу.

»Ну, козаче, досказывай«, заговорилъ я, дергая его за рукавъ: »уже вечерѣетъ.«

— Да! — пробормоталъ козакъ, потирая лобъ: — на чемъ-бишь я остановился?..

»Ну, вотъ какъ кинулась въ воду Стеха, подводный царь схватилъ ее, перекинулъ въ русалку и помчалъ въ свой палацъ. И палацъ же былъ на удивленье! стѣны, потолки, крыша, все изъ чистаго скла, столы, лавки, скамейки изъ самоцвѣтныхъ камней, а полъ посыпанъ мелкимъ, какъ макъ, жемчугомъ.

Когда увидѣли дідьковы русалки Стеху, то словно тертаго хрѣну понюхали. Живьемъ бы ее съѣли: (вѣдь бабы презавистливы, гдѣ бы ни были, на землѣ или подъ водой, всѣ на одинъ ладъ): только не ихъ воля, не ихъ и сила: ничего не сдѣлаютъ. *Синько-водяной* прогналъ отъ себя всѣхъ русалокъ и зажилъ съ одной Стехой. Разсердились русалки, стали межъ собой совѣтоваться, какъ бы имъ сбыть Стеху... Была между ними одна русалка, хитрая-прехитрая, ехидная, какъ змѣя подколодная, а умѣла прикидываться такой добренькой, какъ говорится *»ангельскій голосокъ, а чортова думка.«* Еще при жизни она была вѣдьмой, изъ нашего таки села, да разъ попрятала дожди, а тутъ, ей на бѣду, нашелся такой знахарь, и утопилъ ее проклятую; она и попала къ подводному дідугану въ русалки. Да, хоть она была и русалка, а *вѣдёмства* своего все-таки не забывала; вотъ она и взялась спровадить

---

(1) Выпь. Болотная птица. Ее называютъ бугаемъ потому, что крикъ ея напоминаетъ ревъ бугая (быка).

(2) Маленькая птичка.

Стеху... Заразъ поддобрилась къ *дідуганѣ* и впросилась къ Стехѣ работницею: такая услужливая, угодливая, все Стехѣ разсказываетъ про ея отца и матерь, какъ они за нею убиваются да плачутъ; а Стеха слушаетъ и все больше мучится и тоскуетъ. Дідуганъ чего не дѣлалъ! Чтобы развеселить Стеху, затѣетъ подводныя игрища: раки осѣдлаютъ осетровъ и бѣгаютъ въ запуски, какъ люди на скакунахъ; черепахи, какъ собаченки, на двухъ лапкахъ танцуютъ; а иногда разберутъ на своры щукъ и сомовъ, будто борзыхъ, и поѣдутъ на охоту, травить рыбу, какъ мы зайцовъ... Ужъ и не помню всего, что̀ прадѣдъ разсказывалъ: бывало, какъ начнетъ выдумывать да своего додавать, то слушаешь, слушаешь и отъ смѣха ажъ за животы берешься. Ну, такъ, говорю, что̀ ни дѣлалъ дідуганъ, чего не придумывалъ, никакъ не могъ развеселить Стехи; все сидитъ себѣ понуривши голову, и не усмѣхнется.

Вотъ русалка и стала ее спрашивать: не хочетъ ли побывать у своего батька и матери? »Хочу, сестричко«, говоритъ Стеха, »хоть-бы мнѣ взглянуть на нихъ!«— »И увидишь«, говоритъ русалка, »и услышишь ихъ голосъ, и будетъ тебя мать въ рукахъ держать: только слушайся меня и дѣлай все, что̀ я ни скажу.«—»Что̀ хочешь«, говоритъ Стеха, »то̀ со мною и дѣлай.«

Разъ, когда подводный дідуганъ, отправился осматривать свое подводное царство, вѣдьма-русалка обернула Стеху въ *плі́точку* (плотву) и пустила ее въ *ятеръ* ея батька. Подъ вечеръ пришелъ батько. Увидѣвъ, что въ ятерѣ всего одна рыбка, не хотѣлъ было брать, а потомъ подумалъ, что ихъ теперь только двое, — не много имъ нужно; взялъ дочку, положилъ въ мѣшочекъ и принесъ домой. Боже милостивый, какъ Стеха обрадовалась, увидѣвши *роди́ну*, кровныхъ: ажъ затрепеталась! А они-то, горемычные, отъ тоски и печали такъ извелись, что узнать трудно: у *отца* чубъ побѣлѣлъ, а у матери глаза покраснѣли и запухли отъ слезъ. Взяла мать ножъ и ну оскребать чешую: и что̀ же? Стехѣ такъ хорошо, такъ любо въ рукахъ матуси родненькой, ажъ спинку выгибаетъ отъ радости. Выпотрошила мать *плі́точку* и въ горшокъ съ кипяткомъ бросила, а Стехѣ все также хорошо, и огонь, разведенный матусею не жжетъ ея. Когда плиточка сварилась, мать вынула ее изъ горшка, положила на кленовую тарелочку и поставила на столъ. Сѣли старики вечерять, да ѣда нейдетъ имъ на умъ. Сидѣли, сидѣли и вспомнили о своей несча-

стливой Стехѣ: »осиротила насъ«, говоритъ батько, »нѣкому болѣе радовать и утѣшать насъ!« а мать также всхлипываетъ, да приекаетъ: »кто за нами старыми да немощными присмотритъ! кто закроетъ намъ очи, кто насъ оплачетъ когда умремъ, и помолится за насъ грѣшныхъ?« Не увидимъ ея ни въ сей жизни«, говоритъ батько, »ни въ будущей: сгубила она душу свою!.. Боже милостивый!« заголосили старики, »помилуй ее грѣшную, неразумную, несчастливую!..« сидятъ да молятся, а слёзы капаютъ на тарелочку и обмываютъ плиточку, а душа Стехи, какъ отъ *живущей и сцѣлющей воды*, оживаетъ, оживаетъ; теплая молитва дошла до Господа... милосердный Богъ помиловалъ грѣшную!.. Очнулись старики, видятъ—нѣтъ болѣе на тарелочкѣ плиточки, а лежатъ голубенькіе цвѣточки; не успѣли опомниться отъ одного чуда, какъ имъ послышался милый и знакомый голосъ, голосъ Стехи!

»Наша Стéха!« закричали старики, всплеснувши руками, и опрометью выбѣжали изъ хаты. Обѣжали кругомъ, приглядываются: никого нѣтъ; ночь темная, ни звѣздочки,—только холодный осенній вѣтеръ завываетъ, свѣвая съ деревьевъ сухое листье. Тутъ они спознали, что Богъ услышалъ ихъ молитву; вошли въ хату и легли спать. Когда мать заснула, Стеха явилась къ ней во снѣ, вся въ цвѣтахъ, такая веселая, румяная, какою она была до прихода пана ротмистра. И разсказала она матери всё, что́ я вамъ сказалъ, какъ дiдуганъ ее сгубилъ, какъ вѣдьма оборотила ее въ плиточку и какъ молитва батька и матуси *визволила* грѣшную ея душу.

Тѣмъ временемъ подводный дiдуганъ возвратился въ свой хрустальный палацъ; смотритъ—нѣтъ Стехи; какъ пронюхалъ, что съ нею сталось, то и разсказать нельзя какъ разлютовался. Сейчасъ собралъ съ половины свѣта тучи, изъ подземельныхъ жерлъ выпустилъ вѣтры, со всѣхъ рѣкъ стянулъ воду. Загремѣла буря, какой отъ созданія міра еще никто не видѣлъ, полилъ дождь какъ изъ ведра и Днѣпръ надулъ свою гриву и расколыхался, какъ весной въ полную воду, и ревѣлъ и стоналъ, сердечный. Трое сутокъ лилъ дождь, дули вѣтры, ажъ земля колебалась и была такая темень, какъ ночью. Дiдуганъ, должно быть, хотѣлъ перевернуть всю гору съ нашимъ селомъ, да ничего не доказалъ. Подмылъ только въ этомъ мѣстѣ и свалилъ порядочный кряжъ въ Днѣпръ. Но что ни дѣлалъ, какъ ни бѣсился, а Стеху все таки нужно было вернуть; вотъ онъ и

выбросилъ ея трупъ, вотъ на эту горку. Козакъ указалъ въ лѣво на небольшое возвышеніе.

Когда все *утихомирилось*, народъ сбѣжался сюда, посмотрѣть на проказы подводнаго дідугана и увидѣлъ трупъ Стехи. Сказали объ этомъ ея батьку и матери; прибѣжали старики, плакали, убивались и похоронили. Попъ отказался было отпѣвать самоубійцу, но мать разсказала ему какъ Богъ помиловалъ Стеху, и батюшка сотворилъ надъ нею христіанское погребеніе.«

— Гдѣ она погребена?

»На той же горкѣ, на которую ее выбросилъ дідуганъ. Недалеко отсюда, мы будемъ проходить около самой могилы, я вамъ ее покажу.«

Полная луна поднялась надъ горизонтомъ и набросила серебристый покровъ на окрестности. Днѣпръ, мѣстами, казался бездонной пропастью, въ глубинѣ которой яркія звѣзды сверкали, какъ алмазы на черномъ бархатѣ; мѣстами — отливался, блестѣлъ серебристой чешуей. Прибрежные огоньки разгорѣлись и отсвѣчивались въ пучинѣ, огненной колонадой. Ночь была теплая, тихая; ни одно деревцо не колыхалось, ни одинъ листочикъ не шевелился.

Козакъ всталъ, и я за нимъ. Пройдя въ гору около сорока шаговъ, онъ остановился возлѣ довольно высокаго креста.

»Вотъ вамъ и Стехина могила,«—сказалъ онъ, снимая шапку и крестясь.

Не замѣтно было и признаковъ возвышенія; поверхность земли была совершенно ровная и покрыта мелкой травой. Одинъ только крестъ указывалъ мѣсто Стехиной могилы.

»Навѣрное Богъ ее помиловалъ«, важно продолжалъ козакъ, »когда и люди ее простили!.. Никто не помянетъ Стеху лихомъ; рѣдкій изъ жителей нашего мѣстечка, молившись за упокой душъ своихъ родичей, не помянетъ и Стехи. Какъ истлѣетъ и повалится крестъ на ея могилѣ, найдется добрая душа и поставитъ новый. Кто ни пройдетъ мимо ея могилы, всякій вспомянетъ несчастную и помолится. Старикъ проситъ Бога, чтобы не наказалъ тѣмъ же лихомъ и его дѣтей, дівчина, чтобы не послалъ и ей такой же доли. Кажется, пока свѣтъ стоитъ, не забудутъ Стехи, будетъ стоять крестъ на ея могилѣ, а урочище это называться *Стéхинъ-Рiгъ*. На Ивана Купала собираются сюда дивчата и парубки, раскладываютъ костры дровъ, веселятся и прыгаютъ черезъ огонь.

Въ этотъ день усыпаютъ могилу Стехи цвѣтами, а на крестъ вѣшаютъ вѣнки изъ барвинка и васильковъ. Дивчата даже думаютъ, что стыдливая Стеха для нихъ и купальню такую устроила, что ни съ которой стороны не видно ихъ, когда онѣ купаются.«

Возвращаясь въ мѣстечко, козакъ не умолкалъ; между прочимъ далъ мнѣ замѣтить, что онъ не изъ простыхъ.

»Вѣдь и я тоже«, говорилъ онъ, »почти военный: и дѣды и прадѣды мои воевали съ басурманомъ, и сынъ у меня также на службѣ. И еще гдѣ! Въ *Петенбурхѣ*, въ гвардіи!...

— Въ которомъ полку?

»Въ самой кавальгардіи!«

»Давно?

»Шестой годъ. Пишетъ, — хвалится, что ему тамъ хорошо, только жалуется, что въ казармахъ лѣтомъ душно, а зимой холодно, и по варенникахъ скучаетъ.

Проходя улицей, онъ остановился возлѣ дома, покрытаго тесомъ, о пяти окнахъ, съ затѣйливыми воротами, шинкомъ и сараями, все изъ хорошаго рубленаго лѣса.

»Вотъ и моя хата«, сказалъ онъ, снимая шапку и низко кланяясь: »прощайте, *на добра́-нічъ*.«

— Прощай, козаче, — отвѣчалъ я, пожимая его руку: — прощай, спасибо тебѣ за Стеху.

»Да, не забывайте нашей Стехи и не вспоминайте лихомъ и Марка Порохню. Прощайте!«

Ал. Стороженко.

ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ Н. В. ГОГОЛЯ

ДЛЯ

ДРАМЫ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ИСТОРІИ.

НѢСКОЛЬКО ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

До сихъ поръ мы знали только по слухамъ, что Гоголь писалъ драму изъ исторіи Украины, но не находили никакихъ слѣдовъ этого литературнаго труда. Покойный С. Т. Аксаковъ, въ »Воспоминаніяхъ« своихъ, сообщенныхъ мнѣ для *Записокъ о Жизни Гоголя* (т. I, стр. 252) пишетъ: »Въ 1839 году Гоголь говорилъ мнѣ, что, кромѣ труда завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, т. е. *Мертвыхъ Душъ*, у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой все готово, даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ,—что это его давнишнее любимое дитя,—что онъ считаетъ, что эта піеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ, и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу.«

Въ то же самое время и для той же работы, О. В. сообщилъ мнѣ другой фактъ, относящійся, надобно думать, къ той же драмѣ (см. тамъ же, стр. 330): ».... На замѣчаніе мое объ отсутствіи драмы въ *Мертвыхъ Душахъ*, Жуковскій отвѣчалъ мнѣ: »Да и вообще въ драмѣ Гоголь не мастеръ. Знаете ли, что онъ написалъ было трагедію? Читалъ онъ мнѣ ее во Франкфуртѣ. Сначала я слушалъ; сильно было скучно; потомъ рѣшительно не могъ удержаться и задремалъ. Когда Гоголь кончилъ и спросилъ, какъ я нахожу, я говорю: »Ну, братъ Николай Васильевичъ, прости, мнѣ сильно спать захотѣлось.« — »А когда спать

захотѣлось, тогда можно и сжечь ее«, отвѣчалъ онъ, и тутъ же бросилъ ее въ каминъ. Я говорю: »И хорошо, братъ, сдѣлалъ.«

Еще мы знаемъ, что Гоголь, въ первый свой пріѣздъ въ Москву, говорилъ о какой-то драмѣ М. С. Щепкину: »Ну, Михайло Семеновичъ, будетъ вамъ славная работа: у меня есть драма за выбритый усъ, въ родѣ *Тараса Бульбы*. Я скоро ее окончу.« Михайло Семеновичъ имѣлъ неосторожность спросить объ этой драмѣ у Гоголя при свидѣтеляхъ. Гоголь отперся и отвѣчалъ, что никогда не говорилъ ничего подобнаго; но, выходя изъ комнаты, шепнулъ г. Щепкину: »Болтунъ, ничего больше не скажу!«

Вотъ все, что́ было извѣстно намъ до сихъ поръ о драмѣ Гоголя. Ни С. П. Шевыревъ, пересматривавшій бумаги Гоголя вскорѣ послѣ его смерти, ни племянникъ великаго писателя, П. П. Трушковскій, не открыли никакихъ остатковъ этой драмы, ни даже намековъ на нее. Я самъ, пересматривая много разъ бумаги Гоголя при изданіи его *Сочиненій и Писемъ*, остался въ убѣжденіи, что слѣды украинской драмы его изчезли. Но, вотъ, недавно, перелистывая выписки Гоголя изъ разныхъ книгъ по предмету русской и всеобщей исторіи — работу учительскаго періода его жизни, я открылъ листъ ярко-зеленой бумаги, сложенный въ осьмушку и исписанный въ разныхъ мѣстахъ по три, по четыре, по десяти строкъ, изъ которыхъ, однакожъ, никакъ нельзя было догадаться, что́ это такое, — тѣмъ болѣе, что писано это самымъ небрежнымъ почеркомъ. Перелистывая одинъ за другимъ эти наброски, я напалъ наконецъ на одно мѣсто съ подчеркнутою надписью: *Какъ должно создать эту драму*. Я перебралъ тогда всѣ лоскутки бумаги съ брошенными на нихъ кусочками мыслей, которыя, до сихъ поръ, я не зналъ куда отнести, и такимъ образомъ составилъ предлагаемую статью, несомнѣнно удостовѣряющую, что драма дѣйствительно существовала, если не на бумагѣ, то въ умѣ Гоголя. О времени, въ которое сдѣланы эти наброски, можно судить по бумагѣ, на которой просвѣчивается штемпель фабрики: »J. Whatman Turkey Mill 1838«.

Пользуясь драгоцѣнной для меня довѣренностію почтенной матери великаго нашего поэта, я приношу, отъ ея имени, этотъ малый, но безцѣнный, въ своемъ родѣ, даръ новому украинскому журналу, какъ замогильное напутствіе писателя, которымъ наша родина по справедливости гордится.

П. Кулишъ.

Какъ нужно создать эту драму.

Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебренное сіяніе, и въ роскошное дыханіе юга.

Облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она вся нестерпимаго блеска.

Освѣтить ее всю минувшимъ и вызваннымъ изъ строя удаливших(ся) вѣковъ, полнымъ старины временемъ, обвить разгуломъ козацкимъ и всѣмъ раздольемъ воли.

И въ потопъ рѣчей неугасаемой страсти, и въ рѣшительный, отрывистый лаконизмъ воли и свободы, и въ ужасный, дышущій дикимъ мщеніемъ, порывъ, и въ грубыя, суровыя добродѣтели, и въ желѣзные, несмягченные пороки, и въ самоотверженіе неслыханное и дикое, не-человѣческое великодушіе.

И въ безпечность забубенныхъ вѣковъ.

—

Вдохновенная, небесно ухающая, чудесная ночь. Любишь ли ты меня? по-прежнему ли ты глядишь на своего люби(мца) (1) и горишь, и блещешь ему въ очи, и цѣлуешь его въ уста и лобъ, и такъ же ли, по-прежнему, ли смѣется мѣсячный свѣтъ? О Боже, Боже, Боже! такіе ли звуки, такіе снуются и дрожатъ въ тебѣ, *которые мнѣ одному ты давалъ слышать* (2) въ то время, когда... передъ окномъ, на груди рубашка раздернута, и грудь и шея моя *тебѣ* (3) на стрѣчу, *а* божественный (4) чудесный *освѣжительный* (5), утомительный, дышущій нѣгой и благовоніемъ рай(скій) небесн(ый) вѣтеръ ночной, дышущій радостнымъ исполненнымъ молод(ости), холодомъ, вѣтеръ урывками обнимаетъ меня и обхватываетъ своими объятіями и убѣг(аетъ) и вновь возвращается обнимать меня, а черныя... массы лѣсу, нагнувшись издали глядѣли... стоялъ торжеств(енн)о несмущенный воздухъ. И вдругъ соловей... О небеса! какъ загорѣлось все, какъ вспых-

(1) *Сверху, другими чернилами, написано*: не измѣнившагося ни годами, ни (у)тратами.

(2) *Курсивныя слова зачеркнуты другими чернилами, а надъ ними сверху написано*: Я клянусь, я слышалъ эти звуки; я слышалъ ихъ одинъ.

(3) *Это и слѣдующія курсивныя слова зачеркнуты другими чернилами. Надъ слѣдующимъ затѣмъ словомъ начинается приписка другими чернилами*: ночному, освѣжительному ночному вѣтру, какой...

(4) *Другими чернилами сверху*: какой.

(5) *Друг. черн*: *св*: и оживляющій.

нуло (1)! А мѣсяцъ, мѣсяцъ... *О мѣсяцъ!* Боже, *Боже, Боже!* — Отдайте, возвратите мнѣ мою молодую крѣпость. Еще... меня, меня свѣжаго — того, который былъ (2). О, не возвратимо все, что́ ни есть на свѣтѣ.

—

Отвѣчаетъ сравн. иносказательно. Правда, случается, что волъ падалъ, издыхалъ, но подъ рукою человѣка, которому Богъ далъ умъ на то, чтобы сдѣлать... но никогда еще не случалось, чтобы быкъ погибалъ отъ свиньи.

—

Дѣлаетъ распоряженія о продажѣ рыбы, о запасѣ на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуютъ,— о покупкѣ соли, о баштанахъ, хлѣбахъ, о порохѣ, ружьяхъ, кунтушахъ для солдатъ. — Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая снаровка бунтовать такъ, чтобы не побунтовать не можетъ проклятой народъ; такъ вотъ у него рука чешется, дармоѣдитъ да повѣсничаетъ, по шинкамъ да по улицамъ.

—

Разсказываютъ про клады и сокровища Запорожцевъ. Уйду на Запорожье: здѣсь всякой чортъ тебя колотитъ.

—

Монахамъ такого-то монастыря купить вытканные и шитые утиральники.

—

Демьянъ превращается въ кашевара. Самко въ...

—

МУЖИКИ.

Разговоръ между мужик(ами). Вздорожало, все дорого... Ей Богу, не длиннѣе вотъ этого польце 20 четвериковъ... 4 пары цыплятъ къ Духову дню, да къ Пасхѣ пару гусей, да съ каждой свиньи, съ меду, да и послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ третьяго вола.

—

РЫЦАРСКІЕ.

Не поединки, а раздѣлываются драками, набравши съ собою сколько можно больше слугъ и, выѣхавши на поле, нападаетъ на своихъ противниковъ.

—

(1) *Друг. черн*: У, какой громъ!...

(2) *Что́ слѣдуетъ далѣе, приписано другими чернилами.*

Выдумать, какъ запала мысль въ голову молодому дворянину. Чисто козацкое изобрѣтеніе, какъ подговорить. Лукашъ говоритъ, что онъ ничего не знаетъ, — что нужно склонить полковниковъ на радѣ... и вынуждаютъ... и сказать. Какимъ же образомъ...

—

Сказавши монологъ, долго кричатъ. Выходитъ. Мать. Дочь. У тебя болитъ голова. и прочее.

Нѣтъ, не голова болитъ: я вся. Болятъ мои руки, болятъ мои (ноги), болитъ грудь моя, болитъ моя душа, болитъ мое сердце. Огонь во мнѣ... Матушка, матуся! дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята твоя злодѣй... и проклятъ родъ твой, и прокляты тѣ всѣ, что... Мать моя, матушка! зачѣмъ ты меня породила такую нещастную? Ты, видно, неходила въ церковь; ты, видно, не молилась Богу; ты, видно, въ свяченой водѣ не купала... въ ядовитомъ зельѣ, на которомъ проклятая гадина.

—

Входятъ, возвѣщаютъ и совѣтуютъ бѣжать. Бѣгите и спасайте женъ и бабъ. Ляхи за нами, и грабятъ и жгутъ, Въ этомъ положеніи находятъ. Укладываются. Старушка плачетъ, разставаясь съ прежнимъ жилищемъ, гдѣ столько пробыла и откуда никуда не выходила.

—

Внутри рветъ меня, все немило мнѣ: ни земля, ни небо, ни все, что вокругъ меня.

—

Отреченіе отъ міра совершенное. А между тѣмъ мерещится прежнее счастіе и благо(денствіе), которое могло... Прощаніе слезное съ молодыми лѣтами, съ молодыми радостями... и строгое покореніе судьбѣ. Обѣтъ, и какъ будетъ молиться, какъ припадетъ къ иконѣ и все буду плакать. И ничто, никакой пищи бѣдному сердцу и не радуюсь никакимъ воспоминаніемъ.

И вдругъ. Здѣсь встрѣча съ соперницей въ унизительномъ состояніи, и все вспыхиваетъ вновь во всемъ огнѣ и силѣ. Жестокіе упреки и злобная радость. Бросается на колѣни и проситъ прощенія.

Н. Гоголь.

МЫСЛИ
О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Географическая мѣстность страны и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился бытъ Восточныхъ Славянъ, произвели надолго, въ исторіи Русскаго народа, сочетаніе единства и цѣлости земли съ раздѣльностью частей ея и съ своеобразностію жизни въ каждой изъ этихъ частей. Коренной зачинъ русскаго государственнаго строя шелъ двумя путями: съ одной стороны, къ сложенію всей Русской Земли въ единодержавное тѣло, а съ другой — къ образованію въ немъ политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью. Это начало федераціи не представляетъ въ исторіи нашей чего-то исключительно-свойственнаго Славянскому племени; его встрѣчаемъ мы, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, повсюду, гдѣ только живучесть нравственныхъ силъ человѣка не была подавлена насильственнымъ сплоченіемъ, или гдѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ для поддержанія единства оборотовъ судьбы, части не приняли характера совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга цѣлыхъ, и не разошлись, на своемъ пути, въ разныя стороны. Русская Земля была слишкомъ велика для скораго образованія изъ себя единодержавнаго тѣла; племена, населявшія ее, были слишкомъ разновидны, чтобъ скоро слиться въ одинъ народъ; самое то племя, которое имѣло болѣе залоговъ сдѣлаться господствующимъ, первенствующимъ между другими, было само раздѣлено на второстепенныя племена, заключавшія въ себѣ залоги долгаго существованія въ отдѣльности.

Еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всемъ Русскомъ материкѣ жило два рода Славянъ: одни Славяне —

старые, другіе — пришлые; въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ и другихъ должны были заключаться такія отличія, которыя препятствовали ихъ скорому слитію. Сверхъ различій, какія необходимо должны были существовать между массою древнѣйшихъ обитателей края и массою пришлыхъ, каждая масса подраздѣлялась на виды, которыхъ прирожденные признаки, этнографическія особенности, означались не одними только мѣстами новаго ихъ поселенія, но и укоренялись, и развивались въ теченіи значительнаго времени, привычками, преданіями и своеобразными пріемами быта. Достаточно указать на описаніе Полянъ и Древлянъ въ нашихъ лѣтописяхъ: обѣ эти вѣтви принадлежали къ одной массѣ новопришлыхъ Славянъ и, притомъ, обитали по сосѣдству другъ съ другомъ; но различіе между ними доходило даже до вражды. »Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, »къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачные обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, »но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче. А Древ»ляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ »друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уво»ды дѣвиця.« (Лѣтоп., т. I). Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ: въ этомъ преданіи, конечно переходившемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, лежитъ уже причина ихъ отличія и зародышъ отдѣльности, да сверхъ того каждый изъ этихъ двухъ народовъ имѣлъ собственныя завѣтныя преданія, которыя были чужды другимъ Славяно-русскимъ народамъ и имъ самимъ не давали смѣшиваться другъ съ другомъ. У Радимичей былъ свой родоначальникъ — Радимъ, у Вятичей — Вятко. Для другихъ русскихъ Славянъ эти праотцы не были священными лицами, какими были для признававшихъ себя ихъ потомками. Какъ у Древлянъ, такъ и у Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ подмѣтилъ особыя черты нравовъ. »И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху »въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ »предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища ме»жу селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игри»ща, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по »двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяше трызну надъ нимъ »и по семъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца »и сожьжаху, а посемъ собравши кости, вложаху въ судину малу и по»ставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же тво»ряху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но тво-

»ряще сами собѣ законъ.« (*Тамъ же*). Кривичи, какъ показываетъ ихъ названіе, уже тяготѣли къ Прусско-Литовскому центру религіознаго строя (Криве), и тѣмъ должны были сильно отличаться отъ другихъ. Многочисленный народъ Тиверцевъ и Улучей, жившій по близости къ морю, имѣлъ, конечно, свои особенности: на это намекаютъ слова нашей лѣтописи, — что этотъ народъ нѣкогда звался отъ Грековъ *Великая Скуфь*, — этотъ именно, а не другіе съ нимъ вмѣстѣ. »Сѣдяху »бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся »зваху отъ Грекъ Великая Скуфь.« (*Тамъ же*).

Всѣ различія между племенами ярко бросались въ глаза современниковъ и не изчезали ни послѣ укорененія единаго княжескаго рода, ни послѣ распространенія христіанства. Лѣтописцы наши, жившіе, разумѣется, уже послѣ принятія христіанства, говорятъ, что всѣ они *имяху обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ*, и при этомъ жалуются, что нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Вятичи, долго держались своихъ языческихъ привычекъ, противныхъ христіанству. Въ это время этнографическія особенности казались еще рѣзче между ними и тѣми, къ которымъ христіанская вѣра получила скорѣйшій доступъ. Ни географія, ни исторія этихъ народовъ не способствовали изчезанію ихъ народностей. Климатъ и качество почвы поддерживали мѣстныя особенности племенъ. Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодоносныя, и вмѣстѣ открытыя нападенію иноплеменниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на организмъ и наклонности человѣка теплый и здоровый климатъ Улучей, чѣмъ холодный и ровный климатъ Ростовской и Суздальской земли, или сырой климатъ отечества Кривичей.

Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія слишкомъ длинны и затруднительны. Дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Массы народцевъ мало знали одна другую; каждый составлялъ себѣ понятія о сосѣдяхъ или невѣрныя, или враждебныя, и надолго сживался съ такими понятіями. По видимому, взаимная вражда Полянъ и Древлянъ принадлежитъ такому отдаленному вѣку, что всякое исканіе ея слѣдовъ въ наше время должно показаться бредомъ. А между тѣмъ, и до сихъ поръ, во взглядѣ Украинца, потомка Полянъ (или преемника ихъ по землѣ) на своего сосѣда Полѣщука, потомка Древлянъ и наслѣдника ихъ имени, проглядываетъ тѣнь враждебности. Полѣщукъ, для Украинца, или колдунъ, способный на лихое дѣло, превращающій людей въ волковъ,

или глупецъ, осмѣиваемый въ затѣйливыхъ анекдотахъ. Еще рельефнѣе выдается, въ воображеніи того же Украинца, Литвинъ (подъ этимъ именемъ разумѣется народъ не дѣйствительно Литовскій, а Бѣлорусскій), т. е. потомокъ Кривичей и Дреговичей, обозначавшійся у него подъ общимъ именемъ Литвина. Земля Литовская до сихъ поръ для Украинца земля чудесъ и чародѣйства, какъ земля Кривская была страною волхвованій при Всеславѣ Полоцкомъ. Такъ близкіе народные оттѣнки получаютъ нѣкоторымъ образомъ видъ различныхъ народностей. Чѣмъ неразвитѣе масса народа, чѣмъ у́же кругъ ея понятій и скуднѣе запасъ свѣдѣній, тѣмъ у́же у нея понятіе о своенародности, тѣмъ оно сосредоточеннѣе въ самомъ тѣсномъ кругу признаковъ и все, что́ сколько нибудь не похоже на свое, кажется чуждымъ, иноземнымъ, непривычнымъ, неудобопріемлемымъ. Различія нарѣчій, нерѣдко даже одного выговора, достаточно, чтобъ въ какомъ нибудь городкѣ или округѣ составились насмѣшливые разсказы о сосѣдяхъ и передразниванья. Такъ и теперь сосѣди Псковичей и Новгородцевъ насмѣшливо передразниваютъ употребленіе *ц* вмѣсто *ч* въ ихъ нарѣчіи, а у Одоевцевъ и Мценянъ *ч* вмѣсто *ц*. Различіе въ одеждѣ, постройкѣ домовъ, мелочныхъ особенностяхъ домашняго быта, достаточно, чтобъ сосѣди дали сосѣдямъ прозвище, и это одно уже поддерживаетъ сознаніе отдѣльности. Такъ Ростовцевъ, напримѣръ, называютъ вислоухими за то, что они носятъ шапки съ длинными ушами и лапшевиками за то, что они постоянно ѣдятъ лапшу. Иногда даже особенности не народа, а мѣстности, даютъ жителямъ ея у сосѣдей насмѣшливое и оскорбительное прозвище; напримѣръ: Дмитровцевъ называютъ лягушками за то, что около ихъ города множество лягушекъ. Вся южная часть Воронежской губерніи населена Малороссами, пришедшими въ разныя времена изъ разныхъ краевъ Южной Руси. Предки однихъ пришли изъ Волыни, другіе изъ Подоли, третьи изъ Сѣверской стороны; разныя нарѣчія Южной Руси отпечатлѣлись въ говорѣ и способѣ рѣчи ихъ потомковъ и одно село смотритъ на другое какъ на особой отъ него народъ. »Что́ городъ, то́ норовъ«, говоритъ пословица. Въ народѣ оставляютъ воспоминаніе не тѣ событія, которыя касаются внѣшней политической исторіи, а тѣ (часто вовсе упускаемыя историками), которыя выказываютъ народные нравы: такъ, нѣкогда благопріятный пріютъ разбоевъ—Сѣверскій край и сосѣдній ему—нынѣшняя Орловская губернія, оставили надолго о себѣ въ народной памяти непріятное впечатлѣніе: Орловцевъ, Кромцевъ, Карачевцевъ прозываютъ ворами и сорви-головами. Въ нашей сельской жизни можно повсемѣстно встрѣтить примѣры, какъ село пов-

торенными нѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаетъ на себя отъ сосѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голо прозываютъ ворами, конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же названіе идетъ изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но разражались кровавыми столкновеніями, которыя раздували болѣе и болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себѣ Русскихъ Славянъ, обыкновенно владѣли ими не долго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманны. Но подпадали подъ чуждую власть не всѣ Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Такъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на Сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманны, на Югѣ другіе—Хазары, а Югозападная часть оставалась, какъ видно, независимою, но не избѣгала столкновенія съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русскаго материка бродили кочевыя опустошительныя орды, смѣняя одна другую, и если были иногда слабы, для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи показалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Половцы, Ятвяги препятствовали на Руси развиться правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя событія въ странахъ Русскаго міра возбуждали различные интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ массахъ. Нужно только, чтобъ это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно-большую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобъ она могла противодѣйствовать. Когда народности Русскаго материка подпали рабству Готѳовъ, понятно, что появленіе въ Приволжскихъ степяхъ шайки Гунновъ могло поднять всѣми пластами порабощенные народы, но силъ къ устроенію чего-либо прочнаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, недоставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, недоставало на столько, чтобъ воспротивиться препятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славя-

намъ не было времени передумать это. Держава Гунская распалась отъ своей огромности и отъ разновидности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, потерявъ временную взаимную связь, стали тереть другъ друга, и Восточные Славяне снова разбились на отрывочныя части, и возникъ снова прежній образъ раздѣльности, и рядъ родовыхъ междоусобій, и столкновенія народовъ съ чужеплеменниками безъ взаимной связи съ единородцами. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь внѣшняя сила, вызывающая противодѣйствіе; но тогда необходимо, чтобъ эта внѣшняя сила могла овладѣть многими, если не всѣми, племенами, и налечь на такую массу народа, которая была бы въ состояніи ниспровергнуть тяготѣющее начало, чтобы такимъ образомъ, эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ Сѣверозападѣ Русскаго материка и, слѣдовательно, не на столько, чтобъ дать всему Восточно-Славянскому міру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славянъ на югѣ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверныя страны покорили Норманны. Власть Хазаръ была слишкомъ мягкою, и не возбудила противъ себя энергическаго движенія; — Славяне не очень, какъ видно, дорожили этою иноплеменною опекою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни лѣтописецъ, ни тотъ, у кого лѣтописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слыхали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный такимъ способомъ разсказъ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ лѣтопись, для этихъ Славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немыслимо существовать не давая дани. Подобныя понятія можно встрѣтить теперь и у Черемисовъ, или у Сибирскихъ инородцевъ. Они знаютъ, что даютъ дань Русскому государю, сознаютъ, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно—не платить никому дани, потому-что ихъ сознаніе о своей народности или не достигло до представленія объ образованіи изъ себя самостоятельнаго общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть можетъ, оно и было у ихъ прадѣдовъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властью другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось князьямъ Рюрикова дома справиться съ Улучами, Тиверцами, Древлянами, непод-

павшими, какъ видно, подъ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ Хазарскихъ, но живя не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохраняли болѣе своебытности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, Русская, была тягостнѣе Хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ Кіевскихъ князей, тогда какъ, по видимому, эти народцы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть Руссовъ не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединять свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называмымъ *полюдьемъ*. Дань эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостію постояннаго управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, вмѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ изъ колеи обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ мужей, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, ежегодно за данью, хватали что успѣвали, дни ихъ посѣщенія могли быть для народа недобрыми днями, но днями короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства; останавливаться долго на одномъ мѣстѣ было нѣкогда. Уѣзжалъ князь—и народъ оставался себѣ на произволъ, не видалъ надъ собою отяготительнаго ярма, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появленія. Притомъ же пришельцы покоряли Славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ Олегъ, пока дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь-подчиненныхъ. Иноплеменныхъ пришельцевъ, Руссовъ, было мало, и они слишкомъ скоро расплылись въ массѣ Полянъ, передавши имъ свое имя. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ кстати пришлась вражда Полянъ съ Древлянами, чтобъ покорить послѣднихъ. Конечно, тоже было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что возставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали искони частныя взаимныя непріязни.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составлявшимъ ядро

покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся человѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно, не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлянами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлянахъ говоритъ, что Кіевскій князь *примучилъ* ихъ. Съ тѣхъ поръ Древляне еще нуждались въ укрощеніи, а на Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами былъ уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ со временемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненныя отношенія: это дѣйствительно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи сосѣдями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію Русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія возставать противъ новой власти, если не было его у самихъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ, подчиненіе на одномъ концѣ Тиверцевъ и Улучей, а на другомъ — Вятичей и Радимичей, которые сопротивлялись долѣе другихъ народовъ, совершилось уже не такъ какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ Руссамъ, а Руси-Полянамъ, Кіеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующимъ, завоевательнымъ племенемъ. И Радимичи съ Вятичами на одной сторонѣ, и Тиверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательнаго народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними — Сѣверянъ, и покоряемы были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобъ завязать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ первымъ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ — избраніе, добровольный призывъ, здѣсь — завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы остаются также свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ; они не платили Кіевскимъ князьямъ дани, слѣдовательно, даже

и при условіяхъ большей близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлянамъ, Тиверцамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, когда эти народцы отстаивали свою независимость. Среди самыхъ подчиненныхъ народовъ возникли интересы, отношенія, связывавшія ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ ними Хазаръ, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи и военной славы. Въ тотъ вѣкъ было очень приманчиво такое занятіе; много находилось охотниковъ. Наконецъ князья, по удобоподатливости Литовской натуры, скоро и легко ославянились и потеряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ этого перерожденія, уже невозможно было возстаніе Славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода иго могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплеменниковъ, а отъ Руси-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучей и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянамъ по народности, возстаніе противъ нихъ уже имѣло бы характеръ внутренняго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Кіевѣ и тяготѣла деспотически надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное возстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дулебы, Радимичи, Вятичи, Древляне, при какихъ нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ насилія отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Кіева надъ народцами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Кіевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою *великаго* Кіевскаго князя. Мало по малу эти частные князьки были вытѣснены, упали въ своемъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришлаго Кіевскаго Дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлянъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь Малъ, потомъ сталъ княземъ членъ Рюрикова Дома. У Вятичей былъ свой князь Ходота; сталъ другой князь тоже изъ Рюрикова Дома. Эти князья усвоивали, конечно, и нарѣчіе края; они набирали себѣ дружины изъ уроженцевъ того же края, и перестали быть пришельцами для жителей страны, гдѣ княжили.

Сначала народы могли все таки чувствовать нѣчто чужое надъ собою, когда пріѣзжалъ изъ Кіева князь или воевода собирать съ нихъ дань; но воззрѣніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ у этихъ народовъ явились особые князья. Хотя они происходили изъ того же единаго рода, который княжилъ въ Кіевѣ, но за то изъ Кіева уже не пріѣзжалъ къ нимъ никто за данью. У Древлянъ и Дулебовъ былъ тогда свой князь, точно также какъ у первыхъ нѣкогда какой-нибудь Малъ; если онъ воевалъ съ Кіевомъ по своимъ родственнымъ отношеніямъ, то Древлянинъ, служившій въ его ополченіи, шелъ противъ Полянъ съ чувствомъ прежней непріязненности къ своимъ сосѣдямъ, или по крайней мѣрѣ съ остатками этого чувства. Если поставленіе у народовъ князей изъ единаго рода, съ одной стороны, способствовало обобщенію самихъ народовъ, то съ другой — поддерживало и особенныя стихіи каждаго изъ нихъ; чѣмъ болѣе развѣтвлялись удѣлы, тѣмъ невообразимѣе казалось соединеніе противъ князей: народныя побужденія переплелись съ княжескими. Значеніе князя совпало съ народными убѣжденіями. Вмѣстѣ съ образованіемъ стремленій, порожденныхъ между князьями родовыми или семейными побужденіями, начали выплывать наружу слегка-подавленныя стремленія народныя. Собственно князья, въ распредѣленіи своихъ волостей, не сообразовались строго съ народностями, не думали, чтобъ одинъ или другой изъ ихъ собратій владѣлъ тѣмъ или другимъ племенемъ. Когда Ярославъ дѣлитъ своимъ дѣтямъ волости, то говоритъ: одному Кіевъ, другому Черниговъ, третьему Переяславль, четвертому Владиміръ, пятому Смоленскъ; а не говоритъ: этому Полянъ, другому Древлянъ, третьему Велынянъ, и такъ далѣе. Еще болѣе: Всеволодъ получаетъ Переяславль и вмѣстѣ съ нимъ Ростовъ, который не имѣетъ съ Переяславлемъ ни географическаго, ни этнографическаго сближенія. Народные интересы сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній сообразовались съ ними.

Прежняя мѣстная самобытность обозначалась въ томъ же, или приблизительно въ томъ же, порядкѣ; части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились бо́льшія, слитыя изъ меньшихъ. Такимъ образомъ, первая, выступившая самобытно наружу, была народность Славянъ Новгородскихъ,— потомъ Кривичей. Новгородцы, призвавшіе князей, какъ будто сперва-

дили ихъ отъ себя на Югъ и вскорѣ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальною Русью, подъ управленіемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбирать себѣ князей, изъ среды этого рода, по своему желанію, и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію. Явились и развивались у нихъ интересы, имъ однимъ принадлежавшіе, подчинялись Чудскія племена имъ исключительно, а не всей Русской землѣ, развилось понятіе о волости Новгородской отдѣльно отъ прочихъ Русскихъ волостей, начали обозначаться болѣе или менѣе видныя границы. Выказываютъ свое самобытное существованіе и Кривичи, но это многочисленное племя не представляло вполнѣ гармоніи поземельнаго единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразною жизнію, подъ властію—сперва Рогволода, потомъ—потомковъ перваго сына Владимірова; Земля ихъ, въ свою очередь, дробилась на мелкія княжества; не рѣдко эти части воевали между собою, но всегда сохраняли взаимное тяготѣніе, какъ части одной группы по отношенію къ другимъ частямъ Руси. Въ другой части Кривской земли, въ Смоленскѣ съ пригородами, образовалась другая половина, дробившаяся также на части, которыя всѣ вмѣстѣ составляли одну группу, одну Землю. Псковская народность составляла переходъ отъ Кривской къ Новгородской; здѣсь племя Кривичей смѣшалось съ племенемъ Ильменскихъ Славянъ; вѣроятно, въ незапамятной древности Славяне — пришельцы съ Дуная, поселялись тамъ между старожилами Кривичами и дали начатокъ смѣшанной переходной народности. Псковская Земля, со своими пригородами, сначала составляла часть Новгородской Земли, но народность ея имѣла свои отличія и, потому, залоги собственнаго самосуществованія; она не примкнула къ Землѣ Полоцкой, ибо уже отошла отъ чистой Кривской народности, но держалась слабо въ единствѣ съ Новгородскою, стремилась къ отдѣльной жизни и впослѣдствіи достигла этого. До сихъ поръ нарѣчіе Псковское есть переходъ отъ Бѣлорусскаго къ Новгородскому; точно также Смоленское есть переходъ отъ того же Бѣлорусскаго къ среднему Великорусскому говору. Зачатки народныхъ особенностей по нарѣчіямъ, вѣроятно, существовали и въ отдаленной древности на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь, хотя бы и не въ тѣхъ видахъ. Неизвѣстно, когда Смоленская Кривская Земля сформировалась въ удѣльномъ укладѣ,—съ Мстислава ли Владимірича съ котораго княженіе Смоленское осталось навсегда у его дѣтей, или прежде, потому что и посаженіе князей Вячеслава и Игоря, и присоединеніе его къ Переяславскому княженію суть явленія случайныя

скоропреходящія, и не показываютъ народной зависимости отъ другаго края. Народная жизнь шла своимъ путемъ, былъ ли такъ или иначе соединенъ или раздѣленъ край административно; прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользившихъ по народному быту, могли быть дѣйствительными только тогда, когда они сливались съ народными побужденіями. Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика (что доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому сѣверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнію, отличною отъ другихъ Кривичей. Въ XII вѣкѣ, однако, Смоленскъ показывалъ болѣе живой связи съ остальною Русью чѣмъ другіе Кривичи и Новгородъ, гдѣ связь эта была слабѣе. Во всей остальной Руси обозначается своеобразное натуральное направленіе жизни съ половины XII вѣка, то есть, когда послѣдовало ослабленіе связующей власти, и чрезъ то самое ощутительнѣе выступили наружу существовавшія и прежде народныя начала. Но мы не въ правѣ думать, что формы отдѣльныхъ народностей тогда и возникли, когда являются на политической сценѣ и оказываютъ признаки самодѣятельности по извѣстнымъ намъ лѣтописнымъ сказаніямъ. Въ этотъ вѣкъ княжескіе подѣлы и разграниченія, чрезъ самое свое раздробленіе, стали въ уровень съ этнографическими подѣлами и подчинились народнымъ началамъ, а потому послѣднія и выказываются уже ощутительнѣе, но онѣ самимъ дѣломъ существовали и прежде; ибо ихъ слѣды слишкомъ видны и раньше. Такимъ образомъ, хотя съ половины XII вѣка яснѣе выказывается самобытность Черниговской и Новгородъ-Сѣверской Земель, однако эта самобытность виднѣется уже и прежде, при большей крѣпости связующаго уклада. Половину XII вѣка можно считать только эпохою соединенія княжескихъ побужденій съ народными и обозначенія формъ, которыя сами собой, свободно, должны были, по этнографическимъ причинамъ, явиться въ частяхъ Русскаго края, какъ только ослабнутъ препятствовавшія ихъ явленію связи. Но отнюдь то не была эпоха порожденія народныхъ стихій, которыя облекались въ эти формы. Дѣленіе по княженіямъ, въ этомъ случаѣ, уступало натуральному дѣленію по народамъ. Дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ нашло предѣлъ своему безконечному развѣтвленію; народности указали ему границы: дѣленіе продолжалось, но уже новыя вѣтви держались связи между собою въ такихъ кругахъ, какіе указывали имъ народности. Такимъ образомъ, на Волыни было множество князей и, слѣдовательно, княженій, какъ и въ Бѣлоруссіи, или въ Кривской Землѣ, но эти княженія были, по мѣстности, непостоянны, измѣ-

няли свои предѣлы, то здѣсь, то тамъ появлялся князь, но единица Волынской Земли, единица Кривской Земли, оставались однѣ и тѣ же и всѣ князья одной Земли между собою всегда въ тѣснѣйшей связи: ихъ княженія имѣли смыслъ одной группы владѣній, одного нераздѣльнаго, образованнаго внутреннимъ единствомъ, округа. Понятіе о Землѣ обнимало ту или другую Русскую народность въ извѣстномъ пространствѣ, но ея размѣщенію на этомъ пространствѣ. Оно выразилось въ жизни признаніемъ первенства главнаго города и тянувшихъ къ нему пригородовъ; оно связывалось цѣпью взаимнаго народнаго управленія, независимо отъ княжескаго. Въ томъ или въ другомъ пригородѣ появлялся одинъ и другой князь, бралъ свои пошлины, набиралъ себѣ дружину и оборонялъ городъ и принадлежащую къ нему территорію отъ непріятелей, но въ земскихъ дѣлахъ пригороды тянули къ городу, — какъ говоритъ лѣтописецъ: *что старѣйшіе здумаютъ, на томъ пригороды станутъ*. Къ каждому пригороду тянула волость, состоявшая изъ селъ, находившая себѣ оборону въ силахъ города. Всѣ города тянули къ главному городу. Это составляло Землю. Это-то сознаніе Земли выражается въ актахъ, словами: *Русская Земля*, *Полоцкая Земля*, *Ростовская Земля*, *Новгородская Земля*. Въ томъ же значеніи дается это названіе и чуждымъ сосѣднимъ странамъ.

Такимъ образомъ, послѣ показанныхъ нами, отдѣленныхъ уже заранѣе, Славянъ Ильменскихъ подъ видомъ Великаго Новагорода, — Кривичей, въ видахъ Земель: Смоленской и Полоцкой со всею зависимою отъ понятія о Землѣ системою Бѣлорусскихъ княженій, и наконецъ переходной Псковской народности съ территоріею, прилегавшею къ озеру, — мы встрѣчаемъ среднюю Великорусскую народность въ двухъ отдѣлахъ, составившихъ понятія о Земляхъ: Землю Ростовско-Суздальскую и Землю Вятскую (Вятичей). Между народностями ихъ должно было издревле существовать различіе. Въ Ростовско-Суздальской Землѣ Славянское населеніе, вѣроятно, наплыло туда изъ Новгородской Земли, посунулось изъ сосѣдней Вятской и дополнилось переселенцами съ Юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи Русскаго міра на отдѣльныя княженія. Эти Славянскіе пришельцы смѣшались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорусскій народъ. Самобытность этой Земли ясно обозначается въ лѣтописяхъ съ половины XII вѣка. Земля Вятичей раздѣлялась въ этнографическомъ отношеніи на двѣ вѣтви: Восточную или Рязанскую, и Западную, населявшую берега Оки съ ея притоками, была соединена, по княжескому упра-

вленію, съ Сѣверскою Землею, но потомъ, когда почувствена была свобода народнымъ элементамъ, она начала выдѣляться и приняла естественное очертаніе. Рязань стала центромъ, около котораго группировались другія части.

На юго-западъ отъ Земли Вятской мы встрѣчаемъ Землю Сѣверскую, которая также раздѣлялась по народностямъ на двѣ половины: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую. До нашего времени этотъ народъ остался со своими чертами, напоминающими древнее самораздѣленіе его. Нужно только взглянуть пристальнѣе въ народныя черты уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и другихъ Задесенскихъ, до самаго Чернигова: по нарѣчію, по образу жизни, даже по физической структурѣ, народъ этотъ составляетъ средину между Южнорусскимъ, Великорусскимъ и Бѣлорусскимъ. Сѣверія составляла, въ удѣльный періодъ, самобытное цѣлое, но болѣе имѣла тяготѣнія къ Югу, чѣмъ къ Сѣверу.

Обширная и разнообразная Южно-русская народность, въ удѣльный періодъ, обособилась системою частей, образующихъ одну Землю. Древніе Поляне образовали два княженія: Русское и Переяславское, но народность ихъ была одна, и потому Переяславль съ Кіевомъ всегда составлялъ одно тѣло, одну связь, и самые князья, тамъ сидѣвшіе, подчинялись единству народности въ своихъ стремленіяхъ. Переяславскіе князья не могли принять направленія, чтобъ обособиться отъ Кіева, какъ другіе, княжившіе среди народностей, болѣе отдаленныхъ отъ народности Русской, иначе — народности Полянъ. Другой видъ Южно-русской народности былъ—Древлянскій—Полѣсье, народность Полѣщуковъ, существующая и теперь, но, послѣ древняго погрома отъ Полянъ, не развившаяся до такой степени, чтобъ начать свое самобытное существованіе въ отдѣльности отъ прочихъ частей Южной Руси. По близости къ Полѣсью на Западъ, означилась Волынская земля съ своими подраздѣленіями и княженіями; земля Улучей—Подоль—приняла образъ самобытности въ системѣ княженій бологовскихъ князей, о которыхъ, къ сожалѣнію, извѣстно слишкомъ мало, но и того достаточно, чтобы видѣть, что въ этомъ краѣ также было народное стремленіе къ самобытнымъ проявленіямъ жизни. Тиверцы на Днѣстрѣ и Хорваты въ Червоной Руси по границамъ къ Карпатамъ, вѣроятно, близкія между собою вѣтви, явились въ политическомъ образѣ частнаго княженія, подобно Землѣ Кривской, и эта земля оказала очень явное стремленіе къ бо́льшему, противъ многихъ другихъ земель, обособленію, хотя не теряла окончательной нравственной связи съ Русскимъ міромъ, до самого выступленія своего изъ него. Поляне, Улучи,

Тиверцы, Хорваты, Велыняне были вѣтви очень близкія между собою, такъ что, хотя Полянъ и Велынянъ помѣщаютъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная, а остальные являются древними обитателями, но, вѣроятно, Поляне и Велыняне прежде жили на Дунаѣ, по близости къ Улучамъ, которые также прилегали нѣкогда къ Дунаю. Напротивъ, Древляне и Дреговичи, пришедшіе также съ Дуная, были, вѣроятно, изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ отъ Улучей. И теперь, по нарѣчію и образу жизни, Украинцы ближе къ Подолянамъ и Волынцамъ, чѣмъ къ Полѣщукамъ и Пинчукамъ. Хорваты и Тиверцы возвратились къ началамъ прежней частной отдѣльности. Какъ только князья Рюрикова дома, сыновья князя Ростислава, сдѣлались князьями въ Галичѣ, тотчасъ же усвоили народное стремленіе къ самобытности. Волынь и Подоль держались долѣе связи съ Кіевомъ, и съ Полѣсьемъ, но послѣ паденія великокняжескаго достоинства въ Кіевѣ, примкнули къ Галичу и вошли въ круговоротъ обстоятельствъ, касавшихся обоюдно этихъ странъ. Затѣмъ, и Полѣсье, и наконецъ Русь, болѣе или менѣе показывали стремленіе примкнуть къ новому центру, образовавшемуся въ Галичѣ. Судьба южно-русскихъ вѣтвей всегда была неразрывна, даже до послѣдняго подчиненія Галича Польшѣ, а Волыни, Подоли и Руси Литвѣ. Оба эти государства спорили за единую власть надъ всею Южной Русью, сознавая ея народное единство; и наконецъ, въ XVI вѣкѣ, Южная Русь опять, въ совокупности своихъ этнографическихъ особенностей, вошла въ соединеніе съ Польшею, какъ единое тѣло, отлично отъ Бѣлоруссіи, земли Кривской. Части ея: Украина (т. е. Русь съ Подолью), Полѣсье, Волынь, Червонная Русь, при всякомъ народномъ дѣйствіи, показывали взаимное тяготѣніе и сознаніе своей внутренней связи и нераздѣльности. Поэтому и Русь-Полянъ, и Полѣсье, и Волынь, и Подоль, и Русь Червоную, всѣ части южно-русской земли и южно-русской народности, съ ихъ частными особенностями, слѣдуетъ разсматривать, какъ единую Южно-русскую Землю, всѣ исчисленныя части которой, относительно общей своей связи, соединены еще тѣснѣе, чѣмъ въ Великой Руси Вятичи, Рязань и Суздаль въ отношеніи общей народной связи велико-русскаго элемента.

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ нашей исторіи, періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада, народная стихія общерусская является въ совокупности шести главныхъ народностей, именно: 1) Южно-русской, 2) Сѣверской, 3) Велико-русской, 4) Бѣлорусской, 5) Полѣсской и 6) Новгородской.

Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которые условливали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и

должны были носить названіе общей Русской Земли, принадлежали къ одному общему составу, и сознавали эту связь, не смотря на обстоятельства, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.

Эти начала:

1) Происхожденіе, бытъ и языкъ.

2) Единый княжескій родъ.

3) Христіанская вѣра и единая церковь.

Что происхожденіе пришлыхъ Славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частію это достаточно видно изъ сказаній въ началѣ нашихъ лѣтописей о прибытіи Славянъ съ Дуная. И теперь самое названіе »Дунай« между другими общими признаками представляетъ что-то общее для русскихъ племенъ: въ пѣсняхъ велико-русскихъ и малорусскихъ, имя »Дунай« остается однимъ изъ немногихъ общихъ, для тѣхъ и другихъ завѣтныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія, въ древнія времена, яснѣе, живѣе и общіе были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ предковъ съ Дуная. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ своимъ Древлянином, но помнилъ, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были однѣ и тѣ же старыя преданія, пѣсни, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Какъ помнилось происхожденіе это — можно видѣть изъ того, что Славяне Новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Кіеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильменя были вѣтвію Полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ Южно-русскому.

Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи соединяла Славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и правахъ. Хотя каждое племя, какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы, и имѣло свои преданія, свои обычаи, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что-принадлежало одному изъ племенъ въ особенности, заключалось въ главныхъ чертахъ много такого, что составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени. И теперь народныя пѣсни, у всѣхъ Славянъ чрезвычайно разнообразныя, имѣютъ много общаго и единаго. Въ пріемѣ и способѣ выраженія встрѣчается сходство въ пѣсняхъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и по географическому положенію, и по исторіи. Такъ въ пѣснѣ: »о Мар-

кѣ Кралевичѣ« встрѣчается образъ, что этотъ герой посаженъ въ темницу, долго сидѣлъ и не зналъ ни зимы, ни лѣта; дѣвицы шли мимо тюрьмы и бросили въ тюрьму цвѣтокъ; по этому онъ узналъ, что тогда было лѣто. Такой же образъ мы находимъ въ одной малорусской пѣснѣ о »Левенченкѣ«. Въ сербскихъ пѣсняхъ разсказывается исторія »кровосмѣсителя«; та же исторія сохранилась въ народныхъ великорусскихъ сказаніяхъ и нѣкогда своевольно примѣнялась и къ житіямъ разныхъ святыхъ; обломки ея видны и въ пѣсняхъ южнорусскихъ. Можно найти много такихъ событій, которыя воспоминаются въ пѣсняхъ разныхъ Славянскихъ народовъ одинаково, и, безъ сомнѣнія, суть остатки древнихъ миѳологическихъ преданій, общихъ болѣе или менѣе всему племени. Напримѣръ, описаніе, какъ дѣвица извлекаетъ изъ воды своего суженаго, превращеніе замужней женщины въ кукушку (въ этомъ видѣ прилетаетъ она къ матери), приходъ мертвой матери къ своему дитяти изъ гроба, превращеніе въ дерево невѣстки, преслѣдуемой злой свекровью, исторіи похожденій божества, преданія о змѣяхъ и королевнахъ и о борьбѣ съ ними богатырей. Такихъ признаковъ не исчислить въ области Славянской поэзіи. Сравнивая пѣсни обрядныя и самые обряды, легко найти между ними сходство и въ тонѣ, и въ содержаніи. Много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, вѣрованій удерживается въ сходномъ видѣ у Славянскихъ народовъ, не смотря на то, что они не могли заимствовать ихъ другъ отъ друга. Напримѣръ, Купальскій огонь и дерево Марены, погребеніе лѣта въ видѣ чучела, обычай Коляды, хороводныя пляски и игры—общія черты. Все это доказываетъ наглядымъ образомъ, что въ древности, Славянскія племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакіе вѣрованія, обычаи и религіозные обряды.

Между прочимъ, особенно поразительно сходство религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся нѣкогда при храмѣ Святовида у Прибалтійскихъ Славянъ съ нашими домашними и гадальными обрядами, какъ напримѣръ между гаданьемъ посредствомъ Свантовитова коня и нашимъ такимъ же гаданьемъ посредствомъ перевода коня черезъ бревно, или между обрядами на праздникѣ жатвы при храмѣ Свантовита и малороссійскими обрядами въ сочельникъ. При недостаточности свѣдѣній о древней нашей мѣстной миѳологіи, можетъ показаться, что у Славянскихъ народовъ были такія божества и такія вѣрованія и обряды, которые были совершенно чужды другимъ соплеменникамъ; но въ самомъ дѣлѣ не такъ было: достаточно можно это видѣть и изъ сходства того, что̀ дѣлалось въ Арконѣ и Ретрѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ Малороссіи и Великороссіи. Ми-

ологическія имена, теперь уже исчезнувшія у насъ и извѣстныя только у древнихъ Западныхъ Славянъ, въ самомъ дѣлѣ входили и въ кругъ нашихъ вѣрованій, напримѣръ Сварожичъ, божество Лужичанъ, по Дитмару, является миѳологическимъ именемъ у насъ, по нашимъ памятникамъ. Названіе Вилы, извѣстное по Сербскимъ пѣснямъ, въ древности давалось и у насъ фантастическимъ существамъ, какъ доказываетъ слово Христолюбца; также точно открывается, что Берегини, богини Чешскія, были и нашими. Названіе Марены, о которомъ мы знаемъ изъ Забоя, Славоя и Людека, по Краледворской рукописи, да изъ Польскихъ лѣтописцевъ, что это — божество смерти и зимы, было и у насъ, какъ показываетъ названіе купальнаго древа Марены. Прочитавъ въ »Любушиномъ Судѣ« описаніе, какъ Любуша сидѣла на тронѣ, окруженная дѣвами, державшими символическіе знаки, мечь и праводатныя доски, какъ при нихъ стояли вода и огонь, — невольно представляется малороссійская свадьба, гдѣ женихъ съ невѣстою сидятъ на посадѣ, а передъ ними два символическія лица держатъ: одно — мечь, а другое — свѣчу. Умыканье у водъ дѣвицъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ у Черногорцевъ.

Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, исчезавшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, общія Славянамъ начала общественнаго строя. Вѣчевое начало было родное всѣмъ Славянамъ и въ томъ числѣ всѣмъ Славянамъ Русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *вѣче*, народное сборище. Самое выраженіе *вѣче* есть названіе общее всѣмъ Славянамъ Русскимъ какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самаго драгоцѣннаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ Славяне Русскіе хранили завѣтное чувство всего своего племени, и что говорятъ о свободолюбіи Славянъ Прокопій, Маврикій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у Русскихъ Славянъ, не смотря на противодѣйствующія обстоятельства. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на Русскій народъ. Уже одно общее имя *вѣча* у всѣхъ Русско-Славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собранія народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ нѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещавшихъ тому или другому участвовать въ этихъ собраніяхъ; мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣсняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него лег-

ко. Вездѣ существовало раздѣленіе на города и пригороды, зависѣвшіе отъ городовъ; вездѣ города были главами и центрами Земель. Всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественые, по сходству началъ своихъ, должны были поддерживать сознаніе единства племени Русско-Славянскаго.

Не смотря на различіе русскихъ нарѣчій, между ними существовало всегда столько сходства, сколько нужно было, чтобъ каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣлъ въ другомъ единоплеменномъ, сосѣднемъ народцѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между Славянами иноплеменниковъ столько же помогали сохраненію между ними сознанія о племенномъ единствѣ, сколько мѣшали фактическому соединенію народовъ. Каждое Славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознавать сродства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакомилось съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чуждъ обоимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможность сознанія единства. Мы имѣемъ случай наблюдать это въ наше время. Великоруссъ-простолюдинъ не сознаетъ родства своего съ Поляком, когда встрѣчается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознаніе это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить Поляка съ Нѣмцемъ или Татариномъ. Такъ, въ древности, Полянинъ, встрѣчаясь съ Печенѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ нимъ у него нѣтъ сходства въ языкѣ, а напротивъ есть съ Вятичемъ, и отсюда возникало сознаніе, что Вятичъ ему родной. Невозможно теперь показать, въ какомъ отношеніи между собою находились народныя нарѣчія въ древности по сравненію съ настоящимъ ихъ положеніемъ. Въ наше время, въ кругу племенъ Финскихъ Восточной Россіи и Кавказа, близкія по сосѣдству одноплеменныя народности не понимаютъ другъ друга; это наводитъ на предположеніе, что въ древности наши нарѣчія были между собою отдаленнѣе, чѣмъ теперь. Съ другой стороны, напротивъ, письменные памятники показываютъ, что вообще у Славянскихъ народовъ, въ языкахъ, были такія общія формы и слова, которыя теперь составляютъ достояніе только частныхъ нарѣчій. Что касается до связи между собственно Руссо-Славянскими нарѣчіями, то всѣ они имѣли еще тѣ общіе признаки, которые были имъ свойственны какъ одной особой семьѣ Славянскаго рода. При ознакомленіи съ другими Славянскими народами, напримѣръ съ Поляками или Болгарами, неизбѣжно выставлялось предъ глаза сравнительно большее сходство народовъ русскаго материка между собою, чѣмъ каждаго изъ нихъ

съ прочими Славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіямъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились, у другихъ Славянъ. Эти признаки сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существованіе особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ Русскихъ нарѣчій отъ другихъ Славянскихъ. Таковы, напримѣръ: смягченіе согласныхъ, вставка гласныхъ *о* и *е*, съ перемѣною *а* въ *о*, тамъ гдѣ въ другихъ нарѣчіяхъ ставится двѣ согласныхъ: *нравъ — норовъ*, *о* вмѣсто *е*, въ словахъ: *олень, одинъ*, вмѣсто *елень, единъ;* окончанія на *т* съ твердымъ или мягкимъ полугласнымъ звукомъ въ третьемъ лицѣ изъявительнаго наклоненія; замѣненіе глухихъ и носовыхъ звуковъ чистыми, и проч. Такимъ образомъ, Славянинъ какого бы то ни было Русскаго народца видѣлъ, въ Славянинѣ другой, своей же, вѣтви, болѣе родную для себя стихію, во-первыхъ по сравненію съ не-Славянскими племенами, окружавшими Славянъ, а во-вторыхъ и по сравненію съ иными Славянскими вѣтвями. Полякъ для Кіевлянина долженъ былъ представляться болѣе далекимъ, чѣмъ Славянинъ Новгородскій. Строй языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ роднѣе языкъ въ чужомъ человѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого человѣка въ общительности съ собою. Естественно, что самыя близкія, хоть нѣсколько отличныя по говору, вѣтви народа, могли скорѣе слиться въ одно тѣло, чѣмъ тѣ, рѣчь которыхъ представляла затрудненія къ удобному взаимному пониманію; равнымъ образомъ, послѣднія, болѣе отдаленныя, чѣмъ первыя, могли быть ближе третьихъ, представляя условія для ближайшаго и скорѣйшаго соединенія между собою, чѣмъ съ этими третьими. Наконецъ, эти третьи, при всѣхъ отличіяхъ, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ достаточный запасъ общихъ признаковъ, чтобъ и о нихъ составилось понятіе, какъ о родныхъ, и такъ могла образоваться съ ними связь, нѣсколько уже слабѣйшая, чѣмъ со вторыми и третьими. Такимъ образомъ, чувствовалась различная степень свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ различная степень единенія. Кіевлянинъ былъ ближе къ Древлянину, чѣмъ къ Кривичу и Вятичу; Галичанинъ ближе къ Волынцу, чѣмъ къ Кіевлянину, ближе къ Кіевлянину, чѣмъ къ Сѣверянину, ближе къ Сѣверянину, чѣмъ къ Ростовцу или Рязанцу: и на этомъ основаніи завязывается болѣе тѣсная связь Галича съ Волынью, чѣмъ съ Кіевомъ, чѣмъ съ Черниговомъ, тѣснѣе съ Черниговымъ, чѣмъ съ Ростовомъ; но Ростовецъ, отдаленный по мѣстоположенію, былъ для Галичанина родственнѣе близко живу-

щаго Болгарина или Поляка. Кіевлянинъ чувствовалъ себя отдѣльнымъ въ отношеніи къ Древлянамъ и Волынцамъ, но въ равной степени, вмѣстѣ съ Древлянами и Волынцами, чувствовалъ себя отдѣльнымъ отъ Вятичей. Наконецъ, вмѣстѣ съ Вятичами, онъ чувствовалъ свое общее единство и отдѣльность отъ Поляка и Болгарина, и оттого между Кіевлянами, Древлянами и Галичанами образовалась взаимная связь скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ у каждаго изъ нихъ съ Вятичами; но, съ другой стороны, и положеніе Вятичей въ отношеніи всѣхъ первыхъ трехъ было таково, что извѣстная близость ихъ нарѣчій не дозволила имъ совершенно разойтись. Точно также и Вятичъ Рязанскій чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ростовца или Москвича, но въ отношеніи Кіевлянина онъ составлялъ съ Ростовцемъ и Москвичомъ одну народность. Съ народностями совершается такая судьба, что большему или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слитію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно одинаково близки и одинаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племенной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновеніе съ массою иноплеменниковъ.

Намъ возразятъ въ этомъ случаѣ, что мы признаемъ слишкомъ глубокую древность за тѣми этнографическими особенностями, которыя, можетъ быть, возникли уже впослѣдствіи. Утверждаютъ, что настоящія нарѣчія и оттѣнки Русской рѣчи явились уже послѣ. Древность Малорусскаго языка была не очень давно предметомъ ученаго спора, нерѣшеннаго надлежащимъ образомъ: выходило то, что какъ скоро одна сторона находила въ словахъ и оборотахъ чисто Малорусскій складъ, противная отыскивала подобное въ областныхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Это оттого, что обращали вниманіе на сходные или несходные признаки по частямъ, а не въ ихъ совокупности. Не споримъ, что образъ, въ какомъ является нарѣчіе и говоръ теперь, составился позже, но намъ кажется, что на тѣхъ же мѣстахъ существовали искони прародительскія отличія: отъ чего именно въ тѣхъ предѣлахъ является система удѣльныхъ земель, въ которыхъ до сихъ поръ мы видимъ размѣщеніе разныхъ русскихъ нарѣчій? Отъ чего Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорятъ именно тамъ, гдѣ были Кривичи, и вся страна, гдѣ говорятъ имъ теперь, образовала *Землю Кривскую*, сознававшую свое единство и отличіе отъ другихъ? Неужели Бѣлорусское нарѣчіе образовалось, какъ нѣкоторые думали, отъ смѣшенія Великорусскаго съ Польскимъ? Отъ

чего же въ Юго-Западной Русси, которая также, даже еще крѣпче, была соединена съ Польшею, не образовалось такой же смѣси? Отъ чего жъ эта смѣсь сохранилась въ Смоленской губерніи, которая, если и была нѣсколько времени подъ властью Польши, то слишкомъ мало для того, чтобъ усвоить *смѣсь* одинакую съ Бѣлоруссами, которые были въ соединеніи съ Польшею много вѣковъ. Не споримъ, что какъ въ Бѣлорусскомъ, такъ и въ Южно-русскомъ нарѣчіяхъ есть вліяніе польскаго элемента, есть слова и обороты, вошедшія въ нихъ впослѣдствіи, но такъ какъ основы народности и говоровъ различны, то, очевидно, и прежде въ Бѣлоруссіи и въ Южной Руси существовали своеобразныя свойства, при которыхъ самое сближеніе съ Польшею выразилось иначе и въ томъ и въ другомъ краѣ. Вмѣсто княжествъ, въ удѣльныя времена образовались системы княженій и волостей болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ развѣтвленіемъ народностей, какое мы застаемъ впослѣдствіи и теперь, и какое, съ другой стороны, указывается на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Эти системы волостей, или Земли, располагались согласно съ нынѣшними этнографическими особенностями. Гдѣ были Кривичи, тамъ нынѣ Бѣлоруссы, тамъ образовалась Земля,—система княженій и волостей, имѣвшихъ взаимную связь,—и такъ вошла во владѣнія Литовскія. Гдѣ теперь видѣнъ переходъ отъ Бѣлоруссовъ къ Новгородцамъ и смѣшанное нарѣчіе, тамъ образовалась Псковская Земля; гдѣ были Русь-Поляне — тамъ теперь Украинцы, тамъ была система волостей Русской земли; гдѣ Древляне, тамъ Полѣщуки; гдѣ Дулебы и Велыняне—тамъ Волынцы,—тамъ была система волостей Волынской земли; гдѣ Хорваты—тамъ Червоно-Руссы, тамъ Галицкая Земля; гдѣ были Улучи, тамъ Подоляне, тамъ были Бологовскіе князья. На Волыни образовалась группа княженій и волостей, имѣвшихъ одно тяготѣніе съ Галичемъ; и теперь мы видимъ на Волыни особый оттѣнокъ народности, очень близкій къ Червонорусскому; какъ Украина по-Днѣпровская нѣсколько дальше и теперь отъ Червоной Руси въ этнографическомъ отношеніи, чѣмъ Волынь,—такъ и въ старину Галицкая Земля имѣла ближайшее взаимное тяготѣніе съ Волынью, чѣмъ съ Русью Кіевскою. Но Украина по-Днѣпровская не имѣетъ, однако, отъ Червоной Руси на столько отмѣны, чтобы между ними потерялась связь единонародности; такъ и въ удѣльный укладъ, не смотря на явленія, противодѣйствующія къ слитію Червоной Руси съ Русью Кіевскою, эти земли все-таки вращались въ одной общей сферѣ. Всѣ отмѣны Южнорусской народности имѣли между собою столько сходныхъ общихъ признаковъ, что, съ устраненіемъ въ нихъ мелочей, представлялась одна народность,

по сравненію съ другими такими же группами, отличными отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И теперь мы видимъ, что всѣ этнографическія особенности совершенно сообразны съ системою развѣтвленія волостей удѣльнаго уклада, и всѣ эти этнографическія особенности составляютъ сумму одной народности — Южно-русской. Такъ и княженія и волости встарину составляли одинъ общій разрядъ, связанный взаимнымъ тяготѣніемъ.

Но тутъ могутъ намъ возразить, что мы видимъ этнографическое тяготѣніе тамъ, гдѣ могло быть одно географическое отношеніе сосѣднихъ земель. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на Новгородъ, который долго и постоянно склонялся къ Южно-русской Землѣ, и только послѣ внутренней борьбы, когда притомъ запустѣніе Кіева лишило его тяготѣющей силы, началъ тяготѣть къ Восточной Руси, но всегда съ какимъ-то внутреннимъ противодѣйствіемъ, съ готовностію склониться въ другую сторону, если бы представился случай. Вслушайтесь въ нарѣчіе Новгородское и вы найдете въ немъ слѣды народности, болѣе близкой къ Южно-русской, чѣмъ къ Московской, слѣды хотя явные и рѣзкіе, но все таки только слѣды прежняго нарѣчія, ибо Новгородъ, впослѣдствіи, не только подвергся тѣсному соединенію съ Московскою народностію, но еще были употребляемы насильственныя мѣры къ перерожденію туземной народности; однако и слѣдовъ достаточно, чтобъ признать, что Великій-Новгородъ, въ этнографическомъ отношеніи, составлялъ вѣтвь несравненно ближайшую къ южно-русской народности, чѣмъ къ Велико-русской и Кривской, и оттого-то между имъ и Кіевомъ является очевидное взаимное тяготѣніе, хотя по мѣстности онъ былъ самою отдаленною отъ Кіева Землею. Признаки Новгородскаго нарѣчія почти тѣ же, что и Южно-Русскаго: *и* вмѣсто *ѣ*, *и* и *ы* часто смѣшиваются, мягкое *о* вмѣсто *е*—йому, його вм. ему, его; *у* вмѣсто *в*, *h* вмѣсто *g*, отбрасываніе *и* въ творительномъ падежѣ множественнаго числа (вм. *своима*—свома), перестановка слоговъ въ томъ порядкѣ, какъ и въ Южно-русскомъ (напр. *намастиръ* вм. монастырь), сохраненіе *о*, измѣненнаго у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ въ *а*, отбрасываніе *тъ* въ третьемъ лицѣ настоящаго времени глаголовъ, *ть* вм. *тъ* во множественномъ числѣ (будуть вм. будутъ), перемѣна *е* въ *о* послѣ шипящихъ, напр. жона вм. жена; усѣченныя окончанія прилагательныхъ женскаго рода, напр. высока, добра, и сверхъ того мѣстное отличіе: *ц* вм. *ч*. Разбирая эти признаки по частямъ, можно, конечно, находить то и другое въ разныхъ областяхъ Россіи, но совокупность всего въ одномъ нарѣчіи показываетъ такое поразительное сходство съ Южно-русскимъ нарѣчіемъ, что Малороссъ, услыхавъ

Новгородское нарѣчіе, изумится, если не имѣлъ прежде понятія о ихъ близости, и прійдетъ невольно къ заключенію, что народъ, говорящій такимъ нарѣчіемъ, долженъ былъ нѣкогда составлять одно съ малороссомъ. Въ землѣ Великорусской, впослѣдствіи, совершалась перетасовка народныхъ элементовъ; произошелъ процессъ перерожденія финскихъ народностей, и примѣсь татаръ, происходили насильственныя административныя переселенія, наконецъ двигалось населеніе само собою съ сѣвера на югъ и на востокъ съ промышленными цѣлями; не смотря на все это, тѣ системы, изъ которыхъ образовался Великорусскій край, имѣютъ до сихъ поръ различную физіогномію: проѣзжайте по Владимірской губерніи, по этому древнему княжеству Суздальскому—развѣ не отличенъ тамъ говоръ отъ говора Рязанскаго и Московскаго? Также точно представляются, въ этомъ отношеніи, отличными отъ Московскаго, Рязанскаго и Владимірскаго края древняя земля Вятичей, край Орловскій, Калужскій, Курскій, Воронежскій.

Насъ могутъ упрекнуть въ голословности, но мы думаемъ, что напоминаемъ нашимъ читателямъ вещи, давно извѣстныя. У насъ много писали объ этнографіи, довольно и занимались ею, да занятія наши были какъ-то односторонни: не доставало сравнительнаго изученія. Говорили о томъ, что̀ есть, не говорили чего нѣтъ у однихъ изъ того, что̀ есть у другихъ. Съ цѣлію изучать исторію народа по настоящимъ его этнографическимъ признакамъ никто не брался систематически. Изученіе исторіи народа должно начаться именно съ этого. Надобно изслѣдовать и привести въ ясность всѣ виды Русской народности, во всей совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. Надобно отыскать: чѣмъ выражается отличіе одного края отъ другаго, съ нимъ сосѣдняго, въ нарѣчіи, говорѣ, образѣ жизни, постройкахъ, одеждѣ, пищѣ, обычаяхъ, привычкахъ; надобно обозначить совокупности всѣхъ такихъ признаковъ, составляющихъ этнографическіе виды, показать ихъ взаимные переходы и мѣстныя ихъ грани, и съ настоящимъ положеніемъ народностей свѣрять историческое теченіе прошедшей жизни народа. Только тогда и доберемся мы сколько-нибудь до ея уразумѣнія. Очевидно, это не легкая работа. Она тѣмъ болѣе трудна, что при самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ, подробнѣйшемъ этнографическомъ описаніи останется еще то, что̀ едва ли возможно описать какимъ бы-то ни было перомъ—физіономія народа, подобно тому, какъ нельзя ни коимъ образомъ описать живаго человѣка такъ, чтобъ можно было по описанію столько же знать его, какъ живши съ нимъ.

Все это высказывается здѣсь для того, чтобы показать, что разнообразіе нарѣчій связывалось первостепенною и второстепенною близостью ихъ, и эта близость, сознаваемая народомъ, способствовала поддержкѣ въ немъ взаимности и сознанія единства въ разнообразіи.

Съ принятіемъ христіанства явился въ Руси одинъ общій языкъ — книжный, и это была новая сильнѣйшая связь Русскихъ народовъ, прочнѣйшій залогъ ихъ духовной неразрывности. Мы говоримъ — съ принятіемъ христіанства; ибо если даже принять, что договоры Олега и Игоря писаны были въ то самое время когда заключались, то, вѣроятно, ихъ писали русскіе христіане, а если бы даже язычники, то они должны были пользоваться плодами, принесенными Христіанствомъ. Книжный языкъ сдѣлался орудіемъ и распространенія вѣры и удержанія государственной жизни, и передавалъ общія всѣмъ понятія и взгляды. Вмѣстѣ съ потребностію высшей жизни явилась и форма, въ которой могла быть достигнута эта потребность. Тогда во всѣхъ углахъ Россіи, въ какой бы то ни было вѣтви народной, въ церквахъ раздался одинъ языкъ; власть старалась передать свой голосъ однимъ и тѣмъ же языкомъ; событіе старины — случилось ли оно въ Кривской землѣ, или въ Руси, или въ Новгородѣ—записывалось тѣмъ же самимъ языкомъ. Знакомство съ правилами вѣры и нравственности происходило черезъ посредство этого языка. Явились школы и въ этихъ школахъ учили на томъ же языкѣ, не обращая вниманія на то—изъ какого племени были учащіеся. Такимъ образомъ, вездѣ и повсюду, явилось одно орудіе выраженія высшихъ потребностей жизни. Пока книжный языкъ существовалъ въ своей чистотѣ, духовное единство немогло быть прервано, какъ оно не прервано, въ этомъ отношеніи, не только между Русскими и Червонороссами, составлявшими нѣкогда одно федеративное тѣло, но и между Сербами и Русскими, не смотря на то, что никогда не поддерживалось другими политическими условіями, подобно частяхъ Русскаго народа. Австрійская политика очень благоразумно хочетъ въ наше время уничтожить употребленіе церковно-славянскаго языка въ школахъ Червоной Руси, подъ благовиднымъ предлогомъ покровительства народной рѣчи. Она изъ опыта предшествовавшей исторіи Славянъ знаетъ, что этотъ языкъ былъ и есть сильнѣйшій двигатель сродства племенъ и взаимнаго братства. *Языкъ* доставилъ намъ единство.—Но самъ по себѣ языкъ не былъ достаточенъ для водворенія единства политическаго. Онъ не могъ даже вытѣснить, истребить и замѣнить собою нарѣчія, во-первыхъ потому, что, до извѣстной степени, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ столько же чуждъ народной

рѣчи, какъ въ другихъ близокъ, и во-вторыхъ, что будучи достояніемъ однихъ образованныхъ того времени людей, касаясь извѣстныхъ только высшихъ проявленій жизни, не только не замѣнялъ обыденной народной рѣчи, но даже самъ, въ книжной сферѣ, подвергался наплыву послѣдней, какъ это видно въ лѣтописяхъ, которыя, благодаря не полному умѣнью лѣтописцевъ ладить съ книжнымъ языкомъ, обличаютъ намъ живучесть народнаго слова при существованіи книжнаго. Языкъ книжный самъ по себѣ былъ достаточенъ только для того, чтобы части, достигавшія самобытности вслѣдствіе коренныхъ народныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ, не теряли связи между собою, чтобъ каждая часть имѣла у себя, въ равной степени то, что было священно и для другой части; но онъ былъ недостаточенъ для того, чтобы всѣ части могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ до того времени были, и стать тѣмъ, чѣмъ ни одна изъ нихъ не была.

Второе звено, соединившее части Русской земли въ эту первую половину Русской Исторіи, былъ княжескій родъ. Онъ способствовалъ единству даже своимъ развѣтвленіемъ, своимъ многообразіемъ. Обыкновенно привыкли (издавна это ведется) жалѣть объ удѣльной системѣ, жаловаться на ея безпорядки, думать, что она замедляла прогрессъ Русской жизни, приписывать ее неблагоразумію Ярослава, и если извинять его, то единственно грубостію и невѣжественностію вѣка. Но Русскій міръ и не могъ иначе быть единымъ. Именно, только этимъ поддержалась связь его. Не Ярославъ выдумалъ дѣлить Россію дѣтямъ, даже не Владиміръ. Въ договорѣ Олега говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, сущихъ подъ его рукою. При Владимірѣ эти старые удѣльные князья замѣнены другими изъ одного рода. Это могло повести только къ большему единству, а не къ раздробленію. Удѣльный порядокъ вытекалъ изъ сущности положенія, въ какомъ находились народы, составившіе впослѣдствіи Русскую державу. Чтобы соединить разсѣянныя, раздѣленныя одни отъ другихъ племена, нужно было именно то, чтобъ и у того и другаго народа были начальники, родственные между собою: тогда и народное сознаніе взаимнаго родства получало себѣ пищу. Искать ли источника этой народной связи посредствомъ единаго начальствующаго рода въ такъ-называемомъ родовомъ бытѣ Восточныхъ Славянъ?—Конечно, на сколько общечеловѣческія понятія о родствѣ оказывали вліянія на сформированіе у Славянъ понятій объ общественной и государственной жизни. Связь народовъ посредствомъ родства лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ — представленіе слишкомъ всеобщее, повсемѣстное; Людовикъ XIV думалъ же, что не существуетъ болѣе Пиренеевъ, когда посадилъ на Испанскій престолъ внука;

и Наполеонъ хотѣлъ поддерживать связь подчиненныхъ себѣ націй тѣмъ, что сажалъ на престолы Германіи и Италіи своихъ братьевъ и зятьевъ. И въ средніе вѣка феодальное разнообразіе находило для себя связь частей въ родственныхъ союзахъ. Только вездѣ на Западѣ явленіе это не было до такой степени первостепеннымъ, фундаментальнымъ, для всего механизма общеественнаго строя, какъ у насъ. У насъ начало соединенія частей, основа государственнаго быта, возникла отъ призванія княжескаго рода извнѣ. Впрочемъ, и у насъ форма единства Рюрикова рода не представляла единственно-возможнаго, незамѣнимаго ничѣмъ, способа соединенія частей: предѣлъ его былъ уже видимъ. Съ развѣтвленіемъ княжескихъ вѣтвей, съ неизбѣжною сообразностію такого рода развѣтвленія съ народными дѣленіями, значеніе князей, какъ начальниковъ земли, стало упадать. Уже въ XII вѣкѣ видно, какъ народное начало всплыло наверхъ и взяло перевѣсъ надъ княжескимъ. Вмѣсто того, чтобъ князь наслѣдовалъ, онъ избирался толпою; вмѣсто того, чтобъ быть единымъ начальникомъ и предводителемъ, — являлось по нѣскольку князей разомъ предводителями въ одномъ и томъ же мѣстѣ заразъ, и въ то же время должность ихъ замѣняется уже не князьями. Такъ въ 1180 г. въ ополченіи городовъ Кривской земли, изъ двухъ городовъ—Витебска и Полоцка—начальствуютъ князья, а изъ другихъ двухъ—не князья. Въ Галичѣ, князья до такой степени потеряли свое древнее значеніе, что ихъ судили и казнили смертью, какъ простыхъ людей, а мѣста ихъ пытались занимать люди не княжескаго рода. Въ Новгородѣ, оставшемся внѣ татарскаго завоеванія, продолжались развиваться старыя стихіи и въ XIV — XV вѣкахъ уже не стало необходимости держать князей, и отношенія къ великимъ князьямъ казались болѣе лишнимъ бременемъ, отъ котораго только трудно было освободиться. Въ XIV вѣкѣ явился новый родъ—Гедиминовъ, который началъ оспаривать право быть орудіемъ связи Русско-Славянскихъ народовъ. Но тогда уже Русь склонялась къ единодержавію. Еслибъ даже удѣльный порядокъ, вслѣдствіе иноземныхъ вліяній, не былъ у насъ замѣненъ единодержавнымъ, то все-таки онъ рано или поздно долженъ былъ уступить другому, болѣе сообразному съ дальнѣйшимъ ходомъ народной жизни, которая вырабатывала, хотя медленно, свои начала. Самое единство княжесскаго рода было формою выше той, какая существовала въ видѣ народнаго управленія — кождо родомъ своимъ, т. е. своими начальниками, не имѣвшими между собою родственной связи. Если при воздѣйствіи чужеземномъ, единство рода княжескаго должно было уступить высшей формѣ — едино-

державію московскому, то, безъ этого воздѣйствія, оно бы уступило иной новой формѣ единства, формѣ, какую выработала бы сама изъ себя народная жизнь.

Болѣе или менѣе князья размѣщались параллельно народностямъ, и такимъ образомъ ихъ родовое единство между собою шло въ параллели съ сознаніемъ единства народностей. Родъ Дома Изяслава Владиміровича постоянно княжилъ въ Полоцкѣ, и развѣтвлялся въ Землѣ, имѣвшей одно тяготѣніе съ Полоцкомъ. Домъ Святослава Ярославича, со всѣми его развѣтвленіями, помѣстился въ Сѣверщинѣ и образовалъ княжественную двойственность, сообразно двойственности Земель—собственно Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Князь Сѣверскій былъ ближе къ Черниговскому, чѣмъ къ Кіевскому, и народность Сѣверская была ближе къ Черниговской, чѣмъ съ Кіевской. Но князь Сѣверскій не терялъ все-таки связи съ Рязанскими и съ Суздальскими князьями, все-таки онъ считалъ послѣднихъ происходящими изъ одного съ нимъ рода, и только далѣе отъ него, чѣмъ были къ нему Черниговскіе. Такъ и народъ въ Сѣверской области считалъ народъ Суздальскій и Рязанскій далѣе отъ себя, чѣмъ Черниговцевъ, но сознавалъ, что и Суздальцы—Русскіе. Какъ князь говорилъ: »я не Угринъ, я не Ляхъ, мнѣ часть въ Русской землѣ«, такъ каждый русскій говорилъ, что онъ не Ляхъ, не Угринъ, что ему часть въ той широкой землѣ, гдѣ Сѣверянинъ, Русинъ-Полянинъ, Волынецъ, Суздалецъ, сознаютъ свое родство. Имѣя дѣло съ князьями, своими однородниками, князь въ то же время имѣлъ дѣло и съ цѣлою землею, какъ показываетъ, напр., такое выраженіе: *бяшеть бо ему тяжа съ Рюриком и съ Давидомъ и съ Волынскою землею* (1190 г. Ип. спис. 140). Князь могъ не поладить съ своимъ сосѣдомъ и народъ могъ раздѣлять съ нимъ его неудовольствіе; но также народъ могъ не поладить съ другою вѣтвію общаго Русскаго народа; и какъ у князей ссоры были усобицами, такъ и въ народѣ брань одного края съ другимъ была домашняя, а не внѣшняя, война. Этимъ сознаніемъ сродства объясняется, почему Новгородцы, воюя до неистовства съ Суздальцами въ началѣ XIII в., послѣ того опять находились съ ними въ связи и принимали оттуда князей, и отъ чего тѣ же Новгородцы, защищая свою независимость противъ покушеній Московскаго единовластія, въ то же время никакъ не могли оторваться отъ Московской Земли и принять, въ отношеніи ея, тотъ образъ дѣйствій, какъ въ отношеніи чужихъ, напримѣръ, Нѣмцевъ или Шведовъ. Если бы въ Россіи не возникло удѣльнаго порядка, еслибы возможно было чтобы Ярославъ, соединивъ Русскія страны подъ одну власть, передалъ всѣ вмѣстѣ

одному изъ сыновей, то, безъ сомнѣнія, Русская Земля скорѣе могла ы потерять единство, чѣмъ при раздѣленіи на удѣлы. Тогда должны были бы оставаться тѣ старѣйшины-князья, которые существовали до прибытія Рюрикова дома, или—Земли управлялись бы намѣстниками Кіевскаго князя. Въ первомъ случаѣ, старѣйшины разныхъ родовъ, не имѣя между собою кровнаго единства, старались бы каждый о совершенномъ обособленіи своихъ Земель, и находясь въ отношеніи Кіевскаго князя какъ покоренные, чувствовали бы надъ собою иго и старались бы освободиться отъ него. Естественно, тогда между всѣми ими несравненно было бы менѣе связи, чѣмъ между князьями *одного* рода. Во второмъ случаѣ, сами народы чувствовали бы чуждое иго—власть одной земли надъ своею, и смотрѣли бы на намѣстниковъ, какъ на враговъ и утѣснителей. Географическія условія и необходимость постояннаго отбоя отъ непріятелей не дозволяли бы Кіеву сосредоточить свои силы для насильственнаго удержанія въ своей власти такого множества народовъ, на такомъ огромномъ пространствѣ: послѣдовало бы совершенное разложеніе. Даже еслибы всѣ народы сжились со своими намѣстниками и покорно повиновались имъ, то и тогда связи духовной было бы меньше, чѣмъ при существованіи удѣльнаго порядка; ибо такіе намѣстники не были бы такъ связаны между собою, какъ родственные князья.—Указываютъ на горькія послѣдствія княжескихъ споровъ и дѣлежей. Но безъ сомнѣнія, еслибъ не было удѣловъ родовыхъ, то усобицы между народами были бы неизбѣжнѣе, и были бы гораздо жесточе, губительнѣе, разрушительнѣе. Напротивъ, княжескія усобицы способствовали поддержанію народнаго единства Россіи, посредствомъ знакомства частей между собою. Безъ нихъ сообщеніе между родственными племенами было бы рѣже; въ такомъ большомъ числѣ посѣщающихъ далекія страны тогда не было бы. Вспомнимъ, напримѣръ, упорную войну Суздальскихъ князей съ Кіевскими въ половинѣ XII вѣка? Едва ли бы могло быть по какому нибудь мирному поводу столько Суздальцевъ въ Кіевѣ. Всякій, кто ворочался домой, разсказывалъ о далекой землѣ, и изъ рода въ родъ, въ семейныхъ преданіяхъ, укоренялась привычка считать народонаселеніе того и другого края близкимъ къ своему,—расширялся кругъ географическаго понятія о томъ, что̀ такое составляетъ *свое* и *чужое*.

И вотъ, то̀, что̀ съ перваго взгляда, кажется, наиболѣе препятствовало единству, на самомъ дѣлѣ служило этому единству поддержкой. Выше мы коснулись воцаренія Гедиминовичей. Когда въ XIV вѣкѣ княжеская Рюриковская линія стала замѣняться Гедиминовою, связь между Запад-

ной и Восточной Русью ослабла. Москва и Литва часто смотрѣли на себя какъ на чужихъ, какъ на особенныя государства. Народъ и въ Москвѣ и въ Литвѣ оставался Русскимъ, а между тѣмъ связи между нимъ гораздо было меньше, чѣмъ при князьяхъ единаго дома. Правда, очень часто возникала мысль о соединеніи, но замѣчательно, что эта мысль являлась только послѣ войнъ, когда оба народа возобновляли старое знакомство, хотя и печальнымъ образомъ. Оставаясь въ покоѣ, Москвичъ забывалъ, что Литвинъ-Бѣлоруссъ его — кровный; у него это выходило изъ памяти при долгомъ нестолкновеніи съ сосѣдями-единоплеменниками.

Въ числѣ началъ, поддерживавшихъ единство Руси, слѣдуетъ поставить и то именно, что еще больше княжескихъ усобицъ мѣшало ея единству — безпрестанныя непріязненныя отношенія къ иноплеменникамъ, сновавшимъ или осѣдлымъ между Славянскими Русскими народами. Одна часть ихъ была осѣдлая Финская, покоряемая Славяно-руссами; а другая напротивъ — кочующая, нападающая, въ образѣ Половцевъ и ихъ кочевой братіи, разорявшая славянскую гражданственность, а въ образѣ Татаръ — завоевательная и порабощительная. Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ и другіе препятствовали порядку гражданственной стройности, а между тѣмъ и помогали сознанію единства. Такъ, когда на Южную Русь нападали Половцы, нѣсколько разъ князья забывали свои несогласія и собирались какъ бы въ крестовый походъ противъ враговъ вѣры и своей народности. Въ умахъ русскаго народа образовалось понятіе, что есть такіе народы, которые — враги всѣмъ вѣтвямъ его, а чрезъ это понятіе поддерживалось и понятіе о взаимности и сродствѣ своихъ народныхъ вѣтвей. Это понятіе еще болѣе развилось во время татарскаго завоеванія. Тогда повсюду, кто только принадлежалъ къ Русскому народу, проникался, то въ большей, то въ меньшей степени, чувствомъ враждебности къ покорительному народу. Эта враждебность поддерживала, даже и впослѣдствіи, древнюю связь Южной и Западной Руси съ Восточною. Такъ, разомъ на Днѣпрѣ и на Дону составилось воинственное общество козаковъ съ цѣлію противостоять татарскому и турецкому покорительному началу, и нерѣдко Польскіе и Русскіе государи, среди безпрерывныхъ взаимныхъ несогласій, приходили къ мысли о союзѣ противъ общихъ враговъ; — въ враждебныхъ между собою государствахъ не разъ являлась мысль о возможности прочнаго соединенія западной и восточной половинъ Руси, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, общими силами можно удачнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать противъ Татаръ и Турокъ. Враждебность къ этимъ народамъ перешла преемственно изъ тѣхъ вѣковъ, когда

Славяно-русскіе народы боролись съ Тюркскими племенами, бродившими нѣкогда по широкому материку Россіи. Та же борьба, которую русская стихія выдерживала въ IX и въ X столѣтіяхъ противъ Печенѣговъ, явилась потомъ въ XII въ религіозной враждѣ противъ невѣрныхъ Половцевъ, когда русскія дружины ходили, въ ихъ степи, по призыву Мономаха и Игоря; она приняла, въ XIV вѣкѣ, значеніе освобожденія отъ чуждаго ига при Димитріѣ Донскомъ, и руководила важнѣйшими явленіями внѣшней политической жизни до позднѣйшихъ временъ во враждѣ съ мусульманскимъ турецкимъ Востокомъ. Есть въ исторіи завѣтныя племенныя ненависти; онѣ развиваются вѣками, то утихаютъ, то разгараются отъ обстоятельствъ, то засыпаютъ, то вновь пробуждаются, проходятъ черезъ разные виды историческихъ перемѣнъ и даютъ направленіе народнымъ силамъ и тонъ народнымъ думамъ. Къ такимъ враждебнымъ явленіямъ принадлежитъ борьба Славянскаго племени съ Турецкимъ или Тюркскимъ. Ея источникъ скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. Мы знаемъ только ея продолженіе, и не видимъ начала, и для насъ такія черты легко представляются кореннымъ племеннымъ свойствомъ, какъ дѣлаемъ мы со всѣмъ, чему не можемъ доискаться начала въ тѣхъ сумрачныхъ вѣкахъ, откуда нѣтъ ничего положительно-достовѣрнаго.

Есть еще признаки племенной враждебности къ иному племени, такъ же непріязненному къ Славянамъ, съ незапамятныхъ временъ — къ племени Нѣмецкому. Но эта враждебность, составляющая всю сущность исторіи Западныхъ Славянъ, касалась легче нашихъ, Восточныхъ. Признаки ея можно видѣть во враждебныхъ отношеніяхъ Новгорода и Пскова къ Ливонскимъ Рыцарямъ и Шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ воззрѣніи, какое народъ нашъ имѣлъ и до-сихъ-поръ неизгладимо имѣетъ на нѣмецкое племя. Новгородцы и Псковичи поддерживали языческихъ Эстовъ во враждѣ ихъ съ Крестоносцами и Финляндскую Емь въ борьбѣ со Шведами, противъ роспространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственнаго крещенія. Во враждѣ этой участвовали вскользь и другія Русскія вѣтви. Въ ополченіяхъ Великаго Новагорода и Пскова отличались и Суздальцы, и Смольняне, и Полочане. Съ своей стороны, Нѣмцы, поработивъ Прибалтійскихъ Славянъ, готовились подвергнуть той же участи и сѣверныхъ русскихъ Славянъ, и въ XIII вѣкѣ уже успѣли покорить Псковъ, но были отражены Новгородцами подъ предводительствомъ Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ, Псковская Земля стала полемъ, гдѣ безпрестанно разыгрывалась и воспитывалась старая вражда Славянъ къ Нѣмцамъ, вражда,

которой первые зачатки также теряются въ доисторическомъ сумракѣ. Съ Нѣмцемъ, въ понятіи всѣхъ Русскихъ, безъ различія народныхъ видовъ, соединялось представленіе о чемъ-то тяготѣющемъ, высокомѣрномъ, посягающемъ на свободу нашу; Русскій ставилъ его въ противоположность къ себѣ, независимо отъ того, былъ ли самъ этотъ Русскій Суздалецъ, Смольнянинъ, Псковитянинъ, Новгородецъ и т. д.

Важнѣйшимъ звеномъ единства Русскихъ частей сдѣлалась православная Христіанская вѣра, со времени ея введенія и распространенія по Руси. Не станемъ безусловно раздѣлять мнѣнія о чрезвычайной быстротѣ распространенія вѣры между Русско-Славянскими народами, хотя не можемъ отрицать, что изъ множества народовъ, обратившихся къ Христіанству въ разныя времена, міръ Руссо-Славянскій принялъ Божественное Откровеніе съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ многіе другіе народы. Но то несомнѣнно, что всѣ исчисленные выше соединительные элементы были бы слабы и недостаточны для водворенія единства народовъ русскаго міра, безъ содѣйствія православной религіи. Христіанство дало отдѣльнымъ частямъ народа такіе элементы, которые для всѣхъ составляли высочайшую святыню и въ то же время были въ равной степени общи для всѣхъ. Православная вѣра образовывала и утверждала высшую единую народность вмѣсто частныхъ. Православная вѣра распространяла единыя нравственныя понятія и ввела единые богослужебные обряды. Изъ Христіанства возникла потребность просвѣщенія. Она удовлетворялась только посредствомъ Церкви. Кто только былъ, по тому времени, человѣкъ образованный, тотъ или принадлежалъ къ церкви, или вращался въ кругу понятій церковныхъ.

Масса, инстинктивно всегда уважающая людей, стоящихъ выше ея по образованію, получила понятіе о томъ, что́ выше ея по духовному смыслу и, слѣдовательно, достойно уваженія; а это высшее не принадлежало уже ни къ какой частной народности. Оно было русское. Церковное богослуженіе воспитывало въ массѣ чувство единства. Новгородецъ въ Суздалѣ, Черниговецъ въ Полоцкѣ, слышали въ церкви тотъ же языкъ какъ у себя дома, видѣли тѣ же обряды, тотъ же церковный порядокъ, всѣхъ учили содержать одни и тѣ же посты, читать тѣ же молитвы, почитать однихъ и тѣхъ же святыхъ, пекать въ одномъ, для всѣхъ, спасенія и утѣшенія; такимъ образомъ, укоренялось въ каждомъ понятіе, что святыня его сердца — общая для всѣхъ вѣтвей русскаго народа: и такъ онъ со всѣми другими составляетъ единое тѣло.

Православная Церковь ввела въ нашу жизнь множество новыхъ

формъ, обычаевъ, не только церковныхъ, но и домашнихъ, вошедшихъ въ частный бытъ равнымъ образомъ во всѣхъ Русскихъ краяхъ. Установились понятія о томъ, какъ при какомъ-нибудь извѣстномъ обстоятельствѣ слѣдуетъ сѣсть или стать, ѣсть и пить; образовались разныя приличія и правила общежитія, сообразныя съ достоинствомъ православнаго человѣка и, слѣдовательно, общія для всей Русской Земли. Возникали монастыри, появлялись мощи, чудотворныя иконы, составились преданія, которымъ вѣрилъ и Ростовецъ, и Новгородецъ, и Кіевлянинъ, и Сѣверянинъ, на-сколько каждый былъ православный Русскій. Нѣкоторые монастыри прославились скоро и заслужили всеобщее уваженіе; таковъ былъ самый ранній—Печерскій. Въ разныхъ мѣстахъ одни за другими являлись общества отшельниковъ, которые прославлялись подвигами и жизнію. Для народа становились болѣе или менѣе одинаково святы угодники, почивающіе гдѣ бы то ни было въ Россіи, и изъ разныхъ мѣстъ ходили къ намъ на поклоненіе. Такимъ образомъ, образовывалось паломничество, которое, съ одной стороны, умножало сообщеніе земель, съ другой — поддерживало сознаніе единства общей святыни.

Наконецъ, вводились церковные законы, развивали въ народѣ юридическія понятія и распространяли во всѣхъ краяхъ Россіи одинаковое воззрѣніе на святость права. Христіанская религія принудила измѣнить взглядъ на многое, и то, что считалось прежде нравственнымъ, стало безнравственнымъ, какъ, напримѣръ, понятіе о мести у язычниковъ, такъ точно, Христіанская вѣра истребила мѣстную языческую святыню въ разныхъ краяхъ и замѣнила своею всеобщею для всѣхъ въ одинаковой степени. Народъ уже доживалъ до той эпохи, когда обычаи его должны были принять значеніе права; по крайней мѣрѣ, такъ было въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, у Полянъ. Доказательствомъ служитъ Русская Правда—сборникъ обычаевъ и постановленій власти, уже записанныхъ и принявшихъ значеніе руководства для случаевъ, подобныхъ тѣмъ, какіе рѣшаемы были прежде. Но съ народнымъ разнообразіемъ Русь не скоро могла дойти до водворенія общихъ законовъ, или до соединенія народныхъ обычаевъ.

На широкомъ пространствѣ Русскаго материка было слишкомъ много, для каждаго изъ народовъ, своихъ условій развитія гражданственности, которыя никакъ не могли сходиться съ существовавшими въ другихъ русскихъ краяхъ. Не было бы и необходимости, не взошло бы даже въ голову составителю законовъ наблюдать какое нибудь единство для всѣхъ частей; слѣдовательно, если бы, въ разныхъ краяхъ Руси, обычаи и стали превращаться въ положительные писанные законы, то эти законы спо-

собствовали бы скорѣе разрозненности частей вмѣсто ихъ соединенія. Ибо законы, отличавшіе Землю отъ Земли въ юридическомъ отношеніи, укоренялись бы и дѣлались для своей Земли писанной святыней; преданія отцовской мудрости, безъ особенныхъ переворотовъ и насилій, не скоро уступили бы мѣсто чему-нибудь болѣе общему. Кормчая, вошедшая вмѣстѣ съ Христіанствомъ, напротивъ, заронила въ Русскомъ мірѣ идею законодательнаго единства и общности права.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на корпорацію духовенства, связаннаго узами одного законоположенія и получавшаго вездѣ одно и то же воспитаніе. Во всѣхъ духовныхъ предметахъ и даже въ значительной части мірскихъ отношеній, духовенство было изъято отъ всякаго свѣтскаго суда, зависѣло отъ своихъ епископовъ, епископъ отъ митрополита, митрополитъ отъ патріарха; такимъ образомъ, вся церковная администрація изображала одну цѣпь, протянутую по всей Россіи, а крайнее звено ея находилось въ Царьградѣ за предѣлами русской земли. Духовенство въ большей части своихъ отношеній къ народу стояло выше мѣстныхъ обычаевъ и понятій, налегало на народъ своею нравственною силою и, вмѣсто народныхъ старыхъ правилъ, вводило новыя, общія и равныя для всѣхъ частей русскаго міра. Въ древности духовенство пользовалось правами гораздо большими, чѣмъ впослѣдствіи, судилось по греческимъ писаннымъ законамъ, апостольскимъ и соборнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, люди этого класса, имѣвшіе право на всеобщее уваженіе, были внѣ мірскихъ условій, проповѣдывали одно и тоже, одному и тому же учили, указывали одну цѣль. Такъ образовалась идея церкви, общества, не связаннаго съ мѣстностію, неприкованнаго къ одной землѣ, и съ нею совокупно развивалась идея объ общности всѣхъ русскихъ земель, о единствѣ русскаго народа. Священникъ — былъ ли онъ Новгородецъ, Кіевлянинъ, Суздалецъ, долженъ былъ жертвовать своими мѣстными отношеніями требованіямъ церкви. Церковное законоположеніе не ограничивалось однимъ духовенствомъ да духовными дѣлами; оно подчиняло себѣ многія стороны житейскія и имѣло право исключительно судить преступленія противъ обязанностей семейнаго быта: въ спорахъ о наслѣдствѣ, въ семейныхъ распряхъ обращались къ духовному посредству, а духовенство произносило свои приговоры, по большей части одинаково, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ и въ Ростовѣ, потому что вездѣ у него предъ глазами были греческія церковныя законоположенія. Остатки язычества, народныя вѣрованія подлежали духовному суду, и подъ вліяніемъ духовенства должны были уступать единымъ для всѣхъ

краевъ христіанскимъ понятіямъ и вѣрованіямъ. Судъ святительскій долженъ былъ совершаться одинаково по всей Россіи. Духовенство, пріучаясь смотрѣть на всю Россію, какъ на единое тѣло, научало и князей смотрѣть на нее такъ же. Такъ, въ 1189 году, по поводу захвата Галича Уграми, митрополитъ говорилъ князьямъ Святославу и Рюрику: »се иноплеменники отъяли отчину вашу, и лѣпо вамъ потрудитися.« Такимъ образомъ онъ указывалъ князьямъ прежде всего — забывъ, на время, свои споры, выручить Русскую землю отъ не-русскихъ, кому бы изъ князей ни досталось потомъ выручennое.

Съ церковнымъ законоположеніемъ вошли къ намъ, въ видѣ прибавленій къ Номоконону, мѣста изъ гражданскихъ законовъ Византійской имперіи, такъ называемые градскіе законы. Неизвѣстно, имѣли ли они когда-нибудь всеобщую обязательную силу, но нѣтъ сомнѣнія, что, прилагаясь обыкновенно въ видѣ дополненій къ церковному законоположенію, которое было обязательнымъ; они пользовались уваженіемъ, и слѣдовательно, должны были внѣдряться въ русское правосудіе. При недостаткѣ собственнаго гражданскаго законодательства, судъ и рѣшеніе дѣлъ естественно должны былъ зависѣть отъ ума и наклонностей судей. Получая вначалѣ просвѣщеніе единственно изъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго, не иначе, какъ съ понятіями, заимствованными изъ сферы церковной, эти судьи—были ли они князья или тіуны, или же выборные народомъ, — необходимо должны были иногда обращаться къ этимъ кодексамъ, гдѣ содержались готовыя рѣшенія на случаи, которые могли встрѣтиться, и на которые не было правилъ въ русскомъ обычномъ правѣ, или же когда рѣшеніе ихъ, по обычному древнему праву, противорѣчило христіанству. Ничего не могло быть естественнѣе для князя или, вообще, для судьи, ставшаго въ тупикъ на судѣ, какъ обратиться къ пособію этихъ уставовъ и заимствовать оттуда юридическую мудрость. Тѣмъ болѣе это было умѣстно, когда градскіе законы составляли какъ бы дополненіе къ тому, что уже считалось святынею. Владиміръ святой совѣтовался съ епископами объ устроеніи земскомъ; тоже дѣлалъ и Ярославъ; а епископы эти были Греки и, конечно, не могли дать совѣта иначе, какъ въ духѣ Номоканона, не только въ церковной, но и въ гражданской сферѣ. И въ послѣдствіи, князья нерѣдко, въ дѣлахъ гражданскаго управленія и суда, обращались къ епископамъ, игуменамъ, священникамъ. Духовенство, составляя себѣ понятіе о долгѣ, сообразно своему воспитанію, неизбѣжно должно было давать совѣты, сходные съ греческимъ законодательствомъ. Ужъ, конечно, у каж-

даго святителя былъ экземпляръ Кормчей съ ея добавленіями, и святитель оттуда могъ черпать для вразумленія судей, и во всѣхъ странахъ Русскаго міра святители одинаково руководили судебными рѣшеніями. Такимъ образомъ, въ разныхъ Земляхъ прививались къ народу одинакія юридическія понятія. Вліяніе духовенства въ гражданскомъ управленіи и судѣ простиралось не на однихъ князей, но и на массы народныя, на вѣча. Въ Новгородѣ, во время полнаго развитія его свободы, власть и вліяніе архіепископа на суды были во всей силѣ. Владыки были представителями не однихъ церковныхъ, но и политическихъ интересовъ страны.

Наука духовенства была одна; гражданскія, нравственныя, юридическія понятія были одни, какъ воспитанныя на одной почвѣ. Плоды вліянія духовенства на собранія народныя вездѣ должны были являться одинакими послѣдствіями для народной жизни, въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Кіевѣ и повсюду.

Кормчая книга съ гражданскими законами разширила значительно кругозоръ нашихъ понятій и внесла, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые стояли на челѣ народной образованности, новые взгляды. Она должна была пріучить умъ нашъ возводить факты къ юридическимъ понятіямъ. Нѣкоторыя понятія были вновь внесены, другія развиты. Нельзя не указать на то, что Кормчая, подъ вліяніемъ толкованій духовенства, при каждомъ случаѣ содѣйствовала образованію понятія о единовластіи и о царственности правителей. По старымъ Славянскимъ понятіямъ, князья были выборные правители, зависѣвшіе отъ народной воли, а ученіе, принесенное изъ Византіи, стало придавать имъ значеніе византійскихъ государей. Помощь духовенства являлась повсюду, когда только совершалось движеніе въ пользу единодержавія. Духовенство было на сторонѣ права родоваго старѣйшинства князей и поддерживало его въ противорѣчіи съ правомъ вольнаго народнаго призыва. Андрей утвердился во Владимірѣ, и лѣтописцы, духовные по званію, оправдываютъ его и преемниковъ его въ стремленіи къ верховной власти надъ всѣми Русскими землями. Съ благословенія церкви, въ лицѣ митрополитовъ, утвердилась Москва; съ благословенія церкви Іоаннъ III уничтожилъ Новгородскую свободу. Зародышъ единовластія—въ пришедшихъ къ намъ еще въ X и XI вѣкѣ греческихъ понятіяхъ и больше всего въ Кормчей, гдѣ еще въ эти далекія отъ господства единодержавія, времена читали наши предки, что »народы, которые не имѣютъ властелина, а управляются сами собою, суть варвары...«

Аристократическіе зачатки, которые были у Славянъ чрезвычайно слабы, развивались у насъ отъ византійскихъ понятій о противоположности благороднаго происхожденія однихъ и низкаго званія другихъ. Вмѣстѣ съ книгами, законами, обрядами и единымъ воспитаніемъ духовенства, къ намъ занесенъ изъ Византіи апотеозъ церемоній, формальности. Славяне были одно изъ племенъ, менѣе многихъ носившее въ себѣ склонность къ этому, во время принятія христіанства. Почти всегда, какъ только самобытныя славянскія силы сколько нибудь развивались, являлось противное желаніе — обойти всякое правило, освободиться отъ всякой формальности, прямо браться за содержаніе безъ оболочки. Византійское вліяніе ввело къ намъ понятія о святости извѣстнаго рода формъ, обрядовъ, мелочныхъ обычаевъ. Мы говоримъ здѣсь не о церковныхъ обрядахъ, но о житейскихъ, которые внѣдрились въ жизнь нашихъ верховныхъ лицъ и высшихъ классовъ.

Не смотря на всѣ изложенныя здѣсь начала, способствовавшія поддержанію и развитію идеи единства Русской земли, онѣ не были столь сильны, чтобъ скоро довести народныя силы до единодержавія и части до полнаго слитія.

Хотя родъ княжескій сознавалъ свое семейственное начало, однако, уже потому, что онъ былъ родъ, условливалъ необходимость раздѣленія, ибо каждый изъ членовъ рода имѣлъ право на волость, то есть, на право управленія Землею. Великое пространство препятствовало слитію нарѣчій, а церковный языкъ, какъ ни соединялъ проявленіе умственнаго труда во всей Россіи, какъ ни служилъ органомъ слова, вразумительнымъ и священнымъ для всѣхъ русскихъ, но уже потому, что былъ не народный, не могъ сдѣлаться житейскимъ языкомъ и вѣчно оставался только книжнымъ. Наконецъ, и самая Церковь не въ силахъ была, при всѣхъ своихъ элементахъ единства, привести къ нему и народъ безъ особенныхъ другихъ сильныхъ, пособляющихъ, толчковъ. Во-первыхъ, Церковь уже по духу своему не предпринимаетъ крутыхъ мѣръ: развивая въ человѣкѣ то, что принадлежитъ проповѣдуемому ученію, оставляетъ расти и его собственной природѣ. Если признаки язычества, какъ показываютъ Вопросы Кирика, были еще ощутительны въ XII вѣкѣ, то, конечно, церковныя правила и поученія не могли такъ скоро передѣлать всѣхъ понятій народа, не могли даже помѣшать образовываться въ народѣ новымъ, роднымъ понятіямъ мимо вліянія и участія церкви. Пока на первыхъ порахъ высшее духовенство было изъ Грековъ, —власть Церкви могла еще быть чѣмъ-то внѣшнимъ, переработывающимъ народъ и не принимающимъ ничего отъ

него самого; но когда высшее духовенство, какъ и низшее, стало выбираться изъ своихъ, изъ Русскихъ, тогда народныя привычки пробивались чрезъ монашескія мантіи, а Русскій народный умъ проглядывалъ изъ-подъ клобуковъ, подъ которыми головы обязаны были мыслить иначе, не по-русски, а по-византійски. Духовные стали входить въ интересы своихъ Земель, гдѣ были епископами, или же откуда сами происходили. Чувство любви къ мѣстной родинѣ, понятія, усвоенныя отъ родителей, оставались въ нихъ. Новгородскіе владыки не рѣдко въ своихъ дѣлахъ должны были слѣдовать правиламъ того уклада, среди котораго жили и дѣйствовали, въ иномъ духѣ, нежели Московскіе. Духовенство низшее, происходя изъ народа, не получивъ, какъ должно думать, такого воспитанія, которое бы его съ малыхъ лѣтъ отдѣляло отъ народа, наконецъ,—женатое и, слѣдовательно, связанное и родствомъ и житейскими нуждами съ народомъ, конечно носило на себѣ столько признаковъ частной, особенной народности, сколько и все-нивеллирующаго византизма.

И вотъ, начала, соединяющія Земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти Земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ другихъ, но не на столько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить всѣ части въ одно цѣлое. И природа, и обстоятельства историческія — все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности Земель, съ тѣмъ, чтобы между всѣми Землями образовалась и поддерживалась неустанно связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Вся исторія Руси удѣльнаго уклада есть постепенное развитіе федеративнаго начала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбы его съ началомъ единодержавія.

Н. Костомаровъ.

1860
Февраль.

ОБЗОРЪ
УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

КЛИМЕНТІЙ (1).

Народы, созидающіе свою литературу по чужимъ образцамъ, начинаютъ ее или тяжелою прозою, или стихотворствомъ безъ поэзіи. Истинная поэзія только тогда проявляется въ письменномъ словѣ, когда оно перестанетъ быть отголоскомъ чужой литературы и заговоритъ въ духѣ собственнаго народа.

Старинныя украинскія училища, сколько ихъ ни размножилось въ подражаніе Кіево-Братской школѣ, не дали обществу ни одного поэта. Причиною тому было пренебреженіе основателей этихъ училищъ къ языку, которымъ говорила наибольшая, если не вся, масса населенія украинскаго. Ни Исаія Купинскій, ни Петръ Могила не могли, по своему собственному воспитанію, постигнуть, что основаній краснорѣчія надобно искать въ языкѣ народа, который они желали просвѣтить, и въ его изустной поэзіи. Всѣ современные имъ и послѣдовавшіе за ними ученые Украинцы старались не о томъ, чтобы народный языкъ возвысить до выраженія высокихъ понятій о Богѣ и человѣкѣ, заключенныхъ въ Библіи, а о томъ, чтобы церковно-славянскій языкъ Библіи, усвоенный церковною іерархіею, вселить въ народъ, посредствомъ богослуженія, проповѣ-

---

(1) Изслѣдованіе о Климентіѣ, украинскомъ стихотворцѣ временъ гетмана Мазепы, было напечатано въ 5-мъ томѣ *Русской Бесѣды* 1859 года. Здѣсь оно предлагается съ значительными дополненіями, какъ начало обширнаго критико-историческаго изслѣдованія, предназначеннаго для *Основы*.

ди и наконецъ школьной науки. А такъ какъ основатели украинскихъ училищъ воспитывались или въ польскихъ школахъ, или посредствомъ польскихъ книгъ, то въ учебный языкъ свой подмѣшали они польскихъ словъ и оборотовъ. Образцами стихотворства сдѣлались для нихъ силлабическія вирши польскихъ поэтовъ, столь убогія въ сравненіи съ гармоническими народными пѣснями украинскими. И такимъ образомъ, повернувъ своихъ питомцевъ спиной къ народу и его рѣчи, а лицомъ къ тому, что̀ написано на чуждыхъ украинскому слуху языкахъ, учили ихъ схоластики всякой книжной премудрости, выдѣлывали изъ нихъ свое подобіе, распространили его по всей Украинѣ во множествѣ болѣе или менѣе крѣпкоголовыхъ образцовъ, но не произвели ни одного поэта. Поэзія чуждалась школъ и жила, мимо ихъ вѣдома, въ неграмотномъ народѣ. Самая поэтическая личность, пройдя чрезъ умственную пытку, которой подвергался въ тогдашнихъ школахъ человѣкъ, теряла способность выражаться поэтическою рѣчью и, возвращаясь въ народъ, дѣлалась ему чуждою. Печальный примѣръ такого пересозданія видимъ мы даже въ позднѣйшее время на Сковородѣ, который, воспитавшись на иныхъ началахъ, могъ бы быть великимъ двигателемъ духовнаго развитія Украинскаго народа. Но Сковорода не былъ, Сковорода не могъ быть единственною жертвою тупой школьной науки стараго времени. По милости ея, много свѣтлыхъ именъ исчезло для насъ безъ слѣда, много высокихъ поэтическихъ талантовъ погребено въ рукописныхъ и печатныхъ фоліантахъ схоластической безплодной работы. Предшествовавшія намъ поколѣнія Украинцевъ равнодушно истребляли эти фоліанты на домашнія потребы, или разбрасывали, какъ негодный хламъ, по амбарамъ и чердакамъ. Въ просвѣщенномъ негодованіи, мы называемъ ихъ варварами, которые не умѣли дорожить былою жизнію и дѣятельностью предковъ; но когда глубже вникнемъ въ это по-видимому возмутительное явленіе, то увидимъ въ немъ безмолвный приговоръ, произносимый временемъ надъ заблужденіями человѣческими. Будь эти фоліанты писаны такъ, чтобъ отъ нихъ трепетало живое сердце, — не охладѣли бы дѣти къ тому, чѣмъ дорожили отцы, и цѣнили бы внуки наслѣдіе послѣ дѣдовъ. Будь эти фоліанты — слово жизни, а не мудреное хитросплетеніе рѣчи, убивающее всякое свободное любопытство, — они бы сдѣлались источникомъ свѣта для грамотныхъ людей, и тогда, послѣ просвѣщенныхъ родителей, не были бы равнодушны къ ихъ премудрости наслѣдники ихъ книгъ. Намъ не жаль истребленія цѣлыхъ рукописныхъ библіотекъ, накопленныхъ кіевскими академистами, черниговскими и другими семинаристами; намъ жаль, что столько ум-

ственныхъ силъ и столько времени потрачено на труды, недостойные вниманія потомства и чуждые потребностямъ его жизни. Конечно, изъ нашихъ старинныхъ школъ распространились въ высшемъ сословіи кой-какія философскія понятія и научные факты, — распространились и вошли въ капиталъ современнаго просвѣщенія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, что привлечено въ нее изъ Западной Европы черезъ Петербургъ; но по предмету словесности, составляющей душу всякаго просвѣщенія, эти школы сдѣлали, можетъ быть, больше вреда, нежели пользы. Они подавляли живое слово народа и врожденный народу даръ поэтическаго творчества, давая своимъ воспитанникамъ ложный взглядъ на высокое и низкое въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній. Это можно видѣть на всѣхъ доселѣ напечатанныхъ схоластическихъ виршахъ, начиная отъ панегириковъ Конашевичу-Сагайдачному и Петру Могилѣ, — этихъ безцвѣтныхъ и безобразныхъ словоизвитій, въ которыхъ не замѣтно и отдаленнаго родства съ современными имъ произведеніями народной музы, дышащихъ вѣчною свѣжестью поэтическихъ красокъ и преисполненныхъ самой оригинальной и живой образности. Позднѣйшія стихотворныя сочиненія архимандритовъ и архіереевъ, законодательствовавшихъ въ свое время литературнымъ вкусомъ съ каѳедръ Кіевской академіи, не исключая и виршъ самаго талантливаго изъ нихъ, Георгія Конискаго, такъ же мертвенны въ реторическомъ своемъ убранствѣ, какъ и хвалебные гимны могилинскихъ семинаристовъ. Они до того удалены отъ народнаго языка и интересовъ насущной жизни народа, что не заслуживаютъ названія даже первыхъ опытовъ украинской словесности. Ихъ ожидаетъ судьба, постигшая средневѣковую латынь въ стихахъ и прозѣ, — равнодушное и полное забвеніе.

Что-то похожее на попытку вывести поэзію изъ-подъ академическихъ сводовъ на открытый просторъ, въ живой народъ, представляетъ покамѣсть одинъ *Климентій Зьновіевъ сынъ*, іеромонахъ временъ Мазепы, въ своей рукописи, открытой, покойнымъ А. В. Шишацкимъ-Илличемъ, украинскимъ стихотворцемъ нашего времени, Климентій, какъ видно, не доучился современной премудрости до конца: въ стихахъ своихъ онъ извиняется передъ »благоразумными« читателями, и »особливо передъ виршописами« въ томъ, что не въ каждомъ стихѣ соблюлъ равное количество »силлябъ« и разорвалъ кое-гдѣ цезуру, а въ другомъ мѣстѣ сознается, что мало смыслитъ въ ирмолоѣ, а партесовъ совсѣмъ не знаетъ. Не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которымъ, по выпускѣ изъ школы, все идетъ какъ по маслу, которые дивятъ общество своими образованными способностями и становятся его авторитетами и куми-

рами. Онъ пишетъ, что претерпѣвалъ много скорбей, не имѣлъ постояннаго спокойнаго жилища, писалъ свою книгу въ разныхъ мѣстахъ, и писалъ единственно для утоленія своей печали, »будучи въ гоненіи«. Всѣ эти данныя объясняютъ, какъ содержаніе стихотвореній его, такъ и нѣкоторое сближеніе въ нихъ автора съ народомъ, на перекоръ схоластикѣ. Въ рукописи его, состоящей изъ 321-й четвертушки обыкновенной писчей бумаги, не достаетъ трехъ листковъ въ началѣ, многихъ листковъ въ срединѣ и, Богъ знаетъ сколькихъ въ концѣ. Писана она красивымъ, для своего времени, почеркомъ, близкимъ къ полууставу и греческому начертанію буквъ, со словотитлами и сокращеніями. Начинается она философическими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о вѣтрѣ, объ огнѣ, о Божіемъ долготерпѣніи, объ именахъ Божіихъ, о смерти, и т. п. Въ стихотвореніяхъ на эти темы, авторъ платитъ безусловную дань своему воспитанію и времени. Очевидно, они писаны для чтенія въ кругу монастырскомъ. Но іеромонахъ Климентій много странствовалъ по свѣту, видалъ всякіе виды, и сталкивался со всякаго рода людьми. Не переставая быть философомъ-догматикомъ, онъ вводитъ въ свои вирши нѣкоторыя подробности изъ явленій повседневности и часто судитъ судомъ толпы, среди которой онъ вращался. Строгихъ убѣжденій у него нѣтъ. Понятія о добрѣ и злѣ у него относительныя. Иногда онъ бываетъ не въ мѣру строгъ, иногда не въ мѣру снисходителенъ въ своихъ сужденіяхъ, смотря по тому, подъ какими вліяніями писалъ, и часто самъ себѣ противорѣчитъ, оправдывая то, что прежде порицалъ. Вообще, онъ—поклонникъ высшаго, господствующаго сословія, противъ котораго не смѣетъ сдѣлать, въ стихахъ своихъ, никакого прямаго замѣчанія; если же говоритъ объ общемъ порокѣ всѣхъ сословій, то или умалчиваетъ о высшемъ, или даже выгораживаетъ его и извиняетъ въ немъ то, что въ другихъ осуждаетъ немилосердо. Этимъ объясняется тогдашнее положеніе странствующаго монаха: всякій протестъ его противъ злоупотребленій гетмана и пановъ украинскихъ грозилъ ему серьезною опасностью. Властвовалъ тогда въ Украинѣ не умъ, властвовали сила и богатство. Исторія описывала тогда дѣянія правителей и полководцевъ; поэзія восхваляла ихъ доблести, или услаждала слухъ сильныхъ міра сего пріятными для нихъ вымыслами; сатира осмѣливалась касаться только людей безотвѣтныхъ. Поэтому-то мы находимъ въ книгѣ іеромонаха Климентія слѣдующую сатиру на простолюдиновъ, въ которой онъ неумышленно выставилъ злоупотребленія землевладѣльцевъ, оправдывая ихъ насилія.

О иду́чихъ на́ слободы люде́хъ (1).

Хто ко́лвекъ собѣ и́щетъ на житло́ слободы:
ма́ло вхо́дятъ змежъ таки́хъ вели́кои бѣды.
Бо гото́вые ха́ты идучи́ покида́ютъ:
а прыше́дши на́ слободу готовыхъ нема́ють.
А що найго́ршей ча́сомъ худо́бы забыра́ютъ:
и тылко що зъ ду́шами живыхъ оставля́ютъ.
Уже жъ тогда́ где зхо́четъ то ско́читъ хочъ к лѣсу:
и го́лый уже́ наветъ хочъ к самому бѣсу.
Пожыте́чная ему судылась слобода́:
дово́лная пустыня и ли́ка и вода́.
На що любо зволится (:) хочъ утопи́тися:
а ежели́ захо́четъ (,) во́лно и вдави́тися.
Отожъ мѣшъ за свое́ теперъ дурный мужыче:
а бывшій на своего па́на бунтовни́че.
Не хотѣлесь панови послушенство оддава́ть.
и въ цѣлости зъ всѣмъ своимъ въ е́дномъ мѣсцу пробува́ть.
Ги́нь же теперъ за свое злое непокорство:
и за упрямую твою гордость и упорство.
І добре тые чи́нятъ, що проча́нъ обдыра́ютъ:
Богъ ихъ проститъ, за тое згола грѣха́ не ма́ютъ.
І не тылко потреба бъ таки́хъ обдыра́ти:
а́ле и з сами́ми душами разлуча́ти.
Поневважъ не хотѣвъ пудъ кимъ бувъ чини́ть повѝнность
обдери́ и хочъ забій за тую учинность.
Богъ за бунтовника́ якъ мо́вятъ неповѣситъ:
але и нагородою еще потѣшитъ.
Кгдыжъ учинивъ своему па́ну па́кость мно́гу:
нетылко пану и самому Богу.
Якъ ся мѣвъ то мѣвъ треба было бъ претерпѣти:
а за терпеніе спасеніе могълъ бы мѣти.
Зачимъ вы пано́ве такихъ не ва́жтесь щадѣти:
втѣка́ючихъ прочъ самыхъ дерѣть, бѣть и берѣть дѣти.
І отню́дь милости такимъ не показуйте:
але совершенно такъ таковымъ справу́йте.

Это стихотвореніе даетъ самое грустное понятіе о состояніи тогдашняго населенія нашей Украины. Въ числѣ пановъ разумѣются и козаки-землевладѣльцы, ибо козакъ былъ тогда не простой человѣкъ, ка́къ это свидѣтельствуетъ и Климентій, противопоставляя вездѣ козакамъ не-козаковъ-поселянъ, какъ *простыхъ людей*. Вмѣсто закона, господствовали обычаи, установленные правомъ сильнаго. Возмутившійся противъ землевладѣльца вольный *подсосѣдокъ* считался *бунтовникомъ*. У него от-

(1) Сохраняю, по возможности, правописаніе подлинника.

бирали всю *худобу* и выпускали голаго, только съ душею. Но, видно, хорошо было жить у пановъ въ подсосѣдкахъ, если человѣкъ бросалъ все и уходилъ на пустыя земли, на слободу (1)! Эти такъ называемые вольные переходы, какъ видимъ, сопровождались, со стороны оставляемыхъ пановъ, грабежомъ, побоями и даже отнятіемъ дѣтей у родителей. И тѣмъ безнадежнѣе было положеніе чернорабочаго, неграмотнаго народа, что у грамотѣевъ не было къ нимъ никакого состраданія. Грамотѣи были не шутя увѣрены, что паны созданы для того, чтобъ пановать, а мужикъ — для того, чтобы терпѣть. Посмотрите, какую перспективу показываетъ стихотворецъ угнетенному подсосѣдку панскому: »Какъ ты ни жилъ, а все жилъ; надо было до конца претерпѣть, а за то могъ бы ты получить спасеніе.« Утѣшительная будущность, нечего сказать! Но, еслибъ несчастный и рѣшился, ради спасенія души, терпѣть безропотно притѣсненія со стороны землевладѣльца, то тотъ же самый философъ осудилъ бы его на вѣчныя мученія за множество другихъ поступковъ, которые онъ, въ своихъ стихахъ, объявляетъ страшными грѣхами. Поэтому хорошо дѣлали неграмотные поселяне, не слушаясь его совѣтовъ. Хорошо дѣлали и всѣ, кто оставлялъ безъ вниманія философію, высиживаемую въ бурсахъ. Она была чужда народнаго смысла и годилась только для тѣхъ, кто ее проповѣдывалъ. Но могъ ли сдѣлаться народнымъ поэтомъ человѣкъ съ такими дикими понятіями о добрѣ и злѣ, какъ авторъ философскихъ виршъ, и что удивительнаго, если творенія подобныхъ ему мудрецовъ не произвели на народъ никакого впечатлѣнія? Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія, никогда не льститъ низкимъ страстямъ сильнаго, никогда не

(1) Тепловъ, въ своей запискѣ о внутреннемъ состояніи украинскаго населенія при Разумовскомъ (*Записки о Южной Руси*, т. II), приписываетъ охоту подсосѣдковъ къ перемѣнѣ мѣста врожденной любви ихъ къ праздности. По духу вѣка, онъ не могъ входить симпатично въ положеніе подсосѣдка, но говоря о грабежахъ со стороны пановъ и о томъ, что »сильные кредитомъ въ націи помѣщики, заманивши единажды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить его переселиться къ другому«, самъ указываетъ, къ чему были способны паны, относительно своихъ подсосѣдковъ, если только жажда къ стяжанію подстрекала ихъ на принужденье мужика къ работѣ. Естественно, человѣкъ, сознавая себя не неключимымъ рабомъ другого человѣка, пользовался всѣми возможными средствами уйти отъ порабощенія. Тепловъ говоритъ, что мужики »по большей части не заводятъ у себя никакого домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто поняться.« Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ также *противъ* тогдашнихъ правовъ. Вольные хлѣбопашцы, которымъ открытъ путь на всѣ четыре стороны, не живутъ цыганскою жизнію и гнушаются ею.

ругается надъ несчастіями и страданіями. Народная муза полна разума и милосердія, и только тотъ способенъ увлекать словомъ своимъ народъ, въ полномъ его составѣ, кто совмѣститъ въ себѣ эти два нераздѣльныя условія. Украинскія бурсы никогда не были разсадниками ни истиннаго разума, ни истиннаго милосердія, взаимно другъ отъ друга зависящихъ, и потому не могли произвести ни одного поэта. Еслибы Климентій усвоилъ себѣ всѣ преимущества тогдашняго воспитанія, онъ не былъ бы поэтомъ и на столько, на сколько является въ своей книгѣ: онъ не пошелъ бы дальше обычныхъ въ тогдашнее время сочиненій. Еслибъ онъ угнѣздился спокойно на одномъ мѣстѣ и повелъ свои дѣла не хуже прочихъ,—онъ бы »не умствовалъ лукаво« о томъ, что не относится къ нему непосредственно, и не сохранилъ бы для насъ, вовсе безъ умысла, многихъ чертъ несчастной старины нашей. Онъ написалъ бы, а, можетъ быть, и напечаталъ бы, такія книги, изъ которыхъ потомокъ ровно ничего не вычитаетъ насущнаго, объ которыя притупится самое острое вниманіе и которыя способны внушить отвращеніе къ умственной работѣ самому настойчивому труженику. Его сочиненія сдѣлались бы достояніемъ тѣхъ, которые грызутъ и перегрызаютъ, точно крысы, книгу за книгою и, переставъ быть людьми, сами дѣлаются ходячими книгами.

Климентію, Зѣновіеву сыну, кто бы онъ ни былъ, много помогла въ его сочиненіи неровность его характера, которая, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его рукописи, помѣшала ему испить до дна чашу современной семинарской науки и, по всей вѣроятности, выбросила его рано изъ схоластической машины въ безпорядочный, полный страстныхъ увлеченій, несхоластическій міръ. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что бывалъ на Волыни и въ разныхъ городахъ Земли Кіевской. Онъ часто сравниваетъ Литву съ Украиною. Онъ говоритъ о разныхъ промыслахъ и ремеслахъ съ подробностями, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ наблюдалъ ихъ не издали, а, можетъ быть, и непосредственно въ нихъ участвовалъ. Корчмы, шинки и все, что въ нихъ случается, онъ изображаетъ не общими мѣстами, какъ обыкновенно дѣлаютъ удаленные отъ дѣйствительности проповѣдники. О приходскихъ школахъ, о школярахъ и ихъ продѣлкахъ онъ говоритъ съ такой же опредѣлительностію, какъ и о монастырской кельѣ. Супружескія отношенія слишкомъ хорошо ему извѣстны для отшельника, и, судя по ожесточенію, съ которымъ онъ нападаетъ на непокорность и тайныя шашни женъ, надобно предположить, что супружеская жизнь знакома ему не по слухамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ вышелъ изъ семинаріи въ дьячки, въ діаконы, а пожалуй и въ попы, по-

томъ овдовѣлъ и, не зная, что съ собой дѣлать, пошелъ въ монастырь. Это подтверждаютъ его поздніе сѣтованія на свое одиночество, и вольнодумство на счетъ поповскаго не-двоеженства. Монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ шлялся по міру, подъ предлогомъ испрошенія пожертвованій; не рѣдко увязалъ въ корчмахъ и шинкахъ, потомъ каялся въ своемъ нечестіи, возвращался въ монастырь и писалъ стихотворныя филиппики противъ недостойныхъ иноковъ. Но раздоръ съ монахами, на который онъ часто жалуется, прогонялъ его въ другую обитель, а мірскія привычки и очевидная неустойчивость характера заставляли его скорбѣть въ уединеніи, смотрѣть на исправительныя мѣры со стороны старшей братіи, какъ на гоненія, и безпрестанно мѣнять одно мѣстопребываніе на другое.

Таковъ мой выводъ изъ его книги, чуждой какой бы то ни было внѣшней и внутренней системы,—книги, писанной, какъ онъ самъ говоритъ, *перéскакомъ*, наполненной общими религіозными мѣстами и вмѣстѣ кощунствомъ, строгими правилами нравственности и потачками самымъ циническимъ порокамъ, философскими попытками возвести явленія современной жизни къ идеѣ истины и грубѣйшими противорѣчіями христіянскому ученію. Такъ какъ она существуетъ въ единственномъ экземплярѣ, то я дѣлаю изъ нея извлеченія въ порядкѣ представленныхъ мною замѣчаній, чтобы подтвердить ихъ словами самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность другимъ судить о Климентіѣ, какъ о первомъ украинскомъ стихотворцѣ. Считаю необходимымъ измѣнить его правописаніе сообразно произношенію украинскому. Образцомъ служила Климентію орѳографія церковныхъ книгъ, которыя читались и до сихъ поръ читаются непереученными Украинцами по законамъ народной фонетики. (Напримѣръ, слова *свѣта отъ свѣта* Украинецъ читаетъ: *свíта одъ свíта*.) На этомъ-то основаніи я ввожу въ стихи Климентія собственное украинское правописаніе, (какъ и въ другихъ изданныхъ мною книгахъ). Мѣста, въ которыхъ онъ впадаетъ въ церковно-славянизмы и полонизмы, оставляю безъ перемѣны, какъ напримѣръ окончаніе *ль* вмѣсто *въ*, которое онъ также иногда употребляетъ, но, очевидно, по привычкѣ говорить не тѣмъ языкомъ, которымъ писалъ.

О должникáхъ, хто кому́ дóлженъ, абó тежъ вúненъ.

Не дай, Бóже, позичáть, алé дай своé мать,
бо мóвять: *Дýшно, якъ два прáвлять, трéтьему нічого дать!*
Добрó такóму чегó-кóльвекъ позичáти,
котóрий мóжетъ въ прýдкомъ чáсі и отдáти,

А ви́нному двоя́ка ча́сомъ скорбъ быва́етъ,
гди презъ назна́ченний часъ вдво́е отдава́етъ;
Же то есть така́я речъ пудъ часъ меновѝте:
до́лжний на се́бе о́блікъ (1) дастъ отда́ть совѝте (2).
И ви́дімемъ на свѣті то́е въ своє́мъ вѣку,
же презъ пре́шлий те́рмінъ далъ вдво́е чоловіку,
И су́женно на суді, би то́е ста́ло такъ.
На Волѝню еди́нъ ся ошука́лъ небора́къ,
Бо мо́вилъ: »Когда́ въ той часъ зупо́лно не отда́мъ,
хочъ еди́нъ день похи́блю, мо́витъ, вдво́е отда́мъ.«
Та́кже ему́ бідному за нещастямъ ста́ло,
же друго́й полови́ни даре́мне не ста́ло.
Присуди́лъ Ляхъ, жебъ Жи́ду Ру́синъ отда́лъ вдво́е,
и му́сілъ (3) стара́тися бідний би́ло о то́е.
Хто́ жъ, чи судія́ тому́ ви́ненъ, чи самъ ви́нний: —
Не вімъ; подо́бно, бо́льшей ошука́лся ви́нний:
На́ що било́ въ о́блиці такъ ся обіца́ти,
же презъ речене́ць бу́ду вдво́е отдава́ти?
И то не готови́зну далъ, тилько всю худо́бу
въ сту таляра́хъ, ажъ прото́ збулъ свою́ ozдо́бу (4),
Же мно́го изъ жа́лости хорілъ для фрасу́нку (5),
потомъ сталъ пить и уме́ръ зъ хмелёвого тру́нку.
А жона́, при злой не́ндзі (6), пошла́ запряда́ти,
а діти свої Жида́мъ почала́ найма́ти.
Пре́то (7) не дай намъ, Бо́же, въ долги́ упада́ти,
але́ и до́лжнимъ дай вско́рі свобожда́ти.

Волынь тогда находилась въ предѣлахъ Польскаго королевства. Ляхъ, Жидъ и Русинъ играютъ на Волыни, въ стихахъ Климентія, тѣ самыя роли, что́ и въ народныхъ преданіяхъ. Но когда онъ описываетъ свою Украину, то не упоминаетъ о Евреяхъ вовсе. Даже шинки и заѣздные дворы находились тогда въ рукахъ Украинцевъ. Истребленіе и изгнаніе Евреевъ, во врѣмя польско-козацкихъ войнъ, дало иной видъ Украинѣ лѣваго берега Днѣпра. Побережье правой его стороны, кромѣ окрестностей Кіева, кромѣ Канева, Черкасъ и Чигирина, лежало тогда безлюдною пустынею, и потому Евреямъ не было доступу къ козацкой Украинѣ (8). Они начали вкореняться здѣсь только въ царствованіе Ека-

(1) Обязательство. — (2) Съ лихвою. — (3) Слово *му́сити* Климентій пишетъ почти всегда чрезъ *ѣ*, котораго звукъ въ украинскомъ выговорѣ соотвѣтствуетъ моему *і*. — (4) Красоту. — (5) Горести. — (6) Нуждѣ, бѣдности. — (7) Почему-то.

(8) Самое слово *аренда* было ненавистно гетманскимъ Украинцамъ, какъ это видно изъ »мнѣнія Мазепы объ уничтоженіи въ Малороссіи аренды«, посланнаго въ Москву въ 1692 году, въ отвѣтъ на указъ царскій, въ которомъ сказано, что, по случаю аренды, устроенной въ малороссійскихъ городахъ, и маетностей, данныхъ разнымъ особамъ, »происходятъ межъ народомъ по-

терины II, когда, съ одной стороны, паденіе козачества, какъ господствующаго (вмѣстѣ съ своею старшиною) сословія, а съ другой — соединеніе обѣихъ приднѣпровскихъ частей Южной Руси, дали этому промышленному народу возможность насѣсть на украинскіе города и прибрать мало-помалу къ своимъ рукамъ бо́льшую часть капиталовъ, находившихся въ оборотѣ. Въ одномъ только стихотвореніи говоритъ Климентій о Евреяхъ, но не обозначаетъ мѣста, которое они занимали тогда въ Гетманщинѣ, и такъ-какъ умалчиваетъ о нихъ въ описаніяхъ шинковъ, рынковъ и торговыхъ людей, то надобно полагать, что это стихотвореніе относится къ Польской Украинѣ.

О Циганахъ и о Жидахъ.

Цига́не да Жидѝ едни́ едни́мъ ра́вни,
понева́жъ (1) вельми тіе лю́де есть злонра́вни,
Бо въ нихъ то́лько есть пра́вди, якъ въ ше́лягу сре́бра...
бода́й имъ безпреста́нно кати́ круши́ли ре́бра!
Же збите́чнее (2) лю́дямъ чи́нять ошука́нства,
где-ко́львекъ (3) приіхавши до яко́го па́нства,
А землі свое́й зго́ла (4) пигде́ собі не ма́ютъ,
ти́лько, не мо́вячи, якъ Цига́не пробува́ютъ,
Тако жъ ту́лятся и Жидѝ по всемъ світу
аби́-где́ въ яки́хъ зе́мляхъ и въ котро́мъ повіту.
А пре́дсяжъ (5) где есть Жидѝ — свої дворѝ ма́ютъ,
а Цига́не где день, где ночъ по світу туля́ютъ.
Якъ не міютъ домо́въ, щобъ и ща́стя не ма́ли,
а наоста́токъ жеби и дя́бли ихъ побра́ли!
И дай, Го́споди, аби́ то́е такъ ся імъ ста́ло,
ижъ би на віки тое́й нечистоти́ не ста́ло!

Эти послѣдніе стихи дышутъ фанатическимъ духомъ нетерпимости, столь общимъ тогдашней Украинѣ, еще непозабывшей кровавой борьбы съ иновѣрцами. Но Климентій одинаково строгъ и безпощаденъ ко всему, что́ противно *его* понятіямъ о добрѣ и злѣ. Онъ смягчается только передъ людьми знатными и богатыми, да передъ музыкантами и хмѣльны-

---

сполитымъ вопль и пререканія, а особливо отъ Запорожцовъ произносятся голоса, къ шатости склонные.« — Мазепа, въ своемъ мнѣніи, говоритъ: »То аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими народу есть тяжелоносна, какъ самымъ именемъ изъ давныхъ временъ (чаяти для того, что при Польской державѣ Жиды оною владѣли и многіе вымышленныя отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестія и хулы.« (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 5—6).

(1) Понеже. — (2) Чрезвычайные. — (3) Куда-нибудь. — (4) Вовсе.
(5) Однакожъ, при всемъ томъ.

ми напитками, которые хвалитъ безусловно. Впрочемъ, хваля музыку вообще, не любитъ козы или волынки и нападаетъ на дударей, какъ на людей богопротивныхъ. Еще сильнѣе вооружается онъ противъ *воду въ вино лію́щихъ и осо́бъ накле́пы творя́щихъ пію́щимъ*. Это впрочемъ понятно. Но не понимаемъ его гоненія на курителей и нюхателей табаку. Развѣ за то онъ ихъ преслѣдовалъ, что нѣкоторые шинкари *въ горі́лку, въ судна* табакъ *вовергаютъ*. Это — фактъ интересный (1). У него есть цѣлое стихотвореніе о табакѣ.

О таба́цѣ и о уживаю́щихъ ея.

Зла́я вплоди́лася речъ и всю́ди есть я́вна,
же ро́зний людъ заживае́тъ таба́ку зда́вна;
А ба́рзій въ Литві тое ве́льми недо́бре,
бо жо́нн и ді́ти ихъ заживаю́тъ до́бре.
И тутъ таки́хъ есть мно́го, же ея вживаю́тъ;
ті́е но́здрами паха́ютъ, а тне втяга́ютъ,
И, хто того́ навчи́вся, и лю́лькою тягну́тъ.
Потре́ба бъ доконе́чно одъ то́го повстягну́ть,
Бо въ немъ часть пеке́льного ди́му обрі́таетъ,
и хто тя́гнетъ, то изъ устъ того́ смрадъ изхожда́етъ.
И хочъ и вла́сті тя́гнутъ, една́къ не о́бель (2) то че́стно;
а нюхати найпа́че бри́дко и безче́стно,
Кгдижъ, тя́нучи димъ, прочъ вонъ изъ устъ випуща́етъ,
а нюхаючи па́че себе́ оскверня́етъ:
Же въ но́здрахъ та нечи́стость ему́ остае́тся,
съ чего́ ча́сомъ и не́мощъ лю́тая стае́тся;
Бо мозгъ въ голові его́ таба́ка зсуша́етъ,
же вла́сне (3) якъ швець ду́бомъ шку́ри пересипа́етъ.
И не слишитъ таба́чникъ зби́тний уха́нія,
а ні сма́ду, тежъ благоуха́нія.
Таки́му и свяще́нства осо́бъ возбраня́ютъ,
и святи́ти не вся́да такі́хъ позволя́ютъ;
Бо, хто но́сомъ не чу́етъ, не цілъ пробува́етъ,
вла́сне соста́ву собі якого не ма́етъ.

---

(1) Котляревскій упоминаетъ также о *тютюнковой горілкѣ*, въ описаніи каррикатурнаго рая:

Сиділи, ру́ки поскладавши,
Для нихъ все празники́ були́,
Люльки́ кури́ли полягавши,
Або́ горілочку пили́, —
Не тютюнко́ву и не пінну,
Но третьёпро́бну перегінну...

(*Енеида*, изд. 1808, стр. 138).

(2) Совсѣмъ. — (3) Словно.

А свящéнство міетъ той обúчай отъ вíка,
же трéбуетъ цíлого на то человíка.
Есть же и такíе, що úные и ядúтъ,
и тúе пáче Бóгу и святúмъ всíмъ брндáтъ.
А инúе въ горíлку въ сýдна воверга́ютъ.
и, на погúбель собí, людéй оскверня́ютъ.
Такúхъ би годúло бъ ся не тúлько кúемъ бить,
алé инóго хочъ би и изъ свíта згубúть.
Осóбно жъ úний навúкъ бардакóмъ (1) тягнýти,
презъ котóрий не еднóму пришлó смúслу збýти.
Инúе бо бардакóмъ такъ ся затяга́ютъ,
ажъ на́гле дýши свои въ той часъ извергáютъ
И самúхъ себé бíсу офíру (2) дава́ютъ,
якъ тúе, що зъ горíлки пъя́ние вмира́ютъ.
Тимъ обóімъ пекéльна бýдетъ нагорóда:
отъúметъ бо ся отъ нихъ отъ негó свобóда.
Намъ же по-христия́нськíй дай, Христé, умирáть
и, позбýвши всíхъ грíхóвъ, нéбо наслíдовáть.

Табакъ, ввергаемый въ сосуды съ горілкою, возбуждалъ тѣмъ сильнѣйшее негодованіе въ Климентіѣ, что ему было извѣстно, по опыту, другое злоупотребленіе, противоположное, по смыслу своему, этой коварной заправѣ, именно — подмѣсъ воды въ горілку. Изъ его стихотворенія по этому случаю мы выводимъ печальное заключеніе, что Евреи, удалясь изъ нашей Украины, оставили въ ней своихъ преемниковъ между христіянами, которые не уступали имъ въ фальшивой продажѣ вина (3). Какъ бы ни была совершенна сама по себѣ религія, которую исповѣдываетъ человѣкъ, она не спасаетъ его отъ низостей, если въ его нравы и обычаи не проникнула религіозность путемъ разумной проповѣди. Деспотизмъ гетманскаго правленія во времена Мазепы подавлялъ свободный протестъ противъ чиновныхъ покровителей неправды; вѣроученіе ограничивалось догматикою и утомляло слухъ мірянъ общими реторическими мѣстами. Духовные витіи грозили черни адскими муками, пируя вмѣстѣ съ вельможными особами, потакая ихъ неправеднымъ стяжаніямъ и вообще оставляя ихъ совѣсть въ покоѣ. Мазепа строилъ храмы за храмами, и въ то же время предавался необузданности страстей сво-

(1) Табакомъ. — (2) Жертву.

(3) Мазепа, въ 1692 году, писалъ въ своемъ универсалѣ: »Да и за то не меньше намъ приходитъ негодованіе на старшину, что и того не досматриваютъ, дабы въ арендахъ подмѣшеное и мѣрою умаленное не продавано было вино, которымъ образомъ нѣкоторые шинкари или шинкарки дерзаютъ безбоязненной въ черни чинить обманъ«, и пр. (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 9).

ихъ. Все въ Украинѣ шло на основаніи права сильнаго, и только путемъ хитрости и низкопоклонства можно было талантливому человѣку пробраться къ высшимъ должностямъ, чему живымъ примѣромъ былъ самъ гетманъ, добравшійся до булавы угодничествомъ, коварствомъ и подкупомъ. Не мудрено, что въ его правленіе Климентій набрелъ на слѣдующую тему для стихотворства:

О купцáхъ и о продавцáхъ фальшивихъ и о продающихъ винó и вóду въ вино (сирічь въ горілку) лію́щихъ и о осóбъ наклéпи творя́щихъ пію́щимъ для душегу́бныхъ имъ прибы́тковъ.

Отó вамъ тремъ персóнамъ тóе ся звіща́етъ,
же за тóе васъ всіхъ гнівъ Бóжий ожида́етъ,
Понéважъ то у винó вóду мішáете
и Бóгу кріпко, кріпко тимъ согрішáете. (1)

Климентій, въ качествѣ моралиста, считалъ долгомъ своимъ проповѣдывать воздержаніе отъ хмѣльныхъ напитковъ, такъ какъ съ неосторожно выпившими случаются разныя непріятности, но пьяницъ вообще увѣщаваетъ онъ снисходительно, а въ слѣдующемъ стихотвореніи сознается, что и самъ не былъ врагомъ Бахуса.

О крилошáнахъ, збы́тне (2) тру́нокъ горільчаний заживáющихъ и на у́треняхъ въ церквáхъ небивáющихъ.

Не ди́вно есть горілку крилошáномъ не въ часъ пи́ти,
але́ найдивнійшъ въ це́ркві утре́ні не пропусти́ти.
Бо за слу́жбу Бóжію не такъ ста́ршині кара́ютъ,
а за непритóмность у́треннюю не пропуща́ютъ.
Кгди жъ у́треню по́двигомъ вели́кимъ называ́ютъ,
а за литурги́ю, любъ большъ важнійша, пробача́ютъ.
Въ часъ слу́жби Бóжой не всякъ человікъ можетъ спа́ти,
а до у́трені, хочъ звонъ чу́етъ, не хóчетъ вста́ти.
Зачи́мъ у́тренний по́двигъ на світі есть дивнійшій,
а до слу́жби Бóжой южъ не та́ко чуднійшій.
А такъ, бра́тіе, до у́трень ся спішімо,
хочъ ча́сомъ, ложа́ся спа́ти, и горілки напімо.,
Бо трунко́вимъ лю́дямъ тру́дно и не випива́ти,
жеби на го́лосъ и на весе́лость здобува́ти.
И прибу́детъ охóти до всего́: писе́цъ сей самъ зна́етъ,
ижъ то такови́й оби́чай и собі ма́етъ.
И дай, Бóже, помірно ко́ждимъ заживáти,
да не бу́дутъ тебі и лю́дямъ проступáти.

---

(1) Въ рукописи не достаетъ въ этомъ мѣстѣ четырехъ листковъ.
(2) ло.

Еслибъ Климентій доучился до конца въ семинаріи, или принадлежалъ къ старшимъ монахамъ, онъ бы, въ своихъ поучительныхъ стихахъ, строго держался общимъ выраженій, сквозь которыя столь слабо пробивается дѣйствительность. Но тутъ онъ выражаетъ не искусственный, а натуральный взглядъ на свое званіе и на свое дѣло. Такъ разумѣли себя и свое ремесло многіе, если не всѣ его собратья, по тогдашнему состоянію вѣроученія, основаннаго на одной формѣ. Онъ простодушно называетъ классъ людей, къ которому принадлежитъ, *трунко́выми людьми*. По его мнѣнію, иначе и быть не возможно въ положеніи крылошанина. Подвигъ у него означаетъ не болѣе, какъ буквальное выполненіе дѣла, которое не имѣетъ, по его мнѣнію, никакой связи съ трезвою и благочестивою жизнію. Въ другомъ стихотвореніи онъ описываетъ приходскихъ причетниковъ, бросая тотъ же тупой и, можно сказать, хмѣльной взглядъ на ихъ дѣло. Исчисливъ трудности причетническаго дѣла при церкви, онъ говоритъ:

И тре́ба всіми жи́лами до́бре ся надува́ть,
жеби́ горта́нь моглъ гла́дко и го́лосно співа́ть.
Тре́ба жъ ча́сомъ для си́ли чимъ ся и посили́ть,
меновѝте, хочъ не въ часъ, горілки ся напи́ть,
А за гріхъ той Бо́гу ся помоли́ти,
жебъ онъ півце́въ свои́хъ (за не́мощъ) ра́чилъ (¹) прости́ти.

Наконецъ, отложа всякое житейское попеченіе, онъ воспѣлъ просто-напросто вакхическую пѣсню, озаглавивъ ее сице:

Вірши похва́льние люб'ячимъ пи́во пи́ти, или́ тежъ за едни́м заходомъ и всякъ тру́нокъ, кому́ не шко́дитъ, або́ не ва́дитъ.

Котри́й, мо́вятъ, человікъ до́бре випива́етъ,
те́ди тако́му панъ Богъ на пи́во дава́етъ.
Хоча́й-то и такъ пра́вятъ, же пи́во не ди́во,
е́днакъ до́бре, гди зтро́ха го́рло промочи́ло:
До люде́й виразнійше бу́детъ глаголáти,
и въ це́ркві на кри́ласі гла́дшей заспіва́ти.
Зачи́мъ, пано́ве, собі здоро́ви бува́йте,
а где ли ко́львекъ пива́, — до́бре потяга́йте.
А въ голові, здоро́вий, все не перебира́й,
да вшеля́кий напи́токъ за́ровно випива́й.
Бо въ жо́рна до́брше що вкинь, мо́вятъ, то зме́ле.
похвали́ и ти мене́ за то, че́стний хме́ле!
И су́ржикъ хто лю́битъ, — хлібъ зъ него́ ужива́етъ;
и прося́нинъ, овся́нинъ — все то кормъ быва́етъ;

(¹) Благоволилъ.

А хто едно́ що́ лю́битъ, того́ и держи́ся, —
хочъ штани́ заста́въ, иди́ у корчму́, напи́ся.
Ти́лько жъ про́шу — и штано́въ на-вікъ не покида́й:
сла́вная то оде́жа, — найскорійшъ викупля́й.
А на ме́не за сей віршъ, прошу́, не дивіть,
да, якъ бу́дете пи́ти, то й мене́ вспомяніть.

При всей нескладности и тупости своихъ стиховъ, Климентій характеризуетъ современное ему общество уже однимъ личнымъ взглядомъ своимъ на разныя явленія тогдашней жизни. Интересно у него описаніе сельскихъ бурсъ, называвшихся *школами*. Подъ именемъ школяровъ надобно разумѣть здѣсь не вольноприходящихъ учениковъ, а постоянныхъ обитателей школы, такъ называемыхъ *нищуновъ*, то есть безродныхъ и безпріютныхъ сиротъ, поступившихъ, такъ сказать, подъ опеку церкви. Подъ руководствомъ дьячковъ и пономарей, они не рѣдко отправлялись на фуражировку по дворамъ безпечныхъ поселянъ, почему и назывались *курохва́тами*. Школа была также пріютомъ для такихъ странниковъ, какъ самъ Климентій. Члены прихода видѣли въ ней нѣчто въ родѣ странноприимнаго дома и вмѣстѣ свободнаго училища при церкви; но испорченные бурсами дьячки и пономари обращали это благочестивое заведеніе въ притонъ праздности, пьянства и мародерства. Климентій, глядя на все это снисходительно, упустилъ изъ виду многія характеристическія черты старинной приходской школы и коснулся только воровства дровъ, да и то для того, чтобъ оправдать школяровъ, — вѣроятно, за ихъ гостепріимство.

О школярáхъ, дрóва крáдущихъ и о шкóлі.

Шкóла — церкóвний у́голъ. Такъ ся назива́етъ,
кгдижъ церкóвнихъ набожéнствъ дітéй научáетъ,
И що въ цéркві прáвятъ, то и въ шкóлі знайду́етъ,
а безчи́ний въ ней жáднихъ нігди не знайду́етъ.
Бо мóвятъ: *Шкóла всякимъ странні́мъ домъ есть вóльний*;
але́ еднáкже прáве онъ не своявóльний.
И причéтниками тежъ школя́ре ся имену́ютъ,
понéважъ цéркві святóй щи́ре услугу́ютъ.
А що часомъ вкрáдутъ дрóвъ, же не міютъ где взять:
міщáне и селя́не не хотя́тъ куповáть.
А знáю, же бъ тимъ ді́ломъ лю́де не згріши́ли,
ижъ би когдá на яки́й возóкъ ся зложи́ли.
Годи́ло бъ ся церкóвнимъ слу́гамъ то вчини́ти,
абó зъ дворá готóвихъ імъ не збороні́ти.
Могло́ бъ милости́нею и тóе ся назвáти,
а імъ би рáчилъ за то Богъ нагорожáти.

Прѝповість же въ школярóвъ: *Не вкравъ, алѐ достáвъ.*
А ти, Бóже, за дрóва гріхá імъ не постáвъ.
А по козáцькій, хочъ вкравъ, то мóвятъ, же добýвъ.
Кóждий, розумію, козáкъ о томъ слóві чувъ.
А ви, панóве, за сей вíршъ не подивіте,
и кто егó написáвъ, и того простіте.
Бо едéнъ бідний школя́ръ, прозвáниемъ Трясця,
где живъ и где бýдетъ жить, не мáть емý щáстя.
А хочáй онъ, въ свíті живучи́й, вельми ся страждáетъ,
только жъ, бідний и вéльми мизéрний, свою тóрбу въ скри́ню ховáетъ.

Четыре послѣдніе стиха, приписанные другими чернилами и менѣе старательнымъ почеркомъ, безъ сомнѣнія, относятся къ самому автору. Мы видимъ, что школярами онъ называетъ всѣхъ, живущихъ въ школѣ; а такъ какъ, по его словамъ, »школа всякимъ страннымъ домъ есть вольний«, то, вѣроятно, не ужившись въ монастырѣ, по своимъ довольно свободнымъ привычкамъ, онъ пріютился въ обществѣ мірскихъ »крылошанъ«, гдѣ ему не возбранялось »для силы чимъ ся и посилить«. Проще сказать — онъ, вѣроятно, возвратился къ первоначальному своему ремеслу и, пожалуй, занялъ мѣсто приходскаго дьячка въ школѣ. Догадку свою основываю на томъ, что такими же блѣдными чернилами и такимъ же скачущимъ почеркомъ приписано у него еще нѣсколько мѣстъ, отличающихся школярскимъ вольнодумствомъ. Такъ, напримѣръ, разсужденіе о священническомъ двоеженствѣ, противъ запрещенія котораго онъ возстаетъ съ энтузіазмомъ страдающаго человѣка; стихотвореніе въ пользу женщинъ, рождающихъ дѣтей вскорѣ послѣ брака, и другое стихотвореніе, оправдывающее дѣвицъ, сдѣлавшихся матерями. Эти два послѣднія стихотворенія отличаются саркастическою веселостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайной даже у самого Климентія свободой выраженій. При всемъ томъ это вовсе не сатира на порчу нравовъ, а увлеченіе страстнаго человѣка. Надобно замѣтить, что и въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ прежде, онъ часто обращается къ женщинамъ не слишкомъ строгой нравственности и только подшучиваетъ надъ ними, но не выражаетъ отвращенія къ ихъ продѣлкамъ. Не разъ, заведя рѣчь тономъ келейнаго философа, онъ переходитъ въ тонъ свѣтскаго балагура, а однажды договорился до такихъ стиховъ, что самъ ихъ перечеркнулъ Андреевымъ крестомъ. Словомъ, стихотворца Климентія надобно отнести къ разряду странствующихъ иноковъ, представленныхъ Пушкинымъ въ *Борисѣ Годуновѣ*. Въ разсужденіи своемъ о школярахъ и школѣ, онъ говоритъ, что въ школѣ никогда не бываетъ никакихъ безчинствъ и

что это домъ, чуждый всякихъ своевольствъ. Онъ не говорилъ бы этого, еслибъ не существовало въ тогдашемъ обществѣ противоположнаго понятія о школѣ. Замѣчаніе наше подтвердимъ его апологіями въ пользу лицъ духовнаго званія и вообще людей *письме́нныхъ*, въ которыхъ апологіяхъ онъ приводитъ слова и мысли, порожденныя въ мірянахъ безчинствами и злоупотребленіями его ученой братіи. Изъ стиховъ, которые мы тотчасъ приведемъ, видно, между прочимъ, что міряне стояли, въ Мазепино время, въ оппозиціи съ духовенствомъ. Несогласія происходили частію отъ взаимныхъ притязаній на поземельную собственность, такъ такъ монастыри и церкви не упускали случая увеличить свои владѣнія, во отпущеніе грѣховъ отходящимъ изъ сего міра, частію отъ контроля, которому ктиторы и прихожане старались подвергнуть церковные сборы, а частію и отъ неблаговиднаго поведенія многихъ лицъ духовнаго званія. Хотя Климентій безусловно защищаетъ свою братію, однакожъ намеки на испорченность ея нравовъ, сдѣланные имъ неумышленно, слишкомъ бросаются въ глаза современному читателю.

О чиня́щихъ па́кости монастира́мъ и церква́мъ,

Ка́менние, знать, сердца́ въ тихъ люде́й быва́ютъ,
котри́е монастиря́мъ па́кость сотворя́ютъ.
Лю́де на оби́телі свяги́е дава́ютъ,
а они́ гото́вое отъ нихъ отдаля́ютъ.
Него́дни таковы́е кти́тори похва́ли,
але́ досто́йни ти́е вся́кої несла́ви,
Же то Христия́нами себе́ называ́ютъ,
да, вла́сне басурма́не, церкви́ разграбля́ютъ.
Не хо́чемъ ми кти́торей таки́хъ міти,
лечъ жебъ съ прислу́гами ихъ не было́ на світі.
— —
Але́ о́вшемъ па́костить уже́ переста́ньте,
а благотвори́ть церква́мъ и оби́телемъ ста́ньте.
А хочъ на монастирі ніщо не дава́йте,
то припа́мній (1) гото́вихъ рече́й не отнима́йте...

О ху́лячихъ чинъ духо́вний.

И той человікъ ве́льми зле поступова́етъ,
котри́й на чинъ ду́ховний хулу́ наноша́етъ.
— —

(1) По крайней мѣрѣ.

А и́ний зли́е слова́ о духо́вныхъ гово́ритъ,
и мно́гіе чудеса́ неподо́бно тво́ритъ (1).
И аби́ не пости́гло зло тихъ чудотво́рцовъ,
же ху́лятъ свящє́нниковъ, своіхъ боломо́льцовъ.
Уже́ жъ хочъ отъ сего́ дня въ ша́йности іхъ мійте,
и слу́шати іхъ слове́съ и въ любви́ міть хтійте...

О невіла́сахъ (2), *укоря́ющихъ тихъ люде́й, котри́е Писа́ніемъ Свяmи́мъ викла́даютъ что поле́зное на по́льзу ихъ, а они (неразсу́дние го́лови) злосло́вятъ и ненави́дятъ тихъ трудда́телей, на до́брие діла́ писа́ніемъ нау́ча́ющихъ и спасе́нія імъ жела́ющихъ.*

Зна́йте и разумійте таковы́е лю́де,
что́ вамъ за ти́е ре́чи въ послідній день бу́де.
Прошу́ васъ, наста́вниковъ свои́хъ не хуліте,
але повину́йтесь и Бо́га (за нихъ) моліте...

О писа́ніи свято́мъ и о уча́щихся его́.

— —

И хто Писа́ніе Свято́е зневажа́етъ,
таки́й ве́льми Го́споду Бо́гу согрі́ша́етъ.
Бо и́ний мо́вить, же зъ письме́нныхъ все зло быва́етъ;
неха́й за его́ лга́ніе на его́ обраща́етъ,
И обрати́тся, же сліпъ дерза́етъ вождо́въ хули́ти;
бу́детъ бо пе́вне его́ Бо́гъ за то́е суди́ти.
Изно́ву жъ мо́вятъ: »Презъ письме́нныхъ западе́тся світь.«
Щобъ той самъ запа́лся! а того́ и по сей часъ нітъ.
— —

Замѣчательно, что вообще между *письме́нными и неписьменными* существовалъ тогда разладъ. Грамотѣи смотрѣли съ-высока на неграмотныхъ и казались сами себѣ чѣмъ-то облагороженнымъ. Неграмотные, напротивъ, потеряли вѣру въ книжный народъ и дошли до убѣжденія, что міръ погибнетъ черезъ *письме́нныхъ*. А вотъ стихи Климентія о *неписьменныхъ*.

Яко та́кожъ тре́звому изъ пья́нимъ обита́ть,
та́ко и письме́нному изъ про́стимъ пробува́ть;
Бо въ про́стого мужика́ про́стий есть оби́чай,
а въ письме́нного особни́й, полити́чний зви́чай.
Зачи́мъ переста́нте, простаки́, письмо́ блюзни́ти,
би́сте ся не могли́ въ про́пасть вічну потопи́ти...

---

(1) Намекъ на знахарей, которые, обладая сравнительно высшимъ умомъ между мірянами, естественно сильнѣе другихъ порицали недостатки людей духовнаго званія.

(2) О людяхъ непросвѣщенныхъ, язычникахъ.

Видно, однакожъ, что этотъ *політичний звичай* клонился не къ тому, чтобы, съ помощію грамоты, распространять добро между людьми темными: иначе — простой мужикъ, въ простотѣ своего обычая, не возвышалъ бы голоса противъ грамотѣевъ и не упрекалъ бы ихъ въ беззаконіяхъ. Печальное понятіе даетъ простодушный стихотворецъ Климентій о временахъ Мазепы. Литовскій статутъ былъ позабытъ военными администраторами и оставляемъ безъ вниманія людьми сильными. Развитая Мазепою, въ подражаніе Польшѣ и Петровой Россіи, канцелярская наука была сѣтями, въ которыя опасно было попасть человѣку простоватому или безпомощному. Самая грамотность, павшая въ народѣ въ теченіе *великой руины*, или войнъ, затѣянныхъ Хмельницкимъ и долго свирѣпствовавшихъ по его смерти въ Украинѣ, начала возрождаться въ приходскихъ школахъ и бурсахъ въ антинародномъ направленіи. Въ старину народъ учился для того, чтобы противостать католикамъ и уніатамъ,— для того, чтобы крѣпко стоять въ своемъ вѣроученіи противъ иновѣрческихъ толкованій. Со временъ Мазепы, или съ возрожденія школъ, опустошенныхъ и унесенныхъ Богъ знаетъ куда войнами, ни у духовенства, ни у мірянъ не было уже могущественнаго побужденія къ преуспѣянію въ познаніи истины, какъ ее понимали въ XVII вѣкѣ. Покушенія на порабощеніе Риму священства и прихожанъ не существовали болѣе въ предѣлахъ гетманской Украины. Поэтому явилось новое побужденіе къ грамотности, котораго, конечно, не исключалъ и періодъ уніи, но которое тогда подчинялись другимъ, болѣе сильнымъ порывамъ, — именно побужденіе выдти въ люди. Выдти въ люди значило тогда, какъ и теперь значитъ, возвыситься надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ. Желаніе, по видимому, невинное; но, при упадкѣ въ то время гражданственности, которая развилась было до значительной степени въ Украинѣ прежде *великой руины*, при упадкѣ также промысловъ и торговыхъ оборотовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, лица, овладѣвшіе искусствомъ писанія и вышедшіе въ люди, естественно должны были проявить свою дѣятельность не въ чемъ иномъ, какъ только въ кляузахъ, въ обманахъ и притѣсненіяхъ неграмотной простосердечной части населенія. Возвысясь надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ, грамотѣи, къ какому бы званію они ни принадлежали, стремились увеличить средства своего существованія. Для этого они угодничествовали передъ высшими, интриговали съ равными, тѣснили низшихъ и угнетали при всякомъ удобномъ случаѣ слабыхъ. А такъ какъ слабыхъ и безпомощныхъ была сравнительно огромная масса въ Украинѣ, то имъ больше всѣхъ, имъ скорѣе

всѣхъ и доставалось отъ грамотѣевъ, вышедшихъ въ люди изъ ихъ толпы. Поэтому-то народъ не благоволилъ къ *письме́ннымъ*, видя отъ нихъ одни посягательства на свой достатокъ. Еслибы тогдашнее духовенство, управлявшее просвѣщеніемъ народнымъ, отъ высшихъ до низшихъ школъ, поняло свое призваніе и направило грамотность къ умственной свободѣ темныхъ людей, и вслѣдствіе того къ сознанію и сохраненію личныхъ правъ своихъ,—изъ гетманской Украины вышло бы совсѣмъ не то, что́ вышло. Но вътомъ и дѣло, что, послѣ *великой руины*, оказался страшный упадокъ высшихъ школъ, которыя давали приходамъ священниковъ. Типографіи, заведенныя даже въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ, изчезли безъ слѣда. Кіевская лавра одна производила издѣлія книгопечатанія для всей Гетманщины, ограничиваясь одними церковными книгами. Средневѣковая схоластика, пересаженная на Русскую почву, сдѣлалась послѣ *руины* еще тупѣе, нежели была во времена Петра Могилы. Семинаристовъ, въ новозаведенныхъ семинаріяхъ, не учили, а мучили, и выходили изъ нихъ люди, слишкомъ далекіе отъ того, чтобы понимать, что значитъ народъ и каково ихъ назначеніе относительно народа. Стихотворецъ Климентій, будучи іеромонахомъ и, вѣроятно, прежде того попомъ приходскимъ, очень наивно говоритъ, что *письме́нному* толковать съ *непи́сьменнымъ* все равно, что трезвому съ пьянымъ. Грамотность и семинарское образованіе, по его убѣжденію, нужны собственно для попа; отношенія же его къ народу и значеніе его въ кругу мірянъ онъ опредѣляетъ слѣдующими словами:

И кгди́ бъ не свяще́нники, и церкве́й би не било́,
не билъ би зако́нъ, але́ беззако́ніе бъ било́;
Бо зако́нного бра́ку не мо́щно бъ составля́ти,
поне́важъ бы не било́ кому́ шлюбовъ дая́ти;
Также христія́нами не могли́ бъ ся называ́ть,
кгди бъ рожда́емыхъ дѣте́й нікому било́ креща́ть.

По этому видно, что для тогдашняго духовенства средство сдѣлалось цѣлью, а истинная цѣль христіянства скрылась отъ него за облаками догматики и общихъ, потерявшихъ свою силу и значеніе, выраженій о спасеніи души, о царствѣ небесномъ, о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ за гробомъ, и т. п. Чѣмъ чаще были на устахъ у поповъ эти выраженія, тѣмъ слабѣе и слабѣе дѣйствовали они на душу прихожанъ, и особенно, когда обѣщалъ царство небесное тотъ, кто своими дѣлами показывалъ, что не заботится о немъ, или грозилъ загробными мученіями проповѣдникъ, по видимому нисколько ихъ небоявшійся. Мнѣ рѣдко слу-

чалось читать акты временъ Мазепы, которые большею частію истреблены пожарами въ Батуринѣ и въ другихъ городахъ во время Шведской войны; но вотъ нѣсколько фактовъ изъ архива Н. А. Маркевича, относящихся ко временамъ близкимъ къ гетманству Мазепы. Они покажутъ слишкомъ ясно отношенія, въ которыя поставило себя гетманское духовенство съ мірянами, по уничтоженіи уніи, ненавистной той и другой сторонѣ.

Въ гетманство Скоропадскаго, архимандритъ Густынскаго монастыря, Гавріилъ Леопольскій, жаловался въ генеральную канцелярію, что судья Ягельницкій записалъ въ козаки двухъ посполитыхъ (простыхъ поселянъ) монастырскихъ, не объявивъ о томъ монастырю. Монахъ-управляющій, не зная о томъ, потребовалъ ихъ на работу. Ихъ домашніе побѣжали въ судъ, а оттуда съ поручикомъ Невскаго полка — въ Заудаевскій монастырскій дворъ, вломились въ домъ, вышибли окна, монаховъ, тамъ спящихъ, избили палками, плетьми и кулаками, вырвали имъ волоса и бороды. Эконома въ одной рубахѣ вели пять верстъ, потомъ положили на возъ, привезли въ Прилуку и держали на дворѣ до разсвѣта, привязавъ къ колесу.

Такое почти невѣроятное ожесточеніе противъ монашествующей братіи объясняется слѣдующими фактами:

Какой-то Петро́ Пасичникъ жаловался гетману Скоропадскому, что монахи схватили его и посадили въ тюрьму за то, что былъ кѣмъ-то украденъ въ ихъ пасикѣ одинъ улей пчелъ. Этого не довольно, »але ще й сина мого, хлопця, черезъ тижнівъ три розками бито, всякого дня даючи по сто розокъ, допрошуючи, чи не скаже того злодійства на своего батька.«

Въ 1728 году войсковой канцеляристъ Лисаневичъ жаловался гетману, что архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, Иродіонъ, послалъ 60 человѣкъ дьяковъ, пономарей, поваровъ, слугъ и конюховъ загородить ему ото всѣхъ улицъ проѣздъ. Они напали на него, стащили съ коня, сорвали саблю, потащили въ »катедру« и посадили на три недѣли подъ стражу. При этомъ его ограбили: взяли пару коней, сбрую и оружіе.

Въ 1730 году, ота́маны сотни Иванпольской (или Янпольской) жаловались гетману въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »Черницы Новгородскіе (т. е. новгородъ-сѣверскіе), якъ прежде за козацство наше смертнымъ боемъ бывали, отъ якого иные и померли, и со всими нашими пожитками розорували, такъ и теперъ вышеупомянутые чернцы, дочувшися, що,

якъ диды и отцы наши въ разныхъ походахъ службу козачую одбувалы, и мы похотили такожъ служыть, напалы ночью, иныхъ повязавши козаковъ, были безъ пощады, отправывшы въ монастырь Новгородскій въ турму; а быдло, кони, товаръ рогатый, овци, свыни со всимъ нащадкомъ до монастыра свого отобралы. Того рады всепокорственно просымо, дабы чернцы болшъ насъ не мучылы«. Тутъ же приложенъ реестръ монастырскихъ селъ, въ которыхъ монахи записали козаковъ въ подданство.

Въ 1734 году Андрей и братъ его Яковъ Полуботки жаловались князю Шаховскому на архіепископа Иродіона, что онъ послалъ монаха-конюшаго, а другого монаха-старца съ двумя-стами школьниковъ, съ дубьемъ, цѣпами и возами, на домъ Полуботковъ. Орда выломала ворота; ворвалась на дворъ, людей хватала, колотила, вязала; оторвала замки, вышибла стекла въ окнахъ и всѣ пожитки дочиста увезла къ Иродіону. На запросъ князя Шаховского, Иродіонъ отвѣчалъ, что будто бы вступился за дѣтей Якова Полуботка, противъ распоряженій ихъ отца; но неизвѣстно, возвратилъ ли пожитки. Извѣстно только, что фамилія Полуботковъ обѣднѣла и что фамильный каменный домъ ихъ, на который сдѣланъ набѣгъ, принадлежитъ нынѣ Черниговской семинаріи.

Въ 1737 году, Прилуцкіе судья и писарь доносили князю Θ. Ив. Борятинскому, что іеромонахъ Густынскаго монастыря Логвинъ и монахъ Харлинскій, по приказу игумена Гавріила Леопольскаго, схватили, по какому-то подозрѣнію, какого-то Карпенка изъ дому его въ Ольшанѣ, привезли въ монастырь и начали »по самой сорочки бить шелепами, т. е. плетьми товстыми, гораздо, такъ що и кровъ крузъ сорочку показовалася, и оный Карпенко тамъ же въ монастыри, по томъ бою, и умре.«

Не удивительно послѣ этого, что міряне, по словамъ стихотворца Климентія, дерзали хулить своихъ *вождовъ*. Въ 1732 году коропской сотникъ Химчичъ былъ отлученъ отъ церкви и судимъ за то, что сказалъ: »Я самому Богу не вѣрую, а не то вамъ, попамъ.« А въ 1727 году, на второй день свѣтлаго праздника, трое прихожанъ (не помню какой церкви), съ родными и женами, вошли въ церковь и ругали священника, который боялся выдти изъ алтаря. Въ наше время подобные факты невозможны, и по нимъ можно судить, каково было духовенство оплакиваемой многими Гетманщины, когда школьникамъ въ семинаріяхъ преподавались такіе уроки, какъ набѣгъ, подъ предводительствомъ монаховъ, среди бѣла дня, какъ произвольныя истязанія и убійства посреди мона-

стырей. Что́ дѣлали до великой руины іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ руины усвоими себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ. Не напрасно отаманы Янпольской сотни, жалуясь на монаховъ въ 1730 году, вспоминали, что монахи и *прежде за козацство смертнымъ боемъ бивали ихъ.* Монастыри, разжегши въ козакахъ вражду къ католикамъ и уніатамъ, первые воспротивились возстанію простонародья, изъ опасенія лишиться обычныхъ доходовъ съ земель своихъ, и просили Хмельницкаго запретить монастырскимъ подданнымъ вступать въ козачество. Хмельницкій, дорожа отзывами монаховъ, пожертвовалъ для нихъ вовсе для него неопасными посполитыми, и это была первая изъ его уступокъ, которыя, какъ извѣстно, окончились тѣмъ, что козаки отреклись отъ своихъ соучастниковъ въ побѣдахъ надъ шляхтою. Въ *Актахъ, къ Западной Россіи относящихся* (т. V, стр. 85) напечатанъ слѣдующій весьма важный универсалъ 1648 года декабря 28:

»Всѣмъ вообще и каждому зособно подданнымъ монастыра Печерского, до инокинь того монастыра въ селѣ Подгорцахъ належачымъ, и новымъ козакомъ, симъ листомъ моимъ гетманьскимъ ознаймуемъ и владзою нашою гетманьскою сурово напоминаемъ, абысте, яко вы, подданные, такъ и тые, которые съ охоты своее, подъ тотъ часъ въ козачество не хотячи, до того монастыра работы и повинности отправляти удалися, честной законницѣ, госпожѣ Магдалинѣ Бѣлецкой, игуменьѣ Кіево-Печерской, и всѣмъ сестрамъ о Христѣ того жъ монастыра послушны были, и повинности и работы всякіе отправляли, постерегаючися на себе войсковаго каранья. Бо мы со всимъ войскомъ не хочемъ отъ монастыровъ, особливо отъ убогихъ законницъ, подданныхъ отыймовати. Дастъ Богъ на услугу войсковую охочихъ и безъ людей церковныхъ. А васъ и повторнѣ напоминаемъ, абысте вы вси, которые въ Подгорцахъ знайдуетеся, законницамъ Печерскимъ по старому послушенство отдавали. А если росказанью и листу нашому хто изъ васъ спротивится, таковый, яко войсковый непріятель и зневажачъ листу нашого, горломъ караный будетъ.«

Заботясь больше всего о своихъ доходахъ, монастыри у каждаго гетмана выпрашивали себѣ новые универсалы и подтвержденія старыхъ, и крѣпко держали за руки приписныхъ къ своимъ землямъ поселянъ. Въ библіотекѣ Черниговской семинаріи хранятся *Листы Лазаря Барановича,* изъ которыхъ видно, какъ этотъ хитрый человѣкъ ласкался поочередно ко всѣмъ козацкимъ предводителямъ, отъ Сомка до Самойлови-

ча, и кого вчера считалъ злодѣемъ, сегодня превозносилъ похвалами, и наоборотъ, смотря потому, какъ служило этимъ честолюбцамъ счастье. Ни политическихъ, ни соціальныхъ убѣжденій большинство старинныхъ украинскихъ монаховъ не имѣло; о спасеніи душъ христіянскихъ заботилось на словахъ, а всей душой работало для собственной корысти, или для удовлетворенія тщеславія. Лучшіе изъ нихъ, передовые люди ихъ корпораціи, въ своихъ сношеніяхъ съ властями только и говорятъ, что о *маетностяхъ* да о доходахъ. Ни у одного не видно самоотверженія въ пользу труждающихся и обремененныхъ; никто не подвизался безкорыстно для просвѣщенія своего края. Заводимыя ими школы были не что иное, какъ фабрики, въ которыхъ, за извѣстную плату и подарки, выдѣлывали грамотѣевъ. Если же и воспитывались въ этихъ школахъ gratis дѣти убогихъ родителей, то испрашивали сами себѣ пропитаніе у горожанъ, какъ объ этомъ очень трогательно разсказываетъ Шафонскій (1), или живились такъ, какъ описано въ стихахъ Климентія. Главное вниманіе монастырей, или ихъ настоятелей, сосредоточено было на маетностяхъ и подданныхъ. Въ окружномъ посланіи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, 1706 года, сказано, что, по установленію гетмана Мазепы, запрещено было »тяглымъ переходити въ козаки, такожде и козакамъ въ тяглые.« Но, какъ подданные катедральные, села Ястребщины, »пошли самоволне, безъ всякія вины, въ козаки«, то онъ счелъ себя въ правѣ, въ качествѣ архипастыря, сдѣлать слѣдующее распоряженіе: »За таково ихъ самовольство, *отчуждаются* они зъ домами своими *Божія благословенія, общенія Христіанского и входу церковнаго*. Кто зъ нихъ или въ домахъ ихъ, умретъ—*не хоронити*; буди имъ безъ обыклаго пѣнія церковнаго погребеніе. Кто народится въ домахъ ихъ — *не крестити*. Кто бы ихъ пріялъ въ свой

(1) *Черниговскаго Намѣстничества Топографичсское Описаніе*, стр. 35: ».... не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и козачія дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя школы идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневныя пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ, и терпя голодъ и холодъ, и всякую скудость и нужду, охотно и прилежно учатся....« Далѣе, стр. 283: »(въ бурсу) отъ архіерея давали дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа. Однако сія дача столь мала, что еслибы не было народнаго подаянія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распустятъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ бурсѣ, или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ окошками, духовныя пѣсни поютъ и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаяніе получаютъ.... Нѣкоторые жители, сверхъ сего дневнаго подаянія, снабдѣваютъ ихъ одѣяніемъ.«

дворъ, съ ними пріобщался и до нихъ пошолъ — тому жъ неблагословенію подлежати будетъ.« (1) Я сказалъ и повторяю опять свои слова, выведенныя изъ обличительныхъ документовъ: »Что́ дѣлали до *великой руины* іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ *руины* усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ.« Обуздала ихъ только Екатерина II, отобравъ у нихъ въ казну населенныя имѣнія. Во времена Мазепы, неистовства стяжательной братіи были въ полномъ разгарѣ. Мазепѣ, какъ и Хмельницкому, надобно было ладить съ духовенствомъ, для удержанія своей власти надъ народомъ. Онъ строилъ церкви; онъ закрѣпостилъ монастырямъ тяглыхъ, запретивъ имъ освобождаться посредствомъ вступленія въ козаки; онъ угождалъ духовному чину, елико было возможно. Еслибы онъ былъ, по успѣху своего замысла, вторымъ Хмельницкимъ, ему бы архіереи сочиняли силлабическія оды; но, какъ его постигла неудача, то они торжественно предали его проклятію. Стихотворецъ Климентій смотрѣлъ, какъ всѣ, на переходъ простыхъ земледѣльцевъ въ козаки и, вѣроятно, въ видахъ монастырскаго увѣщанія, помѣстилъ въ своей книгѣ сатиру на мужиковъ, которымъ онъ отъ всего сердца желалъ оставаться неизмѣнно мужиками. Эта сатира — родная сестра его стихотворенію о переходѣ подсосѣдковъ съ однихъ земель на другія. Тамъ и здѣсь онъ угождаетъ сильнымъ міра сего, которыми въ то время были паны и монахи.

О упи́сующихся въ козаки́ дурни́хъ мужика́хъ и зно́ву випи́суватися хотя́щихъ.

То́жесь, дурни́й мужи́ку, ба́рзе неува́жний,
же ти́лько безче́стишъ чинъ коза́цький пова́жний.
Зася́глесь того́ чи́ну, але́ погоржа́ешъ:
не би́вши въ во́йску, южъ ви́ступить гада́ешъ.
Ніхто́ тя випи́сувати, нітъ, не приневоля́лъ,
але́ самъ ся зъ до́брой волі есте́сь випса́лъ;
А не хочъ съ козака́ми у во́йско завита́ть,
я́кось не хотілъ предъ тимъ тя́глости отбува́ть.
Пре́то бере́зовимъ пірóмъ випи́сувать тя тре́ба,
и худо́бу, кгди ма́ешъ, на ра́тушъ взять потре́ба,

(1) Этотъ драгоцѣнный документъ сообщенъ мнѣ, вмѣстѣ со многими другими, ревностнымъ собирателемъ старинныхъ украинскихъ актовъ Н. М. Лизерскимъ, который собственноручно скопировалъ для себя такъ называемую *Книгу копіальную царскихъ Грамотъ и Универсаловъ гетманскихъ*, хранящуюся въ библіотекѣ Черниговской семинаріи, подъ № 35. Въ этой копіальной книгѣ окружное посланіе архіепископа Максимовича помѣщено на листахъ 121 и 122.

Абй еси, яковó козáцство, памятáлъ
и дрýгимъ мужикáмъ такъ чинйти заказáлъ.
Отó жъ, кгдись не втопйлся напрóдъ где у вóду,
приймй жъ козáцкую, Хорбáцѣ, нагорóду,
Бись не запóмнілъ тоéй рéчи ажъ до смéрти,
пóкуль ся обвісишъ, чи тежъ сýдится вмéрти.

Ненавистью и презрѣніемъ дышутъ эти стихи. Католическій и уніатскій попъ временъ *руины* не могъ бы обращаться къ простолюдину съ бóльшимъ ожесточеніемъ. Польское владычество, основанное на пожертвованіи многочисленнѣйшимъ классомъ народа въ пользу малочисленнаго, положило неизгладимую печать на всѣхъ Украинцахъ, которые имѣли притязаніе на какое-либо первенство. Внѣшнее дѣйствіе заразы устранено было кровопролитною борьбою, но внутри она осталась глубоко и продолжала дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что народъ не видѣлъ, въ чемъ, какъ и даже отъ чего искать ему спасенія. Чтобы докончить образъ тогдашняго монаха, представляю рядъ выписокъ изъ книги стихотворца Климентія.

О волочáщихся черницáхъ и черни́цахъ, по мíстáхъ, по шкóлахъ и по корчéмныхъ дворáхъ.

Мнóгіе волоцюги зъ гультáйства бивáютъ,
осóбно черніці и черни́ці такожъ ся пробігаютъ.
Не хотя́тъ въ монастирéхъ послушáній міти
и, вéдлугъ (1) своéго спасенія, терпіти,
Да повíется ини́й къ бíсу по своій вóлі,
шукáючи, на зги́бель собі, своявóлі.
А своявóля дóбра, да не пожитéчна,
зъ котóроі ся раждáетъ зги́бель доконéчна,
А особли́ве тежъ черница́ и черни́цю она́ погубля́етъ,
а світского также, вімъ, не направля́етъ.

— —

Да туда́ жъ и чернéць и́ний вандрóвний шаліетъ
И людéй до згоршéпя свіцкихъ привождáетъ.

— —

Такóму не потрéба ми́лостиню давáть,
але́ всюда́ гóдно есть кия́ми частовáть.

Слово *кия́ми* написано прописными буквами. По видимому, это языкъ строгаго анахорета. Но у Климентія строгость идетъ объ руку с поползновеніемъ ко грѣху, который онъ совѣтуетъ совершать какъ мож

(1) По, сообразно съ чѣмъ.

но болѣе тайно, вовсе не упоминая о внутреннемъ судѣ совѣсти и все отстрочивая на послѣднюю, загробную расправу, какъ видно, по пословицѣ: *семь бьдъ, а одинъ отвьтъ.*

Кто бо захóчетъ чáсомъ что-кóльвекъ згрішúти,
дóлженъ пúлно одъ людскúхъ очéй хоронúти;
Бо мóвятъ: »Хочъ вíдаютъ, да нехáй не вúдятъ«, —
и такъ грішникомъ лю́де не бáрзо обрúдятъ.
Публúчний бо гріхъ душі тяжчáйший бивáетъ,
и Богъ за публúчний гріхъ горшъ прáве карáетъ.
И что схóчешъ сотворúть велúка и мáла,
утрúсь и запрúсь, жебъ сичъ и сова́ не знáла.
И співáютъ засъ: »Хмúзомъ, нúзомъ пудъ вербáми«,
жебú жáдние лю́де нігди не узнáли.

Развратнѣе этой морали едва ли можно гдѣ-либо высидѣть. Она убиваетъ самыя главныя побужденія, которыми душа человѣческая двигается къ совершенству. Іезуиты охотно приняли бы почтеннѣйшаго отца Климентій въ свой орденъ. Если онъ и проповѣдуетъ что-нибудь доброе, не вѣрьте ему: это дѣлается у него механически; это его ремесло, а не призваніе. За такую проповѣдь люди его хвалятъ и награждаютъ. Но еслибы другіе люди хвалили и награждали за противоположное, то онъ готовъ былъ бы служить имъ и въ обратномъ направленіи. Это монахъ того закала, что и знаменитый Мелетій Смотрицкій, который ораторствовалъ сперва въ пользу, а потомъ противъ православія, и въ послѣдней своей роли превзошелъ самъ себя.

Продолжаю выписки *о волочáщихся чернцáхъ.*

И бýдетъ úний чернéцъ чрезъ весь вíкъ ся волочúть,
а трафлúется тому́ въ шкóлі ся и скончúть,
Абó де нáгле лýснетъ у корчéмномъ дому́;
то ужé и не знáти, щó чинúти тому́.
Мóжетъ нерозсýдной той шинкáрці напúти,
а що горшъ — и комéдій якúхъ начинúти (¹).
— —
Не хóчетъ у монастирý той жительствовáти
и стáршому и брáтіи ся повиновáти,
Да, злий рабъ, я́ко гультáй, зáвше волóчится,
а въ монастирý нігдé ему́ жить не хóчется,
Бúлеби по городáхъ лю́дямъ óчи порóвъ.
Бодáй тúлько егó катъ самóго испорóвъ!
— —
Бо, напрóдъ згинéння, онъ монастирі осуждáетъ,
же мóвитъ: »Жáдний менé игýменъ не приймáетъ.

(¹) Сирѣчь, по предмету безбрачія иноческаго.

Му́шу ся волочи́ти по тое́й невóлі.«
А то лжетъ, би́ле бъ ему́ нашаліться довóлі.
И зась бре́шетъ, же мóвитъ: »Нігдé мя не приймáютъ.«
Бива́етъ то и пра́вда, же нецнóти (1) его́ зна́ютъ.
— —
Бо що отъ ши́беницъ котри́е втіка́ютъ,
и ти́е въ монастиря́хъ ча́сомъ ся свобожда́ютъ.
— —
Есть же то пра́вда, якъ не едно́й ма́тери дíти:
и́ний хочъ странствуетъ, да ста́токъ бу́детъ міти.
Не по́йдетъ такови́й где въ корчму́ почова́ти,
але́ до свяще́нника мóжетъ ся впроха́ти,
Або́ хочъ и до про́стихъ та́кже люде́й че́стнихъ,
а не до корче́мнихъ котри́хъ домóвъ безче́стнихъ.
— —
И азъ, пи́шущій се, тожъ не́гдись провандрова́лся,
любъ въ дале́кіе краі, да зле не блука́лся,
И впять беззазóрно сталъ въ монасти́рь поспіша́ть,
и въ немъ по да́вному, зъ ла́ски Бóжой и ста́ршихъ, пребува́ть.

Эти стихи писаны на 40-мъ листкѣ, и все, что́ имъ предшествуетъ, наполнено большею частію благочестивыми общими мѣстами; но далѣе въ рукописи авторъ поразгулялся и часто отъ строгой морали переходитъ не точію къ разрѣшенію вина и елея, но и къ потворству нѣкоторымъ инымъ поползновеніямъ. На листкѣ 61-мъ, онъ говоритъ, что его обуреваетъ *четверочисленная скорбь человѣческая*: грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе. Судя по характеру его жизни, выразившемуся во всей книгѣ, надобно понимать это такимъ образомъ: что онъ часто страдалъ отъ раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, потомъ мучился немощью воздержаться отъ новыхъ, а какъ видно, что въ монастырѣ ему ужиться было трудно, при его страстной натурѣ и, по всей вѣроятности, при невоздержаніи въ словахъ, то его естественно постигала нищета и вслѣдъ за тѣмъ — озлобленіе. О раздражительности его отъ непріятныхъ столкновеній съ дѣйствительностію можно судить по двумъ филиппикамъ противъ собакъ, которые надоѣдали ему во время странствованій въ нищетѣ и производили въ немъ озлобленіе паче монастырскаго.

Слово 1-ое о псахъ, або́ тежъ о соба́кахъ, и о люде́хъ, люба́щихъ ихъ и ве́льми въ нихъ ся коха́ющихъ и въ тихъ бе́стіяхъ нечи́стихъ ажъ ду́ши свои полага́ющихъ.

Хто въ псахъ коха́ется, самъ ему́ ся равня́етъ (2):
жа́денъ невозлюби́вший ихъ то́е призна́етъ.

(1) Проказы, дурныя дѣла.
(2) Это писано уже на листкѣ 148.

И не то́кмо таково́й псо́ві есть подо́бенъ,
алé Ля́ху той, або́ дéмону подо́бенъ;
Кгдижъ дéмони, въ постáсі (1) псовъ, къ святи́мъ хождáше,
котри́е ихъ люби́ли прéжде, тихъ прельщáше
Зіло; стужáющимъ імъ пáкости творя́ху
и вся помишлéнія злáя наношáху.
Тимъ вірнимъ не досто́итъ тіхъ бéстій люби́ти,
но добро́ бъ, гди бъ мо́щно и зъ світа скорени́ти.
А что инъ стражáми псовъ себі назывáетъ,
лечъ (2) не вість бідний, ижъ въ томъ вельми́ ся омиля́етъ,
Почитáющи пса пáче само́го Бо́га.
Ахъ, не чиніте того́! прошу́ васъ для Бо́га.
Же и лáску Бо́жію той прочъ отгоня́етъ,
понéважъ всякъ за злихъ псовъ его́ проклинáетъ.
А такъ гріхъ есть въ бéстіі збúтне (3) ся кохáти
и въ ней надію, бу́дто въ Бо́зі, полагáти.
— —
Бу́дутъ бо изъ Арме́ни ти́е часть имíти, —
не то́кмо они́ сами́, алé іхъ и дíти....

Сло́во 2-е о псахъ и о людéхъ, не любя́щихъ псовъ и недержáщихъ іхъ.

Благословéнъ есть той домъ назáвше отъ Бо́га
и отъ людéй бивáетъ похвáла премно́га, —
А и́менно той, котри́й въ сéбе псовъ не мáетъ;
того́ безпрестáнно самъ Богъ благословля́етъ.
А за что́ жъ, повідь ми, Богъ благословля́етъ?
за то, же всякъ человíкъ его́ похваля́етъ.
А где въ котро́мъ дому́ пси въ ко́го пробуваю́тъ,
того́ тамъ вшеля́кие лю́де проклинáютъ:
»Бодáй вамъ«, мо́вятъ, »зъ псáми нігди не било́ добрá,
же не мо́щно промину́ть безъ пáлици двора́!«
Бо пси и потайни́е чáсомъ въ ко́го буваю́тъ,
и — щобъ дя́бли побрáли ихъ — людéй кусáютъ,
И ини́е пáкости на свíті людямъ твóрятъ,
понéважъ въ розмáитихъ речáхъ ини́хъ шкóдятъ,
Яко-то: зъ вóза въ ко́го гдé-що виволокáютъ,
а въ огорбдахъ грядкú зъ сівбóю потоптáютъ.
И для то́го бъ псовъ всегдá не трéба держáти,
же бъ благословéнства Бо́жого не прогоня́ти....

Продолжаемъ выписки о монашеской жизни, въ которыхъ всего важнѣе взглядъ автора на монастырь.

О вступу́ючихъ зъ роско́шей світови́хъ людéй богáтихъ во убо́гое и нищетное житіе и́ноческое, жебъ не скорбíли и не кáя-

(1) Во образѣ. — (2) Но. — (3) Слишкомъ.

лися напо́тимъ, не призапа́сивши зъ потре́бу свою́ имінія, си́річъ веще́й: и яде́нія, и питія́, и гро́шей наипа́че; гдижъ и во и́ноціхъ безъ имінія тру́дно и ве́льми ну́дно, па́че же пре́жде бога́тство иму́щимъ.

Здае́тся, же пробу́детъ ні івши, ні пи́вши
бога́тий, въ черне́цькое житіе́ вступи́вши,
И здае́тся, же бу́детъ нічо́го не тре́ба;
разсмо́трится напо́тимъ, ажъ всего́ потре́ба!
Бо гдижъ мно́го такови́хъ бога́тихъ бива́етъ,
же и́ний всю худо́бу въ монасти́рь дава́етъ.
Ему́ ся ви́дитъ — бу́детъ и тогда́ ко́нтентъ міть;
ажъ зза дубо́вихъ двере́й не бу́детъ и видіть.
А хоча́й две́ри бу́дутъ и не дубо́вие, —
не бу́дутъ раство́ренни тожъ и сосно́вие.
Изъ рукъ бідний небора́къ бу́детъ южъ глядіти,
и не бу́детъ того́, що́ пре́жде имілъ, міти.
Зачи́мъ бога́тий напро́дъ постерега́йся
и, гди хочъ, въ черне́чество здоро́въ постригáйся.

О чернца́хъ и охо́тящихся въ черне́чество.

Зъ да́внихъ ча́совъ світови́й людъ то повіда́етъ,
же ніко́го черне́чая ри́за не спаса́етъ.
И въ чернца́хъ, е́сли та́кже изхо́четъ гріши́ти.
то дай, Бо́же, жеби́ душі не згуби́ти.
И білая ри́за та́кожъ не погубля́етъ,
е́жели хто до́брия діла отправля́етъ
Ти́лько то на ко́ждий гріхъ поку́та бива́етъ;
а не тре́ба ея́, хто не согріша́етъ.
А що зась въ черне́цкомъ ткне́тся тежъ зако́ну,
о котро́мъ не свідомо свіцкому всяко́му;
Бо гдибъ відалъ, что́ ему́ въ чернца́хъ бу́детъ случа́ть,
нігди бъ пудъ прися́гою не хотілъ постригáть,
И, навяза́вши бъ на ся ка́мень, въ во́ду втопи́лъ,
не́жели бъ на вічную скорбъ въ черне́цство вступилъ.
Бо пра́вда то, же въ чернца́хъ вічная нево́ля,
а свіцкимъ во всіхъ реча́хъ соверше́нна во́ля.
И свіцькимъ здае́тця той чинъ за хлібъ пшени́чний,
а постри́гшись, позна́вши, далъ бы и за жи́тний,
А поне́важъ свіцкий господа́ръ во всемъ дово́ленъ
въ свое́мъ до́бромъ, а черне́ць южъ ні въ чомъ не во́ленъ.
И черне́цство не ти́лько млади́хъ въ чинъ свой вво́дитъ,
але́ ча́сомъ му́дрихъ и стари́хъ въ той заво́дитъ.
Пре́то, всі світови́е лю́де, ка́йтесь на насъ (1):

(1) Т. е. глядя на наше положеніе, берегитесь, чтобъ не очутиться въ немъ. Выраженіе народное. Въ пѣснѣ, соблазненная и обманутая дѣвушка говоритъ:

Ой хто у бору́,
Чу́йте новину́;
А хто у селі,
Ка́йтесь на мені.

прошу́ якъ найпоко́рній о томъ ді́лі всіхъ васъ.

— —

Пи́шетъ же о томъ чи́ну совершёнъ дознáвецъ
и надъ всіхъ въ немъ страда́льцевъ бідні́йший страда́лецъ.

— —

Сміючи мо́вить, же хочъ хто бувъ своявóльникъ,
а якъ вступитъ въ чернёцство, то будетъ невóльникъ.
И зъ басурмáнскихъ невóль свобóдни биваютъ,
а зъ чернёцства до смéртий не освобожáютъ.
Ти́лько жъ, гди хóчетъ, нехáй здравъ въ чинъ той вступáетъ:
охóчого не внять, — Богъ нехáй помагáетъ.
Я о томъ ді́лі ему́ не перебиваю,
лечъ, ви́дячи воздéржность его́, поражáю.
А невоздéржныхъ могу́ отъ то́го впиня́ти
и, якъ мóщно, до то́го ихъ не допущáти....

О глаго́лющихъ, я́ко повідае: и́нокомъ нетрéбі жáдныхъ мíти стяжáній.

Би́ло нéгдись черницáмъ ні що́ не надóбно,
а тепéръ все потрéба тáкожде подóбно,
Бо и черницéві тáкже хóчется що міти;
хочáй то и не жона́ въ него́ и не діти,
Еднáкъ и черницу́ встúдно гóлому ходúти,
ти́лько, якъ нітъ нічóго, мусітъ хочъ проси́ти;
Бо черицóвъ гóлихъ зову́тъ опиняками большъ,
або́ и нецнотли́вими, — то ещé и найгóршъ.
Мóвятъ, же не дáрмо той нічóго не мáетъ;
а бідному нігде взять, — онъ того́ не знáетъ;
Кгдижъ въ монастиря́хъ не вéльми чáсто даваютъ
одéжу; а запáсние ли́шней не мáютъ.
Убóгие чернці хочъ бóльшей и працу́ютъ,
ти́лько жъ вбóгихъ и тамъ не бáрзо шану́ютъ,
А мáючихъ, якъ и вмреть, лу́чшей поминáютъ;
а ни́щетнихъ въ скóрий часъ и запоминáютъ.
И якъ свіцкимъ не добро́ на сві́ті голишáмъ,
такъ же то и черницáмъ сиротáмъ, побідашáмъ.
И гóлихъ и пришéльцовъ чáсомъ не приймáютъ;
хочъ би и ремéсникъ бувъ, прочъ висилáютъ.
Итакъ, ми́лий Бóже, всімъ убóгимъ не добро́,
а котри́й мнóго всего́ міетъ, тому́ добро́.
И блажéнъ и преблажéнъ той въ тепéрешний вікъ,
хто міетъ чего-кóльвекъ довóльно человікъ.
(Бо и въ лéкціяхъ пи́шутъ: »Хто богáтъ, тóй всімъ братъ;
а хто нічóго не мáетъ, того́ ніхто́ не знáетъ«)....

За этимъ слѣдуетъ характеризующее монастырскую жизнь заглавіе: *О иноцíхъ* (*насъ южъ*) *послíдніхъ* (т. е. омонастырской черни), *терпя́щихъ безви́нно и повúнно премнóгія зілó напáсті и скóрби, и*

гоне́нія, и оклсвета́нія и нависті, и вся́ческиі озлобле́нія. Но стихотвореніе на эту тему состоитъ изъ общихъ мѣстъ, нестоющихъ выписки.

О безже́нномъ житіі и́ноческомъ.

Свобо́дъ и́нокъ отъ жени́ и дітей, повіда́етъ,
е́днакъ ну́жда, же свое́й господи́ні не ма́етъ;
А хочъ и всего́ та́кже и́ний мо́жетъ міть,
а въ той ре́чи едно́ то му́сітъ терпіть.
А що мо́вятъ: »Не жоні и не дітямъ збира́ти«;
а е́слиби мівъ жону́, та́кожъ би моглъ зправля́ти.
Але́ жени́тись зако́нъ той не повеліва́етъ,
ти́лько безъ помо́щниці самъ-е́динъ пребива́етъ.
Міючий жону́, той ся и въ скорбе́хъ утіша́етъ,
а чернца́ бідного Богъ ти́лько неха́й утішаетъ.

Слѣдующіе стихи даютъ понятіе о томъ, какъ тогдашній монахъ понималъ уединеніе. Братія его были просто человѣконенавидцы, такъ что, лишь только собиралось ихъ нѣсколько человѣкъ, тотчасъ обнаруживалась вся сухость ихъ душъ и, вслѣдствіе того, антипатія другъ къ другу, на мѣсто того, что́ испытываютъ люди, ясно понимающіе даръ Божій — жизнь. Мы ищемъ общества себѣ подобныхъ, и лучшіе свои часы проводимъ въ симпатичныхъ къ нему отношеніяхъ. Климентій и его братія, напротивъ, сойдясь въ одну келью, не могли не царапать по сердцу другъ друга, и потомъ предавались уединенію, для исцѣленія ранъ своихъ. Онъ говоритъ:

Ко́ждий и́нокъ возмо́жетъ то́е ціле призна́ти,
же наеди́ні не такъ ско́рбно пребива́ти;
А где въ ке́ліи собо́ръ вели́кий пробува́етъ,
тамъ не́нависть и вражда́ ча́сто ся украда́етъ.

Даже вдвоемъ не могъ тогдашній монахъ ужиться въ кельѣ, потому что, по понятіямъ Климентія, иноческая жизнь требовала тайны, а сожитель —

Бу́детъ, вімъ, друго́го во всемъ осужда́ти,
и ло́жно зли́ми діли того́ обноша́ти,
И за́вше въ не́нависті бу́детъ его́ міти,
и отнюдъ непра́ведно тожъ ненавидіти.

Размышленіямъ и воспоминаніямъ о женщинахъ посвятилъ Климентій 43 стихотворенія, что́ мы относимъ также къ условію его иноческаго быта. Мысль его безпрестанно обращалась къ запретному плоду, и какъ онъ ни

старался возвышаться надъ грѣховными поползновеніями, но слишкомъ часто увлекался воображеніемъ въ противоположную сторону. Самыя нападки и обличенія его проникнуты разженною мечтою о томъ, на что́ человѣкъ иного быта смотритъ спокойно и нравственно. Вообще, онъ о женщинахъ думалъ низко и считалъ ихъ недостойными грамотности. Мечты его о другомъ полѣ оскорбительны даже для насъ, мужчинъ. Мѣры же къ исправленію нравственности замужнихъ женщинъ онъ предлагаетъ самыя варварскія. Въ сорока трехъ стихотвореніяхъ его, посвященныхъ слабѣйшей половинѣ человѣческаго рода, нѣтъ никакой мягкости и ничего подобнаго поэзіи, которою дышутъ народныя наши пѣсни. Онъ представляетъ женщину исчадіемъ діавола и богохульствуетъ самымъ возмутительнымъ образомъ, желая играть роль возвышеннаго надъ міромъ моралиста. Подобныя выходки не новы между его отпавшею отъ жизни братіею. Мы приведемъ только тѣ мѣста изъ его стихотвореній, которыя характеризуютъ собственно его личность.

Да́рмо, ся видитъ, женскъ полъ звикъ письма́ учи́ти:
могла́ бъ це́рковъ и безъ нихъ письма́ обходити.
Бо то́кмо муже́мъ далъ Богъ небезпотре́бно,
а імъ—здае́тця, я́коби и непотре́бно.
Жена́ письме́нна му́жемъ про́стимъ погоржа́етъ
и, якъ простака́, ціле того́ внівеча́етъ.
Овшемъ бо пра́ве же́намъ письмо́ неприли́чно,
ти́лько оно менщи́знамъ потре́бно и сли́чно;
А же́намъ, якъ пя́того ко́леса, такъ тре́ба,
а муже́мъ вся́кимъ всю́да на все то потре́ба.

Въ одномъ стихотвореніи Климентій говоритъ, что женщинъ на свѣтѣ вдвое больше, нежели мужчинъ, —

Една́къ надъ жена́ми Богъ далъ муже́мъ верхъ міти,
а імъ не далъ му́жескихъ рече́й розуміти.

Судя по совѣтамъ, какіе онъ даетъ мужьямъ касательно обращенія съ женами, можно было бы подумать, что женщины временъ Мазепы были вообще самой дурной нравственности. Но, на нашъ взглядъ, стихотворецъ характеризуетъ тутъ свою собственную натуру, исполненную подозрительности и лукавства.

Подоба́етъ такови́й вчини́ти совітъ намъ,
же нігди не дая́ти ні въ чемъ віри жена́мъ;
Жена́мъ бо за́вше ла́тво такъ кля́тву сполни́ти,
якъ пра́гнучому ча́сомъ води́ ся напи́ти.
Пре́то, аще би мо́щно, звізди зъ не́ба бра́ла,
або тежъ предъ собо́ю зе́млю поида́ла,

То уже́ да не бу́детъ о́нимъ віра да́нна,
хочъ би и прекра́сная она била́ па́нна.
— —
И а́ще би и ма́ти, е́днакъ та́я жъ жена́,
и презъ ма́теръ бива́етъ скорбъ и гріху вина́.

Какая разница въ воззрѣніи народа на мать! Пѣсня о правдѣ и неправдѣ говоритъ:

Нема́ въ світі пра́вди, тілько рідная ма́ти.

Другая пѣсня возводитъ высокое понятіе о матери почти до боготворенія:

Ма́ти на́ша, ма́ти!
Де жъ намъ тебе́ взя́ти?
Хиба́ тебе́, ма́ти,
Да намалюва́ти....
Намалю́ю ма́тіръ
На божничку́ въ ха́ті.
На божничо́къ гля́ну —
Ма́тіръ испомя́ну;
Наза́дъ оберну́ся —
Слёза́ми залію́ся.

И вообще народъ высоко ставитъ въ жизни мать, почему и въ пѣсняхъ называетъ ее *пора́дницею*, или *пора́донькою вірною*. Только такой человѣкъ, какъ Климентій, изсушивъ душу въ отчужденьи отъ всѣхъ живительныхъ связей съ обществомъ человѣческимъ, могъ дофилософствоваться до такого нечестиваго взгляда на мать. Вслѣдъ за тѣмъ онъ избираетъ темою своихъ размышленій неплодіе женъ и говоритъ:

Повіждь мні, чему́ же́ни мно́ги есть непло́дни,
лю́бо то и отъ мужёй своихъ не свобо́дни?

Размышленіе объ этомъ доставляетъ ему, такъ сказать, келейное удовольствіе, и можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ онъ написалъ: *отъ мужей своихъ несвободны*... Въ самыхъ, по видимому, благочестивыхъ его размышленьяхъ высказывается воображеніе нечистое, и похвалы его женской непорочности дышутъ тайнымъ развратомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *о вдовственныхъ женáхъ*:

Живу́щия въ чи́стості че́стния вдови́ци
обря́щутся предъ Бо́гомъ, якъ чи́стия дівіци,
И судилъ бихъ надъ дівицъ ихъ честнійшихъ па́че,
звла́ща здра́вихъ и ю́нихъ, то есть млади́хъ найпа́че.
Дівн бо пло́тскихъ гріхо́въ себі не позна́ли,
а они́ и позна́вши, чи́стость заховали.

И не ди́вно безъ то́го стари́мъ вдо́вамъ жи́ти,
а млади́мъ, тру́дно, мо́вятъ, безъ то́го прожи́ти.

Далѣе онъ размышляетъ *о прельщеніяхъ же́нскихъ и о му́жескихъ пристрастіяхъ до женъ, звла́ща до чу́ждихъ*, и, пересыпая свою рѣчь готовымъ запасомъ ходячихъ душеспасительныхъ фразъ, изображаетъ неумышленно самого себя въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто бо бива́етъ до нихъ стра́стію побіжде́нъ,
той не ско́ро впять бу́детъ отъ тоя́ свобожде́нъ,
Бо изъ ума́ не бу́детъ то ему́ сходи́ти,
аби́ прельсти́вшися моглъ въ тихъ гріха́хъ пожи́ти.

Но тутъ по крайней мѣрѣ мечты затворника-стихотворца прикрыты назидательнымъ тономъ; а потомъ у него идетъ стихотвореніе, рѣзко обличающее дѣйствительный строй его помысловъ.

О терпе́ніи же́нстімъ, ка́ко въ зимі студе́ностей не боя́тся, когда во вре́мя лю́тихъ мра́зовъ на ріка́хъ ху́сти перу́тъ.

Подо́бно, пеке́льная горя́чость въ же́нскомъ ті́лі:
до́знанна о томъ пра́вда въ люде́й сами́ми діли.
А котри́е жъ, повіждь мні, лю́де того́ дозна́ли?
Ти́е, котри́е себі били́ же́ни поя́ли.
А кромъ поня́тія ність ли мо́щно того́ дозна́ти?
Не увість непоня́вшій. Дай, Боже, и не зна́ти.
А котри́й хочъ позна́етъ, той зіло́ согріша́етъ;
вели́кая бовімъ въ томъ ді́лі та́йна бива́етъ.
А что жъ то есть за та́йна? не бива́етъ ли явна?
Бо безже́ннихъ за то кара́ютъ зда́вна.
А яки́е жъ за ту́ю речъ ка́рности бива́ютъ?
Ти́е, же ча́сомъ за то здоро́въя умаля́ютъ.
О, поне́важъ такъ, и мні тре́ба жену́ поя́ти,
жеби́ моглъ невозбра́нно тое́й та́йни дозна́ти.
И Бо́же тебі свою́ жону́ поня́ть поможи́,
и чада побо́жния отъ нея́ вамъ умножи́.

Неловкое увлеченіе свое *пекельною горячностью* женщинъ Климентій вымѣщаетъ на женщинахъ же ругательствами.

И баба зъ хло́пцемъ и бісъ въ е́дномъ цеху́ хо́дитъ,
поне́важъ зъ тихъ трехъ персо́нъ все зло́е похо́дитъ.

Потомъ дѣлается совершенно нравственнымъ стихотворцемъ и пишетъ:

О жена́хъ въ корче́мницахъ въ гра́діхъ, а найпаче где въ поля́хъ въ корче́мнихъ гости́нницахъ блу́дно живу́щихъ...

Еще выше становится нашъ моралистъ, когда начинаетъ предлагать мужьямъ душеспасительныя средства къ спокойной и, пожалуй, счастливой супружеской жизни.

Щастли́въ той, хто жені злой ся не поддава́етъ,
и що, якъ бе́стіі, по ре́брахъ ча́сто дава́етъ.
— —
Бо ліпшъ, мо́вятъ, желізо у воді вари́ти,
не́же, псю́ю личи́ну, жену́ злу учи́ти.
Уже́ человікъ бідний тако́й не изу́читъ, —
Ра́зві самъ дия́волъ, гди зъ душе́ю розлу́читъ.

Все участіе, къ какому способенъ Климентій, отдаетъ онъ сторонѣ болѣе сильной, то есть самовластно карающему мужу. Онъ обѣщаетъ ему, за претерпѣніе словъ и поступковъ ожесточенной имъ жены, царство небесное и наказываетъ ему колотить ее ежедневно. Вотъ его собственныя слова:

А тепе́ръ, человіче, му́сішъ бі́ду́ терпіти
и до сме́рти зъ тако́ю не бу́дешъ добра́ міти:
И самъ тя нехай Госпо́дь ра́читъ свободи́ти,
а жену́ твою́ злу́ю зъ світа скорени́ти.
Ти же восхощи́ тое отъ ней пострада́ти
за поку́ту, — и бу́дешъ въ не́бі царствова́ти.
Едка́къ жені свое́й злой ні въ чемъ не хили́ся,
и ко́ждий день ки́емъ па́рить не лини́ся;
А такъ пе́вне одъ Бо́га прии́меш нагоро́ду,
и полу́чишъ отъ му́ки вічной себі свобо́ду.

Вотъ мораль, высиженная въ удаленіи отъ міра! Вотъ выводъ изъ перечитанныхъ стократно книгъ закона! Не къ такимъ ли людямъ относятся слова благаго Учителя: *вожди слѣпые!* Въ украинской народной поэзіи старыя поколѣнія завѣщали новымъ иныя нравственныя убѣжденія, но это именно потому, что учители, подобные Клименті́ю, захватили въ кругъ своихъ нечистыхъ чаръ далеко не всю массу населенія родного края. Еслибы однородная съ его виршами литература проникала всюду такъ, какъ проникаетъ пѣсня,— Украинскій народъ былъ бы сухой фанатикъ и темный изувѣръ, Украинскій народъ былъ бы низкій матеріалистъ, прикрытый маскою безчувственнаго святошества. Такимъ именно является чуждый народнаго духа и вкуса стихотворецъ, находящій непонятное для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, удовольствіе перемѣшивать дидактику съ цинизмомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи: *О жена́хъ близня́та рожда́ющихъ, си́річъ по дво́е дітей:*

Гдибъ котра́я въ годъ по дво́е рожда́ла,
такóй била́ бъ отъ всѧкихъ козакóвъ похва́ла,
А хочъ би по единóму, абй кóждого рóку,
ижъ би ся запа́сила на тóе знарóку.

Въ другомъ стихотвореніи: *о оспа́лихъ людéхъ, которие вéльми твéрдо и мнóго надъ мíру и не чýтко спятъ, кохáючися збúтне въ сну велúкомъ*, казалось бы, »виршопúсъ« долженъ держаться въ области чистаго умозрѣнія и разсуждать о вредѣ излишняго сна для тѣла и для души; но нечистое воображеніе тотчасъ рисуетъ, къ его услугамъ, соблазнительную картину:

А пудъ часъ тежъ и жонú той не встерегáетъ,
котóрая житиéмъ своймъ ошукúваетъ,
Гдижъ мóжетъ ся таковúхъ женъ мнóго знайдовáть,
змежъ котóрихъ инáя ждетъ, абй мужъ легъ спать,
А самá о зломъ дíлі въ той часъ промишлúетъ,
и мýжеві своéму вíри не схраняетъ.

Зато ужъ безукоризненна мораль слѣдующихъ стиховъ:

Въ монастирý чýлости и тебé бъ навчéнно,
ꙗко би тя чимъ-кóльвекъ удóвжъ процвічéнно;
Бо хто въ монастирý ýтреню засипляетъ,
той пудъ часъ и покáранъ знемнóго бивáетъ.

Нравственность, поддерживаемая такими мѣрами, конечно должна приводить къ результатамъ, выразившимися столь осязательно въ стихахъ многострадальнаго Климентія, который не можетъ себѣ представить цѣломудренную женщину иначе, какъ подъ строгимъ надзоромъ. Кромѣ страха физической кары, онъ не предполагаетъ въ женской душѣ другихъ, болѣе могущественныхъ охранъ чистой нравственности. Въ стихахъ своихъ онъ не смѣетъ обвинить поголовно всѣхъ женщинъ, предоставленныхъ самимъ себѣ въ отсутствіе мужей; но предположеніе возможности женскаго свободнаго цѣломудрія является въ его стихахъ въ видѣ реторической фигуры, посредствомъ которой онъ, не безъ пріятнаго осклабленія, садится на своего любимаго конька, какъ напримѣръ, въ стихотвореніи: *о жéнахъ мýжнихъ и бóлшей въ домáхъ свóйхъ безъ мужéй прóбувáющихъ*.

Я воображаю себѣ фигуру стихотворца-анахорета временъ Мазепы, странствующую по богатымъ весямъ и градамъ, пирогами обильнымъ, подъ гнетомъ *четверочисленной скорби*, яже есть: *грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе*. Я воображаю, какъ онъ обходитъ окольными улицами дворы съ псами, которыхъ отъ всей души не терпитъ уже по

одному тому, что, при ихъ посредствѣ, невозможно дѣлать назиданія даже и такой женѣ, которая *ждетъ, абй мужъ легль спать;* какъ онъ днемъ читаетъ въ корчемныхъ домахъ ту или другую часть своей книги, смотря по тому, какого сорта люди его слушаютъ; какъ во время уединенныхъ прогулокъ по пустыннымъ берегамъ рѣчекъ или прудовъ, дѣлаетъ онъ наблюденія надъ *терпѣніемъ женстимъ* и предполагаетъ въ женскомъ тѣлѣ *пекéльную горя́чость*, а вечеркомъ пробирается куда нибудь *ни́зомъ, хми́зомъ, попідъ вéрбами.* Все это онъ обдѣлываетъ отлично. Ему ли не быть мастеромъ своего дѣла, когда онъ такъ убѣдительно написалъ наставленіе своимъ преемникамъ: »Когда пожелаешь иногда сдѣлать какой-нибудь грѣхъ, то старайся всѣми мѣрами укрыть его отъ людскихъ глазъ. Большое или малое сдѣлаешь прегрѣшеніе, *утри́сь и запри́сь, жебъ сичъ и сова́ не зна́ла!*« Такъ онъ писалъ, такъ, вѣроятно, поступалъ и самъ. А чтобъ отвратить и самое предположеніе въ мірянахъ, что онъ способенъ къ какимъ-нибудь шашнямъ, онъ преподаетъ имъ самыя строгія правила, дышащія безчувственною жестокостью и приговариваетъ:

Истинную пра́ву я тобі повіда́ю,
бомъ на світі вся́кіе ре́чи та́кже зна́ю....

Сознаніе собственной опытности даетъ его рѣчахъ тонъ автократическій. Онъ, по всей справедливости, называетъ глупцомъ того, кто его слушаетъ; онъ пріобрѣлъ полное на то право:

Пе́вне, бу́детъ кріпко Богъ того́ кара́ти,
же злой жени́, якъ шка́пи, не вміетъ (на узді) держа́ти.
Ото́жъ тобі, глупа́че, нау́ку дава́ю:
а́бись ре́бра круши́лъ злой жоні, пораżáю.

Далѣе онъ вселяетъ въ слушателя собственную подозрительность и обрекаетъ его на вѣчныя опасенія за свою жизнь:

А ежели пора́ду мою́ занеха́ешъ,
не мине́тся вели́ка біда́, — самъ дозна́ешъ;
Бо на здоро́вье твое́ жона́ твоя́ ваты́етъ
и — чего́ не зна́ешъ — смерть тобі готы́етъ:
Пи́ти и істи тобі потра́ви дава́етъ,
а ча́сомъ и трути́зну тобі жъ зготовля́етъ.
А такъ, окая́нниче, самъ напро́дъ не ку́шай, —
неха́й жона́ пъетъ першъ и ястъ, — мене слу́шай.
А гди бъ сама́ напере́дъ ску́шати не міла,
то горшко́мъ або́ ки́емъ косни́сь еі тіла;
Або́ цу́ркою скрути́ ей ру́ки и но́ги,
жеби́ не перелізла и черезъ два поро́ги;

Або́, звяза́вши, посади́ къ гаря́чой пе́чи,
щобъ припекли́ся о́нуй шата́нскіе пле́чи.

Вотъ семейная инквизиція, до которой трудно додуматься человѣку, живущему въ кругу семьи и на которую не способенъ рѣшиться тотъ, кто находится подъ вліяніемъ образа мыслей родныхъ и сосѣдей, живущихъ семействами.

Одно изъ его стихотвореній, ничтожное по содержанію, носитъ заглавіе, характеризующее національныя убѣжденія Украинцевъ временъ Мазепы, — именно: *О иновірной еди́ной персо́ні ме́жду му́жемъ и женою, то есть (наприкладъ) кіди быва́етъ ча́сомъ мужъ Ляхъ, а жена́ благочести́вая, або́ жена́ неблагочести́вая, а мужъ благочести́вий, а хоча́й и обо́е благочести́вие, да не е́днихъ люде́й, си́річъ: мужъ бу́детъ Моска́ль, або́ Литви́нъ, або Бо́йко, або Ци́ганъ, или́ тежъ зъ Жи́да пере́христъ; или́ зась жона́ такови́хъ люде́й, а онъ правди́вий Русна́къ, Коза́къ, Украйне́цъ поро́ди Малороссі́йской.*

Изъ самого стихотворенія сто́итъ привести только слѣдующее мѣсто:

Тое́ жъ есть, гди не е́днихъ и люде́й поро́ди:
не міютъ и таки́і межъ собо́ю згоди;
Же то вла́сне порося́ зъ во́вкомъ пробува́етъ,
а жа́лости и ско́рби що-день прибавля́етъ.
Зачи́мъ-то подоба́етъ люде́мъ христія́нскимъ
не міть при́чти къ ду́шамъ инопо́роднимъ и пога́нскимъ.

Достойно также вниманія, что, по словамъ Климентія, браки въ старинной Украинѣ заключались раньше нынѣшняго. Онъ говоритъ, что нѣкоторые родители —

. . . безвре́менно за́мужъ дава́ютъ дівѝци:
въ еднадеся́тихъ лі́техъ отроковѝци.
А въ двана́десяти лі́тъ сино́въ оженя́ютъ.
— —
А то, вімъ, въ Литві мали́хъ же́нятъ, зле справу́ютъ,
що несми́сленнимъ дітямъ світ ти́лько завязу́ютъ.
Въ шестна́дцатихъ лі́тъ слу́шно младе́нца жени́ти,
а дівѝцю въ трина́дцать, — и́накъ не чини́ти.
И таки́хъ ещé бъ вво́дить въ той чинъ не подоба́ло,
да на и́ний часъ до лі́тъ слу́шнихъ откла́дало;
А слу́шность лі́тъ — въ два́дцать рокъ оженѝти сы́на,
отъ кото́раго мо́жетъ бить въ рокъ и дити́на;
А дщеръ присто́йно за́мужъ въ 15 лі́тъ дава́ти,
то мо́жна речъ — до ро́ку и ма́теръю ста́ти.

Мы представили хариктеристическія мѣста изъ всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ такъ или иначе женщинамъ и наполненныхъ, какъ обыкновенно водится у подобныхъ авторовъ, безцвѣтными пошлостями. Остается еще два, и они стóятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь цѣликомъ. Они исполнены пьянаго комизма, въ который вдается необузданно человѣкъ, долго стѣснявшійся насильственною ролью. Въ нихъ Климентій является, такъ сказать, безъ клобука и рясы.

О женáхъ, раждáющихъ дiти въ скóрий часъ по приняттю шлюбномъ и по брáцi въ кiлько днiй минýвшихъ, а не въ рокъ.

Козáцкий звúчай тúе-то дiвúцi мáютъ,
що зáразъ по весiллю и дiти рожáютъ;
Бо на свiтi такъ мóвятъ: »Козáцкому рóду
мáло когдá, абó тежъ немáшъ перевóду.«
И дóбре чúнятъ, же то зъ запáсомъ прихóдятъ,
запáси бо жáдною мiрою не шкóдятъ.
Где ещé дéвять мiсяцъ на тóе труждáти,
а тó лiпшъ въ скóрий часъ приплóдокъ оглядáти.
И хто-кóльвекъ межъ людьмú тóе похваляéтъ,
котóрий где чоловiкъ робóту поспiшáетъ.
Зачúмъ здорóви собi живiть и пробувáйте,
и безъ лiности въ ночъ и въ день въ томъ ся труждáйте.

О дiвúцахъ, дiтi рождáющихъ.

Не трéба таковúхъ дiвъ кáрностю каráти,
що старáются въ вóйско людéй примножáти;
Бо, я́ко здáвна людéй войскáмъ булó трéба,
а тепéръ, въ нáшомъ вiкý, найпáче потрéба;
Гдижъ немнóгое вóйско малý сúлу мáетъ,
а велúкое внiвечъ мéншихъ обращáетъ.
Зачúмъ би то слýшна речъ тóе похваля́ти;
атó невóльно своró дóброго давáти.
Онú бiдние вóйску такъ щúро прия́ютъ,
а другúi невúнно за то зневажáютъ.
Прéто нехáй кáранни тúi то бивáютъ,
котрúi дiтéй своúхъ дýрно погубля́ютъ.
Еднáкъ же онú держáтъ звúчай той козáцкий;
хочъ дóбре, хочъ не дóбре, все то по козáцкiй.
А ви, дiвкú, за тóе менé похваліте,
да квáрту и другýю горiлки купіте;
Бо я сéе написáвъ, вамъ то на похвáлу,
а при васъ и козакáмъ-друзя́мъ чиню́ слáву.

До сихъ поръ вниманіе наше было сосредоточено главнѣйшимъ образомъ на личности автора, въ которой выразился болѣе или менѣе весь

классъ людей, къ которому онъ принадлежалъ. Далѣе мы прослѣдимъ его рукопись по состояніямъ и ремесламъ, то есть выпишемъ все, чего нельзя назвать общими мѣстами, заливающими всю книгу и дѣлающими чтеніе ея крайне утомительнымъ. Но, разставаясь съ личностью Климентія, какова бъ она ни была, укажемъ признаки, по которымъ мы относимъ его твореніе ко временамъ Мазепы.

Во-первыхъ: на листкѣ 272, онъ говоритъ, что зналъ вь Каневѣ попа-двоеженца, которому Ясинскій благословилъ служить безпрепятственно; а Варлаамъ Ясинскій былъ митрополитомъ Кіевскимъ съ 1690 по 1707 годъ. Вотъ и самые стихи, въ которыхъ объ этомъ говорится. Они писаны блѣдными чернилами и, вѣроятно, по смерти Ясинскаго; иначе — онъ придалъ бы ему титульное имя.

О попа́дяхъ, за́мужъ иду́чихъ по смертехъ попо́въ свои́хъ.

И той ре́чи мо́жемъ ми ве́льми задиви́ти,
же нево́льно въ дру́гий разъ попа́мъ ся жени́ти.
Хто той зако́нъ взакони́лъ, ми не зна́емъ,
ти́лько тому́ ся кріпко, кріпко удивля́емъ.
За свяще́нника-вдовца́ отвітъ сотвори́ти
мо́жетъ тотъ, кто зако́нъ сей дерзну́лъ положи́ти.
Кгди попъ-вдове́цъ въ гріхъ блу́дний упаде́тся,
ажъ и зако́нъ да́вшему ко́нче не мине́тся.
— —
Бода́й би онъ изъ свои́мъ зако́номъ и не сни́лся,
же, неразсу́дний, Христу́-Спа́су спротиви́лся!
Азъ, віршопи́съ, ви́ділемъ двоже́нца проще́нна
и до слу́жебъ Бо́жихъ ціле припуще́нна.
Въ Ка́неві оте́цъ Андре́й, въ четверопресто́льнихъ
патріархъ би́вшій (1), прине́слъ пате́нтъ верхо́внихъ
Зъ Іерусали́ма, зъ Александри́і и Антиохи́і
и Константинагра́да пи́сьма неплохи́і;
И, ве́длугъ письмъ, Яси́нский служи́ть благослови́лъ
и жа́дною річию ні въ чемъ не спротиви́лъ....

Во-вторыхъ: на листкѣ 273, весьма нетвердою старческою рукою, но тѣмъ же почеркомъ, что и вся книга, написана замѣтка: *Року* (2) *1712, мѣсяца июня, числа 21, на Ивана Предите́чи, вели́кая ба́рзе бу́ра вели́кая була́, кото́рая церкви́ Бо́жие лама́ла и по дубро́вахъ вели́кие со́сни и б...* (3)

---

(1) Т. е. который былъ у четверопрестольныхъ патріарховъ.

(2) До какой степени немощный человѣкъ писалъ эту замѣтку, видно изъ того, что вмѣсто *року* онъ писалъ *руку*, а вмѣсто *великие — векие*.

(3) Не дописано.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ личности автора, приведемъ кое-что изъ объяснительныхъ его стиховъ, изъ которыхъ вообще мало объясняется фактическое его положеніе.

Уже́ що ся въ сей кни́зі писа́ло, то писа́ло;
хочъ троха́ и ка́юся, такъ ся то́е ста́ло.
А пре́дсяжъ и по́льзи въ ней нема́ло набу́дешъ,
якъ ся собі добу́дешъ и чита́ть бу́дешъ.

Изъ послѣдняго стиха можно заключить, что Климентій сочинялъ свою книгу для продажи. Это подтверждается слѣдующимъ заглавіемъ одного стихотворенія, показывающимъ, что въ тѣ времена существовалъ особый классъ людей, занимавшихся перепискою чужихъ и сочиненіемъ собственныхъ книгъ: *О писаря́хъ ро́зныхъ, то есть и́менно, що кни́ги гото́вые препи́суютъ, и видаю́тъ зъ голови́ яки́е но́вые рі́чи, и о писаря́хъ тежъ гра́дскихъ и монасти́рскихъ, грамоти, або́ зась листи́ пи́шущихъ и вся́кие кріпкие права́.*

Все это стихотвореніе, какъ и многія другія, наполнено несноснѣйшимъ пустословіемъ. Выпишемъ только четыре стиха:

И ча́сомъ ся случа́етъ писа́ти такъ тру́дно,
же ажъ, не напи́вшися горілки, то ну́дно....
И сей віршопи́съ ма́етъ къ писаря́мъ горли́вость (1),
бо и самъ тимъ билъ, — знаетъ ту́ю долегли́вость (2).

Вѣроятно, Климентій былъ монастырскимъ писаремъ, а пожалуй и мірскимъ, до вступленія въ монашество. Вообще, это былъ, что называется, тертый калачъ и, безъ сомнѣнія, перемѣнилъ на вѣку своемъ не одно званіе: иначе — онъ не зналъ бы столькихъ подробностей и обстоятельствъ, относящихся къ описаннымъ имъ разнообразнымъ ремесламъ. Онъ, кажется, и самъ придавалъ цѣну своей бывалости, потому что любитъ вдаваться въ номенклатуру каждаго ремесла. Такъ какъ онъ не различаетъ ремесла отъ промысла, а промысла отъ состоянія, то и мы будемъ смотрѣть на тогдашній украинскій міръ его глазами. Чтобы начать съ высотъ, на которыя осмѣливался Климентій бросать наблюдательный взглядъ свой, приведемъ стихи его о тогдашнихъ архіереяхъ. Непонятно однакожъ, почему онъ не дерзалъ выносить соръ изъ панскихъ дворовъ, а объ архіереяхъ написалъ очень смѣлое обличительное стихотвореніе. Не потому ли, что книга его назначалась для мірянъ, которымъ было

(1) Усердіе. — (2) Тягость, трудность.

опасно держать въ домахъ своихъ сатиры на предержащія свѣтскія власти? или, можетъ быть, его не поражало хищничество тогдашнихъ пановъ, столь очевидное по другимъ документамъ и даже по его собственнымъ дружелюбнымъ къ нимъ обращеніямъ? Въ сатирѣ на архіереевъ, у Климентія, въ заголовкѣ высказано больше, нежели въ самихъ стихахъ: *О кумовствѣ, що кумі́ бра́ти ку́мові не благословля́ютъ, або́ тежъ дочкі́ кумино́і. А гди хто пересо́литъ до́бре талярáми, або́ чирво́ними золоті́ми архіере́еві котро́му, то и гріхъ прочь откладáютъ, и благословля́ютъ, и беззако́ніе на зако́нъ прекладáютъ.* Изъ самого текста мы выпишемъ только слѣдующіе стихи:

И не ти́лько само́му куму́ взять збороня́ютъ,
алé ещé и сино́мъ та́кже возбраня́ютъ.
А гди владі́камъ о́чи до́бре заслі́пля́ютъ,
то обі́ма рука́ми тихъ благословля́ютъ.
И неха́й би влади́ки нічо́го не бра́ли,
да дарéмно, безъ вся́кихъ дачъ благословля́ли.
Алé за гріхъ собі вели́кий почита́ютъ,
а хто подсу́нетъ до́бре, и гріхъ прочъ откладáютъ.

О панахъ Климентій имѣлъ понятія самыя рабскія. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы власть попадала въ руки недостойныя, хотя передъ его глазами властвовалъ коварнѣйшій изъ проѣдохъ, гетманъ Мазепа. (1) Онъ говоритъ:

Человікъ самъ собо́ю вла́сти не прийма́етъ:
ти́лько ему́ отъ Бо́га по́сланна бива́етъ,
И хочъ ча́сомъ панъ яки́й на уря́дъ промова́лъ (2),
еднáкъ найпáче самъ то Господь Богъ керова́лъ (3);
Бо вся́ка власть въ Бо́жихъ рукáхъ жительствýетъ,
ея́же кому́ хо́четъ, го́дному дарствýетъ.

Въ стихотвореніи: *О весéлості дво́рской и о смущéніи*, онъ сравниваетъ пана съ Христомъ:

Если ча́сомъ ве́селъ панъ, и слу́ги веселя́тся;
а е́жели панъ сму́тенъ, и слу́ги смутя́тся.
Сму́тна жъ била́ вся тваръ, гди Христа́ распя́то,
поне́важъ зъ світа всяку ра́дость било́ отня́то;

(1) О личномъ характерѣ Мазепы даетъ понятіе Пасекъ, авторъ извѣстныхъ въ польской литературѣ Pamiętnikòw, на котораго Мазепа налгалъ королю и отъ котораго получилъ въ королевской пріемной пощечину. Мнѣніе Паска о Мазепѣ тѣмъ интереснѣе, что онъ писалъ о немъ, не зная его будущности. (Pamiętniki Jana Shrysostoma Paska. Petersb. 1860 pp. 101, 152—156.)

(2) Вызывался, старался получить. — (3) Управлялъ, направлялъ.

А когда́ та́кожде впять Христо́съ изъ ме́ртвихъ вста́лъ,
тогда́ но́вое ми́ру весе́лле дарова́лъ.

Поклоняясь панамъ униженно, до профанаціи святыни, Клитентій осмѣливается просить ихъ, въ особомъ стихотвореніи, не слушать ябедниковъ:

Що́ то, пано́ве, у васъ есть таки́й за зви́чай,
же то оскорбля́ете слугъ свои́хъ надъ зви́чай,
А найпа́чей слугъ вірныхъ и южъ заслуже́нныхъ,
и жа́дною мірою въ чемъ не подозре́нныхъ!
Кгди жъ ме́рзскимъ клеветнико́мъ віру има́ете,
ажъ они́ лгутъ, я́ко пси, ви и не зна́ете.
На́ветъ кажіть тимъ лгаря́мъ до́водъ довожда́ти,
а собі того́ ча́су вся́ко розсужда́ти;
А не міли би слу́шныхъ до́водовъ дава́ти,
то зволя́йте кия́ми таки́хъ частова́ти.

Взяточничество не могло не существовать подъ самовластнымъ и любостяжательнымъ гетманствомъ Мазепы. Въ стихотвореніи: *О убо́ихъ люде́хъ*, Климентій проронилъ два стиха о лихоимцахъ:

Бо бога́чъ су́дямъ о́чи мздо́ю забива́етъ,
и тое́ю до конца́ о́нихъ осліпля́етъ.
А убо́гий небора́къ хочъ тро́хи споткне́тся,—
пе́вне побіде́нному да́рмо не мине́тся.

Различіе состояній въ тѣ времена было велико. Климентій пишетъ, что убогіе люди, служа по наймамъ, часто не получали своего бѣднаго заработка. О судѣ и правѣ онъ не упоминаетъ и грозитъ грабителямъ только Божескими наказаніями. Что богачи тогдашніе были далеки отъ простоты въ жизни, — видно изъ описанія такъ называемыхъ ихъ *шафареи* (казначеевъ, дворецкихъ) и ключниковъ.

Ша́фаръ повиненъ писа́ть вся́кіе росхо́ди,
та́кже яки́е тежъ есть и прихо́ди.
— —
И на сумне́нія па́нства ска́рби вруча́ютъ,
неха́й же и до пано́въ шафарі щи́рость ма́ютъ.
— —
Якъ то ви́димъ, таки́і трафу́нки быва́ютъ:
якъ лічби́ не издаю́тъ, своймъ докладаю́тъ.

Въ стихотвореніи: *О ключникахъ пано́въ вели́кихъ свѣцкихъ и духо́вныхъ властей*, онъ изображаетъ такимъ образомъ удаленіе пана отъ »дворскихъ слугъ«.

Всякий панъ, якъ вірного слугу вподобаетъ,
то теди великий скарбъ такому вручаетъ,
И росказуетъ инъ панъ, же до вбогихъ мій взглядъ
и въ своемъ послушенстві во всемъ добръ доглядъ:
Жеби мя не о всемъ томъ въ свой часъ турбовано
и жебъ мні отъ дворскихъ слугъ не доношанно,
Же по годности въ свой часъ кому знаючи дай,
а згола хто бунтовникъ гордий, тому не дай.

Изъ этого видно, что дворскіе слуги во многомъ, если не во всемъ, зависѣли отъ шафаря или ключника, — и поэтому-то клеветники и ябедники, въ панскихъ дворахъ, были въ большомъ ходу. При независимости личной, право сильнаго до такой степени развилось въ гетманство Мазепы, что панъ называлъ *бунтовникомъ* непокорнаго, то есть не все сносящаго подсосѣдка или дворовaго слугу. Климентій одобрялъ панскія мѣры для удержанія пахарей на панскихъ земляхъ; но дворовымъ, видно, доставалось отъ пановъ еще больше, и потому онъ написалъ стихотвореніе: *О властелехъ, каравчихъ людей, або и слугъ своихъ домовихъ безъ доводовъ слушнихъ*, въ которомъ однакожъ ограничился увѣщаніемъ судей и не тронулъ пановъ ни единымъ стихомъ. Онъ признавалъ за ними право наказывать кіями дворчанъ своихъ, какъ это мы видѣли изъ его совѣта *частовать киями* ябедниковъ. Въ стихотвореніи: *О оскудініяхъ въ сие время грошовихъ*, онъ предлагаетъ панамъ (безъ сомнѣнія, сообразно съ тогдашними нравами и обычаями) слѣдующія вѣрныя средства—заставить народъ не пренебрегать дурною монетою: 1) *шмаровать киями* (1), 2) отбирать *худобу*, 3) *мордовать* (мучить) работою въ своихъ дворахъ. Это стихотвореніе исполнено историческаго интереса, и потому выпишемъ его цѣликомъ.

Скудно вельми на гроши стало въ нашемъ віку,
же трудно о нихъ згола нендзну (2) человіку.
Хочъ зарobитъ, лихими грошми заплачаютъ,
а и лихими еще особъ укривжаютъ.
А добрие все собі богачі позбирали:
жебъ било що на той світъ брать, въ землю поскривали.
И нехай же и въ землю гроши сокриваютъ,
або хочъ ложками ихъ въ стравахъ поядаютъ,
Тилько жебъ гладкими наветъ не браковали,
и шафаровъ своихъ на то не научали.

---

(1) Слово *киями*, какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, написано большими буквами.

(2) Убогому.

Лю́дямъ вбо́гимъ чехи́ зли по че́ху дава́ютъ,
а отъ нихъ по осмаку́ въ ку́пляхъ отбира́ютъ,
Би́лебн якъ неси́тства свои́ наситѝти
и всі шкату́ли презъ верхъ сами́й наполни́ти.
Уже́ жъ, е́сли по́лните, до́бре наполня́йте,
да прина́мній поспо́льству браковáть зборо́ня́йте.
Неха́й по-Запоро́зскій би не перебира́ли,
да и гла́дкими грошми́ не браковáли.
Если́ би́сте ви, вла́сті, тихъ бра́ковъ зборони́ли,
до́бре би́сте наро́ду кріпко учини́ли.
А то́, на васъ гля́дячи, и сами́ бракýютъ,
да не́нависть и скорбъ межъ собо́ю справýютъ.
А спо́собъ би вамъ таки́й слу́шне билъ на то́е:
гди́ би́сте кия́ми шмарова́ли за то́е,
Або́ тежъ на худо́бахъ мужико́въ кара́ли,
или́ робо́тою въ дво́рахъ сво́ихъ па́нскихъ мордова́ли,
Или́ тежъ сами́ би́сте престáли браковáть,
и по города́хъ люде́мъ презъ пи́сьма приказáть;
А ина́чей не мо́щно вамъ бра́ковъ скорени́ти,
и сами́ не бу́дете знать, що зъ тимъ чини́ти.

Это стихотвореніе гармонируетъ съ извѣстнымъ представленіемъ Мазепы о чехахъ, нарочно вычеканенныхъ для Украины.

Смерть богатаго и знатнаго человѣка описана у Климентія ходячими, избитыми фразами. Замѣчено только, что съ высокимъ титуломъ *властеля* соединяется непремѣнно богатая нажива:

Бо гди вла́стель, то вспо́мнитъ свой висо́кий титу́лъ
и предъ кона́нiемъ мно́го зъ ска́рбомъ у́зритъ шкату́лъ.

За панами въ тогдашней Украинѣ слѣдовали, какъ вторая степень подражательной аристократіи, козаки, изъ которыхъ каждый, сдѣлавшись урядовымъ человѣкомъ, назывался уже панóмъ, или, на Климентіевомъ языкѣ, властелемъ, и могъ, умирая, узрѣть передъ собой *много зъ ска́рбомъ шкату́лъ*. Мѣра его обогащенія зависѣла не столько отъ важности занимаемаго имъ мѣста, сколько отъ его жадности, отъ равнодушія къ подчиненнымъ и отъ умѣнья угождать болѣе сильнымъ людямъ (1). Мазепа, выигравшій такъ много во мнѣніи потомства своими бѣдствіями, былъ, во время своего благоденствія, верховнымъ покровителемъ и образцомъ хищничества въ Украинѣ. Онъ обогащалъ своихъ родственниковъ; онъ предоставлялъ каждому свободу обогащаться по-По-

(1) См. приложенія ко 2-му тому *Записокъ о Южной Руси*, стр. 318.

луботковски ([1]); онъ потакалъ самоуправству каждаго высшаго начальника съ низшимъ, каждаго сотника съ простымъ козакомъ, и козака съ безоружнымъ пахаремъ (какъ это мы увидимъ ниже). Поэтому люди посполитые были паствою вооруженнаго сословія, которое играло роль аристократіи не хуже собственно такъ называемыхъ пановъ.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какой духъ вкоренился въ гетманскихъ козакахъ относительно ихъ беззащитныхъ братій. Стихотворецъ не упоминаетъ вовсе о мѣрахъ строгости къ мародерамъ со стороны старшихъ, такъ какъ этихъ мѣръ никто и не принималъ, считая простой народъ за ничто. Даже и въ думѣ народной только Богъ каралъ козаковъ за жестокое обращеніе съ безсильными поселянами ([2]). Козаки обуздывались одной совѣстью въ своихъ неистовствахъ. Законы для нихъ почти не существовали: ихъ собственная судьба зависѣла отъ произвола лукаваго гетмана и достойныхъ его войсковыхъ старшинъ, руководствовавшихся въ своихъ поступкахъ только эгоистическими убѣжденіями.

О козакахъ, негóднихъ похвали́, менови́те о тихъ злихъ и окая́нныхъ синáхъ и не-отéцькихъ дітяхъ, котóрие у вóйско идýтъ,

---

([1]) Въ упомянутой выше запискѣ Теплова, на стр. 189, сказано: »Старшины, опредѣляя имъ (простымъ людямъ) командировъ, яко бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія — въ прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только *старшинъ*, которые у нихъ называются *генеральные*, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и низшихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное.«

([2]) См. думу о бурѣ на Черномъ морѣ, въ *Сборникѣ Украинскихъ пѣсень*, князя Цертелева:

Якъ я изъ гóрода съ Пиря́тина, панóве, виізжáвъ,
— —
....близьки́хъ сусíдівъ хліба й сóли безневи́нно збавля́въ,
Діти мали́і, вдóви стари́і стрéмнямъ въ грýди товкáвъ.

Въ варіантѣ, записанномъ мною отъ кобзаря́ Архипа Никонéнка, воспоминаніе о безнаказанности вооруженнаго сословія выражено еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ:

Тó ще ми, брáте, не дóбре вчиня́ли—
По ýлицяхъ дóбрими кіньми гуля́ли,
Дітки малéнькі кіньми розбивáли,
Кровъ христия́нську безневи́нно проливáли....

См. еще варіантъ въ *Малор. и Червонор. народныхъ Думахъ и Пѣсняхъ* (Лукашевича), стр. 61.

а людéй, на путéхъ идýчихъ, абó ідучихъ, обдирáютъ, илú щокóльвекъ насúльствиемъ рабýючи, пáкості сотворя́ютъ.

Вéльми тúе козакú зле собі поступáютъ,
же, йдучú у вóйско, людéй где обдирáютъ.
Подобáло бъ імъ тогдá мúлостиню дая́ти,
а не такъ на погúбель имъ вічну сотворя́ти.
Запамятáлие то, знать, въ таковúхъ злихъ дýши,
же покáзуютъ бісу вгóдние анімýши (¹).
И нехáй тóе собі злúе рабú бýдутъ знать,
же съ пóмстою своéю Христóсъ не бýдетъ (іхъ) минáть,
И воскóрі таковúхъ мóжетъ викореня́ти,
и пáмять іхъ со шýмомъ на-віки погубля́ти.
— —
Побию́тъ бо слéзи на вікъ отъ нихъ оскорблéннихъ
и вся́кихъ хочáй мáло отъ нихъ озлоблéннихъ,
И у войска пошéдши, ку домóмъ не возвратя́тъ,
алé бýдутъ ганéбно головáми накладáть....

Не всѣ козаки пользовались правомъ сильнаго; не всѣхъ осуждаетъ и Климентій. Вообще къ козацкому сословію онъ очень благоволитъ и допускаетъ неистовства только въ *не-отецкихъ дѣтяхъ*, т. е. въ безродныхъ бурлакахъ, записавшихся въ козаки. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ цѣлый панегирикъ козакамъ, въ которомъ говоритъ:

....грішúтъ Бóгу, хто даéтъ козакáмъ зневáгу.
Прóстий чоловікъ зáвше у домý пробувáетъ,
а козáкъ, шéдши въ вóйско, ввесь домъ свой оставля́етъ.
— —
Зачúмъ не тúлько ховáй, Бóже, нагáну давáть
козакáмъ, алé трéба іхъ, якъ святúхъ, шановáть.

Осуждая въ козакахъ желаніе быть погребаемыми въ поляхъ, на могилахъ, преимущественно передъ цвинтарями, онъ съ негодованіемъ говоритъ о мужикахъ, которые въ этомъ подражаютъ козакамъ:

Трéба бъ гáнить подóбно такúхъ человіковъ,
же кладýтся инúе въ поля́хъ зъ дáвнихъ віковъ,
Кгди освящéннимъ місцемъ церкóвнимъ взгоржáютъ,
а на могúлахъ себé клáсти повелівáютъ.
Хто бо подъ цéрковию главý покладáетъ,
о томъ большъ цéрковъ Бóга о покóй благáетъ.
— —
Бо мóвитъ: *зде лежащихъ*, а не: *на могúлі*,
хочъ то и тихъ могúльнихъ вспоминáетъ по хвúлі,
Когдá речéтъ: *и повсю́ду Христия́нъ правослáвнихъ*,

(¹) Характеръ, духъ.

та́кже вспомина́етъ и власте́й козако́въ сла́вныхъ.
Ино въ доро́зі любъ въ во́йску легти́ и въ по́лі,
же це́ркви нема́шъ; мусітъ то бить по нево́лі;
Ато́ зъ до́му нести́ся въ по́ле изволя́етъ,
где вовкъ, або́ тежъ и́ный звіръ ся похожа́етъ,
А на свяще́нномъ мі́сцу не хо́четъ покла́дать,
лечъ зъ до́брой во́лі хо́четъ отъ це́ркви отдаля́ть.

— —

Звича́і коза́цкие въ тихъ річа́хъ буваютъ:
же въ поля́хъ кладу́тся и моги́ли висипа́ютъ,
Того́ ра́ди, же въ войска́хъ быва́ли и въ по́лю,
и зъ непріятелями на пути́чкахъ въ бо́ю,
Жебъ и по смерте́хъ щи́рость іхъ не запомина́нна,
даби́ хвале́бно людьми́ че́стними вспомина́нна.
А мужика́мъ не тре́ба въ коза́цку сла́ву втруча́ть
да гди не пудъ церква́ми, то въ гу́мнахъ пудъ гру́шами покла́дать,
Жеби жонки́ іхъ гробо́въ ча́сто навіжа́ли,
а на мі́сца́хъ іхъ дру́гихъ мужико́въ привожа́ли.
Уже́ жъ, козаки́, собі ви здоро́ви бува́йте,
а мужика́мъ про́стимъ сла́ви коза́цкоі на пота́лу не попущайте.

Статья о Климентіѣ должна, кромѣ своего критико-историческаго обзора, служить замѣною и самой рукописи Климентія, покамѣсть не находящей себѣ издателя, а потому представимъ рядъ выписокъ о ремеслахъ, начавъ съ ремеслъ, ближайшихъ къ быту первенствовавшихъ тогда сословій.

О кухми́стерахъ, або́ тежъ о кухаря́хъ, що готу́ютъ пана́мъ і́сти му́дро, або́ хочъ ча́сомъ и не му́дро.

Кухми́стра, мо́вятъ, пудъ поро́гомъ положи́ти,
е́жели би го́лодомъ мівъ себе́ умори́ти.

— —

И труда́щися не ти́лько бъ себе́ не зморилъ,
лечъ би не згрішилъ, гди бъ и ино́го пожи́вилъ
(Ежели при доста́ткахъ мно́гихъ клопоти́тся,
коло огню́, якъ му́ха въ укро́пі, верти́тся).
Панъ би за то вели́ка гніву не положи́лъ,
и Богъ би смерте́льна гріха́ не постанови́лъ.
По́лугъ Письма́, трудніко́мъ пре́жде подоба́етъ вкуси́ти,
и пото́мъ до столо́въ па́нскихъ че́стно носи́ти.
И поне́важъ тежъ ку́хмистръ въ трудя́хъ свои́хъ клопоте́нъ,
тре́ба и ему́ того́ жъ вворва́ть, жебъ не билъ голоде́нъ.
Бо пудъ часъ на пулми́скахъ не ти́лько не оста́нетъ,
але́ быва́етъ то, же иногда́ и не ста́нетъ....

О до́ктаряхъ и о ціліо́рикахъ.

Ве́льми и до́кторство есть потре́бно на сві́ті,
же ко́ждий би до́ктора хотілъ собі міти;
А же о іхъ ну́жно, же ма́ло іхъ быва́етъ,
кромъ вели́къ сена́торъ где до́ктора трима́етъ.
И не ти́лько оску́дно о докторо́въ му́дрихъ,
але́ и о про́стихъ ціліо́риковъ нему́дрихъ.

— —

Ти́лько жъ на ліченомъ не наіздиться коні:
трафля́лось тихъ ліка́рствъ заживáти и мні....

О гафаря́хъ (1).

И гафа́рство — че́стное ремесло́ на сві́ті,
и імъ бо далъ Богъ ре́чи му́дрие умі́ти.
И хочъ они́ и це́ху у себе́ не ма́ютъ,
а пова́жние шту́ки до церкве́й зробля́ютъ,
Яко-то: поясы́, покро́вці и возду́шки,
а пано́мъ кульба́ки гафту́ютъ и поду́шки,
И до сагайда́ччя ozdóби придава́ютъ,
и ини́е че́стние діла́ виробля́ютъ....

О золотаря́хъ.

Золотаря́ тре́ба би а́нгеломъ равня́ти,
же мо́жетъ небесни сосу́ди зробля́ти;
А то въ таки́й цель то́е не ина́къ става́етъ,
ижъ вся́кий щирозло́тний по́судъ не́бо ма́етъ;
Напри́кладъ, якъ-то: ми́три или патери́ци:
тамъ бо ца́рскі вінці́, сце́птри въ Бо́жой десни́ци,
И про́чее мо́жется все зась знайдова́ти,
котре́ зви́кло зде въ насъ на землі быва́ти;
Меновúте — вельмо́жнихъ гетма́новъ булави́,
до кото́рихъ потре́ба хотя́щимъ голови́.
И и́нни войско́вие діла́ютъ клейно́ти
и прили́чние во́инамъ ро́зние приміо́ти.
И поясы́ дíлаютъ срíбрние му́дрі,
и ева́нгельски бля́хи ро́блять прему́дрі,
А осо́бъ капиту́ламъ дíлаютъ печа́ті,
о кото́рихъ ажъ не зна́ютъ, якъ рещи́ поча́ти.
Та́кже и власте́льскі ліски (2) оздобля́ютъ,
якъ імъ повеліва́ютъ, та́ко потрафля́ютъ.
И позлоцо́ні тежъ зъ срібра́ ро́бять ку́бки,
и вся́кі до столо́въ па́нскихъ втожъ посу́дки.

---

(1) Гафа́рь — шмуклеръ, занимающійся шитьемъ узоровъ и выдѣлкою кистей, снурковъ и т. п.

(2) Палицы.

И до о́лтарей святи́хъ річи престо́льниі,
и мно́гиі потре́би та́кже церко́вниі.
И па́ннамъ перстені злати́і изробля́ютъ,
и ка́меньми драги́ми о́ніхъ украша́ютъ.
Додава́ютъ же кшта́лтовъ и на сагайда́ки,
и на сагайда́чние о́стра и кульба́ки.
И ша́блі драгоцінно срібро́мъ осажа́ютъ,
же ажъ зря́щиі на тихъ ве́льми ся удивля́ютъ.
И ґу́зіки ро́бять и оклада́ютъ но́жна,
и всего́ неотмо́вни, все бо имъ возмо́жна.
И справля́ютъ та́ко жъ прему́дриі ножі,
котри́хъ держа́ть собі бога́тиі мужі.
А що есть каділниці и срібрни лихтарі,
и ля́мпи, — все то то́е ро́бять золотарі.
И до образо́въ вінци́, ру́чки и коро́ни.
Прийми́ до сво́ей іхъ, Бо́же, оборо́ни!
И що-ко́львекъ на землі світъ сей потребу́етъ,
все то золота́рь свои́мъ ро́зумомъ готу́етъ....

О довбиша́хъ, що въ бу́бни бу́бнятъ и о тренбача́хъ, що въ тру́би тру́бятъ и въ су́рми су́рмятъ.

До́вбиші войскови́і и́гри отправля́ютъ,
та́кже и тренбачі, гди въ тре́нби витрубля́ютъ.
И потре́ба імъ обо́мъ братъ за бра́та жи́ти,
же до́вбишъ бу́детъ бубни́ть, а тренба́чъ труби́ти,
И и́гри іхъ слуха́човъ ча́сомъ ввеселя́ютъ,
а иногда́ на жа́лость вели́ку взбужда́ютъ,
Гди, сли́шащи, мо́щно судъ Бо́жий памята́ти
и арха́нгельскую тежъ трубу́ вспамята́ти.
И до умиле́нія слиша́щихъ приво́дитъ,
поне́же человіку и смерть въ па́мять вво́дитъ.
А ча́сомъ при банке́тахъ ве́село слуша́ютъ,
когда́ ми́рно на пира́хъ питій ужива́ютъ.
А осо́бно зась до́вбишъ въ ра́ду вибубня́етъ,
и въ похо́дъ войско́вий то́е жъ сотворя́етъ.
И по побідахъ та́кже зъ бу́бни, витрубля́ютъ,
коли́ южъ во́йска собі триу́мфъ составля́ютъ.
И предъ вра́ти бу́бнятъ, тру́бятъ пано́въ вельмо́жнихъ
и въ Запоро́зкой Січи войскъ сла́внихъ и побо́жнихъ.
Бу́бнятъ въ Січи у ве́чоръ, во́йску ва похва́лу
и ра́но, гди въ то вре́мя и Бо́гу тво́рятъ хва́лу.
Пре́то и войскови́мъ музи́камъ добръ прия́емъ
и, я́ко че́стнихъ войску слугъ, щи́ро похваля́емъ.

О музи́кахъ, менови́те о цимбали́стахъ и скри́пникахъ.

Весе́лое ремесло́ музи́цство, повіда́ютъ,
же и́грами свои́ми сму́тнихъ пудвеселя́ютъ,
А весе́лие па́че весе́лими бива́ютъ,
когда́ музи́ки въ скри́пку и въ цимба́ли игра́ютъ.

И че́стно та́кже собі на світі пробува́ютъ,
кгди жъ и само́му Бо́гу похвалу́ отдава́ютъ,
Поне́важъ, якъ и́ние реме́сники цехъ ма́ютъ,
такъ и они́, спасе́тъ ихъ Богъ, въ цеху́ зостава́ютъ,
И ве́длугъ церко́вного укла́ду поража́ютъ,
и до церкве́й Божиіхъ свічи ча́сто справля́ютъ.
А гди бъ хто мо́вивъ, же ле́гкимъ хлібомъ забавля́ютъ,
таки́й имъ хлібъ Господь далъ, — неха́й не подивля́ютъ,
И хліба даре́много нігде́ не ужива́ютъ,
ти́лько его́ вся́кие презъ пра́цу заробля́ютъ.
И пре́то, хто ремесла́ научáетъ,
такови́й меншъ про́стою робо́тою труждáетъ.
Ремесло́ свя́то діло на світі ся знайду́етъ,
котри́й зъ пи́льною его́ охо́тою патру́етъ.
И хто ремесла́ своего́ за́вше ча́сто пильну́етъ,
тому́ до его́ пра́ці и самъ Богъ пособству́етъ.
Неха́й же безъ ліности и музи́ки игра́ютъ
и весе́лости молоди́мъ лю́дямъ додава́ютъ.
А найгра́вшися, неха́й тро́ха и спочива́ютъ,
да по по́вной кляни́ци горілки випива́ютъ.

Казалось бы, стихотворецъ, столь довольный, какъ Климентій, скрипачами и цимбальниками, не долженъ вооружаться и противъ *дударей* или волынщиковъ; но у Климентія была къ нимъ какая-то непонятная для насъ антипатія. *О дударя́хъ, що въ ду́ди игра́ютъ*, онъ пи́шетъ такъ:

Мерзе́ная то игра́ дуда́ зостава́етъ,
и шу́ицу всімъ грішнимъ лю́дямъ презнача́етъ (¹);
Надима́ютъ бо ся, я́ко го́рдий дме́тся,
по́куль ревти́ и густи́ зъ бідо́ю начие́тся.
Повідають, же та игра́ нечести́ва,
лечъ, гди не отъ Бо́га, то отню́дъ злочести́ва.
А гди́ начну́тъ дударі ду́ди надима́ти,
въ той часъ шпетне, же гу́би ста́нутъ отдима́ти.
А ижъ не отъ Христия́нъ пра́ве яви́лася на світъ,
не годи́ло бъ ся е́й Христия́номъ иміть.
И не ти́лько дудъ, але́ хочъ би и игръ жа́днихъ,
бо бу́дятъ блу́дную мисль въ человіцехъ жа́днихъ.
Мо́щно бъ и безъ игръ въ сла́ву Бо́га повесели́ть,
а всі душевре́дние и́гри искорени́ть.
Ра́зві вое́ннихъ игръ, що зви́кли въ во́йскахъ держа́ть,
котри́ми въ во́йнахъ на брань и на трию́мфъ глася́тъ.
За войскови́е и́гри гріхъ не положе́нно
въ кни́гахъ, але́ и по сей день не отрече́нно.
Мо́гутъ ихъ войска́ по день послідній трима́ти
и къ звича́йнимъ потре́бамъ о́нихъ ужива́ти.

(¹) Т. е. осужденіе на Страшномъ Судѣ.

И безгрішно есть въ трéнби и въ домíхъ трубúти,
звлáща въ велúкихъ властéй, и въ котлú бúти,
И зъ óгненнихъ орýжий чáсомъ випалúти,
абó тежъ, простíйше мóвлячи, стріля́ти.
И, на хвалý Христóву, и днесь заживáютъ,
понéважъ въ Велúкъ-день на рáдость стріля́ютъ.
Вспоминáючи трúумфъ Христовъ, всегдá що-рóку,
и, на умúльность дýшамъ, чúнитъ то знарóку,
И на Богоявлéнскій прáздникъ тáкожъ стріля́ютъ,
очищéние отъ гріхъ мúру извіщáютъ.
А корчéмние úгри похвалú не гóдни,
бо тúлько своявóльнимъ людéмъ онú вгóдни.
А бáрзій дудá, здáвна подóбно прокля́та,
щобъ отъ благословéннихъ онá била́ отня́та!
Прокля́тому рóду ю тримáть подобáетъ,
котóрий Христá Бóга во вúки не знáетъ.
И бодáй загúнула дудá на всі вúки,
жебъ большъ не видáли ю вірние человúки!
И научúвшимся людéмъ въ нея́ играти
трéба за тóе крíпко отъ сéрдца кая́ти;
А ей до всíхъ дя́бловъ у вóду втопúти,
абó огнéмъ велúкимъ у гною спалúти....

Точно такъ возстаетъ онъ и противъ танцевъ. Видно, оба эти стихотворенія писаны были въ монастырѣ, послѣ прогулокъ *нúзомъ*, *хмúлемъ*, *попíдъ вéрбами*. Сравнивъ танцоровъ съ древнею Иродіадою, онъ продолжаетъ:

И тепéръ тáнцовъ мнóго на свíті бивáетъ,
кáждий человíкъ прáвду на тóе призна́етъ,
Яко-то: на úгрищахъ и на тихъ позорáхъ,
и по корчéмнихъ везді своявóльнихъ двóрахъ;
И на весíля́хъ брáчнихъ тáкже тáнци бивáютъ,
и многовертúмимъ плясáниемъ Бóгу згрішаютъ.
Мóщно бъ брáку закóнну обійти и безъ тóго,
именно безъ плясáния проклятóго....

О сідля́рáхъ, абó тежъ о кульбáчникахъ, що кульбáки рóбятъ.

Дóбре то вúгадано кульбáки робúти,
жебъ, іздячи хто вéрхи, на такъ ся моглъ збúти.
И чéстние то річи кульбáки, и вáжние,
бо іздятъ особи високоповáжние....

О шабельникáхъ не могъ Климентій ничего больше сказать въ цѣломъ стихотвореніи, какъ: что они *премýдрие шаблі изробля́ютъ* и что жаляры изображаютъ съ мечемъ святыхъ.

О сагайда́чникахъ, що сагайдаки́ (або́ тежъ по-про́стій мо́вячи) луки́ ро́бятъ коза́цкие.

И сагайда́чники, що луки́ изробля́ютъ,
та́кже, зна́ю, козака́мъ потре́бни быва́ютъ,
Бо кгдижъ до стрілъ и луко́въ осо́бно потре́ба,
а тативу́ и самъ мо́жетъ зді́лать, якъ тре́ба.
А що сами́е, мо́влю, о́ные-то луки́
учо́ные майстеро́ве ро́бятъ ремесники́,
Бо козаку́ и лукъ — привиле́й, або́ клейно́тъ,
або́ тежъ, вімъ, коза́цка озло́ба и приміо́тъ....

О стрільника́хъ, що стріли коза́цкие ро́бятъ и о козака́хъ похва́льное.

И стрільники́ козака́мъ потре́бни быва́ютъ,
попе́важъ до воённихъ справъ стріли зробля́ютъ;
Бо и стрілою́ мо́щно та́кже поразити
и якъ огне́нною стрільбо́ю умертви́ти.
И ди́вная річъ стріли, гди ихъ витяга́ютъ
вго́ру: и ви́соко такъ нічи́мъ не досяга́ютъ.
Же кото́рий зна́йдется коза́къ здоро́вихъ рукъ,
то таки́й кріпко мо́щно и до́бре тя́гнетъ лукъ,
Же ажъ мо́жетъ на верху́ во́здухъ зачепи́ти
и хму́ри воздушние стрілою́ проби́ти.
И то по пра́вді тому́ та́ко би́ти мо́жно,
кгди и било́ на світі то́е-то не ло́жно,
Ижъ нігдись стріла́, вго́ру козако́мъ пуще́нна
суха́, а зъ висоти́ въ долъ мо́кра возвраще́нна.
Знать то, же скрозь дождёвну хму́ру стріла́ пройшла́,
ти́лько що щось о́блаковъ небе́снихъ не дойшла́.
Било́ то на Сівері, въ писца́ сего́ віку,
при люде́хъ мно́гихъ, а не при едно́мъ человіку.
И тогда́ жъ хму́ри ча́стка на зе́млю испа́ла,
вели́чествомъ, я́ко чоловічая гла́ва,
Въ подо́бні ле́да, и тамъ же и истаяла,
и водо́ю світлою на землі зоста́ла.
Пре́то дивова́тися и зась стріламъ тре́ба,
же ма́ло само́го не досяга́ютъ не́ба.
А ви, козаки́, лукъ, здоро́ви, потяга́йте
и зъ о́гненнихъ ору́жий сміле випаля́йте....

О соліт раника́хъ.

И солітраницство — якъ реме́ство подо́бно,
же солітри на по́рохъ вставично надо́бно.

— —

А въ солітру вели́кий коштъ уклада́ютъ,
гди господарі собі майда́нъ заклада́ютъ;

И вели́къ кріпко заво́дъ тре́ба на той розхо́дъ,
по́куль у́зрятъ солітру и изъ нея́ прихо́дъ....

О пороховника́хъ.

Та́кожъ лю́дямъ потре́бни и пороховники́,
я́ко тежъ и и́ние всю́да ремесники́.
Прохъ бо потре́бенъ, гди звіре́й, птиць стріля́ютъ,
и въ день Богоявле́нський, гди во́ду освяща́ютъ.
— —
И пороховнику́ дай, Бо́же, мі́ть пожи́токъ,
и, за пра́цу его́, въ домъ вели́кий приби́токъ....

О роговника́хъ, що ро́ги козака́мъ ро́бятъ носи́ти при боку́, для держа́нія порохово́го.

И козака́мъ потре́ба та́кже ма́йстеръ ро́зний, —
розглядівшися, троха́ не реме́сникъ ко́жднй,
А особливійше тежъ той-то и роговни́къ,
я́ко и и́ний ма́йстеръ, або́ зась ремесни́къ;
Бо козака́мъ тре́ба вся́кого привы́лля,
ти́лько не ба́рзо тре́ба ше́вского копи́лля,
А рогові́ъ на порохи́ за́вше потребу́ютъ,
и въ нихъ, идучи́ въ во́йско, порохи́ гото́ютъ.
И до́брий въ козако́въ чинъ — зъ рога́ми ходи́ти
въ во́йску, бо въ рога́хъ по́рохъ не мо́жетъ змочи́ти,
Не замо́кнетъ натра́вка и впять ладовни́ца,
а безъ о́йстра пистоле́тъ змо́кнетъ и ручни́ца.
И роговни́къ же неха́й козака́мъ ся прислугу́етъ,
и отъ нихъ похвали́ и ла́ски заслугу́етъ.

О иконопи́сцахъ, си́річъ о ма́ляра́хъ и о че́стномъ рукоді́лліонихъ, и о богома́захъ.

Ро́зние му́дрості самъ Богъ на свіъ далъ
пе́рвого віку, когда́ сей свіъ и миръ созда́лъ;
Вся́кихъ бо рукоділій презъ Духъ Святъ научи́лъ,
и маля́рскую му́дрость тогда́ жъ людемъ откри́лъ,
Жебъ на чемъ-ко́львекъ его́ тваръ изобража́ли,
та́кожде и всіхъ свяги́хъ тва́ри маліова́ли.
И еще́ ико́нъ творци́ знайду́ютъ штихарі,
и други́е че́стние жъ лю́де золотарі.
И котри́й маля́ръ чи́сто вікъ свой провожда́етъ,
то чудо́вна отъ него́ ико́на быва́етъ;
А богома́зкие чудъ образки́ не ма́ютъ,
бо ти́лько Бо́гу свои́мъ ремесло́мъ наруга́ютъ,
Кгди жа́дной на ико́нахъ іхъ нема́шъ ozдо́би
и маля́рской тежъ яко́й-ко́львекъ подо́би;
Але́ отнюдъ вклепа́лись въ то́е рукоділля,
и вели́кое тежъ зъ нихъ на світі безділля,

И и́мя имъ *богомази*, же маля́рства не дойшли́,
же безпу́тное ді́ло сами́ собі знайшли́.
И не хо́чуть учи́тись ці́лого маля́рства,
жебъ свой нікчёмние поки́дали махля́рства.
И до сихъ богома́зства часъ не скореня́ютъ,
бо мно́гие глупаки́ въ науку става́ютъ,
И, научи́вшися, начну́тъ по се́лахъ носи́ти,
та́кже и по міста́хъ по дво́рахъ пси дражни́ти....

О друкаря́хъ, що кни́ги друку́ютъ.

Пишу́ вірши друкаря́мъ, реме́сникамъ сла́вним,
кото́рие друку́ютъ кни́ги правосла́вним
Лю́демъ; бо всімъ ді́ло ихъ свя́то есть и че́стно,
а ба́рзій тимъ, котри́е жи́ютъ благоче́стно.
Друку́ютъ же вся́кие церко́вние обря́дки
и всі христия́нские ро́зние поря́дки.

— —

Чи́рство же ся знайду́етъ о́нихъ то ремесло́,
але́ ускру́тно оно́ ве́льми и тяжестно́,
А особли́ве нога́мъ, о́чамъ неспоко́йно,
и не обріта́ется въ робо́ті поко́йно;
Поне́важъ бо, якъ начну́тъ потяга́ти пра́сп,
ажъ на глава́хъ іхъ вскорі мо́кри ста́нутъ вла́си;
Зача́вши бо, му́сятъ ся до по́ту труждати,
ажъ ра́зві въ нощи́ мо́гутъ изма́ло поспа́ти;
И въ вели́кій робо́ті пра́здникъ оставля́ютъ,
а тимъ ча́сомъ спо́собп опя́ть приготовля́ютъ.
И научи́лъ такъ Бо́гъ іхъ ри́хло друкова́ти, —
що за день, то не мо́щно за рокъ препписа́ти....

О интроліга́торахъ.

Интроліга́торъ кни́ги но́вп устрая́етъ,
а ча́сомъ и стари́хъ якъ лу́читъ оправля́етъ,
И рабо́таетъ въ церкви́ ді́ло але́жное
и въ доми́ письме́нних принале́жное.

— —

О папі́рникахъ, що папе́ри у папі́рняхъ ро́бятъ.

— —

На вся́кпі бо річи папіровъ требу́ютъ,
на кото́рихъ ро́зние річи запису́ютъ,
Якъ-то: прода́жамъ, ку́плямъ па́мять покла́даютъ
и на го́нори пра́ва кріпкие ствержа́ютъ,
И книги тежъ ро́зние пишутъ и друку́ютъ,
котрі́ мно́ги літа у спря́тахъ ві́ку́ютъ,
И ико́нъ на папе́рахъ мно́го витиска́ютъ,
и въ церква́хъ и тежъ въ дома́хъ къ стінамъ прилі́пля́ютъ

О виногра́ди и о виногра́днихъ.

Если въ лiті труди́ есть въ чемъ такъ безпреста́нно,
якъ коло виногра́ду отнюдъ непреста́нно,
И пра́вда, же бе́зпречъ ся въ немъ трудъ полага́етъ,
гди работа́ющий въ немъ, нiтъ, не спочива́етъ.
— —
И тимъ вино́ до́рого, бо, нiмъ до рукъ при́йдетъ,
а ко́шту въ де́сятеро за лiто розiйдетъ.
— —
Ти́лько то охо́чнi его́ роспложа́ютъ,
а не вели́кий зъ него́, вiмъ, пожи́токъ ма́ютъ....

О ви́нникахъ, или́ о винокура́хъ, або́ тежъ о горiльчаникахъ, що горiлки́ ро́бятъ у ви́нницахъ. (По-Вендерскiй ся назива́етъ ви́нница — виногра́дний огоро́дъ, або́ тежъ лева́да, а по-Ру́скiй буди́нокъ той ви́нницею ся зове́тъ, въ котро́мъ ку́рятъ горiлку.)

И ви́нники на свiті досто́йни пова́ги;
а не тре́ба, крий Бо́же, дава́ть iмъ зневаги;
Потре́бний бо они, вiмъ, тру́нокъ виробля́ютъ,
котро́го и мона́рхи си́льние вжива́ютъ;
А хочъ ча́сомъ и на зло той тру́нокъ привожда́етъ,
е́днакъ въ томъ ви́нникъ вини́ жа́дноi не ма́етъ;
Бо гдижъ вино́ неви́нно, ви́ненъ злий оби́чай,
же презъ мiру хто пи́етъ, а не такъ, якъ зви́чай....

О муровщика́хъ, що церкви́ муру́ютъ, или́ пола́ци муро́ванние, або́ тежъ форте́ци, за́мки и проч., а по-Московскiй о каменщикахъ.

И те́слi церкви́ ро́бятъ, ти́лько не такъ сла́вно
дiло ихъ древня́ное и не такъ трива́лно.
А му́ри вiчностю ся зда́вна назива́ютъ,
котри́хъ мно́го и подне́сь везде зоста́ваютъ,
Ве́длугъ присло́вья: »Хто пра́ве що муру́е,
то той ти́лько буди́нки крiпкие буду́е;
А хто-ко́львекъ древня́ни виставу́етъ клѣцѣ,
то́е ла́тво до́ гу́ри вшендзѣ о́днѣмъ лѣцѣ«...

О пивова́рахъ.

И брова́рниковъ, або́ пивова́ровъ, тре́ба.
— —
И хочъ то́ мо́вятъ: »Не той пи́во пъетъ, хто ва́ритъ«,
е́днакъ и онъ напъе́тся, гди надъ тимъ часъ тра́витъ.
Не перепъе́тъ пивова́ръ господа́рска пи́ва,
и не жа́денъ господа́ръ по́зритъ за то скри́ва.
— —

Бо не ти́лько що пи́ва му́сімъ скоштова́ти,
а́ле и медъ ситячи́, та́кже спробова́ти....

О солодо́вникахъ.

И солодо́вника людъ мно́гий потребу́етъ,
котри́й со́лодъ на пи́во изъ збо́жа готу́етъ.
— —
И хоча́й тежъ и то есть вели́кое ди́во,
же бо́льша часть въ горі́лку иде́тъ збо́жа и въ пи́во,
Зъ то́го пивова́ровъ и ви́нниковъ вимовля́емъ
и на-вікы отъ вини́ о́нихъ визволя́емъ.
Нѣтъ іхъ винъ въ борошённыхъ затра́тахъ,
або́ зась мо́влю — въ хлібныхъ на світі утра́тахъ.
— —
И гдибъ на дві тихъ річи зтратъ хлібныхъ не било́,
ні по́ чомъ би бо́рошно и збо́жа всяко било́;
И нігде би бо́рошенъ лю́дямъ и дива́ти,
и ни́щетные такъ не могли́ бъ погиба́ти;
И дровъ би во всіхъ кра́яхъ пребива́ло мно́го,
ато́ кріпко оску́дно и́нді дровъ для то́го.
Уже́ жъ не що́ міетъ всякъ тимъ річа́мъ чини́ти,
не мо́жетъ ніхто́ по-вікъ того́ скорени́ти,
Жеби́ пи́вовъ и медо́въ не било́ варе́нно,
и́жби и горі́лки́ зъ світа скорене́нно....

О котляра́хъ.

— — .
Ро́бятъ бо казани́, тру́би, корці и лійки,
притру́бники, ле́нбики, мі́дні и ква́рти, и кондійки,
А попро́сту мо́вячи: що вхо́тятъ, то вро́бятъ....

О гонтаря́хъ що гі́онті ро́бятъ.

— —
виробля́ютъ бо го́нту — церкви́ побива́ти.
И на поби́ття домо́въ пано́въ тежъ вельможныхъ
и до про́стихъ буди́нковъ люде́й промо́жныхъ....

О цегельникахъ.

— —
Іхъ рукоділе иногда́ зароботно,
хочъ то, пра́вда, по́тяжко и по ча́сті клопо́тно.
Една́къ же мо́жетъ зъ свою потре́бу заробити,
а заробивши гро́шей, да хочъ и ожени́ти.
А иму́щие же́ни, ти́е горшъ пропива́ютъ,
а жо́ни таки́хъ въ дома́хъ хліба зъ дітьми не ма́ютъ.
Пра́вда, же и цегельникъ и́ный есть осторо́жный,
смире́нный, ти́хий, лю́дзский и до Бо́га побо́жный....

О ва́пенникахъ, що ва́пна па́лять съ кре́йди, а ча́сомъ и зъ ка́мінія.

Ещé едногó ви́дравъ ремесника́,
що ва́пно ро́бить, того́ вапенника́.
— —
Ва́пно бо тре́ба на церко́вное мурова́нія
и пото́мъ зась на потинкова́нія....

О садовни́чихъ, що сади́ са́дятъ и ще́пятъ, для розво́довъ о́вощнихъ древъ.

Хто хо́четъ собі но́вий садъ распложа́ть,
той садовничи́хъ му́сітъ потребова́ть,
Жебъ о́вощние древа́ въ зе́млю сажа́лъ
и отъ тихъ же древъ до и́нихъ прищепля́лъ,
И жеби́ дре́во ко́ждое отребля́лъ
и въ весняни́й часъ гноя́ми осипа́лъ,
А въ лі́ті жебъ мі́лъ траву́ пудкоша́ти,
жебъ чи́сто било́ о́вощи збира́ти....

О гончаря́хъ сло́во віршово́е похва́льное.

Пе́рвий на сві́ті гончаръ реме́сникъ труждáтель —
самъ Госпóдь Богъ, Адáма и Евви создáтель,
Кото́рий далъ люде́мъ всі хи́трості умі́ти
и всяку премýдрость хотя́щимъ разумі́ти.
Пре́то мо́щно гончáрство святи́мъ ді́ломъ назва́ть,
поне́важъ Богъ Адáма зво́лилъ зъ гли́ни создáть.
И гончаря́мъ чловіка мо́щно бъ зъ гли́ни зроби́ть,
ти́лько не возмо́жно зроби́вши, душі вліпи́ть.
Еднакъ сосýди ро́бять напи́тки випива́ть
и всякие тежъ горшки́, що істи готова́ть,
Та́кже кафле́вие пе́чи виставýютъ
и ро́зние на ка́фляхъ оздо́би мудрýютъ,
А ба́рзій, що поко́щуваними назива́ютъ,
где фáрбами всякоя краси́ додава́ютъ,
Именно же — мно́гое шми́льцами кладýтъ цвіти
и ве́льми премýдрие полага́ютъ квіти,
Ажъ би бе́спречъ хотілъ на ту́ю диви́тися
пічъ и грітись; до тако́й ми́ло притули́тися....

О ткача́хъ и о же́нахъ ихъ и о и́нихъ же́нахъ, тка́ти имъ дающихъ.

Межъ и́нихъ реме́сниковъ и ткачъ умішáвся
и такъ же, якъ и́ние, реме́сникомъ назва́вся.
Могла́ бъ Россія на́ша и безъ нихъ прожи́ти:
ино́е въ Ту́рскихъ стра́нахъ матéрні робúти.

А въ насъ и жо́нки то́е ремесло́ отправу́ютъ,
и большъ таковы́хъ женъ есть, що іхъ и не требу́ютъ;
Бо, якъ захотя́тъ, за́разъ мо́гутъ ся научи́ти
и не бу́детъ осно́ви южъ до ткачёй носи́ти.
А въ Литві вся́кие жо́нки ткачо́въ и не зна́ютъ, —
ра́звi коза́цкие и́ные потво́рство ма́ютъ,
Же то и́ная бу́детъ не пря́ха и не тка́ха,
а въ таково́й мо́жетъ би́ти ткачёві взна́ха.
А що жъ бу́дутъ ткачі въ тако́і собі бра́ти,
гди не бу́детъ осно́ви и потканія дава́ти?
И тка́цкие тежъ жо́нки не всі хотя́тъ пря́сти,
аби́ бъ гото́вие ни́тки могли́ въ бе́рда кла́сти,
И ча́сомъ отъ робо́ти втку не ма́ло зоста́нетъ,
а до то́го и пря́жи ещё́ въ ко́го доста́нетъ,
Ажъ полотно́ зъ тихъ річий мо́жетъ изпорядити,
да кошу́ль и и́нихъ справъ мно́го мо́щно пожи́ти.
И письме́нний людъ ткачі — всякъ неха́й разумі́етъ —
же стари́й и молоди́й *Отче нашъ* въ нихъ умі́етъ;
А и́ний реме́сникъ и моли́тви не зна́етъ,
и неха́й же не га́ньбитъ ткачо́въ — тое собі зна́етъ....

О бе́рдникахъ.

Бе́рдникъ не зна́емъ, кому́ онъ былъ би потре́бенъ,
ра́звi ти́лько тимъ ткача́мъ и жонка́мъ потре́бенъ,
Бо не мо́жетъ ткачъ и тежъ жо́пка безъ бердъ тка́ти,
е́дно му́сятъ бе́рдника собі потребова́ти.
Зачи́мъ-то и бе́рдниковъ не тре́ба зневажа́ть, —
неха́й зробля́ютъ бе́рда, жеби би́ло чимъ ткать!

О кравца́хъ.

Ка́ждий реме́сникъ свою́ на́чинь не мо́жетъ забра́ть,
а краве́цъ и зъ начи́ннямъ всімъ мо́жетъ повандрова́ть.
Всякъ реме́сникъ кромъ во́зомъ бу́детъ на́чинь вози́ти,
а краве́цъ мо́жетъ все своё за на́дру вложи́ти,
А ло́ктемъ(1) иду́чи мо́жетъ ся пудпира́ти
и въ доро́гу, где ему́ потре́ба, поспіша́ти.
А начи́нне кравцёво меновите тако́е:
прасъ(2), но́жици, напе́рстокъ, иго́лка, а не ино́е....

О шевца́хъ и о че́стномъ ихъ ремествi.

Пова́жное ремесло́ и ше́вство зоставае́тъ,
гди́ жъ че́стное бра́тство и кти́торство зъ нихъ быва́етъ.
И *шевці-святці*, такъ ся то они́ назива́ютъ,
и зъ своего́ титу́лу ажъ сами́ ся втіша́ютъ.
— —

(1) Родъ аршина, въ три четверти. — (2) Утюгъ.

И щи́рие они есть щевці лю́де на сві́ті,
и жо́ни іхъ до́брие, и іхъ ше́вские діти,
Бо ніgди они́ жа́днихъ шалвірствъ не зажива́ютъ,
але́ и у́чневъ своіхъ лю́дзскости науча́ютъ,
И особли́ве ро́зной тежъ свое́й політи́ки
и зъ кни́ги зра́зниці ше́вской че́стной граммати́ки.
И копи́лля зъ прави́ллямъ, и вся верста́ть іхъ сла́вна:
зна́ю о томъ до́бре, и лю́де мо́вятъ зда́вна.
А якъ ся́детъ роби́ти на своей варста́ті,
почне́тъ свое́ вся́кое начи́нне роскладáти,
Яко-то: копи́ла, прави́ла, дратни́ці, стрени́ці,
лойники́, цвя́шки, смольники́, на́ручки и кравни́ці,
Такъ тежъ: сти́рачі, молотки́, винштаки́, то́пки и клеса́чки,
обцалики́, смо́лу, воскъ, ви́хти, кле́йстра, писа́чки,
Затира́чки, клинці, гни́пи, дра́тви, цикна́сарі и щети́ни,
ши́ла, черни́ла, ножі, скобельки́, струги́, ско́ски, бе́лехи
и смольши́ни,
Ве́тошъ, ни́тки, за́веті, коби́лиці, хло́пци, ху́тра и стрихольці,
ре́мінь, во́ду до шпова́ння, лу́бъя, дёготь и натяга́чі, и
конці.
А якъ по́йдетъ до шкуръ, дубъ товче́тъ, шку́ри пересипа́етъ,
а и́ние шку́ри у зо́лу ху́ру заклада́етъ,
И и́ние тежъ на коби́лиці шерсть оббира́етъ,
а пото́мъ, надівши шу́ствалъ и хва́ртухъ, бе́лехомъ мез-
дру́ пудробля́етъ,
И, пофаgова́вши, въ Бо́жий часъ уклада́етъ въ квасъ,
и чека́етъ, по́куль бу́детъ пересипа́ть впять часъ,
И на крі́слі по ца́рский (¹) сіди́тъ, якъ на маеста́ті,
и про́ситъ Бо́га, жеби́ на рабо́ту ра́но уста́ти.
А уста́вши усу́нетъ лучни́къ, и желізо причепля́етъ,
и лучи́ну зъ пенько́въ смо́льнихъ зъ огне́мъ роскладáетъ,
А розложи́вши огню́, за́разъ перешива́етъ,
по́ти, по́куль ажъ ся ему́ подоба́етъ.
Якъ перешива́ючи вто́мится, то шку́ри стриху́етъ
и на роспуска́ння на чо́боти, ко́лько зъ котро́й паръ ви́й-
детъ, готу́етъ.
А пото́мъ, поки́нувши все, по́йдетъ біти збира́ть
бо потре́ба козли́ни изъ бітою вичиня́ть,
И по́йдетъ до гарбо́вки у чо́вні хита́ти,
козли́ни и бара́ници хочъ и га́бельки окраша́ти.
А нахита́вшися еще́ и істи захо́четъ,
и дастъ ему́ шевчи́ха, чого́ исхо́четъ.
А якъ при́детъ ему́ часъ и простъ ре́мінь виправля́ть,
ста́нетъ кріпко працова́ть и, якъ повісмо, той мять.
И іздитъ у лугъ ду́бу и по́пелу готова́ти,
и му́сітъ бідний до́бре на́ зиму працова́ти,

(¹) Это слово зачеркнуто другими чернилами, и вмѣсто него написано сверху: *по-власте́льский*.

А осо́бній му́сітъ по матери́нку и по листо́къ ходи́ти,
же ажъ и въ свя́то ма́ло мо́жетъ когда́ спочи́ти.
И сівши на робо́ті, то до полно́чи не бу́детъ спа́ти,
а ча́сомъ до са́мого світа бу́детъ перешива́ти,
Або́ иногда́ робо́ту бу́де стару́ю яку́ю кріпи́ти,
или́ тежъ ину́ю хорбшую но́вую роби́ти.
А якъ схо́четъ шевчи́ху побі́ть, ни що, чимъ бить, не шука́етъ:
е́сли чо́ботъ клесу́етъ, тое́ю жъ клеса́чкою поторка́етъ.
И не дай, Бо́же, на сві́ті жонка́мъ го́ршой му́ки,
якъ попа́сти яко́му ча́сомъ шевцу́ у ру́ки,
Бо ши́ломъ уко́летъ и дра́твою звя́жетъ,
нездоро́ва зъ нимъ (хочъ не зхо́четъ) спа́ти не ля́жетъ(¹)....

О кожемя́кахъ, що тку́ри вичиня́ютъ.

Кожемя́ці потре́ба зъ шевце́мъ за бра́та жить,
а хочъ би и го́лову вку́пі зъ нимъ положи́ть;
Кожемя́ка бо шку́ри шевцу́ вичиня́етъ,
а швецъ на чо́боти іхъ лю́дямъ поробля́етъ.
И шевці и́ние умію́тъ шку́ри чини́ти,
а кожемя́ки чобо́тъ не вміютъ ши́ти.
И не вімъ, кому́ бъ шку́ри чини́ти нале́жно;
подо́бно бъ, самі́мъ шевца́мъ слу́шне приналé́жно.
Або́ тежъ кожемя́камъ и чо́боти ши́ти,
да и шку́ри за е́днимъ би це́хомъ чини́ти.
А то́ ремесло́ едно́ на́двое порва́ли:
неслу́шній ніякійсь лю́де чинъ пода́ли....

О бондаря́хъ.

— —

Кгдибъ не они́, ні въ чемъ би напи́тковъ храни́ти,
ні въ чемъ било́ бъ жонка́мъ и води́ носи́ти.
А що обрізки шевці и кравці покида́ютъ,
а бо́ндари обрізковъ своіхъ не викида́ютъ;
Якъ-то: тріски́, котри́ми мо́жемъ въ печі пали́ти,
та́кже зась особли́ве и істи навари́ти.
И не бу́детъ дрима́ти, же то сту́ки-гря́ки,
а къ тому́ напа́че, якъ потя́гне таба́ки.
И не кохается въ сну, же ро́бить въ ночі
або́ трость, альбо́ круги́, или стру́жетъ обручі....

(¹) Послѣдніе четыре стиха передѣланы изъ народной сатирической пѣсни, которая поется такъ:

Ой не дай, Бо́же, гі́ршої му́ки,
Якъ попаде́сся шевце́ві въ ру́ки:
Ши́ломъ уко́ле, дра́твою звя́же,
Посте́ле шку́ру, та й спа́ти ля́же,

О те́сляхъ, або́ тежъ о пло́тникахъ по-Моско́вский, а о деилидахъ по-Литовский.

— —

И че́стное та́кже іхъ и чи́рствое ремесло́,
але́ и працови́то оно́, бо тяжестно́;
Бо якъ ста́нутъ буди́нокъ яки́й будова́ти,
тре́ба ко́ждому противъ се́бе пудийма́ти,
И туда́ и сюда́ де́рево оберта́ти,
и еще́ шляго́ю и ти́бель забива́ти....

О зво́нникахъ и о комиса́ряхъ.

— —

Также и гарма́тние шту́ки отлива́ютъ,
кото́рими въ при́ступахъ стіни добува́ютъ.

— —

Та́кже не безпотре́бни, вімъ, и комиса́рі,
що ро́бятъ до церкве́й сосу́ди и ли́хта́рі,
И ке́люхи, и звізди, и вся́кие крести́,
въ котри́хъ ча́сомъ случа́етъ попо́мъ и тайни нести́;
И ро́бятъ ди́скоси, ло́жици и мирни́ци,
а для соблюда́ния а́гнцовъ и гробни́ци;
Та́кже и я́нполки до церкве́й вилива́ютъ,
що на всено́щнихъ вино́ и еле́й ставля́ютъ;
И ро́бятъ фля́ши, ку́бки, пулми́ски и збани́,
тарілки́, ква́рти, ча́ши, чарки́ и рострухани́....

О коваля́хъ.

— —

И найчастій коваля́ ко́ждий тре́бовать бу́детъ,
а якъ-ко́львекъ безъ и́ннихъ реме́сниковъ пробу́детъ(¹)...

О сніцаря́хъ и о слюсаря́хъ.

— —

Сніцарі бо церко́вний де́йсусъ отріза́ютъ,
а слюсарі ро́зние тежъ шту́ки работа́ютъ.

— —

Ро́зние бо му́дрості слю́саръ показу́етъ,
и сніца́ръ безъ числа́ штукъ да́внихъ виставу́етъ;
Пре́то слу́шне бъ імъ двомъ брата́ми ся назива́ти,
же то прему́дростей нави́кли зажива́ти....

(¹) Читатель видитъ, что Климентій иногда наполняетъ свои стихотворенія пустословіемъ, въ кото́ромъ нѣтъ ни одной характеристической черты описываемаго имъ ремесла.

О ме́льникахъ або́ тежъ о мірóчникахъ.

И мірóчництва чéстни ремесла́ быва́ютъ,
котри́мъ и безъ жнивъ они́ хлíбъ зароблля́ютъ.
— —
Товку́тъ бо и ме́лютъ все и изъ рукъ здава́ютъ,
вся́кимъ лю́дямъ ремесло́мъ своíмъ угожда́ютъ.

О самúхъ господаря́хъ, владу́щихъ млина́ми и держа́щихъ ихъ, и о млина́хъ.

Хочъ то млинъ корчмóю ся въ людéй назива́етъ,
една́къ же онъ нí въ чемъ ся корчмí не равня́етъ:
Млинъ — чéстна храмина; не жúетъ въ немъ свавóльность,
лечъ вихóдитъ зъ негó людéмъ хлíба довóльность.
А хочъ изъ корчми́ па́ну быва́етъ пожúтокъ
и господаре́ві корче́мному ужúтокъ,
А млинъ не едно́му па́ну догажа́етъ,
гди на всю околúчность хлíба настатча́етъ.
Ти́лько жъ и млинъ — якъ кому́ въ щáстю поведéтся,
то той ти́лько зъ негó хлíба не отгребéтся.
И хто и плу́гомъ па́шетъ, ме́льнику ся равня́етъ,
и ко́шту своегó, якъ ме́льникъ, не страча́етъ.
А ме́льнику мно́го прибóровъ въ млинъ потре́ба,
зале́дво яко́й ре́чи чегó не потре́ба:
А тре́ба каміння, желíза безпреста́нно,
ста́лі, дере́вні, ло́ю, — мóвлю то нелга́нно,
А особли́ве ча́сомъ люде́й — гре́блю гати́ть
и бондаре́й — сосу́ди въ млинъ на розмíри роби́ть.
А особнíй — тре́буетъ и́ний и мíрного,
гди зна́йдетъ человíка дóброго и вíрного.
Зачúмъ здало́ бъ ся шку́рка за чиньбу́ не ста́не,
е́днакъ хто що звикъ держа́ть, то не переста́не....

О каменносíчцахъ, що зъ горъ камяни́хъ вибиваютъ, або́ тежъ виробля́ютъ млино́вие до млино́въ на моло́ття каміння и крести́ надгро́бние, и деки и слупи до му́ровъ и до форте́цъ ка́мéнихъ.

— —
А ка́мень потребнíйший въ млинъ, — такъ тре́ба суди́ть;
бо безъ ка́меня хлíба не мóщно сотвори́ть....

О шаповáлахъ и о коновáлахъ.

— —
Коновáлъ е́дно ти́лько дíло изправля́етъ,
же то ко́нямъ и шка́памъ опра́ву дава́етъ;
А шаповáлъ вся́кие всíмъ вигóди твóритъ,
кгдиж ро́зние потре́би люде́мъ за́вше ро́бить,

Якъ-то: мужика́мъ плете́тъ рукави́ци,
и ля́мци вива́люетъ, що но́сятъ молоди́ци,
И ещé и опанчу́ мо́жетъ изроби́ти,
и ке́цу (хочъ) найбо́льшую му́дро устрои́ти;
А е́сли ча́сомъ зхо́четъ и зпочи́ти тро́хи,
то тогда́ безпреста́нно все вя́жетъ панчо́хи.
А впять якъ почне́тъ во́вну перебива́ти,
то знать-то уже́ хо́четъ зъ лу́комъ мандрова́ти;
Бо зъ да́внихъ ча́совъ, якъ где шапова́лъ мандрова́лъ,
не едну́ на доро́зі и ду́шу излика́лъ,
Же зда́леку вла́сне Тата́ре маня́чатъ,
а шапова́лъ но́сится зъ лу́комъ, якъ за дру́комъ, — зблúзу вба́чатъ.
А пришéдъ до людéй, ста́нетъ робо́ти пита́ть,
жебъ где-ко́львекъ мíлъ собі на робо́ту стать.
Якъ зна́йдетъ до́брую робо́ту въ до́бромъ мíсті,
ажъ за́разъ заро́битъ золоти́хъ сто або́ двíсті....

О ратая́хъ, або́ тежъ о па́шущихъ хлíбъ людéхъ.

Надъ всі ремесла́ потребнíйшое подо́бно
па́харство, же то́е всему́ свíту вигóдно,
Бо хочъ би хто срíбро́ и зо́лото моглъ роби́ти,
а не мíючи хлíба, зло́та не вкуси́ти....

О риба́лкахъ и о резникахъ.

Риба́лки зъ резника́ми проти́вности ма́ютъ:
якъ посъ да мясни́ци, такъ они́ пробува́ютъ.
Риба́лка для по́стнихъ днíй ри́би уловля́етъ,
а для мясни́хъ днéй резни́къ о мя́со стара́етъ.
— —
И годи́ло бъ ся лу́чшей риба́локъ поважа́ть,
и па́че отъ резнико́въ о́нихъ всіхъ шанова́ть,
Кгди жъ и самъ Богъ зъ риба́локъ Апо́столи вчини́въ
и моли́твенниками за всіхъ насъ почини́въ.
— —
И риба́локъ и въ мясни́й часъ бо́льшъ потребу́ютъ,
гди жъ найбо́льшие часи́ по́стние знайду́ютъ.
Ри́бу и въ пости́ мно́гий наро́дъ заживаетъ,
о въ постъ христия́нский лю́дъ мя́са не вжива́етъ.
Четве́ртая жъ часть на всемъ року́ днéй скоро́мнихъ,
а три ча́сти знайду́ютъ та́кже нескоро́мнихъ....

О гутника́хъ и о скляра́хъ.

Досто́йни и гутники́ вели́кой похва́ли,
гди сосу́ди че́стние ро́бятъ и криста́ли,
Та́кже для млади́хъ людéй слични́е зерца́ли,
а соста́рівшимся южъ людéмъ окуля́ри,

А сосу́ди вся́кие скляни́е и збани́,
зъ котри́хъ випива́ютъ и вели́кие пани́.
И ви́дно напи́токъ скрозь, якъ чего́, чи мно́го,
или́ тежъ чего-ко́львекъ ча́сомъ чи немно́го.
А во и́нихъ не ви́дятъ, якъ-то въ черепя́нихъ,
такъ тежъ осо́бъ не ви́дно и у деревя́нихъ,
И не ви́дно въ ціно́вихъ, желізнихъ и въ міднихъ,
и не досмотрітися особній и въ срібнихъ,
И мося́нжъ прозріти скрозь, и зло́та не мо́жно,
ти́лько презъ скляни́е все ви́діти возмо́жно.

— —

Уже́ жъ гутника́мъ списа́хъ вели́ку похва́лу,
и оболо́нникамъ хочъ ма́лу створи́хъ хва́лу,
Світови́дние у́бо ділаютъ зало́ни,
якъ менови́те вся́киі оболо́ни.
Ини́е про́стие ділаютъ древя́ние,
а ини́е му́дрие и оловя́ние....

О си́тникахъ и о реше́тникахъ.

Мерзе́но здава́ло бъ ся то ремесло́ и бри́дко:
зъ ко́нскихъ ого́новъ си́та ро́бятъ, — вспо́мніть ги́дко.

— —

Ре́шета да пудси́тки зъ ликъ бива́ютъ истка́нни,
а у Воло́хъ ре́шета въ ре́меняхъ пробия́нни....

О копа́ющихъ коло́дязі глубо́кие, а по-лядзкий сту́дні или по-славе́нский студенці.

— —

И есть смілихъ, же бъ до дна а́дска прокопа́ли,
а́ще бъ жро́дла во́дние імъ не прешкажа́ли.
Могли́ бъ жи́ви въ ті́ліхъ пе́кла досмотріти,
и, узрівши тамъ зле, сна́дній ка́ялись би на світі.
А осо́бно и то́е еще́ уважа́ю,
же могли́ бъ и само́го дохо́дити ра́ю,
Если бъ не за сро́кгими, повідаетъ, гора́ми
и за пу́щами зъ га́ди, и за морски́ми вода́ми.

— —

И признаю́тъ, гдибъ пра́ве хто до ра́ю и дойшо́лъ,
то ра́зві ся бъ насмотри́лъ звні, а внутръ би не ввойшо́лъ,
Гдижъ око́ло ору́жиемъ пла́меннимъ обварова́нно
и пла́менемъ о́гненнимъ вкругъ оцірклева́нно....

О олі́йникахъ.

— —

И зъ працови́тостю робо́та імъ прихо́дитъ,
по́куль гото́вий олій изъ гнізда́ вихо́дитъ;
Пе́ршей бо сімя въ сту́пахъ толку́тъ и просіва́ютъ,
пото́мъ въ те́плой воді місятъ и зхвалева́ютъ,

Тожъ на сковрáдахъ смáжатъ и въ гніздо вкладáютъ,
а пóслі тарáнами клúння забивáютъ,
И зачúмъ вúтиснется якáя макýха,
а імъ отъ тарáновъ ажъ запирáются дýха,
И покýль фýри вúйдутъ, крíпко наклопотя́тся,
пóкуль тежъ зовсімъ-провсімъ дóбре увольня́тся....

О воскобóйникахъ.

А воскобóйникъ вáритъ воскъ и закладáетъ
въ гніздó, и колóдами клúнне забивáетъ.
Изъ гніздá въ судúну на сподъ воскъ истікáетъ,
и на захолóду тежъ въ сосýди вливáетъ....

О калáчникахъ.

Мнóго есть вéльми всякихъ вúмисловъ на свíті:
калáчники не ремéсники, а змúслили цехъ міти.
Ремеслá іхъ мóщно ся навчúть за годúну,
не старúхъ тúлько, алé навчúвъ би дитúну.
И самú ремéслъ своіхъ рідко работáютъ,
алé все своіхъ бабъ робúти заставля́ютъ,
Якъ-то: мукý сіяти, и місúти тісто,
и пектú, и вúбрать, и продавáть нестú въ місто.
— —
Кгди жъ ремеслó іхъ жáдной трýдности не мáетъ:
поплéтши сюдá-тудá тісто, въ пічъ сажáетъ,
Прéто и самú дáрмо въ цехъ той уплелúся,
влáсне якъ старéцькиі цехú повелúся.
Еднáкъ въ старцóвъ наýка есть — язикá ся вчúти
и якъ би мúлостини, або́ хліба просúти.
Тúлько жъ не трéба бáрзо и тихъ цехóвъ зневажáть,
éжели бýдутъ до церквéй свічи поставля́ть,
Або́ къ прáздникамъ котрúмъ канýни справля́ти
и на церквú зъ дохóдовъ тихъ ся укладáти....

О токаря́хъ.

— —
— — ....ложкú виточáютъ,
котрúми и панóве чáсомъ уживáютъ;
Такъ тежъ оздóбние тóчатъ и тарілки,
зъ котóрихъ ядя́тъ и пьютъ, зварúвши горілки;
А осóбно зробля́ютъ велúкиі ящі,
що зпря́туютъ въ дорóгу печéние лящі;
И въ церквú тóчатъ слупú, а малю́ютъ малярі,
и тóчатъ до церквéй баля́си и лихтарі;
И тóчатъ на жéртовникъ хорóшие кýбки,
що священникъ ховáетъ, потрéбши дарú, гýбки;
И до убóгихъ церквéй на престóлъ гробнúци,
и до монастúрскихъ трáпезъ тóчатъ сольнúци;

И ти́е витóчуютъ тéртки, що пéрецъ трутъ,
и ти́е макогóни, що кухáрки макъ мнутъ;
И ти́е брязкáльца, що дітéй забавля́ютъ,
и веретéна, що жонки́ ни́тки випрядáютъ;
И пóсоховъ властéльскихъ мнóго виточáютъ,
и ти́е качáлки, що жонки́ хýсти качáютъ;
И овчáрские тóчатъ зъ дéрева сопілки,
и козáцкие, що зъ лукóвъ, витягáютъ стрілки....

О пастухáхъ, скóти и бúдла (и свúнія) пасýщихъ, пáче же о овчаря́хъ.

— —

Алé еще на снідь себі óвци пудрадáетъ,
а господаря́мъ речéтъ, я́ко волкъ зъядáетъ;
А особли́ве млéко изъ овéцъ здоя́етъ
и господаря́мъ óвчимъ пáкости створя́етъ.
А и́нихъ овéцъ жезлóмъ нещáдно ударя́етъ,
же ажъ умерщвля́тися óнимъ втожъ сотворя́етъ,
И мнóги творúтъ фúглі и незичли́вості....
— —
а той и вигоня́етъ зъ гнівомъ изъ огрáди
И заблужде́нной овци́ не тщáтельно и́щетъ,
и зъ нерадíніемъ и́щущи, въ сопілку сви́щетъ....

О кушнерáхъ.

Кóжи бо óвчие онъ въ квасý виробля́етъ,
— —
и на зи́мние чáси кожýхи зробля́етъ,
И трéбующимъ людéмъ въ грáдіхъ продавáетъ,
а котри́е принóсятъ старúхъ, поправляетъ....

Стихотвореніе: *О гребенникáхъ, що гребенці зъ рогáвъ (скотскихъ, абó тежъ бидля́чихъ) робятъ до чесáння голóвъ*, состоитъ изъ самаго безцвѣтнаго пустословія.

— —

О соляникáхъ, торяникáхъ, бурлáкахъ, що солі господáрские вáрятъ.

Торяники́ велúку прáцу подиймáютъ,
пáче коломийцовъ, що гуски́ виробля́ютъ.
Сóтце бо відеръ вки́нетъ на бóчку сóли води́,
и, дрóва въ пічъ вергáя, патерпи́тся бíди́.
А безпрестáнно трéба и не досипля́ти
и, жебъ не прогоріла (скóро) сковрадá, пильновáти.
Потóмъ въ садовни́цу соль зъ сковради́ викидáетъ
и на дрýгий садъ вóду, пошéдши, накидáетъ.

И потре́ба изъ со́ллю бо́чку изтрусѝти
и всего́, що́ веде́тся тамъ, пи́льно досмотріти.
И зъ по́длимъ здоро́вьемъ нічего тамъ пудийма́ти:
хочъ ма́ло знемощніетъ, му́сітъ варѝть преста́ти,
Илѝ тежъ това́рища про́ситъ допильнова́ть,
а самъ, прише́дши къ собі, му́сітъ та́кже отвдяча́ть.
А осо́бно и то́е бурла́камъ ве́льми ну́дно,
же о соло́дкую во́ду непома́лу тру́дно.
Му́сітъ тоéй же со́ли господа́рской ча́стку отложѝти,
жéби, вмісто водѝ, бра́ги ся испѝти.
А впять же — не ма́шъ тамъ женъ въ Багму́ті, нікому кошу́ль
пра́ти;
му́сітъ, взя́вши нову́ю, носѝть, по́куль зодра́ти.
— —
Тутъ же и то мо́влю, же соль есть ро́зна на світі.
— —
Якъ-то: Запоро́зкая есть, Кри́мка и ледя́нка,
а не бу́детъ зъ тако́ю (вімъ) пра́цею (и ко́штомъ), якъ
Торя́нка.
Зачи́мъ бурла́камъ (То́рскимъ вірши си́е покладаю
и пра́цу ихъ и пи́льний дозо́ръ похваля́ю....

О бу́дникахъ, що по́ташъ ро́бятъ.

Да и ти́е бу́дники въ на́шой землі бува́ютъ,
що по́ташъ Ту́ркамъ су́кна фарбова́ть виробля́ютъ.
— —
И сихъ часъ есть бу́дищъ мно́го, где бу́ди бува́ли:
да́вние лю́де бъ то́е и ни́ні призна́ли.
И прислуха́йся ко́ждий, що старѝй мо́витъ на глумъ,
а молоди́й неха́й бере́тъ до́бре собі на умъ (1)....

О старца́хъ.

Старе́цкиі во віки не напо́лнишъ су́нки.
бо то діра́вие въ нихъ найду́ются тлу́мки.
— —
Есть и таки́хъ мно́го на світі знайду́етъ
ле́жнювъ, котри́е, въ миру́ хо́дячи, плуту́ютъ.
Бу́детъ ѝний здоро́вимъ, да не хо́четъ робѝть, —
потре́ба бъ тако́го сімъ разъ на́ день ки́емъ бить.
— —
И до́бре мо́вятъ: »Въ старці пу́гою не вгна́ти,
а съ старцо́въ — хочъ калаче́мъ сталъ би пудманя́ти«....

О ли́нникахъ (2).

— —
Кодо́ли бо му́дрие лю́дямъ изробля́ютъ
и тре́бующимъ о́нихъ здо́бель нада́ваютъ;

(1) Ср. *Зап. о Южн. Руси*, т. I. стр. 13.
(2) Веревочникахъ.

Именно жъ до кла́дязей на́добни глубо́кихъ
и до ка́пуровъ тесля́мъ до церкве́й висо́кихъ,
Та́кже и до неводо́въ озе́рнихъ тягне́ння,
когда́ где быва́етъ южъ ри́бное ловле́ння,
И до мно́гихъ річий зась кодо́лъ потребу́ютъ,
та́кже и до буди́нковъ па́нскихъ, гди буду́ютъ.
Ко́долами де́рево на го́ру встяга́ютъ,
а и́нді и поромі́ чрезъ ріки тяга́ютъ.
— —
Также и нари́тники, шле́і и ужи́ща,
котри́ми припина́ютъ у поля́хъ кони́ща.
Та́кже обро́ті, вожки́ и пу́ги зробля́ютъ,
що ко́ней ідучи где-ко́львекъ затина́ютъ,
И до дзега́ровъ ро́бятъ втожъ шну́ри на ваги....

О ру́дникахъ, що зъ руди́ желіза ро́бятъ въ ру́дняхъ.

— —
Бо хочъ водо́ю мла́ти въ ру́дняхъ ударя́ютъ,
е́днакъ безъ вели́кої пра́ци не быва́ютъ;
Гдижъ при болота́хъ тре́ба и зе́млю копа́ти
да руди́ зъ вели́кою пи́льностю иска́ти,
А знайше́дши где руду́, осо́бно копа́ти
и, въ кошни́ці беручи́, въ воді полоска́ти;
Пото́мъ на у́голля дровъ въ дубро́ву руба́ти
и ви́шей хло́па въ косте́ръ до́вгий тасова́ти;
Напото́мъ дернъ різать косте́ръ той вкрива́ти
и смотріть, жебъ по́ломья не могло́ посова́ти....

О римаря́хъ.

— —
Шку́ри бо возови́е и лійци зробля́ютъ,
и хомути́, и у́зди, що ко́ней нуздаю́ютъ,
Такъ тежъ шо́ри и шлеі, и бичі на воли́,
и для люде́й убо́гихъ зъ реме́ню жъ постоли́,
И ро́нзики до ко́ней па́нскихъ и кантарі.
— —
И попру́ги до кульба́къ они́ жъ зась зробля́ютъ,
котри́ми кульба́ками ко́ней лю́де сідла́ютъ;
И пу́та ремінние ро́бятъ, и трино́ги,
що злимъ прокля́тимъ ко́нямъ трино́жатъ ча́сомъ ноги;
И нага́йки, або́ тежъ канчуки́ сплі́та́ютъ,
котри́ми лю́дзкости жонъ ча́сомъ прицвіча́ютъ.
А е́жели уда́стся ча́сомъ зла́я прочва́ра,
не нау́читъ тако́і и то́лстая барба́ра....

О косаря́хъ, що сіно ко́сятъ.

— —
И, хочъ би не радъ, му́сітъ косаро́въ затяга́ти,
по пять че́ховъ й по три шаги́ на день дава́ти.

А косарі-сподарі идýтъ къ немý съ косúти
и кóсятъ трáви ввесь день и въ порáну зъ росáми....

О гребцáхъ сіннúхъ.

И жéнщина мóжетъ тáкже сіно згромажáть,
алé не мóжетъ такъ, якъ музчúзна, ухожáть,
Бо звичáйно то дíло музчúзнамъ робúти,
гребти́ сіно и копúць сіннúхъ волочúти,
Абó тежъ у копúці и у стúрти клáсти,
а жонкáмъ рáзві тúлько у гребенéй прясти.
— —
Нехáй жóни у домáхъ дíла росправýютъ:
прядýтъ. ткутъ и істи вамъ, мужикáмъ, готýютъ....

О женцáхъ.

— —
Тúлько, хочь билá бъ імъ чáсомъ третúна,
алé хúлячись заболúтъ и спúна....

О мúльникахъ, що мúла рóблять, бáрские дóбрие и прóстие пóдлие.

Не знáю, по мúльникахъ хто бъ ся чи зафразовáлъ,
хочъ би и не едúнъ ся на свíті не обрíталъ;
Бо рíдко хто на свíті мúломъ ся вимивáетъ,
алé бóльшей водóю тваръ собí омивáетъ....

О колесникáхъ.

И колесникъ ремéсникъ твóритъ тожъ чудесá,
зробля́етъ бо до возóвъ и пáнскихъ колесá,
А úменно я́ко-то: панóмъ на ридвáни,
въ котрúхъ и вельмóжние іздятъ гетмáни;
И до карéцъ колісъ трéба и на лектúки,
въ котрúхъ славéтние тежъ іздятъ политúки.
Къ палубáмъ и къ колясамъ и къ возáмъ глабчáстимъ
тáкже колісъ потрéба, и къ тимъ драбинчáстимъ....

О стадникáхъ кóнскихъ.

И стадникú тожъ людямъ вéльми вигожáютъ,
же стадъ кóнскихъ у поля́хъ у дозóрахъ мáютъ,
И у поля́хъ при кóняхъ зáвше и ночýютъ....

О дегтярáхъ и столярáхъ.

— —
Трéба прáвда, где зъ негó (1) сажу пáлятъ при друкáрняхъ,
на черни́ла книжние, — по-московскій при печáтняхъ....

(1) Изъ *смолóвого*, сосноваго дегтя.

О неводни́чихъ, що вя́жутъ неводи́ и сіті́, и и́ние по́судки до ловле́нія рибъ.

— —

А хочъ же и самъ и́ний ри́би не има́етъ,
е́жели-то спо́собу до то́го не ма́етъ;
То, ро́бячи по́судъ то́й, мо́жетъ продава́ти.

— —

И ча́сомъ той по́судъ и въ пано́въ быва́етъ,
кото́рий панъ озе́ра свої собі ма́етъ.
Таки́й не ти́лько по́судъ той бу́детъ держа́ти,
але́ и риболо́вовъ мо́жетъ затяга́ти
Для дома́шнихъ пожи́тковъ ри́би уловля́ти,
жеби́ не все посила́въ въ го́родъ купова́ти....

О робя́щихъ су́дна во́дние вели́кие и ма́лие, то есть морские и річни́е.

— —

А ро́бятъ окре́нти, кораблі и геміі,
ка́торги, о́бшивні, струги́ и шугалііі.
Также осо́бно ро́бятъ ли́пи и байдаки́,
шкути́, дуби́ и ло́ді и човни́, и плавники́....

О парте́сахъ, и уча́щихся іхъ.

— —

.... же конпону́ютъ гла́си для Бо́жией хвали́:
А хочъ бо́льшей тихъ, що гото́вое співа́ютъ,
една́къ и ти́е хвалу́ Бо́гу отдава́ютъ.

— —

И при вели́кихъ власте́хъ за співако́въ быва́ютъ,
и за то пудъ часъ людьми́ на світі става́ютъ.

— —

Хочъ би пое́тикъ кто билъ, — не почне́тъ співа́ти;
е́сли не вміетъ парте́съ, не бу́детъ іхъ зна́ти, —
И не парте́съ ти́лько, але́ и ирмоло́я,
а парте́си дале́ко трудній отъ ирмоло́я....

О костя́рхъ.

— —

....и на то́е гди хто ща́стя бу́детъ міти,
запомо́жется той самъ и его́ діти.
Лечъ быва́етъ на мали́й часъ то вспоможе́нія,
же не вте́рпитъ, пройгра́етъ, ажъ и обнище́нія.

— —

гди пройгра́вшись нічого дать, пе́рста одсіца́ютъ,
А ча́сомъ отрізуютъ уста́ або́ гу́би
и ввóдятъ зли́е рабі́ злихъ рабо́въ до згу́би.
А подъ часъ за пе́рста ногъ ви́сятъ (1) и щеза́ютъ (2)
и на́гле зъ світа сего́ на той ізхожда́ютъ....

(1) Т. е. вѣшаютъ за ножныя пальцы. — (2) Т. е. и повѣшенные такимъ образомъ погибаютъ.

О свічкаряхъ, що лоевйе свічки рóбятъ.

— —

. . . . где кóльвекъ лоевúхъ свічъ начнýтъ робúти,
тамъ стáнутъ за полверсты ажъ смрóди сходúти,
А найбáрзій, где люде въ судúни мочáютъ,
а тамъ не такъ, где въ трубкáхъ желізнихъ зробля́ютъ.

— —

. . . . мýсітъ мнóгий нарóдъ свічъ тихъ куповáти,
же восковúхъ не мóщно грóшей настатчáти,
Бо въ кáмень вóску осмь копъ потрéбно вложúти,
а лóю кáмений сімъ за то мóщно купúти....

Представленныя нами выписки о ремеслахъ, существовавшихъ въ етманство Мазепы, показываютъ развитіе промышленности въ большей ѣрѣ на Украинѣ, противъ нашего времени. По всему видно, что суще-твовавшее тогда, при всемъ его разореніи отъ предшествовавшихъ войнъ татарскихъ набѣговъ, благосостояніе края съ тѣхъ поръ значительно ало. Главными причинами упадка должно, кажется, полагать введеніе Украину крѣпостнаго права, развитіе такъ называемой цивилизаціи ея изобрѣтенными не дома потребностями въ привилегированномъ ассѣ населенія, квартированье войскъ, рекрутскіе наборы и всего бо-ѣе — распространеніе канцелярскаго управленія народомъ, которое съ одной стороны пріостановило всѣ свободныя отправленія ремеслъ и про-мысловъ, а съ другой породило множество лицъ, добывающихъ изъ на-рода не производительнымъ трудомъ, а безплоднымъ перомъ сравнитель-о лакомый кусокъ хлѣба. Гетманство Мазепы тоже отнюдь не было зо-отымъ вѣкомъ для Украины. Евреи съ своими опустошительными аренъ-ами исчезли, но ихъ система насильственнаго стяжанія усвоена была етманскимъ правительствомъ, какъ это видно, между прочимъ, и изъ тихотворенія Климентія: *О рандаряхъ*.

И убóгий чоловікъ хтілъ би рандирéмъ бить,
éслиби то стóлько мілъ грóшей рáту платúть;
Тúлько, же и богáтий не всякий то мóжетъ:
рідко якúй на тóе сумý вложúть змóжетъ;
А хочъ инъ и богáчъ есть, того не достýпитъ
рандáрского урядý, ажъ большъ рáти постýпитъ;
И доступúвши, гди ся пощастúтъ, хлібъ мáетъ,
алé посполúтимъ южъ людéмъ перешкажáетъ.
Не вóльно продавáти горілки нікóму,
тúлько то рандарéві ужé единóму;
Также и тютюнý южъ не вóльно продавáть,
тúлько до негó мýсятъ ходúти куповáть;

А е́сли и до́готь вку́пі зааренду́етъ,
то и до́гтемъ нихто́ вже бо́льшей не шинку́етъ;
А и́нді въ аре́нді и бра́га быва́етъ, —
хто не чува́лъ съ віку, той ве́льми ся удивля́етъ.
А се жъ, мо́витъ, яки́е ви́гадали кадуко́ве?
на́ши не чува́ли зъ віку сего́ и продко́ве!
А еслибъ рандова́ли ещё́ медъ пи́во,
би́ло бъ южъ всему́ світу найбо́льшое ди́во....

Интересно свидѣтельство Климентія, о состояніи лѣваго берега Днѣпра. Онъ описываетъ пустоту нашихъ рынковъ, недостатокъ промышленныхъ сношеній между жителями и безпріютность большихъ дорогъ для путешественника. Свидѣтельство его, какъ современника, имѣетъ для насъ важность историческаго документа.

— —
.... по и́нихъ города́хъ и хліба не знайти́
пече́ного. Мусітъ такъ іхать або́ пойти́,
А не ти́лько, же бъ ся моглъ стра́вою пожи́вить,
да и безъ хліба по́йдетъ, хочъ му́ситъ подви́ть.
И зле тамъ, где стравали гостя́мъ (1) не вигожа́ютъ,
а що го́ршей, же и хліба не продава́ютъ.
Зви́чай то въ таки́хъ міста́хъ на́збитъ (2) непотре́бний
— —
Ро́зний би то гость му́сілъ би въ нихъ хлібъ купова́ти
и, якъ слу́шно, пла́тою о́нихъ не вкрпвжати.
Зачи́мъ въ певиго́днихъ міста́хъ бода́й не быва́ть
гостя́мъ, же повиля́вши му́сятъ и поіжжа́ть.
И, поіхавши, ихъ звича́ю не похва́лятъ
и въ дале́комъ краю́ похвало́ю не просла́вятъ.
А то на Вкрайні тутъ (Ма́лороссійской) не всі міста́ вигодни,
же, побува́вши гості, и поідутъ голо́дни.
Ежели у ко́го есть що за харчі у во́зі,
то якъ-ко́львекъ тако́му надія у Бо́зі.
А въ Ля́дзскихъ и въ Литовскихъ краяхъ продава́ютъ
хлібъ и стра́ви, и ко́рчми по шляха́хъ зъ всіми вигодами
ма́ютъ.

Ажъ го́стеві быва́етъ вшеля́кая вигода:
ко́нямъ харчи́ и самимъ пи́вомъ и ме́домъ охоло́да.
А тутъ въ насъ ра́зві зви́чай той по міста́хъ вале́чнихъ,
якъ-то города́хъ столе́чнихъ;
А въ ма́ломъ місті го́стю не пита́й пожи́вити,
гдибъ ся заме́шкалъ, то моглъ би ду́шу умори́ти.

Въ сборникъ свой Климентій ввелъ на листкѣ 18, стихотвореніе: *О нехотящихъ труждатися че́стнымъ трудомъ, то есть о зло-*

(1) Т. е. торговымъ людямъ. — (2) Крайне.

дія́хъ. При тогдашнемъ устройствѣ Малороссіи и равнодушіи гетманскаго правительства ко всему, что́ не касалось матеріальныхъ его выгодъ, разбои и воровства естественно могли совершаться по дорогамъ, въ городахъ и селахъ, безнаказанно. Климентій говоритъ:

.... въ сей на́шей странѣ есть таки́хъ мно́го зіло́.
— —
А теперь намно́жило всю́да душъ безбо́жныхъ,
бо не міютъ ка́рностей отъ люде́й побо́жныхъ....

Не смѣя тронуть правительствовавшихъ въ гетманщинѣ лицъ, Климентій глухо говоритъ *о драпіжцахъ, нікогда ненасище́нныхъ или тежъ о види́рцахъ*, подъ которыми нельзя разумѣть одну мелкую начальственную братію, а должно разумѣть всю облеченную въ законъ правительственную тогдашнюю іерархію: иначе — не пищалъ бы народъ отъ грабителей, притѣсняющихъ его тайкомъ отъ старшихъ, и не вызвалъ бы со стороны паноугодливаго стихотворца довольно энергическаго протеста въ свою пользу:

Рече́ при́повість: »Волкъ, що споткае́, то зъяде́«:
такъ и чоловікъ драпіжний ніко́му не даде́,
Ти́лько радъ ку́ю-лю́бо персо́пу лупи́ти,
жеби́ моглъ якожъ-ко́львекъ шкату́лу наби́ти.
Кому́ жъ, рече́мъ, подо́бенъ драпіжъ, то́кмо во́лку?
— —

Далѣе онъ указываетъ на самовластіе старшинъ, не смѣя, однакожъ, явно назвать ихъ.

Кромъ ціле ся паречетъ самъ всімъ господи́номъ,
кгди́ жъ самъ ся постановилъ на то властели́номъ.
— —
Пре́то и ми́то добро́ бъ вибира́ть помірно,
а не зго́ла оскорбля́ть бідний людъ безмірно....

Мы исчерпали, по возможности, весь интересъ книги стихотворца Климентія, для нагляднаго изображенія въ наиболѣе ясномъ свѣтѣ тогдашняго времени. Общее впечатлѣніе наше таково: что Украина отпала отъ Польши не какъ здоровое гражданское общество, а какъ нація изнемогшая въ отчаянной борьбѣ и зараженная недугами, отъ которыхъ страдала сама Польша, — что новое гетманское правительство украинское,

вмѣстѣ съ союзнымъ себѣ духовенствомъ, злоупотребляло отвоеванную ему народомъ свободу и предалось стремленіямъ эгоистическимъ, упустивъ изъ виду идею миновавшей войны народной, — что при такомъ состояніи дѣлъ не могло существовать между гетманомъ Мазепою и Украинскимъ народомъ единства стремленій, каковы бъ они ни были, и что съ его паденіемъ должно было неизбѣжно начаться и паденіе грѣшной гетманщины.

12 января 1859.
С. Петербургъ.

II.

КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Исторія Польши и Южной Руси, или Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, съ XVI по XIX вѣкъ, похожа на судьбу двухъ братьевъ, изъ которыхъ старшій хотѣлъ заставить меньшого на себя работать, — отъ этого вспыхнула между ними непримиримая вражда, старшій не хотѣлъ дать меньшому правъ равенства, меньшой не хотѣлъ подчиниться старшему до покорности слуги, и кончилось тѣмъ, что они взаимно другъ друга разорили, обезсилили, довели до послѣдняго упадка. Участи этихъ двухъ націй сходны не въ одномъ внѣшнемъ отношеніи. Конецъ ихъ отдѣльной, хотя уже давно не самостоятельной жизни, въ исходѣ XVIII столѣтія, былъ временемъ упадка, какъ польской, такъ и украинской народности. Но когда, по-видимому, погасла и послѣдняя искра польскаго патріотизма и украинскаго козацкаго духа, — въ той и другой націи начали обнаруживаться признаки жизни, болѣе могучей и вѣрной, нежели существованіе политическое, часто подчиняющееся нравственнымъ достоинствамъ и недостаткамъ одного лица, — признаки своеобразной духовной жизни, опредѣляющей, что̀ вынесъ народъ изъ своего прошедшаго, счастливаго и несчастнаго. Польская народность проявила себя въ обширной, энергической литературѣ, которая выразительнѣе всѣхъ Радзивиловъ, Потоцкихъ и Вишневецкихъ сказала свѣту, что̀ такое Поляки разныхъ сословій и состояній и что̀ такое Польская нація вообще, въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ. Что̀ касается до Украинцевъ, то у нихъ также, вслѣдъ за уничтоженіемъ и послѣднихъ остатковъ стариннаго своеобразнаго гражданскаго устройства, обнаружились попытки къ выраженію своей народности предъ судомъ современнаго и будущаго человѣчества. Мы говоримъ о началѣ письменной украинской словесности. Но, поставивъ ее въ параллель съ словесностью польскою, мы далеки отъ того, чтобы ихъ сравнивать въ могуществѣ и обширности развитія. Два брата-Славянина, Ляхъ

и украинскій Русинъ, панъ и козакъ, родные по происхожденію, не похожи другъ на друга религіозными и общественными убѣжденіями. Прошедшая жизнь Украинца, какъ демократа, была постояннымъ противодѣйствіемъ жизни Поляка, какъ пана, или же — молчаливымъ отрицаніемъ этой жизни. Кромѣ того, Ляхи жили поближе къ старой Европѣ и вдались въ цивилизацію, со всѣми ея посягательствами на благоденствіе массы. Украинцы, напротивъ, отрицая безсознательно, но неизмѣнно, идею рѣчи посполитой, въ томъ видѣ, какъ она осуществлялась Поляками, — держались главными своими силами въ степяхъ и противопоставляли панской роскоши неприхотливую сносливость въ помѣщеніи, въ пищѣ и въ одеждѣ, ихъ утонченности нравовъ — естественную, доводимую иногда до грубости простоту, наконецъ, исключительности общественнаго устройства Польши — внушаемое самой природою пониманіе взаимныхъ человѣческихъ правъ и отношеній. Естественно, что и возродившаяся въ новомъ видѣ словесность одного и другого народа не могли быть ни одинаковы по симпатіямъ, ни равны по обширности и разносторонности развитія. Литература польская, возродясь въ духѣ новыхъ задачъ своихъ, опиралась на исторію многовѣковой гражданственности. Литература украинская, уступя Полякамъ то, что въ лѣтописяхъ и думахъ нашихъ называется *городами*, и отрекшись до поры до времени отъ своей доли связанныхъ съ ними гражданскихъ преданій, вдохновлялась безлюдными, необозримыми степями, шумящими *лугами* (1) и убогими селами, убѣжавшими въ глухія пустыни отъ польской гражданственности. Старшій братъ-Славянинъ примкнулъ, такимъ образомъ, съ своей словесностью къ міру старой европейской гражданственности, меньшой—къ міру еще свѣжему, полному юношескихъ великодушныхъ стремленій, поэтическихъ грезъ и недовѣрчиво взирающему на успѣхи человѣчности, какихъ возможно достигнуть путемъ извѣстной доселѣ цивилизаціи....

Впрочемъ эти слова относятся собственно къ дальнѣйшему развитію письменной украинской словесности; первое же популярное ея произведеніе носитъ на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія. Разумѣемъ *Енеиду* Котляревскаго. Популярность этой пародіи объясняется состояніемъ грамотной части укра-

---

(1) *Лугъ* въ народномъ языкѣ значитъ низменное надводное мѣсто, покрытое деревьями. Потому-то въ пѣснѣ поется:

Ой не шуми́, лу́же,
Дібро́вою ду́же.

инскаго народа въ концѣ XVIII вѣка. Въ критическомъ разборѣ рукописной книги Климентія, украинскаго стихотворца временъ Мазепы, показано уже, какъ, подъ покровительствомъ не-народнаго гетмана и его креатуръ, выдѣлилось изъ козацкаго, въ то время еще не-простонароднаго сословія, сословіе такъ называемыхъ пановъ, ставившихъ ни во что простолюдина (что, впрочемъ, тогда было и во всей Европѣ) и взиравшаго на *посполитый* людъ съ высоты своихъ выторгованныхъ на счетъ поспольства привиллегій. Это разбогатѣвшее военною добычею и займанщинами сословіе уже и тогда пренебрегало простонароднымъ бытомъ и языкомъ, подражая, сколько было для него возможно, иноземцамъ, какъ это видно изъ той же книги, не говоря ужъ о другихъ источникахъ.

Я не стану томить читателя повтореніемъ тяжелыхъ, глухихъ семинарскихъ виршъ Климентія, которыя, точно подземный голосъ, вырвавшійся изъ молчаливыхъ могилъ, засвидѣтельствовали передъ потомствомъ, какъ ужасно было положеніе простолюдина во времена мнимой самостоятельности нашего отечества. Я хочу только сказать, что, насмѣявшись надъ простодушіемъ украинскаго поспольства послѣ развязки нѣжинской *черной рады*, обманщики не остались на Украинѣ безъ послѣдователей.

Когда преданъ былъ Бруховецкій восторжествовавшему надъ нимъ Дорошенку, лукавая партія Бруховецкаго, безъ сомнѣнія, увеличилась не однимъ союзникомъ. Когда предпочтенъ былъ Дорошенку ничтожный эгоистъ Многогрѣшный, — она еще больше усилилась. Когда Самойловичъ привлекъ ее къ себѣ на гибель Многогрѣшному, — она вкоренилась на Украинѣ еще глубже. Когда Мазепа составилъ между старшинами партію противъ гетмана Самойловича и, дѣйствуя съ ней заодно, подѣлился съ княземъ Голицынымъ національнымъ скарбомъ, — это была всё она же, та самая партія, которая вооружила противъ Сомка простой народъ и потомъ горько надъ нимъ наругалась. Гетманство Мазепы было временемъ наибольшаго процвѣтанія козацкихъ пановъ, на счетъ низшихъ классовъ украинскаго населенія. Ни одинъ гетманъ не возвышался до такого самовластія, какъ Мазепа, и, слѣдовательно, ни одинъ не могъ позволить себѣ такихъ крупныхъ злоупотребленій. Чѣмъ ниже клонилъ онъ голову передъ царемъ Петромъ, тѣмъ надменнѣе держалъ ее передъ тогдашнею Украинскою націею, этой простодушной толпою, столько разъ уже проданною своими предводителями со временъ знаменитаго возстанія Хмельницкаго. Набожный безъ вѣры въ распятаго за слово истины, отважный безъ самопожертвованія, онъ обманывалъ людей, для него опас-

ныхъ и передавался на сторону сильныхъ. Такъ поступали и его полковники и генеральные старшины, дѣйствовавшіе съ нимъ заодно, изъ личныхъ выгодъ. Украина, съ ея народонаселеніемъ, послѣ паденія Мазепы, представила возмутительную картину дѣлежа національной собственности между послѣдователями его системы, его непосредственными учениками, и множествомъ ихъ мелкихъ подражателей, которые, увиваясь вокругъ нихъ, живились ихъ недоѣдками. Исторію отъ Мазепы до Разумовскаго можно назвать исторіею расхищенія національной собственности всѣми благовидными и неблаговидными способами. Наконецъ, когда нечѣмъ было уже дѣлиться, козацкіе паны подѣлились подсосѣдками, которыхъ еще Мазепинскій поэтъ, Климентій, называлъ, за вольный переходъ съ однихъ земель на другія, *бунтовниками на своихъ пановъ*.

Да, козацкая старшина, при всемъ демократизмѣ своего происхожденія, была роднымъ чадомъ польской аристократіи XVII вѣка, съ которою, въ благородной гордости и презрѣніи къ хлопамъ, не могла равняться ни одна аристократія въ Европѣ. Главою поднятой въ 1647 году на пановъ демократіи украинской былъ прежній угодникъ магнатовъ, панскій придворный и, въ добавокъ, питомецъ Іезуитовъ. Неразборчивый въ средствахъ для достиженія своей цѣли, Богданъ Хмельницкій первый пожертвовалъ простолюдинами для соблюденія собственныхъ выгодъ и выгодъ вотчинной части Украинцевъ, обезпечивавшей его благосостояніе. Въ сдѣлкахъ своихъ съ Поляками, онъ не одинъ управлялъ мнѣніями верховнаго козацкаго совѣта: его правой рукой и совѣстью былъ такой же, какъ и онъ, шляхтичъ Выговскій, а кромѣ Выговскаго, въ козацкое войско передалось множество дворянъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, поселяли въ знатнѣйшихъ козакахъ убѣжденія польскихъ аристократовъ. Іезуиты, просвѣщавшіе Польское королевство со временъ Баторія, вдохнули свой нечистый духъ не въ однихъ католическихъ магнатовъ, не въ однихъ окатоличенныхъ русско-литовскихъ князей, не въ однихъ остававшихся вѣрными греко-русскому обряду пановъ-богачей, но и во все то, что пользовалось правами шляхетства, или, что почти одно и то же по-тогдашнему, правами гражданства (1). Вотъ почему козацкая нація, отвергнувъ іезуитско-польское аристократическое начало во внѣшнихъ формахъ, сохранила его въ духѣ своихъ вельможныхъ и ясновельможныхъ представителей. Вотъ почему разыг-

(1) Мѣщане пользовались правами гражданства, не пользуясь шляхетскими правами; но ихъ охраняло Магдебургское право, которое они покупали у королей и у сената.

ралась въ іезуитскомъ вкусѣ нѣжинская черная рада, имѣющая значеніе столь же великаго національнаго бѣдствія, какъ и Зборовскій договоръ, превознесенный всѣми лѣтописцами и историками (за исключеніемъ одного Костомарова). Вотъ почему Мазепа съ своею панскою партіею съумѣлъ заставить козаковъ выбрать себя гетманомъ, наперекоръ ихъ нелюбви къ нему. Вотъ почему онъ господствовалъ неограниченно въ Украинѣ до тѣхъ поръ, пока, играя по-іезуитски обязательствами, ошибся въ разсчетѣ и принужденъ былъ уступить свое мѣсто ничтожнѣйшему изъ своихъ полковниковъ, Скоропадскому. Вотъ почему, наконецъ, Скоропадскій, сознававшій свое безсиліе и не пренебрегавшій никакими средствами для удержанія за собой гетманства, подарилъ часть своей родины князю-Меньщикову, и этимъ актомъ, не встрѣтившимъ ни малѣйшаго протеста со стороны старшинъ, допустилъ на Украинѣ первый примѣръ обращенія подсосѣдковъ въ то состояніе, въ какомъ очутились они всѣ съ 1782 года. Климентіевскій идеалъ обладанія свободными подсосѣдками осуществился на Шептаковской волости и на примежеванныхъ къ ней, по волѣ всемогущаго временщика, земляхъ козацкихъ; и это вовсе не было противно господствовавшему въ Гетма́нщинѣ взгляду на простолюдина. Лучшіе изъ тогдашнихъ вельможныхъ пановъ нашихъ охотно стали бы на мѣсто Меньщикова и присвоили бы себѣ Шептаковскую волость по-меньщиковски, если судить по Полуботку, который, по милости Конискаго и сочиненной Конискимъ рѣчи, прослылъ героемъ украинскаго патріотизма, но которому патріотизмъ не мѣшалъ заниматься обманомъ и грабежомъ, подъ прикрытіемъ козацкаго полковничества (1). Безъ совершенной отрозненности отъ простолюдиновъ и безъ глубокаго къ нимъ презрѣнія, наслѣдованнаго нашими панами отъ ихъ сановныхъ прототиповъ, Вишневецкихъ, Киселей, Радзивиловъ, не возможны были бы тѣ ужасныя дѣла, которыя творились въ Гетма́нщинѣ отъ отъ Мазепы до Разумовскаго. Самъ Конискій, видѣвшій въ Полуботкѣ и въ другихъ, ему подобныхъ панахъ героевъ вольности народной, написалъ о современныхъ ему событіяхъ нѣсколько кровавыхъ, глубоко потрясающихъ страницъ, которыя, будучи подтверждены часто наивными свидѣтельствами архивовъ, останутся вѣчнымъ памятникомъ на могилахъ нашихъ вельможныхъ прадѣдовъ, умѣвшихъ процвѣтать и благоденствовать посреди гибели всего того, что́ куплено столь дорогою цѣною.

---

(1) См. акты изъ архива Н. А. Маркевича, приложенные при II томѣ *Записокъ о Южной Руси*, стр. 348.

При такомъ обращеніи съ общественными интересами страны, могли ли наши новосотворенные изъ козацкихъ старшинъ дворяне уважать простонародные нравы, обычаи и языкъ? Chłopska wiara! говорили католики о вѣроисповѣданіи украинскаго простонародья. Psia krew! говорили паны XVII вѣка о своихъ подданныхъ. Chłopi ieszczeście! отвѣчали радные паны на требованія правъ гражданскаго равенства со стороны козаковъ. *Мужицкіе обычаи, мужицкая рѣчь!* твердили въ 1782 году наши дворяне, новопожалованные помѣщичьимъ правомъ. И какъ имъ было этого не говорить, когда, столѣтіе назадъ, представитель письме́ннаго сословія, іеромонахъ Климентій, написалъ, что *письме́нному* человѣку быть вмѣстѣ съ *про́стымъ* — все равно, что трезвому съ пьянымъ,

Бо въ про́стого мужика́ про́стий есть оби́чай,
а въ письме́нного осо́бний, полити́чний, зви́чай.

Этотъ *полити́чний зви́чай*, развиваясь по началамъ мазепинской аристократіи, естественно долженъ былъ дойти до полнаго отчужденія отъ всего, что́ связываетъ любовно одно сословіе съ другимъ, кромѣ обрядовъ вѣры, какъ дѣла, равно обязательнаго для всѣхъ.

Когда въ Украинѣ явилось такимъ образомъ два общества, непохожіе другъ на друга ни бытомъ, ни одеждою, ни обычаемъ, ни языкомъ, и когда сами козаки спустились мало-помалу до уровня податного сословія наравнѣ съ новозакрѣпощенными крестьянами; тогда въ сословіи модномъ слово *мужикъ* сдѣлалось словомъ укора (¹). Неловкое, смѣшное, странное и нелѣпое — все это относилось къ низшимъ классамъ украинскаго населенія, и няньки панскихъ дѣтей, желая пристыдить своихъ питомцевъ, еще тогда начали употреблять свою ходячую фразу: *Такъ только мужики дѣлаютъ*. На народные праздники и свадьбы начали паны смотрѣть со смѣхомъ, какъ на диковинные обычаи дикарей, и никому не приходило въ голову, что въ этихъ праздникахъ и свадьбахъ есть черты нравовъ, истинно высокихъ, истинно человѣческихъ.

Петръ Первый, торопясь утвердить новую имперію въ нѣмецкомъ духѣ среди славянскаго населенія, не зналъ ничего выше Нѣмца, съ его умѣньемъ рыться въ рудникахъ, лить пушки, строить корабли, выламывать солдатъ и сочинять бумаги. Онъ до того обрадовался готовому на все, работящему наемнику, что принялъ его къ себѣ, такъ сказать, въ

(¹) Впрочемъ еще въ 1724 году Продіонъ, архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ генеральной канцеляріи, называетъ козаковъ *мужицкими сынами и внуками*. (Архивъ Н. А. Маркевича).

долю на своей обширной фабрикѣ и поставилъ образцомъ для своего народа весь его обычай. Природными и искусственными Нѣмцами покрылось все пространство отъ Финскаго залива до Азова: ихъ правило — жертвовать живою массою въ пользу отвлеченной идеи государства пришлось по душѣ подготовленнымъ Поляками нашимъ украинскимъ панамъ, и наслѣдованныя нами отъ предковъ одежды и весь бытъ, съ его разумной, дешевой простотою, очень скоро замѣнились у нашихъ пановъ модными нарядами, искусственностію жизни и ея обстановкою, не по средствамъ страны. Одѣваться и жить по-старому—признано было мужичествомъ. Явился ложный стыдъ — быть похожимъ на простого поселянина въ чемъ бы то ни было: Отдѣлиться отъ другихъ сословій чѣмъ только возможно—сдѣлалось задачею нобилитованнаго украинскаго панства, и только люди отсталые, захолустники, будучи отцами чиновныхъ дворянъ, — не смотря на переименованіе изъ козацкихъ почетныхъ званій въ классные чины, донашивали наслѣдственные предковскіе жупаны и не стыдились походить языкомъ и домашнимъ бытомъ на людей податного званія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на козаковъ, понизившихся цѣлою ступенью на общественной лѣстницѣ.

Когда такимъ образомъ двѣ части одной и той же націи стали одна въ виду другой, въ новыхъ для нихъ отношеніяхъ, то, естественно, онѣ показались одна другой странными и смѣшными. Простой народъ выразилъ свои понятія о панахъ въ пословицахъ и пѣсняхъ, за недоступностію для него литературнаго способа высказывать свой взглядъ на вещи. Что́ касается до высшаго сословія, то оно, съ самого того времени, какъ гетманъ козацкій явился въ пудрѣ, окруженный пудреннымъ дворомъ своимъ, — почувствовало, въ лицѣ богатѣйшихъ своихъ представителей, неудержимый хохотъ отъ сравненія новомоднаго тогда, а въ наше время перешедшаго къ лакеямъ, костюма съ одеждами старомодными, сохраненными до сихъ поръ въ простомъ народѣ. Не только жупаны, шаровары, чуприны, усы сдѣлались смѣшны напудреннымъ и гладко выбритымъ подражателямъ воспитаннаго за границей гетмана, но и самый обычай и языкъ родного края показались имъ чудовищно грубыми и смѣшными. Хохотъ ихъ былъ родной братъ того хохота, которымъ Бруховцы провожали омороченныхъ ими простолюдиновъ съ черной рады. Торжествующій пройдоха никогда не смѣшонъ въ глазахъ такъ называемыхъ практическихъ людей, обдѣлывающихъ свои дѣлишки безъ дальнихъ умствованій: смѣшонъ, въ ихъ глазахъ, тотъ, кого надулъ онъ, обобралъ и запрегъ въ свое ярмо. Жестокій и безсмысленный смѣхъ! Но судьба казнитъ этимъ смѣхомъ народы

за ихъ беззаботность о судьбѣ своей, за ихъ неразумные внутренніе раздоры, за ихъ забвеніе равно для каждаго святыхъ обязанностей общественныхъ, и, чтобы еще больше наругаться, въ гнѣвѣ своемъ, надъ раздѣлившимся на ся народомъ, она выбираетъ исполнителями казни своей тѣхъ именно людей, которые, въ противномъ случаѣ, были бы опорою и честью родного края.

Съ того-то времени появились между Украинцами эти юмористы, которыхъ цѣлые десятки, по преданію, выманили себѣ своими шутками чины и имѣнія у знатныхъ и могучихъ людей. Успѣхомъ у вельможъ они были обязаны смѣлости — казаться тѣмъ, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ были, по своему воспитанію, то есть простолюдинами, или — искусству представлять простолюдина съ его честнымъ простодушіемъ и природнымъ, затаеннымъ умомъ. Весь ихъ юморъ вертѣлся на томъ, чтобы дать почувствовать офранцуженному и онѣмеченному Русскому человѣку, до какой степени не похожъ на него человѣкъ, оставленный имъ въ простой хатѣ, изъ которой онъ иногда и самъ выходилъ въ чиновные люди, какъ гетманъ Разумовскій. Эти шуты не были люди ограниченныхъ способностей. Напротивъ, ихъ способности не рѣдко были таковы, что еслибы они шли по пути чести и истины, то могли бы поставить себя высоко во мнѣніи потомства. Но эти господа разочли, что такимъ путемъ далеко не уѣдешь, при тогдашнемъ развитіи протекторства, и рѣшились лучше осмѣять его въ своемъ лицедѣйствѣ передъ пудренною публикою. Они смекнули, что путемъ чести и истины легко было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, заѣхать, по слѣдамъ Палія, въ Сибирь, и благоразумно избрали девизомъ своимъ пословицу: *Скачи, враже, якъ панъ каже!* Они, наконецъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, дѣйствовали по примѣру юродивыхъ смѣльчаковъ разныхъ временъ и народовъ, какъ, напримѣръ, представители Запорожья передъ разрушеніемъ Сѣчи (хотя эта устарѣлая хитрость не устояла противъ хитрости новѣйшей, возведенной въ достоинство государственной науки, и запорожскіе братчики вдругъ увидѣли себя *убранными въ шоры*.)

Гоголь, зная по преданію, какъ извивались мудрой змѣею Сѣчевики, какъ-бы въ предчувствіи близкой гибели, — пытался представить ихъ въ художественной картинѣ при дворѣ Екатерины Второй; но картина вышла бойкимъ эскизомъ, который даетъ только чувствовать, что въ самомъ дѣлѣ *было* что-то этому подобное въ нашей смѣшной и трагической исторіи. Другой извѣстный намъ образчикъ юмора, отъ котораго хочется плакать, принадлежитъ словесности изустной, потѣшавшей

вельможъ XVIII вѣка. Я говорю о такъ названной мною *Очаковской Бѣдѣ*, пересказанной мнѣ въ полуразоренномъ Мотренинскомъ монастырѣ отставленнымъ и убогимъ его настоятелемъ, въ 1843 году, со словъ какого-то полковника Перепелицы (1).

Вникнувъ въ положеніе козаковъ, представленныхъ въ этомъ характеристическомъ разсказѣ, видишь ясно, что имъ ничего больше не осталась дѣлать, какъ смѣяться надъ самими собою. Но сколько жалобы и тоски въ этомъ смѣхѣ! Судя по нынѣшнимъ живымъ обращикамъ дворянъ-юмористовъ, получающихъ доступъ въ знатный кругъ за свои анекдоты о простолюдинахъ,—полковникъ Перепелица былъ, вѣроятно, разскащикъ ex professo. Подобно актеру, которому безъ сцены скучно, онъ представилъ, въ монастырѣ, на богомольи, обращикъ-другой своего искусства, и едвали сознавалъ, что, пародируя козацкую службу послѣднихъ годовъ существованія національнаго своего войска, онъ говоритъ такъ много горькой правды. Но какъ бы то ни было, только съ упадкомъ національности въ начальствовавшихъ и богатѣйшихъ Украинцахъ, съ появленьемъ на вельможныхъ козацкихъ головахъ нелѣпой пудры, а на вельможныхъ козацкихъ женахъ нелѣпыхъ фижмъ, нетитулованный козакъ, оставшійся при своемъ предковскомъ жупанѣ, сдѣлался въ высшемъ кругу такъ смѣшонъ, какъ былъ бы смѣшонъ въ обществѣ хромоногихъ людей человѣкъ, ходящій прямо. Наши паны поклонились до земли сыну убогой козачки Розумихи изъ села Лемешёй (2), когда онъ, сказочной игрой случая, воротился къ нимъ на Украину въ видѣ французскаго маркиза, и поставили его особу и его дворъ образцомъ для себя въ усовершенствованіи своего общественнаго и домашняго быта. Иноземная роскошь, доступная прежде только немногимъ фамиліямъ, распространилась отъ сіятельнаго козацкаго сына, какъ-будто самой судьбою избраннаго на то, чтобы поддержать въ окружавшихъ его духъ польскаго шляхетства. Шафонскій, въ своемъ *Описаніи Черниговскаго Намѣстничества* (стр. 26), говоритъ: »До 1751 года, то есть до прибытія въ Малую Россію графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго на гетманство, ни у десяти самыхъ первѣйшихъ Малороссійскихъ вельможъ не было каретъ, а ѣздили почетнѣйшіе въ четвероконныхъ, а прочіе въ половинчатыхъ коляскахъ. Нынѣ во всякомъ почти городѣ и уѣздѣ нѣсколько можно оныхъ встрѣтить.« Вотъ почему тотъ же Шафонскій говоритъ далѣе: »Аллегорическіе обряды и

(1) См. *Зап. о Южн. Руси*, т. I, стр. 289.
(2) Черниг. губ. Козелецкаго. уѣзда.

церемоніи при свадьбахъ, у простыхъ и теперь употребляемые, у почетнѣйшихъ вывелись.«

И одни ли свадебные обряды вывелись у людей, назвавшихся почетнѣйшими? Сколько новаго, чужеземнаго приняли они на-вѣру отъ такихъ людей, какъ Разумовскій, которые не могли себѣ представить ничего выше обычаевъ Версальскаго двора! Вывелся у нихъ страхъ общественнаго суда, потому что общественный судъ ограничивался небольшимъ числомъ панскихъ родовъ, выдѣлившихся изъ козацкаго сословія, которое смѣялось, въ своихъ семьяхъ, надъ пудрою, какъ надъ нелѣпостью, и гнушалось фижмами и открытыми до послѣдней возможности лифами, какъ непристойностью. Вывелся у нихъ обычай водить хлѣбъ-соль, вступать въ родство, свойство и кумовство съ людьми, которые оставались вѣрными здоровой простотѣ нравовъ, образовавшихся на родной почвѣ дѣйствіемъ родной исторіи. Вывелось правило, при заключеніи брачныхъ союзовъ, цѣнить выше всего *честный родъ*, на мѣсто котораго поставленъ, по примѣру гетмана Скоропадскаго, родъ знатный (1). Измѣнился, наконецъ, и самый взглядъ на все, что, въ простыхъ формахъ, имѣло прежде свое значеніе и вѣсъ. Въ то отдаленное отъ насъ время, когда простолюдина называли *смердомъ*, и въ то время, когда его стали называть *хлопомъ*, не больше было разстоянія между нимъ и сословіемъ привилегированнымъ, какъ и въ этотъ третій періодъ его существованія подъ именемъ *мужика*. На родной его почвѣ, подъ вліяньемъ чужой народности, въ третій разъ уже выдѣлились изъ него люди, возгнушавшіеся кореннымъ его нравами и обычаями. Но въ первые два періода дѣло обошлось живымъ словомъ, которое лишь случайно попало подъ перо поклонявшихся силѣ и богатству иноковъ, ученыхъ схоластиковъ и важныхъ государственныхъ мужей; въ третьемъ же періодѣ, подъ литературнымъ вліяніемъ современнаго міра, явился письменный и печатный органъ презрительнаго взгляда на простонародье и на все, во что оно простодушно вѣруетъ и чѣмъ держится въ своей здоровой нравственности. Мы говоримъ о Котляревскомъ. Въ его перелицованной *Енеидѣ* собрано все, что только могли найти паны каррикатурнаго, смѣшного, и нелѣпаго въ худшихъ обращикахъ простолюдина.

---

(1) Гетманъ Скоропадскій, въ глубокомъ своемъ уничиженіи, которому обязанъ и булавою, не смѣлъ воспользоваться даже въ собственной семьѣ своей человѣческими правами и всеуниженнѣйше просилъ Петра Перваго назначить его дочери жениха, который и былъ назначенъ изъ велико-русскихъ баръ.

Котляревскій былъ человѣкъ добродушный, и среда, къ которой онъ принадлежалъ, не состояла изъ людей жестокосердыхъ. XVIII-й вѣкъ, надѣлавшій столько бѣды въ нашей Украинѣ, смотрѣлъ по-своему на свои дѣянія и не предвидѣлъ, какъ они отзовутся въ потомствѣ. Сохраненныя преданіемъ черты нравовъ общества, которое создало Котляревскаго, во многихъ случаяхъ отличаются идиллическою мягкостію; но эта мягкость относилась не ко всѣмъ сословіямъ. Сфера заботливаго вниманія тогдашняго дворянина ограничивалась людьми его сословія и состоянія. Онъ дорожилъ мнѣніемъ себѣ подобныхъ; онъ исполнялъ обязанности гостепріимства и дружелюбія къ себѣ подобнымъ; его катихизисъ озарялъ передъ его совѣстью только равныхъ ему и оставлялъ въ густой тѣни ближнихъ другого рода. Участіе и помощь были оказываемы добрыми людьми того времени и простолюдинамъ, но это дѣлалось между прочимъ, и походило больше на прихоть доброты, чѣмъ было добротою въ самомъ дѣлѣ. Котляревскій, по преданію, не разъ вступался за обиженныхъ сутягами козаковъ полтавскихъ, и домикъ его въ Полтавѣ былъ извѣстенъ убогимъ челобитчикамъ; но посмотрите, какъ проводитъ онъ жизнь свою, къ кому онъ льнетъ, передъ кѣмъ разсыпается въ угожденьяхъ; послушайте его анекдотовъ въ кружкѣ пріятелей — и для васъ будетъ ясно, какая сторона жизни должна поражать его въ простолюдинахъ.

Иванъ Петровичъ Котляревскій воспитывался въ Полтавской семинаріи, былъ домашнимъ учителемъ въ помѣщичьихъ семействахъ, потомъ служилъ въ арміи, наконецъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и поселился въ отцовскомъ домикѣ своемъ, въ Полтавѣ. Его воспитаніе совпало съ эпохой протеста противъ деспотическаго классицизма, — протеста, выразившагося въ европейскихъ литературахъ осмѣяніемъ боговъ и героевъ. По преданію, онъ еще въ семинаріи началъ перелицовывать Енеиду Виргилія на каррикатурно-украинскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ, это занимаетъ насъ мало. Мы только знаемъ, что, поступя въ военную службу, Котляревскій прославился своей пародіей не на шутку. Уже самая мысль — написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку. Но Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку, будучи не въ силахъ стать выше его понятій. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, смѣшилъ товарищей Котляревскаго до слезъ, и рукопись его начала ходить по рукамъ. Помѣщики украинскіе расхохотались надъ *Енеидою* не хуже офи-

церовъ; расхохотались надъ нею и ихъ лакеи, уже непохожіе на тѣхъ, отъ кого они отрознены дворовою жизнью и съ кого списаны Котляревскимъ каррикатурные портреты. Одни простолюдины не смѣялись: имъ было не до *Енеиды*.

Въ то время едвали какой другой родъ украинской словесности могъ быть встрѣченъ нашею украинскою публикою съ сочувствіемъ. Понятіе о своей самобытной народности въ ней не существовало. Семинаріи и народныя училища увѣряли каждаго школьника, посредствомъ учебниковъ, что Ломоносовъ и Державинъ одни должны служить образцами высокой мысли и высокой рѣчи. Еще не умолкали оды къ Россу, которому будто бы ничего больше не оставалось дѣлать, потому что его »великихъ дѣлъ полна вселенна«, а уже новый геній русскаго просвѣщенія, Карамзинъ, не всѣми покамѣсть признанный ради его новости, »въ сладостномъ упоеніи обнимался съ музами и мечталъ для потомства.« Что́ оставалось дѣлать талантливому человѣку, владѣющему только языкомъ простонароднымъ, да еще и не тѣмъ, на которомъ говорятъ земляки Державина и Карамзина? Оставалось идти по слѣдамъ Украинцевъ-анекдотистовъ, которые черпали содержаніе своихъ разсказовъ чаще всего изъ простонароднаго быта. Нашего взгляда на этотъ бытъ Котляревскій имѣть не могъ, по духу своего времени, а его время умѣло только смѣяться надъ тою сферою жизни, которая была ему больше всего извѣстна. Не смотря на множество дворянъ, подражателей Разумовскаго, въ нашей Украинѣ родной языкъ и родные обычаи не вывелись еще вообще между классомъ образованнымъ, и могла бы, по-видимому, существовать симпатическая связь между различными сословіями; но школы и высшіе по-тогдашнему круги общества представляли анти-народные образцы вкуса и самихъ нравовъ; все стремилось отдѣлиться отъ простонародной жизни, какъ отъ какого-то варварства, и, отдѣлясь болѣе или менѣе, оглядывалось назадъ не иначе, какъ со смѣхомъ и пренебреженіемъ. Котляревскій, будучи, по своей поэтической природѣ, самымъ выразительнымъ органомъ современнаго взгляда на вещи, высказалъ громче другихъ, писаннымъ и печатнымъ словомъ, что́ такое для него былъ нашъ народъ съ его своеобразною, не-чужеземною жизнью. Тотъ вѣкъ вообще былъ послѣднею пробою нашей народности, которая упала мало-помалу до безсознательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго. Пока съ человѣкомъ спорятъ, пока человѣка преслѣдуютъ злорѣчіемъ или клеветою, — онъ еще не погибъ во мнѣ-

ніи своихъ приверженцевъ: они еще чуютъ въ немъ силы, вызывающія противодѣйствіе. Но когда его равнодушно осмѣиваютъ, — это послѣдній приговоръ живой, дѣятельной массы надъ человѣкомъ отжившимъ. Такъ именно осмѣивали во времена Котляревскаго украинскую народность, и только богатство скрытыхъ отъ толпы ея сокровищъ спасло ее отъ всеобщаго и окончательнаго отверженія. Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно слѣпъ къ этимъ сокровищамъ и заговорилъ въ послѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны. Когда сличите первыя три книги *Енеиды* съ остальными, вы увидите, что грубый, но искренній комизмъ измѣняетъ автору болѣе и болѣе, и наконецъ переходитъ въ насильственную каррикатуру. Самый языкъ, въ началѣ свободный и вѣрный образцамъ кабачной украинской бесѣды, подъ конецъ дѣлается неловкимъ и смѣшивается съ книжнымъ великорусскимъ. Можно это объяснять тѣмъ, что у автора не хватило комическаго дара на всю поэму; но едвали не будетъ вѣрнѣе предположеніе, что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхотворнаго исчисленія ея принадлежностей, авторъ смутно почуялъ беззаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся ужъ безъ искренности. Одинъ разъ онъ вовсе измѣнилъ своему тону и вдругъ, посреди балаганнаго разглагольствованья о войнѣ пьяныхъ царей и героевъ, мы слышимъ отъ него стихи вовсе не шуточные:

Такъ, вічной пáмяти, бувáло
У насъ въ Гетьмáнщині колúсь,
Тáкъ прóсто військо шиковáло,
Не знáвши: стій, не шевелúсь!
Такъ слáвні полкú козáцькі:
Лубéнський, Гáдяцький, Полтáвський,
Въ шапкáхъ булó, якъ макъ цвітýть...
Якъ грянуть, сóтнями удáрять,
Передъ себé спúсй настáвлять,
То мовъ метлóю все метýть.

Котляревскій былъ вѣренъ духу времени, и въ этомъ состоятъ, какъ его литературная заслуга, такъ и вредъ, который онъ нанесъ украинской словесности. Его *Енеида* служитъ для насъ призмою, сквозь которую мы видимъ украинское простонародье въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось отцамъ и дѣдамъ нашимъ; но та же самая поэма, концентрировавъ въ себѣ тогдашнія понятія о простонародномъ бытѣ, засло-

нила передъ глазами современниковъ поэтическія и моральныя его стороны. Самъ Котляревскій, какъ уже сказано, освободился въ нѣкоторой степени отъ первоначальнаго своего взгляда на дѣло, но, будучи созданіемъ своего вѣка и общества, и не обладая способностями геніальными, онъ былъ не въ силахъ возвыситься надъ ними такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественныя понятія. Его пѣсня: *Вiють вітри*, вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсня, не далеко ушла внутреннимъ содержаніемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Капниста, и только языкъ и голосъ ея провели ее, черезъ барышень и ихъ прислугу, въ городской и подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространили и по другимъ мѣстамъ на Украинѣ. Но и самая эта популярность ея свидѣтельствуетъ, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсень народныхъ, которыя безконечно изящнѣе по формѣ и глубже по содержанію этого произведенія грамотнаго стихотворца. Будучи въ послѣдствіи частымъ гостемъ-анекдотистомъ у малороссійскаго военнаго губернатора, князя Рѣпнина, Котляревскій написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника*. Объ онѣ говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившій всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Добронравовыхъ, Правдолюбовыхъ, и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы. Но вслушайтесь, что они поютъ рядомъ съ куплетами изъ народныхъ пѣсень!... Въ ихъ пѣсняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самыхъ монологахъ. Всё таки въ этихъ пьесахъ Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ *Енеидѣ*, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны поставили *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника* выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освободясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность — въ аффектацію и сантиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель.

Да, Котляревскій служитъ печальнымъ доказательствомъ, въ какой

мѣрѣ каждый природный талантъ зависитъ не только отъ требованій вѣка, но и отъ вкуса окружающаго его общества. Это тѣмъ болѣе печально, что каждый сильный талантъ, выражая въ себѣ итогъ современныхъ понятій о жизни, утверждаетъ ихъ надолго въ своемъ обществѣ и даетъ законность господствующему въ немъ литературному вкусу. Сочиненія Котляревскаго, при всей своей каррикатурности съ одной стороны и аффектаціи или сантиментальности съ другой, сильно подѣйствовали въ свое время на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья. Онъ одинъ отдѣлился отъ хора писателей, твердившихъ на другомъ языкѣ, каждый по-своему: »О Россъ, о подвигъ исполина!« или въ сладостномъ упоеніи обнимавшихся съ чужеземными музами. Это его заслуги. Но его стихи, его простонародные образы, врѣзываясь въ память тогдашняго молодого поколѣнія, какъ единственные образцы украинской литературы, съ одной стороны, пріучали смотрѣть на народъ, какъ на предметъ беззаботной шутки, съ другой — придавали его жизни чуждый ей, занесенный изъ другой сферы искусственный характеръ; и когда для этого молодого поколѣнія наступила пора высказать свой взглядъ на народъ въ свою очередь, — оно, въ произведеніяхъ новыхъ писателей своихъ, не могло вполнѣ отдѣлаться отъ того, что можно назвать однимъ словомъ *котляревщина*. Комически-каррикатурное и идиллически-сантиментальное, эти двѣ крайности произведеній Котляревскаго, сдѣлались Сциллою и Харибдою для живописцевъ украинской жизни, и только самые сильные изъ нихъ не были поглощены тою или другою пропастью. На помощь однимъ явилось уразумѣніе достоинства нашей простонародной жизни и поэзіи, на помощь другимъ — строгое изученіе нашего прошедшаго. Тѣмъ не менѣе котляревщина, съ той или другой стороны, отражается до сихъ поръ во многихъ, по видимому совершенно независимыхъ произведеніяхъ украинской словесности, не говоря ужъ о цѣлой массѣ плохихъ стиховъ и прозы, появившихся въ печати, или ненаходящихъ для себя издателя.

Причиной этому не одно литературное преемство авторовъ, неизбѣжно наслѣдующихъ еще въ нѣжномъ возрастѣ хорошее и дурное, вѣрное и ошибочное отъ своихъ предшественниковъ, не одно удаленье отъ народа, обусловливающееся нашимъ воспитаніемъ и городскою, по большей части столичною, а не то — заграничною жизнью, но также и требованія вкуса той части общества, которую составляютъ первые и самые вліятель-

ные наши читатели. Большинство этихъ читателей, при всей своей литературной образованности, слишкомъ мало знакомо съ памятниками украинской народной словесности и получило первыя понятія объ украинскомъ народѣ не отъ него самого, а отъ людей своего класса, изображавшихъ народъ, стоя на извѣстныхъ подмосткахъ. Наше читающее общество украинское сосредоточивается большею частью въ столицахъ; оно прямо или косвенно передаетъ свои воззрѣнія журналамъ; журналы, въ свою очередь, распространяютъ его по направленію своихъ радіусовъ въ массѣ грамотнаго городского народа, и такимъ образомъ дѣятели украинской словесности постоянно окружены особенною, не совсѣмъ здоровою атмосферою критическихъ сужденій, которая не можетъ не отражаться и на ихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ преемственное вліяніе котляревщины вывѣтривается очень мало, по недостаточности указанныхъ мною противодѣйствій, и задерживается старыми и новыми литературными авторитетами, которыхъ до сихъ поръ еще не коснулась независимая критика, основанная на изученіи современнаго населенія Украины и ея прошедшей жизни. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ вліяніе или отголоски котляревщины не въ одномъ талантливомъ произведеніи украинской литературы; теперь же займемся самимъ Котляревскимъ.

Вглядываясь глубже въ его литературную личность, нельзя не замѣтить на ней отпечатка меценатства, котораго искали вообще русскіе писатели его времени, которымъ они болѣе или менѣе даже гордились передъ людьми, не имѣющими доступа въ знатный кругъ, и которому охотно, съ какой-то дѣтской угодливостью подчиняли свои способности. Мы не входимъ здѣсь въ насущные побужденія, управлявшія тогдашними писателями, для которыхъ *общество*, въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, еще не существовало, и обращаемъ вниманіе читателей на голый фактъ. Котляревскій былъ принятъ, какъ гость, въ домахъ князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго, князя Репнина, графа Кочубея, графа Ламберта и генерала Бѣлухи-Кохановскаго; словомъ, его влекло всюду, гдѣ пахло знатностью и богатствомъ, хотя, съ другой стороны, его, конечно, привлекала туда и образованность домашнихъ круговъ (но какая!). Онъ не ограничивался чтеніемъ своей *Енеиды*, подъ веселый часъ, въ кругу снисходительныхъ своихъ меценатовъ. Онъ угощалъ ихъ смѣшными анекдотами, которыхъ основаніемъ чаще всего было невѣжество простолюдина, говорившаго, вмѣсто *молебень, белебень*, воображавшаго, что при освященіи во-

ды необходимо крикнуть на народъ: *не то́вптесь!* и т. п. (1). Чтобы наполнить часы протекторскаго досуга иными развлеченьями, онъ сочинилъ двѣ театральныя пьесы и, вѣроятно, сочинилъ бы ихъ гораздо больше, еслибы встрѣтилъ больше поощренія. Но меценаты Котляревскаго, видно, зѣвали, смѣясь курьезнымъ выраженьямъ такихъ лицъ, какъ Воєный и Супрунъ, а серьёзныя части пьесъ, въ которыхъ выставлены достоинство убогой жизни и постоянство любви, не внушали имъ особеннаго сочуствія, — и Котляревскій остановился на первыхъ опытахъ своего драматизма, вызванныхъ, очевидно, не потребностью самодѣятельнаго творчества, не настоятельной нуждою дѣятельной среды, а случайнымъ внушеніемъ небольшого кружка, искавшаго въ его пьесахъ легкой забавы. По духу своего времени, онъ не могъ видѣть въ украинской литературѣ занятія столь же серьёзнаго, какъ и служба, и, вѣроятно, смотрѣлъ на свой талантъ, какъ на одно изъ средствъ расположить въ свою пользу перваго человѣка въ обществѣ, котораго благосклонность возвышала его въ глазахъ другихъ отставныхъ капитановъ и могла увеличить, какъ и дѣйствительно случилось, его средства къ существованію. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, сочиненная имъ похвальная ода малороссійскому генералъ-губернатору, князю Куракину, наполненная грубою лестью. Кстати помѣстимъ ее здѣсь, какъ неизвѣстную еще доселѣ въ печати:

Гей, Орфію небора́че!
Де ти змандрува́въ відъ насъ?
Якъ би тілько ти, коза́че,
Мні підъ сей згоди́вся часъ!
Ка́жуть про тебе́ изда́вна,
Що у те́бе ко́бза га́рна,
Ко́бза ди́вная така́,
Що якъ забриньчи́шъ рука́ми,
То и го́ри зъ байрака́ми
Ста́нуть би́ти гоцака́.

Глянь, Орфію, глянь изъ не́ба,
Дай кобзу́ри мні свое́й:
Мні игра́ти пісню тре́ба,
Пісню га́рную на ней,
Тре́ба го́лосъ підніма́ти,
Зъ но́вимъ го́домъ поздравля́ти

(1) Намъ сообщено рукописное собраніе анекдотовъ Котляревскаго, но мы не хотимъ утомлять читателей пересказываньемъ болтовни, которая потеряла свое забавное значеніе съ перемѣною взгляда на вещи.

*

Па́на ми́лого того́,
Що и па́номъ бути уміе,
И, якъ ба́тько, не жаліе
Живота́ для насъ свого́.

Алексію, лю́бий па́не!
Я про те́бе річъ почáвъ,
Да бою́сь, якъ словъ не ста́не,
Щобъ ти мні не накричáвъ,
Бо я напере́дъ призна́юсь,
Що я зъ му́зами не зна́юсь,
Тільки тро́хи чувъ про нихъ.
Да и му́зи лобъ нагріють,
По́ки проспіва́ть успіють
Полови́ну ділъ твоіхъ.

Я про те мовча́ти бу́ду,
Що стрічка́ми скру́ченъ ти,
Що па тобі, мовъ на чу́ду,
Де не гля́нешъ, все хрести́;
Що нельзя́ згля́нуть очя́ми
На жупа́нъ твій за звізда́ми,
Якъ на со́нце середъ дня,
Що одъ стрічо́къ ши́я гне́тця,
Що изза́ду ключъ товче́тця.
Все, мабу́дь, се не бридня́!
Не Черні́гівъ, не Полта́ва
Се́е все тобі дала́:
Знать, давно́, про те́бе сла́ва
Въ Петербу́рсі загула́;
Знать, ти до́бре тамъ труждався,
Не по за́печку валя́вся,
Що попа́въ царю́ підъ ладъ.
Знавъ и царь, съ кимъ подружи́ти,
На кого́ ярмо́ зложи́ти;
Ажъ тепе́ръ и са́мъ вінъ радъ.
Радъ вінъ, що ярмо́ ти тя́гне́шъ,
Не гнучи́сь, якъ до́брий вілъ;
День и нічъ відъ по́ту мя́кнешъ,
До́бре ро́бишъ, скілько силъ.
Радъ ска́зати пра́ву-матку,
Що крутéнькую зага́дку
На́шимъ ти зада́въ пана́мъ;
Бо, щобъ ма́ли чи́сті ду́ши,
Щобъ держа́ли стро́го у́ши,
Ти собо́й іхъ у́чишъ самъ.

И до-віку не забу́ду,
Якъ разъ я къ тобі прийшо́въ....

Ахъ, мій Бо́же, скілько лю́ду
Вся́кого я тутъ найшо́въ!
По́вні сіни, по́вна ха́та
На́шого набі́та бра́та,
Ажъ нельзя́ пропхну́тись мні,
А попівъ, купцівъ да па́нства
И жидівъ, того́ плюга́вства,
Мовъ на я́рмарку въ Ромні!
Всі жъ не зъ ба́лами стоя́ли,
Всі були́ по ділу тутъ,
Папірки́ въ рука́хъ держа́ли,
Хто бага́цько, хто лоскýтъ;
Хто чоло́мъ бивъ на сусіда,
Хто на па́на-людоіда,
А по-про́сту — на суддю́,
Що за цýкоръ да за гро́ши
Изроби́въ судъ нехоро́шній,
Цілу розори́въ семью́.
И таки́хъ було́ дово́лі,
Що прохáли на панівъ,
Що пани́, по іхъ злій во́лі,
Не даю́ть пахáти нивъ;
Що коза́цькими земля́ми,
Сінокóсомъ и поля́ми
Вередýють, мовъ своїмъ.
Судъ у пра́ву не вника́е,
За пана́ми потака́е,
Щобъ було́ ёмý и імъ.

Не прогнівайсь, Алексію,
На нескла́дну річъ мою́,
Що я говори́ти смію,
Про писа́рню ще твою́.
Разъ мні буть тамъ довело́ся...
Оле жъ, скілько тамъ товкло́ся
За столя́ми писарівъ!
Тамъ папе́рівъ ку́чи, ку́чи,
Писарівъ тамъ ту́чи, ту́чи,
Мовъ въ Петрівку косарівъ.
Пи́шуть, пи́шуть, да й несу́тця,
Щобъ ти подиви́всь, чи такъ.
Тре́ба жъ тутъ тобі надýтьця,
Тре́ба знать, підпра́вить якъ;
Тре́ба вся́кую папіру
Привести́ якъ разъ до шни́ру,
Підвести́ все підъ зако́нъ!
Ніколи борщу́ сёрбну́ти,
Ніколи у-смакъ заспу́ти, —
Ти забу́въ на хлібъ, на сонъ.

А про жінку да про діти
Ду́мати тобі коли́,
Щобъ обуті и одіти
И не го́лодні були́?
Ні, про се ти не згада́ешъ:
Жінку ти другу́ю ма́ешъ,
Дочки синъ тобой забу́тъ.
Жінка у тебе́ — Полта́ва,
Синъ — Черні́гівъ, честь же, сла́ва —
До́чки; отъ весь рідъ твій тутъ!
Мовъ тобі че́рне́ць одъ ми́ру,
Одцура́вся ти одъ двора́:
Знай въ Полта́ві мнешъ папіру,
А додо́му не пора́.
Що жъ тобі изъ той Полта́ви?
Ти и такъ доби́вся сла́ви,
Да яко́і — гай, гай, га́й!
Одпочи́нь же, па́не, тро́хи:
Ти уже́ притупавъ но́ги, —
Ту́пае други́й неха́й.
Па́нство здай свое́ друго́му
И здоро́вья не теря́й,
Попилну́й підъ ста́рість до́му,
Бо у те́бе до́ма рай.
Тутъ всі, якъ на ба́тька діти,
Бу́дуть на тебе́ гледіти,
Да ще чи не лу́чшъ, мабу́ть:
Тутъ, по пра́ві якъ сказа́ти,
Всі тобі, якъ Бо́гу, ра́ді,
Всі тебе́, якъ Бо́га, ждуть.
Да біда́ моя́! я ба́чу,
Сей не по тобі совітъ.
Ти таки́ свою́ уда́чу
И на той поти́гнешъ світъ.
По́ки ви́бьесся изъ си́ли,
По́ки пійдешъ до моги́ли,
Бу́дешъ хло́пцемъ на други́хъ.
Уроди́вся ти на пра́ву,
Улюби́вся такъ у славу,
Якъ у дівчину жени́хъ.

Ну, коли́ жъ таки́й ти, па́не,
Що для сла́ви лишъ живе́шъ,
То къ тобі смерть не приста́не,
Ти нико́ли не умре́шъ.
Хоть попи́ не забурмо́чуть,
Хоть співа́ти не захо́чуть
Вічну па́мять по тобі,
То прохати іхъ не тре́ба,

Бо и такъ підъ са́ме не́бо
Па́мять ти зроби́въ собі.
Се́е не умре́ нікóли,
Що ти ро́бишъ всімъ добро́,
Да и ро́бишъ зъ до́брой во́лі,
Не за гро́ши и сріблó.
Скілько удова́мъ ти біднимъ,
Скілько си́ротамъ послі́днімъ,
Скілько, скілько слізъ уте́ръ!
Скілько взявъ люде́й ти зъ гря́зі
И, якъ ка́жуть, ажъ у кня́зі,
Ажъ у кня́зі іхъ упе́ръ!

Не умре́, хоть побожи́тьця,
Сла́ва не умре́ твоя́:
Сла́ва съ тіломъ не ложи́тця
У моги́лу нічня́.
Хоть же смерть къ тобі прискóче,
Сла́ви въ зе́млю не спинтóче:
Загуде́ вона́ якъ громъ.
Тутъ и пра́вда візьме си́лу,
При́йде на твою́ моги́лу
И напи́ше такъ перóмъ:
»Ди́во тутъ попи́ зроби́ли,
Ди́во ди́внее изъ дивъ:
Въ зе́млю мертвеця́ зари́ли,
А мертве́ць той и ожи́въ.
Ба́чця, до́бре зарива́ли,
Ба́чця, грімко всі співа́ли
Па́мять вічнюю надъ нимъ;
Огля́нулись небора́ки,
Ажъ князь Алексій Кура́кинъ
Все живъ по діла́мъ своімъ!«

По́ки жъ се́е ди́во бу́де,
Пожи́ви хоть стілько ти,
Скілько живъ, якъ ка́жуть лю́де,
Въ сві́ті Маѳуса́лъ святи́й.
Будь здоро́въ изъ но́вимъ го́домъ,
И надъ на́шимъ ще наро́домъ,
Ще хоть тро́хи попану́й.
Тро́хи!...ой коли́бъ бага́цько!
Бо ти нашъ и панъ и ба́тько.
А на більше не здиву́й.

Въ этой одѣ выразилась confession de foi Котляревскаго. Высокое и великое было для него то самое, что́ и для безвѣстно изчезнувшихъ современныхъ ему льстецовъ и подлипалъ. Но въ этихъ уродливыхъ, ан-

тинародныхъ виршахъ высказывается, однакожъ, добрая душа стихотворца: онъ не позабылъ напомнить князю Куракину о послѣднемъ расхищеніи козацкихъ займанщинъ, купленныхъ дорогою цѣною у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Киселей и имъ подобныхъ господъ подъ Зборовымъ, Берестечкомъ и пр. и пр. Онъ справедливо хвалитъ князя Куракина за помощь вдовамъ и сиротамъ. Онъ противопоставляетъ его нашимъ панамъ-чиновникамъ, хотя, разумѣется, ему и въ голову при этомъ не приходило взвѣсить на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ наживу по мелочамъ отъ судопроизводства и полученіе закулисными средствами арендъ съ полумилліонными доходами, или крупныхъ суммъ на уплату безумныхъ долговъ. Прибавимъ еще, что Котляревскій въ нѣкоторой степени оправдывалъ свойственную его времени низкопоклонность передъ знатными ходатайствомъ у нихъ въ пользу полтавскихъ козаковъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей одѣ, что́ было бы для него невозможно, еслибъ онъ шелъ по слѣдамъ высокаго духомъ, но, къ сожалѣнію, подавленнаго схоластикою украинскаго философа Сковороды. Впрочемъ одно ли стремленіе помогать притѣсненнымъ влекло его въ общество людей, подобныхъ князю Куракину? Мы имѣемъ основаніе въ этомъ сомнѣваться. Въ то время на Украинѣ еще не вывелось старое, наслѣдованное отъ Поляковъ прислуживанье знатному человѣку, въ видѣ панскаго придворнаго, такъ называемаго *дворянина* (dworzanin), который немногимъ отличался отъ лакея и вѣчно чаялъ отъ богача какихъ-то неопредѣленныхъ благъ и даяній. Наши мелкопомѣстные панки, отставные офицеры, какъ Котляревскій, часто исправляли у богатыхъ своихъ земляковъ должности въ родѣ польскаго *маршалка двóру* безкорыстно, за ласковое слово и за удовольствіе участвовать въ забавахъ людей такъ называемаго высшаго круга; но многіе изъ нихъ не упускали случая получить отъ своего милостивца подарокъ, котораго цѣнность превышала ихъ собственныя средства. Такъ въ жизни Котляревскаго мы знаемъ фактъ, опредѣляющій его мѣсто въ домахъ, которые онъ, очевидно, предпочиталъ обществу людей своего сорта. Одинъ изъ пріятелей покойнаго автора *Енеиды*, въ воспоминаніяхъ своихъ, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

»Когда Викторъ Павловичъ Кочубей, бывшій еще графомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, пріѣзжалъ въ свое помѣстье Диканьку, Котляревскій былъ очень ласково принимаетъ имъ. Графъ нарочито присылалъ за нимъ и любилъ слушать его *разсказы*. Котляревскому *хотѣлось* выпросить у графа подгородный лугъ, принадлежавшій графу, и вотъ, за обѣдомъ, онъ подъучилъ одного изъ сыновей графа, бывшихъ

тогда дѣтьми, сказать отцу: »Подари, папа, Ивану Петровичу *луку*«. Но сынокъ не совсѣмъ понималъ слово и просилъ отца подарить Ивану Петровичу *лу́ку*. Графъ догадался, въ чемъ дѣло, и исполнилъ желаніе Котляревскаго. Разсказъ этотъ я самъ слышалъ отъ Котляревскаго.«

Тѣмъ же, вѣроятно, способомъ получилъ Котляревскій отъ малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, мѣсто надзирателя Полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, черезъ два года по выходѣ въ отставку. Поступленіе на службу можно объяснять его рвеніемъ къ общей пользѣ; но до насъ дошло преданіе о его суровости къ воспитанникамъ и мелочной придирчивости для улучшенія внѣшняго ихъ вида. Впрочемъ, зная Котляревскаго какъ человѣка добраго и благотворительнаго изъ другихъ источниковъ, мы готовы объяснять эту суровость и придирчивость рутиною тогдашняго воспитанія и наслѣдственнымъ убѣжденіемъ Котляревскаго, что иначе и не слѣдуетъ поступать со школьниками. Какъ бы то ни было, только, параллельно съ преданіемъ о суровомъ управленіи дворянскою школою, официальная хроника гласитъ, что въ 1817 году Котляревскій, за улучшеніе этого заведенія, награжденъ чиномъ майора (не смотря на то, что служба была штатская), брилліантовымъ перстнемъ и пенсіею въ 500 р. асс. Тутъ невольно вспомнишь и его забавные анекдоты въ кругу знатныхъ людей, и его похвальныя оды. Въ 1827 году, Котляревскій получилъ мѣсто попечителя полтавскаго богоугоднаго заведенія; въ 1835 году ему дали полную пенсію сверхъ прежде пожалованной; въ 1838-мъ онъ скончался, украшенный разными знаками отличій, въ томъ числѣ и пряжкою за тридцатилѣтнюю безпорочную службу. Такимъ образомъ все въ жизни Котляревскаго обстояло благополучно, какъ и вообще у поэтовъ его времени и его разряда. Онъ относился къ людямъ по обще-принятому образцу; онъ сдѣлалъ изъ своихъ способностей столько, сколько отъ него требовало его общество. Угождать знатнымъ, по понятіямъ его вѣка, было свидѣтельствомъ отличнаго ума, умѣющаго обратить на себя вниманіе государственныхъ мужей, которые тогда заправляли всѣмъ, не исключая и самой литературы. Выпрашивать у нихъ подарки, — этотъ актъ освящался преданіями украинскаго дворянства, выросшаго при дворахъ польской знати, ловко пересаженнаго на всероссійскую почву подъ сѣнію козачества и продолжавшаго живиться отъ щедротъ своихъ богатыхъ представителей. Что́ касается до тридцатилѣтней безпорочной службы, засвидѣтельствованной пряжкою, то она объясняется двойною пенсіею, которая должна была обезпечить одинокую его старость.

Въ тѣ времена этотъ способъ обезпеченья старости былъ у небогатыхъ дворянъ всеобщимъ, такъ какъ все находилось подъ непосредственной опекой государства, и *общество* въ нынѣшнемъ смыслѣ слова еще не существовало. Распространяться обо всемъ этомъ было бы неумѣстно въ критикѣ, еслибы характеръ и обстановка жизни писателя не имѣли рѣшительнаго вліянія на его произведенія. Подобно тому, какъ духовныя академіи и семинаріи, отторгнутыя отъ народа искусственностію своей морали, не дали живому обществу ни одного поэта, подобно тому и всякая искусственно созданная жизнь подавляетъ въ своихъ питомцахъ здоровый поэтическій даръ, извращаетъ его внушенія и придаетъ плодамъ его отталкивающую мертвенность. Поэзія возвышаетъ свой голосъ въ такой затхлой средѣ не иначе, какъ въ видѣ жалобы или протеста, и поэтому-то сатирики въ каждой искусственно заведенной литературѣ стоятъ, въ глазахъ потомства, безконечно выше тѣхъ писателей, которые брали ноты, согласныя съ общими убѣжденьями своей среды. Котляревскій, по своему природному таланту, могъ бы въ сатирѣ уйти далеко отъ своихъ драматическихъ пьесъ; но, будучи постоянно въ зависимомъ положеніи, онъ не смѣлъ, еслибы и могъ, бросить сатирическій взглядъ на существенные недостатки современнаго ему порядка вещей. Онъ, только прикинувшись юродивымъ мужикомъ въ своей *Енеидѣ*, изрѣдка осмѣливается назвать пороки свѣтскихъ и духовныхъ людей, тяготѣвшіе надъ украинскимъ народомъ; но карикатура простонароднаго быта, проведенная чрезъ всю его *Енеиду* (а *Енеидою* не переставалъ онъ заниматься до конца жизни) уничтожаетъ въ немъ и послѣднее достоинс во сатиры. Между тѣмъ смѣхъ Котляревскаго былъ заразителенъ, такъ какъ въ немъ заключалась вся сила его таланта, и читатель его времени, чуждый нашего взгляда на простонародье, хохоталъ безразлично и надъ тѣмъ, что судья за новый мундиръ переиначилъ дѣло, рискуя Сибирью, и надъ стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Чи ба́чишъ, якъ ми обідра́лись!
Убра́ння, постоли́ порва́лись....

Подобная картина въ наше время не разсмѣшитъ никого, потому что выяснены нами причины неестественной бѣдности народа посреди края, богатаго естественными произведеніями. Въ эпоху Котляревскаго смѣхъ былъ не очень разборчивъ въ выборѣ предметовъ и преимущественно обращался на тѣхъ, кто не успѣлъ выкарабкаться изъ грязи и занять мѣсто посреди чистенькихъ господъ, обезпечившихъ свою благоприличную

жизнь сотнями такихъ людей, какими, въ приведенныхъ стихахъ, представлены Троянцы. Вредъ *Енеиды* со стороны ея комизма очевиденъ: эта книга дѣлала забавною жизнь простолюдина, осужденнаго на невѣжество самой нуждою и удаленнаго отъ близкаго общенія съ классами болѣе образованными. На бѣду, она имѣла еще успѣхъ, въ тѣ времена необыкновенный. Она какъ разъ пришлась по вкусу грамотной части Украинцевъ, извѣстно какими способами выдѣлившейся изъ темной массы народа, и долго ходила въ рукописи. Потомъ ее напечатали однимъ, другимъ и третьимъ изданіемъ, и все это сдѣлалось уже библіографическою рѣдкостію. Этимъ объясняется, почему до сихъ поръ у насъ не переводятся писатели въ родѣ г. Ващенка-Захарченка или г. Карпенка: всѣ они — воспитанники Котляревскаго и исчадія уродливой народописи, которую разнесла его *Енеида* между армейскими офицерами, чиновниками, помѣщиками, лакеями, писарями, семинаристами и всякимъ инымъ грамотнымъ людомъ, возвышающимся надъ неграмотною частью украинскаго населенія, надъ тою частью, которая, своими пѣснями и обыденною своею рѣчью, дала нашимъ новымъ писателямъ истинно народный тонъ словесности, какъ въ комическомъ, такъ и въ патетическомъ родѣ. Они-то мало-помалу остановили вліяніе котляревщины на литературный вкусъ публики; они отвергли искусственную юродивость рѣчи, которою проникнута вся *Енеида*, и, заговоривъ, во имя своего народа, съ сознаніемъ достоинства украинскаго характера, открыли юной своей словесности безпредѣльную область развитія. Послѣ повѣстей Квитки и поэмъ Шевченка, не только *Енеида*, но и театральные пьесы Котляревскаго сдѣлались анахронизмами для современнаго чтенія и получили цѣнность только первыхъ памятниковъ, первыхъ попытокъ украинской словесности. Сравнивая ихъ съ произведеніями этихъ писателей, мы съ удивленьемъ видимъ, какъ неясно представлялась Котляревкому жизнь, которую онъ очевидно зналъ не по слухамъ, какъ онъ небрежно вглядывался въ ея законы, какъ хаотически смѣшивалъ онъ въ своихъ описаніяхъ разныя ея принадлежности (1)! Самый языкъ, которымъ онъ говорилъ съ дѣтства и которымъ владѣетъ, мѣстами, въ совершенствѣ, не пользовался его уваженіемъ, ибо онъ вводитъ въ него, безъ всякой жалости, сло-

---

(1) Напримѣръ:

Свиня́чу го́лову до хрiну
И ло́кшину на переми́ну,
Потiмъ съ пiдле́вою индиком.
На за́куску (!) кулiшъ и ка́шу.... (Ч. I.)

ва, окончанія и цѣлыя выраженья чисто великорусскія (1). Но главный абсурдъ *Енеиды*, это то, что въ ней простонародью украинскому навязаны пороки, которые могли бы характеризовать только худшую часть тогдашняго украинскаго населенія, именно — чиновное панство, поврежденное въ здоровыхъ основаніяхъ своей народности и недостигшее утонченности нравовъ и обычаевъ на иноземный образецъ. Онъ до того увлекся своимъ каррикатурнымъ комизмомъ, до того обезобразилъ украинской народъ своей пародіей, что́ и его природный талантъ, и знаніе языка украинскаго, и множество характеристическихъ подробностей простонароднаго быта — все это гибнетъ попусту на ложной дорогѣ, указанной ему его вѣкомъ и обществомъ. Между его типами и худшими типами зараженнаго отчасти его вкусомъ Квитки существуетъ только отдаленное національное сродство. Между его типами и типами независимаго въ своемъ творчествѣ Шевченка — никакого. Его пародія не потому потеряла для насъ цѣну, что время пародій давно миновало для всѣхъ литературъ: она отталкиваетъ насъ нарушеніемъ естественности отношеній между дѣтьми и родителями (2), между мужчинами и женщинами (3), между бога-

---

(1) Напримѣръ: *Бара́новъ* тьма була́ варе́нихъ,
Куре́й, гусе́й, качо́къ пече́нихъ,
До си́та, щобъ було всімъ *пысть*.

Или: Коли́ жъ вінъ бу́де й ще *мьшка́ти*,
То дамъ себе́ ёму́ я зна́ти. (Ч. I.)

Или еще: По го́роду тогді *гуля́ла*,
Коли́ Троя́нцівъ *повстрьча́ла*. (Ч. I.)

(2) Какая пародія и каррикатура можетъ дозволять подобную шутку въ воспоминаніяхъ сына объ отцѣ:

Въ сей день ёго́ оте́ць опря́гся,
Якъ чикилди́хи обіжра́вся.... (Ч. I.)

Или такую рѣчь сына о матери:

И не́нечка моя рідне́нька
У чо́рта десь тепе́ръ гуля́,
А мо́же спить уже́ пъяне́нька,
Або́ съ хлопя́тами ганя́.
Тепе́ръ ій, ба́чу, не до со́ли:
Уже́, підти́кавши десь по́ли,
Фурцю́е до́бре нависна́.
Коли́ сама́ съ кимъ не ночу́е,
То для когось уже́ свашку́е:
Для сёго тя́жко поспішна́! (Ч. II.)

(3) Котляревскій описываетъ Дидону такъ:

Розу́мна па́ні и мото́рна....
Трудя́ща, ду́же працёви́та...

ми и смертными (1), въ какомъ бы слоѣ общества, въ какой бы нелѣпой національности ни помѣстили мы дѣйствіе перелицованной *Енеиды*. Котляревскій, обойдясь съ своимъ предметомъ насильственно, безъ всякаго къ нему уваженія, перешелъ за предѣлъ смѣшного и впалъ въ карикатурно-безобразное. А вѣдь пародія — не каррикатура, да и сама каррикатура только тогда можетъ нравиться сколько-нибудь образованному глазу, когда она не вырывается изъ предѣловъ смѣшного и не переходитъ въ уродливое.

Итакъ, характеризуя Котляревскаго тогдашнимъ вѣкомъ, а тогдашній вѣкъ Котляревскимъ, мы останавливаемся на слѣдующемъ выводѣ: что Котляревскій былъ одинъ изъ множества талантливыхъ людей, которыхъ уничтожали у насъ духовныя училища и воспитываемое ими наше общество; что онъ, по природнымъ задаткамъ, былъ родной братъ нашихъ безыменныхъ поэтовъ, сложившихъ столько прекрасныхъ думъ и пѣсень, въ удаленьи отъ образованнаго по тогдашнему времени круга людей; что, не будь онъ воспитанникъ семинаріи и безсмѣнный членъ чужеземно-украинскаго общества, онъ бы глубже уразумѣлъ дѣло украинскаго писателя; что его пьесы: *Натáлка-Полтáвка* и *Москáль - Чарівнúкъ*, написанныя въ одномъ и томъ же году, показываютъ въ немъ инстинктъ таланта, но что этотъ инстинктъ былъ въ немъ подавленъ окружавшей его средою и уже не пробуждался до конца жизни; что самая

Она, повстрѣчавъ Троянцевъ, спрашиваетъ:

Відкíль такі се гольтяпáки?...
Якúй васъ врагъ сюдú напрáвивъ?...
Якá жъ ватáга розбишáкъ!

и потомъ та же *розýмна и процёвúта пáні*, черезъ нѣсколько стиховъ, говоритъ оборвишамъ-*розбишáкамъ*:

Колúбъ .... молодця́
Енéя вáшого злапáла,
Уже́ бъ тогдí весéла стáла,
Тогдí бъ велúкъ-день бувъ би намъ!

Въ чемъ тутъ смѣшное? развѣ въ поруганіи женскихъ достоинствъ и въ отрицаніи всякаго моральнаго чувства въ женщинѣ, которая ни съ того, ни съ сего выражаетъ передъ бродягами желаніе злапать ихъ атамана, о которомъ сами они отозвались такъ:

Енéй навівъ на насъ манý? (Ч. I.)

(1) Обращу вниманіе читателя на безобразную брань Енея, обращенную вмѣсто молитвы, къ богамъ (ч. II.)

Гей ти, проклятúй стариґáню!
На зéмлю зъ нéба не зиркнéшъ? и проч.

Гдѣ тутъ комическая естественность отношеній?

личность его, по природѣ своей благородная и возвышенная, много пострадала отъ нездоровой атмосферы общественныхъ понятій, которою онъ постоянно былъ окруженъ. Всё же слѣдуетъ сказать, что общій гогосъ жителей Полтавы — отъ просвѣщеннѣйшаго человѣка до едва грамотнаго козака — признаетъ за нимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ несправедливо и убогомъ человѣкѣ. XVIII вѣкъ былъ худшій изъ всѣхъ вѣковъ, въ которые существовала наша нація. Упадокъ нашъ коснулся въ немъ крайнихъ своихъ предѣловъ. Имѣя это въ виду, мы не должны быть слишкомъ строги къ Котляревскому, какъ къ литературной и общественной личности. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ Украинцевъ, которые прямо или косвенно повели насъ еще съ того времени къ нынѣшнему нашему самосознанію. По письменная украинская словесность всё таки не можетъ видѣть въ немъ своего родоначальника (въ противность многимъ изъ его почитателей), потому что онъ былъ слишкомъ еще далекъ отъ уразумѣнія поэзіи обычаевъ народныхъ и поэзіи народныхъ преданій. Къ этому дѣлу призваны были два другіе писателя, Квитка и Шевченко. Литература наша, въ нынѣшнемъ своемъ направленіи, непосредственно отъ нихъ ведетъ свое происхожденіе. Освобожденіе отъ котляревщины служитъ однимъ изъ доказательствъ ихъ родственности съ геніемъ нашего народа, или, что все равно, съ геніемъ жизни. По направленію творчества Котляревскаго, идти далѣе было некуда; по направленію Квитки и Шевченка, лежитъ далекій, неизмѣримый путь къ литературному нашему развитію.

П. Кулишъ.

18 декабря 1860.
С. Петербургъ.

МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА

И

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ РУСИНОВЪ

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ(1).

Писахъ не мудрствуя лукаво, но яже слышахомъ отъ достовѣрныхъ людей и яже видѣхомъ очима своими».

Котошихинъ.

Въ настоящее время, Южноруссы, Малоруссы, или, правильнѣе, Русины, живутъ, въ *Россіи*, сплошною массою, въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Кіевской, Волынской и Подольской, а также въ землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Кромѣ того, Русины занимаютъ мѣста въ Черниговской губерніи, къ югу отъ рѣки Десны, (къ сѣверу отъ Десны живутъ Бѣлоруссы), въ Курской губерніи къ югу отъ рѣки Сейма и весь Суджанскій уѣздъ; въ Воронежской, къ западу отъ рѣки Дона; въ Екатеринославской и Херсонской составляютъ главную массу населенія; Азовскіе козаки (бывшіе Запорожцы, вышедшіе изъ Турціи въ 1828 году), въ Азовскомъ градоначальствѣ; въ Таврической губерніи къ сѣверу отъ Перекопа; въ Бессарабской Области заселяютъ Хотинскій уѣздъ; въ Люблинской губерніи *Царства Польскаго* составляютъ двѣ трети

---

(1) Предлагаемая статейка, можно сказать, первая въ своемъ родѣ. Въ печати говорилось объ означенномъ въ заглавіи предметѣ какъ-бы мимоходомъ (2), и мнѣ, по-неволѣ, пришлось писать, большею частью, на основаніи собственныхъ наблюденій и по распросамъ у людей, болѣе или менѣе свѣдущихъ, бывалыхъ. Поэтому, буду просить читателей быть снисходительными къ могущимъ встрѣтиться, въ моей статьѣ, неточностямъ и ошибкамъ, и указать ихъ въ »Основѣ«. Я желалъ только вызвать другія статьи въ этомъ родѣ и, такимъ образомъ, достичь подробной обработки свѣдѣній, которыя послужили бы къ составленію народописной карты Русинскаго народа.

(2) Самая подробная статья принадлежитъ г-ну Дешко о Карпато-Руссахъ, помѣщенная въ Кіевлянинѣ 1841 г., изд. М. Ал. Максимовичемъ.

населенія (всѣ Уніаты); въ Гродненской губерніи заселяютъ Пинскій уѣздъ (Пинчуки). Въ *Галиціи*, Русины составляютъ сплошную массу населенія къ востоку отъ рѣки Сана; въ *Венгріи* сплошною массою занимаютъ Мармаришскую, Беречскую, Угочскую и Унгварскую столицы (комитаты) и большую часть Сукмарской, Саболчской и Землинской, а также часть Шаришской столицы. Въ *Буковинѣ*, Русинское племя составляютъ треть населенія. Малоруссы поселены также мѣстами по Волгѣ и въ Сибири, за Байкаломъ, еще со временъ Петра I, и въ Турціи, въ такъ называемой Добруджѣ, т. е. въ углу, образуемомъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Эти послѣдніе суть потомки Запорожцевъ, ушедшихъ въ Турцію при Екатеринѣ II и бѣглыхъ русинскихъ крестьянъ, и называются тамъ *Бутколами*.

Русины, по происхожденію, быту и языку, представляютъ одно племя, но по мѣсту жительства носятъ различныя наименованія, а именно:

Гетма́ньці — жители Черниговской губерніи, или, вѣрнѣе южной ея части, потому что живущіе къ сѣверу отъ Десны извѣстны у сосѣдей подъ именемъ Литвиновъ.

Степовики́ — жители Полтавской и Екатеринославской губерній.

Украі́ньці — жители Кіевской губерніи, которая называется Украиною.

Польщаки́ — жители Подольской губерніи, называемой у простонародья *Польшею* (1).

Поліщуки́ — жители Полѣсья.

Патлачи́ — Русины, живущіе въ Бессарабіи и Буковинѣ; названіе получили по длиннымъ волосамъ *(пáтли)*, ими носимыхъ.

Пинчуки́ — жители Пинскаго уѣзда Гроденской губ.

Южноруссы Люблинской губерніи сохранили свое древнее названіе *Русиновъ*. Въ Галиціи, жители плоской ея части также называются *Русинами*, или *Русняками*.

Гуцу́ли — Русины, живущіе по Карпатамъ, (у туземцевъ называемыхъ: Горбы, Верхи и Бескиды). —По венгерски *гуцулъ* значитъ разбойникъ. Это названіе дано русинскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры, въ то время, когда Венгры вводили у нихъ унію. Впослѣдствіи, когда со словомъ *Гуцулъ* стало нераздѣльно понятіе о храбромъ человѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами называть себя этимъ именемъ.

---

(1) Въ Новороссіи нерѣдко называютъ *Польшею* Волынь и Украину, т. е. Кіевскую губ.

Въ Венгріи, живущіе въ горахъ Русины называются *Лишака́ми*, а въ долинахъ — *Лимака́ми*, по часто-употребляемымъ ими въ разговорѣ частицамъ *лишъ* и *лемъ*.

Сотаки, живущіе въ Шаришской столицѣ, составляютъ переходъ отъ Русиновъ къ Словакамъ.

Бойки — жители юговосточной части Галиціи.

Шляхтичами называются Русины-католики, въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ.

Я выше сказалъ, что эти замѣтки составлены, отчасти, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ. Для будущихъ изслѣдователей, считаю не лишнимъ замѣтить, что при переѣздѣ чрезъ какую либо мѣстность, для опредѣленія къ какой народности принадлежатъ жители, должно обращать вниманіе, между прочимъ, на женскія и мужскія одежды, особенно на головные уборы, также на характеръ построекъ. Такъ, напримѣръ, шапка бѣлая *(яломо́къ, маде́рка, марде́лка)* войлочная, у мужчины, бѣлый платокъ (но не *намѣ́тка*) у женщины — это Литвины или Бѣлоруссы; темная шапка на мужчинѣ, темный или цвѣтной платокъ на женщинѣ — Русины. Если же въ темной шапкѣ (войлочной) есть хоть немного бѣлаго, вслушайтесь въ говоръ—и вы непремѣнно замѣтите бѣлорусскій акцентъ. Хата бѣленая, съ окнами продолговатымъ четырехъугольникомъ, крытая соломой — въ ней живутъ Малороссы; хата небѣленая, окна квадратные, крыта гонтою — это Бѣлоруссы.

Любопытно наблюдать постепенное измѣненіе, вмѣстѣ съ шапками, и народнаго говора, ѣдучи, напримѣръ, хоть изъ Кролевца (Черниговской губерніи) прямо на сѣверъ. Близь Новгорода-Сѣверска вы уже замѣтите, что верхи шапокъ бѣлые, тамъ же услышите и бѣлорусскій акцентъ; переѣхавъ Десну, вы увидите уже только бѣлыя шапки, но гдѣ встрѣтится на ней хоть небольшая полоска темнаго цвѣта, тамъ еще слышится говоръ малорусскій. Подвигаясь далѣе на сѣверъ чрезъ Стародубъ, Мглинъ до Рославля, вы вездѣ замѣтите одинъ нарядъ и одинъ говоръ— бѣлорусскій, но за Рославлемъ, на войлочныхъ шапкахъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, появляются поля и темныя полосы, а вмѣстѣ съ тѣмъ верхушки начинаютъ удлиняться: вслушайтесь въ разговоръ — дзѣканье начинаетъ изчезать; по мѣрѣ приближенія къ Юхнову, шапки дѣлаются темнѣе и языкъ переходитъ въ великорусское нарѣчіе; когда же въѣдете въ Калужскую губернію, то замѣтите, что войлочныя шапки обратились въ извощичьи поярковыя [illegible]ляпы, а говоръ перешелъ въ московское нарѣчіе.

Съ Малорусскими бараньими шапками происходятъ тѣ же превращенія: чѣмъ восточнѣе лежитъ мѣсто (въ Харьковской или Полтавской губерніи), тѣмъ шапки тамъ ниже, а чѣмъ западнѣе, тѣмъ выше, такъ-что, во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи, онѣ, по высотѣ, не уступятъ знаменитымъ персидскимъ. Головныя повязки у женщинъ тоже измѣняются не вдругъ, а постепенно съ сѣвера на югъ. У самыхъ сѣверныхъ Русинокъ (въ Черниговской губерніи, близь Десны) головныя повязки чуть не равняются пѣхотному киверу, а подвигаясь на югъ, все дѣлаются ниже и ниже; наконецъ, въ Херсонской губерніи, становятся чѣмъ-то въ родѣ маленькихъ чалмочекъ, не скрывающихъ даже верхней части головы.

Михаилъ Левченко.

Ноябрь 1860.
Село Майорское, на Телигулѣ.

РІЗДВЯ́ННІ СВЯТКИ́.

ПИСЬМО 1-е.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Считаю нужнымъ предъувѣдомить читателя моихъ писемъ о »Різдвя́нныхъ Святка́хъ«, что подъ словомъ »святки́«, праздники, я буду разумѣть не то, что́ мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что́ празднуетъ, или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ Украинскій народъ, и что́ имѣетъ своимъ основаніемъ его вѣрованія, будутъ ли эти вѣрованія остатки до-христіанскаго періода, или плодъ религіи христіанской, или же осадка исторической его жизни.

Въ кругъ Рождественскихъ праздниковъ, народъ Украинскій включаетъ: *Багáту Кутю́, Святи́й Вéчiръ, Святки́* вообще, *Щéдрий Вéчiръ, Посипáння, Голóдну Кутю́* и *Ордáнь*.—Я буду говорить обо всѣхъ этихъ праздникахъ, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они тутъ обозначены. Но такъ-какъ всѣмъ имъ предшествуютъ приготовленія, то я и начну съ этихъ приготовленій.

Приготовленія къ Різдвяннимъ святкамъ.

Чистота и убранство хаты.—Хозяйки-Украинки вообще любятъ держать хату свою и свою семью въ чистомъ и опрятномъ видѣ, а предъ наступленіемъ такого большого праздника, какъ Різдвя́нні святки́, онѣ прилагаютъ особенное попеченіе, чтобы *охая́ться* и *причепури́ться* (1).

(1) Привести все въ чистый и опрятный видъ.

Къ этому празднику хозяйка непремѣнно вынесетъ изъ хаты все, что́ безъ особеннаго затрудненія можетъ быть вынесено и что́ болѣе или менѣе напоминаетъ о вседневномъ трудѣ: она вынесетъ, или по крайней мѣрѣ припрячетъ, всѣ снаряды для пряденія и самую пряжу (*гребені, днища́ мотови́ла, гребінки́, верете́на, мички́, почи́нки, клубки́* и т. д.); она разберетъ и вынесетъ *верста́ть* (1), если таковая имѣется въ хатѣ и если новая установка ея можетъ быть произведена домашними средствами; она уберетъ лишнюю *одежу*, и т. д. и т. д. Все это исполняется по преимуществу женскими руками, и мущины принимаютъ участіе въ подобныхъ заботахъ только въ такомъ случаѣ, если трудъ оказывается выше женскихъ силъ.

Рядомъ съ этимъ, идетъ и *ма́зання* хаты. Разумѣется, наружная сторона ея оставляется въ покоѣ: морозы, холодъ — ка́къ возлѣ нея *пічкатьця*. Притомъ, снаружи, хата у рѣдкой изъ хозяекъ-Украинокъ не мажется предъ наступленіемъ зимы. За то внутренняя ея сторона должна извѣдать на себѣ всю силу заботъ хозяйки-*чепуру́хи*: тутъ и *черінь набива́ють* (перекладываютъ по́дъ печи), если онъ *ви́бився*; *шпару́ють* (2) и *бі́лять*, мѣломъ или бѣлою глиною, стѣны, *сте́лю* (потолокъ), *пічь*, *ко́минъ*, *че́люсти*, *пі́дпіччя*, *при́печки* (все это части печки); если гдѣ окажется нужнымъ — *валку́ють* (замазываютъ вывалившіяся, или готовыя вывалиться, мѣста большими комьями замѣшанной глины, *валка́ми*); выводятъ красною или жолтою глиною узоры возлѣ оконъ, дверей, отверстія печи, возлѣ образовъ, а иногда и надъ *ла́вами* (лавками), подъ *поли́цями* (по́лки подъ потолкомъ) и вокругъ *ми́сниківъ* и *су́дниківъ* (посудниковъ), — что́ все дѣлается особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть или *невістка* молодая, или дочка-щеголиха; *вистру́гують ді́лъ* (ровняютъ заступомъ земляной полъ) и вымазываютъ *рудо́ю* глиною, а гдѣ нужно и *накладаю́ть* (выбившіяся мѣста выравниваютъ вальками). У людей болѣе зажиточныхъ, напримѣръ у городского мѣщанства и козачества, у мелкопомѣстныхъ дворянъ и у богатыхъ хуторскихъ или сельскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ *ма́занкою світли́цъ*, *кимна́тъ*, *пека́рень* (кухонь) и т. д., идетъ и чистка печныхъ трубъ *(верхи́ тру́сять)*.

За мазаньемъ слѣдуетъ *вимива́ння*, *перемива́ння*, *вичища́ння*, *шарува́ння* и т. д. Тутъ чистится и моется все, что́ только можетъ

---

(1) Ткацкій станокъ.

(2) Замазываютъ глиною трещины (*шпа́ри*).

подлежать чищенію и омовенію, не подвергаясь опасности испортиться; тутъ моются и чистятся столы, ла́вы, *осло́ни* (скамьи), а гдѣ есть, *помо́сти* (деревяные полы), и не какъ-нибудь, а горячею водою и *хвоща́нками* (пучками соломы, преимущественно пучками растенія, называемаго *хвощемъ*, а также пучками *очерету*); тутъ моются *вíхтиками* (изъ соломы, сѣна, и въ особенности изъ тряпокъ) *образи́ помо́сти, поли́ці, су́дники, ми́сники, стільчики* (маленькія скамейки), *кочéрги, ухва́ти* (или *хва́тки*), а гдѣ есть—коммоды, шкапы, кровати и другая мебель; если при этомъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ кровати, окажется какой-нибудь иностранецъ: — »На двíръ, на двíръ ій! кипячíвъ, кипячíвъ!« (прочь, прочь изъ хаты! кипятку, кипятку!) и кровать обваривается три-четыре раза кипяткомъ, »Щобъ и ду́ху блощи́чого (¹) не було́!«; тутъ моются и *вишаро́вуютця* вíхтиками горшки, *золíнники, широка́нчики* (виды горшковъ), *ми́ски, полу́миски, макíтри́, риночки́*, ложки, и т. д. и т. д.; перемывается, у кого есть, чайная и прочая посуда, чистятся, у кого есть, самовары, вилки, ножи, подсвѣчники и т. п. Словомъ, съ горячею или теплою водою въ одной рукѣ, съ хвоща́нкою или вíхтикомъ или полотенцемъ въ другой, съ разгорѣвшимся лицемъ, съ выбившимися изъ-подъ *очíпка* и нависшими на лобъ пасмами волосъ, *підти́кавшись, підсми́кавшись,* хозяйка-Украинка пройдетъ въ это время, съ своею любовью къ чистотѣ, по всему, загляне́тъ во всѣ закоулки, покорпаетъ въ малѣйшихъ скважинахъ. О, мой читатель, вы еще не знаете, что́ такое любовь хозяйки-Украинки къ чистотѣ, на полномъ ея ходу!

Когда начнется у насъ въ хатахъ, передъ Рíздвяними святками, всеобщее ма́зання, выми́вання, перемыва́ння, шарова́ння, земляки мои бываютъ, по видимому, очень недовольны, ворчатъ, бранятся даже: »Оце, че́пурка!« говорятъ они женѣ, невѣсткѣ, или кто правитъ за хозяйку: »Про́бі—*зъ ха́ти!*... не можна, бачъ, було пíдождать до Вели́кодня!« и т. п. Если вамъ придется услышать отъ нихъ подобныя слова — не вѣрьте имъ: это или просто *брехня́* (внутренняго смѣху ради, они очень любятъ иногда говорить не то́, что́ думаютъ), или же минутная досада, вызванная необходимостью разстаться съ вѣчно-дорогимъ намъ лежаніемъ въ просѣ на печкѣ, и перспективою слоняться по двору и огороду, *на хо́лоді та на лихíй годи́ні*, за неимѣніемъ, по близости, кума или свата, у котораго въ хатѣ не происходило бы то же самое, что́ и въ ихъ

(¹) Блощи́ця — клопъ.

собственной. Повторяю еще разъ, не вѣрьте имъ въ подобныхъ случаяхъ; потому что и сами они очень-очень любятъ, когда уберутъ ихъ хаты *чепурно*, и они бы не такую пѣсню запѣли женѣ или невѣсткѣ, еслибъ она послушалась ихъ и оставила хату къ святкамъ неубранною. Жены ихъ и невѣстки очень хорошо это понимаютъ, и потому онѣ, обыкновенно *знающія строй*, и рѣдко осмѣливающіяся поднимать предъ ними голосъ, — на этотъ разъ, когда услышатъ брань за чистоту, — о, какъ возвышаютъ его! »Нічого вже вамъ, татусю, мабуть, оце балакать! Идіть же, идіть, кажу, зъ хати!« говорятъ онѣ; а мужу или брату: »Иди жъ мені, кажу, зъ хати! за добра ума! Ато онъ бачъ — кочерга?« И татусь, или мужъ, или братъ, идутъ съ хаты, насовывая на глаза шапку поглубже и будто-сердито ворча: »Ну-ну-ну! ти мені, знаешь?.. не тее!« или: »Кочерга!!.. Гмъ, та въ кочерги два кіньці!« А какъ выйдутъ на дворъ или огородъ, и увидятъ кума или сосѣда, тоже на дворѣ или огородѣ: »Оце«, говорятъ: »хоть зъ двору тікай! Маруся таке мазання підняла, що й віконъ не видно!«, а кумъ или сватъ, съ своего двора или огорода: »та й моя Ганна теежъ — и шапки нігде положить!..« И одинъ кумъ смотритъ въ воздушное пространство, а другой кумъ смотритъ въ пространство не воздушное, будто это они такъ себѣ, только подѣлились другъ съ другомъ ощущеніями, пожаловались другъ передъ другомъ на свою горькую долю, а не прихвастнули одинъ передъ другимъ, что, молъ, у меня невѣстка вонъ-какая, а у меня жена вонъ-что!... Какъ видите, тутъ всѣ настроены на одинъ тонъ: мои земляки понимаютъ своихъ женъ и невѣстокъ, жены ихъ и невѣстки понимаютъ своихъ мужей и свёкровъ, Ганна понимаетъ кума, кумъ понимаетъ Ганну. — словомъ, всѣ понимаютъ другъ друга отлично (1).

Рядомъ съ мазаннямъ идетъ и *праття* (мытье бѣлья....)

Вы, мой, много видѣвшій и много путешествовавшій, читатель, ужъ вѣрно подумали: »Славное, молъ, должно быть мытье бѣлья у нихъ, у

---

(1) Къ числу приготовленій хозяйки-Украинки для убранства хаты къ Різдвяннимъ святкамъ, относится и приготовленіе или закупка *теремківъ*, бумажныхъ цвѣтовъ, для украшенія образовъ, и, вообще, для украшенія *покуття*. Но какъ обычай украшать теремками хаты долженъ быть признанъ обычаемъ по преимуществу *городскимъ* и обычаемъ селъ и хуторовъ подгородныхъ, и какъ теремками, и вообще украшеніями изъ бумаги, хаты убираются чаще на *Великдень* (Свѣтлый праздникъ), чѣмъ на Різдвянні святки, то я здѣсь и оставляю ихъ въ сторонѣ. Придется говорить о Великодні — пожалуй разскажу тогда и о теремкахъ. Равнымъ образомъ оставляю пока въ сторонѣ и окончательныя приготовленія къ убранству хаты: разсказывать о нихъ я буду тогда, когда буду разсказывать о вечерѣ на Богату кутю.

этихъ выпачкашныхъ дёгтемъ чумаковъ! вотъ что́ встрѣчаешь по дорогѣ въ Крымъ или Одессу!« — правда подумали?... Но не такъ слѣдуетъ вамъ думать.... Дѣйствительно, тонкое бѣлье селянки - землячки мои вымыли бы скверно, а съ воротничками и манишками вашими онѣ и совсѣмъ не умѣли бы справиться. Впрочемъ, откуда имъ теперь и научиться этому! *Шва́бські* поло́тна теперь туда не попадаютъ, а если и попаютъ — не на что́ купить.... Землячкамъ моимъ, остались для мытья только *деся́тки, дванадця́тки,* а много-много *чотирна́дцятки* (холстъ въ десять, двѣнадцать и четырнадцать пасомъ)! Затожъ онѣ моютъ ихъ усердно, очень усердно, и съ полнымъ знаніемъ дѣла!... И если бы вамъ мой читатель, удалось увидѣть четырна́дцятку такую хоть на рубахѣ, у какой-нибудь старушки, въ лѣтній праздникъ сидящей возлѣ хаты и грѣющейся на тепломъ солнцѣ или у какого-нибудь *оте́цького* сына, въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, безъ *кантанка́* и въ широкихъ шараварахъ, выглянувшаго изъ коморы, посмотрѣть, отчего съ лаютъ собаки, — или же на цѣломъ роѣ дивчатъ, щебечущихъ и *грабля́ми* на плечахъ спѣшащихъ утромъ въ іюньскій понедѣльникъ, на гребовицу, — вы бы сказали — »батистъ!.. снѣгъ!...«

Можете же себѣ представить послѣ этого, что́ за *праття* бываетъ у насъ предъ Різдвя́нними святка́ми, особенно если у хозяйки одна-двѣ *дочки* на *вида́нню* (невѣсты), или два-три неженатые *синй соколи́!*... Тутъ пускаются въ ходъ всѣ пріемы Украинской стирки; тутъ моются и сорочки, и шаравары холщевые или нестрядевые, и *напірники* съ подушекъ (наволоки) и *ря́дна*, и *рушники́*, и *памі́тки*, гдѣ онѣ водятся (головной уборъ, въ настоящее время начинающій выходить изъ всеобщаго употребленія), и *очі́пки*, и *хусткй* и т. д.,—словомъ, все, что́ только слѣдуетъ мыть, до послѣдней тряпки включительно, до послѣдняго *вія́тка*, которымъ обтираютъ горшки, и остается къ празднику немытымъ только бѣлье, которое на ту пору бываетъ въ носкѣ, да и то только самонужнѣйшее, *абй якъ-не́будь переходи́ть до свято́къ.*—Замѣчу еще, что въ основаніи всѣхъ этихъ хлопотъ о приведеніи въ чистоту бѣлья семьи лежитъ не то разсужденіе, что, дескать, »придутъ праздники, надобно запастись чистымъ бѣльемъ побольше; а мыть его праздниками и нельзя, и некогда,—нѣтъ! Во-первыхъ, стирка бѣлья, по понятію Украинцевъ, не изъ такихъ работъ, которыми нельзя было бы заняться, напримѣръ, на второй день послѣ Новаго года, или даже и на четвертый день праздниковъ, — и, въ случаѣ надобности, они и занимаются въ эти дни. Во-вторыхъ, каждая хозяйка Украинка, если только средства и время ей

позволяютъ, непремѣнно увеличитъ къ такому празднику, какъ Різдвя́нні святки́, всѣ статьи бѣлья и для всѣхъ членовъ семьи, по крайней мѣрѣ однимъ экземпляромъ, чтобы къ празднику, каждому *була́ нова́ соро́чка* и т. д. Всѣ эти хлопоты о приведеніи бѣлья въ чистоту, это всеобщее омовеніе, у насъ имѣетъ своимъ побужденіемъ одно: чтобы въ хатѣ было можно менѣе грязи во время праздниковъ.

Наряды. — Вы, мои земляки и землячки, читающіе мое писаніе, вѣрно улыбнулись грустно, увидѣвъ выставленное тутъ *наряды?*... Понимаю, отчего у васъ грустная улыбка! Правда ваша!.. какіе у насъ! наряды! гдѣ намъ ихъ взять!... Мы бѣдны, очень бѣдны, совсѣмъ бѣдны! даже богатѣйшіе между нами, — мелкопомѣстное дворянство, городское козачество, мѣщанство и проч. — и тѣ бѣдны! Хлѣба у насъ много — не лѣнимся мы его пахать; и скотъ водится — отчего ему у насъ и не водиться? Но что́ въ этомъ проку! Земля наша велика и обильна, но *гро́шей* въ ней нѣтъ, да и много кое-чего нѣтъ въ ней!

Я, напримѣръ, козакъ, хозяинъ средней руки; у меня жена, сынъ двадцати лѣтъ, записанный въ ревизію, и двое меньшихъ дѣтей. Въ этомъ году отъ кормовъ у меня останется пудовъ сто разнаго хлѣба — могу его продать. Цѣна, слава Богу, теперь не по $4^1/_4$ коп. ср. за пудъ ржи, какъ было вотъ лѣтъ нѣсколько назадъ, а по 10 коп. ср.; значитъ я выручу 10 р. ср. Ну, сапоговъ три пары, для меня, жены и сына, по 1 р. 15 к. ср. пара, — 3 р. 45 к.; пуда полтора соли — 1 р. 80 к. ср.; дегтю ведро — 1 р. ср.; водки и рыбы для косарей: — кто́ поможетъ мнѣ косовицу отбыть безъ водки и рыбы! — 1 р. 25 к. ср. Много ли еще осталось? *Два рубля пятьдесять коп.!!!* А подушное за двѣ души, рекрутскія и еще разныя тамъ!... *А присіпаетця чого* Старшина, Писарь, Голова, Окружный и проч. и проч!!.. А серпы *зубúть, сокúру* новую купить, попамъ дать, желѣзо въ плугѣ порвется и т. д. и т. д.. Ну, и »на́ша-жъ душа́ не зъ лопу́цька (1) и хоче того́, що й лю́дська«, — можетъ быть, хоть праздникомъ когда-нибудь, захочется выпить чарку водки!.. Пѣтъ, жена моя, нѣтъ, мой сынъ, не будетъ вамъ въ этомъ году обновки къ Різдвяннымъ святкамъ! Можетъ быть, въ слѣдующемъ году удастся тебѣ, сынъ мой, больше принести денегъ съ заработковъ... можетъ быть, смогу продать одну-другую овечку, продать *телúчку*, а можетъ быть и свинью: будемъ всѣ здоровы, и не придет-

(1) *Лопучёкъ* — очищенный, *облу́пленный*, стволъ растеній, употребляемыхъ въ пищу, напримѣръ *козе́льцівъ*.

ся откупать тебя, сынъ мой, отъ рекрутства, или не случится что подобное — куплю вамъ тогда обновки, а теперь *дасбі! вибача́йте!...* (1)

Мы бѣдны и знаемъ, что »такъ горну́ться, якъ одягну́тьця«, но въ то же время любимъ, чтобы одёжка была по нашимъ ножкамъ, чтобы мы могли быть вездѣ *нами*, чтобы *свя́то* (праздникъ) могли мы чтить и въ одежѣ тѣмъ, что́ такъ дорого нашей душѣ — *звича́йностю*, *оха́йностю*. И потому: во-первыхъ, мы завели у себя обычай, — если только средства сколько-нибудь позволяютъ, имѣть двѣ перемѣны одёжи, старенькую — *про бу́день*, а новенькую — *про свя́то*. Въ слѣдствіе такого обычая, мы носимъ платье не такъ, какъ носите его вы, господа и госпожи! Вы, господа, когда сошьете себѣ новое платье, новый корсетъ подъ жилетъ или подъ мундиръ, или вы, госпожи, какъ сдѣлаете себѣ новенькій бурнусъ или новый кринолинъ, — тотчасъ на себя и на Невскій, и таскаете ихъ ежедневно до новаго корсета, до новаго кринолина, не разбирая ни *бу́дня*, ни *свя́та*; мы же, какъ пошьемъ себѣ *кере́ю* (свита), или сдѣлаемъ себѣ *нові запаски́*—тотчасъ ихъ въ *скри́ню* (сундукъ) или въ *хи́жу* (чуланъ), и не прежде надѣваемъ ихъ, какъ наступитъ свя́то, къ которому они сдѣланы, и потомъ носимъ ихъ только въ свя́то, или же при событіяхъ нашей жизни, равняющихся, по нашему понятію, свя́ту. Если средства намъ позволяютъ, мы даже та́къ поступаемъ съ одёжею: вомѣсто двухъ ея перемѣнъ, мыи мѣемъ три (богачи-козаки имѣютъ иногда и гораздо больше, особенно по нѣкоторымъ статьямъ; напримѣръ, кожуховъ у иного наберется пять-шесть и даже больше; но мы говоримъ о массѣ населенія Украинскаго): старенькую перемѣну — для будня, которая поновѣе — для обыкновенныхъ праздниковъ, а совершенно новая — для такихъ праздниковъ, какъ Різдво́ или Вели́кдень, или для случаевъ, которые, по нашему понятію, равняются большому свя́ту.

Во вторыхъ, у насъ въ обычаѣ шить себѣ платье не сейчасъ, когда мы *спромогли́сь*, или когда намъ прійдетъ охота, а къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різдвяннымъ праздникамъ или къ Великодню. До праздниковъ мы стараемся какъ-нибудь *проходи́ть*, обойтись старенькимъ. Если я еще весною *спромі́ся* на *линтва́рі* (овечьи кожи) для женскаго кожуха и еще весною *почини́въ* ихъ, кожуха женѣ я все-таки не сдѣлаю къ зимѣ, хоть ей и *на плéчі нічого каки́нуть*, а сдѣлаю къ Різдвяннымъ святкамъ, а до того пусть *якъ-*

(1) Богъ дастъ! Извините!

нéбудь прохóдить,—въ моемъ кожухѣ, въ дочкиномъ, что-ли. Такъ поступлю я и со всякаго рода одежою, и для всякаго члена моей семьи. Благодатный нашъ климатъ не будетъ особенною помѣхою, чтобъ, напримѣръ, сынъ мой Иванъ *прохóдивъ* осень и первые морозы зимы въ *шкарбанáхъ* (старыхъ и изорванныхъ сапогахъ); не будетъ помѣхою и мѣстное общественное мнѣніе, что, дескать, я хожу въ женинóмъ кожухѣ, или пятилѣтній мой Петрусь катаетъ бабы изъ снѣгу въ материныхъ сапогахъ, или на женѣ моей *кожушáнка*—что́ называется »лáта на лáті«: мѣстное общественное мнѣніе посмѣялось бы надо мною тогда, когда бы я носилъ нищенскую одежу изъ скряжничества, посмѣялось бы какимъ-нибудь прозвищемъ, или чѣмъ либо подобнымъ, убійственнѣе, чѣмъ оно обыкновенно смѣется, такъ, что хохотъ его послышался бы моимъ и внукамъ и правнукамъ. Но надъ тѣмъ, что я по нуждѣ хожу въ женинóмъ кожухѣ, или что Ивану не шьются новые сапоги въ ожиданіи Риздвянныхъ святокъ, никто не посмѣется — мы всѣ хорошо знаемъ другъ друга, и знаемъ, *що въ Хáврі нема очíпка*.... (1) Притомъ, въ отвѣтъ нескромному и *незвычáйному* зубоскалу, въ арсеналѣ нашей памяти, найдется много метательныхъ снарядовъ, придуманныхъ для подобныхъ случаевъ опытомъ вѣковъ: »скачи́, вráже, якъ пáнъ кáже«, »нужда́ зáконъ змíня́«, »сёго́ не знімуть, крáщого не дадýть« и т. п.

Обычай шить платье къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різдву и къ Великодню, вполнѣ согласуется съ условіями нашего быта, теперь почти исключительно земледѣльческаго. Послѣ праздниковъ Рождества, у насъ главная молотьба, главная доставка хлѣба въ винокуренные заводы и въ города; мы въ это время рубимъ и вывозимъ лѣсъ, хворостъ, лозу, запасаемся, гдѣ можно, очеретомъ; возимъ масло, сыръ, *дробинý* въ такіе пункты продажи, какъ Кіевъ, Нѣжинъ, Черкасы, Кременчугъ, Харьковъ, и т. д. и т. д., — словомъ, это не такое время, чтобы возиться съ *кравця́ми* и *шевця́ми*, тѣмъ болѣе, что наши *кравці* и *шевці* такіе же хлѣборобы, какъ и мы сами, и въ рабочую пору ни платья шить, ни сапоговъ тачать не захотятъ. Вотъ какъ *пу́стить* снѣгъ и попортитъ дороги и *токи́*, когда ни молотить, ни ѣздить нельзя, а плетни плести, и сѣять еще не пришла пора, — тогда другое дѣло! тогда можно приняться и за *черевúки*, и за *каптанки*, и

(1) »У Ѳевроньи нѣтъ повойника«. Поговорка эта имѣетъ значеніе, противоположное значенію поговоркѣ: »Зна́ю, що въ Кузьми е грóші, та и т. д.«: Знаю, что у Кузьмы есть деньги, но....

за *карсе́ти*, а кто спромо́жется—и за жупа́ни и за шаравары, пестрядевые или китайчатые!... Послѣ Христова воскресенья снова работы на всю весну (за исключеніемъ короткаго промежутка времени около Духова дня), на все лѣто и на всю осень—опять съ платьемъ возиться некогда! А вотъ, какъ ужъ хлѣбъ на гумнѣ, и мы часть его помолотили для домашняго обыхода и для первой продажи,—тогда можно приняться и за платье—этакъ къ Рiздву, около средины *Пили́пiвки* (Филиппова поста).

Къ Рождественнымъ святкамъ преимущественно приготовляются кожу́хи, *кере́i*, сви́ти женскія и мужскія, *кожуша́нки*, *чо́боти*, *кажанки́* (кожано́къ—баранья куртка; называется также и тужуро́къ) и такъ далѣе, словомъ, то, что́ носятъ, по преимуществу, не лѣтомъ.

Безъ сомнѣнія, кто въ состояніи, покупаетъ въ это время женѣ очипокъ или на-очипокъ и т. п., а кто побогаче (читатель помнитъ вѣроятно, кого мы богатыми здѣсь разумѣемъ) кожухъ кроетъ новымъ сукномъ, шьетъ дочкѣ новую шубу на заячьемъ мѣху, покупаетъ новую шапку изъ сѣрыхъ смушковъ.

Безъ сомнѣнія также, что слова́: »Есть такой товаръ, противъ котораго не устоитъ никакая Украинская *гарная дивка* или жинка, есть кольца-*змѣйки* и серги-*польки*... за которыя Малороссійская крестьянка охотно отдастъ и собранную ею въ теченіи года щетину, и птичье перо палое и щипаное, и многіе другіе предметы ея хозяйства, ей ничего не стоящіе« ,—слова́, сказанныя авторомъ »Изслѣдованія о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ« вообще, больше всего оправдываются при наступленіи такихъ праздниковъ, какъ Рiздвяны святки (по крайней мѣрѣ что́ касается до щетины, собираемой за вторую половину щетиннаго періода, т. е. съ начала лѣта до праздника Рождества): предстоитъ столько праздниковъ, а послѣ праздниковъ столько будетъ сватьбъ,—столько, значитъ, случаевъ показаться! *а мо́же, й вiнъ при́шле сватiвъ!*... А злодѣи-*щети́нники* и *коробе́йники*, то и дѣло, снуютъ, одинъ со двора, а другой въ дворъ! и *дукачi* у нихъ такіе, и *намиста́* (мониста), и кольца-змѣйки, и серьги-польки!

Пища и питье. Изъ съѣстныхъ припасовъ, которыми хозяйка-Украинка старается запастись еще до наступленія Багатой кути, самые важные, безъ всякаго сомнѣнія, припасы для приготовленія *куті* и *узва́ра*. Ка́къ и когда они готовятся и ѣдятся, объ этомъ будетъ разсказано мною въ свое время; здѣсь я укажу только на матеріалы, нужные хозяйкѣ для ихъ приготовленія.

Для кути ей нужна непремѣнно крупа изъ пшеницы, приготовленная какъ перловая крупа изъ ячменя. Для этого берется хозяйкою самая лучшая пшеница, какая только у нея есть, очищенная отъ *кукілю́* и всякаго со́ру, перемытая, обыкновенно *тогоро́чия*, (т. е. нажатая въ томъ же самомъ году), и толчется въ *ножані ступі* (не въ мельничной ступѣ, а въ такой, которая приводится въ движеніе человѣческими ногами), чтобы зерно не дробилось, какъ это иногда случается въ мельничныхъ ступахъ, и выходило бы круглое и чистое, что́ называется, какъ слеза. Приготовленную такимъ образомъ пшеничную крупу, называемую обыкновенно у насъ кутѐю, очищаютъ черезъ решето, и потомъ хранятъ, гдѣ слѣдуетъ, впредь до востребованія.

Впрочемъ, отъ этого общаго правила бываютъ отступленія! Какъ ни твердо держимся мы стародавнихъ обычаевъ, и какъ ни повсемѣстно у насъ вѣрованіе, что кутя должна быть непремѣнно изъ пшеничной крупы,—между горожанами такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Кіевъ и даже между *панка́ми и полу́панками* сельскими (сельскимъ мѣлкопомѣстнымъ дворянствомъ), встрѣчаются въ этомъ случаѣ прозелиты, которые, по примѣру иныхъ пановъ, готовятъ для себя кутю уже не изъ пшеничной крупы, а изъ рису. Далѣе, *бі́дота*, у которой нѣтъ ни *жмѐні* (горсти) пшеницы, и которую очень-очень часто можно встрѣтить у насъ между крѣпостнымъ сословіемъ, — въ крайности, когда ужъ нѣтъ никакой возможности достать себѣ настоящей *кути*, приготовляетъ себѣ кутю изъ перловой крупы, называемой у насъ тоже *кутѐю*. Такого же обычая,—приготовлять кутю не изъ крупы пшеничной, а изъ перловой, держатся и иные панки и полупанки относительно своей дворни, подражая, конечно, и въ этомъ случаѣ примѣру иныхъ пановъ.

Приготовляя крупу для кути, хозяйка у насъ заботится еще и о медѣ. По стародавнему обычаю, мёдъ для кути непремѣнно долженъ быть въ *сці́льникáхъ* (сотахъ), какъ можно менѣе помятыхъ и, если возможно, приготовленныхъ пчелами изъ липоваго цвѣту, слѣдовательно бѣлыхъ, душистыхъ. Такими сотами запасаются, обыкновенно еще осенью, когда кладутъ ульи въ *бджоляники́* (¹), а иногда и нарочито вынимаютъ оттуда передъ Багатою кутею намѣченный прежде улей и добываютъ изъ него сотовъ. Впрочемъ, обычай употреблять непремѣнно

(¹) Бджоляникъ — погребъ, въ которомъ ульи складываются на зиму. — Буквы *дж* произносятся въ этомъ словѣ какъ Италіянское *g* предъ мягкими гласными.

соты для кути, начинаетъ мало по малу у насъ исчезать.... Замѣтное уменьшеніе у насъ пчеловодства и повсемѣстное распространеніе бѣдности, заставили насъ обращаться къ медовой патокѣ — покупать ее въ городахъ, или у мѣстныхъ посѣчниковъ, а чаще всего — доставать способомъ, о которомъ я скажу ниже. — Впрочемъ... если иной изъ моихъ бѣдныхъ земляковъ не въ состояніи себѣ добыть пшеничной и крупы, то гдѣ же ему взять мёду!... Ѣдятъ въ такомъ случаѣ и одну кутю, или съ маковымъ молокомъ, съ жижицею изъ узвару, а иногда ѣдятъ.... Я вамъ разскажу, какъ иногда ѣдятъ мои бѣдные земляки кутю при нуждѣ!

Ѣхалъ я однажды на Богату кутю изъ школъ домой. Въ дорогѣ захватила насъ сильная вьюга, и загнала въ одинъ степной шинокъ. Вхожу — цѣлая толпа народу, тоже путники. Сё, то, другое, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ начало темнѣть, скоро бы и за кутью пора. Принялись толковать и о кутѣ: что нельзя же намъ остаться безъ нея, надобно во что́ бы то ни стало достать, — толковали-толковали, и порѣшили обратиться къ хозяину, продай-молъ! »Свя́тощівъ не продаю́ть (того, что́ свято, не продаютъ)!« лаконически отвѣчалъ намъ сѣдоволосый хозяинъ шинка. — »Дакъ та́къ дай, спаси́бі тобі!« — »Та́къ — мо́жна!« и, поворотившись къ своей старухѣ, — »Даси́ і́мъ, стара́, якъ бу́демо істи, на бра́та, по гру́доцці (¹), та й по півло́жки сити́, и по ло́жці узва́ру!...« Съѣлъ старикъ съ своею семьею кутю, съѣли и мы каждый свою порцію, благодаримъ хозяина, — въ ворота стукъ! Цѣлый транспортъ привалилъ, и все таки наши земляки. — Обогрѣлись новопріѣзжіе, и какъ мы: »Будь ла́сковъ, дідусю!« — Нѣтъ кути! — Жалко было смотрѣть, въ какое бѣдные пришли уныніе! »Вотъ, »говорятъ, »какъ привелъ Богъ! хоть бы чужой, хоть бы по кусочку!« — Слушалъ-слушалъ ихъ старикъ: »Ну, говоритъ, коли ужъ вы люди такіе богобоязливые... обождите! Дай мнѣ старуха, *лихта́рню* (фонарь), да не вымывай миски, что́ ѣли кутю!« И взявъ фонарь и поставивъ въ него *каганє́ць* (особого рода свѣтильня), вышелъ изъ хаты. Чрезъ четверть часа онъ воротился съ кружкою яблочнаго квасу... вылилъ его въ миску, и поставилъ на столъ: »Поіжте« ,говоритъ, »хоть оцёго́ замі́сць узва́ру, — старі лю́ди та́къ насъ вчили, при нужді (поѣжьте хоть этаго вмѣсто узвару, — старые люди такъ насъ учили помогать себѣ въ нуждѣ)!« И новопріѣзжіе ѣли ложками квасъ, и благодарили

(¹) По кусочку.

Бога и старика, что и они, бѣдные путешественники, могли *встрѣтить* кутю!...

Хозяйки, собирающіяся готовить у себя кутю изъ пшеничной или перловой крупы, кромѣ крупы и мёду больше ничѣмъ не запасаются; но хозяйки, которыя *попанячились*, *панáми помáзались*, или (какъ выражаютъ еще иногда мои земляки подобный прозелитизмъ) *почортíли*, *забýли Бóга*, *превернýлись изъ людéй въ чóрзнащо*, и т. п., т. е. такія хозяйки, которыя забыли *предковскі звичáї* и собираются сдѣлать у себя кутю изъ *рúжу* (рису), тѣ ,кромѣ рису, запасаются иногда и *родзúнками* (изюмомъ).

Второе мѣсто, послѣ запасовъ для кути и узвáра, занимаетъ приготовленіе *мясúва* (мясъ) для праздниковъ. Тутъ—кто во что́ гораздъ! Кто позажиточнѣе, *бьетъ* вола, корову, *телúцю*, (обыкновенно такихъ, которые оказываются почему либо неспособными для работы, для приплода, для продажи, — отъ которыхъ нельзя ждать *корúсти*), и если семья небольшая, часть мяса продается, а другая, замороженная, остается для домашняго обихода, и ею кормятся до великаго поста, а иногда еще солятъ и оставляютъ для Великодня. У кого много птицы, часть, назначаемую для домашняго употребленія (для продажи обыкновенно рѣжутъ послѣ праздниковъ, если, конечно, не продадутъ на мѣстѣ живьемъ), рѣжутъ всю передъ праздниками, и иногда даже за нѣсколькой недѣль, если морозы хорошіе и постоянные, даже иногда предъ Филипповымъ постомъ, чтобы заговѣть *дробинóю*, и потомъ порѣзанную замораживаютъ и поступаютъ, какъ и съ замороженною говядиною. При этомъ (что́ впрочемъ случается большею частію съ людьми менѣе зажиточными и нуждающимися въ деньгахъ для праздниковъ и текущихъ расходовъ), часть рѣзанной дробины, особенно гусей, и даже часть нерѣзанныхъ гусей, продается на *крáсныхъ торгáхъ* въ городахъ. Кто же побѣднѣе — довольствуется одною-другою *гýскою*, или *кýркою*, а кто и совсѣмъ бѣденъ, ничего не имѣетъ... Ну, да вы, мой читатель, и сами хорошо знаете, что́ можно сдѣлать изъ ничего....

Но бѣденъ ли мой землякъ или нѣтъ, въ состояніи ли онъ что-нибудь зарѣзать въ это время изъ дробины, или не въ состояніи, но ужъ кабанъ, или свинья, или *підсвинокъ*, или хоть *порося*, непремѣнно у него будутъ откормленны и заколоты къ *Різдвý*. Обычай этотъ до того повсемѣстенъ у насъ и до того намъ по сердцу, что даже жители уѣздныхъ нашихъ городовъ, за исключеніемъ, конечно, панства, держатся его почти всѣ безъ исключенія. А ужъ дѣтямъ-то дѣтямъ—куда какъ онъ по сердцу!.. въ

перспективѣ сало, колбасы, *ке́ндюхъ* (1), начиненный *грудни́ною*, ки́шки гречневыя или пшонныя, печонка и запекшаяся кровь, поджаренныя съ саломъ, и т. п., а пока—пузырь, вымятый въ гречневой золѣ и наполненный горохомъ: и *торохта́ть* можно, и къ хвосту рудому коту привязать!.. »Глядіть же, ма́мо, розбу́діть мене́ за́втра, якъ бу́дуть кабана́ смали́ть!.. Чи розбу́дете? га?.. Розбу́діть же...«—»И мене́, и мене́!..« — »Добре, добре, спіть вже!« и дѣти, малъ-мала-меньше, сладко засыпаютъ, убаюкиваемые радостною мыслію, что ихъ разбудятъ, и что они будутъ смотрѣть, какъ кабана будутъ смалить... И вотъ завтра, еще до разсвѣта, уже вся семья на огородѣ, или въ саду, или на берегу у рѣки, и смалятъ *кова́ного* или *бі́лого*... На кованомъ или бѣломъ куча пылающей соломы; глава семьи расхаживаетъ и поправляетъ шестомъ огонь, дѣти какъ грибы вокругъ, а въ сторонкѣ мать... А тамъ, подальше, тоже огонь и семья... на право — опять огонь и семья... за рѣкой слышенъ лай собакъ... на селѣ заблаговѣстили... востокъ начинаетъ алѣть....

Къ этимъ предметамъ заботливости хозяевъ-Украинцевъ, готовящихся къ Ризднянымъ святкамъ, надобно отнести и заботы о *горі́лці*. — Большое раздолье у насъ въ это время винокурнямъ и шинкамъ!.. берутъ горилку и бочками, и боченками и ведрами, и *пиввідрами* или *пятирика́ми*, и квартами, и можетъ быть только одна косовица въ состояніи потягаться въ этомъ отношеніи съ Ридзвянными святками!.. И не удивительно! столько праздниковъ скопилось разомъ, притомъ между ними есть нѣсколько такихъ праздниковъ, въ которые каждый Украинецъ, даже непьющій въ обыкновенное время водки, считаетъ своею непремѣнною, можно сказать, священною, обязанностію, пить хоть по немногу. Сверхъ того, вслѣдъ за праздниками наступаютъ свадьбы и неразлучные съ ними *добри́дні* (визиты жениха и невѣсты роднымъ и знакомымъ, послѣ сватьбы) и т. п.

Купленная горилка употребляется во время праздниковъ большею частію въ натуральномъ ея видѣ; тѣмъ не менѣе хозяйка у насъ, особенно зажиточная, непремѣнно постарается запастись къ Ризднянымъ святкамъ разными настойками и *запіканками*, т. е. водкою, настоянною на какихъ-нибудь колоніальныхъ кореньяхъ, на печкѣ, въ горячемъ мѣстѣ, въ закупоренномъ или даже замазанномъ штофѣ, *буте́лі* и —

(1) Брюшникъ.

постарается запастись любимыми нами *перчиківками*, на струковатомъ или кругломъ перцѣ, *калганівками*, *бодянівками* и т. и т. д.

Мелкопомѣстное дворянство, знакомое съ *шпу́нтами* или *шпу́нтушами*, какъ называются у насъ пунши записными любителями этой заморщины, запасаются въ это время и *двойною*.

Білі васильки, *ладонъ и воскъ*. Для чего намъ нужны во время праздниковъ Рождества бѣлые пахучіе васильки, ладонъ и воскъ—читатель узнаетъ въ свое время, здѣсь же мы должны только показать, ка́къ мы ихъ себѣ достаемъ, или, лучше сказать, какъ мы достаемъ себѣ воскъ, потому что ладону, на грошъ, на два, мы очевидно должны купить у *крамарівъ*, или городскихъ, на *красныхъ торгахъ*, или же на какой-нибудь ярмаркѣ, а васильки ростутъ на нашихъ же огородахъ; еслижъ у насъ не наросли, то навѣрное наросли у *сусіди*, у кумы, или у свахи: *сёго́ ди́ва у насъ — аби́ хіть!*

Пчеловодство у насъ, какъ я и выше сказалъ, падаетъ, число пасѣкъ годъ отъ году уменьшается; поэтому всей почти массѣ хозяекъ-Украинокъ воскъ и мёдъ приходится доставать у другихъ. Конечно, въ города онѣ за этимъ рѣдко обращаются: зачѣмъ обращаться въ городъ, когда тутъ же на селѣ, или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ хуторѣ, есть, можетъ быть, у кого пасѣка! Притомъ, въ городѣ воскъ и мёдъ пріобрѣтаются на деньги, а мы готовы лучше въ три-дорога пріобрѣтать все, лишь бы только пріобрѣтать не на деньги, потому что, какъ я уже сказалъ, земля наша велика и обильна, но *гро́шей* у насъ нѣтъ!.. Хозяйки у насъ, поэтому, мёдъ и воскъ вымѣниваютъ у мѣстныхъ владѣтелей насѣкъ: на куръ, куриныя яйца и тому подобныя статьи женскаго хозяйства; но чаще всего вымѣниваютъ ихъ на свой трудъ, или, употребляя присвоенные этому акту мѣны мѣстные термины, объясняющіе и самое качество промѣниваемаго труда, *берутъ* воскъ и мёдъ, и особенно воскъ, на *півмі́тка*, на *мо́токъ*, на *соро́чку*, т. е. обязываются пошить кому-нибудь рубаху, или напрясть пивмитка или мотокъ пряжи (конечно изъ матеріаловъ дающаго мёдъ или воскъ), и берутъ за это извѣстное количество кусочковъ воску, или извѣстную мѣру мёду. Даже самую сдѣлку предлагаютъ въ такихъ терминахъ... »Дай«, говорятъ, »мнѣ воску, или мёду, на пивмитка или на сорочку!« Къ распространенію обычая обмѣнивать, въ такой формѣ, трудъ на медъ и воскъ, немало вѣроятно способствовалъ другой обычай, существующій у моихъ дорогихъ земляковъ, именно обычай — въ трудныя и скорбныя минуты жизни давать обѣты ставить *Бо́жі матері*, *Спаси́телеві*, угодникамъ

святымъ, свѣчи, собственноручно сдѣланныя, и изъ воску, *собственноручно заработаннаго*, и данные обѣты исполнять строго и буквально, хоть будь своего воску — куры не клюютъ, хоть пусть *гадюки тутъ сичя́ть* и не позволяютъ исполнить даннаго обѣта.... потому что вѣруютъ мои дорогіе земляки и мои дорогія землячки — »хто лама́е сло́во, той віру лама́е, той ду́шу лама́е, той Бо́га лама́е!...«

Такъ достаютъ себѣ медъ и воскъ мои землячки вообще, и такъ онѣ достаютъ ихъ предъ Різдвянными святками по-преимуществу... говорю *по-преимуществу*, такъ-какъ предъ этимъ праздникомъ и послѣ него онѣ болѣе имѣютъ свободнаго времени для отработки взятаго, чѣмъ во всякое другое время года и потому что въ это время года особенно *раздается* воскъ на *півмітки и на сорочки́* владѣльцами пасѣкъ и зажиточнѣйшими хозяйками, имѣющими прядива много, а рабочихъ рукъ мало, и потому покупающими воскъ и спекулирующими.

Вотъ, мой читатель, важнѣйшіе предметы, на которые хозяйка-Украинка обращаетъ особенное вниманіе, приготовляясь къ *Різдвяни́мъ святка́мъ!* Въ слѣдующемъ письмѣ побесѣдую съ вами о *Богатой кутьи.*

М. Номисъ.

1858 г.

СЪ ВОЛЫНИ.

Отрывокъ.

. . . . Ямщикъ нашъ былъ очень ожесточенъ противъ Евреевъ и бранилъ ихъ безъ пощады.

»Худо́би не году́ють и зовсімъ не жаліють!« говорилъ онъ: »бий, гони́, да й тільки! імъ аби́ більшъ ви́робить, — и одночи́нку нема́!... О, якъ би мене́ настанови́ли отти́мъ!« (и онъ особенно ударялъ на *отти́мъ*.) »Я бъ на одній гіллю́ці всіхъ жидівъ перевішавъ!«

Эти слова, произнесенныя такъ запросто, какъ будто дѣло идетъ о дурной погодѣ, дали намъ почувствовать, что мы находимся въ области славнаго въ пѣсняхъ и безславнаго въ *обывательскихъ* воспоминаньяхъ гайдамачества. Самъ говорившій имѣлъ видъ дикой красоты: рыжіе усы его торчали, какъ у кота; давно небритый подбородокъ ёжился посѣдѣвшими иглами; впалые сверкающіе глаза, глубокія морщины, прорванная сбоку войлочная шапка и свита вся въ лохмотьяхъ.... Чего не доставало такой личности, для того, чтобъ слова его были не пустыми, безсильными звуками? Каждый догадается....

При встрѣчѣ съ жидовскими *будками,* которыя не рѣдко попадались намъ на дорогѣ, разогорченный жидами ямщикъ нашъ обыкновенно кричалъ:

»Звертáй, звертáй, жидовá прокля́та! ато́ го́лови поздиймáю.«

Вѣтеръ уносилъ много словъ его, а стукъ колесъ заглушалъ ихъ, ато бы онъ далъ намъ полное понятіе о томъ краснорѣчіи, которымъ во времена Хмельницкаго и Уманской рѣзни *затя́жці* и *колії* напутствовали сыновъ Израиля въ иную жизнь, до которой они не охотники. Такого ненавистника еврейскаго племени между ямщиками я еще никогда не встрѣчала, или, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчала между

ними ни одного, который бы такъ простодушно выражалъ свою ненависть.

Другіе ямщики обыкновенно высказываютъ ее только тѣмъ, что слово *жидова́* употребляютъ, какъ бранное слово. »Жидова́, не встóішъ!« говорили они неспокойнымъ лошадямъ. Или: »Засáпалась, жидова́!... Кива́ешъ головóю, жидова́!...« А этотъ:

»О, якъ-би́ я бувъ проізжáющимъ!... я запрігъ би жи́да вомісто худóби, да й прогнáвъ би цілу верствý!...« И потомъ, подумавъ, поправлялъ себя: »Ні, не верствý, а пять верстóвъ, щобъ знавъ мýчить худóбу.«

Рудненская станція. Станціонный домъ веселенькій; окруженъ сосновымъ лѣсомъ. Мать станціоннаго смотрителя—полька, очень добродушная старушка; черты лица пріятныя: видно, въ молодости была очень хороша собою. Она пригласила насъ обогрѣться на свою половину, такъ какъ гостинная комната была холодна, и, узнавъ, что обогрѣвшись, мы хотимъ ѣхать дальше, совѣтовала намъ переночевать. »Не надо, говорила она, и милліоновъ, какъ хорошее здоровье! Переночуйте: czerstwiéj и здоровѣй будете.«

Мы согласились остаться: въ голосѣ и словахъ старушки было столько участія, что нельзя было не согласиться на ея убѣжденіе. Мы только просили ее изготовить намъ что́-нибудь пораньше утромъ.

— Вы кушаете постное? спросила она насъ.

»Да.«

— Ну, если такъ, можно сготовить *потрáвку*.

Мнѣ понравилось названіе, и я, изъ любопытства, просила приготовить неизвѣстное мнѣ кушанье.

Встали утромъ, а старушка уже суетится и съ оживленнымъ лицомъ готовитъ намъ *потравку*. Подана потравка.... Вкусу никакого! Мерзлый картофель, гвоздичный перецъ и вода—вотъ и все въ потравкѣ.... даже соли не было! »Ну, думаемъ себѣ, мы теперь подкрѣпили свои силы, сдѣлались *черствы́й*, и смѣло можемъ пуститься въ путь!.. авось-либо на слѣдующихъ станціяхъ встрѣтимъ такое же радушіе, но лучшее подкрѣпленіе!«

Послѣ узнали мы, что добрая старушка, съ сыномъ, сами живутъ очень бѣдно, никогда не покупаютъ себѣ говядины и даже не въ состояніи держать для проѣзжающихъ вилку и ножъ!... а между тѣмъ сколько въ этомъ голосѣ было выражено готовности и неподдѣльнаго радушія—отогрѣть путешественниковъ и накормить ихъ, совершенно безкорыст-

но, — тогда какъ мнѣ случилось однажды видѣть, какъ станціонная смотрительша, не будучи вовсе въ такой крайности, взяла съ умирающей женщины-путешественницы 10 копеекъ сребромъ за непрошенный стаканъ воды.

Житомиръ. Объ этомъ городѣ, какъ о предметѣ слишкомъ извѣстномъ, распространяться не буду. Мнѣ понравилась липовая аллея на выѣздѣ. По обѣимъ сторонамъ большой дороги тянутся въ два ряда огромныя липы, и роскошно раскинули свои великолѣпныя вѣтви. Вѣтви сплелись и образовали арку надъ дорогою. Мнѣ вообразилось лѣто. Завидный отдыхъ въ знойный день для пѣшехода! Трудно придумать что-нибудь пріятнѣе для путешественника, когда липы разовьются, покроются цвѣтомъ и разольютъ благоуханіе, при солнечномъ горячемъ освѣщеніи. Что долженъ ощущать странникъ, измученный жаромъ и пылью, растянувшись на травѣ, слегка защищенной прозрачнымъ природнымъ зонтикомъ отъ палящаго солнца, при тихомъ шопотѣ листьевъ, жужжаньи пчелъ, шмелей и пѣніи птицъ! Сладкій сонъ! завиднои ложе! и какой воздухъ!.. Много, много жизненныхъ силъ прибавится у путника. Почему бы всѣ дороги не убрать такимъ образомъ!... Почему?... Каждый знаетъ, почему.

Новіградъ-Волынскъ. Я съ особеннымъ нетерпѣніемъ желала взглянуть на этотъ городокъ. Одинадцать лѣтъ назадъ, онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своимъ мѣстоположеніемъ, — нужды нѣтъ, что это было въ первыхъ числахъ февраля. Мы ѣхали тогда ночью и провалились на льду, — наша коляска прорѣзала его однимъ колесомъ; нужно было вставать. Я встала и, выбравъ хорошее мѣстечко на сѣнѣ, принялась наблюдать картину. Передо мной одинъ возъ сѣна былъ опрокинутъ; кругомъ его волы и кони стояли, лежали и жевали сѣно. Селяне — одни сидѣли на раскинутомъ сѣнѣ, полулежа, отдыхали и курили трубки, другіе запрягали лошадей и воловъ въ возы, а остальные принялись вытаскивать нашу коляску. Собаки тоже тутъ присутствовали: привычка путаться подъ ногами и считать себя непремѣнными домочадцами; а всего вѣроятнѣе, запахъ сала манилъ ихъ. А между тѣмъ луна и звѣзды то выглядывали изъ-за набѣгавшихъ облаковъ, то снова изчезали за ними. Тишина и гармонія были на небѣ; точно въ противоположность съ сумятицей здѣшняго міра.... Со всѣхъ сторонъ, между горъ, раздавалось эхо, ауканье, лай собакъ, пѣніе пѣтуховъ: приближался разсвѣтъ. Наконецъ все проснулось и заговорило. А на небѣ

такъ тихо, такъ спокойно! иногда только падающая звѣзда разнообразила постоянно-одинаковое *мигота́нье* небесныхъ свѣтилъ.

Такое впечатлѣніе соединилось у меня въ памяти съ этимъ городкомъ, и я съ нетерпѣніемъ желала его снова увидѣть.

Когда мы приближались къ нему, погода сдѣлалась чрезвычайно ненастною. Снѣгъ и дождь въ одно и то же время, и вѣтеръ неистовый. Не смотря на то, что мы были тщательно закупорены въ нашемъ тарантасѣ, мы скоро замѣтили, что у нашихъ ногъ образовалось озеро, что шубы наши совсѣмъ мокры. Но это было еще только начало! Спустились мы съ горы, покрытой вязкою грязью. Гадко, грязно, такъ и бьетъ, и льетъ совсѣхъ сторонъ. Жаль бѣднаго ямщика. Но мы думаемъ: »Переправимся черезъ рѣку и всѣ обогрѣемся въ теплѣ, на станціи.«

Приблизились мы къ пристани: паромъ не вдалекѣ, затертый льдомъ, не можетъ подойти къ берегу. Съ него сталкиваютъ въ воду пару лошадей, предоставляя имъ доплыть до берега. »Нельзя ли прополонить?« спрашиваемъ. Намъ отвѣчаютъ, что люди работали цѣлый день, и, выбившись изъ силъ, оставили.

Мы воротились назадъ. Лошади едва могли встащить насъ на гору. Единственнымъ пріютомъ для насъ была жидовская корчма — неуклюжая, наклонившаяся на сторону отъ ветхости, узкая и длинная. Кровли во многихъ мѣстахъ нѣтъ, глина на стѣнахъ, почти вся, давно обвалилась; во многихъ мѣстахъ свѣтились изъ-подъ нея штукатурные колышки.

Пока мой товарищъ осматривалъ комнату, я оставалась въ тарантасѣ. Гляжу въ щель — идетъ сгорбленный старикъ и тащитъ на себѣ два мѣшка, чѣмъ-то наполненные, а за нимъ четырнадцатилѣтній мальчикъ несетъ большую вязанку сѣна. Тяжело было итти бѣднымъ противъ вѣтра!

Я спрашиваю у ямщика-мальчишки: что́ старикъ несетъ и куда идетъ? »Ужъ не къ жиду ли въ корчму«, думаю, »въ такую погоду?«

— То онъ несетъ мякину продавать на рынокъ.

»Крикни ему, что нѣтъ переправы!«

Мальчикъ молча кивнулъ головою.

— Крикни! говорю, — ато онъ напрасно спустится съ такой горы.

Молчитъ.

— Кричи ему, что нѣтъ переправы.

А снѣгъ такъ и сыплетъ въ лицо! почти говорить нельзя; вѣтеръ захватываетъ дыханіе.

— Еще жъ и назадъ ему прійдется итти. Кричи!

»Атъ!«

— Да что́ ты, на него сердитъ, что ли?

»А за что́ жъ мнѣ на него быть сердитымъ? Самъ увидитъ, что нѣтъ проѣзду, и воротится.«

— Да подумай, еслибъ ты былъ на его мѣстѣ....

»И я бы такъ сдѣлалъ: пошелъ бы, увидѣлъ, что нѣтъ переправы и воротился бы.«

Языкъ индиферентнаго философа показывалъ, что онъ воспитанникъ дворовой жизни, изгоняющей, какъ извѣстно, мѣстное нарѣчіе.

Между тѣмъ ямщикъ поворотился на козлахъ въ противную стороны отъ вѣтра. Длинные волосы его были всклокочены вѣтромъ и покрыну хлопьями снѣга. Ямщикъ поставилъ стоймя воротникъ своего сѣраго армяка и приподнялъ вверхъ плечи.

Я снова: »Да зачѣмъ же человѣка мучить?«

— Еслибъ онъ былъ мой знакомый... ага-га-га! (гоготалъ онъ отъ стужи), то я бы сказалъ, ато что́ жъ!

»Да вѣдь мы, христіяне, должны утопающему помочь, кто бы они ни были: жиды или цыгане; ато еще свой землякъ!«

Молчитъ самымъ убійственнымъ образомъ.

У жида, въ корчмѣ, мы заняли комнату нестерпимо холодную; окна съ дырьями. Каминъ и печка очень дурно устроены и похожи болѣе на какую-то пещеру, чѣмъ на каминъ и печку; и двое дверей со щелями. Одна изъ дверей выходитъ въ жидовскую кладовую, изъ которой, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ради любопытнаго жидовскаго наблюденія, прорѣзаны дырья, въ четверть длины и въ полвершка ширины, и еще одна круглая дырочка. Оттуда идетъ холодъ ужасный, а главное — свѣтятся наблюдательные, жадные взоры жидовъ. Запереть дверь нельзя и заставить ее тоже нечѣмъ. Завѣшу ее шубою — еще больше отходитъ и шевелится, если не отъ напряженныхъ глазъ и ушей жидовскихъ, то отъ ихъ пальцевъ. Другую же дверь, которая выходила въ сѣни, невозможно было отворить: такъ и вырвется изъ камина дымъ съ золой и искрами. Что-то адское представлялось мнѣ. Комната наша была похожа болѣе на сарай; въ температурѣ воздуха не было разницы, какъ на дворѣ, такъ и въ комнатѣ. Стѣны тонкія; вездѣ дуетъ. Не было угла, гдѣ бы можно пріютиться и скрыться отъ стужи. Словомъ, въ этомъ сараѣ было нестерпимо гадко и холодно. Ленточка отъ моего капора то и дѣло хлестала меня по лицу: такой былъ вѣтеръ! Мебели почти никакой; негдѣ примостѝться; стулъ и скамейку едва вышросили; столъ отвратительный;

два осло́на служили намъ вмѣсто кроватей. Изъ посуды ничего не даютъ, отговариваясь тѣмъ, что все у нихъ каширное, то есть такое, къ которому мы, нечестивые, не должны прикасаться, а купить — негдѣ. Что́ ни спросимъ — на все одинъ отвѣтъ: *Се зъ касырне*. А тутъ еще зашелъ ша́башъ. Голодали мы ужасно и даже чай пили съ отвращеніемъ. Жидъ безпрестанно вбѣгалъ взглянуть, не ѣдимъ ли мы чего трафного на его блюдечкахъ. Чайный приборъ былъ отвратительный: кажется, его слѣпилъ самъ хозяинъ. Вмѣсто фаянсу, глина такая, что того и смотри, развалится отъ воды; сверхъ того, чайникъ почти весь былъ исколотъ и обвитъ проволокой.

Грустно было взглянуть сквозь разбитое окно на жидовскій дворъ! *Назімокъ* и двѣ коровы не имѣли навѣса, чтобъ скрыться отъ ужасной погоды, а между тѣмъ въ дворѣ столько закоулковъ! Признаюсь, я сама сдѣлалась любопытна, какъ жидъ. Что́ могло тамъ у него храниться подъ этими навѣсами? Что́ въ этихъ сараяхъ, кладовыхъ, въ разныхъ загородкахъ? Почему некуда ему пріютить скотины? А на дворѣ, словно, демоны перекликаются: такой неистовый вой вѣтра! Дрожь охватываетъ меня, а въ душѣ такое ощущеніе, какъ будто я сдѣлала какое-то преступленіе. Мысли въ страшномъ разбродѣ; дѣлать ничего не хочется, да и нельзя; даже мысль ни на чемъ остановиться не можетъ.

Скотина такая жалкая въ жидовскихъ рукахъ! Все худое, кошла́тое, скорченное, печальное, стояло поникши головою и прижалось къ забору. На дворѣ ни деревца, ни кустика, — только огромные бодяки́ подъ окнами да кучи сору.

Но ужаснѣе всего былъ жидовскій слуга! Во всю мою жизнь я не видѣла человѣческаго существа, доведеннаго до большаго униженія! Свита на немъ, видно, была когда-то сѣрая. Нитки въ ней подѣлились вдоль и поперегъ. Вся она была усѣяна черными и коричневыми заплатами, одна на другой, точно наслоеніе разныхъ пластовъ почвы. Протертыя насквозь, полувисячія, въ видѣ отвратительной бахрамы, эти заплаты едва давали распознать, въ своихъ промежуткахъ, первобытную грубую ткань несчастной одежды. Лучше сказать, заплаты только и держали въ связи основу свиты на плечахъ безроднаго Остапа, — да еще поясъ ременный, которымъ онъ былъ очень крѣпко подтянутъ и къ которому привѣшенъ былъ большой ножъ въ кожанной по́хвѣ (ножнахъ), составлявшій все достояніе Остапа!... Странно видѣть подобную замѣну всякаго другого имущества у человѣка, не имѣющаго на землѣ ни брата, ни сестры, ни жены, ни дитяти, ни друга, ни даже пріятеля! А Остапъ

ничего этого не имѣлъ. Если онъ имѣлъ что-нибудь, чего не носилъ съ собою, то это — пана, который приставилъ его въ безсмѣнные прислужники къ корчмѣ, по условію съ арендаторомъ-Евреемъ, подъ именемъ *сторожа*. Дико-несообразныя вещи дѣлаются на свѣтѣ: ввѣрять безопасность жидовскаго семейства и имущества человѣку, который всего сильнѣе чувствуетъ къ жиду ненависть и которому, кромѣ своей жалкой жизни, терять нѣчего!

Остапъ имѣлъ видъ гайдамаки. Широкія плечи, широкій лобъ, широкая грудь, мускулистыя исхудалыя руки, похожія больше на желѣзныя щипцы, нежели на руки; брови черныя, густыя, нависшія надъ карими, грустными, почти погасшими, глазами, глубоко ушедшими подъ навѣсъ морщинистаго лба. Выраженіе этихъ, почти погаснувшихъ и чуть-чуть сверкающихъ глазъ — невыносимо. Мнѣ постояно казалось, что у него лежитъ на сердцѣ такая мысль:

Заховáю змію лю́ту,
Ко́ло свого́ се́рця,
Щобъ ворочи́ не бачили,
Якъ ли́хо смі́ється...

Голосъ у него упалъ, — чуть слышенъ въ сиплыхъ, выходящихъ изъ глубины, звукахъ. Страшный, потрясающій голосъ! Постолы, оббитые отъ долговременнаго употребленія, — лыка обтрепались кругомъ ихъ въ видѣ бахрамы. Гдѣ ступитъ мой дорогой Остапъ, тамъ и лужа; пройдетъ по нашему сараю-комнатѣ — такъ и плющи́тъ, такъ и чвя́каетъ. Шаровары на немъ расползлись, такъ что *холо́ши* надѣвались отдѣльно и вся связь между ними заключалась въ суконной черной заплатѣ на ветхомъ полотнѣ. Рубашка грязная завязана веревочкой — *замі́сць черво́ної стёжки коза́цької!...* Сорочка, видно, купленная случайно, не сходится на морщинистой, красной шеѣ съ сильно-выдавшеюся горлянкою, какъ не сходились содранные съ жидовъ каптанки́ на ширкоплечихъ гайдамакахъ.

— Що́ ти, Оста́пе, спрашиваю: — бага́то жа́лованія получа́ешъ?

»Ні, я жа́лованія не получа́ю: я при корчмі сто́рожемъ.«

— Такъ ти нічо́го й не ро́бишъ?

»Ні, роблю́ усе́. Ізджу въ лісъ по дро́ва, отопля́ю корчму́, дивлю́сь за кіньми, за коро́вами, во́ду ношу́, та́къ куди́ пошле́ жидъ — иду́; на брова́рню за пи́вомъ... у ночі, хто приіде... я й за дворо́мъ дивлю́сь.«

— Ну, що́ жъ вінъ-таки́, якъ пра́зникъ, тобі даé що-нéбудь?

»Ні, дру́гий годъ служу́, а ні одноéї копіечки, ані полу́шки, нічо́го,

нічо́го. Я тільки должёнъ отопля́ти корчму́; а вінъ мене́ и до ко́ней, и до всёго. »Ти«, ка́же, »долзёнъ при корцмі всё дѣлать.« А я, дурни́й, па́ну не жаліюсь. Други́ жиди́ ще не такі уідливі були́, а сей та́къ и бігае, чи не давъ мині хто шага́. Такъ ёму́ й корти́ть. Оце́, пани́ ночу́ють, поста́влють на ва́рту... коло экипа́жа варту́ю.... Уговорю́ся за два зло́ти, або́ за три, въ нічъ: що́ жъ? жидъ и одбере́! »Ти«, ка́же, »при корцмі состо́ісь, и се все при корцмі.«

— Де жъ ти обідаешъ, Оста́пе? съ жида́ми, чи самъ собі ва́ришъ?

»Я хожу́ за верству́; тутъ двіръ нашъ (т. е. панскій) есть. А якъ така́ хуртови́на, якъ сёго́дня, то я й вече́рять не хожу́. Кава́локъ хліба сухо́го зъімъ, да й го́ді! А вони́ нічо́го не даду́ть; отъ служу́ въ іхъ дру́гий годъ, — ча́рки горілки не піднесли́.«

— А положи́ намъ, Оста́пе, дровъ у гру́бку.

»Напаку́ю, напаку́ю!« отвѣчалъ добродушно успокаивающимъ голосомъ Остапъ. »Оце́, чи ночу́е у насъ хто, то та́къ жидъ и стереже́: »сцо-зъ тобі панъ давъ?« Оце́ ви поспита́ли, чи нема́ пшона́... Тепе́ръ ша́башъ жидівскій; жидівка не сміе нічо́го дава́ти; біжи́ть вслідъ за мно́ю: »Дай«, ка́же, »дай, Оста́пе, псона́ пана́мъ, а я тобі за́втра се псоно́ верну́, а гро́си сама́ зъ іхъ полуцу́.«

Мы ничего жидовскаго ѣсть не могли, насмотрѣвшись на ихъ опрятность. Они чисто приготовляютъ для себя, но для другихъ — возмутительно! описывать не хочется. У насъ всѣ запасы дорожніе истощились, и мы должны были заимствоваться у жида или у Остапа, и сами готовить въ печкѣ, чтобъ хоть теплымъ согрѣться, ато сидѣли въ шубахъ, стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ приготовили себѣ кое-что; но ка́къ ѣсть? хлѣбъ у насъ жидовскій, спеченный ими для продажи; а мы знаемъ, какъ они готовятъ для продажи хлѣбъ.

Чтобы достать хорошаго хлѣба, мы написали записку въ ближайшій господскій домъ, объяснивъ свое осадное положеніе, и послали Остапа. Жидъ догналъ его, схватилъ записку, читалъ, читалъ, и нюхалъ и вертѣлъ кругомъ; но записка была написана такъ, что онъ не разобралъ ничего.

Принесъ Остапъ хлѣбъ отъ помѣщика съ самымъ любезнымъ отвѣтомъ и съ желаніями намъ всего добраго. Жидъ тотчасъ прибѣжалъ и опять началъ напоминать намъ о своихъ блюдечкахъ, а глаза его шныряли не только по столу, но и подъ столомъ. Та́къ ему хотѣлось узнать, что́ принесъ намъ Остапъ, — не принесъ ли водки.

Между прочимъ, покупали мы у жидовъ новую глиняную посуду по невѣроятнымъ цѣнамъ, такъ какъ на время взять было нельзя. Мы, въ

ихъ глазахъ, были скверные, какъ Самаряне, о которыхъ говорилось: *не прикасаютъ бо ся Жидове къ Самарянамъ.* Уѣзжая, мы подарили всѣ купленныя вещи Остапу, въ присутствіи самихъ жидовъ, и сказали:

— Гляди́ жъ, Оста́пе, не оддава́й жида́мъ посу́ди. Сю посу́ду ми въ іхъ купи́ли за такі гро́ші, що мо́жно бъ купи́ти настоя́щу па́ньску. То ти се знай; отъ, ми пере́дъ сами́ми жида́ми тобі говоримо, щобъ не сказа́ли вони́, що се іхъ посу́да и щобъ не одняли́ въ те́бе.

Жиды въ корчмѣ, по моему наблюденію, кажется, никогда не спятъ, не ѣдятъ, не сидятъ: такая дѣятельность! Правда, они еще молятся Богу. Они прославляли Іегову заунывнымъ воемъ на разные голоса подъ нашею дверью, въ кладовой, и только на это время успокоивались отъ житейской бѣготни; но лишь только оставляли молитвы, снова мы слышали ихъ уже изученные нами голоса между другими голосами. Вѣтеръ своимъ воемъ и стукомъ ставень удивительно гармонировалъ жидамъ. За снѣгомъ ничего не было видно въ окно. Ветхая корчма съ жалкою нашей комнатой едва держалась на горѣ противъ напиравшаго на нее со всѣхъ сторонъ вѣтра. Онъ заходилъ со всѣхъ сторонъ, обрывалъ гнилую дрань съ крыши, свистѣлъ на чердакѣ, прохватывалъ корчму насквозь черезъ сѣни и неистово добивался къ намъ въ окна, дребезжа ветхими рамами и кой-какъ слѣпленными стеклами. Жиды всю ночь не спали и Богъ ихъ знаетъ, съ чѣмъ они возились: что́-то какъ будто привозили и увозили; казалось, будто кого-то душили; однимъ словомъ, происходило что́-то непонятное. Дверь непрекратимо визжала и деренча́ла. Шумъ пьянаго народу на противоположной половинѣ корчмы, стукъ въ окно и крикъ *отвори*! не давали ни на минуту сомкнуть глазъ. Я думала: »Можетъ ли быть ужаснѣе въ самомъ аду? Можетъ ли быть больше сумятицы, больше крику, гаму, въ обществѣ вѣдьмъ, на Лысой горѣ?«

9-го марта мы выѣхали изъ этого клокочущаго адскимъ волненіемъ жерла. Жидъ хотѣлъ взять деньги за пшено, которое мы взяли у Остапа; но мы ему сказали, что Остапъ намъ подарилъ пшено. На это жидъ говоритъ намъ: »Ну, отъ зе вінъ зъ ме́не бу́де пра́вить.« Бѣдный Остапъ! ему ли было *пра́вить* съ этого коршуна? Онъ былъ такъ убитъ, подавленъ, что едва могъ бесѣдовать съ нами и едва имѣлъ нѣсколько словъ въ оборотѣ, чтобы жаловаться на свою участь.

Тарантасъ нашъ былъ спущенъ подъ гору къ рѣкѣ, къ паромy, и стоялъ на берегу въ ожиданьи переправы. Здѣсь же былъ и базаръ, и тутъ-то мы насмотрѣлись на жидовскія козни! Крестьянинъ чего-нибудь

не хочетъ продавать, но жидъ кладетъ передъ нимъ, по своему усмотрѣнію, деньги, сколько ему вздумается, и уже забралъ пшено, нитки или куръ, и ужъ унесъ, какъ свою законную собственность! Иногда у крестьянина бывали руки заняты ношей до того, что жидъ приходитъ, осмотритъ у него все въ мѣшечкахъ и даже за пазухой и, что́ ему нравится, беретъ, не спрашивая мужика, что́ стоитъ. Да еслибъ одинъ жидъ, ато цѣлая стая! Тотъ и догонять не можетъ. У одного даже и шапку сняли съ головы и посмотрѣли, нѣтъ ли въ ней чего. Я сидѣла въ тарантасѣ и все это наблюдала. Тарантасъ нашъ надо было облегчить отъ клади, а тогда уже перевезти осторожно по льду, чуть остановившемуся сдвинутыми теченіемъ *крйгами*. Для переноски вещей, явились все-таки жиды, какъ будто единственные люди, которымъ слѣдуетъ за что бы то ни было получать деньги. Въ толпу жидовъ просунулся и бѣдный солдатъ въ своей шинелишкѣ. Но одинъ изъ жидовъ торопливо предупредилъ насъ тономъ довѣренной особы: »Ему опасно, опасно ввѣрить весци!« Не смотря на это, товарищъ мой, однакожъ, далъ заработать солдату, позволивъ ему взять чемоданъ. Цѣлая стая жидовъ провожала насъ черезъ рѣку, перетаскивая наши вещи, и это — совершенно противъ нашей воли. Мы бы предпочли имъ загнанныхъ волынскихъ крестьянъ, которые не смѣли и подступить къ намъ; но жиды рвали одинъ у другого чемоданы и узлы, оглушая насъ адскимъ крикомъ и не давая намъ ступить шагу по произволу. Вотъ истинные владѣльцы древней Русской земли, Волыни! Вотъ кѣмъ порабощена страна, прозванная Волынью отъ *воли* (свободы), которою она славилась когда-то въ Русскомъ мірѣ! Напрасно мы, въ своихъ книгахъ и разговорахъ, отзываемся объ этихъ завоевателяхъ въ шуточномъ тонѣ. Ихъ власть слишкомъ сильна, ихъ могущество ужаснѣе татарскаго, литовскаго и какого угодно! Они, владѣя страною и ея населеніемъ, не желаютъ процвѣтанія ни той, ни другому: они любятъ прекрасную, давно уже разоренную и обезображеную ими Волынь, какъ рудокопъ любитъ свою мрачную шахту, — не болѣе. Страшная любовь!... Послѣдніе ея результаты пророчески выразились уже во множествѣ такихъ личностей, какъ нашъ бѣдный Остапъ, котораго мы, тайно отъ жидовъ, снабдили небольшою суммою денегъ и простились съ нимъ дружески, къ величайшему изумленію и негодованію всего жидовскаго семейства.

На возвратномъ пути, мѣсяца черезъ три, мы остановились на дорогѣ противъ корчмы и послали вызвать къ себѣ Остапа. Была средина

лѣта. Остапъ явился къ намъ безъ своей мозаичной свиты, но зато его сорочка и шаровары годились бы для костюма убогаго Лазаря. Онъ очень обрадовался намъ и низко кланялся, почти не говоря ни слова, — можетъ быть, не умѣя говорить словъ, которыя произносятся при свиданіи съ друзьями. Друзей у него никогда не было; языкъ дружеской бесѣды ему, конечно, не извѣстенъ.

— А що, Остáпе, посýда? спросили мы.

»Э! однáвъ диáвольский жидъ!«

— Нá що жъ ти оддáвъ?

»А щó ти зъ нимъ вдіешъ? Моя́ да й моя́!«

— Ми жъ тобі казáли, що за ії велúкі грóші запла́чені!

»То щó! хибá жидовà сёгó не чýла?«

— Да я́къ же ти оддáвъ?

»А щó жъ я зъ нимú вдію! Я одúнъ, а ихъ — сúла!«

— Ти пáну пожалівся бъ.

»Щó панъ?« отвѣчалъ Остапъ, понуривъ голову.

— Вінъ би заступúвсь за тéбе.

»Эгé!... Жидъ ёмý нужнíший. Жидú на свíті пáна держáть!«

Противъ этого сказать было нечего.

— Ну, а грóшей у тéбе не однялú?

»Про грóші я не признáвсь. Шукáли по кишéняхъ, такъ — засъ! я взявъ, да й захováвъ пiдъ колóдку на дрóвитні.«

— Що жъ ти собі купúвъ, абó-що, за ті грóші?

»А що́ мині трéба? Я про смерть держý, щобъ булó за́ що похова́ти; да якъ говівъ, то съ кóпу попý да дякáмъ роздáвъ, да бýбликівъ за пъятака́ купúвъ, лю́дямъ роздáвъ, щобъ на тімъ свíті побáчитьця зъ своíми.«

— Отъ же тобі, Остáпе, сорóчка й штани́.... Чи не одніме сёгó жидъ?

— »Ні вже, сёгó не здерé зъ мéне: я зáразъ надíну. Моé попáдалось, то отсé, спасúбі вамъ, —тепéръ знімý, вúперу, да й полатáю.«

— Атó въ тéбе немá й переміни?

»Булá переміна, да врáзька жидівка зняла́ зъ горúща, да й подрáла на ганчірки́ до пéчи....«

Довольно, довольно!... Прощай, Остапе!... Не лучше ли было бы намъ и не знать о твоемъ существованіи?

Анна Барвинокъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.

Въ ожиданіи подробной біографіи и оцѣнки трудовъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ изученія южно-русскаго края, Николая Андреевича Маркевича, мы хотимъ занять нѣсколько страницъ воспоминаніемъ о немъ, какъ о писателѣ и человѣкѣ, преждевременная утрата котораго лично для насъ весьма чувствительна.

Николай Андреевичъ скончался 9-го іюня 1860 года въ своемъ наслѣдственномъ селѣ, Туровкѣ, Полтавской губерніи Прилуцкаго уѣзда.— Онъ родился 26-го января 1804 года, въ Дунайцѣ Черниговской губерніи Глуховскаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ г. Прилукѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго педагога по призванію, Павла Павловича Бѣлецкаго-Носенка, а въ 1817 году былъ помѣщенъ во вновь-открывшійся, въ то время, пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ даровитаго юношу и много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса. Ему Николай Андреевичъ обязанъ и знакомствомъ своимъ съ А. С. Пушкинымъ, съ борономъ Дельвигомъ, Баратынскимъ и съ В. Л. Пушкинымъ. Въ этомъ обществѣ молодой поэтъ нашъ проводилъ свои досуги во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, что продолжалось до 1820 года.

Первыя стихотворныя попытки Николая Андреевича начались еще въ весьма молодые годы: стихотвореніе его *Гробъ*, написанное гекзаметромъ, было уже напечатано В. А. Жуковскимъ въ Невскомъ Зрителѣ 1817 года, когда Николаю Андреевичу было только 13 лѣтъ. Въ 1821 г. онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейской полкъ; но вскорѣ, по желанію своего отца, жившаго въ своемъ малороссійскомъ селѣ и страстно любившаго сына, Н. А. долженъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ. Въ 1829 г. мы видимъ его опять въ сто-

лицѣ, въ Москвѣ, гдѣ Николай Андреевичъ велъ образъ жизни преимущественно свѣтскій, что впрочемъ не помѣшало ему пріобрѣсти много друзей въ кругу ученомъ и артистическомъ. Здѣсь, предавшись съ особенною страстью музыкѣ, онъ сдѣлался подъ руководствомъ извѣстнаго Фильда, превосходнымъ фортепьянистомъ. Въ его чуткой талантливой натурѣ поэзія и музыка сжились такъ дружно, какъ въ украинской народной пѣснѣ: этимъ двумъ музамъ онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты. Въ томъ же 1829 г. Николай Андреевичъ издалъ въ Москвѣ свои *Элегіи* и *Еврейскія Мелодіи*, и *Стихотворенія эротическія;* потомъ, черезъ два года, (въ 1831 г.), тамъ же, изданы *Украинскія мелодіи*. Въ 1830 г., Н. А. женился въ Малороссіи и, наслѣдовавъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, предался, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сельскому хозяйству. Но заботы семейныя и хозяйственныя не помѣшали ему заниматься науками. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ его деревенской дѣятельности была *Исторія Малороссіи*, изданная въ 5 томахъ, въ Москвѣ, 1842 г. Какъ исторія, какъ живое, критическое воспроизведеніе минувшаго, это сочиненіе не могло удовлетворить требованій науки и въ то время, но какъ собраніе и обнародованіе разныхъ историческихъ матеріяловъ, оно драгоцѣнно для всякаго, кто изучалъ южный край нашъ, и сохранило за Николаемъ Андреевичемъ имя полезнаго и трудолюбивѣйшаго дѣятеля. Онъ оказалъ неоцѣненную услугу своей родинѣ еще собраніемъ старинныхъ рукописей, актовъ и дѣлъ, въ числѣ 6,000, и составленіемъ подробнаго каталога этому архиву. На составленіе каталога, который самъ по себѣ, независимо отъ архива, чрезвычайно полезенъ и любопытенъ, Н. А. посвятилъ нѣсколько лѣтъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, сокрушаемый мучительнымъ и продолжительнымъ недугомъ, умирающій страдалецъ рѣшился разстаться съ своею драгоцѣнностью и продалъ ее помѣщику Полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. — Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, Н. А. Маркевичъ, въ послѣдніе годы своей жизни, началъ прилежно заниматься статистикою и этнографіею, и напечаталъ сдѣдующія брошюры: *1) О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ-особенности; 2) объ овцеводствѣ въ Малороссіи; 3) рѣки Полтавской губерніи; 4) о народонаселеніи Полтавской губерніи; 5) обычаи, повѣрья, кухня и напитки нынѣшнихъ Малороссіянъ.*

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Николая Андреевича, найдено множество неизданныхъ имъ работъ и сочиненій; между ними особенно за-

мѣчательны: переводъ, изъ Байрона, 1-й пѣсни Донъ-Жуана въ стихахъ, переводы изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводъ почти всего Шиллера, по которому Н. А. учился нѣмецкому языку (1); сверхъ того, въ рукописяхъ покойнаго находится начало Малорусскаго словаря, начало словаря энциклопедическаго, и множество мелкихъ стихотвореній, замѣтокъ, эпиграммъ, описаній и путешествій. Остается прибавить, что Н. А., доставшуюся ему, по наслѣдству, довольно хорошую библіотеку постоянно пополнялъ многими замѣчательными и рѣдкими сочиненіями и довелъ ее до 8.000 томовъ.

Заявляя этимъ бѣглымъ перечнемъ трудовъ Никалая Андреевича, что онъ, по своей многосторонней и добросовѣстной дѣятельности, заслуживаетъ полной біографіи, которая и опредѣлитъ его мѣсто въ литературѣ и обществѣ, мы, лично, никому не хотимъ уступить права—сказать нѣсколько искреннихъ словъ о Николаѣ Андреевичѣ, какъ о человѣкѣ, въ его частномъ, семейномъ быту. Мы его такъ близко знали, такъ искренно любили! Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера. Гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, занимательный, радушный и остроумный, Николай Андревичъ бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему сердца его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ или, просто, потолковать съ »розумнимъ паномъ«.

Однажды Николай Андреевичъ, посѣтивъ свое гумно, засталъ, что одинъ изъ вѣявшихъ хлѣбъ, курилъ люльку. »Зачѣмъ это ты куришь«, замѣтилъ ему Николай Андреевичъ, не выпуская изъ зубовъ собственной люльки: »вѣдь ты можешъ сжечь *клу́ню*«.—»А коли́ я можу́ спали́ть, такъ и ви, па́не, спа́лите«. — »Да, но если я спалю, то я и выстрою, а ты мнѣ не построишь новой клуни», возразилъ Н. А.—»И то́ правда, пане«, отвѣтилъ убѣжденный украинецъ, опуская люльку въ карманъ своихъ шараваръ.

Будучи страстнымъ охотникомъ до цвѣтовъ и растеній и, въ то же время, хорошимъ садовникомъ, Н. А. развелъ, въ своей Туровкѣ, огром-

(1) Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ переводовъ помѣщены Н. В. Гербелемъ въ изданіи «Шиллеръ въ переводѣ Русскихъ писателей.»

ный превосходный садъ, самъ разбивалъ его и выростилъ. Въ Туровкѣ, особенно лѣтомъ, собиралось очень часто большóе общество. Любимецъ и любитель женскаго общества, Н. А. бывалъ постоянно окруженъ дамами и дѣвицами. Смѣху и шуткамъ конца не бывало. Одной онъ пишетъ или говоритъ экспромтъ, другой посвящаетъ романсъ, третьей сочиняетъ вальсъ или мазурку. Его красивая, оживленная фигура, съ добродушною улыбкою, съ черными умными глазами, съ густыми длинными кудрями, преждевременно побѣлѣвшими, безпрестанно переходила отъ фортепьяна къ цвѣтамъ, отъ цвѣтовъ къ письменному столу и книгамъ, сопровождаемая обществомъ дамъ, которыя наперерывъ старались обратить на себя вниманіе уже посѣдѣвшаго, но привлекательнаго поэта — нерѣдко — въ стихахъ, и постоянно — въ жизни.

Въ лѣтнее время, по утрамъ, Н. А. отправлялся обыкновенно въ садъ, и тамъ, съ коротенькою люлькою въ зубахъ, копался въ грядахъ, ухаживая за своими любимыми цвѣтами и кустарниками. Вслѣдъ затѣмъ, онъ нерѣдко садился за фортепьяно, и пальцами, на которыхъ оставались еще слѣды земли и песку, извлекалъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ прекрасные мотивы, то задумчивые, то оживленные. Съ наступленіемъ теплой весенней погоды, бóльшую часть времени хозяинъ и гости проводили въ саду, — тамъ обыкновенно обѣдали, пили чай и ужинали. Послѣ ужина, все молодое общество, женское и мужское, въ сопровожденіи любезнаго хозяина, отправлялось гулять по саду, который казался очаровательнымъ при свѣтѣ луны или мерцаніи звѣздъ благосклоннаго украинскаго неба. Эти прогулки всегда будутъ памятны тѣмъ, кто въ нихъ участвовалъ: сколько умныхъ замѣчаній, остротъ и удовольствія выносилось съ этихъ прогулокъ! Бывало, къ разсвѣту, и соловей умолкнетъ, а въ густой аллеѣ все еще слышится живой говоръ и веселый смѣхъ....

Теперь, когда мы приводимъ въ спокойное сознаніе всѣ впечатлѣнія и воспоминанія, вызываемыя личностью Николая Андреевича, когда живо представимъ себѣ этого человѣка, добраго, благороднаго и даровитаго, то невольно задается вопросъ: всё ли онъ сдѣлалъ для жизни, что́ могъ бы внести въ неё по своимъ способностямъ... и чувство глубокой грусти овладѣваетъ нами, и невольно задумываешься, отчего это у насъ пропадаетъ столько силъ, не достигая настоящаго своего назначенія? Отвѣта на этотъ вопросъ, относительно Николая Андреевича, можно искать, быть-можетъ, въ томъ, что онъ вступилъ въ жизнь общественнымъ дѣятелемъ въ ту грустную эпоху, которая породила много такъ-

называемыхъ *лишнихъ людей*. людей, которымъ наше, болѣе счастливое, поколѣніе должно быть признательно и за то, что они, въ борьбѣ съ тяжелой обстановкой своего времени, не все потеряли, а, напротивъ, умѣли сберечь, и для нашего поколѣнія, идеалъ лучшаго строя въ жизни... Но въ присутствіи Николая Андреевича нельзя было грустить и задумываться: обаяніе его было такъ сильно, что заданный выше вопросъ приходилъ послѣ. Съ глубокою тоской думаемъ мы о томъ, что этого человѣка уже не будетъ болѣе съ нами.

Николай Андреевичъ скончался 56-и лѣтъ отроду, послѣ продолжительной водяной въ груди; его не могли излечить ни искусство медиковъ, ни путешествіе по Италіи, о которой часто грезилъ умирающій поэтъ еще въ ранней молодости. Онъ похороненъ въ своей любимой Туровкѣ, подлѣ церкви, въ виду любимаго сада.

Пусть наши воспоминанія будутъ полевыми цвѣтами, которые мы съ душевною скорбью кладемъ на эту преждевременную и незабвенную для насъ могилу.

Н. Макаровъ.

ИЗЪ УКРАИНЫ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Чумаки, ч. 3, стр. 63 — 200.)

Изъ статей, написанныхъ объ Украинѣ, непріятны или, лучше сказать, приторны тѣ, гдѣ *безусловно* восхваляется наша родина (къ-счастію, количество ихъ небольшое); но еще несноснѣе, утомительнѣе и приторнѣе очерки и разсказы, въ которыхъ, подъ видомъ неудачнаго юмора и фальшиваго лиризма, Украина изображена въ небываломъ свѣтѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ и три томика сочиненій г. Данилевскаго, изданные подъ общимъ заглавіемъ: »Изъ Украйны«.

Дѣятельность этого сочинителя заключается преимущественно въ описаніи южнаго края.

Мы не будемъ тревожить праха »Козаковъ и Степей« и »Слобожанъ«, о которыхъ было сказано въ свое время, а приступимъ къ разбору послѣднихъ произведеній пера, такъ-смѣло глумившагося надъ нашей исторіей и народностью. Критика не была снисходительна къ г. Данилевскому, но рецензенты смотрѣли на него только съ художественной точки зрѣнія; я же, въ качествѣ украинца, постараюсь разобрать одну лишь статью г. Данилевскаго со стороны этнографической и, по крайнему разумѣнію, показать — какъ сочинитель выполнилъ заданную себѣ задачу, и на-сколько приблизился къ правдѣ.

Съ первыхъ разсказовъ изъ »Украины« и даже съ первыхъ пріемовъ, вы видите претензію на юморъ, на тотъ несчастный юморъ, который такъ много повредилъ великорусскимъ разсказамъ Основьяненка, и отъ котораго до-сихъ-поръ не могутъ отрѣшиться иные польскіе писатели. Юморъ этотъ уже перешелъ у насъ въ самый низшій разрядъ бельлетристики. Рѣдко кто изъ писателей-украинцевъ избѣгалъ юмористическаго направленія, давшагося одному Гоголю; зато передъ героями Гоголя какими жалкими кажутся, напримѣръ, геройчики покойнаго Гребен-

ки! Сочинителю »Чумаковъ« , въ свою очередь, захотѣлось поюморничать: »я-де малороссъ« , вѣроятно, думалъ г. Данилевскій, »и мнѣ прирождена эта способность« , и началъ все выкраивать по предназначенной мѣркѣ, стараясь во что́ бы то ни стало насмѣшить почтеннѣйшую публику. Слова нѣтъ, есть еще люди изъ такъ-называемаго образованнаго класса, которые не прочь похохотать подъ неотесаннымъ *хохломъ*, воображающіе въ простотѣ жалкаго невѣдѣнія, что этотъ народъ способенъ только смѣшить собой, или говорить однѣ смѣшныя вещи. Но какой же обозванный писатель рѣшится сочинять самыя неестественныя позы, выдумывать невозможныя сцены и ли́ца, и все это для того только, чтобы смѣшить кого-то, жертвуя истиной и рискуя услышать печатно настоящее названіе своихъ неудержимыхъ фантазій? Вѣдь было время, когда наши юмористы изобрѣтали забавныя, по ихъ мнѣнію, фамиліи и влагали въ уста дѣйствующихъ лицъ какія-нибудь пошлыя поговорки, считая подобные пріемы верховнымъ искусствомъ. Но то золотое время прошло невозвратно; на поговоркахъ или наивныхъ остротахъ теперь недалеко уѣдешь: требуется дѣльное пониманіе, основательное, разумное изученіе. Прочитывая плоды досужихъ фантазій, разгуливающихъ по Украинѣ, я еще бы мирился съ юмористическими наклонностями сочинителей; отъ этого никому ни тепло, ни холодно, и разборъ подобныхъ книгъ потребовалъ бы не много времени. Но если встрѣчаешь повѣсти и разсказы, сочинитель которыхъ преисполненъ претензіи—выдать себя за непогрѣшимаго знатока южнорусской народности, то рецензентъ становится въ чрезвычайно неловкое положеніе. По крайней мѣрѣ, я чувствую это въ настоящемъ случаѣ по себѣ и хочу нѣсколькими словами очеркнуть подобное состояніе. Порицать вещь, особенно книгу, очень легко, даже по избитой фразѣ: »la critique est aisée, mais l'art est difficile« , находить промахи еще легче, особенно съ запасомъ изворотливости и недобросовѣстныхъ пріемовъ извращенія смысла: это извѣстно всѣмъ и каждому. Но не менѣе извѣстно и то, что, принимаясь за разборъ сочиненія, рецензентъ долженъ хоть чѣмъ нибудь заявить свои познанія въ данномъ предметѣ, особенно рецензентъ подписывающій свое имя. Въ нынѣшнее время и отъ критики требуютъ фактовъ и положительныхъ доказательствъ, а гдѣ ихъ взять при разборѣ какого бы то ни было сочиненія, относящагося до южнорусской народности? Признаюсь, я было призадумался, писать ли свой разборъ сочиненій г. Данилевскаго; но меня ободрила мысль, что я пишу въ журналѣ, предназначенномъ для украинцевъ, которые легко могутъ повѣрить мою оцѣнку и вникнуть въ подро-

бности, ускользающія отъ читателя, незнакомаго съ нашими нравами, обычаями, языкомъ и самою природою. Здѣсь я смѣло могу указывать вопіющіе промахи и не ссылаясь, для подкрѣпленія, на печатные источники,—безъ опасенія возбудить подозрѣніе въ справедливости моихъ словъ.

Пропустивъ многіе разсказы г. Данилевскаго, я съ особеннымъ любопытствомъ взялся за статью »Чумаки«. Мнѣ хотѣлось взглянуть—вѣрно ли г. Данилевскій изобразилъ наше чумачество, и остепенилась ли здѣсь его фантазія, такъ молодецки разгуливавшая въ »Козакахъ и Степяхъ«, гдѣ этотъ сочинитель передѣлалъ наши народныя легенды на свой ладъ. Прочтя статью отъ первой до послѣдней строчки, увы, я пришелъ къ тому заключенію, что кто искажаетъ народные памятники въ стихахъ, тотъ не можетъ отрѣшиться отъ этой милой привычки и въ прозѣ. Г. Данилевскій и здѣсь остался вѣренъ своей системѣ: онъ кудревато описалъ бытъ чумаковъ, но не съ натуры, а съ своей собственной фантазіи, присочинилъ, по прежнему, разную небывальщину. Предпославъ вступленіе, т. е. выписавъ кое-что и перифразировавъ изъ г. Скальковскаго, который тоже иногда фантазировалъ въ свою очередь, г. Данилевскій принялся описывать чумаковъ, бытъ которыхъ такъ своеобразенъ и занимателенъ. Не стану говорить о реторикѣ и лиризмѣ, заимствованномъ изъ »Слобожанъ« того же автора,—но считаю не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. Г. Данилевскій пишетъ характеристику украинскихъ чумаковъ, намекая притомъ, что изъѣздилъ весь край въ качествѣ наблюдателя. А между тѣмъ на дѣлѣ видно, что горизонтъ наблюденій сочинителя весьма узокъ или, лучше сказать, за небольшими исключеніями, ограничивается одною Харьковской губерніей. Хотя я и не рѣшусь утверждать, что знаю превосходный край, населенный южноруссами, но я имѣлъ возможность проживать во многихъ мѣстностяхъ, занятыхъ этимъ племенемъ, трудясь надъ собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній и памятниковъ, и потому скажу, что есть большая разница въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, даже нарѣчіи, между жителями сосѣднихъ губерній: зная, напримѣръ, бытъ въ Харьковской, можно не имѣть понятія о Черниговской; изъучивъ обычаи, положимъ, Купянскаго уѣзда, можно дать большой промахъ, прилагая эту мѣрку къ обычаямъ Золотоношскаго. Отъ бельлетриста и невозможно требовать многаго въ этомъ отношеніи: но если бельлетристъ постоянно заявляетъ въ дѣлѣ свою непогрѣшимость, критикъ долженъ быть къ нему гораздо строже и не обольщаться цвѣтистыми описаніями природы. Добросовѣстный писатель выскажется сразу

и безъ всякой хитрости обозначитъ границы своихъ наблюденій, не имѣя запасной мысли щегольнуть передъ неопытнымъ читателемъ: »я дескать поѣздилъ-таки по свѣту.«

Г. Данилевскому нельзя отказать въ наблюдательности, нельзя отказать и въ знаніи нѣкоторой части Харьковской губерніи; но когда онъ рисуетъ предметы не справляясь съ натурой, какъ они есть, а представляя въ такомъ видѣ, въ какомъ ему хотѣлось, чтобъ они были—объ этомъ нельзя, не годится, молчать. Вся бѣда въ томъ, что г. Данилевскій желалъ набросить какой-то, по его мнѣнію, поэтическій колоритъ на чумацкую жизнь, и вслѣдствіе этого пересолилъ, что́ называется. Нужды нѣтъ, что онъ перечисляетъ по именамъ знакомыхъ ему чумаковъ, которые, судя по названіямъ сёлъ, всѣ обитаютъ въ Харьковской губерніи; но можно поспорить, что чумаки въ дѣйствительности далеко не тѣ, какими онъ ихъ выставилъ. Если бы пошло на откровенность, я увѣренъ, г. Данилевскій, положа руку на сердце, признался бы, что присочинилъ малую-толику. Описывая новый предметъ, г. Данилевскій не удерживаетъ своего воображенія, и если хвалитъ, то хвалитъ не стѣсняясь; если же выставитъ какой недостатокъ, то ужъ рѣшительно нѣтъ пощады. Пьяницы между чумаками—попадаются, я самъ знаю такихъ, которые пропивали *худо́бу* и возвращались домой съ *батога́ми*. Пропить двѣ-три пары воловъ еще не диковина, но пропить 50 паръ воловъ, какъ сдѣлалъ одинъ знакомый чумакъ г. Данилевскаго (стр. 104) — это, съ позволенія сочинителя, отзывается чистѣйшей фантазіей. Здѣсь можно даже подвести цыфру, (хотя я вообще не охотникъ до математическихъ выкладокъ.) Чтобы крестьянину имѣть 50 паръ воловъ, надобно быть очень хорошимъ хозяиномъ и рѣшительно не придерживаться чарки. Пользуясь статьею самого же г. Данилевскаго, мы знаемъ, что хорошихъ чумацкихъ воловъ нельзя купить менѣе, чѣмъ за 75 р. пару, значитъ 50 паръ сто́ятъ 3.750 р.—капиталъ для крестьянина болѣе чѣмъ значительный. Такой крестьянинъ, отправляясь въ Крымъ за солью, не станетъ надѣяться на авось, т. е. на случайную транспортировку клади, а беретъ съ собою денегъ на 3,000 пудовъ, — не менѣе восьми сотъ рублей. Какъ же это простолюдинъ ухитрится пропить 4,500 р., не одумавшись ни разу, куда дѣнетъ своихъ чумаковъ, человѣкъ не менѣе десяти, и сколько времени нужно чтобъ пропить подобную сумму?! На Дону пьютъ вино и водку. Мѣстное вино дешево, —не будемъ принимать его въ разсчетъ, —а возьмемъ откупную водку и поставимъ ее по самой дорогой цѣнѣ — по 6 р. за ведро. Штофа достаточно въ день напиться

мертвецки; положимъ, что гуляка покупалъ еще 9 штофовъ для пріятелей, — количество, которымъ можно упоить многочисленную публику, — значитъ издерживалъ въ день 6 руб.; допустимъ наконецъ, что онъ тратилъ на другіе расходы столько же — и издерживалъ 12 р. въ сутки, и все-таки ему нужно пьянствовать круглый годъ безъ просыпу и безъ оглядки, чтобы прошить такую сумму денегъ. Неужели же чумакъ г. Данилевскаго больше года кутилъ, пропивая свое состояніе, и какъ это угораздило его рѣшиться на такую огромную трату? Для этого надобно быть болѣе чѣмъ горькимъ пьяницей, — а горькому пьяницѣ трудно вести такое дѣло, чтобы ходить съ 50 парами воловъ въ Крымъ за солью, или на Донъ за рыбой. Нѣтъ, г. Данилевскій! не въ укоръ вамъ, это сильно отзывается неудержимой фантазіей. При всей любви вашей къ родинѣ, выражающейся, пока, однимъ лишь стараніемъ описать ее какъ-можно поэтичнѣе, вы не можете отрѣшиться отъ юмористическихъ, по вашему, нападокъ на счетъ пьянства общихъ земляковъ нашихъ. Мы очень хорошо помнимъ, какъ въ своихъ »Козакахъ и Степяхъ«, искажая народныя легенды, вы передѣлали извѣстную пѣсню о »Сагайдачномъ« и заставили прославленнаго Запорожца напиться пьянымъ въ походѣ, что противно козачьей регулѣ, ибо за пьянство въ походѣ наказывали смертью, и въ самой пѣснѣ ни словомъ не упоминается о горѣлкѣ. Есть одна пѣсня, въ которой разсказывается о чумакѣ, пропившемъ свое состояніе — и, вѣроятно, она-то побудила г. Данилевскаго выкинуть такую штуку. Впрочемъ, если я не правъ, — сочинителю легко уличить меня, и я охотно попрошу у него извиненія, хотя подобно всѣмъ, знающимъ Украину, не соглашусь, что пьянство — главная черта характера нашего простолюдина.

Чрезвычайно невѣренъ взглядъ г. Данилевскаго на домашній бытъ украинца — и даже на хату чумака, хотя, въ описаніи, и попадаются иногда занимательныя подробности. Чумакъ, если занимается чумачествомъ по наслѣдству, ничѣмъ не разнится въ своемъ домашнемъ быту отъ прочихъ крестьянъ; и разсказъ г. Данилевскаго о томъ, что онъ зимой боится жены и угождаетъ ей, а только весною дѣлается самовластнымъ — чистѣйшее мечтаніе. Если какой-нибудь знакомый чумакъ г. Данилевскаго и дѣйствительно таковъ въ своемъ домашнемъ быту, то слѣдовало бы писать его біографію, не навязывая своихъ наблюденій всему сословію и не вводя въ обманъ тѣхъ читателей, которые, какъ я сказалъ выше, до сихъ поръ еще охотно вѣрятъ во всѣ шуточки и плоскости, разсказываемыя про малороссіянъ. Живя въ Петербургѣ, навѣдываясь изрѣдка

въ Харьковскую губернію и потомъ проѣхавъ на-скоро по другимъ мѣстностямъ, гдѣ обитаютъ чумаки, положительно нельзя сдѣлать полный очеркъ быта и нравовъ этого сословія, не расходясь съ истиной.

Изъ слѣдующихъ мѣстъ читателю будетъ видно,—до какой степени сочинитель знаетъ предметъ, который описываетъ столь краснорѣчиво. Прежде всего, считаю обязанностью замѣтить, что слова »хýторъ« и »хуторя́нинъ«, г. Данилевскимъ употребляются вовсе неправильно. Хуторъ въ Малороссіи значитъ выселокъ, большею частью въ степи, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ хатъ, у г-на же Данилевскаго село и деревня называются хуторомъ, а сельскіе жители — хуторянами, не знаю уже по какому случаю. Желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ, раскрывъ любой разсказъ.

»Святочныя пѣсни поются на Святой вечеръ (стр. 90).« Это крупная ошибка, прошедшая немногими замѣченною у Гоголя, въ его повѣсти »Ночь передъ Рождествомъ«. Не знаю, когда поются *колядки* въ томъ хуторѣ, который угодно было г. Данилевскому избрать для своихъ наблюденій, но въ Малороссіи, на *святъ-вечіръ* (канунъ Рождества), народъ, постясь съ утра до первой звѣзды, ужинаетъ свою *кутю* и *узва́ръ*, затепливши восковую свѣчку; и въ этотъ день въ деревнѣ никто не разинетъ рта для пѣсни, потому что это было бы противно религіознымъ обычаямъ простолюдина. Колядки поются на первый день Рождества Христова.

Описывая святочныя гаданья, г. Данилевскій говоритъ:

»Зазженная лучина освѣщаетъ разубранныя головы и шитыя рубахи (стр. 96).«

Опять не знаю, чѣмъ освящаются избы въ хуторѣ, описываемомъ г. Данилевскимъ, но лучины нѣтъ у насъ въ употребленіи. Есть рѣдкія исключенія, тамъ гдѣ растетъ сосна, но этихъ мѣстъ очень мало, и южноруссы обыкновенно свѣтятъ *каганцéмъ*. Есть уголокъ, гдѣ дѣйствительно свѣтятъ лучиной, но это по границѣ могилевской губерніи, откуда, конечно, сочинитель не бралъ своихъ типовъ.

»При кормѣ бардою, въ избѣжаніе болѣзни десенъ и языка, воламъ дается, въ перемежку, еще небольшое количество соломы (стр 103).«

Это чистѣйшая фантазія. Вола нельзя выкормить бардою при помощи соломы. Каждый порядочный хозяинъ, въ особенности чумакъ, покупаетъ самое лучшее сѣно и кормитъ имъ воловъ, не смотря на большое количество барды.

»Уже старинныхъ Запорожцевъ изображали сильно лѣнивыми и не-

податливыми на подъемъ. Насмѣшливыя картины по самой Украйнѣ въ каждомъ кабакѣ представляютъ ихъ съ этой стороны. Подъ одною надпись и т. д. (стр. 106).«

Подобныхъ картинъ не встрѣтите, не только въ *каждомъ* кабакѣ, но врядъ ли въ сотомъ, да и то картины эти не насмѣшливыя. Дѣйствительно, прежде довольно часто попадалось изображеніе извѣстнаго запорожца Мамая съ надписью: »Хоть дивися на мене« и проч., но теперь эта картина сдѣлалась уже большою рѣдкостью.

При описаніи весны, сочинитель, разсказывая о любопытныхъ, собравшихся смотрѣть на вскрытіе рѣкъ, прибавляетъ:

»Тутъ же появляются гречаники на лоткахъ, сластеницы съ жаровнями и открывается настоящій рынокъ... (стр. 111).«

Полно, такъ ли? Подобная обстановка можетъ быть въ мѣстечкѣ да въ торговомъ селѣ, которыхъ такъ у насъ мало; — но гдѣ же вообще по селамъ или хуторамъ, какъ ихъ называетъ г. Данилевскій, видѣлъ онъ такіе рынки?

»Идетъ май-цвѣтень. Скоро станетъ отъ жары и мошекъ скотъ *маиться* (?). Соловьиный день пришелъ и привелъ пѣсни »веснянки« на хутора. И точно — гдѣ тогда нѣтъ пѣсень? (стр. 120).«

Скотъ бѣгаетъ и мечется (по южнорусски *дрочится*, а не *маится*,) въ іюльскіе жары. Что же касается до веснянокъ, то онѣ давно уже пропѣты въ послѣднихъ числахъ марта и въ первыхъ апрѣля, а въ маѣ— позабыты. Наконецъ, пѣсня подъ № 1 и не *веснянка*, а Богъ знаетъ какой редакціи. У г. Данилевскаго она вышла безсмыслицей, а въ народѣ, по моему, это—художественное произведеніе. Привожу доказательства. Вотъ переводъ г. Данилевскаго:

Ой подъ мостомъ, мостомъ
Трава зеленѣетъ;
За хорошимъ мужемъ
Жена молодѣетъ...
Ой подъ мостомъ, мостомъ,
Плеснулася рыбка;
Я жъ у тебя, мать ты моя,
Все росту не шибко...
Пусти меня, мать, изъ хаты
Я не *заплутаюсь* (?!);
Только парней подзадорю,
Да тѣмъ и покаюсь.

А вотъ и подлинникъ:

Ой пiдъ мостомъ, мостомъ
Трава зеленiе,

А за до́брымъ чоловікомъ
Жінка молодіе.
Ой під мо́стомъ, мо́стомъ
Трава́ посиха́е,
За леда́чимъ чоловікомъ
Жінка пропада́е.
Пусти́ мене́, ма́мо,
У степъ пого́ля́ти,
Бу́ду тра́ви прогорта́ти,
До́ленькы шука́ти.
Пусти́ мене́, ма́мо,
У ставъ покупа́тись,
Бу́ду пла́вать, пурина́ти,
До́ленькы шука́ти...
Ой ні, моя́ ма́мо,
Де я ни ходи́ла,
Та не знайшла́ тії до́лі.
Що ти загуби́ла.

Не грѣхъ ли знатоку народнаго быта пользоваться жалкимъ варіантомъ и ставить его въ число веснянокъ, не зная притомъ, въ какое время поются веснянки!

»Появилась сорока« (замѣтье, дѣло идетъ о концѣ мая);« школяры несутъ учителю-дьячку »сорокъ бубликовъ (кренделей) (стр. 124).«

Дѣйствительно существуетъ обычай носить учителю бублики, которые, впрочемъ, ни-сколько не крендели, — но это дѣлается на сорокъ мучениковъ, въ праздникъ, бывающій задолго до мая мѣсяца.

»Съ Юрья скотъ ходитъ уже по опроставшимся сѣнокосамъ (стр. 125).«

Фраза совершено непонятная. Что́ значитъ *опроставшійся* сѣнокосъ? По моему крайнему разумѣнію, это—пространство, на которомъ скошено сѣно. Однако, Юрья 23 апрѣля, слѣдовательно—это невозможно. Напротивъ, въ Украинѣ вообще до Юрья скотъ ходитъ гдѣ угодно, даже по всходамъ, а на Юрья, когда священникъ освятитъ, съ процессіею, поля, пастухъ долженъ гонять стадо уже на толóку. — Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что освященіе полей во многихъ мѣстахъ выводится уже изъ употребленія. — Можно бы подумать, что г. Данилевскій по ошибкѣ упомянулъ о Юрьѣ, но на стр. 153-й онъ повторяетъ: »До Юрья скотъ пасется еще въ селахъ на толокахъ, а тамъ уже переходитъ на скошенныя поля.«

»Замолкла и кукушка. Украинцы замѣчаютъ, что она въ это время »подавилась мандрикою«, особенною лепешкою, какія пекутъ въ петровъ постъ (стр. 154).«

Повѣрье дѣйствительно существуетъ, но сочинителю слѣдовало бы объяснить, что мандрика не *особенная*, а сырная лепешка, которыя пекутся только къ петрову дню, — ибо простолюдины не ѣдятъ въ постъ скоромнаго.

»Какъ я уже сказалъ, на Алешковскіе пески у Днѣпра, знаменитые своею »безкормицею«, мало ѣздятъ чумаки, а соль везутъ на село Копани, гдѣ она грузится на барки и по Днѣстру« (очевидно опечатка) »ставится въ Херсонь.«

Странно встрѣчать подобное незнаніе мѣстности въ человѣкѣ, который заявляетъ, что лично дѣлалъ наблюденіе въ описываемомъ краю. Объ Алешковскихъ пескахъ спорить не буду, равно и о томъ, что чумаки не ѣздятъ на этотъ городъ. Но любопытно, гдѣ же взялъ г. Данилевскій на Днѣпрѣ село Копани? Кто это разсказалъ ему такую небывальщину? Чумаки не могли выдумать, а кто-нибудь да сыгралъ шутку съ почтеннымъ туристомъ. Точно, есть село Копани, но въ 35 верстахъ отъ Херсони — къ Николаеву, между тѣмъ какъ сочинитель положительно указываетъ, что тамъ грузится соль, да еще и на барки. Кто хоть мелькомъ наблюдалъ низовья Днѣпра, т. е. проѣхалъ по берегу, тотъ знаетъ, во-первыхъ, что по этой рѣкѣ нѣтъ *Копаней*, и что соль не можетъ грузиться на барки, потому что барокъ здѣсь рѣшительно не употребляютъ. Барки приходятъ сверху чрезъ Пороги, съ лѣсомъ и товарами, но, по прибытіи въ Херсонь, разламываются на дрова, или постройки. По низовьямъ Днѣпра ходятъ двухмачтовыя лодки и дубы, и сколько я знаю, соль берутъ въ селѣ Козáчьихъ-Лагеряхъ, которое не далеко отъ Херсони.

»Подвалы хозяекъ наполняются бочками и флягами наливокъ и водянокъ, плодовыхъ квасовъ и морсовъ. (стр. 176).«

Любопытно бы знать, гдѣ это и когдá жены чумаковъ нашли возможность ввести въ свой бытъ такую роскошь?

Читатель видитъ, что статья г. Данилевскаго не можетъ пожаловаться на недостатокъ промаховъ. »Чумаки« читаются легко и были бы занимательны, если бы сочинитель возможно-менѣе давалъ волю фантазіи. Наша личная просьба къ г. Данилевскому будетъ заключаться въ томъ, что если случится ему наблюдать простолюдина, то чтобы по двумъ-тремъ личностямъ онъ не судилъ обо всемъ сословіи.

А. Чужбинскій.

Декабрь 1860.
Петербургъ.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАМѢТКА

О РАБОЧЕМЪ СКОТѢ И О »ХВОРОБѢ.«

Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ въ Малороссіи, извѣстно, какое мѣсто занимаетъ въ немъ хлѣбопашество, и какое значеніе для хлѣбопашества имѣетъ рабочій скотъ. Не однѣ стародавнія привычки, не лѣность (въ которой такъ несправедливо и легкомысленно привыкли упрекать Малороссіянъ), заставляютъ удерживать систему обработки полей волами, а не лошадьми. Свойство почвы, разнообразіе зерновыхъ хлѣбовъ, у насъ обработываемыхъ и требующихъ глубокой распашки, — конечно, удержатъ еще надолго въ нашемъ хозяйствѣ воловъ, какъ необходимую рабочую силу, т. е. до тѣхъ поръ, пока у насъ не разведутся въ такомъ же количествѣ, какъ волы, рабочія нормандскія лошади, и наши обыкновенные плуги не замѣнятся повсемѣстно Англійскими плугами Гардера; а дожидать этого придется, я думаю, долго. И потому на-долго, очень на-долго, достаточность рабочаго рогатаго скота будетъ непремѣннымъ условіемъ нашего хлѣбопашества, народнаго благосостоянія и богатства. При такомъ значеніи рабочаго рогатаго скота въ нашемъ краѣ, съ промышленными интересами котораго связана не малая часть Россіи, нельзя не обратить особаго вниманія на безпрерывно-возобновляющуюся, можно даже сказать, непрекращающуюся, болѣзнь, извѣстную подъ именемъ *скотской чумы*, дѣлающую ежегодно, то въ одной, то въ другой мѣстности Малороссіи, страшныя опустошенія. Если опустошенія эти чувствительны для каждаго помѣщика, разстроивая его хозяйство, то тѣмъ болѣе потеря рабочаго скота не только разстраиваетъ, но надолго почти уничтожаетъ хозяйство крестьянина. Пара воловъ составляетъ главное, существенное основаніе благосостоянія, относительной независимости крестьянина: нѣсколько лѣтъ трудовъ посвящаетъ крестьянинъ, для пріобрѣ-

тенія вожделѣнной пары воловъ; пріобрѣтя ихъ, — лелѣетъ, бережетъ, и вдругъ — зловѣщая вѣсть: тамъ-то появилась *хворóба!* (этимъ именемъ насываютъ Малороссіяне чуму); *хворóба*, переносится съ мѣста на мѣсто, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, и плоды долголѣтнихъ трудовъ, сбереженій, разомъ погибаютъ, и надо ожидать много лѣтъ, пока крестьянинъ вновь соберется на пару воловъ. Всѣ рекомендуемыя противъ чумы мѣры предосторожности, оцѣпленіе, отдѣленіе больныхъ, подозрительныхъ, и прочее, очень хороши на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Всѣ эти назидательныя мѣры, сопряженыя съ большими издержками и затрудненіями, едва ли могутъ быть примѣняемы въ самомъ благоустроеномъ хозяйствѣ богатаго помѣщика, и положительно не доступны хозяйству крестьянскому. Развѣ можно пресѣчь всѣ сообщенія съ селомъ, развѣ можно разгонять ярмарки, останавливать полевыя работы? а вѣдь болѣзнь, какъ извѣстно, заносится не однимъ прикосновеніемъ къ больному скоту, но и людьми, ихъ одеждою.

Поэтому, сознавая все значеніе рабочаго скота для земледѣлія въ Малороссіи, мнѣ кажется нужно не столько думать о томъ, кáкъ прекратить заразу, кáкъ ее лѣчить, кáкъ защититься отъ нея, а изслѣдовать постепенность распространенія и развитія заразы, и разрѣшить вопросъ — не было ли какихъ-либо постороннихъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ бóльшая или меньшая степень воспріимчивости рогатаго скота къ заразѣ? Предоставляю серьезныя, научныя, изслѣдованія спеціалистамъ, но мнѣ кажется, есть факты, которые бросаются въ глаза и не спеціалисту. Такъ, справясь съ прошедшимъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что скотская чума, въ старые годы, не была такимъ нормальнымъ явленіемъ, какимъ она сдѣлалась съ настоящаго столѣтія (1). Другая справка съ прошедшимъ указываетъ намъ на повсемѣстно-существовавшее въ Малороссіи обыкновеніе — давать рогатому скоту постоянно въ теченіи круглаго года, соль. Для этого употреблялась соль *ледянка* (каменная соль), доступная, по тогдашней цѣнѣ, 2 р. асс. ($37^1/_2$ к. сер.), каждому и не богатому крестьянину. Всякій старожилъ, конечно, помнитъ, что

(1) Отецъ мой, умершій, въ 1829 году, 84-хъ лѣтъ, расказывалъ неоднократно, что скотская чума была совершенно почти неизвѣстна въ нашемъ краю; между тѣмъ, скотоводство всегда было въ немъ очень развито, чумачество было постояннымъ его промысломъ, и въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, было даже особое товарищество для торговли скотомъ съ Саксоніею. Родной дядя мой, Паськевичъ, былъ главнымъ агентомъ этого общества. М. Б.-К.

было время, когда въ рѣдкой крестьянской избѣ не было куска ледянки, и что такимъ образомъ огромное большинство рогатаго скота въ Малороссіи употребляло постояно средство, признаваемое и наукою и практикою, какъ наилучшее для сохраненія здоровья, силъ и бодрости животнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ цѣна соли, въ слѣдствіе акциза, возвысилась, (1) употребленіе ея для животныхъ, особенно же ледянки, сдѣлалось недоступно въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и весьма рѣдко даже въ хозяйствахъ помѣщичьихъ. Съ этимъ невольнымъ прекращеніемъ употребленія соли для корма рогатаго скота, начала чаще и чаще появляться въ Малороссіи скотская чума, и теперь не проходитъ года, чтобы она не производила опустошеній то въ томъ, то въ другомъ уѣздѣ. Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что совпаденіе распространенія скотсной чумы съ прекращеніемъ повсемѣстнаго употребленія соли для рогатаго скота, которое сдѣлалось недоступнымъ по ея дороговизнѣ, что это совпаденіе не есть фактъ случайный, а заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія и вниманія тѣхъ, чье вниманіе и изслѣдованіе можетъ быть наиболѣе цлодотворно и повело бы къ благимъ послѣдствіямъ.

М. Бѣлуха-Кохановскій,
помѣщикъ Полтавской губерніи.

1 декабря 1860.
Полтава.

---

(1) Поваренная соль стóитъ теперь, по средней цѣнѣ, до 60 коп. сер., а ледянка — 1 р. 80 коп. Огромная разница въ цѣнѣ той и другой можетъ достигнуть мысль, что удобно замѣнить для корма скота одну другою; но эта замѣна невозможна, вопервыхъ потому, что скотъ, будучи весьма жаденъ на соль, съѣстъ ее втрое и четверо болѣе, чѣмъ сколько можетъ ее слизать ледянку онъ только лижетъ), что́ выйдетъ на одно и тоже; а второе, и главное, потому что ледянка́, въ своемъ химическомъ составѣ, имѣетъ весьма важное различіе отъ повареной. Она́ имѣетъ горечь, слѣдовательно дѣйствуетъ въ одно и тоже время, и на пищевареніе и на укрѣпленія желудка; извѣстно, что, въ чумѣ, первымъ видимымъ явленіемъ естъ пораженіе желудочныхъ отправленій. М. Б.-К.

ЛИСТИ́ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ I.

Не диву́йтесь, добро́дію, що десь на ху́торі довідались уже́, що́ ви тамъ собі у столи́цяхъ ду́маете-гада́ете. Чу́тка про ва́шу *Осно́ву* пройшла́ въ насъ по хутора́хъ уже́ давне́нько. Спаси́бі вамъ за те, що ви на́шого мановця́ украінського не ки́даете; а вже намъ би́тий верстови́й шляхъ очортівъ за сто ро́ківъ. Пряму́йте жъ, добро́дію, куди́ заду́мали, не хи́блючи, та й про насъ, хуторя́нъ, дба́йте не по-городя́нській. Всі бо письме́нні лю́де, опрічъ двохъ, або́ трёхъ, кото́рихъ го́лосъ до насъ дохо́дить, ра́ють намъ свое́ хуторя́нське життя́ на міща́нське міня́ти, бо, отъ, ка́жуть, ви въ про́стихъ сви́тахъ та сорочка́хъ хо́дите, а той би́тий и ви́мятий лю́дъ по города́хъ — одягни́й, на́че па́нство, и го́рниці въ ёго на помо́сті, и вікна въ ёго вели́кі, и ла́со вінъ ість, и со́лодко вінъ пъе, и за́бавки въ ёго благоро́дніі, и до книжо́къ вінъ бере́тця охо́чо, и незаба́ромъ зрівня́етця освітою съ пана́ми и зъ Жида́ми; а ви остаете́сь у всіхъ поза́ду....

Коли́бъ ма́ли во́лю сі добро́дії, то вже бъ давно́ на́ши хуторі поспи́сували, росціни́ли вся́кий ступінь землі, позаво́дили бъ на вся́кий ху́тіръ по трахти́рю зъ катери́нкою, и було́ бъ у насъ такъ га́рно та лю́бо, якъ у нихъ отта́мъ де-не́будь на Крестовському, або въ Соко́льникахъ, чи що. Роди́вшись у города́хъ, зрісши въ висо́кихъ пала́тахъ, вони́ нічо́го кра́щого й не ви́думають надъ свою́ па́нську, чи, якъ тамъ ка́жутъ, комфорта́бельну жизнь. А нашъ братъ, хуторяни́нъ, попа́вшись у ту камяну́ Москву́, або

въ той безо́дний *бурхъ*, ди́вится, ей же Бо́гу, зъ вели́кимъ жа́лемъ на той одягни́й та ла́сий людъ, ди́вится та й ду́мае собі: »Бо́же мій, Бо́же мій! якъ тутъ отсі пани́, у сій тісно́ті, бі́ду́ютъ! Зо́лотомъ ссяе, у каре́ті іде, а яки́мъ во́здухомъ ди́ше!.. Такъ отсе́ вони́, ти́і роско́ши?... Або́, мо́же, отся́ грукотня́, отсе́й го́мінъ, га́ласъ, гукъ, свистъ,—чи не се та нова́ба, кото́рою насъ ма́нять изъ ти́хихъ хуторівъ співу́чихъ до то́і мизе́рноі цивилиза́ції?... Або́, мо́же, отся́ дорожне́та, що чоловікъ не прохарчи́тця и гнилятиною за ті гро́ши, що гірко́ю пра́цею загорю́е,—мо́же, *се* вона́, та кра́ща до́ля одъ на́шоі убо́гоі, та не голо́дноі до́лі?«

Прома́нтачились городя́не на свої що-ти́жня нови́і мо́ди; проі́лись на свої ла́сощи, проци́ндрили ба́тьківщину на дороги́і за́бавки; пійшла́ полови́на въ старці черезъ той дурни́й на́товпъ, черезъ ту навісну́ дорожне́ту; то вже тепе́ръ на́шого бра́та, хуторя́нина, до се́бе, до гу́рту, да грома́ди, до спільности закликаю́ть. Змилосе́рдились, ба́тче, якъ тамъ ка́жуть, гума́нні лю́де, комфорта́бельні чоловіколю́бці, що скілько-то наро́ду по хутора́хъ не зна́е вели́кихъ благъ цивилиза́ції, якъ отъ на Крести́вському о́строві мужики́ зна́ють, що ма́ти, мужи́чка въ па́нській шля́пці, чере́зъ ну́жду, або́ чере́зъ леда́чу свою́ воспи́танность, рідну дочку́ продае́; змилосе́рдились надъ на́шою темното́ю, що ми, опрічъ ріллі своє́і та па́сіки, та чума́цтва, або́ про́стого ше́вства, краве́цтва, ри́марства, кушнірства, тка́цтва, кова́льства, то що́ таке́, нічо́го въ сві́ті не зна́емо, що́ по чімъ купу́етця и продае́тця: скілько одступно́го взя́ти грішми, або́ чимъ и́ншимъ, за рідного ба́тька, ма́тіръ, бра́та, сестру́ або́ й дити́ну, якъ ча́сто (ого́, якъ ча́сто!) буває по тихъ цивилізо́ванихъ сто́ронахъ. Боли́ть у нихъ се́рце, у тихъ письме́нныхъ и друко́ванихъ городя́нъ, що ми на-ўкъ іхъ и слове́сности пи́саноі не зна́емо; а про те сі добро́дії й забу́ли, що на одну́ со́тню ро́ківъ по пять разъ вони́ одъ старо́і нау́ки й слове́сности одцу́рувались, и сами́ ще не зна́ють, яко́і ві́ри и яко́го смаку́ бу́дуть пере́дъ сме́ртю. Ми жъ, лю́де про́сті, якъ навчи́лись на варя́зькій чи на литовській, або́ по́льській па́нщині за плу́гомъ до́бре ходи́ти и недолю́дківъ годува́ти, то й до́сі себе́ сами́хъ и білору́кихъ городя́нъ хлібомъ году́емо. Се, здае́тця, не лука́ва нау́ка; а въ васъ, городя́нъ, есть и ехи́дні нау́ки: е въ васъ такі нау́ки, щобъ до віку вічнёго тілько сами́мъ у зо́лоті купа́тись; е въ васъ и таки́і нау́ки, що хто кого́ проведе́ та

зненáцька нася́де, того́ вели́кимъ чоловíкомъ величáють. А въ насъ таки́хъ добро́дíївъ зову́ть по́-проéту пьявкáми та людоíдами; ми одъ таки́хъ, поли́ одрíзавши, му́симо втікáти, аніжъ свíй рóзумъ и ду́шу íхъ лукáвою дорóгою пускáти. Мóже, скáже хто, що не втечемó, ховáючись по своíхъ закапéлкахъ, що доберу́тця вони́ до насъ колúсь, якъ уже́ ви́ссуть уся́ку свíжу си́лу округи́ се́бе, и що, застáвши насъ невмíлими своéї всеми́рнёї нау́ки, якъ-разъ підгóрнуть пíдъ свою́ корми́гу, и бу́де зъ на́ми те, що зъ ло́ндонською и ирлáндською бідóтою: тимъ би то лу́ччe тóї до́лі лихóї запобігáючи, самúмъ намъ заворуши́тись у своíхъ хуторáхъ по-городя́нськi и заздалегíдь уже́ городя́нського ду́ху и рóзуму набра́тись, бо, ка́жуть: *вóронъ вóрону очéй не ви́клюе!* Та́къ насъ ляка́ють и та́къ намъ ра́ють ти́ вожаки́ городя́нъ, що ви́думали премýдрость ищé мудрíйшу одъ Христóвоі! А ми спрóста, якъ намъ Богъ положúвъ на ду́шу, одвíту́емо: »То́ ще на́-двое ба́ба ворожúла, чи бу́демо ми въ городя́нъ пíдъ корми́гою, чи ні, а жидовíти намъ... ні, се не по на́шій нату́рі! Коли́ жъ уже́ спра́вді така́ на́ша до́ля, щобъ намъ до-вíку не було́ просвíтку, то лу́ччe намъ усíмъ одно́ на одному́ повмірáти, аніжъ изъ своéї пра́ведноі вíри та въ жидíвську, городя́нськимъ рóбомъ, попереверта́тись?«

Ото́ жъ нíчого намъ, пано́ве городя́не, симъ дорека́ти, що ми, мужику́ючи по хуторáхъ и се́лахъ, не такъ-то ква́пимось до всякоі но́воі всеми́рнёї нау́ки, остаючúсь у панíвъ и въ жидíвъ позáду. Ду́маете, мóже, що ми цураемось освíти? що въ обскурантúзмі, якъ мовля́ете, ми закоха́лися? що рóзумъ нашъ ле́жнемъ звикъ изъ да́вніхъ дове́нъ лежáти?... Ой, ой, ой! я́къ-то воно́ здáлеку химéрно вамъ усé здаéтця! Хто́ жъ ви́неньтому́ обскурантúзмові, коли́ ви тíлько городи́ зна́ли освíтою забезпе́чувати, а намъ не дали́ во́лі, безъ свого́ городя́нського поря́дку, хоть найме́ншу шко́лку, по громáдському рóзуму, у се́бе на селі завести́? Рóзумъ нашъ ле́жнемъ извúкъ лежáли? Якъ же бъ воно́ йнше ста́лося, коли́ дитúну для нау́ки тре́ба изъ семьі ви́рвати и міжъ такі лю́де засла́ти, кото́рихъ не зна́ешъ и не відаешъ, яки́мъ вони́ ду́хомъ ди́шуть и що́ съ твоéі дитúни зро́блять? Знову же й коштъ на ёго положи́ таки́й, за ту городя́нську нау́ку, що́, мóже, тíлько съ ти́сячи въ одного́ господаря́ зна́йдетця на те й доста́токъ. Уже́ жъ воно́, учúвшись тамъ міжъ городя́нськими дíть-

ми, и одъ про́стоі свити́ни, и одъ про́стихъ звича́івъ та й одъ рі́дноі мо́ви своéі одви́кне. Яки́й же зъ ёго бу́де семъяни́нъ у про́стій ха́ті, міжъ про́стими селя́нами? Лу́чче жъ ёму́ въ ба́тька та въ ма́тери про́стого господа́рства навчи́тись, аніжъ чужи́мъ у рідну се́мъю съ тими́ нау́ками верну́тись. Отъ воно́, якъ у насъ ро́зумъ нашъ ле́жнемъ лежи́ть. Про се ви, городя́не, не турбу́йтесь. Мо́же, коли́сь на́ша грома́да впо́раетця зъ діломъ та пола́годить де́-що, що ви жъ намъ, набіга́ючи до насъ, для поря́дку попсова́ли, та тоді вже своéю во́лею и своімъ ро́зумомъ розбере́, до якóі нау́ки тре́ба діто́къ изъ-ма́лку вправля́ти,—тілько такъ, щобъ и въ нау́ку дити́на вбива́лась, и одъ леда́чого товари́ства городя́нського не псова́лася. Бо, по на́шому про́стому ро́зуму, то́ ще не вели́ке діло, якъ одно́ знайти́, а дру́ге втеря́ти. Спаси́бі вамъ за тихъ високовоспи́таннихъ коза́чихъ, або́ мужи́чихъ, діте́й, що зъ на́шимъ бра́томъ не вміе вже й заговори́ти! Спаси́бі вамъ и за тихъ розу́мнихъ люде́й, що якъ понаізджа́ють изъ городівъ до насъ у го́сті, то въ ма́тери се́рце не на місті за своіхъ простова́тихъ, неполо́ханихъ ище́, щи́рихъ душе́ю до́чокъ, по́ки панича́ съ ху́тора, або́ зъ госпо́ди не збу́де! Спаси́бі вамъ за тихъ ви́вяленихъ женихівъ, що своіми грішми ва́блять до се́бе найдоро́жший цвітъ хуторя́нокъ и селя́нокъ! Не хо́чемо ми ніякихъ благъ цивилиза́ціі, коли́, за сі бла́га, діти на́ши не вмітимуть изъ на́ми, підъ на́шу ста́рість, розмовля́ти, коли́ вони́ насъ, а ми іхъ, черезъ іхъ вели́ку освіту, не розумітимемъ! Беріть собі на-віки и не пуска́йте до насъ ва́шихъ малёванихъ паничівъ, що вміють діво́чимъ ро́зумомъ и се́рцемъ, якъ паху́щою квіточкою, що-дня міня́ючи, забавля́тися! Неха́й догнива́ють у васъ по города́хъ ти́і по́скрібки цивилиза́ціі, що, мовъ зъ домови́ни упирі, на свіжу кровъ ки́даютця! И неха́й лу́чче ми бу́демо до віку вічнёго въ ла́таній сіромя́зі ходи́ти, аніжъ людськи́і слёзи кварта́ми міряти!

Се вамъ, городя́намъ, цивилизо́ванимъ лю́дямъ, о́дповідь на́ша на ва́ши зази́ви до спільности зъ ва́ми, до нау́ки, до практи́чнёі му́дрости, одъ кото́роі полови́на зъ васъ у зо́лоті купа́етця, а полови́на въ воню́чій грязі то́не, одъ пеке́льноі робо́ти чу́чверіе и зъ го́лоду ги́не. А що ми слове́сности ва́шоі кни́жнёі не зна́емо, то скажіте сами́: що́ жъ би съ то́го за добро́ було́, коли́бъ ми, сто літъ наза́дъ, те жъ саме́, що й ви, чита́ли, и того́ само́го смаку́, що й ви, набіра́лись, та начита́вшись и набра́вшись того́

ли́ха, якъ жа́ба грязі, почали́ ва́шимъ ро́бомъ у сво́ іхъ хутора́хъ и се́лахъ ходи́ти? Чи ска́жете, мо́же, що то́ була́ па́косна, по́зи́чена слове́сность, кото́рої ви вже тепе́ръ одцура́лись и вже намъ тепе́ръ хоро́шi книжки́ друку́ете? Згада́йте жъ, бу́дьте ласка́ві, у кото́рий се вже разъ ви намъ такъ гово́рите, *ви*, письме́нні, городя́нськиі лю́де, почавши съ того́ старода́внёго віку, якъ ва́ши прапра́щури *сме́рдомъ* на́шого бра́та записа́ли? Аже́ жъ ви зна́ете по старосвітськихъ книжка́хъ, що Іезуіти и и́ншi кателицькі по́пи, ще кра́ще одъ васъ говори́ли про душе́вну освіту, и по се́лахъ босоно́гі ми́ссіі розсила́ли, мовъ би нови́хъ апо́столівъ постанови́вши, и бага́то зъ насъ до то́і ома́ни покваплось и одъ про́стоі віри мужи́чоі (1) одщепи́лось.... Що́ жъ вийшло? Брехня́, та й го́ді!... Та чи одні жъ кателики по города́хъ лю́дей и віршами, и всякою и́ншою слове́сностю обду́рювали? Исто́рия обма́ну до́вша, якъ-би́ іі списа́ти, одъ исто́рні щи́роі пра́вди, — що, якъ-би́ перетруси́ти всі книга́рні, якъ-би́ хто взявъ у ру́ки тако́го ціпа, щобъ уве́сь той да́вній и неда́вній мо́тлохъ перемолоти́ти, то чи́стого, пра́ведного зерна́ чи набра́лось би й съ ківшъ. Сами́ ви се до́бре зна́ете, а намъ изъ своіми книжка́ми набива́етесь.... О, бо'да́й васъ, цивилиза́торівъ! У васъ усе́ тільки *сбытъ и потребленіе* на умі! и якъ-би́ ввесь миръ закипівъ то́ргомъ, то вамъ би й ра́ю Бо́жого не тре́ба.

Отъ же въ хутора́хъ не ду́же городя́намъ віри дойма́ють. Мо́же, ви й спра́вді поробили́сь уже́ святи́ми, надиви́вшись на свої старі гріхи́, та хто́ жъ намъ за васъ у пору́ки ста́не? *Зда́вся Ци́анъ та на свої ді́ти....* чи не така́ бу́де пору́ка? Ва́ша пра́вда — въ Бо́га на су́ді, а передъ очи́ма въ насъ — тільки ва́ша кри́вда, почина́ючи съ того́ да́внёго віку, якъ ва́ши письме́нні, вельмо́жні, и бога́ті пре́дки прозва́ли и записа́ли на́шого бра́та сме́рдомъ. Тимъ-то й не и́мемо ми вамъ віри, хочъ, мо́же, ви вже й присвяти́лися. Не ду́рно бо гово́рять: *Брехне́ю світъ прійдешъ, та наза́дъ не ве́рнесся!...* Що́ жъ намъ ва́ша слове́сность друко́вана, коли́ сами́ ви намъ изневіри́лись?... Що ви іі собі вподо́бали, се намъ байду́же, бо ви й про Вольте́ра (або́ ва́ши ді́ди́, все одно́) на пупъ кричали́, що притьмо́мъ світъ

(1) Chłopska wiara — такъ всі кателики на Вкраіні взива́ли на́шу віру въ XVI, XVII и XVIII вікахъ.

по́слі тьми осия́въ миръ; а Вольте́ръ самъ написа́въ, що слу́гамъ и че́рні нічого ёму́ сказа́ти: се бъ то ёго́ пу́блика — самі пани́, самі просвіще́нні. Ви такъ не гово́рите, якъ говори́въ и надрукува́въ вели́кий учи́тель ва́шихъ пре́дківъ-городя́нъ. Ви вже не наха́бою, якъ тоді води́лося, а лагіднимъ сло́вомъ, силку́етесь прилу́чити на́съ до гума́нної (лу́чче бъ гуме́нної) грома́ди. Ласка́венько насъ величаєте мужичка́ми, и вже соло́дкимъ па́нськимъ голоско́мъ гука́ете: *Паслушай! паслушай! эй ты! какъ тьбя, любьзнай, завутъ? Полно тьбь сидѣть за чаркаю па васкрьснымъ днямъ съ сасьдамъ: лучшь на́, вотъ, пачитай книшку, прасвѣтисъ малынька, друкъ ты нашъ спрдьчнай!* И ду́маете, що въ васъ *есть* що́ сказа́ти и слу́гамъ, и пото́мкамъ тихъ сме́рдівъ старосвітськихъ, що Варя́гамъ па́нщину робі́ли. Эге́, ма́буть, що есть, коли́ мужичо́къ и *друкъ спрдьчнай* маха́е тілько руко́ю одверта́ючись! Коли́ жъ візьметця до кни́жки, то въ тій кни́зці не бу́де ва́шихъ химе́ръ соло́дкихъ: ту кни́жку написа́ли лю́де, кото́рі сами́ зна́ли ну́жду й напа́сть усяку, кото́рі не мча́лись ви́хремъ зъ дзвонка́ми черезъ убо́гі се́ла, а своіми нога́ми захо́дили до люде́й у ха́ту и на ни́ву та, приголу́бивши до се́бе діте́й мужи́чихъ, ро́бомъ свого́ Учи́теля благо́го, — говори́ли пра́веднимъ сло́вомъ до люде́й, навча́ючи іхъ ду́ши спаса́ти, а не кише́ні грішми начиня́ти. Отту́ кни́жку чита́ли на́ши пре́дки за ти́сячу ро́ківъ до насъ, та й каза́ли: *пра́вда!* Ту кни́жку й ми чита́емо, та й гово́римо: *пра́вда, на-вѣки пра́вда!...* А ви про свої книжки́ сто літъ наза́дъ крича́ли: *пра́вда! ще кра́ще одъ само́ї пра́вди!* а тепе́ръ про ті жъ самі книжки́ на ввесь миръ репету́ете: *брехня́! а отсе́, що ми самі́ написа́ли, отсе́ вже пра́вда!* Такъ кого́ жъ ви ду́маете моро́чити? малу́ дити́ну, чи що́? Мала́ дити́на пійме вамъ вірн, а ми́, сла́ва Бо́гу, ти́сячу ро́ківъ, якъ себе́ зазна́емо и, почавши одъ 'Олегівъ, кото́рі до насъ на гото́ве прийшли́, надивилі́сь дово́лі на всяки́хъ ошука́нцівъ.

Були́ видю́щі и сліпі́,
Були́ и шта́тські и вое́нні,
Були́ и па́нські и казе́нні,
Були́ миря́не и попи́.

Отта́къ ми, добро́дію, одка́зуемо тимъ экономи́стамъ ва́шимъ столи́чнимъ, або́ й тимъ пра́ктикамъ-поэтамъ, кото́рі надъ міща́нина, та надъ пра́сола, та надъ цивилізо́ваного куцака́ нічо́го й

кра́щого въ світі не зна́ють. А ви, добро́дію, пе́вно не пора́єте на́шому бра́ту, хуторяни́ну, свій ти́хий холодо́къ на ту грукотня́ву та спе́ку мінята, або́ съ про́стої сви́ти въ ти́ дорогі оде́жи вбіра́тися. На ва́шу *Осно́ву* ми зъ до́брою надіею споглядаємо. Ми й сами́ вже такъ міркуємо: що нема́ и въ світі кра́щої оде́жини, якъ на́ша про́ста сви́та. Якъ поду́маешъ, черезъ яки́і вчи́нки лю́де собі ти́ї саєти та оксами́ти добува́ють, то, да́лебі, вона́ въ на́шій ду́мці ссяе кра́ще всякого дорогого ка́меню на тихъ жупа́нахъ, або́ широ́кихъ па́нськихъ су́княхъ, — що ні одна́ жъ то гірка́ слёзи́на на те шорстке́ ткання́ не покоти́лася!... Да́лебі, здаєтця вона́ намъ яко́юсь ніби свято́ю ри́зою; и въ одного́ Бо́га тілько кра́ща оде́жа, якъ роски́не вінъ ії́ одъ кра́ю до кра́ю небеси́, усю въ зо́ряхъ блискучихъ.

Неха́й собі гуркотя́ть и сви́щуть чугу́нки, кому́ іхъ тре́ба. Коли́бъ намъ було́ тре́ба того́ ди́ва, то й ми бъ собі зроби́ли, бо грома́да — вели́кий чоловікъ и якъ схо́че, то на все до́бре спромо́жетця. Що́ жъ, коли́ не прийшо́въ ще́ нашъ часъ про чугу́нки да́ти? Ще, мо́же, тре́ба пе́рше двори́ й хати́ повимітувати та тогді й до більшого діла бра́тись. Ато́ — тутъ насъ сміттямъ и всякимъ гно́емъ заки́дано, а намъ, забу́вши про свою́ бідола́шню госпо́ду, слідо́мъ за чужозе́мцемъ бігти!... Ні, ми такъ собі діло розбіра́емо, що, коли́ тре́ба на́ щось, щобъ одні лю́де, якъ отъ Ангеля́не, попе́реду всіхъ пошли́, то, ма́буть, и те тре́ба, щобъ и́нші, якъ отъ ми, украи́нські хуторя́не, поза́ду остава́лися. Коли́ тре́ба, щобъ одні по города́хъ чу́чверіли, я́къ отъ на́ши бу́рховці, то, ма́буть, и те́ тре́ба, щобъ дру́гі по хутора́хъ и се́лахъ міцни́мъ, неліченимъ здоро́вьямъ, на́че дуби́ зелёні, тве́рдо на своіи рідній землі стояли. Зновъ же, коли́ тре́ба на світі таки́хъ, щобъ уся́ку премудрость кни́жню розуміли, то, пе́вно, тре́ба й те, щобъ чоловікъ чита́въ тілько одну́ кни́жку, вели́кий Завітъ вели́кого всеми́рнёго Учи́теля, а Бо́жній миръ розумівъ більшъ се́рцемъ, ніжъ голово́ю. Бо й сами́ отті цивилиза́тори неха́й би ро́зумомъ своімъ збагну́ли: що́ бъ то було́, якъ-би́ нашъ братъ оддався всёю душёю ще іезуїтській нау́ці (а Іезуіти про́бували вчи́ти насъ и зъ го́лою ша́блею)!... Цивилиза́ція, ка́жуть, веде́ чоловіка до всякого ща́стя.... А якъ же ні?... Що́ тоді, пано́ве? де́ тоді візьмете люде́й свіжихъ душёю и міцни́хъ здоро́вьямъ, щобъ и́ншимъ ро́бомъ зопсо́вану по всій землі жизнь по-

пра́вити?... Та́къ поки́ньте жъ хочъ насъ, бу́дьте ласка́ві, по хуторáхъ про запáсъ: мóже, ми ва́шимъ пра́внукамъ згодимóся. Пишíть собі тамъ и друкýйте що-хотя́. Мóже, воно́ й дóбре кому́ слу́хати васъ, тíлько не намъ. У насъ, пано́ве, нау́ка своя́, тисячолíтня: вона́ навчи́ла насъ бíльше слу́хати пра́ведного Сло́ва Бóжого, аніжъ лука́вої па́нської мóви. Коли́бъ ви такъ учи́ли, якъ учи́въ Христóсъ, то ми бъ васъ послу́хали одра́зу, ато́ ви у́чите не Бóгові, а мамóні служи́ти; золотóму и́долу розу́мною своéю головóю кла́няетесь, ду́маючи, що пійшли́ ще дальшъ самóї Ева́нгелíї.... »Просвíти́лись«, якъ той мовлявъ,

. . . . та ще й дру́гихъ
Хóчуть просвíти́ти;
Сóнце пра́вди показа́ти
Слíпи́мъ, ба́чишъ, дíтямъ....

Поки́ньте, ка́жете, свої прóсті хуторя́нські звича́і — бу́дете багáті. А на́ що жъ намъ, пано́ве, багáтшими бу́ти? Хиба́ въ насъ íсти й пи́ти нíчого, або́ нема́ соро́чки, свити́ни й кожуши́ни, або́ не тéпло намъ у на́шій хáті, або́ нема́ простóру кругóмъ хáти, або́ ні за що намъ спра́вити по своéму зако́ну весíлля, чи роди́нъ, чи хрести́нъ, чи чого́? На́ що жъ намъ те навісне́ багáтство? Хиба́ на те, щобъ ожидовíти? щобъ не така́ душа́ була́ въ насъ прóста и милосéрдна? Або́ на те, щобъ, поки́давши свою́ дешéву, тисячолíтню одéжу, рва́тись усíма́ си́лами, щобъ на городя́нську пиху́ спромогти́ся, на ту ледащи́цю мóду, що на рíкъ по пять разъ перекрóює су́кню, на́че мала́ дити́на, гуля́ючи въ ля́льки? Або́, мóже, на те, щобъ занедба́вши свої прóсті звича́і, вки́нутись у той дурни́й комфóртъ, у ту и́дольску рóскішъ, що нема́ íй ні мíри, ні вини́ну, ні на́спу?... Дóбре намъ ра́ете, спаси́бі вамъ! А по-на́шому, такъ чоловíкові за свою́ прóсту, домотка́ну сви́ту трéба обома́ рука́ми держáтися. Се ёго́ во́ля! Се ёго́ зату́ла одъ дия́вольскої поку́си— мóди, котóра васъ, городя́нъ, до тяжкóї робóти або́ до лука́вихъ ви́гадокъ и ви́думокъ день и нíчъ поганя́е. Тимъ-то бороня́ Бóже, якъ-би́ всяке въ насъ до книжóкъ городя́нськихъ хапа́лося, покúнувши свою́ еди́ну кни́жку, та й поняло́ ва́шимъ книжка́мъ вíри бíльшъ, ніжъ тій спасéнній, пра́ведній кни́зці! Було́ бъ, мóже, те, що всі зжидовíли бъ и за гро́ши рíдних батькíвъ попрóда-

ли. Що тамъ десь, за мо́ремъ, шмато́къ Аме́рики цивилиза́цію тро́шки на до́брий ладъ бу́цімъ-то спра́вивъ, идучи́ попере́дъ усёго світу, то се ми зна́емо и ра́дуемось. Неха́й тимъ людця́мъ хоро́шимъ та богобоязли́вимъ и до конця́ слу́жить форту́на у вели́кому ді́лі. Тілько жъ намъ ра́но ще слідо́мъ за ни́ми бігти, не впо́равшись пе́рше съ тимъ, исъ чимъ вони́ до́бре впо́ралися. Якъ же́ намъ, уда́вшись не по своє́му ро́зуму и не по своій розу́мній во́лі, у цивилиза́цію, та тимъ тілько зроби́ти зъ се́бе ні Бо́гу свічку, ні чо́рту кочере́жку, то лу́чче намъ у своій шорсткій корі ще ро́ківъ зъ со́тню пережи́ти та тогді вже ії зъ се́бе злу́щити, якъ не ста́не въ насъ на Вкраїні де́-якої по́гані, кото́ра у вся́ке до́бре ді́ло міша́ється и вся́ке до́бре ді́ло псує́ и нівечить.

Та́къ ми, добро́дію, про городя́нські нау́ки и городя́нську слове́сность собі мірку́емо. Прошу́ ва́шої ла́ски, надруку́йте сей листъ мій у своій *Осно́ві*. Неха́й ти́ї комфорта́бельні чоловіколю́бці не ду́же надъ на́шою до́лею вболіва́ють. Не пога́на до́ля на́ша, хліборобська й чума́цька, хвали́ти Бо́га! Не проміня́емо ми ії на городя́нську, ніби-то кра́щу, и сви́ти сво́єї че́сної и неповинної не оддамо́ ні за які́ сае́ти и оксами́ти. Коли́ жъ моє́ сло́во припаде́ й ге́ть-то вамъ до смаку́, то я не зарі́ка́юсь до ко́жної ва́шої кни́жки свій листо́къ доложи́ти и про все, що́ ми, тутъ си́дя, чу́емо, або́ чита́емо, и якъ про що́ собі поти́ху гу́торимо, ви́слебизувати. Ви свою́ *Осно́ву* видаете́ про насъ, Украї́нцівъ, то тре́ба й зна́ти вамъ, якъ ми про що́ ду́маемо. Мо́же, добро́дію, и въ васъ у *Осно́ві* бу́де що́ не по-на́шому, то вже — вибача́йте — не вмо́вчимо, а такъ-таки́, якъ воно́ зда́стця намъ, такъ вамъ гарне́нько й ви́співаемо. Хвали́ жъ одъ насъ ніяко́ї не ждіте, бо съ то́го вамъ кори́сти було́ бъ не бага́то.

Хуторяни́нъ.

ВІСТІ.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(Декабрь 1860.)

.... Ми собі такъ мизькуємо, добродію, що »Основа« повинна бъ бути на рідній українській мові, та вже ви, мабуть, се діло знаете лучче, ніжъ ми. Отъ же ми все-таки будемо сподіватись, що, чимъ-дальшъ, »Основа« вся буде въ нашій любій мові,

»Що мати співала,
Якъ малого сповивала,
Зъ малимъ розмовляла.«

Українська мова годиться не для одніхъ віршівъ; на ій и теперъ можна говорити й писати *про все наше*, такъ-таки, якъ и на иншихъ. Такъ собі думаючи, пишу до васъ первиі вісті по-нашому; може, на мій листъ обізвутця зъ другихъ сторонъ розумніши люде и придатніше напишуть. Оттакъ, по-трохи, по-трохи, та й дійдемъ до того, що про все писатимемъ по-українськи. Бо чи тожъ-таки не сромъ — лізти до сусіда въ кишеню за словомъ? хиба у насъ свого нема? Пора, пора намъ додуматьця до власноі літературноі мови.

I.

Починаючи листи зъ Полтави, першъ усего скажемо, що ми не будемъ дуже широко розмовляти: буде зъ насъ и того, що подамо земляцамъ звістку объ усякімъ громадськімъ ділі, хоча бъ воно здалося й непоказнимъ, бо кожне громадське діло — не саме тільки діло, або случай, а разомъ и велика исторична робота. Ні яке діло само-зъ-себе не родитця. Не збудуешъ будинку, не

поста́вивши зпе́ршу сторчівъ; такъ-са́мо и жо́дна розу́мна робо́та не бу́де міцна и кріпка, якъ не ма́тиме пі́дъ собо́ю сторчівъ,— да не зра́зу вона́ й ви́явитця. Одно́ коліно люде́й поста́вить сторчі для яко́го-не́будь розу́много ді́ла; дру́ге ви́веде, на тіхъ сторча́хъ, стіни; тре́йте, зновъ, постано́вить кри́шу, а четве́ртому вже доведе́тця тамъ и жи́ти. Такъ на всімъ Божімъ сві́ті ро́блятця громи́дські ді́ла́, — тіі буди́нки ро́зуму, добра́ и сла́ви. Хто до сёго́ ще не доду́мався, неха́й же пи́льно вди́витця въ жизнь якъ не свого́, то и́ншихъ наро́дівъ.

Ска́жемо свою́ коротеньку річъ до шано́вної грома́ди. Любі мої земляки! Не ре́мствуйте ду́же на ме́не, коли́, ча́сомъ, чого́ не вподо́баете въ моіхъ ли́стахъ: бо ви до́бре зна́сте, що се пе́рвий почи́нъ писа́ння вісте́й на на́шій рі́дній мо́ві. Чи спосо́бна вона́ для таки́хъ ли́стівъ — поба́чимо.

Почне́мъ на́ши вісті про Полта́ву зъ того́, що найбли́жче лежи́ть коло на́шого и грома́дського се́рця, въ чому́ найбі́льший вжи́токъ для наро́ду вбача́емо, що ро́бить люде́й и розу́мними, и до́брими, и правди́вими, — се бъ то гра́мота и шко́ли.

Зъ 1859 ро́ку на 1860, въ Полта́вськихъ шко́лахъ учи́лось: *хло́пцівъ* — въ гимна́зіи — 371, въ каде́тському ко́рпусі — 371, въ духо́вній шко́лі — 193, въ повіто́вій — 40, въ прихо́дській — 42, въ шко́лі чистопи́сцівъ — 50, въ шко́лі п. Таксіса — 28, въ нім'е́цкій — 28 и въ евре́йскій 19; *дівчатъ* — въ пинститу́ті для панночо́къ — 208, въ прию́ті — 37, да въ ча́стнихъ шко́лахъ п. п. Лерцеръ, Кемингъ, Дейнеки и Антипові — 176, а всіхъ хло́пцівъ и дівча́тъ 1557. Здава́лося бъ, що для го́рода, въ котро́му живе́ люде́й 27,000, бі́льше й не тре́ба, — тільки жъ ні. Сіми шко́лами ну́жда наро́днёї гра́мотності ду́же не здовольня́лась, бо тутъ учи́лись діти сами́хъ богачівъ та панівъ, а неспромі́жніхъ люде́й. Звісне ді́ло: въ одній шко́лі — *штатъ*, у другій — *вели́ка пла́та*. Всі вбача́ли, яка́ вели́ка *тре́ба* наро́днёї гра́мотності у на́съ передъ очи́ма, всі зрозуміли, що нау́ка и гра́мотность однаковісенько поле́зні и ті́мъ, котрі ду́мають бу́ти коли́сь су́ддями та енера́лами, и ті́мъ, котрі весь вікъ звіку́ють — хто надъ обруче́мъ, хто за чо́ботомъ, хто за плу́гомъ. День одо дня, часъ одъ ча́су, ну́жда въ гра́моті чу́лася бі́льше и бі́льше. Спаси́бі Бо́гу, найшли́сь до́брі лю́де, що помогли́ наро́ду въ бі́ді, и 1860 рікъ на-віки-вічні зоста́нетця памятни́мъ для Полта́ви; бо

ще тільки недáвно блúснувъ світъ грáмотності на нáшихъ тéмніхъ братівъ. П. Злигостовъ завівъ шкóлу при городскій тюрмі, и самъ чотúрі рáзи у тúждень хóдить учúть тамъ дітéй. Квітня 24-го одкрúта у насъ недільна безплáтна шкóла; въ неі, зъ пéрвого рáзу, прийшлó учúться 35 душъ; міжъ нимú булú и семилíтки и сороколíтні; тепéръ въ сій шкóлі ýчитця трóхи не 200 душъ. — Недáвно педагогúчна рáда 'тсіі шкóли вúпустила до громáди печáтний листъ, котрúмъ запрóшуе всякого, хто захóче завітáть у шкóлу, абó на рáду, викáзувати чи на речáхъ, чи на папíрі, своі увáги и дýмки про шкóлу. Се діло дýже дóбре, бо нехáй бýде хочъ якúй розýмний чоловікъ, а все-такú громáда розумній відъ ёго; самá громáда повúнна робúти, й найлýчче зрóбить, своé громáдське діло.

Щé зъ 1858 рóку стáли у насъ дýмать, якъ би завестú дівóчу шкóлу: дýмали про сé тільки самú учителі, а громáда, мовъ вельмóжна пáні, седíла собі зложúвши рýки, а чéрезъ тé и діло йшло дýже týго. Ми ужé трóхи-трóхи не сказáли, що ще не дорослú ми до тóго, щобъ завóдить дівóчи шкóли, ажъ-ось—то сякъ, то такъ, а дóбра дýмка не загúбла безслідно, и 26 сéрпня одкрúли Дівóче Учúлище, у котрімъ тепéръ ýчитця 203 дівчáтъ; мижъ нимú é и панночкú, и крепáчки, и купцівни, и міщáнки, и козáчки. За Полтáвську дівóчу гимнáзію довóлі ужé говорúли, а ми одъ сéбе скáжемо тільки óтъ-що: якъ нáша шанóвна громáда и дáлі бýде чужúми рукáми жаръ загрібáть, то гимнáзія, постóявши сімъ літъ, у котóрі ніхтó зъ учителівъ не брáтиме плáти за свою прáцю, на вóсьме літо бýхне; бо тоді бýде потрібно що рóку 15,000 карбóванцівъ, — а дé вонú? Прáвда, Полтáвська громáда купцівъ (пáнська громáда ще мовчúть) положúла давáть одъ сéбе що рóку на гимнáзію 500 р., та й тó, на рáді у дýмі, одúнъ багáтий купéць загомонівъ такъ: »нáша громáда не тільки неповúнна давáть грóши на гимнáзію, а намъ и гимнáзія не потрібна: бо зъ нéі вúйде не пóльза, а такé безголúвье, що й сказáти не мóжна!« Щó мáете робúти! Е ще по свíту люде и такú розýмні, що кáжуть: »по насъ, абú булú дíні да кавунú,— ми и безъ грáмотності проживемó;—а-жъ батькú нáши жилú?«— и такú підслúповаті, що не тільки самú не вірять въ пóльзу одъ наýки, а ще й другúхъ лáють и бьють за тé, що зъохóчуютця учúтись.

Наро́дня охо́та я́сно пока́зуе, що потре́ба гра́мотності у насъ ще не вдовольни́лась и нови́ми шко́лами. Одно́му чоловіку въ Полта́ві прийшла́ ду́мка завести́ въ пра́зники наро́дні чте́нія и роскази про те, що́ пови́нне зна́ти уся́ке. Для наро́ду се було́ бъ ду́же до́бре ді́ло, коли́ бъ воно́ не оста́лось ті́лько одно́ю ду́мкою. Ще бъ кра́ще, коли́ бъ завести́ у на́съ наро́дній теа́тръ и книга́рню, щобъ ко́жному неспроміжнёму мо́жна було́ бра́ти книжки́ и чита́ти безъ гро́шей. Въ Полта́ві е дві книга́рні: Изопо́льською и Чижака́, а ні въ одній, да таки й ніде́, нема́ дешёвихъ наро́дніхъ книжо́къ. На що́ лу́чче! у насъ и до́сі нема́, на на́шій мо́ві, свято́го Ева́нгелія! А придивітця-лишъ до сі́льскихъ школя́рівъ, и за́разъ поба́чите, що́бъ то́ за вели́ка була́ по́льза, коли́ бъ тихъ школя́рівъ учи́ли не на церко́вній, а на рі́дній украі́нській мо́ві, котру́ дити́на чу́ла зма́лечку и котро́ю вона́ промо́вила пе́рве сло́во. Не одбива́лась би дити́на одъ роди́ни, не лі́зла бъ въ канцеля́ристи, а зоста́валася бъ у рі́дній ха́ті, при своёй рі́лі, — здала́сь би на добро́ и собі й лю́дямъ, — та й до нау́ки бра́лися бъ охітні́ше; ато́ въ Полта́вскій губе́рніи на 130 селя́нъ дово́дитця *оди́нъ* тільки письме́нний... Чи то́жъ не со́ромъ?

Олекса́ндръ Перехо́довець.

ЗЪ Г. БОРЗНИ (ЧЕРНИГ. ГУБ.)

(29 ноября 1860.)

— — »Спаси́бі, ка́жуть, спаси́бі за »Осно́ву«, вели́ке. А якъ яке́ спаси́бі, то й за гро́ші, мовля́въ, не ку́пишъ. Неха́й же вамъ Госпо́дь спори́ть... Коли́ уподо́бали моё *писа́ннє*, то неха́й воно́ вамъ бу́де *на вхі́дчини*, коли́ не побре́згаете и на́шою кри́хтою.

Що́ жъ вамъ до́брого сказа́ти? Тепе́ръ 29-те ноября́, а у на́съ га́рно на дво́рі якъ у Бо́га за дверми́: зе́лено, якъ на́ весні; у́тки хлюпо́щутця, а гу́си усе́ герче́чуть и здійма́ютця, мовъ летіть хо́чуть. Лю́де ка́жуть—гнила́ зима́ бу́де: го́ренько жъ на́ше, якъ снігъ не ви́паде! И торішню зіму, у Пили́півку, ще паха́ли,—десь и тепе́ръ такъ бу́де; усе́ то въ сві́ті змині́лось... и лю́де. Було́, объ Мико́лі уже́ й лашту́есся на Московщи́ну зъ

України; було́ тільки й ду́мки аби́ Сеймъ перемахну́ть, щобъ лідъ не провали́вся пі́дъ на́ми, тепе́ръ—що́ ёго́ й роби́ти? и тамъ ще, ка́жуть, грязю́ка....

Ось що́ що: ка́зану річъ вамъ скажу́, а не свою́. Дівчина одна́ мені такъ одповіда́ла: »У насъ е́ тепе́ръ шко́ла, и за ста-ро́го попа́ була́, да ма́ло учениківъ. На́кидомъ бере́ старшина́ учи́ть, пла́чуть и кудкуда́чуть ба́тько й ма́ти, а тре́ба 'дда́ть!... ба́чте, тре́ба сви́точку ши́ть, а ні-за-що спомогти́ся, и веля́ть чи́сто води́ть. Иноді пі́пъ и самъ захо́дить по ха́тамъ, такъ ёму́ й гово́рять: »да́йте чо́боти дити́ні, да й беріть.«

А у насъ, въ Бо́рзні, и до́сі не ви́дно неді́льної шко́ли, бо нема́ односта́йности, однодумства въ грома́ді.

зъ-пі́дъ Ніжина (черниг. губ.)

— — Ось-що росказа́ла мині одна́ перепеча́йка: »ста́ли каза́ть, що при́слана така́ бума́га, щобъ попи́ діте́й учи́ли гра́моті, Бо́же, якъ израділи! оце́ *моя́* (дочка́ десятилітня) усе́ сиди́ть у вікна́, усе́ гулькъ та гулькъ у вікно́: да чому́ уже́ той пі́пъ не йде́? И я рада, щобъ учи́ли мою́ дити́ну. Я у одно́му селі була́, а тамъ дівчина пятна́дьцяти годъ—якъ гукне́ співа́ть на кри́ласі, дакъ и ду́маю: коли́бъ и мою́ взяли́! та́къ же причудесно, якъ я́нгелі зъ не́ба. Да поду́маешь — якъ же́ житло́ таке́, що ви́йде за́міжъ, та несча́сне бу́де, дакъ нехай у́читця: хочъ розу́мне бу́де. *Воно́* не бага́то у ме́не зро́бить.—Отъ, діжда́ли, почали́ збира́ть. діте́й по селу́: въ оди́нъ де́нь три́дцять душъ. Зібра́ли молебна, до дакъ и́нше и не перехри́ститця-поспіша́е, да такъ и ці́лу́е Ева́нгеліе, такъ и па́дають, якъ ті́и овеча́та до водопо́йла.«

изъ полтавы.

(6 декабря 1860.)

Полтавская Женская Гимназія. Добрыя дѣла имѣютъ истинное свое значеніе, когда совершаются въ тишинѣ, спокойно, безъ возгласовъ, безъ напрашиваній на рукоплесканія, безъ разныхъ наружныхъ

обстановокъ. Это неоспоримая христіанская истина для тѣхъ, кто дѣлаетъ доброе дѣло: но она необязательна для тѣхъ, кто его видитъ; постороннему свидѣтелю позволительно выявить доброе дѣло и возбудить къ нему сочувствіе общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ убѣжденіи и съ этою цѣлью, я намѣренъ разсказать о происхожденіи и учрежденіи Полтавской женской гимназіи (1). Офиціально называется она женскимъ училищемъ 1-го разряда, но учащіе и учащіеся и все общество не называютъ её иначе, какъ женская гимназія, а потому и я удерживаю это названіе для женскаго учебнаго заведенія, открытаго въ Полтавѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1860 года.

Я не нарушу той благородной скромности, съ которою началось, устроилось и осуществилось предположеніе объ этой гимназіи; я не назову ни чьего имени, а постараюсь представить только бѣглый очеркъ знаменательнаго событія нашей общественной жизни.

Одинъ изъ преподавателей Полтавскаго кадетскаго корпуса, въ концѣ 1857 года, сообщилъ двумъ-тремъ своимъ товарищамъ мысль свою о пользѣ, которую могло бы принести, въ настоящее время, учрежденіе женскаго открытаго учебнаго заведенія въ Полтавѣ; для осуществленія такого предположенія, однимъ изъ надежныхъ ручательствъ признавалъ онъ согласіе учителей принять на себя безмездное преподаваніе въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Благородная мысль скоро встрѣтила сочувствіе. Не прошло недѣли, какъ болѣе 20 учителей кадетскаго корпуса, гимназіи, института благородныхъ дѣвицъ, выразили готовность жертвовать своими трудами. Въ тоже время и въ томъ же кругу, супруги и сестры учителей изъявили желаніе принять на себя званіе классныхъ дамъ, и дежурить поочередно въ предполагаемой гимназіи. День ото дня увеличивался рядъ великодушныхъ людей, жертвовавшихъ своимъ трудомъ, и скоро не осталось въ Полтавѣ ни одного почти учителя, который бы не принялъ участія въ этомъ честномъ дѣлѣ.

Когда, такимъ образомъ, положено было основаніе предпріятію, учредители сочли долгомъ заявить о своемъ намѣреніи мѣстному начальству получили разрѣшеніе имѣть частныя совѣщанія, для составленія проекта гимназіи и обсужденія нѣкоторыхъ мѣръ для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріяльныхъ средствъ.

---

(1) По особому случаю, я имѣлъ возможность узнать всѣ сообщаемыя здѣсь подробности и буду радъ, если благородное дѣло получитъ наибольшую извѣстность посредствомъ журналовъ. *Соч.*

Между-тѣмъ, 29-го мая 1858 года, послѣдовало положеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи котораго учрежденіе въ Полтавѣ женской гимназіи, могло принять офиціальную форму. Пока шла переписка, въ обществѣ начало болѣе и болѣе выражаться сочувствіе къ предположенію. Явились денежныя приношенія, подписки на ежегодный взносъ на извѣстное число лѣтъ, предприняты спектакли любителей, лотереи, и мало-по-малу къ тому времени, когда попечитель Кіевскаго учебнаго округа, Н. И. Пироговъ, разрѣшилъ открытіе женскзго училища, утвердивъ съ нѣкоторыми измѣненіями здѣшній проектъ,—въ пользу гимназіи уже составилась наличная сумма до 3,400 р. да по подпискамъ на ежегодные взносы, отъ 5 и до 7 лѣтъ, 950 р. Но предстоялъ вопросъ: рѣшаться ли съ этими средствами открывать гимназію, на ежегодныя издержки которой, независимо отъ первоначальнаго обзаведенія, потребуется не менѣе 2,000 р. Собрались учредители — и твердые въ своемъ великодушномъ намѣреніи—трудиться безмездно въ теченіи 7 лѣтъ, твердые въ убѣжденіи пользы, которую принесетъ это учрежденіе, согрѣтые надеждою, что Богъ благословитъ честное, доброе дѣло,—единогласно рѣшили открыть гимназію съ перваго же полугодія академическаго 1860 года. Это происходило въ іюнѣ мѣсяцѣ; учредители избрали тогда же, изъ среды себя, распорядителей для отысканія помѣщенія, и приготовленія всего того, что́ называется первоначальнымъ обзаведеніемъ. Оставалось избрать начальницу для будущей гимназіи и выборъ палъ единогласно на супругу директора Полтавскихъ училищъ, Ѳ-жу Данилевскую.

Дѣятельность распорядителей дала возможность открыть гимназію къ 26-го августа. За двѣ недѣли до этого дня начались пріемные экзамены: на первый явилось 27 дѣвицъ; на второй 34, и по мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе распространялись въ обществѣ слухи о вниманіи, предусмотрительности, ободрительныхъ пріемахъ экзаменаторовъ, увеличивалось число желающихъ поступить въ гимназію: къ дню открытія было уже 136.

26-го августа совершилось открытіе гимназіи безъ всякой пышной обстановки, безъ парадныхъ завтраковъ и неизбѣжнаго шампанскаго,—но тою же скромностію, съ какою началось самое дѣло, и которая имѣетъ гораздо болѣе внутренняго смысла, чѣмъ натянутая, подготовленная, условленная и условная торжественность. Огромное множество посѣтителей наполняло довольно обширную залу гимназіи; тутъ были представители всѣхъ вѣдомствъ,—шитые мундиры и простые кафта-

ны; тутъ были нарядныя шляпки и платочки на головахъ и пестрая густая масса дѣтей разныхъ сословій и возрастовъ — воспитаняицы открываемой гимназіи. Послѣ обычныхъ молитвъ, произнесли рѣчи одинъ изъ законоучителей, одинъ изъ преподавателей, и начальникъ губерніи. Тѣмъ торжество и кончилось; присутствовшіе были одушевлены и поздравляя другъ друга. Съ чѣмъ?... Но объ этомъ — послѣ; здѣсь простой разсказъ событія, а не разсужденіе о женскомъ воспитаніи.

Чрезъ нѣсколько дней начались классы. Число желающихъ поступить въ Гимназію прибавлялось съ каждымъ днемъ, и достигло такой цифры, что педагогическій совѣтъ долженъ былъ прекратить дальнѣйшій пріемъ, по совершенному недостатку помѣщенія. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа воспитанницъ изъ всѣхъ сословій, росло и сочувствіе общества къ гимназіи. Сочувствіе это выразилось въ желаніи многихъ дамъ, (кромѣ тѣхъ, которыя приняли на себя званіе класныхъ дамъ еще до открытія училища), взять на себя такія же обязанности.

Полтавская женская гимназія, въ своей учебной организаціи и во многихъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ особенности, которыя ее отличаютъ отъ существовавшихъ до-нынѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Гимназія раздѣлена на 7 классовъ; первый называется приготовительнымъ: туда поступаютъ, безплатно, дѣти незнающія вовсе грамоты, или знакомыя только съ азбукою; въ прочіе классы принимаются по экзамену и съ платою 10 р. ср. въ годъ за общій курсъ. Желающія платятъ еще за обученіе музыкѣ 25 р. и танцамъ — 5 р. ср., въ годъ. Сверхъ того, желающимъ преподается англійскій языкъ, съ платою 2 р. ср. за урокъ, сколько бы въ классѣ ни было воспитанницъ. Послѣдовательность преподаванія распредѣлена такъ, что курсъ 2, 3 и 4 классовъ представляетъ законченость въ краткомъ объемѣ преподаваемыхъ предметовъ; съ 5 класса начинается высшее отдѣленіе гимназіи, и предметы преподаванія получаютъ большее развитіе; съ 6 класса входятъ въ курсъ педагогика, гигіена, очеркъ русскихъ основныхъ законовъ о государственномъ устройствѣ и о гражданскихъ правахъ, и домоводство. Кромѣ ученицъ, допускаются въ гимназію и вольныя слушательницы, которыя, за право слушанія лекцій, платятъ тоже 10 р. въ годъ. Въ настоящее время открыты 6 классовъ; въ 6-й классъ нѣкоторыя поступили ученицами для продолженія своего домашняго воспитанія, и кончившія учебные курсы частныхъ пансіоновъ. Вольными слушательницами поступили кончившія или домашнее учебное образованіе, или пансіонское; многія изъ

нихъ посѣщаютъ всѣ лекціи 6 класса, другія только нѣкоторыя лекціи, по выбору (1).

Наша гимназія не только открытое учебное заведеніе для учащихся, но также открыта и для общества. Всякій, сказавшись начальницѣ, можетъ посѣтить гимназію.

И вотъ, уже три мѣсяца какъ стройною, тихою жизнію живетъ Полтавская гимназія, пріобрѣтая каждый день болѣе и болѣе довѣрія и убѣждая общественное сознаніе въ пользѣ такого учебнаго заведенія. При видѣ той добросовѣстности, той любви, съ какою всѣ участвующіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, исполняютъ принятыя на себя обязанности, сочувствіе больше и больше распространяется въ обществѣ. Достойнѣйшій примѣръ подаетъ всѣмъ начальница. Счастливѣе выбора нельзя было сдѣлать: дѣятельность г-жи Данилевской сосредоточена преимущественно на гимназіи; ежедневно, отъ 9 до 3-хъ часовъ, она тамъ, внимательная ко всему и одинаково-ласковая ко всѣмъ воспитанницамъ, изъ которыхъ многія не привыкли къ ласкѣ и вниманію постороннихъ.

Полтава справедливо можетъ гордиться своей гимназіей, которая вызвана къ жизни единственно сознаніемъ пользы общественной, и созидается не на богатыя приношенія богатыхъ гражданъ, а на великодушной жертвѣ тружениковъ, приносящихъ весь свой капиталъ — знаніе и время. — Пожелаемъ, чтобъ содѣйствіе общества соотвѣтствовало той пользѣ, которую, несомнѣнно, доставитъ ему это учрежденіе и тому благородству, терпѣнію и настойчивости въ стремленіи къ достойной цѣли, которое показали на дѣлѣ учредители. Христіанское общество должно помнить завѣтъ Христа: »кто приметъ одно дитя во имя мое, тотъ меня приметъ.«

Средства гимназіи далеко несоразмѣрны съ ея назначеніемъ, и потому невольно представляется тревожный вопросъ: неужели это прекрасное явленіе нашей общественной жизни будетъ существовать только 7 лѣтъ! Собранная до-сихъ-поръ сумма, ежегодные взносы, плата за право ученія и благотворительныя предпріятія, со всею вѣроятностію, покроютъ, въ теченіи 7 лѣтъ, издержки на наемъ помѣщенія, отопленіе, жалованье смотрительницѣ, прислугѣ и другія необходимыя издерж-

(1) Въ настоящее время составъ гимназіи слѣдующій: начальница, учителей 68, классныхъ дамъ 42; учениць: въ 1-мъ классѣ въ 1-мъ отдѣленіи 37, во 2-мъ отдѣленіи 53; во 2-мъ классѣ 56; въ 3-мъ 23; въ 4-мъ 16, въ 5-мъ 11, въ 6-мъ 9. Вольныхъ слушательницъ 14. На жалованьи: смотрительница гимназіи, 4 служанки и 2 сторожа. *Соч.*

ки. Но когда къ этимъ издержкамъ нужно будетъ присоединить самую значительную:—плату учителямъ, начальницѣ и класснымъ дамамъ,—откуда явятся на это средства??

Пусть разрѣшитъ этотъ вопросъ общество, т. е. — какъ я понимаю—соединеніе всѣхъ сословій, для которыхъ—для всѣхъ безъ различія — открыты двери женской гимназіи (1).

Житель Полтавы.

ИЗЪ-ПОДЪ КІЕВА.

(17 декабря 1860).

Замѣтка о граматкѣ г. Кулиша, изданной въ 1857 году, въ Петербургѣ (2). Эта книжица, просмотрѣнная духовною и свѣтскою цензурою, и предназначенная для простолюдиновъ и для людей, не получившихъ школьнаго образованія, возбудила у насъ въ Кіевѣ различные толки. Одни говорили: *благо!* другіе же: *ні, но льститъ языки.* Хвалители съ хулителями діаметрально расходились во мнѣніяхъ. Появленіе и немедленное исчезновеніе *Грамáтки* въ Кіевѣ и, вообще, на правой сторонѣ Днѣпра, казалось намъ необъяснимымъ и предвѣщало ей мало успѣха, не смотря на несомнѣнную и давнюю потребность въ книгѣ для народнаго обученія. — Между тѣмъ, Граматка сдѣлалась рѣдкою; въ отвѣтъ на наше требованіе о высылкѣ довольно значительнаго числа экземпляровъ, насъ извѣщаютъ, что она ужъ разошлась. Кто были ея покупатели? Ужъ конечно не космополиты - Украинцы, которые пошли далѣе своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ въ равнодушіи къ своей народности. И не тѣ также обитатели Украины, которые убѣждены, что въ ней долженъ господствовать исключительно языкъ Чарнецкихъ да Конецпольскихъ, или Ломоносова

---

(1) Редакція »Основы« съ удовольствіемъ будетъ отправлять, по назначенію, пожертвованія въ пользу Полтавской женской гимназіи и другихъ народныхъ училищъ, нуждающихся въ пособіи. Въ каждой книжкѣ »Основы« будутъ печататься свѣдѣнія о количествѣ и употребленіи пожертвованій, если они получатся.

(2) Справедливость и желаніе полнѣе и безпристрастнѣе изучать мнѣнія южнорусскаго общества побуждаютъ насъ напечатать это письмо, касающееся одного изъ главныхъ сотрудниковъ »Основы«. *Ред.*

и Карамзина. Не жители столицъ и не жители большихъ городовъ. Кто же? Неужто убогіе поселяне, продолжающіе говорить роднымъ языкомъ въ своихъ семействахъ? Но вѣдь книжка не дешева для нихъ: *цѣна 50 к., съ пересылкою 70 к. сер.* Да и книжныхъ лавокъ въ уѣздныхъ городахъ у насъ не имѣется. Неужто они выписывали изъ столицъ? Дѣло невозможное! Издателя обвиняли у насъ въ высокой цѣнѣ, которую онъ назначилъ своей книжкѣ. Теперь, когда книжка разошлась, его будутъ обвинять еще больше. Говорятъ, *Грамáтка* напечатана въ 3,000 экземплярахъ. Съ уступкой книгопродавцамъ 20%, и съ вычетомъ издержекъ на изданіе, она должна доставить чистой выгоды болѣе 1,000 р. сер. Это слишкомъ большое вознагражденіе за такой малый трудъ. »Не напрасно г. Кулишъ любитъ украинскую народность!« восклицаютъ у насъ нѣкоторые. »Онъ работаетъ для нея не изъ одной любви къ предмету«, слышишь нерѣдко въ нашихъ кружкахъ (хотя этотъ путь къ обогащенію, если онъ возможенъ, никому не загражденъ). Но какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разошлась *Грамáтка*, напечатанная въ Петербургѣ и публикованная по высокой цѣнѣ? Мы объ этомъ развѣдывали и считаемъ своею обязанностію довести до общаго свѣдѣнія слѣдующіе факты. Въ Кіевѣ проводятъ зиму два богатые украинскіе помѣщика, которымъ издатель продалъ 1,000 экземпляровъ *Грамáтки* по 15 к. для раздачи крестьянамъ. Въ этомъ могутъ удостовѣриться многіе отъ нихъ самихъ, какъ отъ лицъ, очень замѣтныхъ въ нашемъ обществѣ. (Къ сожалѣнію, мы не вправѣ назвать ихъ здѣсь по именамъ). По расчисленіи издержекъ на напечатаніе (просимъ принять въ соображеніе достоинство бумаги и печати, виньетки и переплетъ) (1) оказалось, что издателю самому обошелся каждый экземпляръ дороже 15 к. Послѣ этого онъ продавалъ лицамъ, покупавшимъ книжку для убогой своей братіи, по 20 к. Мы знаемъ нѣсколько такихъ лицъ. Укажемъ еще на одинъ фактъ: въ Полтавѣ, просвѣщенные люди сдѣлали складчину, купили около 500 экземпляровъ Грамáтки по 20 к. сер. у коммиссіонера г. Кулиша, книгопродавца Э. Г. Чижака, и роздали убогимъ горожанамъ и поселянамъ. Что́ мы должны заключить изъ этого? То́, что *Грамáтка* напечатана собственно для тѣхъ, которые въ книжныя лавки не ходятъ

(1) Видно, что г. Кулишъ занимался Грамáткой съ теплою любовью, — не такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе производители книгъ для *низшаго класса*. Самый переплетъ доказываетъ, что г. Кулишъ позаботился и о томъ, чтобъ деньга, добытая кровепотнымъ трудомъ, не пропадала даромъ, чтобъ книжка не обратилась въ оборванные куски, прежде нежели ее прочтутъ.

и изъ большихъ городовъ книгъ не выписываютъ, а цѣна выставлена для людей, которые покупаютъ книги въ такую же цѣну, и которыхъ, на 5,000 экземпляровъ *Грамáтки*, едва ли имѣлось въ виду и 50 человѣкъ. Дѣйствительно, намъ пишутъ изъ Петербурга, что про *Грамáтку* и не слыхать тамъ по книжнымъ магазинамъ.

Итакъ, вотъ у насъ какъ оцѣниваются труды на пользу общую, труды скромные (авторъ не выставилъ своего имени) и безкорыстные. О *Грамáткѣ* г. Кулиша мы не читали ни одного печатнаго слова. Никто не обратилъ вниманія на замѣчательныя статьи, изъ которыхъ она составлена, на превосходный языкъ, какимъ она написана, а кривыхъ толковъ наслушались мы вдоволь. Нѣтъ больше *Грамáтки* г. Кулиша въ продажѣ. 5,000 ея разошлось въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ появленія въ продажѣ. Покупателями ея были люди убогіе, или тѣ, кто объ убогихъ и малосвѣдущихъ заботится. Этихъ фактовъ довольно для того, чтобы издатель былъ доволенъ своимъ трудомъ, за который онъ, по видимому, не получилъ ничего и не разсчитывалъ получить что-либо. А кривые толки онъ долженъ былъ предвидѣть.

П. Горницкій.

ИЗЪ АНАНЬЕВА (ХЕРС. ГУБ.)

(20 декабря 1860.)

Гдѣ грамота — тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье — тамъ добро.
А. Пушкинъ.

Спѣшу сообщить объ открытіи народной школы въ нашемъ околоткѣ, именно въ С. Черномъ-кутѣ. Школа эта устроена по мысли и желанію Николая Павловича Чернова, сына владѣлицы этого селенія. Преподаетъ въ ней Г. Шварцъ, кандидатъ правъ Кіевскаго Университета. — Когда я посѣтилъ школу, г. Шварцъ занимался съ своими слушателями урокомъ изъ географіи. Въ классѣ было 15 мальчиковъ, внимательно слушавшихъ преподавателя и съ толкомъ отвѣчавшихъ на вопросы, которые преподаватель задавалъ имъ въ теченіи своего разсказа.

Г-нъ Шварцъ держится прекрасной методы преподаванія на народномъ языкѣ, что́ для него, какъ для Нѣмца по рожденію, довольно трудно; но излагая свой предметъ потятно и занимательно, онъ постоянно поддерживаетъ вниманіе своихъ учениковъ. Принужденій въ этой школѣ никакихъ не существуетъ, приходятъ только желающіе. Въ день моего по-

сѣщенія было только 15 учениковъ, по случаю ненастной погоды, но въ другіе дни, по словамъ г. Шварца, собирается отъ 20 до 30.

При мнѣ и дѣвушки просили позволенія посѣщать школу, на что, разумѣется, изъявлено было полное согласіе. — Опасаюсь только за будущность этой школы, потому что г. Шварцъ, по обстоятельствамъ, врядъ ли долго здѣсь пробудетъ, и врядъ ли найдется достойный ему преемникъ. — Но какъ бы ни было кратковременно существованіе этой школы, она все таки, при методѣ преподаванія г. Шварца, принесетъ пользу, возбудивъ въ молодомъ поколѣніи охоту къ ученію; а нашъ народный поэтъ говоритъ:

Разъ добро́мъ нали́те се́рце
Вікъ не прохолбне....

Михаилъ Левченко.

изъ подоли.

(Декабрь, 1860.)

Сообщаю вамъ короткое свѣдѣніе о новомъ плугѣ помѣщика Подольской губерніи г. Краснова. Стараясь улучшить свое сельское хозяйство, г. Красновъ пришелъ къ убѣжденію, что вмѣсто введенія у насъ на югѣ заграничныхъ плуговъ, прекрасно примѣненныхъ къ мѣстнымъ требованіямъ, гораздо разумнѣе усовершенствовать нашъ, украинскій плугъ, съ недавна употребляемый въ черноземной полосѣ Россіи. Какъ бы ни была дурна конструкція послѣдняго, а все таки онъ не даромъ не могъ бытъ и до сихъ поръ вытѣсненъ изъ употребленія плугами иностранными.

Старанія г. Краснова увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Новый плугъ чисто желѣзный и, не смотря на то, не тяжелъ. Лучшимъ доказательствомъ его достоинства можетъ служить то, что многіе изъ окрестныхъ помѣщиковъ уже ввели его въ свои хозяйства, хотя онъ появился на свѣтъ только въ настоящемъ (1860) году. Цѣна его, на мѣстѣ — съ небольшимъ 16 р. с. Я слышалъ, что г. Красновъ намѣренъ устроить у себя большое заведеніе, въ которомъ будутъ изготовляться его плуги для продажи. Въ наступающемъ году я буду имѣть случай повѣрить собственнымъ опытомъ преимущества новаго плуга предъ другими. Проживая постоянно на югѣ, постараюсь сообщать въ »Основѣ« свѣдѣнія о ходѣ мѣстной торговли и промышленности.

П. Лобко.

ВОПРОСЫ РЕДАКЦІИ.

1. Неизвѣстны ли кому неизданныя еще историческія думы, пѣсни и преданія, также рукописные старинные дневники, записки, историческія повѣствованія, подъ названіемъ хроникъ, хроничекъ, лѣтописей, повѣстей и т. п.?

2. Не занимается ли кто изслѣдованіемъ юридическихъ народныхъ обычаевъ, стариннаго общественнаго устройства и промышленнаго быта южно-русскихъ городовъ и мѣстечекъ?

3. Не имѣетъ ли кто у себя снимковъ съ разныхъ старинныхъ и современныхъ замѣчательныхъ почему-либо построекъ и, вообще, не занимается ли кто наблюденіемъ надъ народною архитектурою и разнаго рода украшеніями, изстари употребительными въ южно-русскомъ краѣ?

4. Нѣтъ ли у кого каталоговъ старыхъ библіотекъ и архивовъ?

5. Какъ идетъ у насъ межеваніе, какъ принимается оно народомъ и какіе народные обычаи наблюдаются на югѣ при межеваніи?

6. Каковъ въ нынѣшнее время ходъ книжной торговли на югѣ, какія книги преимущественно раскупаются и читаются, сколько и какихъ именно журналовъ и газетъ наиболѣе выписывается въ разныя мѣста южно-русскаго края? Гдѣ и какія на югѣ типографіи?

Редакція принимаетъ на себя издержки какъ на доставленіе ей разныхъ матерьяловъ въ подлинникѣ или спискѣ, такъ и на почтовую переписку. Доставленныя рукописи будутъ, по минованіи въ нихъ надобности, возвращены въ полной сохранности. Уплата издержекъ можетъ быть сдѣлана деньгами или почтовыми марками, вложенными въ письмо.

Редакція проситъ читателей обратить вниманіе на объясненіе къ программѣ »Основы« и содѣйствовать ея задачѣ сообщеніемъ сообразныхъ съ программою статей и свѣденій, касающихся разныхъ сторонъ южно-русской жизни.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

П. П. Б-л-у-Н-с-у, въ Прилуки. Редакція весьма благодарна за доставленіе ей сочиненій П. П. Она дастъ объ нихъ отчетъ по прочтеніи, а между тѣмъ усердно проситъ сообщить подробное жизнеописаніе П.

П., или, по крайней мѣрѣ, свѣденія о дѣятельности его какъ педагога, и о послѣдствіяхъ этой дѣятельности.

Д. П. Г-в-р-л-у, въ Черный Яръ. Ожидаемъ обѣщанной статьи, чтобъ потомъ, согласно вашему желанію, высказать вамъ мнѣніе наше и о другихъ вашихъ опытахъ; а между тѣмъ просимъ васъ собрать свѣдѣнія о переселенцахъ съ юга въ Астраханской губерніи.

Н. С. Г-р-б-н-у, въ Одессу. Не получивъ отвѣта на письмо отъ 23 сентября, редакція находится въ неизвѣстности, какъ поступить съ статьею: »Очерки« — и проч. Она можетъ быть напечатана въ »Основѣ«, только съ весьма значительными сокращеніями и на опредѣлительныхъ условіяхъ, какіе сообщите, если, разумѣется, они будутъ приняты редакціею.

В. Эд. Д-к-у, въ Ахтырку. Редакція можетъ назначить плату за юридическіе акты только по разсмотрѣніи и опредѣленіи ихъ важности.— Архивъ, хранящій въ себѣ, по вашимъ словамъ, бумаги, писанныя за 600 лѣтъ до нашего времени, представляетъ необычайное у насъ явленіе. Хорошо ли вы ихъ разобрали??

Г.-Ѳ. К-ст-н-у, во Владиміръ. Весьма вамъ благодарны за письмо и за пѣсню.

П. Ал. Л-к-у, въ Харьковъ. Съ благодарностью принимаемъ ваше предложеніе — сообщать свѣденія о ходѣ торговли и промышленности на югѣ, и будемъ ожидать ихъ съ нетерпѣніемъ.

Неизвѣстному въ Козелецъ. Весьма благодарны вамъ за присланные по почтѣ юридическіе акты прошлаго столѣтія.

Н. Ив. Н-в-у, въ Одессу. Ждемъ отвѣта на наше письмо и надѣемся, что ваши труды будутъ полезны »Основѣ«.

П-р-л-к-н-му, въ Таганрогъ. Ваши стихи »К-б-нь Дн-пр-і« не могутъ быть напечатаны въ »Основѣ«. Земля В. Ч-м-го или К-б-н-го всегда будетъ входить въ кругъ предметовъ нашего вѣстника, такъ какъ онъ посвященъ изученію всего края, населеннаго южно-русскимъ народомъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ УКРАИНСКАГО СЛОВАРЯ.

Давно я началъ собирать матеріалы для украинскаго словаря, но безпрестанно попадающіяся въ печати и въ народномъ говорѣ новыя слова убѣждаютъ меня, что языкъ украинскій далеко еще не исчерпанъ моимъ собраніемъ. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, надобность въ

украинскомъ словарѣ дѣлается настоятельнѣе. Откладывать его изданіе до тѣхъ поръ, пока онъ не вберетъ въ себя всю наличность живой украинской рѣчи — значило бы останавливать, въ нѣкоторой степени, изученіе нашего языка въ читающемъ обществѣ, котораго вниманіе возбуждено въ послѣднее время нашею изустною и письменною словестностью. Сознаніе недостаточности моего собранія удерживаетъ меня отъ изданія далеко неполнаго лексикографическаго труда, но желаніе содѣйствовать уясненью украинской народности побуждаетъ меня сдѣлать общедоступнымъ многое, что́ до сихъ поръ было извѣстно только спеціалистамъ. Рѣшаюсь напечатать свой украинскій словарь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у меня находится. Но, какъ составленіемъ подобнаго словаря, безъ сомнѣнія, занимаются многіе неизвѣстые мнѣ любители нашего родного слова, то я прошу ихъ прислать мнѣ свои сборники. Печатаніе словаря не можетъ идти быстро, по необходимости — держать корректуру нѣсколькимъ лицамъ, а потому всякая присылка поспѣетъ во́-время. Кромѣ того, я нарочно откладываю печатаніе до февраля, настоящаго года, чтобы дать время прислать ко мнѣ вспомагательные матеріалы. Считаю нужнымъ прибавить, что словарь мой будетъ заключать въ себѣ, во первыхъ, слова́, употребляемые народомъ въ разговорахъ; во вторыхъ, слова́, выбранныя изъ народныхъ пословицъ, пѣсень, преданій, сказокъ и т. п.; въ третьихъ, слова, содержащіяся въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей. При каждомъ словѣ будетъ одинъ или нѣсколько примѣровъ его употребленія. Для того, чтобы представить слово не въ изолированномъ, сухомъ, лексиконномъ видѣ, а въ его живой обстановкѣ, я выбиралъ лучшія, характеристическія мѣста изъ народной поэзіи и литературы. Такимъ образомъ, словарь мой будетъ вмѣстѣ и христоматія небольшихъ отрывковъ, которыхъ чтеніе познакомитъ каждаго съ нашей рѣчью, въ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ. Въ предисловіи къ словарю будетъ помѣщена краткая грамматика украинскаго языка.

Какъ ни мало удавлетворяетъ самого меня этотъ лексикографическій трудъ, но появленіе-то его въ его несовершенномъ видѣ и вызоветъ скорѣе всего замѣчанія и дополненія, которыхъ теперь мнѣ не достаетъ, для окончательной его полноты и совершенства, при всемъ содѣйствіи, которое мнѣ оказываютъ нѣсколько моихъ соотечественниковъ, работающихъ, здѣсь въ Петербургѣ, вмѣстѣ со мною на литературномъ поприщѣ, именно: А. М. Барвинокъ, В. М. Бѣлозерскій; Н. И. Костомаровъ, А. В. Марковичъ, Н. Д. Мизко, М. Т. Номисъ, А. Л. Пестржецкій, Т. Г. Шевченко, М. Г. Щербакъ и другіе.

П. Кулишъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ РИСУНКОВЪ ИЗЪ ЮЖНОРУССКОЙ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ.

Во время своихъ путешествій по разнымъ частямъ Россіи, я собиралъ народныя сказки, преданія, повѣрья и пѣсни, а также старался схватить особенности лицъ и одеждъ, различныя мѣстности и проявленія архитектурнаго вкуса, доказывающія возможность существованія нашего самобытнаго народнаго зодчества. Изъ собраннаго мною запаса рисунковъ и замѣтокъ, я издаю тѣ, которыя относятся до Украины, надѣясь этимъ принести пользу, сколько-нибудь ускоривъ изученіе нашей народности.

Если это собраніе рисунковъ заслужитъ вниманіе хотя немногихъ просвѣщенныхъ любителей южно-русской народности,—ежели мой трудъ пробудитъ искреннее сочувствіе хотя бы въ одномъ сердцѣ и *положитъ начало новому, болье обширному, собранію*, — то цѣль моя достигнута.

Для доставленія предлагаемому изданію бо́льшей достовѣрности, и для облегченія любителямъ наводить справки, — при каждомъ рисункѣ будетъ указаніе — съ чего́ и когда́ онъ сдѣланъ. О художественномъ достоинствѣ рисунковъ — буду стараться по мѣрѣ силъ.

Ка́къ было бы любопытно увидѣть теперь подобное собраніе рисунковъ не только изъ жизни отдаленныхъ временъ Козачества, но и гораздо позднѣйшихъ! Какая это была бы подмога теперь, для историческихъ картинъ, для этнографіи, археологіи и самой исторіи! Иногда безлѣлица объясняетъ цѣлый рядъ вѣрованій и историческаго развитія.

Трудъ мой не есть спеціальное изданіе древностей, археологіи, или народной архитектуры: сюда войдетъ все это, какъ часть цѣлаго, въ связи съ современною жизнію, — какъ впечатлѣнія путешественника. Собирая рисунки, я не всегда имѣлъ возможность оканчивать ихъ на мѣстѣ, а потому они и будутъ передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ были сдѣланы, безъ малѣйшаго дополненія или измѣненія. Я дорожилъ

чертою, которую добылъ съ натуры, и не дозволялъ себѣ дальнѣйшаго окончанія въ кабинетѣ, боясь впасть въ ошибки отъ самовластныхъ догадокъ.

Я буду благодаренъ каждому за всякое дѣльное замѣчаніе, — а тѣмъ болѣе — за доставленіе мнѣ рисунковъ современныхъ ли, съ натуры, — или старинныхъ; но прошу *точно* указывать — гдѣ рисунки собраны, отъ кого получены, въ какое время, съ чего сняты и, даже, при какихъ обстоятельствахъ. Поясненія къ рисункамъ, иногда довольно пространныя, будутъ, по мѣрѣ надобности, помѣщаемы въ »Основѣ«.

Я готовъ помѣщать въ своемъ изданіи также и произведенія художниковъ, изображающія мѣстность и жизнь южно-русскую, но только тогда, когда буду имѣть возможность — сдѣлать съ оригинала снимокъ самый точный, вполнѣ передающій мысль и чувство художника.

Изданіе поступитъ въ продажу *съ апрѣля мѣсяца* настоящаго, 1861, года будетъ выходить два рисунка каждый мѣсяцъ. Хотя выпускъ рисунковъ начнется съ апрѣля, но въ теченіи года выйдутъ всѣ 24 рисунка.

Имѣя прямое сношеніе съ Парижемъ, и получая матеріалъ оттуда изъ первыхъ рукъ; рисуя, гравируя и печатая самъ, — я избавляюсь отъ большихъ издержекъ, и потому могу избавить и публику отъ лишняго расхода, назначая цѣну: *4 р. ср. съ пересылкою* за годовое изданіе, состоящее изъ 24-хъ рисунковъ,—*для тѣхъ лицъ, которыя подписались на »Основу«*, а для прочихъ—*5 р. ср. безъ пересылки* и *6 р. ср. съ пересылкой*; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 коп. сер., а за всѣ 24 рисунка, вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначится цѣна *6 р. ср. безъ пересылки*.

Всѣ рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую, бѣлую, лучшую французскую бумагу, въ размѣрѣ »Основы«. Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно.

Желающихъ получать мей *Украинскій Альбомъ* покорнѣйше прошу четко и точно прописывать свою фамилію и мѣсто жительства и обращаться съ требованіями на имя *Льва Михайловича Жемчужникова, въ С. Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ по 10 линіи, въ домѣ Соловьева;* или на имя редактора »Основы«, *Василія Михайловича Бѣлозерскаго, въ С. Петербургѣ, у Круглаго рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

Левъ Жемчужниковъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 1-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Замѣтка. Прилагая объясненіе неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ къ первой книжкѣ, редакція намѣрена продолжать это во все время изданія «Основы», но для избѣжанія напрасныхъ повтореній, въ послѣдующихъ книжкахъ будутъ помѣщаемы тѣ только слова, которыя не вошли въ предшествовавшія.

Южнорусскій языкъ, которымъ говоритъ 14 милліоновъ народа, на огромномъ пространствѣ, съ весьма разнообразными мѣстными условіями климата, почвы, образа жизни, исторіи, вѣрованій, характера и нравовъ, отразилъ въ себѣ это разнообразіе природы и жизни, и сложился въ нѣсколько нарѣчій и говоровъ.

При недостаткѣ у насъ словарей, путешествій, народоописаній, никто, безъ—сомнѣнія, не можетъ похвалиться совершеннымъ знаніемъ всѣхъ оттѣнковъ южнорусскаго языка. Мы не разъ были свидѣтелями филологическихъ споровъ, которые ничѣмъ не рѣшались, въ которыхъ противники не убѣждали ни себя взаимно, ни слушателей, оттого, что каждый зналъ лишь бо̀льшую или меньшую часть (но только часть) своей родной земли, прислушался къ говору, видныхъ лишь съ своего берега, волнъ широкаго, вѣками образовавшагося, моря народной рѣчи.

Съ тѣхъ поръ какъ стали внимательнѣе изучать человѣка вообще, важность познанія какого бы то ни было языка, хотя бы самаго бѣднаго, признана всѣми. Познаніе *нашего* языка, во всей его обширности, важно какъ средство для полнѣйшаго выраженія жизни, думъ чувствъ нашего народа, какъ необходимое естественное орудіе для его образованія. Изданіе южнорусскаго словаря, предпринимаемое

П. А. Кулишомъ, восполнитъ одинъ изъ чувствительнѣйшихъ недостатковъ нашего языкознанія, но этого еще мало. Словарю необходимо держаться опредѣленной системы, а извѣстно, что никакая система не въ состояніи обнять всего разнообразія жизни, всѣхъ, часто мало-замѣтныхъ, почти-неуловимыхъ, тонкостей и особенностей живаго народнаго слова. Чтобъ приблизить время полнѣйшаго филологическаго познанія или по крайней мѣрѣ подготовленія данныхъ для обработки нѣкоторыхъ частей въ нашемъ языкознаніи, для грамматики, фонетики, и т. д., редакція «Основы» признаетъ единственнымъ, возможнымъ въ нынѣшнее время, средствомъ — просить всѣхъ, кто знаетъ народный языкъ, или можетъ, по мѣсту своего жительства, прислушиваться къ народному говору: 1) сообщать въ редакцію «Основы» замѣчанія обо всѣхъ отличіяхъ (въ произношеніи, удареніяхъ, значеніи словъ и т. п.) мѣстнаго нарѣчія отъ того, какое употребляется писателями, участвующими въ «Основѣ»; 2) независимо отъ этихъ частныхъ замѣтокъ, сообщать и самыя краткія и отрывочныя наблюденія надъ языкомъ, и болѣе значительные филологическіе труды; 3) съ величайшею точностью и подробностью указывать мѣстность, а если возможно — происхожденіе, состояніе и мѣсто жительства лица, отъ котораго услышано слово или выраженіе, въ новомъ видѣ, даже самыя обстоятельства, при которыхъ сдѣлано наблюденіе; и 4) при доставленіи руководствъ по разнымъ учебнымъ и хозяйственнымъ предметамъ на народномъ языкѣ (*), объяснять — какого нарѣчія сочинитель держался при составленіи своей книги, — гдѣ встрѣчалъ малоупотребительныя слова, имъ принятыя, — какимъ соображеніемъ онъ руководствовался, составляя новыя слова для выраженія новыхъ понятій, и для названія предметовъ, не вошедшихъ еще въ кругъ народной жизни, и почему предпочелъ свое слово тому, которое, съ подобнымъ же значеніемъ, употребляется въ живой рѣчи, въ изустной словесности, или же въ письменныхъ, старинныхъ и новѣйшихъ, произведеніяхъ.

Дѣло созидается совмѣстнымъ трудомъ многихъ. По частнымъ замѣткамъ, дружно и добросовѣстно собираемымъ, мы мало-по-малу уяснимъ себѣ и другимъ нашъ языкъ во всемъ его объемѣ и положимъ начало той обработкѣ роднаго слова, которой уже достигли другіе наши

(*) Редакція уже имѣетъ ввиду священную исторію, ариѳметику и геометрію нелалаж бы получить географію, космографію, физику и проч.

соплеменники съ помощью многихъ писателей, обществъ, академій, журналовъ, и т. п. Разумѣется, нашъ трудъ будетъ полонъ недостатковъ; мы слишкомъ отдалены отъ народа, чтобъ создать литературный языкъ, который обнялъ бы весь духъ его и поднялъ на высшую степень его нравственное развитіе; многое изъ того, что̀ намъ теперь нравится, народъ со временемъ, быть можетъ, отвергнетъ; но тѣмъ почтеннѣе будутъ въ глазахъ его безкорыстныя усилія людей, разработывающихъ родной языкъ съ главною цѣлью—послужить честно нашимъ *хлібороб̀амъ*, нашей сиротствующей въ умственномъ уединеніи, братіи, такъ долго и терпѣливо намъ служившей,—послужить въ томъ, чѣмъ теперь нѣкогда ей заняться. — *В. Б.*

Аби́—лишь бы.
Або́—или; развѣ.
Авжеже́ж—конечно, разумѣется.
Аделі, аделе́, а да́лі—затѣмъ; наконецъ.
Аже́—вѣдь.

Багати́рь,-ъ—богатый, богачъ.
Бага́то, бага́цько—много.
Бади́лле, баділля—ботва, бурьянъ, большіе стебли грубыхъ травянистыхъ растеній.
Байду́же—нипочемъ, все равно.
Байра́къ — долина, поросшая лѣсомъ.
Бала́кати—говорить, разговаривать.
Барвінокъ (vinca) — любимое народомъ растеніе, не теряющее зелени и зимою.
Бари́тись—мѣшкать.
Баштáнъ—бахча.
Бджола́—пчела.
Безнапа́сний — безпечальный, блаженный.
Безсу́мний—беззаботный, веселый.
Бідола́ка, бідола́ха—бѣднякъ.
Бігти—бѣжать.
Бода́й—т. е. Богъ дай—пускай.
Божевільний—помѣшанный.
Боржій—скорѣй.
Борікáти—бодать.
Бороня́ти — препятствовать, запрещать; оборонять.
Бо́рошно—мука́.
Бо́язко—робко; страшно.
Благáщий—умоляющій.
Бли́скавка,-ви́ця—молнія.
Блука́ти,—сь—волочиться, бродить.
Бра́ма—большія ворота.
Братъ у-дру́гихъ — двоюродный братъ.
Брехня́—ложь.
Бубле́шниця, бубле́йниця—приготовляющая и продающая бу́блики.
Бу́бликъ—баранокъ, обварной крендель.
Бу́бонці—бубенчики.
Буди́нокъ—зданіе; господскій домъ.
Бу́дка—бричка.
Бузуві́ръ—басурманъ, изувѣръ.
Бурлакува́ть — оставаться неженатымъ.
Бу́ча—шумная ссора.
Бу́чний—пышный, роскошный, шумный.

Ва́дити—вредить, злоумышлять; клеветать;—тошнить.
Ва́житись—отваживаться, рѣшаться.
Ва́жко—тяжело.
Вапе́нникъ—производитель извести.
Ва́рта—стража.
Вартува́ти—сторожить.
Вбача́етця—усматривается, видно.
Вбіра́тись—одѣваться.
Вважáти—обращать вниманіе.
Вва́жливо—внимательно.
Ввічливий—внимательный, предупредительный.
Вгава́ти—умолкать, утихать; переставать.
Вда́ча—характеръ; удача.
Вдяга́ти—одѣвать.
Ве́лико—много.
Величе́нний—огромный,большущій.

Вередова́ти — капризничать, прихотничать.

Ве́рхи—верхомъ.

Весі́лля—свадьба.

Вжахну́тись—испугаться, встревожиться.

Вибача́ти—извинять.

Ви́гадка—выдумка, затѣя.

Вигодо́вувати—выкармливать, выращивать.

Ви́гукнуть—выкрикнуть.

Видъ—лице; образъ.

Ви́зволитись—высвободиться.

Ви́кохати—воспитать, вырастить.

Вимага́ти—домогаться.

Ви́мовити — вымолвить, проговорить; произнесть; укорить; выговорить (при условіяхъ).

Ви́нний—виновный, должникъ.

Випаля́ти—стрѣлять; выжигать.

Виряжа́ти—провожать, отправлять, снаряжать.

Ви́слебизувати — высказать, выяснить.

Ви́співати—пропѣть (отчетливо).

Витришкова́тий—пучеглазый.

Вишу́кувати—изыскивать; отъискивать, находить.

Вищі́ти,-а́ти — визжать.

Відмага́тись — отговариваться.

Віда — извѣщеніе, увѣдомленіе.

Відра́дісно — отрадно.

Віко́ниця — ставня.

Ві́но — приданое.

Віри поня́ти — повѣрить.

Вірши віршува́ти — слагать стихи.

Віта́ти — приглашать; привѣтствовать.

(Вічи) очи, у вічи — глаза, въ глаза.

Віщува́ти — предвѣщать.

Вквіча́тись — убрать голову цвѣтами.

Вклепа́тись—наладить на одно, броситься на что-нибудь.

Вкли́кати — позвать.

Вку́пі — вмѣстѣ.

Вла́сне — точно, именно, будто.

Власка́витись — умилостивиться.

Вмічáти — замѣчать.

Вмовля́ти — уговаривать.

Ворухну́тись — шевельнуться.

Впинъ — у́держъ, угомонъ.

Впиня́ти — удерживать, останавливать.

Впно (опечатка) вм. вапно́, ва́пна—и́звесть.

(Вподо́ба) До вподо́би — по душѣ.

Вподо́бати — полюбить.

Впо́рати — покончить.

Випридо́бити — снабдить, устроить.

Вродли́вий — красивый.

Всипля́ти — спать, досыпать.

Втекти́ — уйти.

Вто́ма — усталость, истома.

Втруча́ти — вмѣшивать.

Вхі́дчини, вхо́дини— обычай угощенія, связанный съ новосельемъ и освященіемъ хаты.

Вхітний — желающій, охотникъ.

Вхопи́ти — схватить.

Вхопи́тись — ухватиться.

Вчи́нокъ — дѣло, поступокъ.

Вчу́ти — дослышать.

Въ-оста́ннє — въ послѣдній разъ.

Габа́—парча.

Гада́ти — думать, раздумывать, замышлять.

Гадю́ка-чка — змѣя, змѣйка.

(Га́ітця)—га́ятись—мѣшкать.

Гай—роща.

Гайдама́ка — самозванный козакъ, бунтовщикъ; разбойникъ.

Га́нити—порицать, порочить.

Ганчі́рка — тряпка.

Ганьба́—безчестіе.

Гара́здъ — крѣпко, совсѣмъ, хорошо, какъ слѣдуетъ.

Гарбу́зъ—тыква.

Га́рно—хорошо, красиво.

Геть!—прочь.

Ги́нути—погибать.

Гільля́стий—вѣтвистый.

Гле́чикъ—кувшинъ.

Гніпити—гнести.

Годи́нка—часочекъ; хорошая погода.

Годи́ти—угождать.

Го́ді!—полно! довольно!

Го́дно—достойно; слѣдуетъ.

Го́лосно—громко.

Го́мінъ—говоръ, шумъ.

Гончáрь,-ъ—горшечникъ.

Гори́ще—чердакъ.

Госпо́да—домъ, дворъ.

Господа́рство—хозяйство.

(Гости́на) у-гости́ну—въ гости.

Горобе́ць—воробей.

Гороби́на—рябина; грабина.

Гра́йворонъ, га́йворонъ—грачъ.

Гракъ—грачъ.

Грімнути—вскрикнуть на кого, забранить.

Грома́да — общество; мірская сходка.

Грома́дський—общественный, мірской.

Гру́бка—печка.

Гру́кнути, грю́кнути — стукнуть, хлопнуть (дверьми), загремѣть.
Грукотня́—стукъ.
Гука́ти—громко звать, восклицать.
Гукъ—звукъ густой, сильный.
Гурки́, гуро́къ, угіро́къ—огурцы, огурецъ.
Густи́—гудѣть.
Гущо́вина, гущиня́ — глушь (лѣсная).
Гучли́вий—гудящій, жужжащій.

Да́лебі, да́либі—ей-Богу.
Данна́—заговорное (волшебн.) питье.
Даре́мне—напрасно.
Дарма́!—ничего!
Да́рмо, да́рма—напрасно, даромъ.
Дба́ти—заботиться, пріобрѣтать.
Движіти—двигаться, дрожать, рѣять.
Де́—гдѣ.
Деренча́ть—дребезжать.
Десь—гдѣ-то, вѣроятно.
Дзвінъ—колоколъ.
Дзвінки́й—звонкій.
Дзвінни́й—громкій, какъ колоколъ.
Дзво́нами см. Дзвінъ
Диви́тись—смотрѣть.
Дивова́ти—дивиться.
Дитина—дитя, ребенокъ
Дівча́, дівча́та—дѣвушка, дѣвицы.
Дівчина—дѣвушка.
Дідуга́нъ—глубокій старикъ.
Дідько—чортъ.
Дісне — именно, настоящимъ образомъ, въ-точности.
Добача́ти—увидѣть, досмотрѣться.
Добри́ти—одобрять, хвалить.
Добро́дій—господинъ, сударь; благодѣтель.
Добро́мъ—совершенно.
Довідатись—узнать, развѣдать.
Довіку—до смерти, навѣкъ.
Дово́дити—доказывать, выставлять, убѣждать.
Дога́на—опороченіе, обида.
До́глядъ—надсмотръ, попеченіе.
Догоди́ти—угодить.
Доку́пи—въ одно мѣсто, вмѣстѣ.
Долівка—полъ (земляной), долъ.
Долига́ти — донимать, безпокоить, тяготѣть.
Доло́ня—ладонь.
Домови́на—гробъ.
Допрікъ—упрекъ, укоръ.
Дорика́ти—упрекать, укорять.
Дорожне́та—дороговизна.
До-сподо́би—по вкусу, по праву, по сердцу.
Доступи́ти — получить; подойти; достигнуть.
Доторкну́тись—дотронуться.
Дочува́ти—слышать; ощущать (запахъ).
Дра́гліти — дрожать, нависнуть (о тучахъ).
Дрібне́нько—мелко; часто, скоро (уменьшит.).
Дробина́—домашняя птица.
Друкова́ти—печатать (типограф.).
Дука́чъ — металлическое украшеніе, привѣшенное къ монисту,-чаще всего золотая монета, съ изображеніемъ Божьей Матери.
Дури́ти—обманывать.
Дурни́й—глупый, дуракъ; сумасшедшій.
Ду́рно — напрасно, незаслуженно, безъ-основанія.

Едва́бъ—шолковая матерія.
Едина́чка—единственная дочь.

Жа́ба—лягушка.
Жада́ти — сильно желать, жаждать.
Жадібка—желаніе, жажда.
Жа́дний—никакой.
Жадо́ба—желаніе, жажда.
Жа́лощі—сѣтованіе; соболѣзнованіе.
Жа́лувати—жалѣть; ласкать.
Жаль—горесть, сожалѣніе, сокрушеніе.
Жари́на—раскаленный уголёкъ.
Жа́ртъ—шутка.
Жаха́ннє, вжаха́ння—ужасъ, тревога.
Жахну́тись—ахнуть, ужаснуться.
Жва́вий—оживленный, живой, молодцоватый.
Жда́нки—ожиданія.
(Женé)гна́ти—гнать; бѣжать сильно.
Живоси́ломъ—насильно.
Жи́тній—ржаной.
Жме́ня—горсть.
Жовні́ръ—солдатъ (польскій).
Жо́дний—ни одинъ, никакой.
Жонки́—женщины; жены.
Жоренъ—жерновъ.
Жупа́нъ—кафтанъ особаго покроя.
Журба́—тоска, гореванье.
Журі́ти—печалить.
Журли́во—тоскливо, печально, задумчиво.

За́бавка—забава, игра; игрушка.
Забажа́ти—пожелать сильно.
Забари́ти—задержать, замѣдлить.
Заби́ти—убить; ушибить.
Забороня́ти—запрещать.
Завважа́ти—замѣчать.
Завво́лити—захотѣть, изъявить желаніе.
Завернýтись — воротиться.
Завести́сь—начать ссору, заспорить.

Завідати—навѣстить.
Завістйти—извѣстить, объявить.
Завітáти—навѣдаться; пригласить.
Зáвсіди | Завсюди | всегда.
Загадáтись—задуматься.
Загúнути—погибнуть.
Загомонíти—заговорить.
Зáгорода—скотный дворъ.
Загостювáти—загоститься.
Загубúть—потерять.
За-гýртъ—вмѣстѣ, вообще.
Задлúтись—замедлить, промѣшкать.
Заживáти—употреблять.
Зажурúти—опечалить.
Заздалегíдь—задолго, заблаговременно, напередъ, прежде времени, съ далека.
Зазнáтись—познакомиться, сознаться.
Займáти—трогать, задѣвать.
Заказáти—запретить.
Закаблýки—подборы каблуки.
Заквілúть—заголосить.
Закохáтись—влюбиться, пристраститься.
Закрáпити—закáпать.
Залётчикъ—сватающійся, искатель.
Залицáтись—ухаживать, волочиться.
Залишúть—оставить безъ вниманія, кинуть, забыть.
Заміня́ти—промѣнять.
Замліти — лишиться чувствъ.
Замóжний — богатый, зажиточный.
Замутúтьця — взволноваться.
Занедбáти — пренебречь, забыть, запустить.
Занедýжать — заболѣть, занемочь.
Занепадáти — хворать.
Занехáти — пренебречь, запустить.
Запалúти — зажечь.
Запéклий — закоренѣлый, закоснѣлый.
Запитáти — спросить.
Заплю́щити — зажмурить (глаза).
Запобíгти — въ пору спохватиться, предупредить.
Запóмнити — (Клим.) забыть.
Запрядáти — пряжей заработывать хлѣбъ.
Запсувáти — испортить.
Зáразъ — тотчасъ.
Зарáні — съ позаранку, съ ранняго утра.
Зарвáтись — броситься необдуманно.
Зарýчена — обрученная.
Зарýчини — обрученіе.
Засмáлений — загорѣлый, обожженный.
Засорóмитись — застыдиться, потупиться.
Зáстувати—заслонять свѣтъ собой, (застить).
Засягтú — достичь, захватить.
Затóго — скоро уже.
Затрусúтись — задрожать.
Затýла—защита, убѣжище.
Зачепúти — зацѣпить, завязать, задѣть.
Зачинúтись — затвориться.
Зачипáти — затрогивать.
Зáхідъ — сборы, приготовленія.
Заховáти — спрятать.
Зацвірінькати — зачирикать.
Збавля́ти—лишать, уменьшать; губить.
Збагнýти—уразумѣть, понять.
Збáчити — извинить.
Збúтий — избитый.
Збíжжа, збóже — движимое имущество: зерновой хлѣбъ, домашняя рухлядъ и др.
Збіліти — поблѣднѣть.
Зборонáти — мѣшать, препятствовать.
Збýти,-сь — лишиться, потерять.
Звáжитись — отважиться, рѣшиться.
Звертáти — поворачивать; сворачивать.
Звестúсь — подняться, встать (съ мѣста).
Звúкнути — привыкнуть,
Звичáйненько (уменьш.) — прилично, мило.
Звíтки — откуда.
Звóлитись — захотѣть, согласиться.
Згáдувати — вспоминать.
(Згáрний) Незгáрний — неспособный.
Згля́нутись — умилостивиться.
Згордувáти — пренебречь.
Згорнýти — сложить, прижать.
Згукнýть — вскрикнуть, воскликнуть.
Здивовáтись — изумиться, удивиться.
(Здійметця) здійня́тись, зня́тись — подняться, взлетѣть.
(Здолáвъ) здоліти, здолáти—быть въ состояніи, въ силахъ, мочь.
Здорóвий — большущій; здоровый.
Здóрово — крѣпко, много; здорово.
Земляни́нъ — постоянный житель въ сельскомъ обществѣ.
Зирнýти—зиркнýти — взглянуть.
Зілúна — былинка.
Зілля́ — растенія.

Зірка—звѣзда (на небѣ).
Зітхну́ти — вздохнуть.
Зли́шнёго — слишкомъ.
Зло́дій — воръ.
Злу́щити—соскоблить, счистить.
Змага́тись — спорить, мѣряться, не смалчивать.
Змалюва́ти — нарисовать красками.
Змарні́ти — перемѣниться къ худшему (о наружности), исхудать.
Зміркува́тись — столковаться.
Знатни́ця — знахарка.
Зневага — неуваженіе, униженіе.
Зневажа́ти — унижать, лишать уваженія.
Зненацька—внезапно, нечаянно.
Зозу́ля, зузу́ля — кукушка.
Зо́рі — звѣзды (небесныя).
Зостріти — встрѣтить.
Зотрива́ти—обождать, повременить.
Зра́дити — измѣнить.
Зрадіти — обрадоваться.
Зроби́ти — сдѣлать.
Зру́шити — тронуть, взволновать.
Зупиня́тись — останавливаться.
Зу́спіти — встрѣтить, завидѣть.
Зъ-бо́ку — со стороны, съискоса.
Зъ-гори́ — сверху, поверхъ.
Зъора́ти — вспахать.

Изно́въ — снова.
И́нколи — иногда.
(Ийме́тця), ня́тись—браться, итти.
(Ймися) ня́тись — стремиться, желать, браться.
Ймовірний — довѣрчивый; достойный вѣры.

Каду́къ — нечистая сила.
Катъ—палачъ, мучитель.
Кайда́ни—кандалы; цѣпи.
Каченя́—утёнокъ.
Кватирочка—форточка въ окнѣ.
Ква́питись—льститься, завлекаться, бросаться на что.
Квіліти—стонать, жаловаться, голосить; пищать.
Кволій—слабѣе.
Кий—палка.
Кільки—сколько, нѣсколько.
Кісни́ки—узенькія ленточки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шерстяныя и даже снурочки, по большей части красныя—вплетаются дѣвушками въ косы.
Клу́ня — рига.
Кова́локъ—кусокъ.
Кова́ль—кузнецъ.
Кожуша́нка—крытый женскій тулупчикъ.
Ко́їтись—совершаться (о дурномъ).
Коли́—когда; если.
Коли́-бъ—если-бъ, когда-бы.
Коли́шній—бывшій нѣкогда.
Колоти́ти—мутить.
Ко́мінъ—труба.
Комірець—воротничекъ.
Кона́ння—издыханіе.
Ко́нче — необходимо, непремѣнно; окончательно.
Копа́—50 копѣекъ асс.; въ исчисленіи другихъ предметовъ—60.
Копи́ця—копна.
Коре́ць—ковшъ.
Кори́сть—польза, выгода, пріобрѣтеніе.
Корми́га—ярмо, иго.
Коротéсенька — коротенькая; низкаго роста (о женщ.).
Кори́тись—покоряться.
Корти́ти—манить; корти́ть—подмываетъ (безлично).
Кори́къ—ковшъ.
Кости́рь—токарь.
Кошла́тий — косматый, всклокоченный, растрёпанный.
Коштъ—иждивеніе; издержки; стоимость.
Кощавий—костлявый.
Краве́ць—портной.
Кра́лечка, кра́ля—королева; красная дѣвица.
Кра́марка — купчиха, торгующая краснымъ товаромъ.
Краплистий—съ крапинками, пестрый; крупный и рѣдкій (о дождѣ).
Кра́яти—рѣзать.
Кра́ще—лучше.
Крейдяний—мѣловой.
Кремезний—крѣпкій, неуступчивый.
Кри́вда—неправда.
Крини́ця—колодезь безъ сруба.
Кринічовина—водный ключъ.
Кри́ти—сохранять, прятать.
Кри́тись—скрывать, скрываться.
Кро́къ—шагъ.
Кругловидий—круглолицый.
Кульба́ка—сѣдло.
Ку́па—бугоръ, куча.
Ку́рява—дорожная пыль.
Куто́къ—уголъ.
Кушати (Клим. и на Подоліи)—пробовать.
Кушніръ—скорнякъ, мѣховщикъ.
Кшталтъ—видъ, образъ, способъ; изображеніе, украшеніе.

Ла́годити—чинить, починять.
Ла́годитись — собираться (въ дорогу).
Ладівни́ця—патронташъ.
Ладо́мъ—порядкомъ, какъ слѣдуетъ.
Ладна́ти—прилаживать, изготовлять.

Ладъ—порядокъ, образъ, способъ, ладъ, согласіе.
Ланъ—большая нива.
Ла́со—лакомо; ла́сощі—лакомства.
Лева́да—земля около усадьбы, окопанная рвомъ, въ родѣ конопляника.
Ле́дві—едва.
Ле́жень—лежебокъ, лѣга.
Леліти (о водѣ)—литься, течь тихо и блестя, переливаться.
Лемішъ — плужникъ, рѣзакъ въ плугѣ.
Ле́стний—льстивый.
Лёхъ—погребъ.
Либо́нь — пожалуй, никакъ, чего-добраго, по-видимому.
Листъ—письмо.
Лихи́й—плохой; злой.
Лиши́ти—оставить.
Ліхта́ръ—подсвѣчникъ; ліхта́рня—фонарь.
Лічба́—счетъ.
Лічозіръ—звѣздочетъ.
Ло́кшина, ло́кша—лапша.
Лощі́ти—блестѣть, лосниться.
Лука́—поёмный лугъ.
Лу́снути—треснуть; скоропостижно умереть.
Луча́тись—случаться.
Любі́вий—любимый.
Любле́ний—любимый.
Ляга́ти—ложиться.
Ляка́ти—пугать.

Ма́біть, мабу́ть—видно, вѣроятно, можетъ-быть, должно быть.
Майда́нъ—площадь; мѣсто съ особенно-устроенною печью для добыванія смолы, селитры и пр.
Мана́—призракъ, обольщеніе, обманъ.
Мане́тця—тянетъ.
Манове́цъ—путь безъ дороги, куда глаза глядятъ.
Ману́тись—хотѣть.
Мара́—привидѣніе, страшилище.
Ма́ючи зви́чай—соблюдая приличіе.
Мере́жаний—вышитый ажурно, расписанный въ клѣтки.
Ме́рлий—помершій.
Мете́ликъ—мотылекъ.
Метки́й—живой, подвижной, ловкій.
Метчій—скорѣй.
Ми́ркнуть—ворконуть, болтнуть себѣ подъ носъ, сказать невнятно.
Мисли́вець—гордецъ; охотникъ.
Мисли́вий—самоувѣренный, высокомѣрный; выдумщикъ, затѣйникъ.
Ми́ттю—вдругъ, скоро.
Мізе́рний—жалкій.
Міркува́ти—судить, обсуждать, расчитывать, разсуждать.
Місто—гѡродъ.
Місто—словно, точно.
Місто—бъ—будто-бы.
Місце—мѣсто.
Міцне́нько—крѣпконько.
Міцни́й—крѣпкій, сильный.
Мо́ва—рѣчь, языкъ.
Мовля́вь, мовля́ла—молъ, сказывалъ, сказывала.
Мовъ—точно, будто.
Моги́ла—курганъ.
Молода́—невѣста.
Молоди́—жинихъ и невѣста вмѣстѣ, или супруги во время свадьбы.
Мордова́ти—мучить.
Мото́рний—ловкій, видный, обходительный.
Мру́кати—мурлыкать.
Му́дро—замысловато.
Музи́ка—музикантъ.
Мурова́ти—строить каменное зданіе.
Мурий—пестро-сѣрый, переливчатый.

Набли́жуватись — приближаться, подходить.
Навви́шки (нарѣчіе)—высотою.
На́висть—(Клим.) навѣтъ; клевета.
Навіда́ти—навѣстить.
Навісни́й—сумазбродный.
На́віть—даже.
Навкруги́—вокругъ.
На-впере́йми—на встрѣчу, на-перерѣзъ.
На-вспра́жне, жки—серьёзно.
Нага́дувать—напоминать; въ Западн. Украинѣ—также и припоминать.
Нага́на—осужденіе, посрамленіе.
На́гло—внезапно.
Надво́рі—на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ.
Надійсь—чай, вѣроятно.
Надія—надежда.
На́дто—слишкомъ; особенно.
Нажи́тьця, тись, — насладиться жизнью; долго прожить.
На-зауміру—черезъ мѣру, черезъ чуръ.
Наздогна́ти—догнать, настичь.
Назира́ти — ухаживать, присматривать.
На́зирцемъ—въ наглядку.
Назімокъ—годовалый бычокъ.
На́ймитъ—нанятой работникъ.
На́клепъ—обвиненіе; клевета.
Налляка́тись—напугаться.
Намалюва́ти—нарисовать.
Намену́ти—намекнуть.
Намену́тись—стать говорить, открыть ротъ.
Намі́сто—монисто; ожерелье.

Напакува́ти—наложить, набить, навьючить.
Напе́вно—навѣрняка.
Напри́кладъ (Клим.)—напримѣръ.
Напути́ть—наставить.
Нарекó́ваний, назва́ний,—нареченый.
На́ситъ—насыщеніе, удовлетвореніе.
Насіння—сѣмячки, сѣмена.
Насу́нути—надвинуть.
На́товпъ—натискъ.
Натра́вка— полка въ ружьѣ.
На-умíръ — до смерти, въ конецъ, крайне.
Наха́ба—напасть.
На-чеку́—на сторожѣ.
На́че—будто.
На-шви́дку—на-скоро.
Небіжчикъ—покойникъ.
Небора́къ—бѣдняга.
Невгаву́чий—неустанный, неутолимый.
Не-га́дки — ничочемъ, безразлично, равнодушно.
Нега́йно—немедленно.
Нега́рно—неладно.
Него́да—непогода.
Него́дний—недостойный.
Недба́лий — беззаботный, нестарательный, равнодушный.
Недба́ло—нѣхотя.
Недільний—воскресный.
Недорíдъ—неурожай.
Недýгувати—хворать.
Недýжий—больной.
Незвича́йний—невѣжливый, непристойный.
Нездвиже́нний—непоколебимый.
Нездýжати—быть больнымъ.
Незнаро́шне—нехотя, ненарочно.
Нема́ } нѣтъ.
Нема́е }
Нена́че—какъ будто, точно вотъ.
Необо́рній—неодолимый.
Неодмо́вний — неотказывающійся, неотговаривающійся.
Ненаполо́ханий—незапуганный.
Непе́вний—сомнительный, опасный.
Непо́зибко—твердо, незыблемо.
Непоми́лешний—безошибочный.
Непоро́ки—дурные слухи о комъ.
Непутя́щий—неосновательный, безпутный.
Неруха́мо, непоруха́мо — неподвижно.
Неси́тство (Клим.)—ненасытность.
Нескажи́—точно, будто-бы.
Несподіваний—неожиданный.
Неста́тки — недостатокъ, бѣдность.
Неха́й—пусть,
Неха́й-но—пусть-ка.
Нечутно́—неслышно.
Нина́че—см. Неначе.
Ни́шкомъ—потихоньку, тайно.
Ніби } будто бы.
Ніби-то }
Ні въ-свíті—никогда.
Ніжъ—нежели.
Ніколи—нѣкогда.
Нікóли—никогда.
Нікчéмний—ничтожный.
Ніякóво—неловко, непріятно.
Нуди́тись—скучать, мучиться.

Обвíситись—повѣситься.
Обду́рювати—обманывать.
Обíйма—объятія.
Обíручки—въ охапку, съ силой.
Обíтниця—обѣщаніе.
Обіця́нка—обѣщаніе, обѣтъ.
Обіця́ти—обѣщать.
Обличчє—лицо, образъ.
Обмíркувáтись—осмотрѣться, разсудить.
Обопíльно—взаимно.
Образи́тися — обидѣться, разсердиться.
Обсвíдчитись—ознакомиться, освоиться.
Обси́патись (слёзами) — облиться; осыпаться.
Обуди́тись—проснуться.
Обхопи́ти—обхватить.
Огрядни́й—полный, объемистый.
Одвíдати—посѣтить.
Оджа́лувати—пожертвовать.
Оджартóвуватись—отшучиваться.
Одíбра́ти—получить.
Одказа́ти—отвѣчать.
Одка́зъ—отвѣтъ.
Одкóли,—съ какихъ поръ.
Одмага́тись—отговариватьея.
Одмíни́тись—перемѣниться; одмíнило—перемѣнилось; одмíнити—перемѣнить.
Одмóвити—отвѣчать, отказать.
Одра́зу—сразу.
Одружи́тись—вступить въ супружество.
Одсторонь — въ сторонѣ, къ сторонкѣ.
Одтина́ти—отсѣкать.
Оду́жати—выздоровѣть.
Одягну́тись—одѣться.
Одягни́й—разряженный, разодѣтый.
Одцура́тись — отрѣчься.
Одшука́ти—найти.
Озирну́тись—оглянуться.
Оксами́тъ—бархатъ.
Олíйникъ—производитель постнаго масла.
Ома́на—обольщеніе, обманъ.

Опалъ—запальчивость.
Опівдня—въ полдень.
Опізни́тись—опоздать.
Оположивля́ти—придавать новыя силы, оживлять.
Опо́листий—полный, широкій.
Опоряджа́ти—устроивать.
Освіта—просвѣщеніе.
Ости́ти—наскучать, опостылѣть.
Ось—вотъ.
Отгожа́тись—отлучаться.
Отто́й — вонъ тамъ.
Очере́тъ — тростникъ, камышъ.
Очіпокъ — головной женскій уборъ въ родѣ шапочки, повойникъ.
Очути́тись — очнуться.
(Очу́) очи, въ очу́ — глаза, въ глазахъ (двойственное число).
Ошука́нець — обманщикъ.
Ошука́тись (Клим.) — обмануться; быть обманутымъ.

Пали́ти — жечь, стрелять.
Палкій — пылкій, вспыльчивый.
Палубча́стий візъ — крытый возъ.
Па́нна—барышня
Панімáтка—мать (почтительно), госпожа; попадья.
Папірня—писчебумажная фабрика.
Па́робокъ—парень.
Па́сіка—пчельникъ.
Патирйця—монашескій посохъ.
Па́хощі—благоуханіе, ароматъ.
Па́ша — пастьбище; подножный и зимній кормъ скота.
Пашня́—зерновой хлѣбъ; въ Западной Украинѣ, также и хлѣбъ, стоящій на поляхъ.
Пе́венъ — надёженъ, увѣренъ.
Пе́вно — вѣрно, навѣрно.
Пекéльний — адскій.
Пе́кло — адъ.
Пе́рво — прежде.
Перегля́жувати — переглядывать, осматривать.
Перего́домъ — спустя нѣсколько времени.
Переймáтись — недоставать, нехватать, прерываться.
Пе́реймомъ — съ перерывами,
Переказáти — передать на словахъ.
Перелічи́ти — сосчитать, исчислить.
Перелякáтись — испугаться, перепугаться.
Перемагáти — осиливать, превозмогать.
Пере́скокомъ—скачками, перебѣгая отъ одного предмета къ другому.
Перетрівáти—перенести, вынесть, вытерпѣть.
Перехопи́ти — прервать, перебить рѣчь, подхватить.
Перечу́ти — прослышать, заслышать.
Пе́рше — прежде.
Пикáтий — широколицый, толсторожій.
Пили́пъ — Филипъ.
Пи́льно — пристально.
Питáння — вопросъ.
Питúма — родимая, кормилица.
Пиха́ — гордость, чванство.
Підвести́сь — встать, привстать, приподняться.
Підпáлъ — затапливаніе, поджогъ.
Піддáнка — крѣпостная крестьянка.
Піддáшшє — крыша надъ крыльцомъ.
Підживи́тися — подкрѣпить силы.
Пійма — весенній разливъ рѣкъ.
Піклувáтий — заботливый, попечительный.
Пісьмéнний — грамотный.
Пісьмó — грамота, грамотность, писаніе.
Пісьмó-святé—священное писаніе.
Плáхта — женскій нарядъ, шерстяной, пестрый, клѣтчатый, соотвѣтствующій юбкѣ.
Плохúй—смирный.
По (дівчáтъ)—за (дѣвушками).
Побáчити—увидѣть.
Побідáшъ (Клим.)—бѣдовикъ, бѣднякъ.
Побідéнний—горемычный.
Побиваннє—забота, печаль.
Поблагáти—попросить, умолять (соверш. видъ).
Побóжно—благочестиво,
Побрáтись — вступить въ супружество; отправиться въ путь, въ опредѣленное мѣсто.
Побужáти—будить.
Повáга—вѣсъ, уваженіе.
Повáжний—почтенный; важный.
Повернýтись—воротиться.
Повиновáчений—обвиненный.
Повúнно—должно.
Повідáти (Клим.)—сказывать.
Повікъ—навѣкъ.
Пóвістка—повѣсть, разсказъ.
Повітъ—уѣздъ.
Пóвкупі—совмѣстно, кучею.
Повóдитись—вести себя, держаться.
Погадáти—подумать, позаботиться.
Погáнський (Клим.) — языческій; иновѣрный.
Пóгань—мерзость, дрянь.

Поглузова́ти — посмѣяться, поглумиться; издѣваться. (соверш. видъ).

Погоди́тись — согласиться, условиться, сойтись.

Погоржа́ти (Клим.)—пренебрегать.

Погуби́ти—растерять.

Подивова́ти—подивиться.

Подиви́ти — удивиться (неодобрительно).

Поді́я—поступокъ; продѣлка; порча (о колд.)

Подо́ба, подо́бний—красота, красивый; хорошій.

Подо́бно (Клим.) — кажется; какъ видно.

Поді́ка—благодарность.

Поді́кувати—поблагодарить.

Пожада́тись—пожелаться

Пожалкува́ти—пожалѣть кого; пожаловаться на кого.

Пожартува́ти—пошутить.

Пожите́чний (Клим.)—выгодный.

Пожи́ток—польза.

По-за́втрёму — послѣ-завтра, на третій день.

Позавчо́ра—третьяго-дня.

Позача́нювати—позаторять.

Позга́дувати—припомнить (о мн.).

Позира́ти—посматривать.

Пози́чити—занять, одолжиться.

Покарта́ти—побранить.

Покла́сти—положить; рѣшить.

Покоха́ти—полюбить.

Покра́щати—похорошѣть.

Поку́са—искушеніе.

Поку́та—эпитимія; покаяніе.

Поку́тне ві́кно—окно близь образнаго угла.

Пола́годити—подчинить; исправить.

Поли́ця,—напёлокъ, принадлежность плуга; по́лка въ хатѣ.

Поло́ги—низменныя степныя мѣста.

Поло́хатись—пугаться, полошиться.

Полу́мисокъ — неглубокая миска; блюдо.

Поміркува́ти—поразсудить, похлопотать.

Помірно—умѣренно.

Помо́вкнути — умолкнуть (о многихъ).

Помостити́сь — постлаться.

По́мста (Кл.)—мщеніе.

Поневі́ря́тись—нести на себѣ всеобщее презрѣніе.

По́ночі — въ потьмахъ, безъ свѣта.

Попу́рий—угрюмый, мрачный.

Попя́ти—взять.

Попе́реду—впереди, напередъ, спереда.

Попильнува́ти — постоять за что, поберечь что хорошенько.

Попита́ти—спросить.

Попіклува́тись—похлопотать, поболѣть.

По́пілъ—пепелъ.

По́плічъ — рядомъ, плечо съ плечомъ.

Попола́шитись — струхнуть, растеряться.

Пораж а́ти (Клим.)—совѣтовать.

Пора́да—совѣтъ, утѣшеніе.

Пора́дниця—совѣтчица.

Пора́за—рана.

По́ратись—убирать, готовить, стряпать.

Порікувати—роптать.

По́рохъ—пыль.

Порошйнка—пылинка.

Посвари́тись—поссориться; погрозить.

Посну́ти—уснуть (о многихъ).

Поспита́ти—спросить.

Поспо́льство (Клим.)—простой народъ.

По́стать—видъ, фигура.

Постерега́тись (Клим.)—беречься, думать о будущемъ.

Постерегти́—замѣтить, во-время догадаться.

Постоли́—кожаныя лапти.

По́сторонь—поодаль.

Посумова́ти—потосковать.

По́тайно—тайно.

На-пота́лу (пота́ла) — добыча, истребленіе.

Потамъ,—(опечатка) тамъ.

Пота́нути—растаять.

Потйлиця—затылокъ.

Потйчка (Кл.)—стычка, сраженіе.

Поторо́ча—разбитная; встрёпанная.

Потра́ва—кушанье.

Потра́вка—соусъ.

Потрів а́ти—погодить, повременить.

По-троху—понемногу.

Потура́ти — поблажать, мирволить; спускать кому.

По́части—отчасти.

Почу́ти—услышать.

Похі́пливий—прыткій; охочій.

Похита́ти—покачать.

Поховáти — похоронить; припрятать.

Похо́дити—имѣть сходство; происходить.

Пошйвки—наволочки.

Пошкандиба́ть — поковылять, закостылять (о старческой походкѣ).

Пощастйло—посчастливилось.

Пра́вити — требовать; отправлять (богослуженіе); толковать свое.

Правди́ти — оправдываться, сбываться.

Пра́жній—напрасный, пустой.
Приго́да—несчастье; печальное событіе.
Пригада́ти—припомнить.
Пригорну́тись—приласкаться, прижаться, прильнуть.
Придивля́тись—присматриваться.
Прidóба—удобство.
При́зьба, при́сьпа—зава́линка.
При́ладний—подлипало.
При́мхати—прихотничать.
Припада́ть—приходиться (къ чему).
Припини́тись—пр|остановиться.
Приплю́щовати очи — жмурить глаза.
Приручи́ти—поручить.
Присе́рбитись—поддѣлаться, подлизаться.
Присилувати—принудить.
Присікатись — привязаться, лѣзть кому въ глаза.
Притичина—препятствіе, задержка.
Притули́тись—приклониться, приласкаться прижаться.
Прихи́льний—преданный.
Прізра—подозрѣніе.
Про́бу! — междометіе, выражающее опасность, неудержимость и т. п.
Прова́дити—вести.
Прозо́рий—прозрачный.
Прокинутись—пробудиться.
Промента́читись—промотаться.
Променисти́й—лучезарный.
Про́мінь—лучъ.
Промо́вити—сказать, заговорить.
Просвітчастий—прозрачный.
Про́сто—прямо.
Прохáти—просить.
Прочáне—богомольцы; путешественники.
Проци́ндрити — промотать, спустить.
Прочу́ти—провѣдать, прослышать.
Прудки́й—быстрый, прыткій.
Псува́ти—портить.
Птахъ—большая птица.
Птáство—птицы.
Пу́ща—лѣсная чаща.

Ра́да—совѣтъ; вѣче; помощь.
Ра́дити—совѣтовать.
Радіти—радоваться.
Разо́къ—борозда; слѣдъ, черта.
Ра́зъ-у-разъ, разъ по́разъ—безпрестанно, то и дѣло.
Ра́но—рано; утро.
Ра́нокъ—утро.
Ра́та (Кл.)—рента.
Ра́яти—совѣтовать.
Репетова́ти—кричать.
Рече́нець (Клим.)—срокъ.
Робачо́къ—червячокъ
Розвáжити—развлечь, развеселить, утѣшить.
Розмóва—бесѣда, разговоръ.
Риба́лка—рыбакъ.
Ри́маръ, ли́маръ—шорникъ.
Річи, ре́чи—рѣчи; вещи; дѣла.
Розмо́витись—разговориться.
Розсла́вити—разнести, разсказать.
Розсте́лений—разосланный.
Ро́ки, рікъ—годы, годъ.
Роспоро́шити — раструсить; распустить.
Роспи́тувати—распрашивать.
Рубáти—рубить, сѣчь, колоть.
Руйнова́ти—разрушать.
Руіни—развалины.
Рундучо́къ—крылечко со ступеньками.
Ру́та—растеніе (ruta graveolens).
Ручни́ця,—шниця—ружье.
Ряснúй—густой, обильный плодами (о деревѣ), сильный.
Рятовáтись—спасаться.

Сае́тъ—атласъ.
Самотá—уединеніе.
Самотни́й—одинокій.
Самісінький—самый (превосходная степень при уменьшительной формѣ).
Сварка—ссора.
Свúта—мужская и женская одежда, родь полукафтанья.
Свідокъ—свидѣтель.
Світа́ніе—разсвѣтъ.
Світли́ця—свѣтёлка, комната безъ кухонной печи.
Світло—свѣтъ въ избѣ, освѣщеніе.
Своеу́мка—самодурка.
Свя́то—праздникъ.
Се—это; теперь, вотъ.
Селúдьба—усадьба.
Сúвий—сѣдой; сивéнькій—сѣденькій.
Ситúти медъ—варить медъ.
Сіножáть—сѣнокосъ.
Скара́ти—наказать; казнить.
Скúба—ломоть.
Скúнути (очима)—обозрѣть.
Скипáтись—вскипать (гнѣвомъ).
Скло—стекло.
Скоштува́ти — попробовать, отвѣдать.
Скре́сти — треснуть (о весеннемъ льдѣ), тронуться.
Скрúня—сундукъ.
Скрізь—вездѣ, повсюду.
Слабíшати—ослабѣвать.
Слáвити—толковать, разсказывать.
Сливé—почти.

Слухня́но—послушно.
Слу́шний—надлежащій, полный.
Слу́шно (Клим.) — прилично, слѣдуетъ.
Смільли́вий—смѣлый.
Сміття—соръ.
Смутни́й—грустный, печальный.
Сму́токъ—грусть, печаль, горе.
Смутова́ти } грустить, горевать.
Смуткова́ти }
Снідання—завтракъ.
Сніцарь—колесникъ, каретникъ.
Сотниківна—дочь сотника.
Со́яшний—солнечный.
Спа́докъ—наслѣдство.
Спахну́ти—вспыхнуть.
Списа́ти—срисовать.
Списъ—копье.
Спита́ти—спросить.
Спільность—общеніе.
Сповито́чокъ—пеленки.
Сподіва́ння—надежда, ожиданіе.
Спожи́вокъ—употребленіе (въ пищу).
Спо́ломъ—вмѣстѣ, съ-общà.
Спочува́ти — заслышать (неоконч. видъ), раздѣлять сердцемъ, пережи-вать.
Справди́тись—исполниться.
Спра́вді — въ заправду, въ самомъ дѣлѣ.
Справува́ти (Кл.) — дѣлать, исполнять.
Спра́жній—серьезный, нешуточный.
Става́ти—становиться, происходить, совершаться.
Ставни́й—статный, стройный.
Ста́роста—сватъ.
Ста́токъ (Клим.) — твердое положеніе въ свѣтѣ; скотъ (преимущественно лошади).
Сте́жечка—тропинка.
Стёнжка—застёжка.
Стерегти́сь—беречься, остерегаться.
Стидки́й — безстыжій, постыдный.
Стра́нній—путешественникъ, странникъ.
Стра́ва — приготовленное, вареное или жареное, кушанье.
С ахáтись—пугаться.
рибáти—скакать, прыгать.
(Стріла) Стрінути—встрѣтить.
Стріха — навѣсъ соломеной крыши.
Стрічка—лента, вплетенная въ висячую косу и распущенная съ косы.
Струмо́чокъ—струя, ручеекъ.
Стяга́—полоса.
Сува́ра—торжественный тонъ, внушенія, суровая рѣчь.
Сукні—платье (женское).
Су́мно—уныло; страшно.
Сумова́ння—унынiе, тоска.
Сумова́ти—тосковать, унывать.
Сумъ—унынiе, тоска, страхъ.
Суни́ці—земляника лѣсная,
Супере́чки—побранки, перебранки.
Су́ржикъ — смѣшанный зерновой хлѣбъ, когда къ засѣву новаго хлѣба поднимется прошлогодній.
Схамену́тись—опамятоваться.
Схили́тись—наклониться.
Схільчивий—сговорчивый.
Схну́ти—сохнуть.
Счервоніти—покраснѣть.
Счини́тись—произойти, сдѣлаться.
Ся́ти—сіять.

Та-ба́ — поди же! но увы!
Такъ са́мо, такъ са́ме—такъ точно.
Те́сля — плотникъ.
(Ти́жня) Ти́ждень — недѣля.
Тине́тця — случится (безлично).
Тинъ — плетень, заборъ.
Тиня́тись — слоняться.
Тну́ти — рѣзать; пить; пѣть.
Товари́ство — товарищество, общество.
Това̀ръ — скотъ; товаръ.
Точи́тись — едва тянуться (о разговорѣ).
Тре́ба — надо.
Трівà льний — прочный (Кл.).
Трівà ти — ожидать, терпѣть.
Трима́ти — держать.
Тріпота̀ти — трепетать.
Тро́хи — немного; тро́шки — немножко.
Тру́нокъ — питье, напитокъ.
Турбова̀ти — безпокоить.
Туте́шній — здѣшній.
Тхну́ти — дохну́ть.
Тютю́нъ — табакъ (курительный).
Тя́мити — разумѣть; помнить.

Убійникъ — убійца.
Убрà ння — платье.
Убрà тись — одѣться.
Угле́діти — увидѣть.
У-го́ру — вверхъ.
Удà тний — способный, даровитый.
У-двійзі, двійга — въ-двоемъ, двое.
Уживà ти — имѣть въ употребленіи.
Уідливий—докучливый, несносный, неотвязный, мучительный.
Укривжà ти (Кл.) — обижать, обманывать.
У-ку́пі — вмѣстѣ.
Уня́тливый — внимательный.
Упевня́ти — увѣрять.

Ура́зка — оскорбленіе.
Уря́жений — разряженный.
(Усіма́) уве́сь, ввесь — весь; при полной формѣ, еще существующей у насъ: всей — весь. (Твор. множ. числа).
Уста́ти — встать.
Утішка — удовольствіе, увеселеніе; игрушка.
Ута́ма — усталость, утомленіе.
У-тропі — по слѣду, по слѣдамъ.
У-три́конь — тройкой.
Учини́ти — сдѣлать; заквасить (тѣсто).
Ущи́пливий — колкій.

Фи́ля — волна́.

Хапа́ти — хватать, брать взятки.
Хапки́й — живой, быстрый; жадный, вороватый.
Хапу́га — стяжатель, грабитель, взяточникъ.
Хвилёва́ти — бѣжать волнами, струиться.
Хвили́ночка — минутка, мгновеніе.
Хви́ля — волна; минута
Хиба́ — развѣ.
Хибки́й — гибкій, тонкій [illegible]кій.
Хили́ти—клонить
Химе́ра—мечта; вздоръ.
Химе́рно — фантастически, странно; неосновательно.
Хистъ — способность, дарованіе, умѣнье, расторопность, находчивость.
Хита́ти—качать.
Хліборо́бъ—земледѣлецъ.
Хма́ра—туча, облако.
Хмизъ—сухоподстой.
Хму́рий—сумрачный.
Хова́ти—прятать; хоронить.
Ходи́—походка; похо́дъ.
Холодо́къ—тѣнь.
Хорба́къ (Клим.) — презрительный, худородный.
Хоріти—болѣть, быть больнымъ.
Хрущъ—жукъ (весенній, летающій преимущественно около деревьевъ).
Хтіти (Клим. и въ Подольскомъ нарѣчіи)—хотѣть.
Худо́ба—имущество, добро́; скотъ.
Хурто́вина—вьюга.
Ху́сти—бѣлье́.
Ху́стка—платокъ.
Ху́тко — скоро; хуте́нько, хутчій—скорѣй.

Цу́коръ, су́куръ—сахаръ.
Цвіче́ний (Клим.) — воспитанный; проученный, битый (несчастный слѣдъ. езуитскаго воспитанія).
Цвяхъ—гвоздь.
Це́беръ—кадка.
Цегельникъ—кирпичникъ.
Цика́вий — любопытный; слишкомъ быстрый, нескромный.
Цінува́ти—опѣнивать.
Ціпо́къ—палка.

Ча́сомъ—иногда.
Частова́ти—угощать.
Часъ—время; часъ.
Чванли́вий—самодовольный, чванный.
Че́лядь—сельская молодежь въ сходкахъ для увеселеній; прислуга. Для отличія, въ одной пѣснѣ челядь въ первомъ значеніи названа бѣлою.
(Ченці) чернѣцъ—монахъ, чернецъ.
Черне́цство—монашество.
Чепурни́й — щеголеватый, изящный.
Черво́ний — красный.
Черевики́ъ — башмакъ.
Чередá — стадо изъ смѣшаннаго скота.
Чересло́ — бороздникъ (принадлежность плуга).
Чи — ли (вопрос. частица, ставимая впереди).
Чи здо́ужа — здорова-ли.
Чий — чей.
Чима́лий — довольно большой.
Чима́ло — не мало, довольно.
Чини́ти — дѣлать.
Чоло́ — лобъ, чело.
Чорни́ця — монахиня.
Чо́хла — широкіе концы рукавовъ въ сорочкѣ.
Чу́дно — странно, смѣшно, удивительно, чудно́.
Чудо́вний—чудотворный.
Чудо́вий—чудесный, превосходный.
Чу́йний—сознательный, чуткій.
Чу́тка—слухъ.
Чу́ти—слышать; чувствовать.
Чу́чверіти—изживаться, пропадать, сбиваться въ комки.

Шамки́й—ловкій, поворотливый.
Шану́ва́ти—уважать; угощать.
Шануватись — сохранять свое достоинство, чувствовать дары Божьи, знать честь.
Шапова́ль—шапочникъ (производитель шерстяныхъ шапокъ).
Шата́нський (Клим.)—сатанинскій.
Шва́чка, шва́ля—портниха.
Швець—сапожникъ.
Шви́дко—скоро.
Ше́вський—сапожническій, сапожный.

Ши́бениця—висѣлица.
Шка́па—кляча.
Шко́дити—вредить.
Шкуратя́ний—кожаный.
Шляхъ—дорога.
Шлюбъ (Кл.)—бракъ.
Шмарова́ти (Клим.)—мазать; бить.
Шмато́къ—кусокъ.
Шпиле́чокъ — возвышенность надъ долиной или равниной.
Шпиль—вершина.
Шука́ти—искать.
Шуліка—коршунъ.
Шу́рхнуть—зашелестѣть.

Щасни́ця—счастливецъ.
Щасти́ть—посылать счастье, давать счастіе.
Щи́рий—искренній, вѣрный.
Щи́ро—усердно; вѣрно.
Щи́рость — преданность, вѣрность; искренность.
Щось — что-то; чуть-чуть, немного, нѣсколько.

Юпчи́на—женская одежда въ видѣ корсета, но чаще съ рукавами.
Юрма—толпа.

Яко́го—сколько! какъ много!
Ясно́—ясная погода.
Ясокіръ—осокоръ.

ОПЕЧАТКИ.

На стран.	*стр.*		*напечатано:*	*должно быть:*
1	13	снизу	сиру́	си́ру
9	10—11	сверху	улюблена́.	улю́блена.
10	19	—	своє́го дочко́ю.	своє́ю дочко́ю.
11	1	снизу	пота́нувъ снігъ изъ	пота́ну въ снігъ, изъ
12	17	—	плеска́е....	пле́скае....
12	14	—	пологи́	поло́ги
12	8	—	зака́зано!	завъя́зано!
13	6	сверху	ві́чі	ві́чи
14	13	—	де́	да
14	14	—	ій	ей
15	13	—	швидку́	шви́дку
15	16	—	мисли́вцівъ	мисли́вцівъ
15	18	снизу	стоючи́	сто́ючи
15	18	—	ві́чі	ві́чи
16	14	сверху	поба́чишь	поба́чишъ
16	14	снизу	саме	саме́
17	9	сверху	бучне́	бу́чне
18	6	—	говіркий?	говіркий.
18	9—10	—	десяти́	де́сять
20	4	—	не мовъ	немовъ
20	9	—	мо́вчи́шъ	мовчи́шъ
20	13	—	опени́лася	опини́лася
21	6	—	дзво́нами!	дзвона́ми!
22	13—14	—	люди́мъ	лю́дямъ
22	6	снизу	віже́!...	вже!. .
23	6	сверху	потамъ	тамъ
23	16	—	ме́не.	мене́.
24	14	—	набро́ило	набро́ило
27	2	—	Сегодні	Сего́дні
27	7	—	то́ді	тоді́
27	18	снизу	Катря́	Катря
27	17	—	Ёго	Ёго́
27	17	—	у́лицею	у́лицею
28	2	сверху	годі	го́ді
28	19	снизу	ворітьми	ворітьми́
29	17	сверху	якому́	яко́му
29	19	—	господарство	господа́рство
29	17	снизу	прийме	прийме
33	7	сверху	просто́ро	прозо́ро
36	7	—	визна́лась	ви́знались
36	24	—	Го́лубе́	Го́лубе
36	2	снизу	гуля́нипс	гуля́нне
37	14	—	слізьми	слізьми́
38	7	сверху	було́	були́
38	16	снизу	«тамъ такі білі хмари	«такі білі хма́ри

Центральна Наукова

39	26	—	у трі́йзі	у трійзі́
39	28	—	ши́е́	ши́е
40	7	—	За що́	За́ що
40	12	—	кажу́	кажу́.»
40	5	сверху	обиймае	обіймае
41	1	снизу	журю́ся....	журю́ся.... И почина́ впять таке́ саме и впять. Звісно вже, якъ дівча́та лю́бощі перека́зують ...
42	5	сверху	то́ді	тоді
44	7	—	світо́ве	світове́
46	4	снизу	тя́жк-	тя́жко
47	8	сверху	впно́мъ	вапно́мъ
47	6	—	Иване́нка: якъ	Иваненка... Я́къ
47	21	—	а прода́сть	а про́дажъ
48	18	—	На́ що	Нащо́
48	21	—	у хату, увійшла́	у ха́ту увійшла́
48	29	—	не слу́хала... усе́	не слу́хала... Усе́
50	15	—	Вже я́к мині и за невістку	Вже я́къ мині іі за невістку
51	3	снизу	ду́ма́й	ду́май
54	6	—	нещасла́ва!	нещасли́ва!
55	1	—	дослуха́етця, яка хто, журитця,	дослуха́етця — яка́; хто журитця,
56	5	сверху	холоднова́та	холодова́та
56	10	снизу	Перехони́ла	Перехопи́ла
57	5	—	да́рмо, було́, озива́тися	да́рмо було́ озива́тися
58	13	—	гово́рю́	говорю́
58	17	—	сха́мени́сь	схамени́сь
63	13	—	іде́	іде
65	8	—	мае́	ма́е
65	10	сверху	ози́ва́етця	озива́етця
65	13	снизу	сивіе;	си́ві́е;
74	1	—	підхо́жу горо́ду	підхо́жу відъ горо́ду
80	7	—	усімъ	усіхъ
82	3	—	мене́ мовля́ла.	мене́ вмовля́ла
107	7	—	жонкі	жонки́

Въ объясненіи неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ, на стран. 2, строка 1 снизу, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, вмѣсто словъ: и желала бы напечатано иелалаж бы.

К-107
(68971)

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ СВ. ВЛАДИМІРА И ДЕРПТСКАГО,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова, поступили въ продажу:

Букварь Южнорусскій, составленный Т. Г. Шевченкомъ. Спб. 1861 г. Цѣна 3 коп. за экземпляръ, съ пер. 4 коп.

Кобзарь Тараса Шевченка, съ его портретомъ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Хата. Изд. 2-е, П. Кулиша. Спб. 1860 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

Малорусскій литературный сборникъ. Д. Мордовцова. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Повѣсти Григорія Квитки (Основьяненка). 2 тома. Спб. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Чорна Рада. Хроника 1663 року. Написавъ П. Кулішъ. Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Повѣсти П. А. Кулиша. Новое изданіе въ 4 томахъ. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Украинскіе народные разсказы Марка Вовчка, въ переводѣ И. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. Ц. 50 коп., съ пер. 75 коп.

Богданъ Хмельницкій. Соч. Н. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Малороссіи. Соч. Маркевича. 5 томовъ. М. 1842 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 10 р.

Исторія Малой Россіи. Соч. Бантышъ-Каменскаго, съ портретами, картами и рисунками. 3 тома. Спб. 1842 г. Ц. 7 руб., съ пер. 9 р.

Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Соч. Преосвященнаго Георгія Конисскаго. М. 1846 г. Ц. 10 р., съ пер. 11 р.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана, съ 30 рисунками. М. 1847 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго. М. 1846 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Краткое описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ, собранные чрезъ Бунчуковаго Товарища Петра Симоновскаго 1765 г. М. 1847 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

О Козакахъ. Соч. Н. Маркевича. М. 1859 г. Ц. 25 коп., съ пер. 50 коп.

Дневныя Записки Малороссійскаго Подскарбія Генеральнаго Якова Марковича. М. 1859 г. 2 тома. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 руб.

Архивъ Югозападной Россіи. Томъ I-й. К. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Гадячскаго Полковника Григорія Грабянки. К. 1853 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ, составилъ Самуилъ Величко. 3 большихъ тома. К. 1848—1853 г. Ц. 6 р. 50 к., съ пер. 8 р. 50 к.

Памятники, изданные временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. 4 большихъ тома со множествомъ рисунковъ и палеографическихъ снимковъ. Кіевъ. 1846—1859 г. Ц. 12 р., съ пер. 16 руб.

Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. 5 томовъ. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.

Жизнь Князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. 2 большихъ тома. К. 1849 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Историческое сочиненіе о Малороссіи и Малороссіянахъ. Соч. Г. ф. Миллера. М. 1847 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Литовская церковная унія. Изслѣдованіе М. Каяловича. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Начало Уніи. Соч. Д. Зубрицкаго; перев. съ польскаго А. Майкова. М. 1848 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Записки Преосвященнаго Георгія Конисскаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI вѣка не было никакой Уніи съ Римской Церковью. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Чинъ Православнаго Литовскаго братства. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 коп.

Справа братства церковнаго виленскаго предъ судомъ трибунальнымъ. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Краткая Исторія о бунтахъ Хмельницкаго. Перев. съ польскаго. М. 1847 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Повѣсть о томъ, что случалось на Украйнѣ съ тою поры, какъ она Литвою завладѣна и до смерти Богдана Хмельницкаго. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

О бунтѣ города Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 г. Перев. съ польскаго Н. Янковскаго. М. 1857 г. Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ. Января 5 дня, 1861 года.
Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*